Слѣдующая (августовская) книжка выйдетъ
не позже 15 Сентября.

РУССКОЕ СЛОВО

ІЮЛЬ.

1863

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

См. на оборотъ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

Исторія XIX вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Выпуски 5-й и 6-й. Спб. 1863 г. Л. П—скій.

Сѣверо-американскіе штаты въ 1863 году. В. П. Поповъ.

Библіографическій листокъ.

Юліанъ Шмидтъ. Исторія французской литературы. Томъ I. (Выпуски 1 и 2.) Изданіе Н. Тиблена. СПБ. 1863.—Общая Исторія Италіи съ 1846—50 года. Сочиненіе Дізго Соріа, профессора публичнаго права въ Италіи. Переводъ П. Канчаловскаго. Изданіе В. Висковатова. Томъ I. (Выпускъ I) СПБ. 1863.—Общая естественная исторія насѣкомыхъ. Сочиненіе Кэрби и Спэнса. Перевелъ съ англійскаго седьмаго изданія Андрей Минъ. Изданіе А. И. Глазунова М. 1863.—Зоологія и Зоологическая Хрестоматія въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Анатолій Богдановъ. Изданіе литографіи Безпечнаго и К°. 1862.—Міръ растеній. Опытъ космической ботаники. Сочиненіе Карла Мюллера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею К. Резенера, съ 300 рисунками въ текстѣ. СПБ. Изданіе Вольфа. 1863.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефренъ.

Комическая и серьезная сторона послѣднихъ выборовъ во Франціи — Народная воля, сочиненная въ циркулярѣ г. Персиньи, и дѣйствительное значеніе этой воли.—Перемѣна министерства есть не болѣе, какъ перемѣна именъ.—Умилительная жалоба французскаго правительства на централизацію власти, стѣсняющую частную и общественную дѣятельность.—Наконецъ французскому юношеству дозволено изучать философію.—Взятіе Пуэблы и дальнѣйшіе марши генерала Форе.—Планы Людовика Бонапарта относительно Мексики.—Дикая революція на дикомъ Мадагаскарѣ.—Конституція Мадекассовъ и присяга ей новой королевы, супруги Радамы II.—Намѣреніе императрицы Евгеніи отправиться къ святымъ мѣстамъ и помолиться у гроба Игнатія Лойолы за благоденствіе своего супруга.—Политика Англіи въ отношеніи къ Польшѣ и къ Бразиліи.—Продолженіе сѣверо-американской войны.—Съѣздъ нѣмецкихъ правителей во Франкфуртѣ.—Борьба буржуазіи и юнкеровъ въ Пруссіи.

См. на оборотѣ.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

РУССКАГО СЛОВА.

По случаю пріостановленія «РУССКАГО СЛОВА» на 8 мѣсяцевъ въ прошломъ 1862 году, Редакція почла долгомъ немедленно приступить къ удовлетворенію своихъ подписчиковъ за недоданныя книжки журнала. Съ этою цѣлью она повѣстила каждаго изъ тѣхъ своихъ подписчиковъ, адресы которыхъ были извѣстны Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», особеннымъ письмомъ, предложивъ на выборъ слѣдующіе три способа удовлетворенія: 1) или получить обратно деньги — 7 р. за недоданныя книжки; 2) или принять нижеозначенными изданіями на сумму, равную 7 р.; 3) или оставить слѣдующія къ возврату деньги на 1863 годъ, въ счетъ будущей подписки на «РУССКОЕ СЛОВО», изданіе котораго, по истеченіи запретнаго срока, должно было возобновиться съ 1 февраля настоящаго года. Срокъ удовлетворенія былъ назначенъ отъ іюля по 1 декабря, т. е. впродолженіи пяти мѣсяцевъ; по мнѣнію нашему этого времени было совершенно достаточно для заявленія желанія или требованія со стороны каждаго подписчика, какъ бы мѣстожительство его отдаленно ни было.

Кромѣ этого предложенія, сдѣланнаго въ особенныхъ письмахъ, адресованныхъ на имя каждаго подписчика, Редакція по нѣскольку разъ объявила о тѣхъ же условіяхъ во всѣхъ болѣе распространенныхъ газетахъ. Большинство гг. подписчиковъ благоволило отвѣтить Редакціи своевременно, оставить слѣдующія къ возврату деньги въ счетъ подписки на 1863 годъ. Нѣкоторые пожелали получить изданіями, которыя и были высланы имъ; потребовавшіе обратно деньги были удовлетворены согласно ихъ требованію.

Но не смотря на многія публикаціи и частныя письма, нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ до сихъ поръ не извѣстили Редакцію ни о своихъ адресахъ, ни о своемъ желаніи получать «РУССКОЕ СЛОВО». Не зная адресовъ (старые могли въ теченіе 8 мѣсяцевъ

---

*) Изданія, предложенныя для удовлетворенія гг. подписчиковъ, были слѣдующія: **Сочиненія А. Островскаго**, въ 2 большихъ томахъ, 3 р., съ пересылкою 3 р. 75 к. **Сочиненія А. Майкова**, въ 2 томахъ, 2 р., съ пересылкой 2 р. 75 к. **Повѣсти и разсказы М. Л. Михайлова**, въ 2 томахъ, 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к. **Сочиненія И. Панаева**, въ 4 томахъ, 3 р., съ пересылкой 4 р. 50 к. **Сочиненія Л. Мея**, въ 3 томахъ, 3 р. съ пересылкой 4 р. 50 к. **Памятники старинной русской литературы**, составленные подъ редакціей г.г. Костомарова и Пыпина, въ 2 большихъ выпускахъ, 3 р. съ пересылкой 3 р. 75 к. На всѣ эти изданія, отлично выполненныя въ типографскомъ и хозяйственномъ отношеніи сообразно крайне-умѣреннымъ схъ цѣнамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны. Та же уступка идѣлана и при удовлетвореніи гг. подписчиковъ за недоданныя книжки «РУССКАГО СЛОВА».

измѣниться), Редакція не рѣшилась высылать таковымъ подписчикамъ самый журналъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ нихъ извѣщенія *куда* и *на чье имя* адресовать его. Между тѣмъ въ последнее время мы получили нѣсколько писемъ, въ которыхъ упрекаютъ насъ будто бы за недовѣріе тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ мы не получили никакихъ отвѣтовъ и поэтому не выслали имъ «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ. Такой упрекъ намъ кажется неосновательнымъ. Если главная Контора пріостановила высылку тѣмъ изъ нихъ, которыхъ мѣстожительство не было заявлено ей, то это вовсе не потому, что не были получены отъ нихъ въ свое время добавочные 7 р., а по той очень понятной причинѣ, что Редакція доселѣ не знаетъ, кому и куда слѣдуетъ посылать книжки. Положимъ, что подписчикъ X получалъ «РУССКОЕ СЛОВО» въ 1862 году въ городѣ N; старый его адресъ въ книгахъ Конторы сохранился; но почему же знать, что и въ 1863 году господинъ X находится въ томъ же городѣ N? Вотъ это-то обстоятельство и заставило Редакцію пріостановить высылку журнала тѣмъ изъ подписчиковъ, которые не озаботились сообщить свои адресы своевременно. О недовѣріи же здѣсь не можетъ быть и помину.

Поэтому еще разъ просимъ покорнѣйше господъ, не отвѣтившихъ намъ доселѣ, прислать ихъ адресы, по которымъ и вышлются имъ книжки «РУССКАГО СЛОВА».

Съ тѣмъ вмѣстѣ Главная Контора «РУССКАГО СЛОВА» проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ, которымъ уже высылается «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ и которые не доплатили 7 р. къ оставшимся отъ прошлаго года, поспѣшить высылкою этихъ денегъ. Въ противномъ случаѣ Главная Контора, опять не зная положительно — желаютъ ли они получать журналъ за весь 1863 годъ или ограничатся полученіемъ только первыхъ шести книжекъ, будетъ поставлена въ затрудненіе рѣшить этотъ вопросъ. Высылка же денегъ разрѣшитъ наше сомнѣніе и доставка книжекъ будетъ продолжаться безостановочно.

Для скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ и требованій со стороны гг. подписчиковъ, подписавшихся въ книжныхъ магазинахъ, Редакція повторяетъ свою просьбу относиться съ этими жалобами и требованіями прямо въ Редакцію «РУССКАГО СЛОВА» (адресъ ея почтовому вѣдомству извѣстенъ). Только тогда можно расчитывать на безотлагательное исполненіе просьбъ иногородныхъ подписчиковъ и на своевременные отвѣты по ихъ письмамъ.

РУССКОЕ СЛОВО

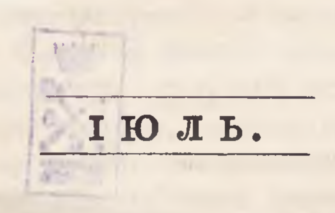
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1863.

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ. 30 августа 1863 г.

НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА.

I.

Осенью 1856-го года, я поступилъ въ одинъ изъ нашихъ университетовъ. Осенью 1861 года я оставилъ этотъ университетъ съ кандидатскимъ дипломомъ. Я упоминаю теперь же объ этомъ фактѣ, чтобы сразу зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Если я кандидатъ, стало быть университетъ обошелся со мной очень милостиво, стало быть я не имѣю никакого основанія къ личной непріязни противъ университета, стало быть читатель можетъ довѣрять моимъ показаніямъ настолько, насколько принято въ обществѣ вѣрить порядочному человѣку, разсказывающему о такомъ обстоятельствѣ, въ которомъ онъ не имѣетъ причины быть пристрастнымъ. Я выставилъ также цифру годовъ, чтобы показать читателю, что я еще человѣкъ молодой, и слѣдовательно могу говорить о своихъ студенческихъ годахъ, не поддаваясь тому сантиментальному стремленію къ идеализированію, которое обыкновенно дѣйствуетъ въ людяхъ пожилыхъ, когда эти почтенные люди въ назиданіе младшимъ братьямъ или потомкамъ перебираютъ свои юношескія воспоминанія. Не прошло еще двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ университета, стало быть всѣ главнѣйшіе факты моей тогдашней

умственной жизни сохранились у меня въ памяти во всей своей свѣжести. Мнѣ незачѣмъ добавлять художественнымъ творчествомъ какія нибудь забытыя черты или подробности. Я заранѣе могу дать читателю торжественное обѣщаніе, что не сочиню ни одной сцены, не выдумаю для украшенія моихъ воспоминаній ни одного разговора. Вслѣдствіе этого, воспоминанія мои потеряютъ, можетъ быть, въ отношеніи къ занимательности, но эта потеря съ избыткомъ будетъ вознаграждена тѣмъ, что они выиграютъ въ отношеніи къ строгой исторической вѣрности. Все вниманіе мое будетъ сосредоточено только на одной сторонѣ студенческой жизни, именно на отношеніяхъ студента къ наукѣ и на дѣятельности профессоровъ, какъ посредниковъ между алчущими и жаждущими умами съ одной стороны, и умственною пищею, заключенною въ различныхъ фоліантахъ, съ другой стороны. Отношенія студентовъ между собою, различныя проявленія молодой умственной жизни, студенческіе кружки, ихъ горячіе споры, ихъ искреннія вѣрованія и честныя стремленія, классическое «Gaudeamus igitur, отъ котораго встрепенется сердце всякаго бывшаго студента,—вся эта поэзія юности останется въ сторонѣ; я пишу серьёзный очеркъ и хочу сохранить въ настоящую минуту полную умственную трезвость; я хочу безпристрастно взглянуть на нашу университетскую науку, и потому съ суровостью, достойною древняго римлянина, отталкиваю отъ себя все то, что подкупаетъ умъ и разнѣживаетъ чувство. Затѣмъ, попросивши у читателя извиненія за длинное вступленіе, я на всѣхъ парусахъ вступаю въ бурное и негостепріимное море моего трезваго и суроваго изложенія.

II.

Итакъ я студентъ. Позади меня, въ близкомъ прошедшемъ, лежитъ побѣжденная груда личныхъ враговъ моихъ, груда тѣхъ учебниковъ, которыхъ сумма называется въ совокупности гимназическимъ курсомъ. Надъ этою хаотическою грудою поверженныхъ и безсильныхъ противниковъ, какъ символъ примиренія и прощенія, сіяетъ кроткимъ и умилительнымъ блескомъ, первая серебряная медаль съ изображеніемъ богини мудрости и съ многозначительною надписью

«преуспѣвающему». Видя, что я преуспѣвалъ и въ гимназіи, читатель долженъ осязательно чувствовать, какъ возрастаетъ въ немъ уваженіе къ моей особѣ и довѣріе къ моему преспристрастію. Внѣшніе результаты моего пребыванія въ гимназіи оказываются блистательными; внутренніе результаты поражаютъ неприготовленнаго наблюдателя обиліемъ и разнообразіемъ собранныхъ свѣденій: логарифмы и конусы, усеченныя пирамиды и неусѣченные параллелепипеды перекрещиваются съ гекзаметрами Одиссеи и съ асклепіадовскими размѣрами Горація; рычаги всѣхъ трехъ родовъ, ареометры, динамометры, гальваническія батареи приходятъ въ столкновеніе съ Навуходоносоромъ, Митридатомъ, Готфридомъ Бульонскимъ и нескончаемыми рядами цифръ, составляющихъ неизбѣжное хронологическое украшеніе слишкомъ извѣстныхъ историческихъ произведеній гг. Смарагдова, Зуева и Устрялова. А города, а рѣки, а горныя вершины, а германскій союзъ, а неправильные греческіе глаголы, а удѣльная система и генеалогія Іоанна Калиты! И при всемъ томъ мнѣ только шестнадцать лѣтъ, и я все это превозмогъ, и превозмогъ единственно только по милости той драгоцѣнной способности, которою обильно одарены гимназисты. Тою же самою способностью одарены вѣроятно въ той же степени кадеты и семинаристы, лицеисты и правовѣды, да и вообще все обучающееся юношество нашего отечества. Эта благодатная способность не что иное, какъ колоссальная сила забвенія. Лермонтовскому демону, какъ извѣстно, не было дано этой силы, и Лермонтовъ, упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, прибавляетъ даже что:

«Онъ и не взялъ бы забвенья».

Не мудрено. Но откуда взять. Вся вода рѣки Леты, съ той самой минуты, какъ ее перестали пить души, вступающія въ елисейскія поля, стала расходоваться на обучающееся юношество, которое съ истинно юношескою жадностію упивается ея живительными струями. Юношество понимаетъ, что эта магическая вода представляетъ для него единственное средство спасенія. Только при помощи ея, оно выдерживаетъ свои многочисленные экзамены; и при ея же помощи оно, выдержавши послѣдній свой экзаменъ, навсегда очищаетъ свою голову отъ переполняющихъ и засоряющихъ ее ингредіентовъ. Во время учебнаго года гимназистъ удерживаетъ заразъ въ своей голо-

вѣ только тотъ маленькій кусочекъ каждой учебной книги, который учитель въ ближайшій классъ можетъ потребовать къ осмотру; въ одно время въ его мозгу живутъ, независимо другъ отъ друга, кусочки разныхъ предметовъ; такъ какъ ни одинъ предметъ не вмѣщается въ мозгу въ своей цѣлости, то эти кусочки живутъ и шевелятся сами по себѣ, безъ всякой связи съ цѣлымъ, такъ точно какъ живутъ и шевелятся сами по себѣ куски разрѣзаннаго земляного червяка. Когда наступаетъ пора экзаменовъ, тактика немедленно перемѣняется; эйнъ-цвей-дрей: куски разрѣзаннаго червяка сбѣгаются и сростаются въ надлежащемъ порядкѣ. Начинается церемоніальный маршъ червяковъ черезъ мозги гимназистовъ; по порядку, назначенному въ росписаніи экзаменовъ, проходятъ предметы одинъ за другимъ, и самъ гимназистъ испытываетъ рядъ изумительнѣйшихъ превращеній: сегодня онъ Архимедъ, черезъ три дня — Цицеронъ, черезъ недѣлю— Гомеръ; наконецъ весь этотъ рядъ метаморфозъ завершается тѣмъ, что увѣнчанный лаврами тріумфаторъ, гордость и цвѣтъ гимназіи—превращается въ юнаго тельца, увозится на каникулы въ деревню и тамъ *нагуливаетъ* жиръ, утраченный во время осеннихъ, зимнихъ и весеннихъ трудовъ и передѣлокъ. Тутъ уже забывается все до послѣдней капли; растительная жизнь вступаетъ во всѣ свои права; гимназистъ стоитъ на развалинахъ своего ученаго величія, и вспоминая свою недавнюю славу, утѣшается тою мыслію, что именно такое же оскорбительное превращеніе досталось нѣкогда на долю Навуходоносора, наполнявшаго всю переднюю Азію славою своего царственнаго имени и шумомъ своего побѣдоноснаго оружія. Если сила забвенія дѣйствуетъ съ непобѣдимымъ успѣхомъ во время переходныхъ экзаменовъ, то она дѣйствуетъ на выпускномъ экзаменѣ въ семь разъ успѣшнѣе. Сдавши напримѣръ выпускной экзаменъ изъ исторіи и приступая къ занятію математикою, юноша разомъ вытряхиваетъ изъ головы имена, годы и событія, которы онъ еще наканунѣ лелѣялъ съ такимъ увлеченіемъ; приходится забыть не какой нибудь уголокъ исторіи, а какъ есть все, начиная отъ Китайцевъ и Ассиріанъ и кончая войною Американскихъ колоній съ Англіею (*). Какъ совершается

(*) Дальше этого пункта не простирались наши историческія познанія. Сносходя къ нашей отроческой невинности, педагоги набрасывали завѣсу на послѣднія событія XVIII столѣтія.

это удивительное физiологическое отправленiе—не знаю, но что оно дѣйствительно совершается—это я знаю по своему личному опыту; этого не станетъ отвергать никто изъ читателей, если только онъ захочетъ заглянуть въ свои собственныя школьныя воспоминанiя. Быть можетъ, нѣкоторые педагоги, ревниво оберегающiе честь своихъ гимназiй, отнесутся къ моей идеѣ, какъ къ легкомысленному произведенiю праздной фантазiи, и скажутъ рѣшительно и гордо, что ихъ воспитанники учатъ уроки и выдерживаютъ экзамены, не прибѣгая ни въ какомъ случаѣ къ пособiю благодатнаго забвенiя. Такимъ довѣрчивымъ воспитателямъ лукаваго юношества я тотчасъ укажу вѣрное средство испытать своихъ питомцевъ и убѣдиться въ практическомъ значенiи моихъ словъ. Положимъ, что сегодня, 21 мая, экзаменъ изъ географiи происходитъ блистательно. Проходитъ два дня, 24-го числа тѣ же воспитанники приходятъ экзаменоваться изъ латинскаго языка. Пусть тогда педагогъ, считающiй меня фантазеромъ, объявитъ юношамъ, что экзамена изъ латинскаго языка не будетъ, а повторится уже выдержанный экзаменъ изъ географiи. Вы посмотрите, что это будетъ. По рядамъ распространится паническiй страхъ; будущiе друзья науки увидятъ ясно, что они попали въ засаду; начнется такое избiенiе младенцевъ, какого не было со временъ нечестиваго царя Ирода; кто 21-го мая получилъ 5 балловъ, помирится на трехъ, а кто довольствовался тремя, тотъ не скажетъ ни одного путнаго слова. Если моя статья попадется въ руки обучающемуся юношѣ, то этотъ юноша будетъ считать меня за самого низкаго человѣка, за перебѣжчика, передающаго въ непрiятельскiй лагерь тайны бывшихъ своихъ союзниковъ Разсуждая такимъ образомъ, юноша обнаружитъ трогательное незнанiе жизни; онъ подумаетъ, что педагоги когда нибудь дѣйствительно воспользуются моимъ коварнымъ совѣтомъ. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ. Воспользоваться моимъ совѣтомъ значитъ нанести смертельный ударъ существующей системѣ преподаванiя и, слѣдовательно, обрѣчь себя на изобрѣтенiе новой системы. Конечно, наши педагоги никогда не доведутъ себя до такой печальной для нихъ катастрофы.

III.

«Чѣмъ же однако нехороша теперешняя система преподаванія?» спрашиваетъ недоумѣвающій читатель. — А кто же вамъ, м. г., говоритъ, что она нехороша, отвѣчаю я. Я вамъ докладываю только, что она имѣетъ нѣкоторыя своеобразныя достоинства, вслѣдствіе которыхъ благодать забвенія становится необходимою. Главное достоинство, отъ котораго зависятъ уже всѣ остальныя, состоитъ въ томъ, что различные предметы не связываются въ общій циклъ знаній, не поддерживаютъ другъ друга, а стоятъ каждый самъ по себѣ, стараясь вытѣснить своего сосѣда. Математика наровитъ обидѣть исторію, которая въ свою очередь съ угрожающимъ видомъ наступаетъ на латинскую ґраматику. Каждый предметъ бываетъ то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ; исторія ихъ безконечныхъ раздоровъ составляетъ исторію умственной жизни каждаго гимназиста; мозгъ ученика — вѣчное поле сраженія, а пора экзаменовъ — время самыхъ истребительныхъ войнъ между отдѣльными предметами. Буйные нравы этихъ задорныхъ предметовъ вносятся даже въ нѣдра семейства, въ группу родственныхъ предметовъ, которые въ силу своего родства должны были бы жить въ добромъ согласіи и защищать другъ друга противъ благодати забвенія. Семья математическихъ наукъ представляетъ поучительный примѣръ такихъ бѣдственныхъ междоусобій. Геометрія въ грошъ не ставитъ алгебру, и обѣ онѣ также враждебно смотрятъ на тригонометрію, какъ на какую нибудь греческую грамматику. Что же касается до арифметики, то на нее старшіе члены математической семьи и смотрѣть не хотятъ. Она — Сандрильона семейства; объ ней стараются забыть, и дѣйствительно забываютъ, вплоть до самого выпускного экзамена, на которомъ, какъ на страшномъ судѣ, должно выдти на свѣтъ все, что было затаено въ глубинѣ преступной совѣсти. На выпускномъ экзаменѣ дѣйствительно произошла такая драматическая коллизія между арифметикою и ея старшими сестрами, такая, говорю я, коллизія, которая привела меня въ трепетъ. Намъ приходилось брать четыре билета (изъ арифметики, изъ алгебры, изъ гео-

метріи и изъ тригонометріи),—экзаменовали насъ нѣсколько учителей разомъ, на двухъ противоположныхъ концахъ большой залы; я на одномъ концѣ преодолѣлъ тригонометрію, и побѣдоносно раздѣлавшись съ синусами и такгенсами, перешелъ на другой конецъ отвѣчать изъ арифметики. Я былъ увѣренъ въ полномъ успѣхѣ, но вдругъ задумался надъ отношеніями и пропорціями, да такъ задумался, что весь экзаменъ сталъ казаться моему смущенному уму горькой и неумѣстной шуткой слѣпой судьбы. Я окончательно сѣлъ на мель, такъ что учитель, преподающій въ младшихъ классахъ, принужденъ былъ превратить экзаменъ въ лекцію и объяснить мнѣ, второму ученику седьмого класса, тѣ истины, которыя онъ внушалъ своимъ двѣнадцатилѣтнимъ слушателямъ. Кроткій ликъ моей будущей медали отуманился легкимъ облакомъ, и меня выручило только то обстоятельство, что за математику полагалась одна общая отмѣтка, составлявшая средній выводъ изъ четырехъ частныхъ балловъ. Скромность моихъ арифметическихъ познаній прошла такимъ образомъ незамѣченною и потонула въ лучахъ моей алгебраической, геометрической и тригонометрической славы. Но дѣло не въ томъ. Вы вглядитесь въ разсказанный фактъ и тогда вы увидите, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ мыслящіе люди, которые утверждаютъ, что математика развиваетъ силу мышленія и что математическія науки представляютъ непрерывную цѣпь истинъ, вытекающихъ одна изъ другой по логической необходимости. У насъ математика есть не что иное, какъ собраніе сочиненій Боско или Пинети; это рядъ удивительныхъ фокусовъ, придуманныхъ Богъ знаетъ зачѣмъ, и Богъ знаетъ какою эквилибристикою человѣческаго мышленія. У каждаго фокуса есть свой особенный ключъ, и эту сотню ключей надо осилить памятью, тою же самою памятью, которою осиливаются историческія и географическія имена. Доказывая геометрическую теорему, гимназистъ только притворяется, будто онъ выводитъ доказательства одно изъ другого; онъ просто отвѣчаетъ заученный урокъ; вся работа лежитъ на памяти, и тамъ, гдѣ измѣняетъ память, тамъ оказывается безсильною математическая сообразительность, которую вы, благодушный педагогъ, уже готовы были предположить въ вашемъ рѣчистомъ ученикѣ. Конечно, если вы перемѣните буквы чертежа, если вмѣсто треугольника ABC дадите треугольникъ LOR, то ученикъ докажетъ и поэтому треугольнику,—но вы этимъ не обольщайтесь; это покажетъ вамъ только, что отрокъ заучилъ не буквы, а

фигуру чертежа, потому что буквы заучиваютъ только тѣ нищіе духомъ, которые учатъ слово въ слово исторію, географію и другіе литературные предметы. Такія личности уже переводятся въ гимназіяхъ. А вы попробуйте измѣнить фигуру; предложите, напримѣръ, вмѣсто остроугольника—тупоугольникъ, или устройте такъ, чтобы заинтересованный въ доказательствѣ уголъ глядѣлъ не въ стѣну, какъ ему велѣно глядѣть по учебнику геометріи, а хоть бы въ полъ или въ потолокъ. Сдѣлайте такъ, и я вамъ ручаюсь, что изъ десяти бойкихъ геометровъ пятаго класса, девять погрузятся въ безплодную и мрачную задумчивость. Они съ краской стыда на лицѣ сознаются вамъ, что «у нихъ этого нѣтъ,» и если вы немножко психологъ, то вамъ сдѣлается отъ души жалко бѣдныхъ юношей; вы поймете, что въ эту минуту ихъ законное самолюбіе страдаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ если бы поймали на крупной шалости или уличили въ небрежности къ заданному уроку; имъ приходится признаться въ умственномъ безсиліи, въ безсиліи, произведенномъ искусственными средствами, и они сами смутно чувствуютъ, что они могли бы быть сильнѣе и что ихъ мѣстная тупость находится въ какой-то роковой связи съ своеобразными достоинствами системы преподаванія. Теперь намъ хорошо писать панегирикъ этой системѣ, но надо помнить, что она еще не отошла въ вѣчность и что было время, когда эта система была для насъ неотразимымъ рокомъ; мы изнемогали подъ ударами учебниковъ, мы чувствовали иногда, что тупѣемъ, а между тѣмъ исхода не было; отступленіе было невозможно. Именно такую тяжелую минуту сознательности переживутъ тѣ девять геометровъ, которымъ не понравится, чтобы уголъ отъ созерцанія стѣны перешелъ къ разсматриванію потолка. Если же они благополучно выпутаются изъ предложеннаго испытанія, тогда я не шутя совѣтую старшему педагогу, имѣющему власть, обратить все свое вниманіе на учителя математики и отмѣтить его въ своихъ начальническихъ соображеніяхъ, какъ опаснаго человѣка и безпокойнаго реформатора. Не сѣтуйте на меня, читатель, за то, что я такъ долго говорилъ о математикѣ, и не удивляйтесь тому, что я вовсе не буду говорить о другихъ предметахъ гимназическаго курса. Отъ другихъ предметовъ и требовать нечего, но математика—наука великая, замѣчательнѣйшій продуктъ одной изъ благороднѣйшихъ способностей человѣческаго разума. Профанированіе математики есть преступленіе передъ разумомъ, преступленіе, за которое несемъ на-

казаніе мы, невинныя жертвы своеобразныхъ достоинствъ. Если у насъ нѣтъ въ обществѣ строгихъ мыслителей, если наши критическія статьи бываютъ похожи на соображенія Кифы Мокіевича, если наши оптимисты смахиваютъ на Манилова, а добродѣтельные либералы на Ситникова, то всѣ эти привычныя намъ чудеса происходятъ между прочимъ и отъ того, что чистую и прикладную математику мы одолѣваемъ памятью, а размышлять учимся впослѣдствіи, погружаясь въ историческія теоріи, въ философскія системы, въ юридическія фикціи, въ теологическія гипотезы и въ разныя другія извинительныя шалости досужаго и игриваго человѣческаго ума. Мы мыслимъ афоризмами и отъискиваемъ истину чутьемъ и инстинктомъ; исторія превратилась подъ нашими руками въ нравоучительный романъ, преслѣдующій разныя заднія мысли, иногда хорошія, часто очень дурныя, но во всякомъ случаѣ неотносящіяся къ настоящему дѣлу; философія до сихъ поръ предъявляетъ права тираническаго господства надъ такими смирными умами, которые совершенно неподвижны въ покушеніи мыслить; юридическая литература вся наголо состоитъ изъ причитаній о законности и вмѣняемости, изъ причитаній, которыхъ авторы поклялись торжественною клятвою никогда не отдавать отчета ни себѣ, ни другимъ — въ томъ, что такое законность и до какихъ предѣловъ должна простираться вмѣняемость. Натуралисты наши, послѣдователи Мильнъ-Эдвардса и Катрфажа, до сихъ поръ любуются жизненною силою, толкуютъ о цѣляхъ въ природѣ и непритворно гордятся тѣмъ, что самый глупый человѣкъ все-таки умнѣе и привлекательнѣе самой умной обезьяны. Всѣ эти историки, метафизики, юристы и натурфилософы, составляющіе многочисленный и разнообразный классъ нашихъ филистеровъ, постоянно говорятъ и пишутъ, постоянно ссорятся и мирятся между собою, коварно соболѣзнуютъ другъ о другѣ, или дружелюбно свидѣтельствуютъ другъ другу свое почтеніе. Но человѣческая мысль сильна; порою вся пестрая сцена, набросанная мною въ послѣднихъ строкахъ, внезапно освѣщается яркимъ лучомъ чьей нибудь неиспорченной мысли; тогда на лицахъ филистеровъ изображается недоумѣніе, безвредные споры ихъ умолкаютъ, взаимныя любезности прекращаются, въ пробившемся лучѣ мысли они всѣ чуютъ общаго врага, — составляется общій хоръ, и всѣ историки, юристы, политико-экономисты, метафизики и натурфилософы ревутъ благимъ матомъ, что новая мысль совсѣмъ даже не мысль, а просто поку-

шеніе на ихъ личную и имущественную безопасноттъ, и хуже того— преступное посягательство па величіе патентованной науки, которая одинако дорога имъ всѣмъ, какъ общая кормилица и вѣчная дойная корова.

Прислушайтесь, читатель, къ этому плачу и скрежету зубовъ, прислушайтесь и подумайте: вѣдь было же время, когда всѣ эти мужи науки и брани были сами юными геометрами; было время, когда они, съ мѣломъ въ рукахъ, стояли у школьной доски, краснѣли отъ стыда и досады и сознавали съ мучительною ясностью, что память ихъ напрягается до истощенія силъ и что, въ это самое время, непробужденная и неразвитая способность мышленія не можетъ ни на одну минуту поддержать и выручить ихъ въ борьбѣ съ неожиданными препятствіями. Теперь они это забыли; теперь на ихъ улицѣ праздникъ; теперь они заставляютъ краснѣть другихъ геометровъ, и работая въ обществѣ и въ литературѣ, словомъ и перомъ отстаиваютъ «своебразныя достоинства», отъ которыхъ имъ самимъ во время оно приходилось жутко солоно. Усилія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ: наша учащаяся молодежь, воспользовавшись плодами ученія, распадается на двѣ рѣзко обозначенныя категоріи: направо идутъ овцы, неспособныя краснѣть; налѣво козлища, весьма способныя краснѣть, шалить и лѣниться. Первыя спокойно и радостно тупѣютъ, вторыя злятся и кусаютъ ногти. Изъ первыхъ выходятъ примѣрные чиновники; изъ вторыхъ широкія натуры и иногда даровитые дѣятели. Разстояніе между тѣми и другими увеличивается съ каждымъ годомъ; различіе между обѣими категоріями постоянно становится глубже; несмотря на то, бываютъ иногда и такіе случаи, что геометръ, зачисленный въ овцы и постоянно считавшій себя овцою, вдругъ открываетъ въ себѣ козлиныя свойства и наклонности, и сдѣлавъ такое открытіе, немедленно перебѣгаетъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ. Случается и наоборотъ, тѣмъ болѣе, что овцою быть выгодно и пріятно.

IV.

Я принадлежалъ въ гимназіи къ разряду овецъ; я не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменахъ отвѣчалъ красноречиво и почтительно, и въ награду за всѣ эти несомнѣнныя достоинства былъ признанъ «преуспѣвающимъ». Хотя я до сихъ поръ не сообщилъ фактическихъ подробностей о степени моего развитія, но я осмѣливаюсь думать, что изъ всего того, что я наговорилъ, проницательный читатель уже составилъ себѣ приблизительное и притомъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что я смыслилъ при поступленіи моемъ въ университетъ, скажу я ему еще, что любимымъ занятіемъ моимъ было раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрованныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ романы Купера и особенно очароватетьнаго Дюма. Пробовалъ я читать исторію Англіи Маколея, но чтеніе и подвигалось туго и казалось мнѣ подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія естественныхъ силъ. На критическія статьи журналовъ я смотрѣлъ, какъ на кодексъ іероглифическихъ надписей, прилагавшійся къ книжкѣ исключительно по заведенной привычкѣ, для вида и для счета листовъ; я былъ твердо убѣжденъ, что этихъ статей никто понимать не можетъ и что природѣ человѣка совершенно несвойственно находить въ чтеніи ихъ малѣйшее удовольствіе. Я долженъ признаться, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ журналамъ я даже до сего дня не исцѣлился отъ этого спасительнаго заблужденія.

Впрочемъ, это въ скобкахъ. Началъ я также, будучи ученикомъ седьмого класса, читать «холодный домъ», одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ романовъ Диккенса, и не дочиталъ. Длинно такъ, и много лицъ, и ничего не сообразишь, и приключеній никакихъ нѣтъ, и шутитъ такъ, что ничего не поймешъ; такъ на томъ и оставилъ, порѣшивъ что «Les trois mousquetaires» не въ примѣръ занимательнѣе. Ну, а русскіе писатели—Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ? Читатель, мнѣ стыдно за моихъ домашнихъ воспитателей, стыдно и за себя—зачѣмъ я ихъ слушалъ... Русскихъ писателей я зналъ только по именамъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего вре-

мени» считались произведеніями безнравственными, а Гоголь писателемъ сальнымъ и въ порядочномъ обществѣ совершенно неумѣстнымъ. Тургеневъ допускался, но конечно я понималъ его также хорошо, какъ понималъ геометрію, Маколея и Диккенса. «Записки охотника» ласкали какъ-то мой слухъ, но остановиться и задуматься надъ впечатлѣніемъ было для меня немыслимо. Словомъ, я шелъ путемъ самого благовоспитаннаго юноши... А между тѣмъ, что-то манило меня въ университетъ, въ словахъ «студентъ, профессоръ, аудиторія, лекція» заключалась для меня какая-то необъяснимая прелесть; что-то свободное, молодое и умное чуялось мнѣ въ студенческой жизни; мнѣ хотѣлось не кутежей, не шалостей, а какихъ-то неиспытанныхъ ощущеній, какой-то дѣятельности, какихъ-то стремленій, которымъ я не могъ дать тогда ни имени, ни опредѣленія, но на которыя непремѣнно расчитывалъ наткнуться въ стѣнахъ университета. Даже внѣшніе атрибуты студенчества казались мнѣ привлекательными; синій воротникъ, безвредная шпага, двуглавые орлы на пуговицахъ—все это нравилось мнѣ, какъ «вещественные знаки невещественныхъ отношеній». Въ то время, когда я, окончивши выпускной экзаменъ, обновлялъ студенческій сертукъ, нѣкоторые изъ моихъ молодыхъ родственниковъ облекались въ самыя очаровательныя офицерскія формы; на каскахъ ихъ развѣвались султаны, сабли гремѣли, шпоры звенѣли, эполеты блестѣли, солдаты передъ ними вытягивались, а я все-таки не завидовалъ, и мои скромныя регаліи не теряли въ моихъ глазахъ ни одного процента изъ своей неизмѣримой цѣны, не смотря на ослѣпительную блистательность «ихъ благородій.»—Впрочемъ, любовь моя къ университету была чувствомъ совершенно платоническимъ и даже пантеистическимъ; я любилъ университетъ и студенчество, какъ какое-то отдѣльное мірозданіе; а зналъ я это мірозданіе еще гораздо меньше, чѣмъ Данте свою Беатриче. Кромѣ того, любя этотъ невѣдомый міръ въ его совокупности, я не чувствовалъ никакого особеннаго влеченія къ тому или другому кругу наукъ; а такое влеченіе непремѣнно надо было почувствовать, потому что быть студентомъ вообще такъ же невозможно, какъ быть птицей или рыбой. Надо быть курицей, грачемъ, ястребомъ, окунемъ, щукой или карасемъ, а поступая въ университетъ, надо непременно сдѣлаться студентомъ того или другого факультета. Это я зналъ, и потому, полюбовавшись на синеву воротника и на блескъ золоченаго эфеса шпаги,

я въ одно мгновеніе ока произвелъ въ умѣ своемъ инспекторскій смотръ представлявшимся мнѣ факультетамъ. По математическому не пойду, потому что математику ненавижу, и въ жизни своей не возьму больше въ руки ни одного математическаго сочиненія (читатель видѣлъ выше причины суровыхъ отношеній моихъ къ этому циклу наукъ); по естественному тоже не пойду, потому что и тамъ есть кусочикъ математики, да и физика почти то же самое, что математика; юридическій факультетъ сухъ (это рѣшеніе можетъ показаться довольно отважнымъ, тѣмъ болѣе, что я тогда еще въ глаза не видалъ ни одного юридическаго сочиненія,—но я уже замѣтилъ прежде, что мы часто мыслимъ афоризмами: такъ случилось и со мною); въ камеральномъ факультетѣ нѣтъ никакой основательности. (Вотъ вамъ еще афоризмъ, который ничѣмъ не хуже предъидущаго). Управившись такимъ образомъ съ четырьмя факультетами, я увидалъ, что передо мною остаются въ ожиданіи только два: историко-филологическій и восточный (медицинскаго не было въ томъ университетѣ, въ который я собирался поступить). Развѣ на восточный... Поѣхать при посольствѣ въ Турцію или въ Персію... жениться на азіатской красавицѣ... привезти ее въ Петербургъ и посадить въ національномъ костюмѣ въ ложу, въ бель-этажѣ, въ итальянской оперѣ... Это впрочемъ пустяки... А вотъ что: вѣдь на восточномъ придется осиливать нѣсколько грамматикъ, которыя пожалуй будутъ похуже греческой... Ну, и Богъ съ нимъ! — значитъ, на филологическій. На томъ и покончилось размышленіе.

V.

Читатель, конечно, согласится со мною (не изъ одной только вѣжливости), что профессорамъ филологическаго факультета доставалось на долю въ моей особѣ настоящее сокровище. Я говорю не шутя.

Подумайте: я былъ юнъ, понятливъ и совершенно нетронутъ. Имъ предстояло разработать дѣвственное поле; они могли обсеменить меня всякимъ добромъ, возжечь во мнѣ всякія благородныя искры, вдунуть въ мое здоровое тѣло именно такую мысль и такую душу, которая наиболѣе приходилась имъ по вкусу. Всѣ эти обсемененія, возжиганія и вдуванія я принялъ бы съ благоговѣйнымъ восторгомъ, съ пламенною благодарностью, съ фанатическимъ увлеченіемъ новопосвященнаго адепта. Вмѣстѣ со мною поступили въ университетъ личности всякаго разбора: были совершенные олухи, оставшіеся вѣрными своей природѣ вплоть до выхода изъ университета; были молодые фаты, уже испорченные великосвѣтскимъ элементомъ; были юноши себѣ на умѣ; были юноши тупо-серьзные; были добрые ребята; были просто терпѣливые ослы; были наконецъ очень умные,— но навѣрное, ни одинъ изъ всѣхъ этихъ юношей не соединялъ въ себѣ въ большей степени, чѣмъ я, тѣ два качества, которыя профессоръ, любящій свое дѣло, долженъ считать въ своемъ слушателѣ истинною драгоцѣнностью. Эти два качества—способность къ развитію и совершенная неразвитость — составляли все мое умственное достояніе въ то время, когда я вошелъ подъ священные своды храма наукъ. Благодаря этимъ качествамъ, каждый профессоръ могъ быть въ отношеніи ко мнѣ Христофоромъ Колумбомъ; онъ могъ открыть меня, водрузить въ меня свое знамя и обратить меня въ свою колонію, какъ землю незаселенную и никому непринадлежащую. Новая колонія обрадовалась бы несказанно и по первому востребованію, въ неслыханномъ изобиліи стала бы производить рѣпу, табакъ, сахарный тростникъ или хлопчатую бумагу, смотря по тому, какія сѣмена вздумалъ бы отважный мореплаватель довѣрить ея нераспаханнымъ нѣдрамъ. Мало того, видя, что Колумбы не пристаютъ къ ея гостепріимнымъ берегамъ, колонія сама преодолѣла свою робость и отправилась искать себѣ завоевателей и цивилизаторовъ; повторилась исторія новгородскихъ славянъ и варяго-руссовъ. Но все это мы еще увидимъ. Попавши въ общество студентовъ филологовъ, я впервые услышалъ такія вещи, которыя заставили меня задуматься. Трое или четверо изъ нихъ уже отмежевали себѣ ту или другую науку для спеціальныхъ занятій; другіе говорили, что выборъ ихъ еще не установился, но что вотъ они читаютъ то и то, и при этомъ размышляютъ такъ и такъ. Говорили объ исторической критикѣ, объ объективномъ творчествѣ, объ основѣ мифовъ, объ отраженіи идей въ

языкѣ, о мримговскомъ методѣ, о міросозерцаніи народныхъ пѣсенъ; ухитрялись даже спорить; къ ужасу моему, разсуждали о тѣхъ критическихъ и ученыхъ статьяхъ въ журналахъ, которыя были мнѣ недоступны, какъ полярные льды; произносили имена Соловьева, Кавелина, Буслаева, Срезневскаго и Нибура, Чичерина и Шафарика, Грановскаго и Вильгельма Гумбольдта; сумбуру именъ соотвѣтствовалъ сумбуръ идей; о родовомъ и общинномъ бытѣ толковали, а я только моргалъ глазами и даже не пытался скрыть того, какъ глубоко удручаетъ меня болѣзненное сознаніе моего вынужденнаго безгласія. Теперь я двухъ грошей не далъ бы за то, что говорилось тогда, тѣмъ болѣе, что говорившій рѣдко понималъ самого себя, а спорившіе уже рѣшительно никогда не понимали другъ друга, такъ что споръ прекращался только началомъ лекціи, или охриплостью воюющихъ сторонъ. Но тогда... о, тогда я изнывалъ отъ своего безсилія и томился мучительною духовною жаждою, воображая себѣ, что кругомъ меня люди угощаютъ другъ друга чистѣйшимъ нектаромъ. Понятно, что каждая лекція казалась мнѣ усладительною каплею небесной росы, и понятно также, что эти росинки тотчасъ впитывались и безслѣдно исчезали въ аравійской пустынѣ моего невѣжества. Первою изъ такихъ росинокъ была для меня лекція профессора Креозотова. Креозотовъ былъ человѣкъ замѣчательный. Надъ нимъ смѣялись въ совѣтѣ университета его товарищи профессора, надъ нимъ смѣялись его слушатели, надъ нимъ навѣрное смѣялся въ душѣ даже тотъ сторожъ, который въ университетскихъ сѣняхъ снималъ съ него шубу или пальто. Но Креозотовъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать всѣхъ этихъ тайныхъ и явныхъ смѣховъ, и не смущаясь ничѣмъ, твердою поступью направлялся къ избранной цѣли, т. е. къ выслугѣ въ пенсіонъ полнаго оклада жалованія. Служилъ онъ съ упорнымъ усердіемъ, и занимая кафедру исторіи, дѣйствительно читалъ всякую исторію, какую назначатъ, то древнюю, то русскую, то новѣйшую. Если бы ему поручили читать спеціальную исторію Букеевской орды или Абиссинской имперіи, то это бы его нисколько не затруднило. Даже въ такомъ экстренномъ случаѣ у него нашлась бы готовая тетрадка, написанная лѣтъ двадцать тому назадъ на такой синей бумагѣ, какую теперь нельзя найдти ни въ одной бумажной лавкѣ. Служебное усердіе сопровождало Креозотова на лекцію и вмѣстѣ съ нимъ садилось на кафедру; профессорскій пафосъ его былъ разнообразенъ, какъ сама природа; онъ кряхтѣлъ отъ душевнаго на-

пряженія, онъ изнывалъ и становился пѣвучимъ, когда герои его страдали или сходили въ могилу; онъ откидывался на спинку кресла, уводилъ ротъ въ сторону и придавалъ своей красной физіономіи шаловливое выраженіе, когда его героини спотыкались на пути добродѣтели и когда такимъ образомъ игривый эротическій анекдотъ прерывалъ собою величественное теченіе исторической жизни. Онъ лицедѣйствовалъ на кафедрѣ, онъ разыгрывалъ, а не читалъ свои тетрадки, и какъ слѣдовало ожидать, слушатели сначала недоумѣвали, потомъ смѣялись, наконецъ переставали посѣщать его лекціи, изрѣдка показывались въ его аудиторіи, ради соблюденія приличій, и заводили между собою очередь, чтобы на нѣсколько человѣкъ имѣть для экзамена по крайней-мѣрѣ одинъ полный экземпляръ Креозотовскихъ записокъ. Ученость Креозотова была также обширна, какъ велика была его типичность. Онъ не пропускалъ ни одного магистерскаго диспута, относящагося къ филологическому факультету. На каждомъ диспутѣ онъ дѣлалъ множество возраженій и замѣчаній очень безплодныхъ, микроскопически мелкихъ, но тѣмъ болѣе показывавшихъ, что специальной вопросъ, разработанный магистрантомъ, извѣстенъ ему по источникамъ, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. И это обиліе знаній лежало точно въ сундукѣ; единственнымъ ученымъ сочиненіемъ Креозотова была какая-то славянская мифологія; выпустивъ ее въ свѣтъ, Креозотовъ весь ушелъ въ свои синія тетрадки и всѣ свои духовныя силы посвятилъ кряхтѣнію и мимическому искусству. Мы слушали его древнюю исторію вмѣстѣ съ камералистами, но онъ объявилъ, что для насъ, филологовъ, будетъ еще читать отдѣльно исторію древней географіи. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Что это такое было—этого я и выразить не въ состояніи. Тутъ уже не было ни героическихъ смертей, ни эротическихъ грѣховъ, ни мимическаго искусства. Осталось одно кряхтѣніе. Въ первый разъ, когда онъ пришелъ читать этотъ длинный списокъ собственныхъ именъ, его поразила наша малочисленность, которая тѣмъ рѣзче бросалась въ глаза, что занимаемая нами аудиторія была очень обширна. При этомъ удобномъ случаѣ, онъ разсказалъ намъ слѣдующій историческій анекдотъ.—Одинъ мудрецъ вошелъ въ небольшой городъ, въ которомъ были очень большія ворота. Увидѣвъ это обстоятельство, мудрецъ обратился къ гражданамъ и сказалъ: «я боюсь, чтобы вашъ городъ не ушелъ черезъ ваши ворота».—Неожиданно для самого Креозотова, анекдотъ этотъ оказался пророчествомъ: въ одинъ прекрасный день

городъ дѣйствительно ушелъ и мудрецъ увидѣлъ только одни большія ворота. Дѣло въ томъ, что терпѣніе наше истощилось и мы сговорились пренебречь исторіею древней географіи и разойдтись по домамъ. До совершенія этого героическаго поступка, мы однако выслушали около дюжины лекцій. Креозотовъ успѣлъ приглядѣться къ нашимъ лицамъ, узналъ наши фамиліи и неоднократно разговаривалъ съ каждымъ изъ насъ. Сблизившись съ нами такимъ образомъ, онъ однажды предложилъ намъ предпринять общую работу. Я навострилъ уши. Предложеніе Креозотова состояло въ томъ, чтобы общими силами перевести съ греческаго — географическое сочиненіе Страбона. По окончаніи перевода, Креозотовъ обязывался свѣрить его съ подлинникомъ, подвергнуть его одной общей редакціи и издать, съ признательностью упомянувъ въ предисловіи фамиліи даровитыхъ и добросовѣстныхъ переводчиковъ. Предложеніе было принято. Предусмотрительный профессоръ, захватившій съ собою экземпляръ Страбона, для того чтобы ковать желѣзо, пока оно было горячо, тотчасъ предъявилъ принесенную книгу, разрѣзалъ ее на восемь частей, по числу завербованныхъ переводчиковъ, и вручилъ каждому желающему по пяти печатныхъ листовъ довольно мелкаго греческаго текста. Я конечно ревностно началъ переводить, и потому могу объяснить читателю, что это была за работа. Представьте себѣ, что какой нибудь господинъ раскрылъ передъ вами атласъ, взялъ въ руки указку, и водя ею взадъ и впередъ по картѣ, разсказываетъ вамъ, что вотъ это мысъ A, а въ двухъ верстахъ отъ него заливъ B, а въ заливъ этотъ впадаетъ рѣка C, а по рѣкѣ C стоятъ города Д, E и F, и т. д., и все въ томъ же родѣ. Это строгое изложеніе разнообразится порою краткимъ историческимъ намекомъ на сраженіе, происшедшее по близости, или на богослужебные обряды, совершавшіеся гдѣ нибудь въ священной рощѣ... Вотъ и все. И такихъ прогулокъ по атласу набирается листовъ до сорока, а мнѣ предстояло перевести пять листовъ, т. е. 80 страницъ. Читатель понимаетъ конечно, какъ сильно такая работа могла обогатить мой умъ, и какъ необходимо было для русской публики получить изданіе Страбона въ русскомъ переводѣ. Чѣмъ далѣе подвигалась моя работа, тѣмъ снисходительнѣе я начиналъ смотрѣть на нашихъ трехъ индепендентовъ. Дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, расклеилось. Креозотовъ собралъ растерзанныя части своего Страбона и отдалъ ихъ въ переплетъ.

VI.

Въ то время, когда мы еще тянули лямку, возложенную на насъ почтеннымъ профессоромъ, я вздумалъ обратиться къ Креозотову за совѣтомъ. Краснѣя отъ волненія, я покаялся ему, что желаю спеціально заняться исторіею, и убѣдительно просилъ его объяснить мнѣ, какъ надо поступать въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Выслушавъ мою исповѣдь, Креозотовъ тотчасъ посовѣтовалъ мнѣ читать энциклопедію Эрша и Грубера, и кромѣ того, читать источники древней исторіи—Геродота, Фукидида, Поливія, Ксенофонта, Тита Ливія, Діодора Сицилійскаго, Діона Кассія и т. д. Я горячо поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и немедленно побѣжалъ въ университетскую библіотеку.

— Позвольте мнѣ взять на домъ энциклопедію Эрша и Грубера, сказалъ я нашему библіотекарю.

На лицѣ библіотекаря выразилось удивленіе.

— Книги, служащія для справокъ, отвѣтилъ онъ мнѣ очень вѣжливо: — на домъ не выдаются. Вы можете пользоваться ими здѣсь. Какую вамъ надобно букву?

Я не имѣлъ основанія предпочитать одну букву другой, и потому совершенно безпристрастно назвалъ букву А.

Тогда библіотекарь повелъ меня за собою въ одну длинную галлерею и указалъ мнѣ длинный рядъ большихъ и толстыхъ книгъ, стоявшихъ на паркетѣ въ стройномъ алфавитномъ порядкѣ. Не помню, сколько ихъ было — тридцать, сорокъ, или пятьдесятъ, но знаю, что ихъ было очень много и что это зрѣлище привело меня въ трепетъ; я взялъ первую книгу съ лѣваго фланга и увидалъ, что буква *A* далеко не исчерпывается этимъ томомъ, который однако оттягивалъ мнѣ руки. Передо мною лежалъ знаменитый нѣмецкій энциклопедическій лексиконъ Ersch und Gruber, и конечно я на первыхъ страницахъ его нашелъ то, что обыкновенно находится въ такихъ книгахъ. Рѣка *Aa*, слово *Aal* (угорь), рѣка *Aar*, кантонъ *Aargau* и т. д. Собирать свѣденія обо всѣхъ этихъ предметахъ было конечно любопытно, а прочитать и сохранить въ памяти всю энциклопедію Ersch und Gruber значило бы сдѣлаться восьмымъ чудомъ

свѣта; но тѣмъ не менѣе чувство самосохраненія взяло верхъ надъ этими заманчивыми соображеніями. Я расчиталъ, что мнѣ пришлось бы читать Эрша и Грубера лѣтъ десять, и потомъ, по окончаніи послѣдняго тома, снова приняться за первый, который въ это время успѣлъ бы еще разъ пріобрѣсти для меня всю прелесть новизны. Прочитавъ энциклопедію разъ пять отъ начала до конца, я могъ бы сказать, что жизнь моя наполнена, и умереть спокойно, совершивши въ земной жизни то, чего до меня еще не совершалъ ни одинъ здравомыслящій смертный. Совѣтъ Креозотова обогатилъ меня такимъ образомъ слѣдующими опытными знаніями: вопервыхъ, я узналъ, что книги, служащія для справокъ, на домъ не выдаются; вовторыхъ, я узналъ, что существуетъ нѣмецкая энциклопедія Эрша и Грубера, что она очень велика и годится для справокъ; втретьихъ, я узналъ, что пріобрѣтать историческія свѣденія въ алфавитномъ порядкѣ и въ перемежку со всякими другими свѣденіями, — оригинально, но неудобно; вчетвертыхъ, я пріобрѣлъ то драгоцѣнное убѣжденіе, что профессоры университета могутъ иногда подавать совѣты, приводящіе въ недоумѣніе.

Совѣтомъ своимъ Креозотовъ заронилъ въ меня ядовитое зерно скептицизма. Изъ злого семени выросла гибельная жатва. Теперь, если кто нибудь рѣшится упрекать меня въ нигилизмѣ, я тотчасъ укажу моему обидчику на Креозотова и скажу: вотъ мой первый наставникъ! Спросите у него, — пусть онъ отвѣтитъ вамъ за мою погибшую душу.

Испытавъ неудачу на энциклопедіи, я тѣмъ не менѣе попробовалъ примѣнить къ дѣлу второй совѣтъ того же коварнаго профессора. Я взялъ къ себѣ на домъ твореніе Геродота во французскомъ переводѣ и началъ его читать. Тутъ конечно никакихъ трудностей не представлялось, но дѣло было столько же безплодно, сколько легко. Всякому человѣку, имѣющему понятіе о серьезныхъ и послѣдовательныхъ умственныхъ занятіяхъ, хорошо извѣстно, что историческіе источники должны читаться съ спеціальною цѣлью изслѣдованія людьми уже развитыми, способными бросить на эпоху критическій взглядъ, и желающими провѣрить и дополнить изысканія своихъ предшественниковъ. Что же касается до птенцовъ, подобныхъ мнѣ, то имъ надо читать историческія сочиненія и изслѣдованія, въ которыхъ факты приведены въ порядокъ, сгруппированы и освѣщены критическими трудами мыслящихъ историковъ. Это я говорю для

тѣхъ птенцовъ, которыхъ обуреваетъ неистовое желаніе съ юныхъ лѣтъ посвятить себя историческоту изученію. Я съ своей стороны такого желанія во всякомъ случаѣ не одобряю, потому что, по крайнему моему разумѣнію, исторія вообще не такая наука, (если только она наука, что требуетъ доказательствъ), которая могла бы укрѣпить и сформировать молодое мышленіе. Но допустимъ то, чего нѣтъ никакой надобности допускать, — допустимъ, что влеченіе юности къ исторіи порывисто и неудержимо, какъ эксцентрическое желаніе беременной женщины, то и въ этомъ случаѣ перепрыгнуть съ учебника Смарагдова на чтеніе Геродота значитъ броситься изъ огня въ полымя, или гораздо вѣрнѣе, изъ мелкаго болота въ глубокую трясину. Я поясню это параллелью. Студенту медицины необходимо впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возиться съ трупами; но если кромсать мертвыхъ людей и животныхъ начнетъ джентльменъ, не имѣющій никакого предварительнаго понятія объ анатоміи, то онъ изъ этого кромсанія вынесетъ только впечатлѣнія дурного запаха, гнилой крови и разлагающагося мяса. Конечно, первый анатомъ ни у кого не учился. Да! и первый портной, по справедливому замѣчанію госпожи Простаковой, тоже ни у кого не учился. «Да онъ, можетъ быть, и работалъ хуже меня», отвѣчаетъ на это простаковскій Тришка, который такимъ образомъ произноситъ безапелляціонный приговоръ надъ глубокомысленнымъ совѣтомъ профессора Креозотова. Вы скажете, можетъ быть, что параллель моя не вѣрна, потому что предполагаемый джентльменъ не имѣетъ понятія объ анатоміи, а питомецъ Смарагдова до нѣкоторой степени знаетъ исторію. Ну да. Джентльменъ, войдя въ анатомическій театръ, узнаетъ голову, руку, ногу, — и питомецъ, читая Геродота узнаетъ Кира, Камбиза, Креза. Но трупы разсѣкаются не для того, чтобы убѣдиться въ существованіи головы, руки и ноги, а историческіе источники читаютъ добрые люди не для того, чтобы любоваться именами Кира, Камбиза и Креза. Значитъ, параллель вѣрна, и больше объ ней толковать нечего. Совѣтъ Креозотова имѣлъ въ себѣ еще одну опасную сторону, которая могла сдѣлаться гибельною для молодого человѣка, способнаго удручать плоть и мозгъ во имя величія и славы науки. Если бы Креозотовъ рекомендовалъ историческія сочиненія Грота (не того, который пишетъ въ Р. Вѣстн.), Нибура, Моммзена, Дункера и т. п., то для студента оставался бы шансъ спасенія. У него явились бы въ мозгу идеи, обогащающіе взгляды, попытки

самостоятельнаго мышленія. Прочтя двѣ-три книги, онъ могъ бы оглянуться на самого себя, могъ бы довольно правильно поставить и разрѣшить въ умѣ своемъ вопросъ: дѣйствительно ли историческія занятія составляютъ потребность его природы? Но чтеніе Геродота и Фукидида отрѣзывало всякое отступленіе. Студентъ читаетъ одного писателя, читаетъ другого, и все не становится умнѣе, и все ждетъ проясненія своего мозга, и все громоздитъ факты на факты, и вдругъ, нежданно-негаданно для самого себя, въ одно прекрасное утро оказывается туго-набитымъ историческимъ чемоданомъ, совершенно подобнымъ своему прототипу и возлюбленному руководителю. Для меня подобная опасность не существовала. Я никогда не могъ долго заниматься тѣмъ, что не доставляло мнѣ умственнаго наслажденія. Столпники и аскеты науки называютъ такихъ людей дилетантами и шарлатанами. Это свойство моей натуры, можетъ быть, очень дурно, но для меня оно во многихъ случаяхъ было чрезвычайно полезно. Всякій разъ, какъ я съ добродѣтельнымъ жаромъ думалъ посвятить себя какой нибудь кретинизирующей дѣятельности, неумолимый демонъ умственнаго эпикуреизма насильно вырывалъ у меня работу изъ рукъ и деспотически сопротивлялся моему добросовѣстному стремленію поглупѣть. Кончилось тѣмъ, что я махнулъ рукою и навсегда отказался отъ невозможной борьбы съ бѣсовскими прелестями. Но дошелъ я до этого результата не вдругъ, и читатель увидитъ, что не одинъ Креозотовъ снабжалъ меня совѣтами — сдѣлаться идіотомъ.

VII.

Кромѣ Креозотова, у насъ было еще двое преподавателей исторіи. Я не обращался къ нимъ за совѣтами, но слушалъ въ разныя времена ихъ лекціи, и нахожу, что легкій очеркъ ихъ дѣятельности заслуживаетъ вниманія людей, интересующихся ходомъ образованія въ нашихъ университетахъ. Вопервыхъ, рекомендую вамъ приватъ-

доцента Кавыляева. Онъ молодъ лѣтами, но великъ своими достоинствами. Уступая Креозотову въ эрудиціи и мимической виртуозности, онъ далеко превосходитъ его утомительностью лекцій. По скромности, свойственной молодому ученому, онъ всегда выбираетъ себѣ руководителя и, прилѣпившись къ какому нибудь одному историческому сочиненію, съ неизмѣннымъ постоянствомъ извлекаетъ изъ него всѣ свои лекціи на цѣлый академическій годъ. Составленныя такимъ образомъ записки идутъ, безъ измѣненія, на продовольствованіе слѣдующаго курса студентовъ; и такъ какъ нѣтъ причины останавливаться на этомъ пути, то есть основаніе надѣяться, что современемъ записки Ковыляева составятъ такую же палеонтологическую диковинку, какую въ настоящее время уже составляютъ знаменитыя синія тетрадки Креозотова. Кавыляевъ читалъ намъ исторію среднихъ вѣковъ по сочиненію Гизо: «Исторія цивилизаціи во Франціи». Выборъ самъ по себѣ очень позволителенъ, но замѣчательно, что острый и живой анализъ великаго доктринера дѣлался совершенно незамѣтнымъ въ чтеніи маленькаго приватъ-доцента. Самая связь идей терялась въ его безучастной, апатической передачѣ. Если бы вы заставили деревенскаго дьячка прочесть вслухъ рѣчь Эдмонда Бёрка или графа Мирабо, то волненіе англійской палаты общинъ или французскаго учредительнаго собранія вѣроятно осталось бы для васъ совершенно необъяснимымъ. Именно такую горькую долю терпѣло сочиненіе Гизо въ рукахъ Ковыляева. Не думайте, что я говорю о голосѣ или дикціи,—объ этихъ мелочахъ не стоило бы заботиться; тутъ дѣло идетъ о пониманіи. Когда человѣкъ выражаетъ передъ вами свою мысль, или мысль чужую, но вполнѣ усвоенную имъ, и слѣдовательно развивающуюся изъ головы его, а не изъ тетрадки, тогда онъ непремѣнно оживляется и непремѣнно передаетъ вамъ часть этого оживленія; тогда даже чужая мысль принимаетъ на себя отпечатокъ его личности, и пріобрѣтаетъ хоть частицу той живучести, которую она имѣла въ первобытномъ своемъ источникѣ. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ читающій совершенно равнодушенъ къ тому, что онъ читаетъ, тамъ чтеніе самого занимательнаго произведенія превращается въ усыпительное журчаніе. Такъ дѣйствительно и было,—и лекціи Кавыляева были гораздо невыносимѣе лекцій Креозотова. Креозотовъ читалъ Креозотова, и слѣдовательно глубоко понималъ его и могъ даже изображать его въ лицахъ, а Кавыляевъ читалъ Гизо, который, при всѣхъ своихъ политическихъ и теоретическихъ заблужде-

ніяхъ, былъ все-таки неизмѣримо великъ для Кавыляевскаго пониманія; слѣдовательно... слѣдовательно, тотъ студентъ, который не желалъ среди лекціи припасть головой къ столу и унестись въ царство сновидѣній, долженъ былъ тщательно обходить аудиторію Ковыляева.

Когда мы перешли на третій курсъ, тотъ же драгоцѣнный Ковыляевъ сталъ читать намъ новую исторію, или точнѣе, біографію Лютера, началу которой онъ предпослалъ кое-какія подробности объ эпохѣ возрожденія. Руководителемъ Ковыляева былъ историкъ реформаціи, Мерль д'Обинье (Merle d'Aubigné). На этотъ разъ все было одинаково хорошо. Достоинство выбора соотвѣтствовало достоинству изложенія. Минуя множество замѣчательныхъ европейскихъ историковъ, нашъ приватъ-доцентъ отыскалъ себѣ родственную душу въ райкѣ исторической литературы. Этотъ Мерль д'Обинье оказался протестантскимъ піетистомъ и мистикомъ. На жизнь и дѣятельность Лютера онъ смотрѣлъ, какъ на житіе святого угодника и чудотворца; въ каждомъ поступкѣ своего героя онъ усматривалъ спеціальное выраженіе воли божіей, и стараясь обратить своего читателя къ такимъ же возвышеннымъ умозрѣніямъ, собралъ въ своемъ многотомномъ сочиненіи всякіе анекдоты и сплетни о Лютерѣ и его сподвижникахъ. Тутъ разсказывалось и то, поскольку разъ въ день отецъ Лютера сѣкъ маленькаго Мартина, и то, что Мартинъ въ монастырѣ дѣлалъ, и то, какъ онъ въ Римѣ ползалъ на колѣнкахъ по каменной лѣстницѣ, и то, какіе сны видѣлъ курфирстъ Фридрихъ мудрый, и то, какъ одна баба индульгенцію покупала, и многое множество всякихъ другихъ достопримѣчательностей. Конечно, все это, какъ черезъ водопроводную трубу, текло черезъ уста Кавыляева въ наши записки. И все это мы должны были, не краснѣя за самихъ себя и не смѣясь надъ нашимъ наставникомъ, прилично казеннымъ языкомъ излагать на переходномъ и выпускномъ экзаменѣ. И это называлось новою исторіею и должно было давать намъ понятіе о томъ, какъ сложились бытовыя и политическія формы теперешнихъ обществъ. Читатель видитъ, что ядовитое зерно скептицизма, зароненное въ мою чистую душу хитрымъ Креозотовымъ, не могло чувствовать недостатка въ питательныхъ матеріалахъ и въ благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ.

Въ началѣ осени 1858 года возвратился изъ двухлѣтней заграничной отлучки экстраординарный профессоръ исторіи, Иропіанскій. На него наше студенчество возлагало самыя блестящія надежды. Онъ

былъ сверстникомъ Кавыляева, но уже давно обогналъ его въ своей ученой карьерѣ. Первыя лекціи его послѣ возвращенія изъ за границы привлекли въ аудиторію его множество слушателей. Студенты, пришедшіе на лекцію изъ любопытства, оставались совершенно удовлетворенными, а обязательные слушатели Ироніанскаго были въ восторгѣ отъ своего профессора, поддразнивали тѣхъ, кому приходилось дремать подъ звуки Кавыляева, и жаловались только на то, что мѣста на скамейкахъ приходится занимать заранѣе, и что въ огромной аудиторіи становится тѣсно и душно. Словомъ, успѣхъ Ироніанскаго могъ удовлетворить самое щекотливое самолюбіе. Ему даже апплодировали, и онъ, какъ нѣкогда Гизо, благодарилъ своихъ слушателей, и въ то же время просилъ ихъ никогда не выражать ему такимъ образомъ ихъ сочувствія. Сравнительное достоинство его лекцій было дѣйствительно велико. Онъ выражался языкомъ современной науки; видно было, что онъ понимаетъ то, что говоритъ, и умѣетъ высказать то, что думаетъ. Каждая лекція его заключала въ себѣ какую нибудь идею, связывающую, или по крайней мѣрѣ, пытающуюся связать между собою сообщаемые факты. Этого уже было достаточно для слушателей, привыкшихъ къ античности Креозотова и къ олимпійскому спокойствію Ковыляева. Единственный недостатокъ, который можно было замѣтить въ наружной формѣ изложенія Ироніанскаго, заключался въ его профессорскомъ щегольствѣ, въ его умственной кокетливости, въ его постоянномъ усиліи говорить остроумно и изображать цивилизованнаго европейца, трактующаго d'égal à égal съ генералами и министрами ученаго міра. Конечно, онъ не говорилъ, что дружески знакомъ съ Маколеемъ, пилъ чай у Моммзена, или спорилъ о политикѣ съ Зибелемъ; о подобныхъ вещахъ и Хлестаковъ могъ бы разсказывать только женѣ городничаго; но неистовое желаніе ослѣпить слушателей оригинальностью и богатствомъ своихъ заграничныхъ впечатлѣній, наблюденій и изслѣдованій пробивало себѣ широкую дорогу всякій разъ, какъ только представлялась къ тому малѣйшая возможность. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда, онъ объявилъ студентамъ, что будетъ читать три раза лекціи: *publica*, (общій курсъ) *privata*, (частный) и *privatissima* (самый частный). Въ самомъ частномъ курсѣ онъ обѣщалъ представить образчикъ исторической критики, и дѣйствительно началъ разбирать очень подробно сочиненія Луитпранда, лѣтописца X вѣка. Историческая критика Ироніанскаго не привела къ особенно плодотворнымъ результатамъ, не

обнаружила въ изслѣдователѣ обширной эрудиціи и даже не показала намъ какихъ нибудь замѣчательныхъ критическихъ пріемовъ. Ироніанскій просто разсказывалъ подробно содержаніе сочиненій и біографію автора, потомъ ловилъ Луитпранда въ противорѣчіяхъ, которыя были очень замѣтны, и уличалъ его въ пристрастіи къ Оттону, открывая такимъ образомъ обстоятельство, уже давно извѣстное и неподлежавшее никакому сомнѣнію. Стало быть, ученой заслуги тутъ не было, а собственно для студентовъ личность и дѣятельность Луитпранда не могла представлять особеннаго интереса, потому что сотни болѣе крупныхъ историческихъ личностей и болѣе выразительныхъ фактовъ оставались для нихъ въ смарагдовскомъ и зуевскомъ полумракѣ. Да и зачѣмъ было разгораживать курсъ на три отдѣленія?

И зачѣмъ было огородъ городить,
И зачѣмъ было капусту садить?..

Нельзя. Европеизмъ одолѣлъ. Гдѣ нибудь въ Боннѣ или въ Гейдельбергѣ такъ дѣлается, и въ Царевококшайскѣ давай такъ дѣлать. Надо же было Ироніанскому заявить, что онъ съ министрами знакомство имѣетъ. Не упускалъ также щеголеватый профессоръ случая упомянуть, какъ онъ собственною своею особою стоялъ или сидѣлъ на подлинномъ мѣстѣ того или другого мироваго событія. Приэтомъ изливались описательныя подробности, которыя, вопервыхъ, нисколько не объясняли разсматриваемаго факта, а вовторыхъ, съ удобствомъ могли быть отъисканы въ карманномъ гидѣ. Но все это были мелкія слабости, а въ профессорской дѣятельности Ироніанскаго были и болѣе серьезные факты. Случилось мнѣ однажды съ большимъ удовольствіемъ прослушать лекцію Ироніанскаго, въ которой онъ, стараясь опредѣлить обязанности историка вообще, въ связи съ этою темою, разбиралъ историческую и критическую дѣятельность Маколея. Конечно, Маколей представлялся ему богомъ исторіи, сошедшимъ на землю единственно для того, чтобы научить людей искусству писать историческія монографіи и критическія статьи. Не смотря на хвалебное направленіе своей лекціи, Ироніанскій оцѣнилъ однако умно и мѣтко особенности и достоинства критическаго таланта Маколея; замѣтилъ даже слабость Маколея, какъ отвлеченнаго мыслителя; доказалъ, почему эта слабость, обнаруживающаяся въ его этюдѣ о Бэконѣ, не вредитъ ему, какъ историку, и очень осно-

вательно подкрѣпилъ всѣ свои положенія и выводы довольно обширными и очень удачно выбранными цитатами изъ сочиненій разбираемаго писателя. Вся лекція произвела на слушателей самое стройное впечатлѣніе, не смотря даже на то, что Ироніанскій, ради заграничности и щегольства, называлъ Маколея — *Мэкаулей*. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, Ироніанскій съ большимъ успѣхомъ прочелъ въ большой университетской залѣ, при значительномъ стеченіи публики, двѣ публичныя лекціи о состояніи французскихъ провинцій при Людовикѣ XIV. Источникомъ своимъ онъ объявилъ сочиненіе Флешье, «Les grands jours d'Auvergne». Публика осталась очень довольна и дѣйствительно во всемъ, что я до сихъ поръ разсказалъ, нельзя замѣтить ровно ничего предосудительнаго. Но «мой злобный геній» непремѣнно хотѣлъ превратить меня въ скептика. Случилось мнѣ купить одну французскую книжку: «Essais de critique et d'histoire, par H. Taine» (Историческіе и критическіе опыты Тэна). Въ этой хорошей книжкѣ заключались статьи о Гизо, о Мишле, о Теккереѣ, о Монталамберѣ, и между прочими о Маколеѣ и о Флешье. Когда я добрался до Маколея, то изумленію моему не оказалось границъ *). Читаю и глазамъ не вѣрю: она, она, моя голубушка, блестящая лекція Ироніанскаго о Маколеѣ; тѣ же идеи, тотъ же порядокъ изложенія, тѣ же цитаты, даже обороты рѣчи и образы тѣ же самые; предположить случайное сходство нѣтъ никакой возможности; самое упорное сомнѣніе должно уступить очевидности. Зиждущій талантъ Ироніанскаго оказывается чужимъ талантомъ, внимательное изученіе Маколея оказывается призракомъ; павлиныя перья взяты на прокатъ, да еще безъ спросу; блестящая лекція не что иное, какъ тайный переводъ съ французскаго. Ну, подумалъ я, посмотримъ, что такое Флешье? Подозрѣнія мои оправдались. Обнаружилось, что публичныя лекціи также были взяты напрокатъ, а магазинъ, снабдившій ими цивилизованнаго европейца, былъ тщательно скрытъ отъ публики, потому-де, что совѣстно русскому профессору открыто пользоваться идеями легкаго французскаго критика, ну а тайкомъ поживиться всегда пріятно и неубыточно. Еще въ одномъ случаѣ мнѣ удалось убѣдиться въ ученой безцеремонности профессора Ироніан-

*) Такое же изумленіе постигло меня однажды при чтеніи лекцій г. Вызинскаго объ Англіи въ XVIII столѣтіи, когда я увидѣлъ, что характеристика Мэльборо цѣликомъ взята изъ романа Теккерея: «Генри Эсмондъ».

скаго. Въ 1860 году, ему пришлось задавать тему для сочиненія на медаль. Онъ задалъ тему изъ исторіи послѣднихъ вѣковъ язычества и въ отчетѣ объ университетскомъ актѣ было напечатано, вмѣстѣ съ объявленіемъ этой темы, указаніе на два пособія, вопервыхъ, на сочиненіе Чирнера «Der Fall des Heidenthums» (паденіе язычества), вовторыхъ, на изслѣдованіе Ироніанскаго объ Александрѣ Авонотихитѣ, одномъ изъ ложныхъ чудотворцевъ и пророковъ язычества. Я, съ свойственнымъ мнѣ добродушіемъ, послѣдовалъ этому указанію и немедленно убѣдился въ томъ, что изслѣдованіе Ироніанскаго упомянуто въ отчетѣ объ актѣ исключительно ради щегольства, потому что оно не изслѣдованіе, а очень малограмотное извлеченіе изъ указанной книги Чирнера. Между прочими красотами, я запомнилъ слѣдующее мѣсто. «Неронъ, пишетъ Ироніанскій, приказалъ перенести 500 желѣзныхъ статуй»... Желѣзныхъ статуй! Слыхали ли вы когда нибудь, читатель, чтобы въ древности или когда бы то ни было выдѣливались желѣзныя статуи? Какъ же это? Ковали ихъ что ли? Отыскиваю соотвѣтствующее мѣсто у Чирнера и нахожу тамъ: «500 eherne Säulen.» Дѣло объясняется просто Это значитъ, по мнѣнію всѣхъ людей, знающихъ нѣмецкій языкъ: «500 мѣдныхъ колоннъ.» Значитъ, Ироніанскій, кромѣ нетвердаго знанія нѣмецкаго языка, обнаружилъ еще небрежность въ работѣ и изумительное непониманіе древней техники. Изобрѣсти желѣзныя статуи, да еще цѣлыхъ пять сотъ, и сохранить до сихъ поръ репутацію ученаго человѣка, это, милостивые государи, такой пассажъ, который возможенъ только у насъ въ Россіи. И замѣтьте притомъ, что эти жрецы науки, тайно переводящіе съ французскаго и неудачно переводящіе съ нѣмецкаго, взираютъ съ высоты величія на литераторовъ и журналистовъ, какъ на дилетантовъ, неспособныхъ удовлетворять серьезнымъ умственнымъ требованіямъ общества. Замѣтьте, что именно эти изобрѣтатели желѣзныхъ статуй всѣхъ громче разсуждаютъ о достоинствѣ науки,—замѣтьте это, и затѣмъ, слѣдуя мудрому совѣту Кузьмы Пруткова, «глядите въ самый корень вещей», ибо наружность обманчива.

VIII.

Говоря объ Ироніанскомъ и Ковыляевѣ, я невольно нарушилъ хронологическую послѣдовательность моихъ воспоминаній, и потому теперь возвращаюсь назадъ къ тому времени, когда я переводилъ Страбона и читалъ Геродота, т. е. къ началу зимы 1856 года. Ожидая себѣ умственнаго просвѣтлѣнія отъ каждаго профессорскаго слова, я въ то время аккуратно посѣщалъ и записывалъ всѣ лекціи, назначенныя мнѣ по расписанію. Особенно интересовали меня лекціи профессора Телицына, читавшаго намъ теорію языка и исторію древне-русской литературы. Въ этихъ лекціяхъ было дѣйствительно много хорошаго. Телицыну было лѣтъ тридцать съ небольшимъ; онъ любилъ студентовъ и искалъ между ними популярности; лекціи свои онъ составлялъ съ большимъ стараніемъ и всегда заканчивалъ ихъ какой нибудь фіоритурою, которая неминуемо должна была поднять въ душѣ студентовъ цѣлую бурю добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ. Эта фіоритура всегда была приготовлена заранѣе, но тѣмъ не менѣе она всегда выдѣлывалась отъ души, съ полною искренностью и безъ всякой натяжки. Проговоривъ на каѳедрѣ впродолженіи полутора часа, Телицынъ всегда приходилъ въ восторженное состояніе, и тогда рулада вырывалась изъ груди его съ неудержимою силою; сходя съ каѳедры, онъ всегда чувствовалъ дѣйствительную потребность сказать студентамъ что нибудь согрѣвающее, а такъ какъ онъ профессорствовалъ уже не первый годъ, то ему было вполнѣ позволительно, зная свою разнѣживающуюся натуру, заготовлять заранѣе матеріалы для той потребности, которая неминуемо возникаетъ передъ концомъ лекціи. Неужели вы упрекнете слезливаго человѣка въ театральничаньи, если онъ, отправляясь на чьи нибудь похороны и находясь при выѣздѣ изъ своей квартиры въ самомъ веселомъ расположеніи духа, набьетъ карманы своего сюртука носовыми платками? Вѣдь онъ же знаетъ, что непремѣнно расплачется: такъ какъ же ему не принять свои мѣры? Что же за удовольствіе утирать слезы рукавами сертюка, или умолять сосѣда объ одолженіи носового платка? Такъ и Телицынъ. Развѣ хорошо было бы, если бы растроганный въ конецъ профессоръ не излилъ своего чувства въ ум-

ныхъ и красивыхъ рѣчахъ? Вѣдь это бы смѣху надѣлало, если бы онъ, оканчивая лекцію, вдругъ развелъ руками, изобразилъ бы на лицѣ своемъ глубокую любовь къ студентамъ, сдѣлалъ бы нѣсколько усилій, и вдругъ ничего бы изъ этого не вышло. А такая участь непремѣнно постигла бы его, если бы матеріалы для фейерверка не были припасены заранѣе. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ однажды, отработавъ спеціальный предметъ лекціи, началъ говорить о величіи знанія вообще, и вдругъ заключилъ свою рѣчь словами Беранже: «l'ignorance—c'est l'esclavage, le savoir—c'est la liberté» (невѣжество—рабство, знаніе-слобода). Насъ такъ и подкинуло кверху; эффектъ вышелъ оглушительный,—а все отчего? Оттого что въ сюртукѣ Телицына лежали носовые платки. Вы скажете, можетъ быть, что слезливость не есть чувствительность, и что истинный талантъ пренебрегаетъ приготовленными эффектами, потому что полагается на свои силы, и всегда находитъ эффекты подъ руками въ ту рѣшительную минуту, когда онъ въ нихъ нуждается. Противъ этого я спорить не буду; считать Телицына талантливымъ профессоромъ позволительно только студентамъ перваго курса, восхищающимся кончиками его лекцій. Я съ своей стороны отстаиваю только его искренность. Телицынъ не похожъ на Ироніанскаго; ему хочется не блеска, не щегольства, а любви, сочувствія студентовъ; онъ не пускаетъ пыли въ глаза, онъ дѣйствительно хочетъ быть и полезнымъ профессоромъ, и дѣльнымъ ученымъ; онъ напрягаетъ всѣ свои силы,—но приэтомъ мы должны помнить, что размѣры человѣческихъ силъ неодинаковы. Телицынъ много читалъ, читалъ постоянно и передавалъ намъ много хорошихъ вещей на лекціяхъ, — но лекціи его всетаки были мозаиками. Переварить и переработать массу матеріала въ своемъ мозгу, и затѣмъ передать слушателямъ продукты своего мышленія — этого отъ Телицына смѣшно было бы и требовать. Да и не угодно ли вамъ посмотрѣть вокругъ себя: много ли у насъ въ цѣлой Россіи людей, дѣйствительно способныхъ мыслить и пользующихся этою способностью? Куда ни посмотришь, вездѣ,—или переводчики, подобные Ироніанскому, или каменьщики и носильщики, въ родѣ Телицына; вездѣ или ловкіе люди очень хорошо знающіе, чего они хотятъ, или терпѣливые труженики вовсе незнающіе, зачѣмъ они трудятся. Пустили ихъ внизъ по наклонной плоскости, они и катятся по силѣ инерціи, до тѣхъ поръ, пока ихъ не остановитъ накопленіе жира или истощеніе силъ. Люди, подобные Телицыну, ра-

ботаютъ или до тѣхъ поръ, пока не войдутъ въ чины и въ барственную лѣнь, или до тѣхъ поръ, пока не разовьютъ въ себѣ чахотку. Телицыну предстоялъ, по всей вѣроятности, послѣднiй исходъ. Не смотря на свои молодыя лѣта, онъ уже успѣлъ прiобрѣсти очень замѣтную сутуловатость и постоянно страдалъ застоями и приливами крови; глаза его были всегда немного воспалены и всегда неопредѣленно тусклымъ взоромъ смотрѣли куда-то вдаль. Обладатель этихъ глазъ при самомъ простомъ разговорѣ казался всегда или усиленно сосредоточеннымъ или тревожно разсѣяннымъ; можно было подумать, что онъ постоянно созерцаетъ духовными очами какую нибудь неописанную красоту, или постоянно старается уловить ухомъ какую нибудь вѣчно ускользающую отъ него райскую мелодiю; а на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Телицынъ былъ просто вѣрующимъ жрецомъ и слѣпымъ поклонникомъ того идола, передъ которымъ онъ хотѣлъ повергнуть въ прахъ своихъ слушателей. На олтарѣ этого идола онъ съ улыбкою блаженства сжигалъ медленнымъ огнемъ свой мозгъ и свои жизненныя силы. Для него слова Беранже: «l'ignorance—c'est l'esclavage, le savoir,—c'est la liberté» были догматомъ вѣры. Какой *savoir?* какая *liberté?* онъ объ этомъ не спрашивалъ, и былъ твердо увѣренъ, что изучить влiянiе византiйскихъ писателей на проповѣди Кирилла Туровскаго или разсмотрѣть литературные прiемы Нестора значитъ до извѣстной степени разсѣять мракъ губительной *ignorance* и потрясти основы ненавистнаго *esclavage*. Телицынъ былъ лучшiй продуктъ нашего университетскаго образованiя; онъ именно достигъ той точки развитiя, которая составляетъ крайнiй и высшiй предѣлъ педагогическихъ тенденцiй нашихъ университетовъ. Пойти дальше, забрать вверхъ или въ сторону значило бы уклониться отъ той патентованной цѣли, которую самые лучшiе профессоры показываютъ своимъ слушателямъ, какъ цѣль, исключительно соотвѣтствующую достоинству и назначенiю человѣка. Такъ какъ всякую систему слѣдуетъ судить именно по тѣмъ ея произведенiямъ, которыя она сама считаетъ вполнѣ удавшимися, то вотъ я ставлю передъ читателемъ портретъ Телицына, и говорю ему: таковъ идеалъ, къ которому стремится наше университетское образованiе. Какъ онъ вамъ нравится? Чувствуете ли вы въ душѣ своей неотразимое желанiе приблизиться къ этому результату? Находите ли вы, что обновленiе Россiи будетъ совершаться быстро и радикально, если десятки тысячъ Телицыныхъ будутъ разсѣяны на

всѣхъ поприщахъ нашей общественной дѣятельности?—Не знаю, какъ вы отвѣтите на эти три вопроса; не скажу вамъ также, какъ отвѣтилъ бы я на нихъ теперь; но въ 1856 и въ 1857 годахъ я отвѣтилъ бы на первый вопросъ: «очень»,—на второй: «чувствую»—на третій: «нахожу». Кромѣ того, я самые вопросы нашелъ бы странными и на вопрошающаго посмотрѣлъ бы какъ на обскуранта, кощунствующаго надъ святыми представителями науки. 1856 и 1857 годы были, какъ извѣстно, тѣмъ временемъ, когда наше общество во что бы то ни стало стремилось убѣдить себя въ томъ, что оно переживаетъ великую эпоху,—тогда множество старыхъ вещей перекрашивались заново и дѣйствительно принимались за новыя тѣми самыми людьми, которые собственноручно отдавали ихъ къ красильщику и принимали ихъ отъ него обратно. Приэтомъ краски часто оказывались непрочными или разъѣдающаго свойства, такъ что матеріи въ скоромъ времени линяли или расползались. Это стремленіе обольщаться и надѣяться проявилось и въ университетѣ, гдѣ мы немедленно опредѣлили, что Креозотовъ и Кавыляевъ будутъ считаться представителями отживающаго порядка вещей, а Телицынъ кроткимъ ангеломъ прогресса и вдохновеннымъ провозвѣстникомъ лучшаго будущаго. Если читатель приметъ въ соображеніе, что эти два года юношескихъ мечтаній матушки Россіи соотвѣтствовали именно такой же порѣ въ моей личной жизни, то онъ пойметъ, что образъ Телицына долженъ былъ произвести на меня чарующее и одуряющее впечатлѣніе. Я увлекался въ одно время и чувствомъ массы и своею личною потребностью найти себѣ учителя, за которымъ я могъ бы слѣдовать съ вѣрою и любовью. Мысли о занятіяхъ исторіею замерли во мнѣ, благодаря совѣтамъ Креозотова. Въ этихъ мысляхъ никогда не было ничего серьезнаго, и я думалъ приняться за исторію только потому, что исторія—самая яркая наука нашего факультета; она первая бросается въ глаза, и я схватился за нее, какъ ребенокъ хватается за пламя свѣчи. Теперь же, когда я всѣмъ сердцемъ возлюбилъ Телицына, теперь, когда онъ гальванизировалъ меня и товарищей моихъ лукавыми хвостиками своихъ лекцій, теперь въ душѣ моей зародилось неудержимое желаніе посвятить себя—чему? зачѣмъ?—ну, все ровно, чему бы то ни было, а только посвятить себя. Наука, истина, свѣтъ, дѣятельность, прогрессъ, развитіе—эти слова такъ и кувыркались у меня въ головѣ, и это кувырканье казалось мнѣ ужасно плодотворнымъ, хотя изъ него ничего не выхо-

дпло, да и выдти ничего не могло. «Хочу служить наукѣ, хочу быть полезнымъ; возмите мою жизнь и сдѣлайте изъ нея что нибудь полезное для науки!»—Восторгу было много, но смыслу мало. Слово *наука* оставалось для меня любезнымъ звукомъ, какъ остается она звукомъ для многихъ людей, утѣшающихся всю свою жизнь тѣмъ пріятнымъ заблужденіемъ, что они ее, науку, двигаютъ впередъ. Непонимая того, что такое «наука», и даже не спрашивая себя о томъ, на какое употребленіе и какой сортъ ея годится для человѣка, я конечно не могъ понимать и того, что полезно и что безполезно для науки. Стало быть, фраза моя измѣнялась такъ: «возьмите мою жизнь и истратьте ее на что хотите.» А изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что возбуждать въ молодыхъ людяхъ безпредметный восторгъ и ослѣплять ихъ блескомъ добродѣтельныхъ словъ вовсе непохвально, потому что молодые люди отъ этого глупѣютъ, по крайней мѣрѣ на время, а потомъ, когда пройдетъ ихъ глупость, они начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, что возбуждало, и надъ тѣмъ, кто возбуждалъ въ нихъ неосмысленное благоговѣніе. Дѣйствительная наука, плодъ внимательнаго наблюденія и трезвой мысли, по самой природѣ своей враждебна всякимъ восторгамъ, какъ бы ни были они добродѣтельны. Если бы химикъ или физіологъ съ восторгомъ принимался за свои опыты, то зрѣлище вышло бы чувствительное, но опытъ не привелъ бы къ искомому результату, или по крайней мѣрѣ результатъ былъ бы неправильно понятъ или превратно истолкованъ. Что же касается до тѣхъ ученыхъ, которые пишутъ о Несторѣ и Кириллѣ Туровскомъ, то имъ конечно восторги вредить не могутъ, потому что они опытовъ не производятъ, и еще потому что для ихъ соотечественниковъ и для всѣхъ прочихъ людей рѣшительно все равно, къ какимъ бы результатамъ они ни пришли и до какихъ бы умозрѣній они ни дописались.

IX.

Послѣдняя лекція Телицына передъ святками 1856 года была ознаменована слѣдующимъ событіемъ. Нашъ обожаемый профессоръ сказалъ, что для пользы науки и для назиданія студентовъ намъ слѣдуетъ перевести нѣсколько ученыхъ изслѣдованій и разсужденій.

Тутъ онъ назвалъ между прочими статью Якова Гримма: «Ueber den Liebesgott» (О богѣ любви),—другую статью того же автора: «Ueber das Verbrennen der Todten» (О сожженіи мертвыхъ),—статью Шафарика о числительныхъ именахъ, брошюру Штейнталя: «Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegelsche Philosophie» (Языкознаніе Вильгельма Гумбольдта и философія Гегеля). Случилось такъ, что я сидѣлъ во время этой лекціи на срединѣ скамейки; товарищи мои, сидѣвшіе по обоимъ концамъ, тотчасъ послѣ окончанія лекціи встали, подошли къ кафедрѣ и взяли себѣ тѣ работы, которыя были полегче, а на мою долю осталась только одна зловѣщая брошюра Штейнталя. Дѣлать было нечего; Телицынъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и еще говорилъ съ разсчитаннымъ коварствомъ, что эту брошюру перевести особенно необходимо. Я мысленно перекрестился и протянулъ за нею руку. Рубиконъ былъ перейденъ, и Телицынъ овладѣлъ мною. Въ брошюрѣ Штейнталя оказалось 140 страницъ, и содержаніе ея роскошно выполнило тѣ грозныя обѣщанія, которыя давало заглавіе. О философіи Гегеля распространяться нечего. Всякій читатель знаетъ по наслышкѣ, что это штука хитрая, и что понимать ее мудрено и кромѣ того безполезно. Что же касается до Гумбольдта, то объ немъ сами нѣмцы, и притомъ его поклонники, говорятъ, что онъ неясенъ, но что эта неясность происходитъ отъ новизны и оригинальности его идей. Теперь вообразите себѣ, что Штейнталь, который о высокихъ матеріяхъ пишетъ такъ же удобопонятно, какъ и всѣ прочіе нѣмцы, начинаетъ сравнивать Гегеля съ Гумбольдтомъ, и притомъ не факты, добытые ими, не результаты, къ которымъ они пришли, а методы ихъ мышленія и изслѣдованія; и это сравненіе продолжается на 140 страницахъ; и это надо было переводить мнѣ, человѣку—читавшему Маколея съ

трудомъ, и Диккенса безъ особеннаго удовольствія. На моемъ младенческомъ лицѣ было ясно видно, на сколько я способенъ судить о Гегелѣ и Гумбольдтѣ, и Телицынъ это могъ замѣтить, но Телицынъ на такіе пустяки не обращалъ вниманія и съ наслажденіемъ готовился зарѣзать юную жертву на алтарѣ своего идола. Когда я началъ читать брошюру Штейнталя, то у меня на первыхъ пяти строкахъ закружилась голова, и я понялъ, что читатели, къ которымъ обращается авторъ, должны знать очень многое, а что я этого многаго совсѣмъ не знаю. Тогда я рѣшился не читать, а прямо переводить, хотя бы связь между отдѣльными періодами и смыслъ цѣлаго остались для меня совершенно непонятными. И я это выполнилъ. Зная отлично нѣмецкій языкъ и владѣя хорошо русскимъ языкомъ, я передавалъ вѣрно и отчетливо одинъ періодъ за другимъ, — и независимо отъ моей воли являлся какой-то общій смыслъ, точно такъ же, какъ въ чтеніи Чичиковскаго Петрушки изъ отдѣльныхъ буквъ всегда составлялось какое-нибудь слово, которое иногда и чортъ знаетъ, что значило. Но переводилъ я долго, и потомъ самъ переписывалъ свою работу. Встрѣчаясь со мною въ университетѣ, Телицынъ не разъ говорилъ мнѣ шутя, что Штейнталь не такъ долго писалъ свою брошюру, какъ я ее перевожу. По моему, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Штейнталь, вѣроятно, понималъ, что онъ пишетъ, а я совсѣмъ напротивъ. Мѣсяца четыре ушло на мою работу; наконецъ придя на экзаменъ Телицына, я вручилъ ему двѣ толстыя тетради, заключавшія въ себѣ переписанный набѣло переводъ ужасной брошюры. Должно быть, въ то время демонъ умственнаго эпикуреизма, о которомъ я упомянулъ выше, былъ совершенно подавленъ добродѣтельными стремленіями, возбужденными во мнѣ вліяніемъ Телицына. Переводить книгу, которую не понимаешь, это конечно самая непріятная и самая кретинизирующая работа, какую можно себѣ представить; и между тѣмъ я довелъ эту работу до конца. Очевидно демонъ былъ низринутъ и посрамленъ, но Телицыну этого было мало. Онъ тутъ же, на экзаменѣ, попросилъ меня на выдержку прочесть двѣ-три страницы изъ моего перевода. Оказалось, что переводъ хорошъ. Телицыну пришло въ голову помѣстить мой трудъ въ нашъ студенческій «Сборникъ». Такое желаніе польстило моему самолюбію. Но тотчасъ представилось возраженіе: объемъ перевода слишкомъ великъ; а вслѣдъ за возраженіемъ явилось въ умѣ Телицына средство помирить противорѣчія: — сдѣлайте, говоритъ, изъ

вашего перевода извлеченіе. Отъ этого предложенія меня въ жаръ бросило. Этого только не доставало. Перевелъ—ничего не понялъ, а теперь извлекай изъ того, чего не понимаешь. Что же я извлеку? А положеніе безвыходное. Сказать «не хочу» неловко, да и весь разговоръ совсѣмъ не въ такомъ тонѣ былъ веденъ. Признаться въ томъ, что переводилъ машинально, признаться публично, при студентахъ, вѣдь это значитъ—дуракомъ себя назвать. Нѣтъ! Что будетъ, то будетъ! Всѣ эти размышленія промелькнули въ моей головѣ чрезвычайно быстро и я сказалъ Телицыну, что извлеченіе будетъ сдѣлано. Я занялся этимъ трудомъ на каникулахъ и окончилъ его успѣшно, хотя и на этотъ разъ нельзя было сказать, чтобы понималъ мысли Штейнталя. Пріемы мои при этой работѣ были довольно оригинальны. Я опредѣлилъ себѣ извѣстный масштабъ, именно, чтобы три страницы перевода превращались въ одну страницу извлеченія; соображаясь съ этимъ масштабомъ, я сжималъ и сокращалъ языкъ моего перевода, такъ что извлеченіе мое оказалось просто миніатюрною фотографіею съ большой картины. Я ухитрился даже въ этомъ случаѣ работать машинально, да иначе и не могъ работать надъ такимъ сюжетомъ человѣкъ, неимѣющій никакого понятія ни о Гегелѣ, ни о Гумбольдтѣ, ни о философіи, ни о языкознаніи, ни объ умственной жизни Германіи, и рѣшительно ни объ одномъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ совершенно свободно разсуждалъ Штейнталь. Какъ вы думаете, читатель, во что превратилъ бы меня Телицынъ, еслибы я лѣтъ пять поработалъ подъ его руководствомъ? Вѣдь такая операція надъ Штейнталемъ стоитъ цѣлаго года машинальной канцелярской работы; вѣдь тутъ человѣкъ не развивается, а напротивъ привыкаетъ обращаться съ чужими мыслями, какъ съ закупоренными тюками, которые онъ перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто и разставляетъ въ симметрическомъ порядкѣ, не заботясь о томъ, что въ нихъ наложено. Является искусство строить фразы, привычка вставлять въ эти фразы научные термины, способность запоминать и передавать непонятыя идеи,—является попугайство и обезьянство; ко всему этому присоединяется гордое самодовольство, что вотъ молъ, я сколько книжныхъ понятій усвоилъ, вотъ сколько научныхъ статей произвелъ, вотъ какую пользу великую принесъ. Когда явилось такое самодовольство, тогда человѣка слѣдуетъ признать совершенно погибшимъ; тогда критическая способность утрачена, а вмѣсто способности мыслить пріобрѣтена способ-

ность нанизывать слова и предложенія, соединять ихъ въ періоды, а изъ періодовъ составлять статьи, диссертаціи или книги. Работая подъ руководствомъ Телицына, я большими шагами направлялся къ такому блаженному состоянію.

X.

Телицынъ имѣлъ полную возможность вглядѣться въ меня и изъ разговоровъ со мною узнать степень моего развитія. Лѣтомъ 1857 года мнѣ пришлось ѣхать съ Телицынымъ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Мы пробыли вмѣстѣ 30 часовъ и по крайней мѣрѣ 10 часовъ были проведены въ серьезныхъ разговорахъ. Я съ наивнымъ восторгомъ объяснялъ Телицыну, какую чудесную перемѣну произвелъ во мнѣ одинъ годъ, проведенный въ университетѣ, какъ передъ моею мыслью открылись цѣлые новые горизонты, и какія теперь у меня хорошія стремленія. Телицынъ все это слушалъ съ любовью и со вниманіемъ, умиляясь и восторгаясь вмѣстѣ со мною, а это, конечно, еще болѣе поддавало мнѣ жару. Человѣкъ разсудительный и неспособный удовлетворяться пылкими рѣчами, тотчасъ спросилъ бы у меня, въ чемъ именно состоитъ перемѣна, какіе горизонты и къ чему клонятся стремленія. При такомъ вопросѣ съ меня поневолѣ соскочилъ бы хмѣль, и можетъ быть за пароксизмомъ восторга послѣдовалъ бы пароксизмъ унынія: пришлось бы вдругъ сознаться, что все упоеніе произведено какою нибудь дюжиною словъ, и что кромѣ этихъ словъ да профессорскихъ записокъ не воспослѣдовало никакого умственнаго пріобрѣтенія; но на профессорскія записки я уже смотрѣлъ безъ особеннаго благоговѣнія, а слова, какія бы они ни были, все-таки не могли казаться мнѣ магическими талисманами. Значитъ, все умственное богатство мое оказалось бы просто возбужденнымъ состояніемъ мозговыхъ нервовъ, и

разсудительный человѣкъ тотчасъ понялъ бы, что со мною слѣдуетъ говорить, какъ съ мальчикомъ, совершенно неразвитымъ и ничего незнающимъ, что мнѣ слѣдуетъ рекомендовать чтеніе серьезное, но вполнѣ доступное, и что задавать мнѣ какую нибудь работу совсѣмъ не годится, потому что умъ мой долженъ питаться, а не тратить свои силы въ преждевременной производительности. Но Телицынъ ничего этого не разобралъ; всѣ мои восторги были приняты за доказательства развитости; болтовня моя о наукѣ сошла за чистую монету, и мой собесѣдникъ пресерьезно посовѣтовалъ мнѣ заняться спеціально теоріею или философіею языка. Чтобы оцѣнить этотъ совѣтъ, надо знать, что философія языка основывается на громадномъ сравнительномъ изученіи отдѣльныхъ языковъ. Люди, посвящавшіе себя этой отрасли науки, старались по возможности познакомиться со всѣми существующими на земномъ шарѣ языками, что было совершенно необходимо, потому что цѣль философіи языка (или философскаго языкознанія, или филологіи) заключается въ томъ, чтобы представить ясное и вѣрное понятіе о *словѣ*, т. е. о способности человѣка выражать свои мысли и ощущенія членораздѣльными звуками. Преслѣдуя такую цѣль, необходимо знать, какъ проявляется эта способность у различныхъ народовъ, потому что безъ этого предварительнаго знанія нельзя позволить себѣ никакого заключенія, или даже правдоподобнаго предположенія объ общихъ свойствахъ изучаемой способности. Языки у различныхъ народовъ оказывались до такой степени несходными, что разныя преждевременныя теоріи о языкѣ вообще разрушались въ прахъ такими фактами, которые узнавались вновь. Оказывалось напримѣръ, что многіе языки не различаютъ существительнаго отъ глагола; оказывалось, что другіе языки состоятъ не изъ словъ, а изъ готовыхъ предложеній. Все это надо было принимать въ разсчетъ, потому что въ самыхъ нелѣпыхъ и неразвитыхъ языкахъ все-таки дѣйствуетъ та же способность, которая только въ болѣе сильной степени проявилась въ самыхъ богатыхъ и гибкихъ языкахъ человѣчества. Кромѣ сравнительнаго изученія языковъ, необходимо изученіе историческое. Надо же знать, какъ совершенствуется или ослабѣваетъ съ теченіемъ времени разсматриваемая способность. Конечно, филологу нѣтъ необходимости говорить и писать на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которые служатъ ему матеріалами для сравненія. Но онъ долженъ имѣть очень опредѣленныя понятія о системѣ звуковъ этихъ языковъ, о переходѣ звуковъ

одинъ въ другой, объ образованіи словъ изъ корней, о грамматическомъ строѣ, о синтаксическихъ особенностяхъ; кромѣ того, онъ долженъ знать до нѣкоторой степени лексическій составъ языковъ, т. е. запасъ наиболѣе замѣчательныхъ словъ, чтобы сближать эти слова съ словами и корнями другихъ языковъ. Если ученый хочетъ ограничить свои изслѣдованія однимъ племенемъ языковъ, если такимъ образомъ изъ области философіи языка онъ спускается въ область сравнительной грамматики, то съ уменьшеніемъ объема его трудовъ должна увеличиться глубина его знаній. Нѣмецкіе филологи, занимающіеся индо-европейскою семьею языковъ, знаютъ уже во всѣхъ подробностяхъ языки санскритскій, зендскій (древне-персидскій), литовскій, греческій, латинскій, старо-славянскій, готскій и англо-саксонскій. Наконецъ ученые, сосредоточившіеся, подобно Якову Гримму, преимущественно на историческомъ изученіи нѣмецкаго языка, доводятъ знаніе всѣхъ его старыхъ и новыхъ оттѣнковъ и всѣхъ иностранныхъ языковъ, соприкасавшихся съ нимъ даже въ глубокой древности, до изумительной полноты и до непостижимаго совершенства. Цѣлая, долгая жизнь дѣятельнаго и умнаго человѣка наполняется этимъ изученіемъ, и потомъ все-таки оказывается, что изученіе это только что затронуто, и что еще десятки людей будутъ посвящать продолженію работы свои лучшія силы. Мы можемъ сомнѣваться въ практической полезности подобныхъ занятій, можемъ находить, что нѣсколько человѣческихъ жизней истрачиваются на нихъ непроизводительнымъ образомъ, но, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ отказать въ полной дани уваженія тому трудолюбію, той умственной энергіи, тому глубокомыслію и остроумію, которыя несомнѣнно обнаруживаются въ этихъ утомительныхъ и кропотливыхъ изысканіяхъ. Но если мы, оставляя въ сторонѣ ученыхъ нѣмцевъ, устремимъ наши взоры на нашихъ отечественныхъ языкознателей, то тутъ никакой дани намъ выдавать не придется, потому что соотечественники наши народъ смѣтливый и находятъ, что загребать жаръ своими руками горячо, а чужими даже пріятно. У насъ до сихъ поръ было сдѣлано только одно открытіе въ области филологіи, именно открытіе Востокова о юсахъ, и съ этимъ открытіемъ наши ученые нянчаются уже очень давно, потому что для нихъ конечно это невиданная диковинка. Всѣ же остальные наши ученые (а ихъ таки не мало) совершенно усвоили себѣ ту великую истину, что прочесть нѣмецкое изслѣдованіе, даже очень толстое, гораздо легче, чѣмъ

учиться санскритскому, зендскому и всякимъ другимъ, болѣе или менѣе непріятнымъ языкамъ. Съ этою истиною соображаются всѣ ихъ ученые подвиги. Нѣмецъ на каждой страницѣ своего труда приводитъ сопоставленія формъ и словъ, взятыхъ изъ разныхъ родственныхъ языковъ, и русскій дѣлаетъ тоже самое. Но нѣмецъ самъ разыскалъ эти формы и слова, а русскій отважно переписалъ работу нѣмца и даже не провѣрилъ ее, потому что не можетъ этого сдѣлать. Если русскій къ заимствованнымъ рядамъ формъ и словъ присоединилъ соотвѣтствующія русскія слова и формы, тогда имя его упоминается съ уваженіемъ, и студентамъ говорятъ на лекціяхъ: «даровитый ученый такой-то, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи такомъ-то, примѣнилъ блестящимъ образомъ къ нашей отечественной наукѣ методъ Якова Гримма», или какого нибудь другого туза филологіи. Конечно между нашими языкознателями есть и умные люди, понимающіе въ глубинѣ души, что ихъ экскурсіи въ нѣмецкія книги можно называть наукою только изъ вѣжливости; эти господа смотрятъ на свои работы безъ особенной нѣжности, но, какъ умные люди, они понимаютъ, что экскурсіи питаютъ и грѣютъ ихъ, и потому они не видятъ никакой надобности ратовать словомъ и перомъ противъ обычаевъ, укоренившихся въ ученомъ мірѣ. Что же касается до большинства нашихъ филологовъ, то они такъ сжились съ существующими условіями ученой дѣятельности, что находятъ ихъ совершенно нормальными. Къ этой многочисленной категоріи дѣятелей принадлежалъ и Телицынъ; занимаясь древнею русскою литературою и не имѣя никакихъ лингвистическихъ свѣдѣній, онъ находилъ совершенно возможнымъ читать намъ лекціи по философіи языка и приводить множество примѣровъ и сближеній изъ санскритскаго, зендскаго и другихъ столь же извѣстныхъ ему языковъ. Мало того. Онъ даже находилъ совершенно естественнымъ и похвальнымъ вести по слѣдамъ своимъ юнаго ревнителя науки и служить ему руководителемъ въ такой отрасли знаній, въ которой онъ, Телицынъ, былъ самъ несвѣдущимъ ученикомъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта, Гримма, Боппа, Потта, Шлейхера,—но о дѣйствительномъ изученіи языковъ не было и рѣчи. По мнѣнію Телицына, было совершенно достаточно усвоить себѣ идеи нѣмецкихъ филологовъ, а доходить до самостоятельнаго изслѣдованія или до критическаго отношенія къ благодѣтельнымъ нѣмцамъ значило мечтать о недоступной и совершенно излишней роскоши. Совѣтъ

Телицына былъ такимъ образомъ діаметрально противоположенъ совѣту Креозотова. Телицынъ совѣтовалъ питаться высшими идеями, а Креозотовъ рекомендовалъ глотать сырые факты. Какъ ни различны эти два совѣта, въ нихъ есть однако существенное сходство: оба они разсчитываютъ исключительно на память; слѣдуя тому или другому совѣту, учащійся долженъ навсегда отказаться отъ развитія критическаго смысла, потому что общая идея, построенная на неизвѣстныхъ вамъ фактахъ, представляется вамъ въ свою очередь голымъ фактомъ, который надо запомнить, но надъ которымъ размышлять невозможно. Кто знаетъ сравниваемые языки, для того сравнительная филологія является осмысленіемъ и приведеніемъ въ систему извѣстныхъ фактовъ; а кто ихъ не знаетъ, тотъ принимаетъ идеи науки на вѣру и закрѣпляетъ ихъ у себя въ памяти, какъ могъ бы закрѣпить какую-нибудь хронологическую таблицу. Когда происходилъ у меня этотъ разговоръ съ Телицынымъ, тогда я конечно не оцѣнилъ прелести его совѣта, и принялъ его съ тою добродушною радостью, съ которою принималъ до тѣхъ поръ всѣ профессорскіе совѣты, думая всякій разъ, что философскій камень найденъ и что наконецъ жизнь моя окончательно посвящена великой научной дѣятельности.

XI.

Осенью 1857 года, возвратившись съ каникулъ, я отдалъ Телицыну составленное извлеченіе изъ брошюры Штейнталя. Телицынъ вполнѣ удовлетворился имъ, и только спросилъ у меня, вполнѣ ли я усвоилъ себѣ различіе между методомъ Гегеля и методомъ Гумбольдта. Я отвѣчалъ ему, что Гегель, вотъ видите ли, все напираетъ на чистое мышленіе, а Гумбольдтъ основываетъ свои выводы на наблюденіи и изученіи фактовъ. Если бы Телицынъ сколько нибудь вошелъ въ подробности, то я бы тотчасъ положилъ оружіе;

но руководитель мой, кажется, самъ былъ поверхностно знакомъ съ мыслями Штейнталя, и потому отвѣтъ мой показался ему достаточно убѣдительнымъ. Вы спросите, читатель, отчего же я самъ не требовалъ у Телицына объясненія темныхъ мѣстъ. Да, хорошо требовать объясненія тогда, когда въ книгѣ не понимаешь двухъ-трехъ отдѣльныхъ фразъ, но когда вся книга представляется какимъ-то туманнымъ пятномъ, тогда не знаешь, о чемъ и спросить. Кромѣ того я видѣлъ, какое хорошее мнѣніе внушаетъ обо мнѣ Телицыну моя ярость къ наукѣ; жаль было разрушать такое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души я надѣялся на послѣдовательное и серьезное чтеніе, какъ на вѣрное средство безъ посторонней помощи разсѣять туманъ, скрывавшій отъ меня идеи Штейнталя и разныхъ другихъ умныхъ людей. Разсчеты мои съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ оказались далеко неоконченными. Однажды Телицынъ сообщилъ мнѣ, что недавно вышла въ свѣтъ подробная біографія Гумбольдта, написанная Гаймомъ, и что было бы очень хорошо, если бы я, по этой книгѣ, составилъ статью, которая въ соединеніи съ оконченною моею работою, могла бы быть помѣщена въ студенческомъ «Сборникѣ». Къ этому предложенію Телицынъ присоединилъ нѣсколько убѣдительныхъ резоновъ:—«вы, говоритъ, этимъ составите себѣ имя; вамъ, говоритъ, это особенно удобно, потому что вы уже знакомы съ методомъ Гумбольдта». Какъ я ни былъ наивенъ, но мысль о составленіи себѣ имени посредствомъ извлеченія изъ нѣмецкой книги показалась мнѣ смѣлою, а второму аргументу я придалъ еще менѣе значенія, потому что мнѣ были слишкомъ хорошо извѣстны мои отношенія къ методу Гумбольдта. Но предложеніе Телицына я все-таки принялъ. «Чтожъ, думалъ я, вѣдь вотъ перевелъ и извлекъ, не понимая,—авось и Гайма обработаю также удачно; да и наконецъ, все-таки я въ брошюрѣ Штейнталя присмотрѣлся къ ученому языку, такъ что есть надежда, что теперь пойму больше.» Справлялся я въ нѣкоторыхъ магазинахъ и узналъ, что книга Гайма стоитъ 5 рублей. Это мнѣ было не по деньгамъ. Я сообщилъ объ этомъ горѣ Телицыну и, по его совѣту, рѣшился читать Гайма въ публичной библіотекѣ. Началось плинфодѣланіе египетское. Почти каждый день, въ седьмомъ часу вечера, я приходилъ въ читальную залу и читалъ до девяти часовъ, пока звонокъ не объявлялъ посѣтителямъ библіотеки о томъ, что пора опочить отъ дѣлъ. Читая въ библіотекѣ, я отмѣчалъ на клочкѣ бумаги собственныя

имена и цифры годовъ. Идеи и событія я удерживалъ въ памяти, и потомъ возвратившись домой, торопился въ тотъ же день обработать письменно прочитанную часть книги. Такимъ образомъ я принужденъ былъ писать статью безъ всякаго общаго плана. Мнѣ приходилось раболѣпно слѣдовать за Гаймомъ и резюмировать начало его книги, не зная, какова будетъ середина и къ чему приведетъ конецъ. Если бы я распорядился иначе, если бы напримѣръ я прочелъ сначала всю книгу, а потомъ началъ бы писать свою статью, то вышла бы двойная работа. Я не могъ имѣть книгу подъ руками во время самого писанія статьи, потому что изъ публичной библіотеки книгъ не выдаютъ на домъ, а писать въ самой библіотекѣ было совершенно неудобно, вопервыхъ, потому что въ читальной залѣ, обыкновенное дѣло, довольно тѣсно, вовторыхъ, потому что постоянный приходъ и уходъ посѣтителей не позволялъ сосредоточиваться и вдуматься въ работу. Даже простое чтеніе шло у меня въ библіотекѣ довольно медленно; часто приходилось останавливаться и перечитывать по нѣскольку разъ одно и то же мѣсто, чтобы дойти до дѣйствительнаго пониманія. Если бы я вздумалъ, не приступая къ писанію, прочесть сначала всю книгу, то мнѣ потомъ пришлось бы еще разъ читать ее по частямъ, и общій самостоятельный планъ статьи не могъ бы быть составленъ и выполненъ, потому что для выполненія такого плана совершенно необходимо имѣть передъ собой во время работы весь собранный матеріалъ, всю прочитанную и придуманную книгу, а удержать ясно и отчетливо въ памяти всѣ черты подробной біографіи, заключающей въ себѣ болѣе 700 страницъ, положительно невозможно. Итакъ я смиренно строилъ свой домикъ, кладя кирпичъ на кирпичъ и не зная заранѣе, какая изъ всего этого выйдетъ фигура. Работа шла медленно, потому что за одинъ разъ я не успѣвалъ прочитать болѣе 30 страницъ; кромѣ того, требовалось часто провѣрять написанное; иногда не оказывалось возможности тотчасъ резюмировать прочитанныя страницы, и тогда являлась необходимость читать ихъ еще разъ. Если прибавить къ этому, что отъ моей квартиры до библіотеки было полчаса скорой ходьбы, и что нанимать извощиковъ значило бы заплатить за Гайма дороже 5-ти рублей, то читатель увидитъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ подвигался впередъ мой учено-литературный трудъ. Самое чтеніе требовало съ моей стороны сильнаго напряженія ума; книга Гайма была написана

ясно, изящно и даже картинно, и я сознавалъ и цѣнилъ въ ней эти достоинства; но Гаймъ писалъ все-таки для образованныхъ нѣмцевъ, а не для россійскихъ юношей, преуспѣвавшихъ въ гимназіи и восторгавшихся любезными звуками въ университетѣ. Гаймъ говорилъ мимоходомъ о политическомъ состояніи Европы, о литературномъ и умственномъ движеніи въ Германіи, называлъ личности и положенія, упоминалъ о партіяхъ и кружкахъ, о симпатіяхъ и антипатіяхъ, о надеждахъ и разочарованіяхъ, о конституціяхъ и реакціяхъ, предметахъ, которые извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ, но которые для меня оказывались скорбною загадкой. Мнѣ приходилось тратить бездну вниманія и остроумія, мнѣ приходилось предполагать и угадывать,—мнѣ надо было быть Шампольономъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни одного гіероглифа. Мнѣ надо было наконецъ называть въ моей статьѣ имена и событія, невызывавшія въ умѣ моемъ никакого опредѣленнаго представленія, и надо было называть ихъ съ самоувѣренностью и въ тоже время съ осторожностью, такъ чтобы читатель не замѣтилъ моихъ колебаній и не уличилъ меня въ какомъ нибудь враньѣ. При такихъ условіяхъ, писаніе статьи очень похоже на путешествіе по тонкому льду, который на каждомъ шагу трещитъ подъ ногами,—и на мѣстѣ стоять неудобно, и съ мѣста тронуться боязно. Однако я не провалился въ моей статьѣ, но надо знать, чего мнѣ это стоило; надо знать, что, сидя въ библіотекѣ, я иногда схватывался за голову обѣими руками, потому что голова шла кругомъ отъ судорожныхъ усилій моихъ найти настоящій смыслъ шарадъ и гіероглифовъ, заключавшихся собственно для меня въ книгѣ Гайма. Надо знать, какое это непріятное чувство—видѣть передъ собой нѣсколько собственныхъ именъ, знать, что ихъ слѣдуетъ помѣстить въ статью, и чувствовать при этомъ, что можешь сказать о нихъ только то, что вычиталъ вчера въ книжкѣ; собственнаго мнѣнія не имѣешь; боишься употребить свой оборотъ, или свой эпитетъ, потому что можешь провраться; и при всемъ этомъ соблюдаешь декорумъ и притворяешься передъ публикою, будто владѣешь вполнѣ обработываемымъ матеріаломъ. Точно, будто ходишь на цыпочкахъ по темной комнатѣ и каждую минуту ожидаешь, что стукнешься лбомъ въ стѣну или повалишь ногою какую нибудь затѣйливую мебель. И это мучительное чувство неловкости, притупляющееся современемъ отъ упражненія въ фразерствѣ, дѣлаетъ честь тому, кто его испытываетъ. Это естественное

отвращеніе молодого ума къ шарлатанству и притворству. Но отвращеніе это скоро изгладилось бы и искусство составлять фразы изъ непонятыхъ терминовъ и именъ развилось бы у меня до замѣчательной виртуозности, если бы за статьею о Гумбольдтѣ слѣдовали другія подобныя работы. Полюбуйтесь, читатели: кто насильно превращалъ меня въ скептика? Профессоръ Креозотовъ, который самъ вовсе не былъ скептикомъ. Кто вовлекалъ меня въ шарлатанство? Профессоръ Телицынъ, который самъ вовсе не считалъ себя шарлатаномъ. Такимъ образомъ, два почтенные наставника внушали своему питомцу, одинъ—неуваженіе къ старшимъ, другой—неуважительное обращеніе съ наукой и съ человѣческой мыслью. Ни тотъ, ни другой не хотѣли придти къ такимъ результатамъ, а между тѣмъ выходило такъ. Должно быть, въ это дѣло замѣшивался древній фатумъ. А еще вѣрнѣе и во всякомъ случаѣ проще то объясненіе, что руководители сами нуждались въ руководителяхъ, и притомъ не сознавали этого, и были довольны собою,—стало быть, въ этомъ отношеніи стояли ниже тѣхъ студентовъ, которые чувствовали потребность совѣта и вразумленія.

XII.

Мѣсяца три продолжалось писаніе статьи; недѣли три ушло на переписываніе. Когда все было кончено, Телицынъ объявилъ мнѣ, что есть еще сочиненіе о Гумбольдтѣ, которое я также долженъ принять къ свѣдѣнію. Я замѣтилъ ему, что стало быть, придется передѣлать заново всю работу; на это онъ возразилъ, что передѣлывать незачѣмъ, а что можно прочитать эту книгу Шлезіэра,—«Воспоминаніе о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ», и потомъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія и вставки. Я покорился, получилъ отъ Телицына книгу, состоявшую изъ двухъ томовъ средняго сорта и дородства, и началъ дѣлать въ статьѣ своей дополненія и вставки. Много требовалось

техническаго искусства для того, чтобы пришить эти новыя подробности и скрыть отъ читателя бѣлыя нитки. Въ душѣ моей начинала уже шевелиться досада противъ распоряженій моего руководителя. Видно было, что его деспотическое господство надъ моею мыслью начинаетъ колебаться. Какъ бы то ни было, работа моя была приведена къ окончанію; выдержки изъ нея прочтены съ успѣхомъ въ собраніи студентовъ, и ихъ приговоръ рѣшилъ, что статья моя заслуживаетъ быть помѣщенною въ студенческомъ «Сборникѣ». Значитъ, подвигъ совершенъ и самолюбіе удовлетворено. За окончаніемъ труда всегда слѣдуетъ время отдыха, когда трудившійся оглядывается на самого себя, повѣряетъ свои силы и отдаетъ себѣ отчетъ въ той пользѣ, которую принесъ ему оконченный трудъ. Біографія и характеристика Гумбольдта, какъ человѣка и ученаго, лежала передо мною въ пяти толстыхъ тетрадяхъ, и глядя на эти тетради, я припомнилъ, что въ нихъ заключена вся моя умственная жизнь за шестнадцать мѣсяцевъ. Переводъ Штейнталя былъ начатъ въ декабрѣ 1856 года, а выписки изъ Шлезіэра окончены въ апрѣлѣ 1858 г. Что же далъ мнѣ этотъ упорный и продолжительный трудъ? Телицынъ смотритъ на меня какъ на дѣльнаго молодого человѣка, и даже не прочь похвастать мною, какъ своимъ произведеніемъ; многіе студенты и нѣкоторые профессора изъ не-филологовъ знаютъ мое лицо и мою фамилію; работа моя печатается въ сборникѣ. Ну, а потомъ? Мнѣніе другихъ обо мнѣ возвысилось, но чѣмъ возвысилось мое дѣйствительное достоинство? Что я узналъ? Да мало ли что! Узналъ я, что на свѣтѣ жили два брата фонъ-Гумбольдтъ — Вильгельмъ и Александръ; узналъ, у кого учился Вильгельмъ, съ кѣмъ былъ знакомъ, куда ѣздилъ, какія писалъ разсужденія и изслѣдованія; узналъ даже по нѣскольку мыслей изъ замѣчательныхъ его произведеній. Все это — знанія, — на улицѣ этого не подымешь. Если бы я пріобрѣлъ эти свѣдѣнія въ двѣ недѣли, то можно было бы сказать, что время не пропало даромъ. Но придти къ такимъ результатамъ послѣ шестнадцати-мѣсячнаго труда — это похоже на побѣду Пирра надъ римлянами. «Еще двѣ такія побѣды, говорилъ Пирръ, и мнѣ придется бѣжать изъ Италіи». «Еще полтора такіе подвига, могъ я сказать, и мнѣ придется выходить изъ университета, потому что до окончанія курса мнѣ оставалось два года, т. е. столько времени, что я подъ руководствомъ Телицына могъ довести до конца еще одну біографію, и потомъ остановиться на половинѣ третьей, работы

столь же полезной для моего развитія и для будущей научной дѣятельности. Надъ этимъ стоило задуматься, и я дѣйствительно задумался. Мнѣ пришло наконецъ въ голову, что я по милости Телицына работалъ самымъ безалабернымъ образомъ и потратилъ пропасть лишняго труда и времени. Ктожъ такъ дѣлаетъ, думалъ я? Сначала перевести, потомъ сдѣлать извлеченіе, потомъ къ извлеченію прилѣпить новую статью, потомъ въ эту новую статью вшивать вставки. Чтожъ это за руководитель? Да много ли онъ самъ-то смыслитъ? Да полно, умный ли онъ человѣкъ? Наконецъ, добросовѣстно ли онъ распоряжался моими силами? И на всѣ эти сокрушительные вопросы слѣдовали быстро и неотразимо сокрушительные отвѣты: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Образъ Телицына сводился съ пьедестала, и на головѣ его вмѣсто сіяющаго ореола появлялся какой-то смиренный колпакъ; и его мечтательный взоръ, и его разсѣянность въ разговорѣ, и его красивыя слова въ заключеніе лекцій—все это освѣщалось иначе и пріобрѣтало другой смыслъ, очень простой и вовсе неторжественный. У него просто умъ за разумъ заходитъ, думалъ я; онъ весь ушелъ въ свои книги и говорить умѣетъ только о томъ, что вычиталъ вчера или сегодня утромъ; дальше книгъ онъ видѣть не можетъ, и самый простой вопросъ изъ практической жизни застаетъ его врасплохъ и оказывается для него неразрѣшимымъ. Нѣтъ, рѣшилъ я, такой человѣкъ не можетъ служить другому руководителемъ въ занятіяхъ. Не смотря на это правильное умозаключеніе, я сдѣлалъ однако еще попытку въ томъ направленіи, на которое указывалъ мнѣ Телицынъ. Я началъ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта и думалъ собственными силами продолжать потомъ занятія по философіи языка, обращаясь по временамъ къ Телицыну за невинными библіографическими справками. Мнѣ ужъ черезчуръ тяжело было сознаться передъ самимъ собою, что почти полтора года ухлопано даромъ, и потому хотѣлось какъ нибудь привязать новыя постоянныя занятія къ работѣ по Штейнталю и Гайму. Конечно, изъ этого не могло выдти ничего путнаго. Философскимъ идеямъ Гумбольдта не на что было опереться въ моемъ мозгу, и чтеніе не оставляло во мнѣ прочнаго слѣда, а только пріучало меня къ нѣмецкому философскому изложенію. И за то спасибо, но время все-таки тратилось безъ особенной пользы. Между тѣмъ Телицынъ какъ молодой ученый, подающій блестящія надежды, уѣхалъ на казенный счетъ за границу. Это обстоятельство довершило и упрочило мое

освобожденіе изъ подъ его вліянія. Надо сознаться, что это вліяніе было для меня въ родѣ крѣпостной зависимости. Мой трудъ считался за ничто, и Телицынъ расходовалъ его самымъ неразсчетливымъ образомъ, давая совѣты наобумъ и не обращая вниманія на мои собственныя умственныя потребности. Правда, что я и самъ не сознавалъ этихъ потребностей; но дѣло руководителя въ томъ и состоитъ, чтобы дать своему питомцу такое чтеніе, которое пробудило бы его самосознаніе и привело бы въ ясность его умственныя требованія. Толпа студентовъ провожала Телицына на пароходъ, но когда онъ уѣхалъ, тогда критическій взглядъ на его личность и дѣятельность сталъ быстро выработываться въ головахъ его обожателей. Этому критическому взгляду содѣйствовали во многихъ отношеніяхъ письма Телицына изъ за-границы, печатавшіяся въ одномъ московскомъ журналѣ. Я помню какъ, прочтя вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ товарищей одно изъ этихъ писемъ, я вынесъ изъ продолжительнаго чтенія только ту мысль, что студенты одного нѣмецкаго университета носятъ очень широкіе панталоны. Товарищъ мой, которому я сообщилъ этотъ результатъ, нашелъ, что это дѣйствительно самое рельефное впечатлѣніе, остающееся отъ чтенія письма.

XIII.

Долго поклонялся я Телицыну, и дорого стоило мнѣ это «любленіе твари паче бога»; но когда кумиръ мой оказался чурбаномъ, тогда уже всякое идолослуженіе сдѣлалось для меня отвратительнымъ и слѣдовательно навсегда невозможнымъ. Съ осени 1858 года я объявилъ себя независимымъ, и отношенія мои къ университету и къ профессорамъ, къ лекціямъ и совѣтамъ сдѣлались чисто отрицательными. Начинался третій годъ моего студенчества; цѣлая половина курса лежала уже позади меня—и помянуть ее было нечѣмъ. Слова, стремленія, бѣготня по корридорамъ университета, безплодное

чтеніе, не оставлявшее по себѣ ни удовольствія, ни пользы, машинальная работа перомъ, не удовлетворявшая потребностямъ ума и не дававшая даже денегъ, школьническое приготовленіе къ экзаменамъ и школьническое отвѣчаніе на экзаменахъ, скука на лекціяхъ, скука дома—вотъ и все, что пережито мною въ эти два года, вотъ и все, чѣмъ наградилъ меня волшебный міръ университета за мою страстную и неосмысленную любовь къ недостижимымъ и невѣдомымъ сокровищамъ мысли. Горько было не то, что пропали даромъ два года; я молодъ и дѣятеленъ; наверстать потерянное время нетрудно. А горько и страшно то, что ошибки потерянныхъ лѣтъ ничему не научили меня и не могли пригодиться на будущее время. По прошествіи двухъ лѣтъ, я не только не сдѣлалъ ни шагу впередъ въ той или другой области знанія, но я даже не зналъ, за что приняться и какъ взяться за дѣло. Дѣтская довѣрчивость моя была уничтожена, но опыта и собственнаго умѣнія руководить своими занятіями не было пріобрѣтено. Я увидѣлъ, что проводники ведутъ меня въ трущобу, и ушелъ отъ этихъ проводниковъ, и остался въ лѣсу одинъ, и все-таки не зналъ, куда идти и что дѣлать. Пока я довѣрялъ проводникамъ, положеніе мое было опасно, но я былъ доволенъ и успокоенъ; когда я бросилъ проводниковъ, во мнѣ явилось чувство тревоги и боязни, но положеніе мое не улучшилось, или по крайней мѣрѣ, улучшилось только въ томъ отношеніи, что я оцѣнилъ его неудобства. Вопросъ о выборѣ спеціальности началъ принимать въ моихъ глазахъ серьезное и угрожающее значеніе; онъ сдѣлался для меня загадкою сфинкса; разрѣшенія этой загадки стала требовать уже не одна любознательность, къ любознательности стало присоединяться чувство самосохраненія. «Отгадай, или я тебя проглочу», говоритъ сфинксъ. Выбери спеціальность, говорилъ я себѣ, или клади зубы на полку. До выхода изъ университета остается меньше двухъ лѣтъ, а потомъ что? Жить по прежнему на родительскихъ хлѣбахъ? Да вѣдь надо же и честь знать. Не для этого давали мнѣ образованіе, это образованіе и безъ того уже достается тяжело родительскому бюджету. Идти на службу? Да кого же это такъ прельститъ мой кандидатскій дипломъ? Кто же это мнѣ по первому востребованію отведетъ штатное мѣсто? Да и что я такое? Образованный юристъ, или просвѣщенный администраторъ? Грамотныхъ людей и безъ меня довольно въ числѣ искателей мѣстъ, а кромѣ грамотности во всей моей филологической премудрости нѣтъ ни

одной іоты, пригодной для канцелярской дѣятельности. Всякій заштатный писецъ уѣзднаго суда или квартальнаго управленія лучше меня съумѣетъ написать и переписать входящую или исходящую. Я вотъ даже и не знаю, какъ назвать дѣловую бумагу. По ученой части пойти? Въ учители гимназіи? Это конечно хорошо, но только что же я за учитель? Какую науку я возьмусь преподавать? Что я знаю, кромѣ книги Гайма о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ? И что я успѣю изучить втеченіи этихъ двухъ лѣтъ, когда мнѣ въ это время придется еще готовиться къ выпускному экзамену и писать кандидатскую диссертацію? Вопросъ о спеціальности становился мрачнымъ и грозилъ сдѣлаться неразрѣшимымъ. Нехорошо вообще, когда обстоятельства принуждаютъ насъ разсматривать одинъ предметъ съ двухъ различныхъ и почти независимыхъ точекъ зрѣнія. Нехорошо, когда является необходимость сдѣлать компромиссъ между требованіями любознательности и нахальными доводами житейскаго расчета. Совсѣмъ нехорошо, когда наука представляется вамъ въ одно и то же время цѣлью и средствомъ, высокимъ наслажденіемъ и хлѣбнымъ ремесломъ. Тогда ваши отношенія въ наукѣ дѣлаются похожими на отношенія пламеннаго любовника, которому повелительница его сердца платитъ за сердечный пылъ наличными деньгами и готовою квартирой. При такихъ двусмысленныхъ условіяхъ вопросъ о спеціальности запутывается окончательно, и вопрошающій юноша дѣлается плохимъ ремесленникомъ и негоднымъ ученымъ. У него оказывается мало денегъ и еще менѣе учености. Цѣлая долгая жизнь изнашивается въ бѣдности и неизвѣстности, и что всего обиднѣе, часто въ подобной жизни тратится по мелочамъ такая масса умственнаго труда и терпѣливаго мужества, такая масса, которой было бы слишкомъ достаточно, чтобы выдвинуть труженика впередъ и сдѣлать его полезнымъ для общества и пріятнымъ для самого себя. И труженикъ ни въ чемъ невиноватъ, потому что наука вообще плохое ремесло, иного она и обогатитъ, но она никогда не будетъ доставлять всѣмъ своимъ обожателямъ средства платить долги въ мелочную лавочку. Итакъ поступаетъ не одна наука; заодно съ нею дѣйствуютъ литература, коронная служба, адвокатура и всѣ другія видоизмѣненія умственнаго труда. Самый жалкій пролетаріатъ распространенъ между бѣдными чиновниками, между неудавшимися литераторами, между непризнанными дѣятелями науки, и распространенъ между этими людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ между сапожниками, бу-

лочниками или портными. Очень понятно. Изъ умственныхъ продуктовъ обществу нуженъ только первый сортъ; поэтому, осыпая деньгами и знаками уваженія отдѣльныя единицы, оно брасаетъ массѣ умственныхъ тружениковъ сухія корки хлѣба, да и то въ ограниченномъ количествѣ. Я не говорю, что оцѣнка общества всегда безошибочна, но это обстоятельство не измѣняетъ вопроса, потому что здѣсь дѣло идетъ не о дѣйствительномъ достоинствѣ умственнаго труда, а о степени его надежности и прибыльности. Калачъ, пара сапогъ, сюртукъ или пальто всегда нужны и всегда имѣютъ какую-нибудь цѣнность, но нелѣпое изслѣдованіе или романъ отвергнутый журналистами и книгопродавцами не имѣютъ никакой цѣнности и вводятъ ихъ обладателя въ убытокъ, потому что бѣлая бумага, на которой написано произведеніе, дороже исписанной бумаги, идущей на макулатуру. Все это истины очень старыя и очень простыя, но ихъ не понимаетъ до сихъ поръ та часть нашего общества, которая называется образованною. До сихъ поръ самые разсудительные родители тянутся изъ послѣднихъ силъ, чтобы провести своихъ дѣтей черезъ среднія и высшія учебныя заведенія и дать имъ въ руки аттестатъ или дипломъ; до сихъ поръ каждый разсудительный родитель взглянулъ бы на васъ съ гнѣвнымъ удивленіемъ, если бы вы заикнулись ему о томъ, что нехудо бы его Мишеньку или Володеньку мастерству какому-нибудь обучить; да вы, какъ человѣкъ благовоспитанный, никогда и не заикнетесь. Даже смѣлые журналисты наши, порывающіеся облобызать почву, толкующіе о томъ, что не мѣшало бы приписаться куда-нибудь, и ради сближенія и сліянія перенести розги, могущія представиться по мирскому приговору, даже эти милые патріоты не заикаются насчетъ Мишеньки или Володеньки. Имъ также кажется невдомекъ, что больше девяти-десятыхъ нашего брата бѣдствуетъ, нищенствуетъ и дармоѣдствуетъ единственно отъ того, что возлагаетъ все упованіе на аттестаты и дипломы, а ко всякому ремеслу подходитъ только тайкомъ и украдкой, урывками и самоучкой, да и то въ случаѣ голодной крайности. Но какъ же Мишеньку и Володеньку отдать въ ученіе къ сапожнику или портному, скажетъ самая разсудительная мать. Вѣдь хозяева морятъ голодомъ своихъ учениковъ, бьютъ ихъ, чѣмъ попало и порятъ ихъ не на животъ, а на смерть. Точно такъ, ваше высокоблагородіе. Но эти недоразумѣнія между хозяевами и учениками вовсе не составляютъ незыблемаго закона природы. Хозя-

ева дѣйствуютъ такъ потому, что имъ отдаются въ ученіе Мишки и Володки, которыхъ было принято кормить изъ хозяйственнаго расчета а пороть повдохновенью. До сихъ поръ порятъ и скверно кормятъ въ семинаріяхъ и между тѣмъ,—понемногу перестаютъ пороть и скверно кормить въ гимназіяхъ, единственно потому, что гимназіи болѣе на виду у общества и болѣе интересуютъ его. Если общество будетъ заинтересовано тѣмъ, чтобы мастера обращались человѣчно съ своими учениками, то это исполнится безъ особеннаго труда, и благодѣянія человѣчнаго обращенія будутъ естественнымъ образомъ распространены на забитыхъ и заморенныхъ Мишекъ и Володекъ. Стало быть, только умственная неподвижность мѣшаетъ родителямъ обращать своихъ дѣтей въ мастеровыхъ, и только рутинная ограниченность мысли заставляетъ ихъ навязывать дѣтямъ такую карьеру, которая чрезвычайно похожа на лотерейный билетъ. Выигралъ—ты директоръ департамента, академикъ, или извѣстный писатель; проигралъ—ты вѣчный чернорабочій съ развитыми потребностями, или просто нищій и паразитъ. Но выигрышей во всякой лотереѣ бываетъ чрезвычайно мало сравнительно съ общимъ числомъ билетовъ, а между тѣмъ охотники до лотерей запоминаютъ только примѣры выигрышей и не обращаютъ никакого вниманія на тысячи печальныхъ уроковъ самого поучительнаго свойства. Всякій хватается за невѣрный умственный трудъ и великодушно оставляетъ ремесленный трудъ младшей братіи. Отъ этого развивается въ обществѣ бѣдность, отъ этого чахнетъ и умственная дѣятельность, которая по самой природѣ своей должна быть свободна даже отъ вліянія матеріальныхъ обстоятельствъ. Сапожникъ можетъ писать очень хорошія поэмы въ часы свободные отъ работы; но если этотъ самый сапожникъ будетъ надѣяться для прокормленія своей семьи не на ремесло свое, а на свой поэтическій талантъ, то ему естественно придется приневоливать себя къ творчеству, и стихи будутъ выходить посредственные; можетъ правда случиться, что талантъ его очень богатъ и что онъ способенъ творить постоянно, не истощаясь и не слабѣя; но всякій понимаетъ, что такіе таланты рѣдки и что ихъ обладатели, имѣющіе возможность прокармливать себя умственными трудами, принадлежатъ именно къ тѣмъ счастливымъ исключеніямъ, которымъ достался выигрышный лотерейный билетъ. И вотъ изъ за-этихъ-то исключеній наше общество ежедневно жертвуетъ судьбою тысячъ своихъ молодыхъ членовъ, которые могли бы

быть хорошими и зажиточными, образованными и дѣятельными ремесленниками, и которые, не смотря на то, дѣлаются бѣдными и безполезными чиновниками, жалкими литераторами и смѣшными учеными.

XIV.

Въ общихъ чертахъ мнѣ пришлось передумать, во время исканія спеціальности, всѣ тѣ мысли, которыя изложены въ предъидущей главѣ и которыя читатель, по всей вѣроятности, считаетъ неумѣстнымъ отклоненіемъ отъ главнаго предмета моей статьи. Мнѣ было очень тяжело, и нерѣшительность моя увеличивалась вмѣстѣ съ мучительнымъ сознаніемъ, что время не терпитъ и что рѣшиться на что нибудь надо поскорѣе. Когда вамъ случается особенно торопливо одѣваться, то дѣло рѣдко идетъ удачно; вы спѣшите, и каждая отдѣльная вещь тоже спѣшитъ, и не дается вамъ въ руки. Я спѣшилъ заняться чѣмъ нибудь, и потому только метался изъ стороны въ сторону, хватался то за одинъ предметъ, то за другой, читалъ много, но вопервыхъ безъ толку, вовторыхъ, съ глухимъ отчаяніемъ, съ постоянною мыслію, что это все безполезно и что ничего изъ этого не выйдетъ. Понятно, съ какою горячею благодарностью я вспоминалъ тогда почтенныхъ руководителей, сбившихъ меня съ толку и отнявшихъ у меня даже довѣріе къ моимъ силамъ. Отъ философіи языка я кинулся къ славянскимъ нарѣчіямъ, потомъ обрушился на русскую исторію, потомъ вдругъ принялся изучать гомеровскую мифологію, потому что мнѣ представилось, что въ головѣ моей возникла геніальная идея, великолѣпно объясняющая греческое понятіе судьбы или рока. Въ такихъ ристаніяхъ по наукамъ филологическаго факультета прошло больше года. Товарищи мои иногда бранили меня за мою нелѣпость, иногда смѣялись надъ моими постоянными тревогами, но мнѣ было не до смѣха, и я самъ готовъ былъ бранить себя самымъ горькимъ и обиднымъ образомъ.

Каждый разговоръ съ товарищами приводилъ меня въ уныніе или усиливалъ мою тревогу. Отчего, думалъ я, они всѣ знаютъ, что имъ дѣлать? Одинъ изучаетъ памятники народной поэзіи, да еще началъ съ кельтскихъ пѣсенъ, и языку кельтскому выучился; другой занимается славянами, и совершенно доволенъ своими занятіями; третій читаетъ серьезныя сочиненія по древней исторіи и тоже не волнуется мятежными страстями. Отчего же я одинъ одержимъ фуріями? Отвѣтъ найти было не трудно, но этотъ отвѣтъ меня не удовлетворялъ. Легко было понять, что всѣ они читаютъ спокойно потому, что каждый изъ нихъ нашелъ себѣ дѣло по вкусу и постепенно втянулся въ понравившееся занятіе. Но тогда возникалъ вопросъ: отчего же это мнѣ ничто не нравится настолько, чтобы я взялся за дѣло и вработался въ него? На этотъ вопросъ слѣдовало отвѣтить такъ: подожди! найдешь и ты занятіе по душѣ, а насильно влюбиться нельзя ни въ женщину, ни въ науку. Этотъ отвѣтъ приходилъ мнѣ въ голову, но противъ него всегда находилось сильное возраженіе: «ищите и обрящете.» Спеціальность не придетъ ко мнѣ сама. Я рискую цѣлую жизнь просидѣть у моря въ ожиданіи погоды, если я не буду испытывать серьезными работами свои вкусы и способности. Въ этомъ разсужденіи было много справедливаго, но я примѣнялъ его къ дѣлу чрезвычайно уродливо. Мнѣ слѣдовало бы читать такія книги, которыя могли быть интересны и полезны для всякаго образованнаго человѣка. Историческія сочиненія, особенно по новѣйшей исторіи, политико-экономическія книги, популярныя книги по различнымъ отраслямъ права, сочиненія по естественнымъ наукамъ, наконецъ просто русскіе журналы и газеты—все это несомнѣнно содѣйствовало бы моему развитію, все это дало бы мнѣ много знаній и во всякомъ случаѣ не осталось бы для меня мертвымъ капиталомъ, если бы даже во время этихъ чтеній я не встрѣтился съ тою неизвѣстною красавицей, которой я непремѣнно хотѣлъ отдать мою жизнь и мои умственныя силы. Если бы даже судьба погрузила меня въ чтеніе Русскаго Вѣстника, и такимъ образомъ сотворила бы изъ меня обожателя гг. Каткова и де-Молинари, то и за это я могъ бы сказать ей спасибо. Гг. Каткова и де-Молинари я сталъ бы обожать за идеи, крайне рутинныя, но все же новыя для меня, какъ Телицына я обожалъ за красивыя слова, годныя только на то, чтобы вызывать рукоплесканія неопытныхъ студентовъ. Прогресъ былъ бы очевидный. Кромѣ

того, увлеченіе Русскимъ Вѣстникомъ не могло быть продолжительно, потому что молодой умъ воспріимчивъ къ проявленіямъ свѣжей мысли, и потому что такія проявленія могли встрѣтиться мнѣ въ той же русской журналистикѣ, въ которой встрѣтились бы узкія и ложныя мудрованія. Словомъ, мнѣ непремѣнно надо было взглянуть за двери университета, увидать дѣйствительную жизнь, хотя бы въ журнальныхъ книжкахъ и въ столбцахъ газетъ. Я могу сказать безъ преувеличенія, что если бы я употребилъ первые два года моего студенчества на постоянное чтеніе Московскихъ или Петербургскихъ Вѣдомостей, газетъ вовсе незамѣчательныхъ по своему литературному или политическому достоинству, то все-таки это чтеніе принесло бы моему развитію гораздо больше пользы, чѣмъ мои занятія профессорскими лекціями, Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и переводомъ Страбона. Но ухлопавъ два года, я продолжалъ ухлопывать до конца все время моего студенчества. Я видѣлъ, что ошибся въ выборѣ занятій, но не понималъ того, что мнѣ слѣдуетъ радикально перемѣнить методъ и принципъ занятій, слѣдуетъ выйти на свѣжій воздухъ изъ душныхъ монастырскихъ стѣнъ университетской науки. Я не бралъ въ руки ни одной книги, не спросивши себя предварительно: а нужно ли мнѣ это читать для моей спеціальности? А не есть ли это потеря времени? Я, напримѣръ, не зналъ Жоржъ Занда, и не взялъ бы въ руки ни одного ея романа изъ опасенія потерять даромъ время, пригодное для чтенія Краледворской рукописи или мухамеданской нумизматики Савельева. Я позволялъ себѣ прочесть Шекспира, Шиллера или Гете только потому, что эти имена упоминаются во всякой исторіи литературы; но и къ нимъ я снисходилъ очень рѣдко, потому что время дорого, и путь ко спасенію узокъ и прискорбенъ. Принимаясь за спеціальность, я всегда врѣзывался прямо въ самую сушь, въ такую сушь и глушь, которая могла имѣть смыслъ и интересъ только для человѣка, уже давно работающаго въ этой области наукъ. Кромѣ того, я обладалъ особеннымъ искусствомъ браться именно за тѣ науки, къ которымъ нѣтъ легкаго и постепеннаго доступа. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ мнѣ приходилось начинать съ польской и чешской азбуки. Въ русской исторіи надо было преодолѣвать книгу Соловьева, изслѣдованія Погодина, работы Круга, Байера, Лерберга. Можетъ быть, этого и не надо было; можетъ быть споръ, о варягахъ могъ остаться для меня въ сторонѣ,—но я думалъ, что необходимо начинать сначала, и не

смотря на всѣ усилія, никакъ не могъ заинтересовать себя ни чешскою азбукой, ни изслѣдованіями о Русской Правдѣ. Мнѣ приходило иногда въ голову, что я, можетъ быть, вовсе не созданъ быть ученымъ; но такая еретическая мысль наполняла меня ужасомъ и негодованіемъ. На что же я послѣ этого годенъ, и что же я изъ себя сдѣлаю? Товарищи мои также смотрѣли съ укоризною на слишкомъ радикальныя сомнѣнія мои въ отношеніи къ ученой карьерѣ, они говорили даже, что это блажь и лѣнь, и я этому вѣрилъ, хотя заподозрить меня въ лѣности было мудрено, и во всякомъ случаѣ несправедливо. Но студенты и профессоры филологическаго факультета были уже такъ устроены отъ природы, что на поползновеніе уклониться отъ ученой дѣятельности они смотрѣли, какъ на ренегатство, какъ на умственное и нравственное паденіе. Это не помѣшало почти всѣмъ моимъ товарищамъ поступить на службу въ разные департаменты, но они до сихъ поръ утѣшаютъ себя мыслію, что они будутъ держать экзаменъ на магистра и потомъ двигать науку впередъ. Вліяніе профессоровъ и студентовъ, вліяніе спертой университетской и особенно факультетской атмосферы постоянно толкало меня обратно къ чешской азбукѣ и къ русской правдѣ, и я опять боролся, и опять изнемогалъ, и опять приходилъ въ отчаяніе, зачѣмъ я не влюбленъ въ русскія древности и въ славянское корнесловіе. Передъ глазами моими былъ поучительный образчикъ того ученаго аскетизма, къ которому я самъ стремился такъ упорно и такъ напрасно: товарищъ мой М., занимавшійся славянами, не хотѣлъ знать ничего такого, что не касалось бы славянскаго міра. Въ этомъ нежеланіи была какая-то холодная и постоянная энергія; для него дѣйствительно существовалъ особенный славянскій міръ, и все что выходило изъ предѣловъ этого міра, составляло для моего товарища тьму кромешную и игнорировалось имъ съ самодовольствомъ и съ гордостью заклятого спеціалиста. По внушенію гимназическаго учителя русской словесности, онъ началъ заниматься славянами еще въ гимназіи, втянулся въ изученіе мельчайшихъ фактовъ, и потомъ продолжалъ тѣ же занятія въ университетѣ, обращая на остальныя науки столько вниманія, сколько было совершенно необходимо для того, чтобы кое-какъ выдерживать переходные экзамены. Объ общемъ образованіи его судить было невозможно, потому что онъ никогда не говорилъ ни о чемъ не-славянскомъ; когда при немъ студенты вели между собою общій научный

разговоръ или философскій споръ, (что составляетъ неизбѣжную принадлежность студенческаго быта), тогда М. молчалъ или приводилъ частный примѣръ изъ славянской исторіи или мифологіи, изъ славянскаго языка или права, если споръ допускалъ подобныя вставки. Онъ вообще былъ холоденъ и сухъ; провести съ нимъ полчаса съ глазу на глазъ было тяжело и утомительно, хотя онъ всегда встрѣчалъ товарища радушно. Чтобы объяснить себѣ самому и другимъ исключительность своихъ занятій, онъ любилъ драпироваться въ мантію всеславянскаго патріотизма; на тетрадяхъ его красовался эпиграфъ: «Slavus sum et nihil slavici a me alienum esse puto» (Я Славянинъ, и ничто славянское не считаю для себя чужимъ),—жалкая и смѣшная пародія на прекрасныя слова: «Homo sum, et nihil humani...» (Я человѣкъ, и ничто человѣческое и т. д.) Онъ съ пафосомъ говорилъ о величіи славянскаго имени, но этотъ пафосъ никого не увлекалъ, потому что самый неопытный слушатель славянствующаго витіи могъ чувствовать и дѣйствительно чувствовалъ, что восторгъ этотъ подогрѣтъ и что воодушевленіе это искуственно. Я не понималъ славянскихъ чувствъ моего товарища, да и всѣ наши филологи вмѣстѣ со мною сомнѣвались въ ихъ искренности и даже отрицали ихъ существованіе,—а между тѣмъ мы всѣ глубоко уважали М., какъ чрезвычайно дѣльнаго спеціалиста. Въ каждомъ изъ насъ было гораздо больше жизни, чѣмъ въ нашемъ славянинѣ; каждый изъ насъ былъ умнѣе и даровитѣе его, а между тѣмъ мы не задумывались ставить его выше насъ всѣхъ, потому что онъ былъ отрѣшеннымъ отъ грѣховнаго міра спеціалистомъ. И я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы дойти до того умственнаго кастратства, въ которомъ блаженствовалъ мой замѣчательный товарищъ.

XV.

Умственныя страданія мои увеличивались каждый разъ, когда я видѣлся и разговаривалъ съ профессоромъ Сварожичемъ, занимавшимъ въ нашемъ университетѣ кафедру славянскихъ нарѣчій. Его слова были каплями уксуса, падавшими на мои свѣжія раны; между тѣмъ, слова эти вовсе не были порицательнаго свойства, да и все обращеніе Сварожича со мною было чрезвычайно деликатно, ласково и даже задушевно. Сварожичу было около пятидесяти лѣтъ; онъ былъ академикомъ, членомъ многихъ обществъ и пользовался очень громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что онъ былъ умнѣе всѣхъ профессоровъ нашего факультета. Но умъ этотъ, острый и проницательный, сухой и трезвый, былъ преимущественно разлагающаго свойства; онъ могъ преслѣдовать ошибочную гипотезу въ ея послѣднія убѣжища, онъ могъ разбивать красивую мечту безъ всякаго состраданія къ ея красотѣ, онъ разрушалъ всякую теорію, показывалъ несостоятельность всякаго рискованнаго предположенія,—и затѣмъ, окончивъ дѣло истребленія, воздерживался отъ всякой попытки собственнаго творчества. Я увѣренъ, что если бы Сварожичъ былъ химикомъ или анатомомъ, то имя его было бы гораздо извѣстнѣе, и услуги, оказанныя имъ знанію, были бы тогда дѣйствительно значительны и плодотворны. Но жизнь и умственная дѣятельность народа не могутъ быть вызваны изъ прошедшаго одною критическою силою ума. Чтобы понимать человѣка, надо умѣть поставить себя въ его положеніе, надо перечувствовать его горе и радость. Историкъ нуждается, правда, въ трезвой критикѣ, чтобы очистить факты отъ выдумокъ и случайныхъ искаженій, но настолько же, или можетъ быть, еще болѣе нуждается онъ въ силѣ воображенія и чувства. Эти послѣднія свойства часто вводятъ историка въ ошибки, и историческая картина оказывается невѣрною; но если бы не было этихъ свойствъ, тогда картины не было бы вовсе, тогда не существовала бы исторія. Историкъ, подобный Сварожичу, не ошибается никогда, потому что никогда не бываетъ историкомъ. Его критика взвѣшиваетъ каждый

фактъ отдѣльно, отбрасываетъ все, что неправдоподобно, подмѣчаетъ каждое внутреннее противорѣчіе и пользуется имъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Потомъ, когда весь механизмъ прошедшей жизни развинченъ и разобранъ, когда всѣ колеса, винты и гайки пересмотрѣны и вычищены, тогда вся эта груда очищенныхъ частей оставляется въ видѣ груды, и работникъ принимается за разборку другой машины. То, что дѣлается въ области исторіи, повторяется также въ области филологіи; языкъ также развинчивается на звуки и части рѣчи, а жизнь и духъ языка, его особенности и красоты, въ которыхъ выразились свойства народа, остаются нетронутыми и непонятными. Такимъ образомъ, посвящая себя историко-филологической дѣятельности, сильный критическій умъ добровольно обрекаетъ себя на ту черную работу, которая называется въ ученомъ мірѣ заготовленіемъ матеріаловъ. Черная работа полезна, но если мы возьмемъ въ разсчетъ, что чернорабочій филологъ могъ бы быть первокласснымъ химикомъ или анатомомъ, то мы невольно пожалѣемъ объ его участи и замѣтимъ про себя, что большое дарованіе тратится на малыя дѣла. Машинисту не слѣдуетъ быть землекопомъ, талантливому журналисту не слѣдуетъ быть приходскимъ учителемъ, и точно также Сварожичу не слѣдовало быть заготовителемъ матеріаловъ, когда онъ самъ могъ бы быть замѣчательнымъ дѣятелемъ въ такой наукѣ, которая требуетъ только силы и трезвости критическаго взгляда. Я увѣренъ, что самъ Сварожичъ, какъ человѣкъ умный, понималъ неестественность своего положенія, но по всей вѣроятности, онъ началъ понимать ее уже тогда, когда дорога была выбрана, когда первые и самые трудные шаги были пройдены, и когда слѣдовательно поворотить назадъ и пойти по другой дорогѣ было уже неудобно и тяжело. Онъ конечно никогда не говорилъ о томъ, что ему не нравится предметъ его занятій, онъ постоянно работалъ настолько, насколько это было необходимо для поддержанія составленной репутаціи, онъ даже увлекался иногда критическимъ процессомъ мысли, онъ ради приличія показывалъ сочувствіе къ судьбѣ и къ поэзіи славянскаго племени, — но всякій, мало-мальски внимательный наблюдатель могъ легко замѣтить, что Сварожичъ глубоко равнодушенъ къ своей наукѣ и даже невольно относится къ ней съ легкимъ оттѣнкомъ скептическаго презрѣнія. Понятно, что такія отношенія человѣка къ предмету его постоянныхъ занятій должны быть мучительны; понятно также, что человѣкъ старается избавиться отъ

этого мучительнаго ощущенія и достигаетъ своей цѣли; но умственное спокойствіе покупается цѣною нравственнаго достоинства. Сначала человѣкъ говоритъ себѣ: «я приношу мало пользы на этомъ поприщѣ; я здѣсь не на своемъ мѣстѣ», —и ему тяжело отъ этого сознанія; но потомъ онъ привыкаетъ къ своему ложному положенію и начинаетъ говорить себѣ: «а что за бѣда? Вѣдь люди глупы; имъ кажется, что я приношу много пользы. Меня уважаютъ. Чѣмъ же я не на своемъ мѣстѣ? Вонъ я сколько жалованья получаю»! Такая исторія происходитъ со всѣми ретивыми молодыми чиновниками, которые начинаютъ замѣчать, что ретивость ихъ должна укоротить поводья, и которые между тѣмъ не имѣютъ духу покинуть благословенныя Палестины. Такая исторія произошла нѣкогда съ Сварожичемъ. Какъ умный человѣкъ, онъ очень радикально излечился отъ всякихъ тяжелыхъ сознаній, и, безъ малѣйшей любви къ своему дѣлу, продолжалъ профессорствовать, работать въ академіи и засѣдать во всевозможныхъ ученыхъ обществахъ. Умственный трудъ, исканіе истины сдѣлались для него службою, средствомъ получать большое жалованье, дорогою къ чинамъ и знакамъ отличія. И дѣйствительно, служба его шла блистательно. Имя его было извѣстно даже заграничнымъ славянскимъ ученымъ, считавшимъ его въ невинности души ревностнымъ апостоломъ славянской науки въ единственной самостоятельной славянской державѣ. Странное дѣло! Начиная писать эту главу о Сварожичѣ, я хотѣлъ отнестись къ нему почти съ сочувствіемъ, но чѣмъ пристальнѣе я всматриваюсь въ эту замѣчательную личность, тѣмъ ниже падаетъ она въ моихъ глазахъ, и я начинаю чувствовать противъ нея такое негодованіе, какого не могли возбудить во мнѣ ни Креозотовъ, ни Телицынъ, ни даже Ироніанскій. Тутъ нѣтъ, впрочемъ, ничего необъяснимаго. И Креозотовъ, и Телицынъ, и Ироніанскій смѣшные лиллипуты въ сравненіи съ Сварожичемъ. Глядя на нихъ, мы только смѣемся, пожимаемъ плечами и жалѣемъ о той молодежи, которая, по милости этихъ господъ, принуждена ежедневно терять по нѣскольку драгоцѣнныхъ часовъ. Но разсматривая умственную деморализацію Сварожича, мы страдаемъ за него самого, страдаемъ за достоинство человѣка, потому что здѣсь мы видимъ паденіе замѣчательнаго ума, оставшагося замѣчательнымъ даже въ своемъ униженіи. Паденіе Сварожича состояло въ томъ, что онъ былъ рабомъ занимаемаго имъ мѣста, въ родѣ того, какъ итальянскій министръ Урбанъ Ратацци

былъ въ прошломъ году рабомъ своего министерскаго портфеля. Если бы, для сохраненія мѣста, Сварожичу пришлось сжать въ комокъ свое человѣческое достоинство, то онъ исполнилъ бы эту эволюцію безъ малѣйшаго тяжелаго чувства, съ ѣдкою улыбкою на губахъ, потому что къ человѣческому достоинству онъ относился такъ же скептически, какъ къ своимъ умственнымъ занятіямъ. Вліяніе сильнаго ума во всякомъ случаѣ такъ велико, что вы, присутствуя при операціяхъ Сварожича надъ его человѣческимъ достоинствомъ, ни на одну минуту не почувствовали бы въ себѣ силы презирать его; вы могли бы только чувствовать сильнѣйшій гнѣвъ, вы могли бы задыхаться отъ негодованія,—но вы въ то же время понимали бы, что Сварожичъ самъ, въ минуту своего униженія, смѣется и надъ собою, и надъ тѣми личностями, передъ которыми онъ преклоняется, и надъ тѣми обстоятельствами, которыя гнутъ его въ дугу. Конечно, такой характеръ могъ развиться только при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ; но мнѣ кажется, что его задатки заключались именно въ неестественныхъ отношеніяхъ Сварожича къ предмету его умственной дѣятельности. Замѣчательные умы, направленные къ такому труду, который поглощаетъ всѣ ихъ силы и удовлетворяетъ всѣмъ ихъ потребностямъ, находятъ именно въ этомъ трудѣ незыблемую точку опоры для своей нравственной самостоятельности. Они влюбляются въ свои идеи, и эти идеи, становясь для нихъ дороже выгодъ и удобствъ жизни, дѣлаютъ ихъ свободными и великими, непоколебимыми и мужественными. Вспомните старика Галилея, подумайте, почему онъ передъ папскимъ инквизиціоннымъ судомъ не побоялся произнести знаменитыя слова: «а она все-таки вертится»?—подумайте объ этомъ, и вы увидите, какой могучій и незамѣнимый талисманъ составляютъ для мыслящаго человѣка любимыя занятія его мысли. Если у васъ есть такія любимыя занятія, то на нихъ сосредоточится вашъ умъ; и чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, тѣмъ сильнѣе будетъ ваша привязанность къ любимымъ занятіямъ, тѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе вы будете держать себя въ отношеніи къ посторроннимъ предметамъ. Но если у васъ нѣтъ любимыхъ занятій, то умъ вашъ естественнымъ образомъ направится на обсуживаніе практическихъ житейскихъ обстоятельствъ, и приэтомъ обсуживаніи вы также естественно будете брать за мѣрку практикескія потребности и удобства вашей особы; чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, чѣмъ онъ свободнѣе отъ предразсудковъ, тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе онъ

разовьетъ и приложитъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни ходячую мораль: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Та же самая сила ума, которая въ первомъ случаѣ дѣлала васъ свободнымъ и великимъ, сдѣлаетъ васъ во второмъ случаѣ маленькимъ рабомъ обстоятельствъ; или вѣрнѣе, въ первомъ случаѣ великимъ человѣкомъ, а во второмъ великимъ подлецомъ. Вотъ почему и говорятъ, что любовь и наука облагороживаютъ человѣка. Облагороживаютъ не знанія, а любовь и стремленіе къ истинѣ, пробуждающіяся въ человѣкѣ тогда, когда онъ начинаетъ пріобрѣтать знанія. Въ комъ не пробудились эти чувства, того не облагородятъ ни университетъ, ни обширныя свѣдѣнія, ни дипломы. Понятно также, что мѣсто любимой научной дѣятельности можетъ съ совершеннымъ успѣхомъ занять любимая литературная дѣятельнотъ, или любимый политическій принципъ. Сильно развитая любовь ведетъ къ фанатизму, а сильный фанатизмъ есть безуміе, мономанія, *idée fixe*; но съ другой стороны, отсутствіе любви приводитъ къ скептицизму, а скептицизмъ, проведенный въ жизнь съ неумолимою логическою послѣдовательностью, называется систематическою подлостью. И вотъ, между бездною безумія съ одной стороны, и бездною подлости съ другой стороны долженъ пробираться порядочный человѣкъ, балансируя на узкой тропинкѣ, которая часто становится до такой степени узкою, что приходится только выбирать, куда свалиться: упадешь въ безуміе — всѣ пожалѣютъ, упадешь въ подлость — пожалѣютъ немногіе, потому что большинство скажетъ: «молодецъ»! Въ первомъ случаѣ немногіе пожалѣютъ съ оттѣнкомъ уваженія, многіе съ чистымъ состраданіемъ, а большинство съ примѣсью презрительной насмѣшки; во второмъ же случаѣ, тѣ немногіе, которые не скажутъ «молодецъ», будутъ жалѣть съ горькимъ негодованіемъ, или съ ледянымъ презрѣніемъ, но вѣдь ихъ будетъ такъ немного!.. Остается, стало быть, затрудненіе выбора. Для Сварожича затрудненія тутъ не было; онъ не любилъ падать безъ надобности и всегда до послѣдней возможности балансировалъ на узкой тропинкѣ, но когда приходилось круто, всегда падалъ молодцомъ и проворно выскакивалъ опять на узкую тропинку. Эти паденія и выскакиванія производились такъ легко и граціозно, что они никому не бросались рѣзко въ глаза и никому не западали глубоко въ память. Поэтому личность Сварожича казалась и мнѣ, и другимъ личностью умнаго человѣка, дипломата, университетскаго Талейра-

на. Поэтому я приступилъ къ ея анализу сначала съ тѣмъ невольнымъ уваженіемъ, которое всегда внушаетъ къ себѣ человѣческій умъ, съ тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ историкъ XIX столѣтія сталъ бы вглядываться въ физіономію Талейрана. Только рѣшившись анализировать и называть вещи настоящими именами, я могъ придти къ тѣмъ нелестнымъ для Сварожича результатамъ, къ которымъ привело меня естественное и непреднамѣренное развитіе мысли. Къ подобнымъ результатамъ приходятъ, конечно, и біографы знаменитыхъ дипломатовъ вообще, и Талейрана въ особенности. Анализъ личности Сварожича объясняетъ до нѣкоторой степени, почему слова этого профессора всегда усиливали мои умственныя страданія. Умному скептику было смѣшно видѣть мои добросовѣстныя и напрасныя усилія влюбиться въ науку, а даровитому и опытному критику стоило только сказать нѣсколько словъ, чтобы разбить въ прахъ методы моихъ занятій. Какъ я ни приступалъ къ дѣлу, какъ ни изловчался, Сварожичъ, на судъ котораго я приносилъ свои попытки и планы, сію же минуту находилъ ихъ слабую сторону и доказывалъ мнѣ съ самою ловкою улыбкою, что ничего изъ моихъ плановъ и занятій не выйдетъ. И я принужденъ былъ соглашаться, потому что противъ очевидности не спорятъ. А обращался я къ Сварожичу по тому же самому побужденію, по которому химикъ испытываетъ золото самыми сильными кислотами. Если Сварожичъ не найдетъ противъ этого плана возраженія, значитъ дѣйствительно хорошо. Но возраженіе всегда находилось, и я всегда удалялся отъ Сварожича съ цѣлымъ ворохомъ разбитыхъ иллюзій и перепутанныхъ намѣреній. Въ томъ, что онъ разбивалъ мои иллюзіи, не было, конечно, ничего дурного; я дѣйствительно затѣвалъ глупости и вертѣлся въ заколдованномъ кругу. Но нехорошо было то, что Сварожичъ дипломатизировалъ даже со мною, говоря о моихъ занятіяхъ и тревогахъ. Онъ указывалъ мнѣ только частныя мои ошибки, и ни разу не проронилъ ни одного слова насчетъ общихъ свойствъ университетской науки и студенческихъ занятій. Когда я въ совершенномъ отчаяніи спрашивалъ у него: да что же дѣлать? чѣмъ заниматься? тогда онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ успокоивалъ меня на минуту нѣсколькими общими словами и такимъ образомъ уклонялся самъ отъ всякаго категорическаго отвѣта. Ему, какъ филологу и профессору, было неудобно разоблачать передъ студентомъ общую несостоятельность нашей науки; и въ то же время ему, какъ умно-

му человѣку, было совѣстно и противно повторять тѣ фразы, которыя изливалъ Телицынъ,—вотъ онъ и лавировалъ, говоря съ солиднымъ уваженіемъ о какой-то отвлеченной наукѣ вообще, и въ тоже время осмѣивая тонко и умно ошибки ученыхъ, учащихъ и учащихся въ частности. Сказать мнѣ просто и откровенно: бросьте нашъ хламъ, познакомьтесь съ жизнью, расширьте кругъ вашего чтенія и вашей мысли—этого ему не хотѣлось. Весь хламъ совокупности назывался у него великою и священною наукою, но каждый отдѣльный кусочекъ этого хлама разсматривался и оцѣнивался имъ по достоинству, и оказывался пылью и гнилью, на которой нельзя построить ни одного твердаго вывода. Каковъ былъ Сварожичъ въ разговорахъ, таковъ онъ былъ на лекціяхъ. Относясь съ глубокою недовѣрчивостью къ трудамъ всѣхъ ученыхъ, разработывавшихъ его науку, онъ не читалъ на лекціяхъ ничего чужаго. Всѣ его лекціи состояли изъ сырыхъ матеріаловъ и изъ замѣчаній, составленныхъ имъ самимъ. На каждой лекціи онъ разсматривалъ представлявшіеся вопросы съ разныхъ сторонъ, приводилъ множество доводовъ *за* и *противъ*, напрягалъ ожиданія слушателей и потомъ не останавливался ни на чемъ. «Можетъ быть такъ, можетъ быть и не такъ»—вотъ и все, что выносили слушатели; каждая лекція оканчивалась знакомъ вопросительнымъ, и доказывала такимъ образомъ, что Сварожича забавляетъ иногда процессъ мышленія, но что предметъ, о которомъ онъ размышляетъ, всегда остается для него безразличнымъ. Говорить о судьбѣ цѣлаго народа, или разбирать различныя мнѣнія археологовъ о какой нибудь черниговской гривнѣ—для него это было все равно; было даже замѣтно предпочтеніе къ черниговскимъ гривнамъ, потому что микраскопическій вопросъ можетъ быть удобнѣе и безопаснѣе анализированъ съ разныхъ сторонъ. А поведетъ ли этотъ вопросъ къ чему нибудь?—объ этомъ собиратель матеріаловъ не спрашиваетъ, да испрашивать не зачѣмъ. Вопросъ потѣшилъ его мысль, далъ ему возможность прочитать лекцію, доставилъ ему случай написать академическій мемуаръ; очевидно, стало быть, что вопросъ повелъ къ очень многому...

XVI.

Въ началѣ зимы 1858 года мнѣ удалось найти себѣ работу въ одномъ журналѣ для дѣвицъ, начинавшемъ свое существованіе съ января 1859 года. Это обстоятельство конечно не относится къ университетской наукѣ, но я упоминаю о немъ для того, чтобы нагляднымъ противоположеніемъ показать читателю различіе между самой нехитрой практической работой и самыми замысловатыми кабинетными занятіями. Мнѣ было поручено вести въ этомъ журналѣ библіографическій отдѣлъ, т. е. указывать юнымъ читательницамъ на тѣ книги и журнальныя статьи, которыя могутъ обогатить ихъ умъ, невредя чистотѣ и непорочности ихъ сердца. Направленіе журнала было сладкое, но приличное, и отъ издѣлій г-жи Ишимовой онъ отличался значительно. Мы даже за эманципацію женщины стояли, стараясь конечно, не огорчать такими сужденіями почтенныхъ родителей. Добродѣтель мы любили особенно горячо, и объ ней говорили уже совершенно смѣло, потому что добродѣтель—предметъ одинаково пріятный для дѣтей и родителей. Сначала я взглянулъ на свою новую работу преимущественно съ денежной точки зрѣнія; мои библіографическія статейки оплачивались по 30 р. с. за печатный листъ, и доставляли мнѣ ежемѣсячно отъ 60 до 70 р. сер. Для студента, бѣгавшаго въ публичную библіотеку, чтобы не издержать пяти рублей на книгу, это была цѣлая Калифорнія. Я и ухватился за эту работу обѣими руками, и старался выполнять ее какъ можно тщательнѣй и аккуратнѣй, чтобы удержать и обезпечить ее за собою. Редакторъ мой, конечно, замѣтилъ это, остался очень доволенъ моими стараніями, и, мѣсяца черезъ два послѣ начала нашего знакомства, мы уже были увѣрены, что не разстанемся безъ особенной необходимости, потому что оба чувствовали, насколько мы полезны другъ другу. Нечувствительно забралась ко мнѣ въ голову мысль, что эта работа можетъ поддерживать меня и послѣ выхода изъ университета. Стало быть, думалъ я, если даже я не отъищу себѣ прочной спеціальности, бѣда не такъ велика: жить можно. Чѣмъ яснѣй вырисовывалась для меня эта утѣшительная перспектива, тѣмъ сильнѣй я дорожилъ

моею журнальной работой. Редакторъ поговаривалъ даже о томъ, что, когда я выйду изъ университета, онъ попроситъ меня быть его помощникомъ по редакціи. При мысли о такомъ повышеніи и благополучіи, я чувствовалъ даже головокруженіе, и отвѣчалъ, опуская глаза, что я всегда готовъ служить нашему общему дѣлу. Между тѣмъ работа начинала дѣйствовать на меня не съ одной денежной стороны: я привязывался къ ней искренно и сильно. Я писалъ свои жиденькія и невинныя статейки съ такимъ увлеченіемъ, съ какимъ мнѣ никогда не случалось работать надъ біографіею Гумбольдта. Мнѣ было пріятно всматриваться и вдумываться въ чтеніе книгъ и журнальныхъ статей, потому что я видѣлъ передъ собой близкую и вполнѣ доступную цѣль этого всматриванія и вдумыванія. Мнѣ пріятно было развивать на бумагѣ мои мысли и взгляды, потому что они были дѣйствительно мои, и я вполнѣ понималъ, *что* я пишу, я всей душой сочувствовалъ тому, что я старался объяснить или доказать. Я не производилъ ничего новаго и оригинальнаго, но для меня это было и ново и оргинально. Я не выписывалъ изъ книжки, я не повторялъ чужихъ словъ, — я дѣйствительно самъ размышлялъ и, доходя путемъ собственнаго размышленія до общеизвѣстныхъ истинъ, я все-таки успѣвалъ сообщить этимъ истинамъ ту печать искренняго и живого убѣжденія, которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль дѣйствительно возникла въ собственномъ мозгу писавшаго. Поэтому, работа моя была для меня привлекательна; я увѣренъ, кромѣ того, что статьи мои, даже въ глазахъ постороннихъ читателей, не имѣли того утомительно-казеннаго характера, который имѣетъ обыкновенно повтореніе идей, обратившихся уже въ общее достояніе всѣхъ образованныхъ людей. Свѣжесть и искренность убѣжденія выкупали недостатокъ новизны; читатель могъ и долженъ былъ улыбаться наивному увлеченію автора, но эта самая улыбка, полунасмѣшливая, полублагосклонная, навѣрное мѣшала читателю зѣвнуть и, можетъ быть, побуждала его дочитать до конца. Впрочемъ, что бы ни дѣлалъ читатель: зѣвалъ или улыбался,—для меня это было все равно; я былъ доволенъ и счастливъ; умственная дѣятельность моя пробуждалась, и я умилялся надъ самимъ собою, какъ умиляется молодая мать надъ колыбелью своего новорожденнаго ребенка. Занятія славянскими и русскими древностями вѣжливо отходили въ сторону, хотя я все еще признавалъ ихъ занятіями главными и суще-

ственными. Мнѣ казалось, что я работаю такъ ревностно для журнала ради корысти, изъ практическаго разсчета, чтобы удовлетворить заказчика; но на самомъ дѣлѣ уже всѣ симпатіи были на сторонѣ журнальнаго труда, а филологической учености бросалось изрѣдка копѣечное подаяніе, служившее только для успокоенія моей встревоженной совѣсти. Въ журнальной работѣ сосредоточились и существенные мои интересы и источники умственнаго наслажденія, а ученыя занятія остались только священнымъ долгомъ; я вѣровалъ, что надо исполнить этотъ долгъ, но не видалъ, почему надо, и не находилъ эту необходимость пріятной. Ясно, что догматъ, неподдерживаемый ни разсудкомъ, ни чувствомъ, былъ просто мертвымъ остаткомъ прошедшаго, которому предстояло рухнуть и разсыпаться въ прахъ. Для составленія моихъ библіографическихъ обзоровъ мнѣ приходилось читать много разнообразныхъ книгъ и статей, и мнѣ нравилось не только размышленіе и писаніе, но и пестрое чтеніе, само по себѣ. Вся эта масса книгъ и статей составляла самый разнообразный сбродъ, но во всемъ этомъ сбродѣ чувствовалось то обаятельное вѣяніе жизни, безъ котораго не можетъ существовать самый мрачный изъ современныхъ журналовъ. Мнѣ пришлось прочитать много историческихъ статей Маколея, Прескотта и Мотлея, много педагогическихъ разсужденій, нѣсколько путешествій (напр. «Фрегатъ Паллада» Гончарова, по Америкѣ—Лакіера, по Африкѣ — Ливингстона), нѣсколько книгъ по естественнымъ наукамъ (напр. «химія вседневной жизни» Джонстона, «исторія земной коры» Куторги, «физическая географія» Гюйо, «громъ и молнія» Араго). Наконецъ въ 1859 году мнѣ пришлось говорить довольно подробно въ нашемъ журналѣ объ «Обломовѣ» и о «Дворянскомъ гнѣздѣ». Словомъ, библіографія моя насильно вытащила меня изъ закупоренной кельи на свѣжій воздухъ, и этотъ переходъ доставилъ мнѣ грѣховное удовольствіе, котораго я не могъ скрыть ни отъ самого себя, ни отъ другихъ. Товарищи мои стали внушительно качать головами и предостерегать меня, говоря, что, конечно, журнальной работой заниматься позволительно, для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, но что увлекаться ею не слѣдуетъ, потому что она отводитъ человѣка отъ науки и повергаетъ его въ пустословіе и въ пагубный дилетантизмъ. Мнѣ указывали съ соболѣзнованіемъ на поучительный примѣръ Добролюбова, который, видите ли, могъ бы быть дѣльнымъ ученымъ, а вмѣсто того, сдѣлался пустымъ журна-

листомъ и увлекся суетою «Современника». Я съ своей стороны старался увѣрить всѣхъ въ моей невинности, открещивался отъ примѣра Добролюбова и говорилъ, что никогда не пойду по такому предосудительному пути. Остатокъ прошедшаго, мертвый догматъ все еще висѣлъ надъ моей головой, и я употреблялъ послѣднія усилія, чтобы поддержать мою угасавшую вѣру въ величіе и святость филологіи. Но читатель мнѣ не вѣритъ, читатель навѣрное думаетъ, что я клевещу. «Возможное ли дѣло, говоритъ онъ себѣ, чтобы студенты въ 1858 году смотрѣли на Добролюбова, какъ на человѣка, идущаго по ложной дорогѣ? Можетъ ли быть, чтобы они указывали на него, какъ на поучительный примѣръ, долженствующій привести молодого человѣка въ ужасъ и раскаяніе»!.. О, читаталь, читатель! развѣ я не вижу, до какой степени мое показаніе неправдоподобно? И развѣ я осмѣлился бы высказать такую несообразность, если бы это не была чистая истина? Но увѣренія и клятвы мои не уясняютъ дѣла, а фактъ самъ по себѣ такъ любопытенъ, что я не могу избавить себя отъ обязанности остановиться на немъ и разсмотрѣть его, по возможности, внимательно. Надо, во первыхъ, замѣтить, что молодежь наша очень сильно измѣнилась въ послѣдніе три—четыре года. Уже въ 1858 и 1859 годахъ студенты, поступившіе въ университетъ, не были похожи на насъ, студентовъ III и IV курсовъ. Поступая въ университетъ, мы были робки, склонны къ благоговѣнію, расположены смотрѣть на лекціи и слова профессоровъ, какъ на пищу духовную и какъ на манну небесную. Новые студенты, напротивъ того, были смѣлы и развязны, и оперялись чрезвычайно быстро, такъ что черезъ какіе нибудь два мѣсяца послѣ поступленія, они оказывались хозяевами университета и сами поднимали въ студенческихъ кружкахъ дѣльные вопросы и серьезные споры. Они затѣвали концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ, они приглашали профессоровъ читать публичныя лекціи для той же благотворительной цѣли, они устроили студенческую библіотеку; а мы, старые студенты, считавшіе себя цвѣтомъ университета и солью русской земли, мы остались въ сторонѣ, изобразили на лицахъ своихъ недовѣріе и иронію и стали повторять стихъ Грибоѣдова: «шумите вы, и только». Но скоро оказалось, что иронія наша никуда не годится, потому что новые студенты распоряжаются умно и успѣшно; оказалось, что движеніе и жизнь пошли мимо насъ, и что мы отстали и превращаемся въ книжниковъ и фари-

сеевъ. Конечно, отсталость наша была дѣло поправимое, но чтобы поправить ее, надо было сначала признать существованіе новой жизни, надо было понять, что новые студенты непохожи на бывшихъ обожателей Телицына; надо намъ было выйти изъ нашей гордой замкнутости и пойдти вслѣдъ за другими. Но всѣмъ извѣстна заносчивость молодости и гордость ученой касты. Большая часть моихъ товарищей были увѣрены въ абсолютной непогрѣшимости своего умственнаго направленія, и большая часть изъ нихъ по образу мыслей уже принадлежали къ ученой кастѣ, хотя объемъ ихъ свѣдѣній былъ еще очень ограниченъ. Этимъ молодымъ ученымъ, ушедшимъ уже въ книги отъ грѣховнаго міра, казалась странною самая мысль учиться чему нибудь у своихъ младшихъ товарищей; да и приходила ли имъ въ голову мысль, что эти товарищи обогнали ихъ? Если новые студенты могли быть названы людьми дѣла, то мы, старые студенты, съ гордымъ самодовольствіемъ называли себя людьми мысли, хотя, конечно, мы не имѣли никакихъ правъ на это названіе. Новые студенты могли считать Добролюбова своимъ учителемъ, но мы относились и къ Добролюбову, и къ «Современнику» вообще съ высокомѣріемъ, свойственнымъ нашей кастѣ. Мы ихъ и не читали, и гордились этимъ, говоря, что и читать не стоитъ. Но съ каждымъ годомъ ряды ученой партіи рѣдѣли, отчасти потому, что ученые кончали курсъ и поступали на службу въ разные департаменты, гдѣ они очень быстро затушевывались подъ общій тонъ чиновничества, отчасти и потому, что нѣкоторые ученые перебѣгали на сторону новыхъ студентовъ и дѣлались сами антагонистами университетской учености. Такимъ образомъ, университетъ сближался съ жизнью лучшей части общества, и уже теперь сближался настолько, что недоброжелательный взглядъ студента на Добролюбова кажется читателю неправдоподобнымъ изобрѣтеніемъ. Надо также обратить вниманіе на то, что филологическій факультетъ бываетъ обыкновенно самымъ недвижимымъ и мрачнымъ притономъ учености. Онъ въ этомъ отношеніи можетъ перещеголять даже математическій. Математикъ, (если только онъ не обладаетъ совершенно исключительною умственною организаціею и замѣчательнымъ талантомъ въ своей спеціальности), не можетъ удовлетвориться одною математическою сферою наукъ; ему необходимо читать для отдыха, и потому онъ обыкновенно знакомъ съ текущею журналистикою, и съ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ журналахъ популярныя и легкія статьи

по разнымъ общественнымъ, экономическимъ и литературнымъ вопросамъ. Но филологъ, для котораго исторія можетъ быть и отдыхомъ, и серьезною работою, филологъ, у котораго голова набита эстетикою и литературными теоріями, филологъ можетъ цѣлыми годами жить въ своемъ ученомъ мірѣ; а когда ему случится выглянуть изъ него, онъ обругаетъ только всѣ идеи, противорѣчащія его привычнымъ умозрѣніямъ, и опять уйдетъ въ свою раковину. Мы дѣйствительно видимъ, что исторіею постоянно пользуются, какъ арсеналомъ, изъ котораго вынимаются противъ всякой новой идеи заржавленные и устарѣлые аргументы; фехтуютъ этимъ археологическимъ оружіемъ историки, юристы и гуманисты, постоянно являющіеся во главѣ всякой реакціи; очевидно, что сфера занятій формируетъ мышленіе этихъ господъ и воспитываетъ въ нихъ упорно-тупыхъ противниковъ всякаго умственнаго движенія. Поэтому естественно, что студенты-филологи презирали Добролюбова въ то самое время, когда его «Темное царство» читалось съ сочувствіемъ и съ увлеченіемъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Наконецъ, надо вспомнить и то, что смерть Добролюбова очень значительно измѣнила отношенія литературы и общество къ его дѣятельности. Пока Добролюбовъ писалъ и боролся, до тѣхъ поръ его бранило большинство нашихъ журналовъ. Вліяніе его чувствовалось въ обществѣ, но оставалось непризнаннымъ. Какъ только онъ умеръ, такъ тотчасъ литературное значеніе его признали самые горячіе его противники; продолжая бранить сподвижниковъ Добролюбова, они немедленно ухитрились провести между мертвымъ и живыми раздѣлительную черту, замѣтную только для самихъ этихъ господъ, но тѣмъ не менѣе выгораживающую умершаго дѣятеля отъ всякаго скептическаго посягательства. Но въ 1858 году слышалось много голосовъ противъ Добролюбова. Война «Современника» съ серьезностью и безцвѣтностью другихъ журналовъ была въ полномъ разгарѣ, и мы, ученые люди университета, узнавая по временамъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ этой войны, были конечно на сторонѣ серьезности, и съ полнымъ убѣжденіемъ величали безцвѣтность благоразумною умѣренностью. Надѣюсь, что теперь читателю станетъ до нѣкоторой степени понятною возможность такого неправдоподобнаго факта, какъ пренебреженіе студентовъ 1858 года къ личности и дѣятельности покойнаго Добролюбова. Фактъ все-таки остается печальнымъ; но отвѣтственность за него должны нести не студенты, и даже не

профессора, а вся закваска, все устройство и направленіе нашего университета, и особенно факультета.

XVII.

Одинъ годъ журнальной работы принесъ больше пользы моему умственному развитію, чѣмъ два года усиленныхъ занятій въ университетѣ и въ библіотекѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что лѣта мои также должны были имѣть значительное вліяніе на пробужденіе моей мысли. Лѣто 1859 года было для меня временемъ умственнаго кризиса; всѣ понятія, лежавшія въ умѣ моемъ съ самого дѣтства, всѣ готовыя сужденія, казавшіяся мнѣ неприкосновенною основою всего существующаго въ моей собственной личности, всѣ гипотезы, имѣющія такое тираническое вліяніе на мысли и поступки бывшей части людей, — все это заколыхалось и какъ-то, помимо моей воли, стало обнаруживать мнѣ свою несостоятельность. Пока я безъ опредѣленной цѣли читалъ памятники и изслѣдованія, до тѣхъ поръ всѣ эти несообразности оставались нетронутыми и считались такими истинами, которыя ясны, какъ день, незыблемы, какъ гранитная стѣна, и величественнѣе Монблана или Казбека. Но когда пришлось читать и обдумывать читанное съ практическою цѣлью, тогда мысль получила такой толчокъ, котораго дѣйствія и послѣдствія я не могъ ни предвидѣть, ни расчитать. Пробудившееся стремленіе анализировать и всматриваться не можетъ быть по нашей волѣ опять погружено въ сонъ. Каждый человѣкъ, дѣйствительно мыслившій когда нибудь въ своей жизни, знаетъ очень хорошо, что не онъ распоряжается своею мыслью, а что напротивъ того, сама мысль предписываетъ ему свои законы и совершаетъ свои отправленія также независимо отъ его воли, какъ независимо отъ этой воли совершаются біеніе сердца и пищеварительная дѣятельность желудка. Человѣкъ боится подойдти къ тѣмъ гипотезамъ, которыя величественнѣе Казбека и Монблана, а мысль не боится — и побходитъ, и ощупываетъ эти гипотезы, и вдругъ докладываетъ, что все это пустяки. Человѣкъ приходитъ въ ужасъ, но ужасъ этотъ оказывается безсильнымъ въ борь-

бѣ съ мыслью; мысль осмѣиваетъ и прогоняетъ ужасъ, и человѣку остается только качать головою, стоя на развалинахъ своего міросозерцанія. Наконецъ и качаніе головою прекращается, и тогда начинается новая умственная жизнь, въ которой мысль пользуется неограниченнымъ могуществомъ и не встрѣчаетъ себѣ нигдѣ ни отпора, ни сопротивленія. Въ этомъ царствѣ мысли живется свѣтло и весело; но періодъ перехода и умственной борьбы тяжелъ и мучителенъ. Умственный ростъ сопровождается болѣзнями точно также, какъ ростъ физическій. У меня напряженіе ума во время переходной борьбы было такъ болѣзненно-сильно, что оно повело за собою потрясеніе всего организма. Осенью 1859 года, я пріѣхалъ съ каникулъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Опрокинувъ въ умѣ своемъ всякіе Казбеки и Монбланы, я представлялся самому себѣ какимъ-то титаномъ, Прометеемъ, похитившимъ священный огонь; я ожидалъ, что совершу чудеса въ области мысли. Мнѣ случилось какъ-то въ обществѣ товарищей говорить о міросозерцаніи древнихъ Грековъ, и я сказалъ, что греческая *судьба*, которой подчинены были высшіе олимпійскіе боги, по всей вѣроятности, ничто иное. какъ неизмѣнная сила законовъ природы:—греки, продолжалъ я, не олицетворили этой силы, потому что они, какъ геніальный народъ, чувствовали, что для этой силы узко и мелко всякое олицетвореніе. Эта мысль моя, находившаяся въ самой интимной связи съ общимъ ходомъ моихъ титаническихъ идей, чрезвычайно понравилась мнѣ и даже поразила меня какимъ-то благоговѣніемъ. Я вдругъ рѣшился провѣрить и доказать эту мысль и даже превратить ея развитіе въ кандидатскую диссертацію. Но такъ какъ изучать для этой цѣли всѣхъ греческихъ поэтовъ было мнѣ не по силамъ, то я ограничился однимъ Гомеромъ, и принялся за него съ тѣмъ неистовымъ рвеніемъ, которое всегда руководило моими любимыми занятіями. Мѣсяца два я работалъ неутомимо; прочелъ восемь пѣсней Иліады въ подлинникѣ и, кромѣ того, сдѣлалъ множество выписокъ изъ нѣмецкихъ изслѣдованій, трактовавшихъ о мифологическихъ и теологическихъ понятіяхъ Гомера. Товарищи мои смотрѣли на мои труды съ недоумѣніемъ и иногда дѣлали мнѣ выговоры за то, что я оставилъ славянорусскія древности и такъ внезапно, очертя голову, бросился въ совершенно неизвѣстную мнѣ область науки. Но я объявилъ себя Прометеемъ и уже не обращалъ вниманія ни на какіе дружескіе совѣты. Вдругъ за пароксизмомъ восторженной и кипучей дѣятельности

послѣдовалъ пароксизмъ утомленія и апатіи. За самонадѣянностью наступило уныніе и совершенное недовѣріе къ своимъ силамъ. Идея о судьбѣ, казавшаяся геніальною, потеряла весь свой блескъ и представилась даже безсмысленною. Работа вывалилась у меня изъ рукъ. Даже такая обыкновенная вещь, какъ выпускной экзаменъ, предстоявшій мнѣ весною 1860-го года, сталъ казаться мнѣ совершенно непреодолимою трудностью. Словомъ, періодъ переходной умственной борьбы заключился умственною болѣзнью. Прометея приковали къ скалѣ, и коршунъ сталъ клевать его печень, или, говоря языкомъ болѣе современнымъ, меня посадили въ карету и отвезли въ психіатрическую лечебницу. Я дошелъ до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости и сталъ воображать себѣ, что меня измучаютъ, убьютъ, или живого зароютъ въ землю. Скептицизмъ мой вышелъ изъ границъ и началъ отрицать существованіе дня и ночи. Все, что мнѣ говорили, все, что я видѣлъ, даже все, что я ѣлъ, встрѣчало во мнѣ непобѣдимое недовѣріе. Я все считалъ искусственнымъ и приготовленнымъ нарочно для того, чтобы обмануть и погубить меня. Даже свѣтъ и темнота, луна и солнце на небѣ казались мнѣ декораціями и входили въ составъ общей громадной мистификаціи. Такая фантасмагорія тянулась четыре мѣсяца. Наконецъ теплыя ванны, продолжительныя прогулки на открытомъ воздухѣ, ежедневныя гимнастическія упражненія, постоянные пріемы желѣза внутрь, а главное—отдыхъ мысли убавили скептицизмъ настолько, что въ половинѣ апрѣля 1860 года я оказался въ состояніи жить съ людьми по человѣчески и пользоваться гражданскою свободою безъ опасности для себя и для другихъ. О выпускномъ экзаменѣ въ этомъ году было уже поздно думать, тѣмъ болѣе, что усиленныя занятія могли еще имѣть для меня опасныя послѣдствія; я остался въ университетѣ на нынѣшній годъ и тотчасъ послѣ своего выздоровленія удалился до осени на лоно природы укрѣплять свои силы и наслаждаться возвратившимся разсудкомъ. Послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ былъ для меня очень замѣчателенъ. Я почти совсѣмъ не ходилъ на лекціи, но работалъ сильно. Послѣ пріѣзда съ каникулъ, я рѣшился писать диссертацію на медаль, на историческую тему, заданную въ томъ году Ироніанскимъ. Предпріятіе было дерзкое. Тема задана была въ началѣ февраля, въ то время, когда я еще отрицалъ солнце и луну; кто писалъ на эту тему, тотъ принялся за работу тотчасъ послѣ объявленія задачи, а я началъ изучать предметъ дис-

сертаціи въ началѣ октября, между тѣмъ какъ всѣ сочиненія должны были быть представлены никакъ не позже первыхъ чиселъ января. Мѣсяцъ былъ употребленъ на чтеніе и выписки, а въ ноябрѣ я началъ писать. Дѣло пошло быстро и успѣшно, отчасти на живую нитку, кое-гдѣ на авось, съ широкими взглядами и рискованными предположеніями. Я писалъ безъ черновой, потому что переписывать было бы нѣкогда, и старался обработать предметъ такъ, чтобы произведеніе мое могло быть помѣщено въ какомъ нибудь литературномъ журналѣ. Къ началу января я кончилъ свой трудъ и замѣтилъ не безъ удовольствія, что въ немъ по крайней мѣрѣ пятнадцать печатныхъ листовъ, (240 страницъ). Впрочемъ недостатокъ времени помѣшалъ мнѣ развить нѣкоторыя мысли, которыя были уже совсѣмъ выработаны въ моемъ умѣ. Дѣлать было нечего; я махнулъ на нихъ рукою, написалъ на своей диссертаціи эпиграфъ: «еже писахъ, писахъ», и представилъ ее куда слѣдовало. Смѣлость города беретъ и даже очаровываетъ профессоровъ университета: диссертація моя очень понравилась, не смотря на то, что вмѣстѣ съ нею былъ представленъ основательный трудъ одного студента, долго изучавшаго предметъ и разработавшаго его чуть ли не вдвое подробнѣе моего. Въ совѣтѣ университета произошло разногласіе: присяжный цѣнитель нашихъ работъ, Креозотовъ, въ своемъ отчетѣ расхвалилъ обѣ диссертаціи и приписалъ моему труду высокое литературное достоинство, а работѣ моего соперника глубокую научную основательность. Кому же дать золотую медаль? Большинство говорило, что, по всѣмъ правамъ, золотая медаль принадлежитъ научной основательности. Но сильная партія утверждала, что слѣдуетъ дать золотыя медали и научной основательности, и литературному достоинству. Слышались даже еретическіе голоса, безъусловно защищавшіе литературное достоинство. Однако здравый смыслъ и справедливость одержали верхъ. Профессора поняли, что плѣняться смѣлостью и живымъ языкомъ и пренебрегать гругими, болѣе прочными достоинствами труда—не слѣдуетъ, и потому опредѣлили дать золотую медаль научной основательности, а серебряную — литературному достоинству. Положивъ такое рѣшеніе, они распечатали конверты, заключавшіе въ себѣ фамиліи авторовъ, и узнали тогда, кому принадлежитъ научная основательность и кто отличился литературнымъ достоинствомъ. Признанный обладатель литературнаго достоинства остался, конечно, очень доволенъ: единственное желаніе его состояло въ томъ, чтобы достигнуть на актѣ

почетнаго отзыва, который избавилъ бы его отъ необходимости писать кандидатскую диссертацію; а вмѣсто почетнаго отзыва явилась медаль, съ изображеніемъ юноши, вѣроятно Аполлона, и съ надписью: «преуспѣвшему». Всѣ эти прелести составляли уже неожиданную роскошь. — Когда Креозотовъ увидалъ меня на выпускномъ экзаменѣ, то онъ полюбопытствовалъ взглянуть на черновой списокъ моей диссертаціи. Я отвѣчалъ ему, что никакъ не могу удовлетворить его желанію, потому что диссертація писана безъ черновой. Тогда Креозотовъ почувствовалъ несказанное удивленіе, съ особенною признательностью пожалъ мнѣ руку и растроганнымъ голосомъ проговорилъ, что даже Пушкинъ писалъ «Капитанскую дочку» сначала начерно. О, читатель, согласитесь, что эпизодъ о моей диссертаціи имѣетъ свою прелесть. Развѣ не восхитительно то обстоятельство, что для нашихъ профессоровъ обыкновенный литературный языкъ и нѣкоторая смѣлость въ расположеніи мыслей имѣютъ такую неизрѣченную сладость? Имъ, бѣднымъ старикамъ и, еще болѣе, бѣднымъ людямъ средняго возраста, до смерти надоѣло ихъ собственное ученое величіе; имъ скучно сидѣть на Олимпѣ, и сидятъ они на немъ только потому, что сойдти съ него не умѣютъ, — серьезность и основательность имъ ни почемъ: это ихъ будничное кушанье. Но чуть что нибудь посмѣлѣй и по оригинальпальнѣй, они тотчасъ готовы прельститься, и принуждены строго наблюдать за собою, чтобы не поддаться искушенію и не измѣнить величію и достоинству своего сана. Это утѣшительно: это значитъ, что чисто-человѣческія потребности не могутъ быть окончательно истреблены ни монашескимъ подвижничествомъ, ни ученымъ столпничествомъ. Но, съ другой стороны, это значитъ также, что чисто-человѣческія потребности находятся въ постоянномъ разладѣ и съ тѣмъ, и съ другимъ. А что противорѣчитъ чисто-человѣческимъ потребностямъ, то, стало быть, неестественно. А что неестественно, то, стало быть, и неразумно. Вотъ вамъ и правоученіе. — Диссертація моя достигла также своей литературной цѣли. Сдѣлавъ изъ пятнадцати листовъ — двѣнадцать, я помѣстилъ ее въ одинъ журналъ, лѣтомъ 1861 года, и получилъ за нее до шести сотъ сребренниковъ. Журналъ этотъ былъ уже не тотъ добродѣтельный журналъ для дѣвицъ, въ которомъ я помѣщалъ свои стыдливые опыты, — журналъ этотъ былъ исполненъ суеты и гордыни, и благонравные товарищи мои, состоявшіе уже на дѣйствительной службѣ, бросили на меня про-

щальный взглядъ, полный укора и сожалѣнія, когда увидали, что я беззаботно и весело пошелъ по скользкому пути журналиста. На статьи мои они смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ; меня самого они рѣшительно и откровенно исключили изъ своего круга. О, читатель, и это неправдоподобно, но и это — чистая правда. Они считали меня ренегатомъ, маленькимъ Брамбеусомъ, недостойнымъ сыномъ университетской науки, обратившимся противъ своей родной матери,—и надо сказать правду, они не ошибались въ этомъ отношеніи. Могъ ли же я послѣ этого ожидать себѣ помилованія? Не могъ, и не ожидалъ, — и потому покорился рѣшенію судьбы. Вижу и понимаю, что мои товарищи, бывшіе филологи—люди честные, умные, вполнѣ достойные уваженія и сочувствія, но вижу также, что мнѣ съ ними уже не сойдтись. Имъ предстоятъ двѣ дороги, и ни на одной изъ этихъ дорогъ я не встрѣчусь съ ними. Они могутъ продолжать съ успѣхомъ свою службу въ разныхъ департаментахъ и сдѣлаться черезъ нѣсколько лѣтъ просвѣщенными администраторами, или они могутъ осуществить свою университетскую мечту и сдѣлаться свѣтилами отечественной науки. Очевидно, что журналистъ, исполненный суеты и гордыни, ни администраторомъ, ни свѣтиломъ быть не можетъ; очевидно даже, что онъ и знакомства водить не можетъ ни съ администраторами, ни съ свѣтилами, потому что онъ имъ совсѣмъ не пара: стоятъ они на разныхъ плоскостяхъ (*), живутъ въ разныхъ мірахъ, смотрятъ на вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія и приходятъ разными путями къ противуположнымъ выводамъ и результатамъ. Стало быть, мнѣ остается только, вспоминая о моихъ добрыхъ и честныхъ товарищахъ, послать имъ на этихъ страницахъ послѣднее, дружеское «прости», и увѣрить ихъ въ томъ, что я съ своей стороны всегда готовъ и радъ съ ними сойдтись и что, въ тоже время, я не вижу къ тому ни возможности—теперь, ни надежды—въ будущемъ.

Д. Писаревъ.

(*) Тутъ плоскость употреблена въ математическомъ смыслѣ, а не въ порицательномъ.

ДИѲИРАМБЪ ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Нашъ городокъ, какъ боченокъ сельдями, набитъ приличными людьми, такъ что не знаешь, за кого и взяться. Всѣ рѣшительно безукоризненные люди, отъ вице-губернатора до городового, отъ предсѣдателя уголовной палаты до подчастка... Даже арестанты городского астрога, и тѣ въ нѣкоторомъ родѣ приличные люди; никто изъ нихъ не укралъ болѣе 500 рублей въ разъ, за то нѣтъ и такихъ, которые воровали бы по 25, а все по 50, по 75. Меньше этой суммы не стоитъ и воровать приличнымъ во всѣхъ отношеніяхъ арестантамъ... Кого же прикажете избрать героемъ разсказа, да еще сатирическаго, когда всѣ хороши? Пантелеймонъ Понкратьичъ—попечитель — человѣкъ истинно угодный Богу, потому вѣроятно и начальствуетъ надъ богоугодными заведеніями. Ермолай Агафангеловичъ—винный откупщикъ—просто душка: меньше полтинника подъ кранило не кладетъ... Горя желаніемъ чѣмъ нибудь служить на пользу отечества, открылъ 83 кабака послѣ уничтоженія откупа. Губернаторъ—прекраснѣйшій человѣкъ. Какъ онъ дѣлаетъ, еслибы вы знали цвѣты на шляпку женѣ, да въ этомъ не уступитъ ни одной цвѣточницѣ!..

Итакъ возьмемъ личность неопредѣленной должности; нѣкотораго чина, чтобъ ни одна должность, ни одинъ чинъ не обидѣлись. Личность эта—Иванъ Петровичъ Благопріобрѣтаевъ. Кажется, въ этомъ нѣтъ ничего и ни для кого обиднаго: каждый можетъ быть Иваномъ Петровичемъ, каждый можетъ благопріобрѣтать. Этотъ достойный мужъ славился на всю губернію тѣмъ, что никогда ни въ чемъ не попался, не сдѣлалъ ни одного шага необдуманно, очертя голову. Будь Иванъ Петровичъ частнымъ приставомъ, я увѣренъ, что ни

одного бы мертваго тѣла не было поднято въ его части, ни одной бы не было серьезной оказіи... Онъ приказалъ бы городовому тихонько перетащить найденное на улицѣ тѣло въ другую часть, въ другой кварталъ, чтобъ удружить сосѣду... Это случалось встарину, что покойникамъ, находимымъ на мостовой, или въ рѣкѣ, приходилось гораздо больше путешествовать по смерти, чѣмъ при жизни... А все Иваны Петровичи, бывшіе полицейскіе начальники, хлопотали о томъ, чтобъ нѣсколько оразнообразить путешествіе гг. покойниковъ до послѣдняго пріюта... Будь Иванъ Петровичъ чиновникомъ, онъ ни за чтобы не навязалъ себѣ на шею дѣла, обремѣняющаго только совѣсть, а не кошелекъ; онъ спихнулъ бы съ плечь это дѣло на законномъ основаніи. А для чего же и придумано такое множество законовъ, какъ не для того, чтобы Иваны Петровичи могли откручиваться отъ недоходныхъ дѣлъ, на законномъ основаніи? Вотъ отчего просители, подобно помянутымъ покойникамъ, путешествуютъ изъ мѣста въ мѣсто, пока не добьются надежнѣйшаго пріюта — комиссіи прошеній на Высочайшее имя. Однимъ словомъ, задачей всей жизни этого мужа было: удаляться отъ всевозможныхъ непріятныхъ дѣлъ, ни во что не вмѣшиваться, а все сваливать на другихъ. Согласитесь, что такіе люди пойдутъ далеко въ такомъ просвѣщенномъ государствѣ, которое, такъ сказать по малолѣтству, не могло еще вполнѣ устроиться и выбросить, какъ ни къ чему негодную вѣтошь—Ивановъ Петровичей...

Тихо, чинно, какъ подобаетъ всякому благонамѣренному гражданину, Иванъ Петровичъ доживаетъ пятый десятокъ въ непрестанномъ служеніи любезному отечеству и раченіи о семействѣ, которому оставитъ навѣрное 200 тысячъ безгрѣшныхъ. Мимоходомъ скажу, что нынѣшніе чиновники потеряли секретъ наживать дома, деревни, капиталы изъ ничего, какъ ученые потеряли секретъ греческаго огня. Но Иванъ Петровичъ обладаетъ этимъ секретомъ и говоритъ, что какъ для греческаго огня нуженъ особенный составъ, такъ и для невиннаго наживанія сотенъ тысячъ нуженъ *особенный* составъ присутственныхъ мѣстъ... А составъ присутственныхъ мѣстъ при нынѣшнемъ правительствѣ такой, что никакіе Рожеры-Баконы, Бертольды, Шварцы, Иваны Петровичи по части благопріобрѣтеній новаго пороху не выдумаютъ...

Иванъ Петровичъ поступилъ на службу только съ родительскими молитвами да съ тремя грошами. Два капитала, которыми такъ бо-

гаты многіе: бѣдность и благородство, ни къ чему бы его не повели, еслибъ онъ не былъ надѣленъ отъ Всевышняго особеннымъ даромъ благопріобрѣтенія. Въ доказательство возьмемъ нѣкоторыя частности изъ его жизни.

— Погляди Варя, какъ намъ Господь Богъ подаетъ въ окошко, сказалъ онъ однажды своей супругѣ, по прошествіи трехъ лѣтъ нахожденія на коронной службѣ.

И приэтомъ открылъ передъ женой старинный отцовскій сундукъ, оклеенный изнутри картинками модъ временъ Павла I. Тамъ, на одной сторонѣ лежали лобанчики, арабчики; на другой—радужныя сѣренькія и пеструшки.

— Мать моя, споручница всѣхъ страждущихъ! воскликнула супруга, при видѣ такого умилительнаго зрѣлища. Г-жа Благопріобрѣтаева, имѣя десять тысячъ родительскихъ, цѣлый вѣкъ плакалась на свою бѣдность, считала себя «страждущей»,—поэтому считала себя въ правѣ прибѣгать къ заступницѣ. Постоянно кряхтя и охая, сѣтуя на свою бѣдность, она воровала гривеннички, четвертачки у зазѣвавшаго мужа, прятала все это въ особые мѣшечки, узелки, съ самою благонамѣренною цѣлью, именно—обрадовать мужа въ день его рожденья, имянинъ. Значитъ, супруги такого сорта самыя благонамѣренныя воровки изъ всѣхъ, какія есть на земномъ шарѣ.

— Да гдѣ ты столько набралъ денегъ? спросила она у мужа:— вѣдь когда на мнѣ женился, у тебя только и было двое панталонъ...

— Вѣстимо, Богъ подалъ, отвѣчалъ мужъ, закрывая сундукъ.

— Подымемъ скорѣе на домъ Владычицу! воскликнула жена:— говорятъ, ее теперь поднять дешевле стоитъ; всѣ большіе господа разъѣхались...

— Боюсь, голубеночекъ! Она, матушка, разгнѣвается, что я дерзнулъ тревожить ее нечестивыми своими молитвами, возразилъ мужъ:— не лучше ли прежде отъисповѣдываться?..

— Что ты такое говоришь?! развѣ это нечисто нажито?..

— Скажу послѣ, матушка; надо прежде поговѣть недѣльку, чтобъ очистить свою совѣсть...

— Да скажи, какой грѣхъ тяготитъ твою душу? спросила жена, раззадорившая до послѣдней степени свое бабье любопытство: — вѣдь ты все пріобрѣталъ безгрѣшно—отъ просителей, вѣдь такъ всѣ у насъ пріобрѣтаютъ...

— Охъ, тяжело мнѣ! надо все какъ нибудь загладить ..

— Ты выбери построже священника, который бы лучше всѣхъ исповѣдывалъ. Вотъ у Антипія—«зубного цѣлителя» хвалятъ:—удивительно строгій священникъ:—ни одного грѣха не дастъ утаить, все выпытываетъ. Да потомъ какъ начнетъ увѣщевать, такъ даже слеза прошибетъ...

— Хорошо, что сказала; я буду говѣть непремѣнно у Антипія.

— Да какъ начнетъ, да какъ начнетъ! «Такъ ли, говоритъ, мы живемъ, какъ евангеліе велитъ? Да мы должны отречься отъ всѣхъ благъ земныхъ, продать все имущество, а не пріобрѣтать».

— Да гдѣ живетъ священникъ?

— Въ собственномъ домѣ, такой огромный, тысячъ двѣсти стоитъ...

— Пойду непремѣнно къ нему. Да вотъ еще я въ чемъ грѣшенъ: прошлый разъ пожалѣлъ двухъ рублей дать попу за молебенъ!

— Ай ай-ай! Во всемъ покайся, слышишь?

— Просвиру-то я тебѣ невынутую принесъ, а сказалъ, что вынутую...

— Ай ай-ай! воскликнула жена, качая головой:—открой и это на духу...

— Знаешь ли еще что?.. Я сжегъ... я сжегъ... 15 вѣтряныхъ мельницъ...

— Какъ сжегъ, по неосторожности?..

— Нѣтъ, не по неосторожности... Я сжегъ... злонамѣренно...

— Злонамѣренно?!. объясни, какимъ образомъ?..

— Долго разсказывать, я получилъ за это десять тысячъ...

— Десять тысячъ еще, кромѣ тѣхъ, что я видѣла въ сундукѣ?..

— Кромѣ тѣхъ...

— Ахъ, какъ хорошо!.. Да поставилъ ли ты хоть свѣчу Николаю угоднику, или Неопалимой купинѣ?..

— Нѣтъ не поставилъ.

— Чего же ты думаешь? Ступай скорѣй въ церковь, закажи на завтра молебенъ, поставь свѣчь побольше!.. Можетъ, быть Богъ-батюшка все проститъ тебѣ!.. Ахъ, какой грѣхъ!..

— Оттого-то я тебѣ и покаялся, душа не вынесла.

— Сегодня среда. Ты съ какимъ сахаромъ пилъ чай?

— Со скоромнымъ.

— Ай-ай-ай! Ужъ теперь цѣлую недѣлю, не жди отъ меня скоромнаго сахару. Объ говядинѣ и не думай. Вотъ твоя пища: стерляжья уха, осетрина, кулебяки — больше ничего... Надо жъ какънибудь хоть постомъ грѣхи загладить; а скажи, сколько тысячъ у тебя всего на всего?

— Да тысячъ тридцать наберется.

— И я тебя обрадую: я скопила въ эти три недѣли до 50 р.

— Ну, спасибо, душка, поцѣлуй меня за это, да почеши за ушами.

Иванъ Петровичъ ужасно любилъ, чтобы у него чесали за ушами. Онъ уткнулъ голову между ея колѣнями, она начала зудить легонько пальчиками по его лысинѣ, чтобы ввести его въ сладкую дремоту. Такимъ образомъ, совѣсть обоихъ супруговъ успокоилась, тѣмъ болѣе, что Иванъ Петровичъ обѣщалъ поставить множество свѣчей къ Неопалимой купинѣ, Николаю угоднику, отъисповѣдаться у строгаго священника, не ѣсть ничего, кромѣ кулебякъ, ухи стерляжей и, что всего важнѣй, цѣлую недѣлю кушать чай съ постнымъ сахаромъ.

Вы бы посмотрѣли, какъ онъ былъ всегда безукоризненно одѣтъ! Ни одной крапинки, ни одного пятнушка на благоприличномъ во всѣхъ отношеніяхъ пальто. На шляпѣ, на сапогахъ ни одной пылинки; даже самыя эти пылинки, носясь міріадами въ воздухѣ, боялись прикоснутся къ Ивану Петровичу. Отъ какой-то кошачьей аккуратности онъ рѣшительно потерялъ способность пачкать брюки, калоши, и тамъ гдѣ иной врѣжется въ грязь по колѣно, онъ проскакивалъ, какъ кошка, дѣлая удивительныя вольты съ камушка на камушекъ... Любо было на него посмотрѣть, когда онъ пробирался по лужамъ, на недостатокъ которыхъ нельзянашему городу пожаловаться. Ставши обѣими ногами на два выдающіеся изъ воды камушка, онъ смахивалъ на колосса родосскаго и потомъ, съ упругостью резиннаго мячика, давалъ такого стречка на ближайшій островокъ, что толпа останавливалась зѣвать.

Надо было видѣть одни сапожки Ивана Петровича, — гдѣ онъ доставалъ такую блистательную ваксу, одинъ Богъ вѣдаетъ, у самого господина губернатора сапоги никогда не достигали до такой зеркальности, какъ сапоги Ивана Петровича. Когда онъ проходилъ по улицѣ, то всѣ дома, крыши, встрѣчные пѣшеходы отражались въ обратномъ видѣ въ его сапожкахъ. Цѣлый столбъ свѣта переливался

на его лоснящееся шляпѣ. Ни одна морщинка не дерзала сложиться у колѣнъ, или у носковъ, какъ это бываетъ у остальныхъ смертныхъ. Глядя на его безукоризненность, можно было подумать, что онъ свалился къ намъ съ облаковъ и свалился не одинъ, а купно съ своей супругой Варварой Виссаріоновной. Я полагаю, что безошибочности въ дѣйствіяхъ Ивана Петровича много способствовало то, что онъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ бы онѣ ничтожны ни были, обращался за совѣтомъ къ Варварѣ Виссаріоновнѣ. Мы уже видѣли, что прежде чѣмъ отъисповѣдываться у строгаго батюшки, онъ каялся передъ своей супругой. Онъ чувствовалъ особую наклонность излиться передъ женой, когда она щекотала у него за ушами; она также чесала ему икры, но только доставляла мужу это удовольствіе тогда, когда ангелы небесные ниспосылали ему не менѣе 200 рублей.

— А что, таракашечка, говаривалъ онъ женѣ:—какой фракъ приличнѣе надѣть, чтобъ поздравить начальника съ праздникомъ,—синій изкрасна, или коричневый изсѣра?

— Конечно, синій: онъ будетъ напоминать начальнику, что душа его подчиненнаго такъ же чиста, какъ сводъ небесный.

— А какую жилетку приличнѣе надѣть на вечеръ къ начальнику? спрашивалъ Иванъ Петровичъ.

— Конечно, бѣлую: бѣлый цвѣтъ будетъ показывать начальнику, что ты еще невиненъ...

И дѣйствительно Иванъ Петровичъ корчилъ изъ себя передъ начальникомъ такую невинность, что просто приводилъ его въ восхищеніе.

Если Благопріобрѣтаеву приходилось рѣшаться на какой нибудь важный поступокъ въ жизни, напримѣръ, перемѣнить пуговицы на фракѣ, или крышу на домѣ изъ красной перекрасить въ зеленую, то онъ долго обдумывалъ этотъ важный предметъ, долго задавалъ себѣ вопросы: Да ловко ли это будетъ? Да осмотрительно ли я поступлю? Да что подумаетъ начальство, что я прикупаю деревеньку? Не либеральная ли это мысль?

Обдумавши все это самъ съ собой, шелъ онъ къ Варварѣ Виссаріоновнѣ.

— Какъ ты думаешь, Варичка, не либеральная ли это мысль—прикупить на службѣ деревеньку?

— Нисколько не либеральная; напротивъ, начальство получитъ очень выгодное мнѣніе о твоихъ служебныхъ способностяхъ, что ты, даже при ограниченномъ жалованьи, прикупаешь деревеньки...

— А если начальство заподозритъ вольный духъ? Какъ ты думаешь, заподозритъ ли во мнѣ вольный духъ начальство?

— Съ чего-жъ заподозрить, вѣдь ты былъ съ поздравленіемъ?

— Какъ же, былъ, даже росписался въ визитной книгѣ безъ хвостика. Вотъ столоначальникъ Трущоба всегда съ хвостикомъ, а я — безъ хвостика: написалъ чинъ, фамилію и поставилъ точку.

Но всего болѣе онъ постигъ тайну жизни, какъ держать себя въ извѣстномъ случаѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ; знаніе этой тайны открыло ухъ-какую широкую дорогу не одному Ивану Петровичу... Никакіе изумительные таланты, никакое благородство души, никакія знанія не принесутъ пользы, если ихъ обладатель не постигъ тайны, какъ и съ кѣмъ держать себя. Чтобъ достигнуть въ этой жизни всего пріятнаго, такъ сказать, усладительнаго, необходимо избѣгать всякихъ непріятностей, всякихъ столкновеній съ судами, начальствомъ, законами, присутственными мѣстами, жить тише воды, ниже травы.—Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; ничего не знаю, не видалъ и не слыхалъ.—Вотъ тогда проживешь на свѣтѣ чисто, гладко, спокойно. Надо такъ ухитриться прожить весь вѣкъ, чтобъ не знать даже, гдѣ помѣщается кварталъ, часть, въ которыхъ ты прописанъ на квартирѣ. Тогда только ты можешь надѣяться на самую блестящую карьеру, когда всѣ скажутъ: «вотъ молодецъ-то, вотъ умница-то! Семьдесятъ лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, 50 прослужилъ царю и отечеству и ни въ чемъ не попался! даже съ полиціей не имѣлъ ни одного дѣла». Вотъ такъ и Иванъ Петровичъ поступалъ съ перваго шага на служебномъ поприщѣ. Однажды, въ очень приличной компаніи здѣшнихъ чиновниковъ, два молодыхъ человѣка подрались за картами; Иванъ Петровичъ, увидя летающіе въ воздухѣ подсвѣчники, клочки оторванныхъ волосъ, скорѣй за шапку да и драла изъ честной компаніи. Когда пошла переборка, кто правъ, кто виноватъ, онъ забожился, что вовсе тутъ не былъ, что всегда удаляется отъ подобныхъ компаній.

Возникъ однажды споръ между нимъ и казначеемъ какого-то низшаго присутственнаго мѣста изъ-за слѣдующаго: когда Благопріобрѣтаевъ при получкѣ жалованья росписался въ книгѣ и протянулъ руки за деньгами, казначей сталъ увѣрять, что онъ выдалъ всѣ деньги сполна.

— Ну, я вамъ скажу откровенно, что денегъ вы отъ меня не

получали, а я все таки передъ другими стану говорить, что вы ихъ получили. Чѣмъ вы меня опровергнете? вѣдь свидѣтелей нѣтъ. Дойдетъ дѣло до суда, мнѣ больше повѣрятъ, чѣмъ вамъ: я лицо почетное, я казначей...

— Неужели вы захотите пользоваться моими грошами? спросилъ язвительно Благопріобрѣтаевъ.

— Еще вы смѣете грубить мнѣ—заслуженному чиновнику!.. Я по два раза одного жалованья не даю; вы получили одно,—вотъ доказательство — ваша подпись. Извольте идти вонъ.

Иванъ Петровичъ тихонько выбрался изъ казначейской, еще далъ гривенникъ сторожу, чтобы онъ никому объ этомъ не разглашалъ... Какъ приличнѣе держать себя при такихъ обстоятельствахъ? спросилъ самъ себя Иванъ Петровичъ.—А вотъ что: никому объ этомъ ни-гу-гу, а денежки эти наквитать какимъ нибудь тихимъ способомъ. Тихій способъ скоро представился: къ нему пришелъ въ гости пьяненькій чиновникъ. Онъ засѣлъ съ гостемъ въ дурачки, по рублю игра, обыгралъ его навѣрняка, упоилъ на его же деньги до положенія ризъ, изъ бумажника обобралъ лишнія деньги и соннаго тихонько вытащилъ ночью на улицу.

Такимъ образомъ, безъ шуму, чинно, прилично, не теряя имени честнаго человѣка, онъ воротилъ съ лихвой свои денежки. Это сдѣлано было такъ благородно, въ такой приличной обстановкѣ, что до сихъ поръ никто про это не знаетъ. Всѣ до сихъ поръ считаютъ Благопріобрѣтаева честнымъ, прекраснѣйшимъ человѣкомъ, который даже въ молодости не сдѣлалъ ни одного неприличнаго поступка. Однажды, на его глазахъ, у его родного брата, шедшаго съ нимъ, какой-то мошенникъ вытащилъ бумажникъ изъ кармана и скрылся въ толпу. Благопріобрѣтаевъ видѣлъ все это, но даже неморгнулъ глазомъ, не сказалъ брату ни слова, только ухватился за свой портмоне покрѣпче. — Какое мнѣ дѣло ввязываться въ непріятную исторію, думалъ онъ: — а если пойманный мною мошенникъ станетъ увѣрять всѣхъ, что это я укралъ, а не онъ,—что тогда?

— Славный человѣкъ Иванъ Петровичъ,— удаляется отъ непріятныхъ исторій, твердили всѣ граждане. Слыша, что кого нибудь изъ его пріятелей чернятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, молчалъ, даже поддакивалъ.

— Какое мнѣ дѣло защищать его, ввязываться въ чужія кляузы, вѣдь не меня ругаютъ...

Однажды, завидя на улицѣ своего стараго пріятеля, дурно одѣтаго, онъ не только не поклонился ему, даже отворотился съ презрѣніемъ, не смотря на то, что тотъ кричалъ ему, кланялся. Другой разъ, встрѣтивши его же отлично одѣтымъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу, сталъ извиняться, увѣрять, что прошлый разъ не узналъ его въ лицо.

— Да какъ же ты узналъ, что со мной встрѣчался, когда увѣряешь, что не узналъ?..

— Извини, въ послѣдній разъ! возразилъ Иванъ Петровичъ: — не могъ же я признать знакомаго, когда онъ дурно одѣтъ.

Всѣ уважали, всѣ хвалили Ивана Петровича за то, что онъ умѣетъ держать себя прилично, что онъ ужъ ни за что не свяжется съ дурно-одѣтымъ человѣкомъ, хоть будь его родной отецъ. Такъ было разъ и съ отцомъ, который послѣ двадцатилѣтней разлуки, пріѣхалъ изъ Тобольска взглянуть на дорогого сына. Онъ, т. е. отецъ, летѣлъ, какъ угорѣлый, по 200 верстъ въ сутки, страшно растерялся, растрєсся и въ чемъ былъ — прямо въ домъ къ сыну.

— Гдѣ мой сыночекъ Ваня? гдѣ онъ мой батюшка? я, кажется, умру отъ нетерпѣнія, если сейчасъ его не увижу.

Такъ говорилъ добрякъ-старикъ, чуть не цалуя руки слугѣ, чтобъ тотъ скорѣе доложилъ.

Въ это время Иванъ Петровичъ, уже достаточно опер‍ившійся, важно возсѣдалъ за столомъ въ кругу новыхъ своихъ знакомыхъ — людей нужныхъ и вліятельныхъ.

— Васъ зоветъ какой-то старикъ, называетъ себя вашимъ отцомъ...

— Вы сказали, что у васъ нѣтъ отца, что онъ убитъ на Кавказѣ впереди своего отряда...

Отъ этихъ ѣдкихъ словъ покоробило Ивана Петровича, у котораго лицо поблѣднѣло, какъ молоко, и затряслись губы...

— Какая нибудь ошибка... недоразумѣніе... я еще не пріискалъ порядочнаго лакея... пробормоталъ Иванъ Петровичъ еле слышно и вышелъ въ переднюю.

— Ваня мой, голубчикъ! едва успѣлъ проговорить отецъ и повисъ на шеѣ сына. Какъ было сѣно и пыль на пальтишкѣ старика — тобольскаго столоначальника, такъ и прилипло къ изящной манишкѣ Ивана Петровича...

— Теперь нѣкогда-съ... зайдите послѣ-съ... вы по ошибкѣ меня приняли за сына-съ... у меня нѣтъ отца...

Бѣднякъ отецъ ошеломѣлъ, отскочилъ отъ сына, какъ отъ жабы.

— Проводи *ихъ*, голубчикъ, сказалъ Иванъ Петровичъ лакею:— они по ошибкѣ не туда попали. Лакей, волей неволей, выперъ убитаго горестью старика за порогъ, но пожалѣвъ его и шепнулъ ему на ухо: — приходите въ другое время, теперь баринъ не въ духѣ, они съ большими господами...

— Представьте, господа, какой скандалъ! пьяненькій старичишко, котораго я съ роду въ глаза не видалъ, призналъ меня вдругъ за сына!

Всѣ гости подозрительно переглянулись, нѣкоторые состроили презрительную гримасу. Они были одной шерсти съ Иваномъ Петровичемъ, только видѣли спицу въ его глазу и, догадавшись въ чемъ дѣло, ославили его въ тотъ же день по городу за его же хлѣбъ-соль.

— Рѣдкій человѣкъ Иванъ Петровичъ, твердила воспитанная въ аристократическихъ началахъ публика:—вотъ ужъ истинно чиновникъ, умѣетъ поддержать славу благороднаго человѣка.

— Каково, плотью своей, кровью пожертвовалъ ради приличій! Отца родного не пустилъ за порогъ, изъ-за того только, что онъ не умѣлъ одѣться прилично... Еще отрекся отъ него!

— Такъ и надо, а вы думали какъ? Коли идешь къ благородному сыну, пріодѣнься во фракъ, нацѣнь регаліи, какія тамъ есть, чтобы видѣли, что ты благородный человѣкъ, дворянинъ.

— Да вотъ у насъ, недалеко ходить, въ учебномъ заведеніи: хоть будь разпраотецъ, да если фракъ маленечько потертъ, ни за что не пустятъ на свиданіе съ дѣтьми... хоть онъ изъ тридесятаго царства пріѣзжай, хоть съ роду въ глаза не видалъ дѣтища, а не пустятъ. На то порядокъ, на то учебное заведеніе!..

Но мы только набросили нѣкоторые штрихи, а намъ нужно изобразить настоящій ликъ Ивана Петровича, изобразить живыми красками, какимъ длиннымъ рядомъ постепенныхъ самоусовершенствованій достигъ онъ до того идеала петербургскаго чиновника, какимъ его нынѣ усматриваемъ.

Но прежде, чѣмъ начать такое важное дѣло, нужно разъяснить читателю общій характеръ нашего общества, которое, отъ макушки до пятъ, проникнуто аристократическими началами. Не забираясь слишкомъ подъ облака, возьмемъ *высшій и средній кругъ*, если можно такъ выразиться. Всему обществу задаютъ тонъ, разумѣется, дамы, преимущественно молодыя. Очень естественно, что при неравенствѣ

браковъ они вертятъ хилыми мужьями, какъ рукояткой кофейной мельницы. Плѣшивые сластолюбцы-старикашки, растратившіе давно весь порохъ, частію только числятся на выгодныхъ мѣстахъ, а въ сущности управляютъ ихъ жены,—*частію*, говорю. Положимъ, онѣ не сидятъ передъ зерцаломъ, не подписываютъ бумагъ, не распекаютъ лично чиновниковъ, но даютъ направленіе всей канцелярской политикѣ. Онѣ, черезъ посредство этого призрака начальничьей власти мужа, удаляютъ чиновниковъ «противныхъ», но часто дѣльныхъ; оставляютъ на мѣстахъ «интересныхъ», но пустыхъ, какъ *свищь*. У нихъ нѣтъ прямого свѣтлаго взгляда, у нихъ вездѣ симпатіи и антипатіи. Сердце, умъ чиновника онѣ *часто* видятъ въ лаковыхъ сапогахъ; а его познанія, способность къ дѣлу — въ бакенбардахъ, въ глазахъ съ поволокой.

Развѣ помѣщики обижали крестьянъ?— помѣщицы!

Развѣ чиновники брали въ былое время?— чиновницы!

Скажите, много ли нужно дѣльному мужчинѣ,—а ихъ треть Россіи,—чтобъ удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ? Ведро водки въ мѣсяцъ, два ведра шампанскаго, полторы-три тысячи на камелій, да и то, у кого есть камеліи,— вотъ и все. Тысяча рублей въ годъ на костюмъ, тысяча на кутежи, двѣ тысячи на карты — вотъ и все. Я это беру примѣрно, *около*, только хочу этимъ доказать, что мужскіе расходы ничтожны передъ расходами на наряды женъ. Вотъ кто разоряетъ Россію, вотъ кто за брюссельскую паутину, за бронзовыя финтифлюшки, за мебель— рококо, *ренесансъ*, садитъ въ Европу деньги, какъ въ яму. Вотъ кто понуждаетъ мужей устилать европейскія дороги червонцами, чтобъ показать родную глупость за моремъ. Вотъ куда идутъ, какъ въ прорубь, сотни тысячъ, милліоны. Но бросимъ женщинъ, перейдемъ къ тѣмъ аристократическимъ началамъ, которыми, какъ губка водой, просасывается нашъ народъ-простячокъ. Онъ — могучій ребенокъ, онъ повторяетъ все, дѣлаетъ все, что лепечетъ его мама — западная Европа. Къ зажиточнымъ барамъ приростаютъ, какъ губки къ дереву, цѣлыя орды лакеевъ, горничныхъ, едва перелѣзшихъ изъ лаптей и понявъ во фраки и шляпки. Вотъ пародія на аристократію, вотъ она, аристократія наизнанку. За высшимъ лакействомъ тянется среднее лакейство, плебеи—кучера, дворники, щеголяющіе мѣдными цѣпочками, знакомые и съ портерными, и съ талантирами, и съ *бонжуръ мусьё*. Оставляя этихъ въ сторонѣ, перейдемъ опять къ среднему кругу. За богатыми

помѣщицами тянутся чиновницы высшихъ окладовъ, за высшими чиновницами—низшія. На знатной барынѣ—парижская шляпка, на второклассной — петербургская, на третьеклассной — московская. Тамъ драпри изъ штофа, тутъ сію минуту — драпри изъ бархату, тамъ, глядишь, драпри изъ плису, драпри изъ ситцу, драпри изъ дерюги. Тутъ — драпри изъ волоса, тамъ изъ китоваго уса, тутъ ужъ чуть не изъ коровьихъ реберъ... Мода, прихоти роскоши, какъ звукъ, пролетаютъ по безпредѣльной русской землѣ (смотри записки художника Григоровича). Гибнетъ народная самобытность, жмется она въ немногихъ уголкахъ Саратова, Пензы, да и тамъ ей нынче нѣтъ житья. Вездѣ поползновеніе къ барству и къ барству. Дай Богъ, чтобъ мы также скоро перенимали отъ высшихъ дѣло, какъ прежде глупости.

Въ чемъ заключался грѣхъ относительно сожженія 15 вѣтряныхъ мѣльницъ? А вотъ въ чемъ: извѣстно, что страховыя общества на то и учредились, чтобъ платить за застрахованныя имущества, когда онѣ сгорятъ. Противъ этихъ обществъ образовалось, такъ сказать, виз-а-ви, другое общество приличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ господъ, которое скупало за безцѣнокъ подгородныя вѣтряныя мельницы, застраховывало ихъ, при помощи подмазки оцѣнщиковъ, въ довольно солидныхъ суммахъ и, заплативши за короткій срокъ бездѣльные проценты, зажигало мельницы, разумѣется, порознь, въ разныхъ пунктахъ.

Почему, напримѣръ, общество Саламандра знаетъ, что дѣлается во 2 страховомъ, а 2-е страховое—въ Московскомъ? Между тѣмъ, мельницы горѣли да и на здоровье то въ томъ обществѣ застрахованныя, то въ другомъ; а эти общества, приписывая пожары случайности, волѣ Божіей, исправно выплачивали денежки. Такимъ образомъ, отдувались только акціонеры, а Иваны Петровичи, верша свои дѣлишки въ глубочайшей тайнѣ, только и знали, что богатѣли.

Только когда страховыя общества снюхались, узнали про злоупотребленія, то обрубили лапы этимъ спрутамъ; но уличить виновныхъ не могли,—Иванъ Петровичъ на то былъ и созданъ, чтобъ выходить сухимъ изъ воды.

Натѣшившись до сыта чесаніемъ за ушами и въ головѣ, Благопріобрѣтаевъ тихими шагами, съ понikшей головой, побрелъ въ свой кабинетъ. О чемъ онъ думалъ, Богъ вѣсть, вѣроятно о томъ, какъ бы подешевле отдѣлаться отъ небеснаго правосудія. Нельзя

ли, напримѣръ, купить подешевле запасныхъ свѣчей у старосты какого нибудь монастыря, даже выманить ихъ у торговцевъ, а потомъ поставить ихъ Николаю угоднику, какъ будто бы жертвованныя отъ души?.. Но далѣе.

— Охъ да! воскликнулъ онъ, ударивши себя по лбу: — вмѣсто 250 поклоновъ я положилъ только 239, значитъ 11 поклоновъ за мной. Да и четки-то у меня только въ 100 косточекъ, непремѣнно куплю въ полтораста! я и самъ не замѣчу, какъ, перепуская по косточкѣ, отмахаю, вмѣсто ста поклоновъ, сто пятьдесятъ. И легко, и удобно, и Богу пріятнѣй. Ай-ай-ай! И лампадка одна потухла! Ну, быть мнѣ въ аду!

Съ этими словами Иванъ Петровичъ затеплилъ лампаду, взялъ съ угольника акафистъ, разотслалъ платокъ на полу, обмахнувши прежде пыль съ полу, и сталъ на колѣни. Сію же минуту во всемъ домѣ водворилась могильная тишина, всѣ ходили на ципочкахъ, да шептали другъ другу: тише, Бога-ради тише! Ив анъПетровичъ молится, вымаливаетъ божью благодать на семейство!

— Да, онъ можетъ молиться, замѣчалъ кто-нибудь изъ дворовыхъ: — посмотрите, какъ онъ складываетъ персты, какъ творитъ поклоны!

— То-то ему батюшкѣ, Богъ и подаетъ, какъ въ окошко! Анамеднись, принесъ изъ присутствія сто рублевъ, третеводни—полтораста; я сама видѣла изъ щелочки, какъ онъ въ сундукъ пряталъ, замѣтила горничная.

— Это не просители, а сами ангелы небесніи въ ихъ образѣ приходятъ въ присутствіе и подаютъ синенькія, бѣленькія Ивану Петровичу, добавляла благочестивая нянька Аксинья. Она была склонна къ мистизицму и видѣла въ каждомъ купцѣ, приходящемъ съ кулёчками къ Ивану Петровичу, какого нибудь благочестиваго мужа, ниспосланнаго Богомъ съ небеси, чтобъ въ видѣ земныхъ взятокъ вознаградить Благопріобрѣтаева за его ревностную службу и праведную жизнь. Такъ думали объ немъ и въ цѣломъ городѣ съ тою только разницею, что въ приходящихъ къ нему бородачахъ не видѣли ни ангеловъ, ни апостоловъ, а просто мошенниковъ, которые, чтобы продавать всякую дрянь втридорога, подмазывали чиновничье правосудіе всякой всячиной.

Но главное, всѣмъ бросалась въ глаза внѣшняя безукоризненность Благопріобрѣтаева. Ни одного воскресенья онъ не пропускалъ, чтобы

не быть у обѣдни. Каждый видѣлъ, что онъ обдѣляетъ нищихъ грошиками, полушечками; каждый видѣлъ, что онъ по нѣскольку разъ въ годъ поднимаетъ на домъ чудотворную икону. Въ обществѣ онъ былъ самый благонамѣренный, самый пріятный собесѣдникъ: съ почтенными гостями сѣтовалъ на совершенное развращеніе нравовъ; съ молодыми людьми немножечко либеральничалъ, и то не восходя выше господина квартальнаго надзирателя, или столоначальника. Желая съ кѣмъ нибудь пофилософствовать, онъ оглядывалъ стѣны, не подслушиваютъ ли онѣ, запиралъ двери на ключъ и, понизивши голосъ, говорилъ:—а вѣдь у насъ полиціймейстеръ свинья не свинья, а что-то въ этомъ родѣ... Губернаторъ тоже... Тутъ уже у него языкъ прилипалъ къ гортани. Но всего болѣе онъ постигъ тайну жизни, какъ держать себя въ извѣстномъ случаѣ, гдѣ что сказать, гдѣ промолчать. Прежде чѣмъ подать свое мнѣніе, ввернуть словцо, онъ задавалъ себѣ вопросы: да не либеральная ли это мысль, да прилично ли будетъ? У него было въ запасѣ множество тѣхъ избитыхъ, поражающихъ своею общностью фразъ, которыя онъ ввертывалъ въ разговоръ, смотря по надобности;—фразами такого рода биткомъ набиты наши грамматики, риторики, въ которыхъ такъ и видишь ихъ составителей—плѣшивыхъ геморойныхъ старичковъ, съ пряжками на груди за 35-ти лѣтнее лежаніе въ коронной службѣ.

Напримѣръ, если въ обществѣ заводили разговоръ по части географіи или исторіи, Иванъ Петровичъ непремѣнно ввернетъ: — «Волга есть величайшая рѣка въ Россіи... Петръ Великій преобразовалъ Россію и указалъ ей, такъ сказать, новый путь...Швейцарія—гористая страна, ознаменованная подвигами достославнаго военачальника графа Суворова». Насчетъ музыки у него тоже были готовыя фразы:—«музыка возвеличиваетъ душу и облагороживаетъ сердце... Театръ есть соединеніе полезнаго съ пріятнымъ»... Ну что можно сказать противъ этихъ вѣчныхъ истинъ! Поэтому съ Иваномъ Петровичемъ никто не спорилъ, никто ничего ему не возражалъ.

— Этотъ чиновникъ судитъ обо всемъ весьма основательно, такъ что нельзя ему сдѣлать никакого возраженія, язамѣчали про него начальники.

— И замѣтьте, обладаетъ обширными свѣдѣніями, добавлялъ таинственно другой:—когда онъ коснулся рѣки Волги и Швейцаріи, то большія свѣдѣнія обнаружилъ...

— Да, онъ будетъ современемъ человѣкъ полезный для Россіи.

Такъ слава Ивана Петровича росла, да росла и именно потому, что онъ постигъ тайну, какъ умѣть держать себя въ извѣстномъ случаѣ. Не открывай новыхъ звѣздъ, не изобрѣтай пороху, а постигни эту тайну, и будешь великимъ человѣкомъ... Иванъ Петровичъ, кромѣ этой, зналъ еще множество другихъ тайнъ, другихъ практическихъ истинъ, которыя открываютъ у насъ дорогу избранникамъ.

Чтобы достигнуть всего пріятнаго, такъ сказать, усладительнаго въ мірѣ, необходимо избѣгать всякихъ непріятностей, всякихъ столкновеній съ судами, начальствомъ, законами, присутственными мѣстами, исключая развѣ того, въ которомъ служишь.

Получилъ себѣ съ богомъ жалованье—и не показывайся въ присутствіе до слѣдующаго мѣсяца. Купилъ гарусу въ магазинѣ для начальницы—и отправляйся себѣ съ богомъ на квартиру, не навязывай на себя дѣлъ, лишней переписки; это другіе за тебя сдѣлаютъ... Нужно прожить весь вѣкъ на свѣтѣ такъ, чтобы воды не замутить, не знать даже, гдѣ помѣщается кварталъ или часть, въ которой ты живешь. Читатели многіе знаютъ, что ужасно непріятно имѣть дѣло съ кварталомъ даже самое пріятное. Не то, чтобы тамъ служили люди придирчивые, ябедники,—нѣтъ, тамъ служатъ теперь прекраснѣйшіе люди, вѣжливые до приторности, а все непріятно имѣть дѣло съ кварталомъ... Какъ бы ни было значительно лицо, а если ему скажутъ: «васъ требуютъ въ кварталъ», у него тотчасъ забѣгаютъ мурашки по спинѣ; а отчего забѣгаютъ мурашки по спинѣ, это мнѣ неизвѣстно... У Ивана Петровича никогда не бѣгали мурашки по спинѣ, то есть, его не требовали въ кварталъ... Конечно, эта робость —отрыжка давно минувшихъ дней, и боятся дѣлъ съ судами по старой памяти.

Такъ Иванъ Петровичъ съ перваго шага до настоящей секунды поступалъ на служебномъ поприщѣ и, среди скрежета зубного прежнихъ чиновниковъ, ликовалъ и благоденствовалъ... Въ примѣръ того, какъ Иванъ Петровичъ искусно избѣгалъ всякихъ непріятныхъ исторій, приведемъ нѣсколько случаевъ: однажды, по просьбѣ столоначальника, онъ похитилъ всѣ бумаги у своего сослуживца. Начальнику пришелъ страшный апетитъ выгнать этого сослуживца и именно потому, что солуживецъ кончилъ полный курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, а начальникъ не кончилъ ровно никакого курса даже въ низщемъ учебномъ заведеніи. Узнавши про все это, сослуживецъ прибѣжалъ въ ярости къ Ивану Петровичу и, какъ выража-

ются чиновники, «хотѣлъ познакомиться при помощи кулаковъ съ его зубами».

— Побейте меня немного, только въ комнатѣ: по крайней мѣрѣ не нарушайте принятаго у насъ приличія... Добрый сослуживецъ исполнилъ просьбу, только не вполнѣ, то есть поколотилъ его въ комнатѣ только не немного, а очень достаточно...

На другой день Иванъ Петровичъ всталъ такой веселенькій, словно встрепанный, потеръ бодягой синяки на спинѣ, повязалъ глаза и не выходилъ цѣлые сутки. Однажды онъ донесъ на товарища и донесъ вовсе не изъ того, чтобы ему повредить, а единственно изъ усердія по службѣ.

Обиженный явился за расправой.

— Поколотите меня легонько по спинѣ, только такъ, чтобъ никто не видѣлъ и я остался бы, какъ прежде, прекраснѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ чиновникомъ...

— Это мнѣ все равно, какъ бы и гдѣ васъ не поколотить, только бы поколотить, а скандаловъ я и самъ избѣгаю.

Такимъ образомъ тихо, чинно, безъ всякаго шума, оба чиновника сдѣлали свое дѣло, т. е. поколотили одинъ изъ нихъ другого.

Одинъ канцеляристъ жилъ у Благопріобрѣтаева на квартирѣ очень чинно, но какъ-то оборвался, т. е. по русскому обычаю, нарѣзался какъ стелька и свалился середи улицы. Бѣдняга долженъ былъ улетучиться въ отставку; но имѣя семейство, просилъ у начальства пощады, ссылаясь на Ивана Петровича.

— А какъ жилъ у васъ этотъ пьянюшка? спросилъ начальникъ.

— Прескверно-съ, преотвратительно-съ, можно сказать, преомерзительно, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.

— Бога вы не боитесь; я капли въ ротъ не бралъ тогда, отвѣчалъ, всхлипывая, канцеляристъ.

— Можетъ быть, капли воды и не брали въ ротъ, потому что постоянно пили водку, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, не краснѣя, не сморгнувъ глазомъ, какъ подобаетъ приличному во всѣхъ отношеніяхъ чиновнику...

— Зачѣмъ же вы его не поддержали, когда онъ дѣйствительно прежде не пилъ? спрашивали его съ укоромъ товарищи.

— Я и самъ знаю, что онъ не пилъ, да не могъ этого ска-

зать: развѣ пріятно терять репутацію прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ чиновника?

— Пріятно, или непріятно, а честный человѣкъ долженъ сказать правду, отвѣчали тѣ.

Людей, въ родѣ Ивана Петровича, я видывалъ на вѣку не мало: они переносили оскорбленія, совершенно незаслуженныя, и молчали, лишь бы не подумало начальство объ нихъ дурно... Разскажу одинъ примѣръ: одного поручика, когда онъ въѣзжалъ въ свою квартиру, ея хозяинъ обругалъ невыразимо скверно, выбросилъ за окно его вещи и даже чуть не поколотилъ. Оскорбленный поручикъ отнесся рапортомъ къ начальству.

— Прекратить это дѣло! написалъ на рапортѣ начальникъ: — кто хочетъ со мной служить, тотъ не долженъ заводить подобныхъ кляузъ...

Съ тѣхъ поръ у бѣднаго поручика отпала охота «заводить кляузы» и онъ безотвѣтно переносилъ оскорбленія и нахальства квартирныхъ хозяевъ... Начальству тогда нѣкогда было разбирать, кто кого побилъ, обезчестилъ; оно и невинно обезчещеннаго считало кляузникомъ, заведи онъ только дѣло. Скоро представился случай къ вознагражденію проторей Ивана Петровича, который поигрывалъ тогда въ карточки и объигрывалъ навѣрняка разныхъ благоприличныхъ господъ. Подвернулся къ нему какой-то богатый купеческій сыночекъ, страшный охотникъ до коньяку и до трынки. Сыночку страхъ какъ надоѣло глядѣть на полные отцовскіе сундуки умершаго тятеньки и онъ принялъ всѣ мѣры, чтобъ ихъ поскорѣе опорожнить. Затесался онъ пьяный къ Ивану Петровичу и засѣлъ съ нимъ въ штоссъ, когда тройка казалась десяткой, а двойка шестеркой. Такимъ образомъ тихо, чинно, какъ подобаетъ благоприличному гражданину, Иванъ Петровичъ обыгралъ навѣрняка купчика. Надо сказать, положа руку на сердце, что Иванъ Петровичъ не брезгалъ и взятками, непрочь былъ, на основаніи законовъ, пустить просителя безъ рубашки, но все это дѣлалось такъ чинно и благопристойно, какъ будто самъ проситель снялъ съ себя и отдалъ ему рубашку, какъ бы въ награду за прекрасныя качества Ивана Петровича. У него, какъ и у всякаго благонамѣреннаго гражданина, были свои особенности: напримѣръ, онъ не стыдился отнять суму у нищаго, пустить его, какъ говорится, безъ креста, за то стыдился проѣхать на плохомъ извощикѣ. Подвести пріятеля подъ обухъ, благородно обмануть, со-

врать благоприлично онъ не считалъ за стыдъ, за то стыдился сѣсть въ райкѣ въ театрѣ, зайти въ неаристократической трактиръ, надѣть засаленныя перчатки. Обдѣлать какое-нибудь дѣльце не совсѣмъ красивое онъ соглашался съ охотою, лишь бы оно принесло существенную пользу, было бы совершенно тихо, безъ шуму, глазъ на глазъ, въ благоприличной обстановкѣ. За то, если кто предлагалъ ему сдѣлать это публично, при свидѣтеляхъ, онъ приходилъ въ благородное негодованіе, ударялъ себя въ грудь, разражался монологомъ, выученнымъ наизусть и подходившимъ какъ разъ къ дѣлу.

— Какой прекрасный человѣкъ Иванъ Петровичъ! какъ онъ горячо стоитъ за честь! твердили благонамѣренные граждане. Впрочемъ онъ приходилъ въ благородное негодованіе экспромтомъ, и то при людяхъ маленькихъ, а никакъ не при начальствѣ, или при людяхъ вліятельныхъ.

Что подумало бы начальство, если бы Иванъ Петровичъ сталъ горячиться въ его присутствіи! Оно заподозрило бы въ немъ наклонность къ буйству... Даже и эту роль Иванъ Петровичъ разыгрывалъ, такъ сказать, по нотамъ, позволялъ себѣ сказать: вы говорите не совсѣмъ справедливо, вы лжете, вы клевещете. Напримѣръ, въ присутствіи равныхъ себѣ онъ говорилъ: вы—лжете, вы—клевещете; а чуть только слышалъ шаги столоначальника, или видѣлъ его изъ окна, то спускался нѣсколькими нотами и выражался такъ: вы не совсѣмъ справедливо обо мнѣ думаете; позвольте вамъ замѣтить, что вы имѣете честь ошибаться! и т. п.

Онъ особенно дорожилъ хорошими знакомствами, т. е. крѣпко держался изреченія: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, а я скажу тебѣ, кто ты. Если представлялся случай завести знакомство съ лицомъ позначительнѣе, то онъ тотчасъ бросалъ старыя знакомства. Эту черту мы замѣтили выше, когда онъ отрекся отъ родного отца, лишь бы не скомпрометировать себя передъ нужными человѣчками. Съ каждымъ новымъ чиномъ онъ мѣнялъ знакомства и старался, во чтобы то ни стало, затесаться въ аристократическій кругъ. Ужасно манилъ его этотъ кругъ,—онъ его представлялъ какимъ-то эльдорадо. Для него, въ описываемое время, предѣломъ всѣхъ желаній было знакомство съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. И какими непомѣрными усиліями добирался онъ до знакомства съ дѣйствительными статскими совѣтниками! Сколько имъ потрачено денегъ на духи, перчатки, циммермановскія шляпы, лаковые сапожки,

чтобъ путемъ видимыхъ достоинствъ, проникнуть въ лоно высшаго общества, преисполненнаго действительными статскими советниками и просто статскими. Какой-то радостный трепетъ проникалъ во все его фибры, когда онъ былъ вводимъ въ кругъ своей начальницы, которая въ целой Россіи не знала чиновника выше Ивана Петровича.

Какъ паукъ по паутинке, онъ перебирался отъ низшаго знакомства къ высшему. Съ каждымъ повышеніемъ чина держалъ себя на дистанціи отъ прежнихъ товарищей-одночинцевъ. Онъ даже разделилъ кисть правой руки на части, соответственно табели о рангахъ. Сама природа мудро устроила сгибы пальцевъ, разделивши ихъ на 14 суставовъ. Напримеръ, знакомымъ губернскимъ секретарямъ онъ подавалъ только два сустава, титулярнымъ советникамъ целыхъ восемь. Впрочемъ не все губернскіе секретари и даже титулярные советники удостоивались этой чести, а только избранники. Далее титулярныхъ советниковъ деградація шла обратнымъ путемъ, т. е. особы выше этого чина также разделяли суставы, приспособляя ихъ къ чину Ивана Петровича. Чина этого я не смею назвать, чинъ этотъ достигъ или достигалъ техъ размеровъ, когда авторская скромность требуетъ умалчивать объ чинахъ.

Иванъ Петровичъ до сочетанія съ Варварой Виссаріоновной неуклонно стремился возвыситься, сделать себе приличную карьеру. Онъ думалъ объ этомъ, вставая отъ сна и отходя ко сну. Онъ составилъ что-то въ роде задачи о квадратуре круга, о вечномъ движеніи, именно,—задачу: какъ человеку бедному ,безъ протекціи, возвыситься. Она и приводитъ къ несообразному решенію, какъ всякія *пешки* , т. е. чтобъ человеку бедному возвыситься, нужно непременно пріискать протекцію, — что несообразно съ условіями задачи, где сказано, чтобъ человекъ былъ безъ протекціи. Это походитъ на то, когдабъ кто предложилъ войти черезъ *другія* двери въ домъ, имеющій только одну дверь; ну, какъ ни бейся, а вернешься черезъ те двери, въ какія вошелъ! Пределомъ всехъ тайныхъ желаній было: скопить на службе капиталецъ, довольно остроумно называемый кускомъ хлеба настарость. Капиталецъ, какъ мы видели, онъ точно скопилъ и даже загладилъ грехъ. Онъ, какъ и многіе, подумалъ: чтобъ чего нибудь добиться прочнаго, нужно согрешить такъ, чтобъ этотъ грехъ уметь загладить. Другою его тайною мыслью было прикупить на службе деревеньку; мысль эта

тоже осуществилась въ послѣдствіи даже въ упятеренномъ масштабѣ, т. е. онъ, вмѣсто одной, купилъ пять деревенекъ; только когда онъ состоялъ на службѣ, немножко безпокоился—не либеральная ли это мысль?

Но иногда и такихъ прекрасныхъ людей постигаютъ маленькія неудачи. Кажется, вѣдь человѣкъ благонамѣренный, шелъ къ цѣли прямо и неуклонно: къ чему бы его постигали разныя неудачи? Онъ разъ обмишулился очень презабавнымъ образомъ, оттого что имѣлъ привычку неввязываться въ непріятныя исторіи, удаляться отъ дурныхъ знакомствъ: тотъ самый пріятель, котораго онъ не поддержалъ въ глазахъ начальника и присягнулъ, будто бы онъ никогда ничего не пилъ, кромѣ водки, — насолилъ ему порядочно. Выгнанный въ отставку, бѣдняга дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе отъ голодухи. Сначала онъ, разумѣется, стыдился явиться на улицу въ отертомъ платьѣ, зайти въ грязную закусочную пообѣдать, или въ питейный — выпить передъ обѣдомъ. Потомъ, когда голодуха порастрясла эти поползновенія къ галантерейности, онъ безъ церемоніи выставлялъ ободранные локти на всенародныя очи, разсказывалъ въ кабакѣ всѣ свои несчастія, за косушку водки, и даже рѣшался вламываться къ прежнимъ товарищамъ, настоятельно требуя отъ нихъ денегъ. Но товарищи, какъ товарищи: знакомятся, ласкаются только тогда, когда человѣкъ при мѣстѣ, когда у него можно лишній разъ и пообѣдать, и выпивку учинить... Иванъ Петровичъ особенно отличался отъ всѣхъ: онъ дѣлался какимъ-то врагомъ человѣка, когда тотъ лишался мѣста и не имѣлъ гроша денегъ. Попивая на счетъ выгнанаго изъ службы въ дни его счастія, онъ отвергнулъ его въ несчастіи, даже его голоднаго, убитаго не хотѣлъ принять, сказалъ прямо: меня дома нѣтъ. Того, разумѣется, разобрало и онъ рѣшился дѣйствовать, какъ говорится, съ нахрапу.

— Здравствуй, Пролаза Петровна! сказалъ однажды старый его знакомецъ, нахально врываясь въ комнату къ Ивану Петровичу. Бѣднякъ былъ оборванъ до послѣдней степени: лохмотья на рукавахъ болтались, какъ бахрама; изъ-подъ оранжево-синихъ брюкъ сверкали колѣнки, а изъ праваго сапога выглядывалъ большой палецъ, грязный до того, что его нельзя было различить съ землею. Едва онъ только онъ открылъ уста, какъ по комнатѣ разлилось благоуханіе откупного *сивупле*...

Иванъ Петровичъ немного оторопѣлъ, сойдясь глазъ на глазъ въ та ое позднее время, когда всѣ спали.

— Вы вѣроятно пришли не ко мнѣ, а къ моему сосѣду,—вотъ, неугодно ли, напротивъ; я васъ, если хотите, провожу, сказалъ Иванъ Петровичъ, ласково осклабляясь, между тѣмъ какъ на сердцѣ кошки скребли, а губы дрожали отъ страха; онъ, какъ читатель уже замѣтилъ, былъ не изъ храбрыхъ. Нагадить человѣку изподтишка онъ былъ никогда не прочь, особенно, если это приносило пользу, было совершенно глазъ на глазъ съ начальникомъ и нисколько не компрометировало.

— Вы, вѣроятно, не меня желали видѣть; вы, вѣроятно, не туда зашли, вы вѣроятно... бормоталъ Иванъ Петровичъ, видя, что посѣтитель преспокойно развалился на диванѣ съ грязными сапогами. Ужъ съ одного вида не совсѣмъ чистаго бѣлья коробило Ивана Петровича—человѣка въ высшей степени галантерейнаго, опрятнаго, такъ можете судить, что было съ нимъ, когда непрошеный гость преспокойно снялъ съ себя сюртукъ и остался въ какихъ-то лохмотьяхъ рубашки, очень смахивающихъ на запыленную паутину!..

— Къ тебѣ, дружище, къ тебѣ! возразилъ съ какой-то тоскливой ироніей горемыка:—довольно высосала изъ меня крови твоя рекомендація; шатаясь безъ пристанища, безъ куска хлѣба, три дни не ѣлъ, — и голосъ его задушили рыданія.

— Какъ держать себя въ этомъ случаѣ? подумалъ про себя Иванъ Петровичъ; но на этотъ разъ ничего не придумалъ его бойкій изворотливый умъ. Блеснула-ли искра раскаянія, угрызенія совѣсти, богъ вѣсть. Онъ заскарузъ въ внѣшнихъ благоприличіяхъ, онъ давно потратилъ душу на размышленія, какой фракъ приличнѣе надѣть, чтобы поздравить начальника съ праздникомъ... Онъ стоялъ, чувствуя трясеніе въ поджилкахъ, воровато поглядывая на дверь къ сосѣду, чтобъ разбудить его, призвать его на помощь, да вмѣстѣ съ тѣмъ и боялся: да осмотрительно ли это будетъ? да ужъ не слишкомъ ли рѣшителенъ этотъ шагъ?.. Однимъ словомъ, онъ оправдывалъ геніальную рускую поговорку: былъ блудливъ, какъ кошка, а труслив, какъ заяцъ...

— Пошли, братъ, за водкой, утоплю свое горе въ винѣ!..

Иванъ Петровичъ обрадовался такому исходу дѣла, бросился за водкой, имѣя тайную мысль упоить бѣдняка до положенія ризъ, а потомъ, при помощи дворника, выпроводить его за ворота.

Самъ и горемыка-то пришелъ съ тѣмъ, чтобъ раздѣлаться съ Иваномъ Петровичемъ по-свойски; но потомъ—остылъ. Онъ былъ, хоть

и забубенный гуляка, но страшный добрякъ первый гнѣвъ простывалъ въ немъ тотчасъ.

Принесли водку, гость натянулся, какъ нельзя быть лучше, и началъ городить какъ-то несвязно:

— Богъ съ тобой, Ваня, ты обидѣлъ меня крѣпко, но я тебя прощаю отъ души... Только прошу тебя отъ души, не дѣлай этого съ другими, что сдѣлалъ со мной... Я погибъ; мнѣ ужъ не встать... Погляди, какъ я оборванъ... Такимъ ли я былъ прежде? Сколько разъ ты занималъ у меня деньги, но мы не считались... Все мое было твое, твое — мое. Я былъ богаче, ты пилъ у меня и ѣлъ, я не считался... Если ты мнѣ заплатилъ неблагодарностью — богъ тебѣ судья, а не я... Ты хотѣлъ меня спихнуть съ дороги и спихнулъ и занялъ мое мѣсто... Я и не сержусь... значитъ, моя такая доля... Только бога ради не дѣлай того съ другими, что со мной сдѣлалъ... На чужихъ слезахъ не оснуешь прочнаго счастія...

Такъ говорилъ несчастный, роняя слезы градомъ на грязную рубашку, пока не заснулъ.

Иванъ Петровичъ, какъ человѣкъ практическій, тихонько сволокъ его на лѣстницу и кликнулъ дворника.

— Какой-то человѣкъ спитъ у моихъ дверей; сволоки его хоть въ часть, а то тебѣ же достанется...

Дворникъ послушался, сволокъ его въ часть, а оттуда повезли его въ больницу. На дорогѣ онъ померъ.

Злые языки, завистники достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ Ивана Петровича, распустили слухъ, что онъ былъ причиной смерти бывшаго своего друга, погибели его семейства. И дѣйствительно, двѣ сестры бѣдняка стали отъ голодухи погуливать, попали въ извѣстные дома... Жена умерла въ чахоткѣ...

Но Иванъ Петровичъ, своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ, давно опровергъ эти слухи, такъ что на его совѣсти чистой , какъ голландская бумага, нѣтъ ни одной крапинки, даже въ родѣ той точки, которая ставится надъ і десятиричнымъ. Теперь онъ въ отставкѣ, въ чинѣ, о которомъ умолчимъ изъ авторской скромности, произвелъ на свѣтъ наслѣдника совокупными усиліями съ Варварой Виссаріоновной и вообще ликуетъ и благоденствуетъ.

Петръ Горскій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ЮСТИЦІЯ.

Человѣкъ свободенъ, какъ птица въ клѣткѣ.

Исторія показываетъ намъ, какъ стройно и послѣдовательно развивалось величественное зданіе государствъ. Сперва безобразное сборище грубыхъ, дикихъ и варварскихъ народовъ, оно, подъ вліяніемъ внутренней инерціи и при помощи цивилизаціи сосѣднихъ, болѣе образованныхъ народовъ, шагъ за шагомъ въ теченіе тысячелѣтій достигало высшей образованности, прочнаго порядка и твердыхъ узаконеній. Вспомнимъ напр. состояніе дикихъ франковъ при первыхъ меровингахъ и сравнимъ его съ положеніемъ нынѣшней французской имперіи. Какая огромная разница! Съ одной стороны мы видимъ хаотическую толпу варваровъ, единственнымъ занятіемъ которыхъ были война и грабежъ; здѣсь мы не видимъ ни защиты отъ деспотизма королей, ни прочныхъ и благоразумныхъ законовъ, ни справедливаго суда, ни безопастности личности и собственности. Мы ужасаемся, читая въ лѣтописи Григорія Турскаго, описанія злодѣйствъ царственнаго дома, ужасной участи, постигшей Овернъ, безчеловѣчныхъ поступковъ Клодвига; мы возмущаемся при мысли, что простая денежная пеня служила наказаніемъ за убійство, какъ будто жизнь человѣка, подобно жизни животнаго, можетъ быть цѣнима на вѣсъ золота. Но вотъ передъ нами, одно за другимъ проходятъ два, три, десять, наконецъ тринадцать столѣтій, и утѣшительное зрѣлище ожидаетъ насъ при концѣ этого періода.

Галлы и франки составляютъ одну общую семью подъ управленіемъ кроткаго и мудраго отца-монарха, зуавы котораго угрожаютъ только

кабиламъ и римлянамъ, а не его мирнымъ и вѣрнымъ подданнымъ. Для разбора дѣлъ есть судъ присяжныхъ, для кары преступниковъ— галеры и эшафотъ; свобода и безопасность каждаго защищены отъ насилія и деспотизма законодательнымъ собраніемъ, соединяющимъ мудрость и благородство древне-римскаго сената съ гуманностью и прогрессивностью лучшихъ представителей и образованнѣйшей страны XIX в.; неусыпная полиція строго блюдетъ за порядкомъ и спокойствіемъ общества и спѣшитъ исторгнуть изъ среды его всякую заблудшуюся овцу; величественные храмы науки, академіи, институты, университеты, собираютъ въ себѣ цвѣтъ и красу европейскихъ ученыхъ; торговля и промышленость процвѣтаютъ; некому грабить Овернь, ибо объ ней, равно какъ и о другихъ частяхъ своихъ обширныхъ владѣній, заботливо печется геній императора. Славное знамя Франціи развѣвается побѣдоносно и на стѣнахъ Мехико, и на горахъ Алжиріи, и на моряхъ Китая и на берегахъ дальней Кохинхины, и въ древней столицѣ міра. А собственность, святая собственность! Въ ея-то честь вѣетъ это знамя; на ней основана эта слава, все это могущество, весь этотъ блескъ, и въ свою очередь она основана на нихъ! Нѣтъ страны и нѣтъ народа счастливѣе того, который первый водрузилъ знамя свободы, первый изобрѣлъ великій принципъ либерализма, первый провозгласилъ: liberté, égalité, fraternité, и надъ которымъ спокойно и кротко царитъ великій Наполеонъ III.

Но не вдругъ достигла древняя Галлія этого цвѣтущаго состоянія: много вѣковъ длился хаосъ и неустройство, много новыхъ вѣковъ видѣли грабежи феодоловъ, безнаказанно посягавшихъ на чужую жизнь и собственность. Но прогрессъ дѣйствовалъ неустанно, и избранная страна хотя медленными, но за то вѣрными шагами шла къ предназначенной провидѣніемъ цѣли, пока наконецъ не водворились въ ней порядокъ и законъ. Но если мы сравнимъ двѣ эпохи менѣе отдаленныя, чѣмъ времена меровинговъ и наполеонидовъ, то и тутъ сила движенія впередъ не менѣе поразитъ насъ. Возьмемъ напримѣръ знаменитый вѣкъ Людовика XIV; здѣсь уже мы видимъ прочно и хорошо организованное государство, съ войсками, чиновниками, судами, торговлей, дворомъ, министрами, литературой, наукой и искусствами. Многія отрасли государственнаго быта даже не уступаютъ своимъ развитіемъ соотвѣтствующимъ отраслямъ теперешняго времени. Литература, съ именами Мольера, Расина, Боссюэта, можетъ смѣло поспорить съ литературой, украшенной именами Фейдо, Ламартина и Дюпаллу. Дворъ съ своими

балетами, своими Монморанси и Ла-Тримуйль можетъ выдержать сравненіе съ дворомъ, на балахъ котораго дамы одѣваются пчелиными ульями и гдѣ блистаютъ имена герцоговъ Камбасереса и Маре, и какъ ни привлекательна личность императрицы Евгеніи и какъ ни симпатична особа принцессы Матильды, но надо отдать также должную справедливость обворожительности madame Henriette и граціи герцогини бургундской; при всемъ восторгѣ, возбуждаемомъ въ насъ одной мыслью о зуавахъ и спагахъ, мы бы поступили весьма несправедливо, еслибъ забыли о подвигахъ солдатъ Тюреня въ Палатинатѣ и драгунъ въ Лангедокѣ. Но за то въ другихъ отношеніяхъ эпоха великаго императора далеко оставляетъ за собой грандіозный вѣкъ великаго короля. Возьмемъ напр. сношенія Франціи съ другими странами. Одинъ только разъ пріѣхали на поклонъ къ маститому монарху послы изъ Сіама, да и то послѣ оказалось, что министры безсовѣстно надули маститаго монарха, надѣясь, что онъ именно по маститости не разберетъ подлога. За то теперь изъ какихъ только странъ не являлись послы засвидѣтельствовать почтеніе ихъ повелителей внуку солнца и племяннику луны, могущественному и славнѣйшему божіею милостью и волею народа императору французовъ? Возьмемъ другой примѣръ: въ царствованіе славнаго короля хотя законъ умѣлъ карать преступленіе, но дѣлалъ это способомъ, несоотвѣтствующимъ прогрессу и гуманности нашего вѣка. Въ ходу были пытки, колесованія, отрубленіе рукъ, четвертованіе, сжиганіе живьемъ и другія нефилантропическія мѣры къ пресѣченію зла въ корнѣ. Тюрьмы не отличались удобствомъ помѣщенія и особенно здоровымъ воздухомъ; злодѣи, приговоренные на галеры, часто по годамъ ожидали отсылки на мѣсто изгнанія, и въ ожиданіи оставались въ такомъ положеніи: вырывалась яма, на верху которой, поперегъ ея утверждался деревянный брусъ, къ которому злодѣя привѣшивали на цѣпяхъ, такъ что ноги едва только касались дна ямы, слѣдовательно онъ не могъ встать и долженъ былъ проводить все время своего заключенія въ висячемъ положеніи. Дно ямы скоро покрывалось грязью, потому что она не была защищена отъ вліянія атмосферы... Разъ въ сутки на это грязное дно бросался кусокъ хлѣба, который злодѣй могъ достать, только поднимая одной ногой вдоль по другой.

Все это исчезло въ новѣйшее время. Ограничиваются тѣмъ, что преступникамъ отрубаютъ головы, а если сажаютъ въ тюрьму, то заключеніе это вовсе не походитъ на прежнее. Пытка и тѣлесное наказаніе отмѣнены. Какъ же послѣ всего этого не видѣть быстраго хода прог-

ресса и не благодарить небо за то, что родился въ царствованіе Наполеона III, а не Хильперика I.

Тоже или почти тоже повторяется съ государсвеннымъ прогрессомъ и у другихъ народовъ. Естественно и даже необходимо, чтобы развиваясь съ религіозной, полицейской, военной и придворной сторонъ, государство процвѣтало въ то же время и въ отношеніи наукъ и искусствъ. Поэтому нельзя не радоваться, взирая на успѣхи, сдѣланные въ Европѣ (въ томъ числѣ и у насъ) науками естественными Польза ихъ несомнѣнна. Не говоря уже о великихъ изобрѣтеніяхъ, какъ телеграфы, желѣзныя дороги и др., которыми мы обязаны успѣхамъ естественныхъ наукъ, они даютъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія на каждомъ шагу нашей жизни. Такъ, безъ успѣховъ энтомологіи мы никогда не узнали бы способа улучшать вкусъ плодовъ, безъ успѣха химіи— приготовлять изъ небольшого количества мяса питательный и крѣпкій супъ; быть можетъ, что безъ ботаники мы не знали бы ничего о лимонѣ, какъ о прекрасной приправѣ къ чаю. Безъ физики мы бы не любовались содраганіями мертвой лягушки, а безъ микроскопа не видѣли бы прекраснаго зрѣлища представляемаго плавательной перепонкой этого земноводнаго. Наконецъ, и это самое главное, безъ химіи и микрографіи не могли бы доказать многихъ преступленій, и многіе бы злодѣи избѣгли заслуженной кары.

Поэтому всякій, кому дороги его комфортъ и удовольствіе, кто сочувствуетъ казнямъ преступниковъ, не можетъ не радоваться, взирая на ежечастныя открытія, дѣлаемыя въ области естествознанія. За то тѣмъ грустнѣе такому человѣку видѣть, какъ наука, долженствующая быть наиболѣе практическою, занимается химерами и хочетъ, на основаніи разныхъ утопій, совершенно измѣнить строй общества. Я не буду разсматривать здѣсь ея безсильныхъ попытокъ исказить упроченный тысячелѣтнимъ существованіемъ правственный міръ человѣка; я займусь здѣсь исключительно ея вторженіями въ область суда и расправы.

Характеръ, міросозерцаніе, а слѣдовательно и внѣшняя дѣятельность человѣка, говорятъ эти мечтатели, обусловливаются двумя моментами: свойствами самого организма и посторонними вліяніями, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ физическія условія среды, въ которой находится человѣкъ,—общество, окружающее его. Поэтому для готтентота недостаточно жить по европейски, чтобы сдѣлаться равнымъ по всему кавказскому племени; готтентотскій организмъ впродолженіи многихъ поколѣній будетъ задерживать его въ развитіи; точно также недоста-

точно родиться европейцемъ, чтобы быть развитымъ существомъ; для этого необходимы еще матеріальныя условія, воспитаніе и общество, среди которыхъ образуется человѣкъ. Несправедливо было бы, продолжають они, требовать отъ готтентота, выросшаго во Франціи, одинаковаго пониманія съ французами; также несправедливо бы было наказывать француза, выросшаго и живущаго въ готтентотской обстановкѣ за то, что онъ не имѣетъ одинаковаго міросозерцанія съ тѣми соплеменниками, которые выросли и живутъ въ условіяхъ цивилизованнаго общества. Во время раздѣленія общества на касты существовалъ законъ, по которому членъ той или другой касты долженъ былъ судиться равными себѣ; либералы, провозгласившіе, что всѣ люди равны, но прибавившіе: «передъ закономъ», эти либералы напрасно уничтожили этотъ обычай, который хотя и былъ несправедливъ на дѣлѣ, потому что служилъ въ защиту знатныхъ, но былъ справедливъ въ теоріи (*), потому что не подвергалъ, какъ нынѣшній, виновныхъ суду людей, выросшихъ при совершенно иныхъ условіяхъ, вскормленныхъ иной пищей и живущихъ въ иномъ мірѣ, чѣмъ подсудимые. Люди, которымъ съ дѣтства толковали о долгѣ, о правѣ, о чести, о нравственности, должны, разумѣется, строго относиться къ проявленію совершенно противоположныхъ понятій; ихъ естественно должно возмущать отсутствіе чести и нравственности, непониманіе долга и обязанности, нарушеніе права. Они считаютъ всѣ эти понятія, потому только, что они входятъ въ кругъ ихъ убѣжденій, истинными и неподлежащими никакимъ колебаніямъ или видоизмѣненіямъ; для нихъ они вѣчны и абсолютны; видя отсутствіе ихъ въ другихъ они считаютъ это слѣдствіемъ грѣха, преступленія; они думаютъ, что и у этихъ преступниковъ должны были быть понятія обо всемъ этомъ, но они искоренили ихъ рядомъ гнусныхъ поступковъ, добровольно нарушили ихъ и попрали. Между тѣмъ, не отрицая всѣхъ этихъ понятій у развитыхъ людей, для которыхъ они конечно обязательны, если они сами считаютъ ихъ таковыми, нельзя не замѣтить, что они ошибаются, навязывая ихъ другимъ. Если они сравниваютъ то, что они называютъ добромъ, съ свѣтомъ, а то, что по ихъ понятію есть зло, съ—тьмою, то должны же они помнить, что сравненіе это именно потому и вѣрно, что человѣкъ, бывшій очень долго въ темнотѣ, плохо различаетъ освѣщенные предметы. Точно также человѣкъ,

(*) Подобное разсужденіе уже ясно доказываетъ непрактичность утопистовъ, предпочитающихъ несправедливость на практикѣ несправедливости въ теоріи.

воспитанный и выросшій въ понятіяхъ противоположныхъ тѣмъ, которыя признаются за истинныя образованными людьми, не можетъ отвѣчать за то, что его поступки не соотвѣтствуютъ идеямъ развитыхъ людей. Слѣдовательно, по мнѣнію утопистовъ, уже изъ этого прямо вытекаетъ нелѣпость всякаго суда, потому что по умственному развитію нельзя людей дѣлить на касты и, слѣдовательно, было бы совершенно невозможно судить неразвитыхъ преступниковъ неразвитыми судьями, а развитыхъ—образованными судьями. Притомъ не одной только внѣшней обстановкой опредѣляются умственныя понятія, потому что самый повидимому развитой человѣкъ можетъ точно также отвергать добро и зло, нравственность, честь и право, какъ и самый невѣжественный, въ силу той извѣстной истины, что высшая степень развитія и нисшая аналогичны. Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ сумазбродныхъ мечтателей нельзя не согласиться, потому что доказательство ихъ словъ мы находимъ въ нихъ самихъ: между ними есть люди повидимому ученые и образованные, какъ напримѣръ Прудонъ, Молешоттъ, Бюхнеръ; но они попираютъ нравственные законы и посягаютъ на священнѣйшія понятія, подобно самымъ закоренѣлымъ и невѣжественнымъ преступникамъ. По словамъ нашего извѣстнаго баснописца И. А. Крылова, послѣдніе даже лучше первыхъ. (См. басню: Сочинитель и Разбойникъ). При этомъ утописты приводятъ обыкновенно разныя доказательства въ пользу своей теоріи. Посмотримъ на нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности. Они доказываютъ напримѣръ, что большинство преступленій совершается вслѣдствіе бѣдности: конечно, статистика доказала, что большинство преступниковъ были люди недостаточные; но въ томъ-то именно и состоитъ истинная добродѣтель, чтобы возвыситься надъ внѣшними препятствіями. Они доказываютъ также, что эти бѣдняки не имѣютъ никакихъ средствъ развиться; нью-іоркскій комитетъ Board of education считаетъ въ этомъ городѣ до 40,000 дѣтей, неполучающихъ ни малѣйшаго воспитанія; число дѣтей въ большихъ городахъ Европы, живущихъ на улицѣ въ обществѣ воровъ и публичныхъ женщинъ, громадно; даже дѣти, воспитывающіяся дома при родителяхъ, не могутъ имѣть ни малѣйшей возможности получить понятіе о чемъ бы то ни было нравственномъ, возвышающемся надъ кругомъ домашней брани, грязи и суевѣрія. Таково воспитаніе, получаемое огромнымъ большинствомъ жителей Европы. Общество терпитъ и содѣйствуетъ одному изъ его проявленій проституціи, между тѣмъ какъ мотивы, могущіе заставить женщину

торговать своимъ грѣшнымъ тѣломъ не встрѣчаютъ въ чувствахъ человѣка болѣе сильнаго препятствія, чѣмъ тѣ, которые побуждаютъ его рѣшиться на воровство. Были примѣры, что въ полицейскія книги публичныхъ женщинъ записывались невинныя дѣвушки, и общество не только смотрѣло на это сквозь пальцы, но даже черезъ своихъ чиновниковъ участвовало въ этомъ жертвоприношеніи всей нравственной стороны человѣка голоду. Неужели же борьба, которую выдержали эти дѣвушки съ нуждой съ одной стороны и своими чувствами съ другой, была менѣе упорна, чѣмъ та, которую долженъ вынести человѣкъ, протягивающій въ первый разъ руку на воровство? Не разъ можетъ быть покушались онѣ на самоубійство, много горькихъ слезъ было пролито, проведено много безсонныхъ ночей, много голодныхъ дней, пока наконецъ голодъ не вынудилъ отъ нихъ страшной, противуестественной жертвы, пока нужда не заставила ихъ броситься, закрывъ глаза, въ объятья этого развратнаго общества, отворачивающагося отъ нихъ, когда онѣ просятъ у него куска хлѣба, и дающаго имъ дворцы и кареты, когда онѣ произведутъ надъ собой моральное самоубійство. И тоже общество произнесло бы надъ ними строгій приговоръ, еслибъ вмѣсто того, чтобы записаться въ разрядъ, онѣ бы совершили воровство, важные судьи послали бы ихъ въ рабочій домъ, мирные отцы семейства и присяжные объявили бы ихъ виновными, краснорѣчивый прокуроръ доказывалъ бы безнравственность ихъ поступка. И, во имя справедливости, во имя нравственности, во имя добра, во имя общественной безопасности, ихъ бы повели въ тюрьму, въ которой погибла бы ихъ жизнь физически, какъ теперь погибла нравственно. Общество содрогается чопорно, слыша о матеряхъ, продающихъ своихъ дочерей или убивающихъ своихъ новорожденныхъ дѣтей; въ своей самоувѣренности оно не подозрѣваетъ, что факты эти—его собственныя преступленія, что это оно продаетъ дѣвушекъ и топитъ младенцевъ, что оно совершаетъ еще худшее злодѣйство, заставляя ихъ матерей дѣлать это своими руками. Сытое и довольное, оно требуетъ кары такимъ преступницамъ, не подозрѣвая или желая забыть, что эта мать голодна, какъ та, которая съѣла въ Іерусалимѣ своего ребенка; что другая мать приноситъ свое дитя въ жертву предразсудкамъ и варварству. Оно не хочетъ этого знать, и вотъ снова нелицепріятный судъ присяжныхъ—этотъ высшій и роскошнѣйшій плодъ нашей цивилизаціи, торжественно обрекаетъ на казнь дѣтоубійцу: общество, отвернувшееся отъ несчастной, обращается къ ней только затѣмъ, чтобы взвести ее на эшафотъ. Но эти жертвы

не несчастливы: есть добрыя души, которыя пожалѣютъ о нихъ, есть сердца, которыя сожмутся болѣзненно при воспоминаніи о нихъ. Но общая ненависть, общее отвращеніе проводятъ до палача тѣхъ неприглашенныхъ на пиръ жизни, которые возстаютъ противъ гнетущихъ узаконеній общества, смѣются надъ его правдой и неправдой и вступаютъ съ нимъ въ неровный бой, конецъ котораго, веревка, не можетъ подлежать сомнѣнію. Общество готово добродушно пожалѣть о тѣхъ жертвахъ своихъ, которыя погибли безропотно и покорно; но оно является неумолимымъ тамъ, гдѣ видитъ бунтъ. Тогда проявляется этотъ безпощадный деспотизмъ общества, худшій всякаго личнаго деспотизма и человѣку, подобному Ласенеру, нѣтъ пощады. Тучи сыщиковъ и судей и палачъ рѣшаютъ его участь на землѣ; за гробомъ его преслѣдуетъ неумолимое общественное мнѣніе и клеймитъ вѣчнымъ позоромъ его память. Герой, возставшій противъ деспотизма личнаго, какой нибудь Гармодій, Брутъ или Орсини, можетъ ждать себѣ за гробомъ статуй и лавровыхъ вѣнковъ; герой, какъ Ласенеръ, возставшій противъ общественнаго деспотизма, остается на вѣки презрѣннымъ убійцей (*),

Такимъ образомъ внѣшнія условія жизни, воспитаніе и окружающее общество своимъ вліяніемъ обусловливаютъ, по мнѣнію утопистовъ, преступленіе. Эти люди рѣшительно не понимаютъ, что и въ бѣдности живя, можно сохранить въ неприкосновенности и нравственность и честь, что не всѣ же наконецъ бѣдняки дѣлаются непремѣнно мошенниками и преступниками, что, напротивъ того, большая часть ихъ гнушается преступленіемъ и совершившимъ его. Что же касается до воспитанія, то конечно это важный моментъ въ жизни человѣка, но чтобы было, еслибъ принимать его въ извиненіе, разсматривая преступленія? Тогда пришлось бы оставить безнаказанными всѣ совершающіяся злодѣянія, потому что сами утописты справедливо говорятъ, что большинство злодѣевъ дурно или вовсе невоспитаны. Чтожъ бы было тогда съ обществомъ? Чѣмъ бы были защищены жизнь и собственность?

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ доводовъ противъ уголовнаго права, которые утописты основываютъ на условіяхъ самаго организма; какъ читатель могъ судить по заглавію, эти доказательства,

---

(*) Ласенеръ былъ жесточайшій разбойникъ, готовъ былъ зарѣзать за грошъ кого угодно, мучилъ и убивалъ дѣтей ради потѣхи. Вотъ каковы герои утопистовъ.

основанныя на естествознанiи должны особенно обратить на себя вниманiе.

Если, говорятъ они, криминалистика признала нѣкоторыя условiя, которымъ подпадаетъ человѣческiй организмъ, какъ то: умопомѣшательство, особенно возбужденное чѣмъ нибудь состоянiе, напр. испугъ, болѣзни, лѣта и т. д.;—достаточными для оправданiя подсудимаго, если въ этихъ случаяхъ она постановила невмѣняемость преступленiя, то она сдѣлала этимъ величайшую ошибку: она поддалась доводамъ врачей и филантроповъ,—и черезъ эту первую уступку открыла возможность цѣлаго ряда другихъ. Теперь когда наука доказала, что свободная воля человѣка есть изобрѣтенiе дѣтскаго самообольщенiя (?), то не можетъ быть и рѣчи о вмѣняемости какихъ бы то нибыло проступковъ, если уже однажды сама криминалистика изобрѣла теорiю невмѣняемости. Прежде она могла отвѣчать врагамъ и естествоиспытателямъ, что они сами по себѣ, а я сама по себѣ, и вамъ въ мою область соваться не зачѣмъ. Теперь же о такомъ отвѣтѣ не можетъ быть и рѣчи, и криминалисты должны отдѣлываться тѣмъ, что прикидываются, будто не вѣрятъ открытiямъ въ области физiологiи. Начиная съ доктора Галля, выгнаннаго императорскимъ декретомъ изъ Вѣны за «разрушенiе основъ юстицiи и религiи», до нынѣшней защиты на основанiи сказокъ ученiя о свободной волѣ, положительно опровергнутаго наукой,—вездѣ видно одно и тоже затыканiе ушей, чтобъ не услышать горькой истины. Между тѣмъ, можетъ ли быть что нибудь неопровержимѣй, по своей ясности и простотѣ, слѣдующей аксiомы: человѣкъ есть ничто иное какъ животный организмъ; животный же организмъ зависитъ отъ тысячи физическихъ условiй—какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ окружающей средѣ; слѣдовательно человѣкъ—рабъ своего тѣла и внѣшней природы.

Мы еще не знаемъ, чѣмъ именно обусловливается та сторона дѣятельности нашего тѣла, которую мы называемъ нравственной, духовной. Хотя и есть много гипотезъ и предположенiй на этотъ счетъ, но пока мы можемъ только сказать, что условiя этой дѣятельности могутъ быть только двухъ родовъ: физическiя и химическiя. Какимъ же образомъ дѣйствуютъ эти силы въ нашей нервной системѣ — намъ неизвѣстно. Но эти силы, степень ихъ интенсивности, а слѣдовательно и проявленiе ихъ въ области человѣческаго мышленiя — въ свою очередь обусловливаются матерiей, въ которой онѣ дѣйствуютъ, т. е. ея качествомъ и количествомъ. Органическая химiя, анализирующая тѣ

самыя вещества, изъ которыхъ состоятъ всѣ животные и растительные организмы, отъ человѣка до лишая,—показываетъ намъ, какъ измѣняются они подъ вліяніемъ качественныхъ и количественныхъ отношеній: нѣсколько лишнихъ паевъ воды прибавляемыхъ къ одинаковымъ количествамъ углерода даютъ разнообразнѣйшіе результаты, которые являются еще удивительнѣй, если мы измѣнимъ качество составныхъ частей, напр. вмѣсто водорода возьмемъ азотъ. Если же элементы, составляющіе человѣческій и всѣ прочіе организмы, находятся въ такой полной зависимости отъ колебаній матеріи, то очевидно, что эти измѣненія ея должны отражаться и на самыхъ организмахъ. Отъ малѣйшаго измѣненія вещества, отъ ничтожнѣйшаго излишка или недостатка его, происходятъ важныя перемѣны въ силахъ, для которыхъ оно служитъ источникомъ. Слѣдовательно всякое измѣненіе въ качествѣ и количествѣ составныхъ частей мозга, крови, вещества нервовъ, должно пораждать соотвѣтствующія уклоненія отъ нормальнаго состоянія въ духовномъ и нравственномъ мірѣ человѣка, въ его волѣ, міросозерцаніи, понятіяхъ, антипатіяхъ и симпатіяхъ. Выраженіе—*нормальное состояніе* въ сущности не имѣетъ смысла, потому что такого физіологически и психологически средняго человѣка нельзя никакимъ образомъ опредѣлить, и онъ вовсе не существуетъ. Всѣ люди представляютъ подобныя уклоненія отъ мнимой нормы, и уклоненія эти до того разнообразны, что двухъ совершенно одинаковыхъ людей невозможно найдти Поэтому, при первомъ же взглядѣ на человѣчество, мы видимъ въ нравственной сторонѣ его членовъ такую громадную разницу, такіе удивительныя крайности и противуположности, что готовы не признавать всѣхъ существующихъ людей за принадлежащихъ къ одному и тому же виду млекопитающихся. Сравнивая китайца съ европейцемъ, жителя древней Ассиріи съ новѣйшимъ англичаниномъ, мы видимъ въ нихъ болѣе различія, чѣмъ между волкомъ и сабакой, медвѣдемъ и россомахой, окунемъ и карасемъ; при тщательномъ изслѣдованіи мы замѣчаемъ однакоже, что люди, живущіе въ одинаковыхъ мѣстностяхъ и въ одинаковыхъ матеріальныхъ условіяхъ, представляютъ множество общихъ чертъ. Но ежели мы снова будемъ внимательно разсматривать ихъ ближе, то въ ихъ средѣ найдемъ громадную разницу и именно въ томъ, что считается высшимъ и существеннѣйшимъ свойствомъ человѣка—въ ихъ нравственномъ мірѣ. Возьмемъ напримѣръ настоящее время и сличимъ между собой членовъ одного и того же класса: само собою разумѣется, что нашъ образованный классъ представляетъ въ наружномъ отношеніи

различія чисто индивидуальныя и не имѣющія никакого общаго основанія. Но если мы посмотримъ на разницу, являющуюся въ ихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, то здѣсь она поразитъ насъ именно потому, что не имѣетъ характера индивидуальности, что мы ясно видимъ общество раздѣленнымъ на два лагеря, на двѣ стороны, міросозерцанія которыхъ представляютъ собой до того рѣзкія крайности, что, еслибъ мы приняли его за существенный признакъ человѣческой породы, то должны бы были раздѣлить на два особые зоологическіе вида людей одного и того же класса одной и той же страны. То, что одни считаютъ бѣлымъ, другіе—чернымъ, и наоборотъ; то, что по мнѣнію однихъ справедливо, нравственно, прекрасно, священно, высоко,—въ мнѣніи другихъ является жестокимъ, гнуснымъ, подлымъ, глупымъ и постыднымъ; обѣ стороны считаютъ убѣжденія противниковъ низкими, а себя—представителями и защитниками истины. Видя это, мы тотчасъ же открываемъ и причину этого явленія; мы можемъ указать, что именно служитъ границей между тѣми и другими убѣжденіями: граница эта — время, возрастъ, потому что мы теоретически знаемъ, что во первыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію мозгъ человѣческій совершенствуется, во вторыхъ—что лѣта подавляютъ его дѣятельность, въ третьихъ — что воспитаніе и общество, среди которыхъ прошелъ періодъ развитія людей, вліяетъ на ихъ образъ мыслей. Соображая всѣ эти данныя, мы приходимъ къ убѣжденію, что и въ этомъ случаѣ пограничной чертой между понятіями служитъ возрастъ. Обращаясь отъ апріорическаго вывода къ наблюденію, мы видимъ, что оно подтверждаетъ нашу догадку. Но, спрашивается, виноваты ли лица обѣихъ сторонъ, что время произвело нѣкоторыя измѣненія въ качествѣ ихъ мозга, что у однихъ лѣта подавили его дѣятельность, а у другихъ нѣтъ, что одни выросли въ одной обстановкѣ, а другіе—въ другой? Можетъ ли кому нибудь въ голову прійдти нелѣпая мысль задать подобный вопросъ серьезно? Но на практикѣ выходитъ другое: правда, вопроса такого не задаютъ, но, предполагая его заданнымъ, энергически отвѣчаютъ утвердительно (*). Сейчасъ было сказано, что двухъ человѣкъ, совершенно равныхъ, найти невозможно,—что всѣ люди уклоняются отъ нормы, которую составляютъ идеи — правды, справедливости, отвлеченной истины, добра, нравственности и чести. Но уклоненія эти не у всѣхъ совершаются въ

(*) Какая ненависть къ практикѣ!

одинаковую сторону, и отъ того, въ какую сторону уклоняется человѣкъ, зависитъ вердиктъ общества, объявляющаго его честнымъ человѣкомъ или преступникомъ. Если напримѣръ большинство общества отклонилось въ ту сторону, гдѣ существуетъ собственность (какъ у цивилизованныхъ народовъ), то человѣкъ, уклоняющійся въ противную, объявляется воромъ или вреднымъ человѣкомъ; если же это большинство уклонилось въ ту сторону, гдѣ собственности нѣтъ (какъ у дикарей), то не существуетъ и понятія о воровствѣ, а если оно и есть, то не считается даже проступкомъ. Если большинство общества, какъ въ Китаѣ, направилось туда, гдѣ дѣтоубійство дозволено, то никому въ голову не приходитъ считать его преступленіемъ; если же оно клонится напротивъ въ противную сторону, то жестоко преслѣдуетъ тѣхъ своихъ членовъ, которые дѣйствуютъ наоборотъ. Если далѣе общественный бытъ сложился въ республиканскія формы, какъ въ древней Греціи, то лица, дѣйствующія въ деспотическомъ смыслѣ, преслѣдуются не только оружіемъ, но и общественнымъ мнѣніемъ; люди, противодѣйствующіе деспотическимъ стремленіямъ, прославляются какъ герои, и подвиги ихъ считаются высшей добродѣтелью. Въ государствахъ же деспотическихъ такіе поступки объявляются (не только властью, это бы еще ничего не доказывало), но и общественнымъ мнѣніемъ,—преступленіями, а имя совершившихъ ихъ является въ памяти народной покрытое позоромъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что единственный поводъ къ признанію извѣстнаго поступка нравственнымъ или безнравственнымъ, достойнымъ похвалы или наказанія, заключается въ направленіи большинства. Покуда это большинство не заявляло претензіи на просвѣщеніе, покуда оно руководилось темными и непосредственными побужденіями, до тѣхъ поръ понятія о преступленіи и наказаніи могли имѣть смыслъ и находить оправданіе. Но въ настоящее время когда факты громко вопіютъ противъ человѣческихъ жертвоприношеній, когда настоящія науки, наперерывъ другъ передъ другомъ, доказываютъ, что человѣкъ не можетъ совершить поступка, невытекающаго изъ необходимыхъ условій его организма, что наказаніе за такъ называемыя нравственныя вины ничѣмъ не отличается отъ того, какъ еслибъ вздумали наказывать каждаго, потѣющаго болѣе положенной мѣры, — нельзя не сказать, что криминалистика и юстиція держутся на томъ же самомъ основаніи, на которомъ держалась Птоломеева система во времена Галилея. Но перейдемъ къ фактамъ.

Естествоиспытателямъ извѣстно, какъ могущественно дѣйствуетъ во

всемъ органическомъ мірѣ наслѣдственность. Можно сказать, что дѣятельность организма настолько обусловливается его формой, насколько эта послѣдняя—ею. А это можетъ произойти только при большомъ значеніи наслѣдственности. Прекрасный примѣръ этого представляетъ между прочимъ одно маленькое животное изъ семейства ракообразныхъ—отшельникъ. Какимъ-нибудь обстоятельствомъ одно недѣлимое этого вида должно было укрыться въ раковинѣ улитки. Величина этой раковины такъ мало соотвѣтствовала росту животнаго, что, по недостатку мѣста, нѣкоторыя части его тѣла не могли развиться вполнѣ. Отъ этого случайнаго обстоятельства, произведшаго уродство въ *одномъ* недѣлимомъ, явился цѣлый родъ отшельниковъ съ тѣми же самыми неразвитыми частями своего тѣла, недостатокъ которыхъ сдѣлался уже для нихъ нормальнымъ. Такимъ образомъ препятствіе, встрѣтившееся на пути развитія организма прародителя, породило совершенно особенную форму животнаго, которая тѣмъ болѣе уклонилась отъ первоначальной, что отъ недостатка нѣкоторыхъ частей явилась новая дѣятельность остальныхъ, совершенно переродившихся сообразно съ нею. Тоже видимъ мы и въ другихъ животныхъ, особенно домашнихъ: сколько разнообразія явилось въ формѣ тѣла собаки подъ вліяніемъ тѣхъ разнообразныхъ условій, въ которыя попадали эти животныя. Притомъ это измѣненіе и передача его потомству выразились не въ одной только формѣ тѣла. Кому неизвѣстно, что чутье, охота за извѣстной дичью, наконецъ многія нравственныя явленія, какъ то способность выучиваться тому или другому искуству,—наслѣдст енны у собакъ. Тоже и съ человѣкомъ: горилла, вслѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ принужденная постоянно держать свое тѣло въ вертикальномъ положеніи и этимъ давшая возможность своему мозгу, освобожденному отъ напора крови, развиваться и воспринимать и отражать новыя впечатлѣнія,—вѣроятно была прародительницей человѣка, выработавшаго, подъ вліяніемъ новой дѣятельности, свой организмъ до той степени совершенства, какимъ обладали древніе греки и новѣйшіе англичане. Кому эта гипотеза покажется слишкомъ смѣлой, тому можно указать на ежедневно совершающійся переходъ свойствъ родителей на дѣтей, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Какъ цѣлые народы имѣютъ свои особенныя наслѣдственныя—религію, поэзію и воззрѣнія на міръ, такъ и въ частности каждый человѣкъ воспринимаетъ свои нравственныя и физическія особенности отъ своихъ предковъ. Въ медицинѣ напримѣръ, въ числѣ причинъ, пораждающихъ многія болѣзни, какъ напримѣръ чахотку,

ракъ, золотуху, и др.,—играетъ видную роль наслѣдственность. Извѣстна леопольдова губа габсбурцевъ и большой носъ бурбоновъ. Итакъ если физическія особенности передаются отдаленнѣйшимъ потомкамъ, то почему же не передаваться и нравственнымъ? Положительныя данныя отвѣчаютъ утвердительно на этотъ вопросъ. И въ этомъ случаѣ отдѣльныя лица также точно передаютъ своимъ потомкамъ свои особенности, какъ и цѣлые народы. Мы знаемъ о наслѣдственныхъ умопомѣшательствахъ, маніяхъ, антипатіяхъ и симпатіяхъ. Идіосинкразіи точно также передаются обыкновенно отъ родителей къ дѣтямъ. Особенности характера мы находимъ также часто переданными по наслѣдству. Уже изъ этого ясно, что и склонность къ убійству, грабежу и другимъ преступленіямъ противъ нашей условной нравственности,—могутъ быть передаваемы по наслѣдству. Это доказано наблюденіями, и мы можемъ представить слѣдующую таблицу новаго дома Атридовъ.

ЖАНЪ КРЕТІЕНЪ ДЕ БРЕЛИ.

ПІЕРРЪ.	ТОМАСЪ.		ЖАНЪ БАТИСТЪ.
Жанъ-Франсуа умеръ за убійство на галерахъ.	Франсуа Томасъ за убійство жены осужденъ на вѣчное заключеніе.	Мартенъ казненъ за убійство. Мартенъ-Кретіенъ умеръ въ Кайеннѣ, сосланный туда за воровство. Женатъ на Мари-Рене (см. ниже).	Жанъ-Франсуа женатъ на Мари-Розъ Тарне, нѣсколько разъ попадавшейся въ кражѣ и воровствѣ. Ея братъ Андре Тарне умеръ выпущеннымъ каторжникомъ за поджоги.

Жанъ-Франсуа нѣсколько разъ наказанный за воровство	Бенуа умеръ, упавъ, съ крыши дома, при покушеніи на воровство.	Прозванн. Кленъ, нѣсколько разъ попадавшійся въ воровствѣ.	Мари-Рене замужемъ за Мартенъ-Кретіеномъ умерла въ рабочемъ домѣ, гдѣ сидѣла за воровство.	Мари-Розъ умерла въ рабочемъ домѣ.	Викторъ, наказанный за воровство.	Виктуаръ Кретіеннъ замужемъ за Теодоромъ Лемеромъ.
				Незаконн. сынъ, неоднократно за воровство сидѣвшій въ рабочемъ домѣ.		Лемеръ, знаменитый убійца.

Побочныя линіи этого семейства — Лемеръ, Гюго и Пильо—также претерпѣли тюрьму, галеры и эшафотъ.

Трудно себѣ представить что нибудь краснорѣчивѣй этой таблицы *).

Теперь перейдемъ къ другому, не менѣе сильному, мотиву преступленій, столщему точно также выше человѣка, и избавиться отъ котораго онъ ни имѣетъ возможности. Мотивъ этотъ—это тѣ роковыя цифры, которыя такъ весело смѣются надъ человѣческой увѣренностью въ своей свободѣ, тѣ цифры, которыя, какъ древній рокъ, управляютъ судьбами человѣка и не позволяютъ ему ни на шагъ отступать отъ своихъ математическихъ выводовъ. Здѣсь не мѣсто указывать на безчисленное множество примѣровъ того, какъ человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, отъ самыхъ важныхъ до самыхъ ничтожныхъ, повинуется статистическимъ законамъ. Примѣры эти, въ большомъ количествѣ собранныя у Бокля, не относятся прямо къ настоящей цѣли. Поэтому здѣсь нужно остановиться только на тѣхъ числовыхъ показаніяхъ, которыя указываютъ на несвободу воли человѣка въ дѣлѣ свершенія того, что называется преступленіемъ. Пуассонъ даетъ намъ слѣдующую таблицу ежегоднаго числа преступленій и наказаній во Франціи:

1825 :	6,652 обвиненныхъ,	0,61	проц. наказанныхъ.
1826 :	6,988 — ,	0,62	— —
1827 :	6,929 — ,	0,61	— —
1828 :	7,396 — ,	0,61	— —
1829 :	7,373 — ,	0,60	— —
1830 :	6,962 — ,	0,59	— —

Одни только чисто-физическія условія, какъ-то: полъ, возрастъ, болѣзни, матеріальное положеніе и т. п.—вліяютъ на эти числа, какъ доказываетъ таблица Кетле, гдѣ число и родъ преступленія показаны въ отношеніи къ лѣтамъ преступниковъ и, въ тоже время, выставлены ихъ отношенія къ общему числу жителей.

*) Нравственный по природѣ человѣкъ съумѣетъ отдѣлаться отъ вліянія наслѣдственности, какъ и вообще отъ всякаго другого орудія врага рода человѣческаго.

ВОЗРАСТЪ.	Число жителей на одного преступника.	Періодическая наклонность къ преступленію.				Среднее отношеніе четырехъ періодовъ	СТЕПЕНИ НАКЛОННОСТИ КЪ СОВЕРШЕНІЮ СЛѢДУЮЩИХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.							
		1826-1830	1831-2835	1836-1840	1841-1844		Воровства.	Буйства.	Нанесен. увѣчія и ранъ.	Смертельнаго удара.	Убійства.	Отравленія.	Подлога.	Ложнаго свидѣтельства и подстреканія къ нему.
Ниже 16 лѣтъ.	11,234,500	0,4	0,3	0,2	0,2	0,3	0,4	0,1	0,1	0,2	0,1	0,3	0,1	0,1
16—21	3,017,450	12,2	11,8	12,3	12,3	12,3	16,0	14,1	10,9	7,3	6,0	3,4	3,8	4,6
21—25	2,288,440	15,9	15,6	16,6	15,1	15,8	18,4	14,3	13,5	15,3	14,2	9,5	10,1	9,1
25—30	2,688,560	15,3	14,9	14,3	14,0	14,6	14,7	12,6	20,1	16,9	14,4	13,9	11,8	8,8
30—35	2,489,080	13,2	14,2	12,9	12,7	13,3	13,2	11,1	16,7	14,0	15,3	12,2	13,4	11,0
35—40	2,255,760	9,5	11,2	11,6	10,9	10,8	10,7	8,8	11,8	11,1	10,8	11,3	12,8	11,7
40—45	2,079,410	8,4	8,1	9,2	9,9	8,9	6,6	7,5	6,8	8,3	9,7	13,0	11,5	11,0
45—50	1,866,210	7,2	6,7	6,5	7,7	7,0	6,4	6,4	6,3	7,3	8,2	9,4	9,7	10,0
50—55	1,639,560	5,4	5,4	4,9	4,7	5,1	4,5	4,1	4,7	5,8	6,3	6,5	7,6	9,3
55—60	1,393,030	3,9	3,9	4,1	3,9	3,9	3,1	4,4	3,3	4,5	5,2	4,8	5,5	8,3
60—65	1,124,190	3,6	3,2	3,3	3,5	3,4	2,6	4,8	2,9	4,0	4,3	4,8	5,4	6,9
65—70	839,280	2,4	2,4	2,3	2,8	2,5	1,8	5,2	1,6	3,0	3,2	5,1	3,9	5,4
75—80	865,930	1,8	1,6	1,2	1,7	1,6	1,2	4,5	0,8	1,7	1,7	3,0	3,0	3,8
свыше 80	188,600	0,8	0.7	0,6	0,6	0,6	0,4	2,1	0,5	0,9	0,6	2,8	1,4	0
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Но такъ какъ эти вліянія возраста, пола, матеріальнаго быта существуютъ всегда, то колебаніе цифръ можетъ совершаться только въ извѣстныхъ, однажды установленныхъ границахъ, такъ что, какъ мы видимъ, большее число поджоговъ всегда будетъ выпадать на ранній возрастъ, большее число воровства—на средній, и большее число отравленій—на старческій. Но и эти отклоненія и колебанія не выходятъ изъ предѣловъ нормы, которая состоитъ именно въ томъ, что наибольшее число преступленій должно совершаться между 20—35 годами. Нѣкоторыя особенно неблагопріятныя обстоятельства, какъ напримѣръ, кризисъ 1857 г., могутъ, правда, значитильно повысить число преступленій, но средній выводъ изъ періода, заключающаго въ себѣ такой годъ, будетъ немного превышать среднее число другого, совершенно нормальнаго періода,—и въ результатѣ все-таки получимъ, что во Франціи, напримѣръ, втеченіе года одинъ человѣкъ изъ 600 непремѣнно совершитъ преступленіе. Теперь, если изъ 600 человѣкъ—a, b, c, d и т. д.—*одинъ долженъ* совершить преступленіе, то можно ли сказать, что онъ совершилъ его добровольно? Люди, говорящіе о свободѣ воли и смотрящіе на человѣка съ драматической точки зрѣнія, думаютъ, что человѣкъ можетъ противиться съ успѣхомъ влеченію своей плоти. Но положительный фактъ говоритъ намъ, что изъ этихъ 600 человѣкъ одинъ непремѣнно *обязанъ* совершить преступленіе; гдѣ же тутъ свобода воли? Кто можетъ осудить эту безличную единицу, пока она остается безличной? А между тѣмъ, какъ скоро сдѣлается извѣстнымъ, что преступленіе совершенно *a*, то его судятъ и обвиняютъ, забывая, что еслибъ *a* не совершилъ преступленія, то его совершилъ бы *b*, или *c*,— что слѣдовательно преступникъ долженъ непремѣнно быть, что исключаетъ совершенно возможность обвиненія.

Здѣсь мы прерываемъ утопистовъ замѣчаніемъ, что цифры вообще ничего не доказываютъ, что ими можно играть какъ угодно, и что наконецъ, если даже это все правда, то человѣкъ нравственный никогда не сдѣлается преступникомъ, а всегда имъ будетъ безнравственный. Теперь мы можемъ продолжать разсмотрѣніе нелѣпыхъ мнѣній естествоиспытателей и мнимыхъ друзей человѣчества, про которыхъ справедливо сказано

А глядишь—нашъ Мирабо
Стараго Гаврила

За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ, да въ рыло. (Давыдовъ)

и въ другомъ мѣстѣ:

Я слышу, на коней
Ямщикъ кричитъ: вирь, вирь!
Знать, русскій Мирабо,
Поѣхалъ ты въ Сибирь. (Державинъ).

Въ своихъ практическихъ приложеніяхъ къ криминалистикѣ, естествознаніе было до сихъ поръ одной изъ ступеней лѣстницы, ведущей на эшафотъ. Отъ его проницательнаго взора не могло укрыться почти ни одно преступленіе; его драгоцѣннѣйшія открытія служили только новыми орудіями противъ несчастныхъ жертвъ юстиціи; дѣятельность многихъ лучшихъ представителей его, напримѣръ Бюхнера, вела къ тому, чтобы доставлять генералъ-прокурорамъ новыя средства для торжества надъ бѣднымъ, отверженнымъ предметомъ ихъ кроваваго краснорѣчія, лучшая награда которому—веревка, затягивающая шею преступника. Но, присоединяясь къ толпѣ гонителей виновныхъ въ нарушеніи общественныхъ предразсудковъ, оно еще ни разу не высказало громко того, что должно было высказать. Помогая открытію преступленія, оно еще ни разу не объявило, что не можетъ открыть преступника. Выше было уже говорено, что людей совершенно нормальныхъ нѣтъ, что всѣ, болѣе или менѣе, въ ту или другую сторону уклоняются отъ нормы. Само собою разумѣется, что это уклоненіе прежде всего должно выражаться въ физическихъ свойствахъ организма. Однако, какъ бы ни были поразительны и рѣзки эти уклоненія въ своихъ внѣшнихъ, нравственныхъ выраженіяхъ, открыть ихъ внутреннюю физическую причину—наука не въ состояніи. Самыя рѣзкія, наружныя проявленія того состоянія, которое мы называемъ умопомѣшательствомъ, не имѣютъ на нашъ глазъ никакого соотвѣтствующаго измѣненія въ составѣ нашего организма, потому что явленія, представляемыя размягченіемъ мозга, кретинизмомъ, головной водянкой, органическимъ порокомъ мозга и т. п,—не производятъ настоящаго сумашествія. При жизни человѣкъ бѣсится, кусается, воображаетъ себя пророкомъ, богдыханомъ, пѣтухомъ, думаетъ, что у него стеклиныя ноги, однимъ словомъ—представляетъ ясные признаки умственнаго разстройства. Мы знаемъ, что причина его лежитъ въ поврежденіи мыслительнаго аппарата, но на-

прасно стали бы мы при вѣрности искать доказательствъ этого повреждения. Поэтому мы должны откровенно объявить, что не знаемъ ничего о причинахъ и свойствахъ умопомѣшательства, что мы не знаемъ, что это такое и не можемъ его опредѣлить, потому что то жалкое опредѣленіе, къ которому прибѣгаетъ исполненная шарлатанства, подобно прочимъ отраслямъ медицины, психіатрія не можетъ быть принята серьезной наукой, какъ ложное и одностороннее, потому что основало все на существенныхъ признакахъ болѣзни, а не на ея внѣшнемъ выраженіи. Это все равно, какъ еслибъ мы опредѣлили желтуху состояніемъ недовольства, капризности и раздражительности, и успокоились бы на этомъ опредѣленіи. Но очевидно, что если умопомѣшательство не можетъ быть точно опредѣлено, то и сравненіе этого состоянія со всякимъ другимъ возбужденнымъ состояніемъ не можетъ имѣть мѣста, потому что для сравненія между собой двухъ предметовъ необходимо сперва хорошенько опредѣлить ихъ. Слѣдовательно ни одинъ естествоиспытатель не можетъ добросовѣстно указать границы, гдѣ кончается здоровье и начинается сумашествіе, не можетъ сказать, что этотъ человѣкъ — сумашедшій, а этотъ другой — преступникъ. А между тѣмъ призываемые въ эксперты жрецы эскулапа съ важностью и наглостью невѣжества не задумываются никогда въ опредѣленіи этихъ границъ: ихъ не смущаетъ, что отъ ихъ шарлатанскаго показанія зависитъ *быть или не быть* подсудимаго. И, къ стыду медицины и естествознанія, не изъ среды этихъ наглыхъ невѣждъ выступили хорошіе люди, впервые заявившіе мысль, что преступленіе и умопомѣшательство — тождественны. Люди эти, которыхъ имена нельзя не уважать, были Платнеръ, Гроосъ и Громанъ, нѣмецкіе юристы. Но понятно, что, будучи не хорошо знакомы съ явленіями, представляемыми умопомѣшательствомъ, они выразили не вполнѣ точно справедливую мысль, что *преступленіе, есть, какъ и помѣшательство, явленіе, находящееся въ полной зависимости отъ физическихъ условій организма*, что указываетъ только на тождественность производящей причины, но не самого явленія. Умопомѣшательство является обыкновенно въ хронической формѣ, напротивъ того преступленіе — въ острой; при умопомѣшательствѣ большею частью цѣль дѣйствій человѣка бросается въ глаза своей нелѣпостью; при преступленіи большею частью имѣется въ виду практическая цѣль. Хотя впрочемъ нерѣдки примѣры, что преступленія совершались при поразительной нелѣпой обстановкѣ и въ виду не менѣе нелѣпой цѣли, — и на оборотъ: поступки сума-

шедшихъ иногда обнаруживаютъ ясное пониманіе обстоятельствъ и цѣли. Такъ напримѣръ въ 1844 жившій въ бельгійской колоніи Гель, жители которой принимаютъ къ себѣ сумасшедшихъ, фармацевтъ Шенваль, пользуясь свободой занятій и дѣйствій, предоставленной тамъ больнымъ, убилъ аптекаря Лебона, въ которомъ видѣлъ себѣ соперника въ торговлѣ лекарствами, которой занимался. И юстиція поступила по своему весьма логично, казнивъ этого, признаннаго всѣми и посаженнаго въ больницу, помѣшаннаго. Но что преступленіе, подобно умопомѣшательству, имѣетъ своимъ источникомъ органическія поврежденія, остраго или хроническаго свойства, это доказать нетрудно. Уже было сказано о вліяніи наслѣдственности и о томъ, что оно можетъ выражаться только физическими измѣненіями организма. Изъ этого слѣдуетъ, что нравственное проявленіе ея, будетъ ли это добродѣтель или преступленіе, должно обнаруживатьси свойствами организма. Извѣстно также множество примѣровъ неудержимой страсти въ воровству, обращающейся иногда на самые безполезные, пустые предметы. Въ книгѣ Д-ра Ловерня: *«Послѣдніе часы и смерть во всѣхъ классахъ общества»* разсказывается про одного каторжника Дегама, сосланнаго на галеры за многія воровства. Прибывъ на мѣсто ссылки, этотъ несчастный предупреждалъ и просилъ всѣхъ, чтобы остерегались его необузданной страсти къ воровству, и, не смотря на всѣ предосторожности, укралъ ключь и 8 фунтовъ мѣди, совершенно ненужныхъ ему. За это срокъ работы былъ увеличенъ ему на два года; но такъ какъ онъ не могъ удержаться отъ своей наклонности, то долженъ былъ провести на каторгѣ всю жизнь, получая безчисленное множество розогъ и палокъ. Мы уже представили въ таблицѣ вліяніе возраста на преступленія. Если мы захотимъ искать въ частныхъ наблюденіяхъ повѣрки этихъ статистическихъ данныхъ, то увидимъ это еще яснѣе. Вліяніе возраста во-первыхъ обнаруживается въ такъ называемой *пироманіи* или безотчетномъ стремленіи дѣтей къ поджогу. Къ сожалѣнію, представленная таблица не даетъ намъ цифръ, показывающихъ отношенія возраста къ этому роду преступленія; но вопросъ о томъ—существуетъ или нѣтъ пироманія, можетъ быть возбуждаемъ только добрыми гражданами, жаждущими человѣческой крови (*). Генке

(*) Не жаждущими крови, а требующими правосудія и кары за преступленіе.

былъ первый возставшій противъ наказанія—какъ преступниковъ бѣдныхъ, такъ и больныхъ дѣтей.

Точно также вліяетъ и старческій возрастъ. Въ старости мозгъ человѣка дѣлается меньше и теряетъ значительный процентъ главнаго источника мысли — жира. Человѣкъ глупѣетъ, слабѣетъ и можетъ быть признанъ больнымъ сравнительно съ людьми зрѣлаго возраста. Но при порядкѣ, въ которомъ власть и значеніе сосредоточены въ рукахъ стариковъ, съ изсохшимъ мозгомъ, гдѣ отъ ихъ помраченнаго разума зависятъ судьбы свѣжихъ и бодрыхъ людей,—при такомъ порядкѣ естественно, чтобы старость, не мѣшающая овладѣвать властью, не мѣшала бы всходить на эшафотъ и работать на галерахъ.

Въ нашемъ просвѣщенномъ столѣтіи, въ Гамбургѣ одна дѣвушка, бросившаяся въ рѣку съ своимъ незаконнымъ ребенкомъ, спасаясь въ Эльбѣ отъ бѣдности и общественнаго мнѣнія, была вытащена, между тѣмъ какъ ребенокъ ея утонулъ. Судъ присяжныхъ приговорилъ ее, какъ дѣтоубійцу, къ казни, которая и была совершена.

Здѣсь грубое варворство и жестокость судей прямо бросаются въ глаза, и нѣтъ человѣка, который бы не ужаснулся надъ такимъ правосудіемъ. Но если мы вникнемъ въ тѣ случаи, гдѣ произносится осужденіе надъ дѣйствительными дѣтоубійцами, то увидимъ, что разницы тутъ нѣтъ никакой.

Дѣвушка, готовящаяся родить незаконнаго ребенка, знаетъ, какая участь ожидаетъ въ обществѣ и его и ее самою. Она знаетъ, что если теперь она могла какимъ нибудь способомъ доставить себѣ жалкій кусокъ хлѣба, то, сдѣлавшись матерью и, слѣдовательно, нуждаясь въ большихъ средствахъ, она будетъ лишена возможности добывать ихъ. Нравственныя домохозяйки не потерпятъ у себя въ домѣ разврата; работа, которой одна она могла бы какъ нибудь существовать, будетъ доставаться ей труднѣе по той же самой причинѣ. Всѣ средства къ прокормленію себя и ребенка изсякнутъ, и она должна будетъ, голодная сама, видѣть страданія несчастнаго дитяти. При подобной перспективѣ можно себѣ представить, каково должно быть психологическое состояніе такой женщины. Но беременность, увеличивая нервную чувствительность, дѣлаетъ его еще невыносимѣе, и, среди такихъ нравственныхъ мученій, наступаютъ наконецъ муки дѣторожденія. Здѣсь къ нравственнымъ потрясеніямъ прибавляется еще чисто физіологическое вліяніе акта дѣторожденія. Третій и четвертый періоды его часто поразительно схожи съ умопомѣшательствомъ. Наступаютъ судо-

роги, конвульсіи, бредъ, продолжающіяся часто еще долгое время спустя послѣ разрѣшенія. Слова, вырывающіяся изъ устъ родительницы, доказываютъ отсутствіе въ ней правильнаго сознанія; сокращенія матки вліяютъ на мозгъ—и вліяніе это обнаруживается то подавленностью его дѣятельности, то чрезмѣрной возбужденностью ея. Впечатлѣнія страха и ужаса, предшествовавшія родамъ, направляютъ, и въ этомъ почти безсознательномъ состояніи, мысли женщины на предметъ ея прошедшихъ и предстоящихъ терзаній. Что эти впечатлѣнія достаточно сильны, видно уже изъ того, что большинство женщинъ, родящихъ внѣ брака, родятъ дѣтей внезапно, преждевременно, подъ вліяніемъ своего страха. Теперь если такая женщина, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ ею мученій, еще въ полубезпамятствѣ, безсознательно повинуясь своей idée fixe ужаса, задушитъ новорожденнаго,—можно ли сказать, что она виновата въ этомъ, что она сдѣлала это добровольно, что она *могла не сдѣлать* этого? Вѣдь это было только результатомъ цѣлаго ряда физіологическихъ явленій, которыя, будучи внѣшними обстоятельствами, т. е. грустной переспективой, открывавшейся въ будущемъ, направлены на извѣстную точку,—должны были привести именно къ этому результату, а не къ другому. Поэтому для физіолога понятно объясненіе такихъ женщинъ, что онѣ совершили свое преступленіе безсознательно, *не помня себя*, не сознавая, что дѣлаютъ: физіологъ видитъ въ этомъ объясненіе извѣстнаго ему процесса, между тѣмъ какъ для судьи такое объясненіе не имѣетъ никакого смысла и не обращаетъ на себя ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ скажемъ положительно, что всякое преступленіе, при какихъ бы обстоятельствахъ ни было совершено, есть внѣшнее выраженіе физіологическихъ или патологическихъ явленій нашего организма, и слѣдовательно можетъ также мало влечь за собой отвѣтственность, какъ какое нибудь наружное уродство, напримѣръ—горбъ или кривизна шеи. Намъ уже доказали цифры, что преступленія не зависятъ отъ человѣческой воли, — слѣдовательно, зависятъ отъ условій организма. Теперь мы возьмемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, поясняющихъ это.

«Однажды, говоритъ Сен-Маркъ, я шелъ черезъ pont au change, на перилахъ котораго сидѣлъ работникъ и, покачиваясь взадъ и впередъ, спокойно завтракалъ. Какъ молнія блеснула у меня въ головѣ сильнѣйшее стремленіе столкнуть его въ рѣку, и оно было такъ могущественно, что я долженъ былъ бѣжать отъ предмета искушенія напро-

тивоположную сторону моста. Я разсказывалъ этотъ случай знаменитому Тальмѣ, который увѣрялъ меня, что онъ испытывалъ нѣсколько разъ тоже самое».

Лихтенбергъ сознается въ своихъ мемуарахъ, что часто заставалъ себя на обдумываніи разныхъ способовъ убить кого нибудь, поджечь домъ или сдѣлать какое нибудь другое преступленіе.

Извѣстно, что отравительница Бренвилье совершала часто свои преступленія безъ всякой для себя выгоды и отравляла людей совершенно ей незнакомыхъ.

Швейцарецъ Шварцбекъ убивалъ безъ всякой цѣли единственно изъ жажды крови. Онъ любовался муками поражаемыхъ жертвъ: одного портного онъ привязалъ за ноги къ дереву, такъ что голова его пришлась на муравьиной кучѣ, и говорилъ въ судѣ, что никогда не испытывалъ сильнѣйшаго наслажденія, какъ при этомъ зрѣлищѣ. Идя на казнь и проходя мимо мѣста, гдѣ совершилось это преступленіе, онъ весело расхохотался при воспоминаніи о страданіяхъ и мукахъ своей жертвы.

Другой преступникъ, казненный 17 лѣтъ отъ роду, въ дѣтствѣ забавлялся, терзая животныхъ. Выросши, онъ бросилъ въ прудъ одного мальчика, и когда тотъ выплылъ, всадилъ ему въ грудь ножикъ. Потомъ онъ безъ всякой причины убилъ ударомъ въ голову своего отца и ранилъ жену брата.

Одинъ голландскій священникъ взялъ мѣсто при полку съ единственной цѣлью видѣть сцены убійства въ большихъ размѣрахъ. Онъ держалъ у себя много разныхъ животныхъ, чтобы имѣть удовольствіе мучить и убивать дѣтенышей животныхъ, нужныхъ для его стола, онъ всегда убивалъ самъ; онъ былъ въ перепискѣ со всѣми палачами и совершалъ пѣшкомъ большія путешествія, чтобы присутствовать при казняхъ

Нѣкто Сельвенъ имѣлъ ту же страсть и, присутствуя при одной казни, дѣлалъ тщетныя усилія, чтобы пробиться сквозь толпу. Тогда палачь, который его зналъ, сказалъ окружающимъ: «Пропустите этого господина — это любитель.»

Въ прошломъ столѣтіи имперскій графъ Кастель-Дюшингенъ питалъ такую страсть къ исполненію приговоровъ юстиціи, что выпрашивалъ у сосѣдей преступниковъ для совершенія надъ ними казни и выстроилъ огромное смирительное заведеніе для помѣщенія всѣхъ сосѣднихъ аре-

стантовъ. Онъ представляетъ рѣзкій примѣръ хронической кровожадности.

5 іюня 1757, живописецъ Женейнъ былъ въ одной тавернѣ въ Версалѣ, когда туда вбѣжалъ какой-то господинъ съ разстроеннымъ лицомъ и настоятельно требовалъ хирурга, чтобъ пустить себѣ кровь. Хозяинъ былъ занятъ и выслалъ его вонъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Женейнъ вышелъ изъ таверны и направился ко дворцу, какъ вдругъ услышалъ отъ прохожихъ объ покушеніи на жизнь короля и увидѣлъ схваченнаго Даміена, въ которомъ узналъ человѣка, требовавшаго хирурга. При слѣдствіи обстоятельство это было разскрыто, что не помѣшало четвертовать и пытать несчастнаго.

Такихъ примѣровъ можно собрать цѣлые томы, и всѣ они доказыютъ одно и тоже, что преступленіе есть слѣдствіе или остротъ (какъ въ примѣрахъ Сен-Марка и Даміена) или хроническаго (какъ въ примѣрахъ графа Кастеля Лихтенберга, Бреньилье, Шварцбека, пастора и др.) болѣе или менѣе сильнаго измѣненія нервной системы или мозга. Въ нѣкоторыхъ, особенно острыхъ, случаяхъ можно даже прямо указать на производящую причину. Такъ очевидно, что умственныя способности и сознаніе Даміена были помрачены сильнымъ приливомъ крови къ головѣ, столь естественнымъ въ жаркій, лѣтній день у здороваго, полнокровнаго мужчины.

Вотъ какимъ образомъ разсуждаютъ мечтатели, которые берутся вмѣсто того, чтобы спокойно заниматься наукою, вносить ее въ священный храмъ Фемиды. Всякій благонамѣренный читатель легко можетъ убѣдиться въ несостоятельности ихъ разсужденій, въ которой они, какъ увидимъ, сами сознаются. Но прежде, чѣмъ дойдемъ до этого торжества законности и справедливости надъ химерами, взглянемъ на ихъ сужденія о наказаніи.

Разсмотрѣвъ и опредѣливъ такимъ образомъ, что такое тѣ дѣйствія человѣка, которыя называются преступленіямъ, посмотримъ теперь на теорію наказанія за нихъ, преподаваемую юристами.

Много столѣтій родъ человѣческій рѣзали, распинали, колесовали, вѣшали, разстрѣливали, четвертовали, сажали на колъ, сжигали, зарывали живьемъ въ землю, отдавали на съѣденіе дикимъ животнымъ и насѣкомымъ, гильотинировали, отравляли, раздирали желѣзными крючьями, сдирали кожу, жарили на медленномъ огнѣ, топили, пока наконецъ не встрѣтились съ неожиданнымъ вопросомъ: съ какой цѣлью дѣлается все это? Что вопросъ этотъ родился такъ поздно—это опять-таки до-

казываетъ, что мозгъ человѣческій выработывается постепенно и что человѣкъ можетъ долго дѣйствовать безсознательно; но между возникновеніемъ въ головѣ вопроса и удовлетворительнымъ отвѣтомъ на него еще цѣлая пропасть. По внимательномъ разсмотрѣніи оказалось, что первоначальнымъ побужденіемъ къ наказанію была *месть*, по правилу: око за око, зубъ за зубъ. Подобное основаніе для наказанія оказалось въ просвѣщенное время, когда былъ заданъ этотъ вопросъ, не совсѣмъ благовиднымъ, потому что во-первыхъ мстительность была отчислена въ число дурныхъ побужденій человѣка, а во-вторыхъ она предполагала и допускала нетерпимое въ благоустроенномъ обществѣ самоуправство. Казалось страннымъ вручить право мстить за частный вредъ обществу, потому что месть, какъ чувство совершенно личное, не можетъ быть поручаемо никому. Человѣкъ, которому нанесенъ вредъ или обида, мститъ, потому что ему пріятно мстить,—съ какой же стати онъ поручитъ месть обществу. Обижено не общество, а человѣкъ,—слѣдовательно для общества, неполучившаго обиды, можетъ быть только тяжело, а вовсе не пріятно нанести ни за что ни про что ущербъ лицу, несдѣлавшему ему никакого вреда. Месть теряетъ такимъ образомъ весь свой смыслъ. Поэтому нужно было пріискать другое основаніе для теоріи наказанія, и притомъ выбрать его изъ разряда понятій хорошихъ. Остановились на идеѣ справедливости—и снова теперь съ покойной уже совѣстью принялись четвертовать и сдирать кожу. Но организмъ кавказскаго племени продолжалъ выработываться. Скоро у многихъ возродилось сомнѣніе о томъ, что не перемѣшали ли какъ нибудь понятій? не успѣло ли проникнуть въ разрядъ хорошихъ подъ новымъ именемъ, дурное? не есть ли идея справедливости та же самая старая месть, нарумянившаяся и набѣлившаяся и выдающая себя за дочь самого Зевеса? Въ настоящее время мозги наши развиты настолько, что стоитъ только каждому, желающему убѣдиться, постараться опредѣлить, что такое священное чувство справедливости и гнусная мстительность, чтобы убѣдиться въ ихъ тождественности, или лучше сказать въ томъ, что мстительность есть именно идея справедливости въ приложеніи ея къ юстиціи. Потому что, говорятъ, справедливость требуетъ, чтобы добро было награждено, а зло наказано; это требованіе справедливости считается величайшей нравственностью,—и строгіе ревнители послѣдней въ своихъ романахъ и драмахъ стараются всегда доказать, что именно это такъ и есть, на что не менѣе нравственные скептики лукаво усмѣхаются и, съ прискорбіемъ покачивая головой,

замѣчаютъ, что на землѣ оно не всегда, къ несчастію, такъ бываетъ. Между тѣмъ вторая часть этого правила: *зло должно быть наказано*—и есть именно месть. Геній народа очень хорошо это понялъ, что видно изъ нѣмецкихъ словъ *Rache*—месть и *Gerechtigkeit*—справедливость. Наконецъ многіе, въ томъ числѣ даже юристы и приверженцы юстиціи, какъ-то: Грольманнъ, Руссо, Гоббесъ, Иделеръ и др., замѣтили, что отъ измѣненія названія сущность не измѣнилась, и рѣшились бросить принципъ, достойный корсиканскихъ дикарей и подданныхъ Моисея. Но другіе, какъ напр. Кантъ и Клейнъ, Фейербахъ Ансельмъ (Фейербахъ, котораго не нужно смѣшивать съ знаменитымъ Людвигомъ Фейербахомъ) и др.,—поддерживали его подъ разными философскими соусами возмездія, психическаго принужденія и др. Но такъ какъ въ основаніи ихъ все-таки лежитъ старое библейское правило, котораго они сами стыдятся и только стараются прикрыть разными именами, то опровергать ихъ не стоитъ, особенно теперь, когда только самые отсталые жрецы Фемиды готовы отстаивать этотъ принципъ, въ большинствѣ же либеральныхъ господствуютъ гуманные принципы защиты общества и исправленія преступника.

Когда основываютъ необходимость наказанія на необходимости защитить общество отъ страстей его членовъ, то этой цѣли надѣются достичь двоякимъ образомъ: во-первыхъ, лишивъ свободы или жизни преступника, сдѣлать его безвреднымъ для общества; во-вторыхъ наказаніемъ его устрашить тѣхъ, которые бы чувствовали въ себѣ побужденіе совершить вредный поступокъ. Что касается до перваго, то во-первыхъ общество здѣсь защищено только отъ послѣдующихъ дѣйствій вреднаго члена,—отъ перваго же—преступленія оно не защищено; во-вторыхъ оно не защищено и отъ послѣдующихъ его поступковъ, потому что, если онъ совершилъ преступленіе до наказанія, то нѣтъ причины предполагать, что онъ не совершитъ его по окончаніи срока наказанія; напротивъ того есть полное вѣроятіе думать, что онъ непремѣнно совершитъ его, потому что если онъ не могъ доставать себѣ на хлѣбъ насущный, пока репутація его была чиста, то очевидно, что препятствія къ честному существованію умножатся, когда онъ сдѣлается освобожденнымъ каторжникомъ или арестантомъ. Такъ напр. въ Ind. Belge былъ описанъ случай, гдѣ одного работника, оставшагося безъ работы, осудили на шестимѣсячное тюремное заключеніе за покражу булки для своихъ голодныхъ дѣтей. Здѣсь жестокость состояла не въ продолжительности срока наказанія, а наобротъ, въ его кратковременно-

сти, потому что, еслибъ работникъ этотъ со всѣмъ семействомъ былъ посаженъ въ тюрьму на всю жизнь, то ему не пришлось бы по выходѣ изъ нея снова украсть булку, проголодавъ предварительно съ дѣтьми двое сутокъ. Поэтому всего логичнѣе для защиты общества казнить или подвергать пожизненному тюремному заключенію всѣхъ преступниковъ безъ разбора степени ихъ виновности. Замѣчательны также для принципа охраненія общества результаты, представленные д-ромъ Гюбнеромъ изъ Берлина статистическому конгрессу, происходившему въ Вѣнѣ въ 1857 г. Въ Берлинѣ, за разныя воровства на сумму 200 таллеровъ, было осуждено на разныя сроки нѣсколько человѣкъ, содержаніе которыхъ впродолженіи ихъ заключенія стоитъ 4500 таллеровъ. Такимъ образомъ, еслибъ общество терпѣло въ своей средѣ враговъ своей собственности, то получило бы въ данномъ случаѣ 2250 процентовъ барыша.

Теперь, что касается до цѣли запугиванія, посредствомъ наказанія, тѣхъ членовъ общества, которые питаютъ зловредные замыслы, то безсмыслица ея обнаруживается уже изъ того, что ни одинъ проповѣдникъ ея не осмѣлится посовѣтовать возвращаться къ мучительнымъ казнямъ прежняго времени. Съ ихъ точки зрѣнія должно бы было казаться совершенно логичнымъ проповѣдывать всѣ эти ужасы, отъ одного описанія которыхъ (напримѣръ: казни убійцы Клебера образованными французами) волоса становятся дыбомъ; но они очень хорошо знаютъ, что всѣ эти звѣрства ни къ чему не ведутъ, и что во времена, когда они производились, число преступленій было больше. Точно также и при нынѣ существующей системѣ наказанія свирѣпство юстиціи никого не въ состояніи испугать. Такъ съ 1826 г. по 1853 число преступниковъ во Франціи съ 59,000 достигло 261,000; число ежегодно наказываемыхъ дѣтей моложе 16 лѣтъ поднялось съ 215 до 7528 Каторжная работа и колоніи въ Гвіаннѣ, на которыя расходовалось прежде ежегодно 3,863,000 франк., стоятъ теперь націи 8,650,000. Въ 1849 г, число вторично наказанныхъ преступниковъ составляло $^1/_4$ часть всего ихъ числа; 5 лѣтъ спустя, оно составляло половину. Но если преступники не боятся юстиціи, · то она стыдится самой себя и всего человѣчества: это доказываетъ недавно введенная казнь въ стѣнахъ тюрьмы

Правда, нѣкоторые любители запугиванія и тутъ еще утверждаютъ, что это должно производить тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на народъ, но можетъ ли это тайное убійство, показывающее потерю самоувѣрен-

ности въ представителяхъ юстиціи, запугать родъ человѣческій, который не могли запугать пытки и сажаніе на колъ?

Однако, хотя вѣроятно еще защита общества долго будетъ требовать крови и тюремъ, тѣмъ не менѣе число казней ежегодно уменьшается. Такъ напримѣръ въ Англіи, въ 1813 г. было 120 казней, въ 1817—115, а въ 1846—только 6. Въ нѣкоторыхъ странахъ она вовсе отмѣнена, и принципъ защиты общества, по которому такъ долго совершались кровопролитія, вѣроятно уступитъ другому, имѣющему въ виду исправленіе преступника.

Исправительная система, впервые введенная въ тюремную жизнь, обязана своимъ основаніемъ во-первыхъ просвѣщеннымъ и геніальнымъ дѣятелямъ XVIII в., какъ Беккаріо, отрицавшій право общества наказывать преступника, Филанджіери, Бентамъ, Говардъ, Виленъ и др.,—во-вторыхъ и въ особенности—пенсильванскимъ квакерамъ. Впослѣдствіи, въ нашемъ уже столѣтіи, къ нимъ присоединились Кунингамъ, Уильберфорсъ и въ особенности знаменитая женщина Елизавета Фрей. Были устроены цѣлыя филантропическія общества, члены которыхъ были обязаны стараться объ исправленіи преступниковъ и улучшеніи ихъ быта. Таково англо-американское общество, основанное по примѣру Е. Фрей и имѣвшее во главѣ герцога глостерскаго; таково основанное въ 1825 г. и существующее понынѣ германское общество За этимъ первымъ въ Германіи возникло съ 1831 много другихъ: въ Ганноверѣ, Виртембергѣ, Гессенѣ, Ольденбургѣ и др. государствахъ. Возникли земледѣльческія колоніи для арестантовъ, кончившихъ срокъ работы, убѣжища для женщинъ—преступницъ, также выдержавшихъ положенный срокъ заключенія, въ Кейзерсвертѣ, основанное пасторомъ Флиднеромъ.

Наконецъ, съ 1840 г., въ частной благотворительности приняли участіе и континентальныя правительства (въ Англіи правительство вступило въ дѣло еще съ 1823 г.), и такимъ образомъ исправительная система пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія. Съ 1846 начались устроиваться конгрессы, на которыхъ ученые и филантропы Америки и Европы разсматривали этотъ вопросъ.

Сущность пенитенціарной системы извѣстна всѣмъ: не отчаяваясь въ закоснѣлости преступника, она старается объ его исправленіи, но, видя главное препятствіе его—сообщество другихъ преступниковъ,—ожидаетъ исправленія отъ *одиночнаго заключенія*. Итакъ одиночное заключеніе—есть сущность ея. Уже это доказываетъ, что ея преимущества передъ

простымъ тюремнымъ заключеніемъ въ матеріальномъ отношеніи равны нулю. И дѣйствительно, положеніе въ пенитенціарныхъ тюрьмахъ преступниковъ ничѣмъ не лучше положенія ихъ въ обыкновенныхъ острогахъ. Мы можемъ сослаться въ этомъ случаѣ на защитника этой системы г. Забѣлина. Что же касается до возможности нравственнаго исправленія, то о немъ, послѣ того какъ мы опредѣлили себѣ преступленіе, не можетъ быть и рѣчи, потому что прежде всего преступленіе относится къ разряду явленій физическихъ. Такъ напримѣръ для Деміана единственное возможное исправленіе состояло въ кровопусканіи. Притомъ есть поступки, влекущіе за собой наказаніе, но не могущіе даже породить мнѣніе о какомъ бы то ни было нравственномъ или физическомъ леченіи ихъ. Такъ напримѣръ, человѣкъ украдетъ изъ нужды кусокъ хлѣба; его посодятъ въ пенитенціарное заведеніе. Но, спрашивается, хватитъ ли у кого нибудь духу толковать о его нравственомъ паденіи и исправленіи, ожидать, чтобы онъ созналъ всю низость своего поступка? Если у кого хватитъ, то очевидно, что такого господина слѣдуетъ немедленно самого посадить въ одиночное заключеніе, дабы онъ могъ размыслить хорошенько о своемъ непотребствѣ. Итакъ ни въ отношеніи лицъ, совершившихъ преступленіе, ни въ отношеніи тѣхъ, которыя хотя по закону и должны быть наказаны, но невинны, какъ голуби, — исправительная система не можетъ достигнуть главной своей цѣли — исправленія.

Но въ послѣднее десятилѣтіе, въ западной Европѣ, нѣкоторыя благодѣтельныя души своими стараніями объ улучшеніи быта преступника и объ улучшеніи обращенія съ нимъ не какъ съ злодѣемъ, а какъ съ блуднымъ, но все таки милымъ сыномъ, — сдѣлали то, что заключенные могутъ хорошимъ поведеніемъ сокращать срокъ работы, имѣютъ прибыльную работу (марочная система), хорошее помѣщеніе, столъ, одежду, чтеніе и прогулку. Насъ могутъ укорить *) въ непослѣдовательности, если мы объявимъ себя противъ такого обращенія съ преступниками; но въ сущности мы правы, потому что, если совершившій преступленіе не можетъ по справедливости быть наказанъ, то тѣмъ менѣе можетъ онъ быть награждаемъ за свой поступокъ: всѣ доказательства, приводимыя противъ наказанія за преступленія точно также могутъ быть приводимы и противъ награжденія за него. А между тѣмъ въ такихъ комфортабельныхъ исправительныхъ заведеніяхъ

*) Еще бы.

преступники имѣютъ все то, чего не получаетъ огромное большинство людей, несовершившихъ ничего. Нелѣпость подобнаго контраста такъ велика, что нечего настаивать на доказательствѣ ея.

Это чортъ знаетъ, что такое: вопить противъ жестокости въ отношеніи преступниковъ и, вслѣдъ затѣмъ, вооружаться противъ хорошаго съ ними обращенія!

Какъ же поступать съ преступниками, по мнѣнію утопистовъ? И дурно нельзя, и хорошо нельзя. Развѣ есть еще какой нибудь средній терминъ?

— Нѣтъ, отвѣчаютъ послѣдователи химеръ.

Ну такъ какъ же послѣ этого? Что же дѣлать? Засимъ вѣдь только и осталось, что предоставить преступниковъ самимъ себѣ?!

— Да, отвѣчаютъ послѣдователи химеръ. Но вѣдь это только въ голову, занимавшуюся всю жизнь лягушками и сухими книгами, можетъ влѣзть такая непрактическая мысль! Предоставить убійцъ, воровъ самимъ себѣ, оставить имъ свободу—рѣзать и убивать? Да это невозможно!

Но здѣсь утописты приходятъ въ остервенѣніе. Если для васъ это невозможно, говорятъ они, то такъ и говорите, что non possumus. На non possumus и суда нѣтъ.

Казните, сажайте въ тюрьму, введите пытку, или хольте и ласкайте преступниковъ на деньги, собранныя съ голодающаго народа, на всѣ возраженія отвѣчайте какъ Пій: non possumus,—но знайте, что вы дѣлаете глупость, отъ которой нѣтъ пользы даже вамъ самимъ!

— Химеры, химеры! отвѣчаемъ мы.

В. Зайцевъ.

СЕРБСКІЕ МОТИВЫ.

I.

Кое-какъ зарытый въ землю
Вѣрный сынъ отчизны спитъ;
Сердце пулями пробито,
Жаркой кровью не кипитъ.

Нѣтъ креста.... могила стала
Свѣжей травкой заростать,—
Не придетъ сестра поплакать,
Не найдетъ могилы мать.

Только кленъ надъ ней широкій
Плачетъ утренней зарей
И могилу окропляетъ
Свѣтло-чистою росой.

Спи, забытый! Честнымъ гнѣвомъ
Сердцу больше не кипѣть...
Ради жизни всей отчизны,
Братья, можно умереть!

II.

Братья, двинемся впередъ,
Если есть бороться сила!
Лучше честная могила,
Чѣмъ безчестный, вѣчный гнетъ....

Дружно мы пойдемъ въ упоръ
До послѣдняго усилья,—
Упадемъ—такъ что-жъ? безсилье
Противъ силы—не укоръ...

В—въ.

ЖЕНИТЬБА ОТЪ СКУКИ.

I.

Былъ одинадцатый часъ утра. Степанъ Ильичъ Ничкинъ еще дремалъ на кровати. Онъ то открывалъ, то закрывалъ глаза, то слегка встряхивалъ головой и морщился, то перевертывался со спины на бокъ, плотнѣе прижимался къ подушкѣ, точно собирался заснуть снова, рѣшительно. Утренній лучъ солнца, пробиваясь сквозь тусклое, запыленное стекло, давно скользилъ по его шелковому одѣялу, ударялъ въ стоявшее на столѣ зеркальце и игралъ свѣтлымъ зайчикомъ на противоположной стѣнѣ. Прошло еще съ четверть часа. Степанъ Ильичъ положительно открылъ глаза, протеръ ихъ, покосился на окно, вытянулся, спустилъ ноги съ кровати, ткнулъ ихъ въ стоявшія тутъ же стоптанныя туфли, посидѣлъ минуты двѣ-три; два раза зѣвнулъ; крикнулъ лакея Капитона и велѣлъ подать умываться.

Капитонъ, крѣпостной, вывезенный изъ деревни человѣкъ, лѣтъ питидесяти, съ рябымъ, измятымъ лицемъ и кривымъ глазомъ, одѣтый въ сѣрый, засаленный сюртукъ, растворилъ двери въ сосѣднюю комнату, исполнявшую назначеніе барскаго кабинета, пріемной и гостиной, поставилъ на стулъ жестяную лаханку и принялся обливать нѣжныя, барскія руки. Прошло еще нѣсколько минутъ; Степанъ Ильичъ вымылся, причесался,

облачился въ темненькій, шерстяной халатъ на бѣличьемъ мѣху и принялъ совершенно приличный видъ. Онъ прошелся раза два по своимъ комнатамъ, остановился у окна въ кабинетѣ, взглянулъ въ него; но не найдя ничего интереснаго, тотчасъ же отвернулся; потянулъ носомъ воздухъ въ себя, скорчилъ гримасу, высморкался, опустился въ кресло передъ письменнымъ столомъ, закурилъ сигару и машинально принялся мѣшать ложкой поданный стаканъ чая.

По кабинету Степана Ильича никакъ нельзя было догадаться, къ какому рязряду людей принадлежитъ его хозяинъ: богатъ онъ или бѣденъ, чиновный или такъ себѣ,—въ родѣ тѣхъ сѣренькихъ людей, которыхъ называютъ у насъ разночинцами. Кабинетъ Ничкина скорѣе походилъ на кладовую, въ которую время и Капитошка свалили все безъ разбору. Рядомъ съ щегольскимъ, хотя и запыленнымъ диваномъ, стоялъ дрянной сломанный стулъ; на огромномъ письменномъ столѣ, между книгами и бумагами, торчали флаконы изъ подъ духовъ, рюмка съ какою то жидкостью, двѣ-три конфектныя бумажки, зубочистка въ бисерномъ чехолкѣ, и даже очень искусно сложенный изъ бумаги пѣтушекъ гордо красовался на толстомъ томѣ нѣмецкой философіи. На одной стѣнѣ висѣла какая-то физико-математическая карта, изображающая пути свѣтилъ небесныхъ; а возлѣ нея были развѣшаны полунагія, парижскія charmantes filles; на шкапу въ углу стоялъ запыленный астрономическій инструментъ, а рядомъ съ нимъ, между заржавленнымъ пистолетомъ и пустой помадной банкой. выступала извѣстная статуетка голой женщины въ шляпкѣ и муфтѣ, сильно загаженная мухами. Даже книги, валявшіяся на столѣ, въ шкапу и на двухъ, трехъ этажеркахъ, были самаго разнообразнаго содержанія. Полъ въ комнатѣ былъ усѣянъ папиросными окурками; одна часть его передъ диваномъ была покрыта дорогимъ ковромъ; на стульяхъ валялись разбросанное въ безпорядкѣ платье; на окнахъ, съ совершенно прокоптѣлыми желтыми занавѣсками, стояло нѣсколько горшковъ засохшихъ цвѣтовъ.

Самъ Степанъ Ильичъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, средняго роста, съ недурной, но флегматической наружностью. Лицо у него было блѣдное, продолговатое; глаза сѣрые, вдав-

ленные, потухшіе; надъ ними тонкія, правильно очерченныя брови; большой лобъ его выдавался впередъ; подъ небольшимъ заостреннымъ носомъ спускались рыжеватые рѣдкіе усы. Физіономія его выражала такую лѣнь и апатію, что, кажется, улыбнуться или сморщиться ей стоило особенныхъ усилій. На этой физіономіи можно было прочитать слѣдующій эпиграфъ: «вотъ такъ скука, чортъ возьми! не знаешь, куда дѣваться»! Это тѣстообразное состояніе придавало Ничкину на видъ гораздо больше лѣтъ, чѣмъ онъ дѣйствительно ихъ имѣлъ. Не успѣлъ Степанъ Ильичъ приняться за второй стаканъ, какъ въ передней раздался сильный звонокъ и Капитонъ медленно поплелся отворять двери. Въ кабинетъ вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, неуклюжій, толстый, съ свѣжимъ, здоровымъ, дюжимъ лицемъ. Широкая, неправильной формы голова его, покрытая черными, щетинистыми, коротко выстреженными волосами, очень походила на горшокъ, опрокинутый къ верху дномъ. Небольшіе, сѣрые глаза выглядывали, улыбаясь, изъ подъ широкихъ черныхъ бровей; на маленькомъ лбу—ни морщинки; тщательно выбритый круглый подбородокъ лоснился и раздваивался. Лицо его свидѣтельствовало о такой тялячей добротѣ, о такомъ тюленьемъ спокойствіи, что смотря на него, такъ и хотѣлось сказать: вотъ онъ истинный-то счастливецъ! Одѣтъ онъ былъ безъ всякихъ претензій: на немъ былъ сѣрый широкій сюртукъ, застегнутый на двѣ пуговицы; изъ подъ него выглядывала пестрая жилетка; и за нею туго накрахмаленная синеватая манишка; короткая шея, съ складкой на затылкѣ, была коекакъ повязана чернымъ шелковымъ платкомъ; красныя руки безъ перчатокъ. Звали его Захаромъ Игнатьичемъ Лыскинымъ; онъ былъ чиновникомъ, занималъ какое то самое незначительное мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ; получалъ крошечное жалованье; имѣлъ деревню съ 12-ю душами крѣпостныхъ обоего пола людей; жилъ гдѣ-то у Покрова въ маленькой квартирѣ; нанималъ за три рубля въ мѣсяцъ кухарку, и несмотря на свои скудныя средства, казался всегда веселымъ, счастливымъ, обезпеченнымъ. Грусть и забота никогда не омрачала лица его. Степанъ Ильичъ приходился ему дальнымъ родственникомъ. Войдя въ комнату, Захаръ Игнатьичъ на минуту остановился, провелъ рукою по лбу, вздохнулъ, вытеръ

клѣтчатымъ носовымъ платкомъ свое мокрое раскраснѣвшееся лицо и подошелъ къ хозяину.

Степанъ Ильичъ едва повернулъ голову и молча, равнодушно протянулъ ему руку. Гость мимоходомъ дотронулся до нея и тяжело опустился на диванъ; но замѣтивъ сильную пыль на немъ, тотчасъ всталъ, стряхнулъ ее носовымъ платкомъ, покачалъ головой и снова, но уже легче прежняго, опустился на мѣсто.

— Откуда у васъ дряни этой наноситъ, — чортъ знаетъ, что такое!.. говорилъ онъ, отдуваясь и махая рукой.

— Съ улицы, — равнодушно отвѣтилъ хозяинъ, прихлебывая чай изъ стакана.

— А я, Степанъ Ильичъ, у Исакія былъ, пѣвчихъ слушалъ; басина тамъ есть одинъ, уму непостижимо; — октаву возьметъ, грому небесному подобно; — продолжалъ гость, не обращая вниманія на отвѣтъ хозяина и упирая свои жирные пальцы въ подушку дивана.

— У Исакія? машинально повторилъ Ничкинъ и прихлебнулъ чаю. — А что сегодня? добавилъ онъ.

Гость улыбнулся и пристально посмотрѣлъ на него. — Какъ что?.. Извѣстно, что... праздникъ сегодня, третьяго Спаса сегодня!

— Третьяго... Сегодня вторникъ?

— Нѣтъ-съ и не вторникъ, а четверкъ, божіею милостію.

— Я только-что всталъ, — оправдывался Степанъ Ильичъ, слегка зѣвнулъ и облокотился на спинку кресла. Онъ говорилъ тихо, однозвучно, какъ будто изъ него выколачивали слова.

Захаръ Игнатьичъ на минуту поднялъ глаза вверхъ и запѣлъ въ полголоса какую-то священную кантату. Степанъ Ильичъ плотнѣе завернулся въ халатъ, поджалъ подъ себя ноги, закинулъ назадъ голову и молча курилъ сигару. Трудно было сказать, думаетъ ли онъ о чемъ въ эту минуту, — до такой степени было сонно и безстрастно лицо его.

— Что это вы поете?.. Знакомое что-то? вполголоса проговорилъ онъ.

— Это-съ?.. Я вчера у всенощной былъ... «Отъ юности моея» начинается, — «мнози борютъ мя страсти», — докончилъ онъ на распѣвъ густымъ хриплымъ басомъ; всталъ, набилъ трубку,

закурилъ ее и снова опустился на мѣсто. Елена Ивановна вамъ кланяться приказала; спрашивала, что, молъ, не завернете къ намъ? совершенно неожиданно проговорилъ онъ.

Степанъ Ильичъ слегка повернулъ голову.—Къ нимъ?

— Да-съ, къ нимъ, къ Еленѣ Ивановнѣ, то есть.

— Я, Захаръ Игнатьичъ, къ нимъ и не пойду больше, скука у нихъ, дѣлать тамъ нечего! рѣшительно отвѣтилъ хозяинъ и почти закрылъ глаза.

Захаръ Игнатьичъ взглянулъ на него и принялся что-то насвистывать.

— А Ольга Васильевна? вопросительно прибавилъ онъ.

— Что Ольга Васильевна?

— Ничего, Ольга Васильевна,—сами знаете... Ужъ кажется, барышня такая, во всѣхъ отношеніяхъ... то есть, и кротость и красота и ума безподобнаго,—просто благоуханіе какое-то... А не то—Марья Осиповна, дѣвица тоже съ образованіемъ; за нее опекунъ ежегодно по пяти сотъ серебра въ пансіонъ платилъ, вѣрно платилъ-съ!.. такъ вѣрно, какъ вотъ я на семъ мѣстѣ сижу... Ну, ее не хотите, Недопенкову возмите,—чѣмъ не пара? Пара настоящая, не найти лучше! Говорилъ гость сильно, размахивая руками.

— Вы, Захаръ Игнатьичъ, все за то же, все старую пѣсню поете, все женить меня думаете! насмѣшливо проговорилъ онъ.

— Все за то же, Степанъ Ильичъ, именно за то же, именно, какъ вы тамъ не упирайтесь, какъ не мудрствуйте, а жениться вамъ нужно, видитъ Богъ нужно! отвѣтилъ гость очень энергически и ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

— А я, Захаръ Игнатьичъ, вамъ скажу, что я не имѣю никакого желанія жениться; вотъ влюблюсь, тогда и подумаю о женитьбѣ.

— Да кто же вамъ мѣшаетъ влюбиться? продолжалъ Лыскинъ; ну влюбитесь въ Ольгу Васильевну, въ кого хотите; одна не понравится, съ другой сойдетесь. Помилуйте-съ! говорилъ съ прежнимъ увлеченіемъ Захаръ Игнатьичъ. Какъ же это не влюбиться, возможное ли это дѣло? Ужъ на что я, кажется, человѣкъ простой, ну и лѣтами тоже по части любви вышелъ,—а намедни, какъ подсѣла ко мнѣ эта Елена Ивановна, да своей бѣленькой рученкой взяла вотъ эту

самую руку... Онъ поднялъ свою правую руку и растопырилъ на ней пальцы. Да какъ пахнетъ отъ нея чортъ знаетъ чѣмъ,— молокомъ съ фіялкой пахнетъ, ей-Богу-съ!.. такъ, я вамъ скажу, такую я сладость почувствовалъ, словно въ раю себя увидѣлъ... Такъ вѣдь это подсѣла только, поймите вы это,—какъ же тутъ не влюбиться, помилуйте; что вы это говорите! на распѣвъ докончилъ онъ и не спускалъ глазъ съ Степана Ильича, какъ бы выжидая его отвѣта.

Послѣдній молчалъ.

— Вы зачѣмъ меня женить хотите? вдругъ спросилъ онъ и, въ свою очередь, посмотрѣлъ на Захара Игнатьича.

Тотъ откашлялся и затянулся изъ трубки.

— За чѣмъ?... А вотъ за чѣмъ,—какъ бы это ловчѣе объяснить вамъ... говорилъ онъ съ разстановкой.—Вы скажите, за чѣмъ у васъ пыль такая? Ладно, съ улицы налетаетъ, хорошо-съ!... А вы спросите Капитошку, когда онъ обметалъ ее? за чѣмъ у васъ платье по стульямъ разбросано? за чѣмъ вонъ пѣтушокъ изъ бумаги сдѣланъ? за чѣмъ вы сами дремлете все? Развѣ я не знаю жизнь вашу? все знаю. Встаете вы, съ позволенія сказать, въ двѣнадцатомъ часу; часа два надъ чаемъ прохлаждаетесь; прочитаете страницу въ одной книгѣ, строкъ десять въ другой, въ третьей; васъ ужъ и скука возметъ,—а иной разъ надъ печатнымъ только глазами поморгаете; тамъ цѣлый день по улицамъ шляетесь; обѣдаете вы въ трактирѣ; да вотъ и сами говорите, что пріѣлось все; вечеромъ тоже дѣваться куда не знаете; все извѣдали, ко всему пригладѣлись; за что ни возметесь, ничего не сдѣлаете; сегодня ничего, завтра ничего,—а тамъ хоть въ гробъ ложись!... Ни родныхъ ни друзей нѣтъ у васъ, ни горя, ни радости вы не знаете, деньги тратите Богъ знаетъ куда, ни расчету, ни порядку ничего нѣтъ; жалуетесь на тоску, а о чемъ тоскуете, сами не знаете. Вы только скажите, ради Христа, за чѣмъ вы живете? Вы назадъ-то оглянитесь: ну хоть въ послѣдніи три года что вы сдѣлали такое?... Вѣдь въ халатишкѣ просидѣли, ей Богу, просидѣли, пробезпутничали, прокоптѣли три года! Добавилъ Лыскинъ и развелъ руками.

Степанъ Ильичъ вздохнулъ и потянулся.

— Ну и прокоптѣлъ... Судьба такая... Еле слышно проговорилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, не судьба, а терпѣнія да волюшки не хватило. Васъ вотъ въ жизни раза два—три щелкнули, вы и опустились и къ землѣ присѣли. Помилуйте, это и нашему брату, глупому человѣку, непростительно, и нашъ братъ годенъ на что нибудь; а съ вашимъ умомъ да образованіемъ... Господи, Господи, даже состоянія послѣ себя не найдете кому оставить, тфу! Захаръ Игнатьичъ даже плюнулъ отъ негодованія, всталъ съ дивана и прошелся раза два по комнатѣ.

Степенъ Ильичъ молчалъ, теръ рукою свой лобъ и улыбался; только въ улыбкѣ его было что-то странное, отнюдь не радостное, даже не насмѣшливое; казалось, онъ улыбался на перекоръ самому себѣ.

Захаръ Игнатьичъ остановился.

— Я вотъ люблю васъ, потому и говорю. Съ малолѣтства наблюдалъ за вами; привыкъ къ вамъ, какъ мать къ ребенку; знаю, что вы человѣкъ путный, хорошій, да только въ головѣ у васъ туману много,—а вы же и упрекаете меня, вамъ же и не нравится, за чѣмъ я дескать присталъ къ вашей милости. Сердце болитъ, потому и присталъ!... Вы только подумайте, вы въ жизни все перепробовали, за все принимались — и все пожалуй неудалось вамъ, пожалуй судьба такая. Ну, жениться попробуйте... Вѣдь хуже не будетъ; сами посудите, что-жъ худого тутъ!... Дѣло законное... Ну хоть дѣтей оставите, и то дѣло...

Степанъ Ильичь, да сдѣлайте божескую милость — женитесь! на распѣвъ добавилъ Лыскинъ и разставилъ руки.

— А вы сами,—отчего-жъ вы не женились? вдругъ спросилъ хозяинъ и даже съ какимъ-то радостнымъ любопытствомъ взглянулъ на гостя, точно въ чемъ нибудь поймалъ его.

Захаръ Игнатьичъ громко засмѣялся.

— Нашли вы кого и спрашивать, говорилъ онъ, качая головой. Наше дѣло отходное, нашъ часъ пробилъ, нашъ братъ выжига вотъ только и способенъ — что пѣвчихъ слушать... Кто же это пойдетъ за меня? Развѣ прачка какая. Ни тѣломъ, ни душой, ничѣмъ не взялъ; одно лицо, какъ са-

моваръ мѣдный. Помилуйте, благопристойно ли идти за меня! Онъ махнулъ рукой.—А было время, тоже сердце шибко стучало, да разгуляться ему нельзя было; а любилъ-съ, ей Богу любилъ-съ,—и дѣвушка-то какая... Да только на томъ и покончилъ... Что ты будешь дѣлать? У невѣсты комодъ да два ситцевыхъ платьишка, а у меня въ то блаженное время только одна трубка была, сюртучишка, что на плечахъ, и тотъ въ изнеможеніе пришелъ: такъ какая же женитьба тутъ? Помилуйте, какъ же это и сравнивать? У васъ и лицо благородное, и обхожденіе этакое приличное, и по французски вы говорите, шаркнете да поклонитесь,—такъ ужъ и видно, что за человѣкъ такой. И состояніе есть, слава-те Господи,—съ голоду не умрете. Васъ всякая барышня полюбитъ; вамъ захотѣть только... А ужъ намъ куда-съ! Онъ снова махнулъ рукой и снова засмѣялся. Степанъ Ильичъ молчалъ; улыбка не сходила съ устъ его. Захаръ Игнатьичъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Такъ какъ же? проговорилъ онъ, нѣсколько спустя, остановившись передъ хозяиномъ и скрестивъ на груди руки.

— Что какъ-же?

— Рѣшились что ли?

— Я ни на что не рѣшился.

— А жениться?

Степанъ Ильичъ засмѣялся.

— Да, помилуйте, Захаръ Игнатьичъ,—я говорю вамъ, что никого даже не знаю, ни о комъ не думаю.

— Узнаете-съ... Все отъ васъ зависитъ; слово скажите только. Сидя дома въ халатѣ, разумѣется, узнать не кого, а вы познакомьтесь, поговорите съ человѣкомъ разъ, другой, третій; мѣсяцъ, два походите къ нему,—такъ сердце свое возметъ... Мое дѣло указать да посовѣтывать вамъ. Я знаю, какую жену вамъ нужно, вѣкъ благодарить будете... Вотъ завтра на дачу къ Ольгѣ Васильевнѣ поѣдемъ,—какая дѣвушка-то... Огонь,—просто, огонь!

— Завтра?

— Да, завтра. Откладывать нечего; благо, погода хорошая, нагуляетесь до сыта, обѣдомъ тоже отличнымъ накормятъ.—

ѣдемъ что ли?... Голубчикъ, Степанъ Ильичъ,—ну меня потѣшьте, послушайтесь! Ѣдемъ!

— Завтра мнѣ некогда, нужно письмо въ деревню отправить. Тамъ все безпорядки такіе... Время впереди много, когда нибудь послѣ поѣдемъ.

— Нѣтъ, завтра, завтра. Ну, сдѣлайте божескую милость, въ ножки поклонюсь... Завтра! повторилъ Захаръ Игнатьичъ и протянулъ руку.

Въ лицѣ его было столько доброты, столько участія, глаза его смотрѣли такъ весело, что Ничкинъ невольно согласился.

— Извольте, для васъ поѣду, протяжно отвѣтилъ онъ.

Захаръ Игнатьичъ снова засмѣялся и крѣпко пожалъ его руку.

— Ну, прощайте, я завтра за вами заѣду,—говорилъ онъ, отряхая съ картуза пыль; экая право пыль у васъ, никакой вещи положить нельзя.—Капитошка! крикнулъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

II

Степанъ Ильичъ родился далеко отъ Петербурга, въ деревнѣ. — Отецъ его Илья Прохорычъ былъ изъ военныхъ, имѣлъ чинъ поручика въ отставкѣ, станислава въ петлицѣ, триста душъ крестьянъ, просторную, плотно сколоченную деревянную мызу, держалъ огромную свору собакъ, вѣчно грязную, сонную дворню, любилъ поохотиться, погулять, дать отеческое наставленіе подчиненнымъ, съ приличнымъ количествомъ зуботычинъ подъ сердитый часъ. Мелкопомѣст-

ные сосѣди очень боялись его и за глаза называли поручикомъ-ударомъ. Мать Степана Ильича была сперва не дурной, съ вздернутымъ носомъ и русой косой, крѣпостной дѣвушкой Марьей, дочерью какого-то кузнеца на селѣ; а потомъ, по неизрѣченному барскому милосердію, была переведена въ барскія хоромы, переименована въ Марью Трофимовну; а вслѣдъ за тѣмъ названа законной супругой и поручицей. Степанъ Ильичъ родился отъ нея вскорѣ послѣ сватьбы,—двухъ мѣсяцовъ не прошло.—Росъ ребенокъ совершенно такъ, какъ судьбѣ было угодно выростить его. Илья Прохорычъ, какъ имъ, такъ и всѣмъ домашнимъ, занимался мало; онъ разъѣзжалъ по полямъ, охотился, возился съ собаками, пировалъ въ гостяхъ у сосѣдей или шумѣлъ съ гостями у себя дома; въ свободное время, когда ужъ совершенно некуда было дѣться, ворчалъ, бранился, сына называлъ Степкой, или запирался у себя въ комнатѣ и занимался политикой, т. е. чтеніемъ разрозненныхъ нумеровъ старыхъ газетъ, выписываемыхъ становымъ приставомъ совокупно съ сельскимъ священникомъ, а затѣмъ, по ненадобности, доставляемыхъ къ Ильѣ Прохоровичу. Въ это время всѣ въ домѣ трепетали барина. Сама Марья Трофимовна, а за нею и вся дворня ходила на цыпочкахъ, шушукала. Пятилѣтнему Степѣ тоже въ это время доставалось не мало. Разъ онъ стащилъ одинъ номеръ отцовскихъ азетъ, сдѣлалъ изъ него змѣя, и былъ за то больно высѣченъ. Другой разъ за обѣдомъ Илья Прохорычъ за что-то лишилъ его третьяго блюда; Степа скорчилъ сперва гримасу, потомъ заплакалъ и былъ также очень больно высѣченъ. Марья Трофимовна рѣдко занималась сыномъ, не до него ей было, она и въ барскомъ званіи оставалась крѣпостной своего мужа. Только въ отсутствіе его, въ выдавшійся свободный часокъ, она ласкала Степу, охорашивала его, снимала съ него запачканную рубашенку и надѣвала чистенькую, причесывала его голову, обмывала его грязныя руки, сажала къ себѣ на колѣни, крѣпко цаловала, а иногда, всматриваясь въ его загорѣлое личико, втихомолку плакала. Богъ знаетъ, что означали эти слезы; быть можетъ, онѣ были единственнымъ, слабымъ проявленіемъ попранной женской свободы; быть можетъ, въ нихъ отража-

лось раскаяніе за прошедшее, тягость настоящаго отчаянія за будущее, — кто знаетъ! Слезы эти лились тихо, невольно.

Степанъ это время тоже ласкался къ матери, онъ забывалъ на минуту свои ребяческія затѣи, обвивалъ своими маленькими ручонками ея бѣлую шею и крѣпко прижимался своей кудрявой головкой къ ея подымающейся груди. Онъ любилъ мать и разъ, когда Илья Прохорычъ за что-то грозно крикнулъ на нее, бѣдный ребенокъ поблѣднѣлъ, затрясся и даже украдкой покосился на отца. — Все остальное время Степа находился на рукахъ дворни; сперва его няньчила семидесяти-лѣтняя старуха Аксинья, бывшая нянька самого Ильи Прохорыча; она напѣвала ребенку извѣстную пѣсню: « Выростишь большой, будешь въ золотѣ ходить»; расказывала глупыя сказки, учила быть барченкомъ, т. е. тузить игравшихъ съ нимъ простыхъ деревенскихъ ребятишекъ, ѣсть во всякое время дня и ночи, кричать и пачкаться, сколько душѣ угодно. Черезъ годъ Аксинья умерла; съ вечера она съѣла цѣлую плошку щей съ грибами, легла спокойно спать, а къ утру окостенѣла. Степа перешелъ на попеченіе рыжей дворовой дѣвки, которую нещадно теребилъ за косу. Эту дворовую дѣвку скоро сослали за преступную связь съ кучеромъ Андрюшкой. Степа подросъ. Для игры и забавы, къ нему была приставлена босоногая дѣвчонка однолѣтка. Она величала барченка: вы-съ, баринъ-съ, Степанъ Ильичъ-съ; онъ ее называлъ Глашкой, дарилъ куски сахару, взятые потихоньку отъ матери, иногда цѣловалъ, иногда щипалъ. Кромѣ Глаши, у Степы завелось еще множество пріятелей и пріятельницъ; онъ то любовался, какъ кучеръ лошадей чистилъ, и вмѣстѣ съ нимъ навозъ подбиралъ, то дежурилъ въ людской, хлебалъ людскіе щи и вѣшался на шею краснощекой дѣвкѣ, то возился съ деревенскими ребятишками, то внимательно слушалъ и хохоталъ, какъ пьяный поваръ ругался съ кривымъ старымъ лакеемъ, то дразнилъ гусей, то лазилъ по крышамъ, то возился съ кошкой, привязывалъ къ ея хвосту коробку съ горохомъ, и любовался, какъ она вертѣлась и падала отъ изнеможенія.

Часто кто нибудь изъ дворни, въ свободное время, по своему шутилъ съ барченкомъ, училъ его уму разуму.

— А нутка, Степанъ Ильичъ, покажите, какъ старыя бабы въ банѣ парятся? спрашивалъ Степу толстогубый парень Михѣй, и Степа, къ удовольствію всей собравшейся дворни, садился на земь, подгибалъ подъ себя ноги, кряхтѣлъ, морщился и такимъ образомъ изображалъ изъ себя старую бабу.

— Чего вы торчите тутъ,—небось мѣсто вамъ здѣсь?.. Ужо вотъ Тятенькѣ скажу; надоть, березовой каши захотѣли ворчалъ на развозившагося черезъ чуръ Степу старый лакей, а Степа дразнилъ его языкомъ и показывалъ ему кукишь.

— Сбѣгали бы вы, Степанъ Ильичъ, къ маменькѣ, сахарку бы принесли, чайку вонъ не съ чѣмъ напиться;—говорила ему дворовая дѣвка, и Степа бѣжалъ къ буфету, украдкой набивалъ карманы сахаромъ и отправился обратно въ людскую.

— Дура, свинья, мерзавка, подлая! кричалъ онъ иногда на какую нибудь старуху, а старуха только головой покачивала и улыбалась, слушая брань барченка.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ, по непредвидѣнному обстоятельству, образъ жизни молодаго Ничкина совершенно перемѣнился. Однажды Марья Трофимовна, по случаю съѣхавшихся внезапно гостей, очень усердно бѣгала въ кладовую, два часа продежурила на погребѣ, наблюдая за сбивкой какого-то пирожнаго, простудилась, слегла въ постель и черезъ двѣ недѣли отдала Богу душу. Степа было горько заплакалъ по матери, но отецъ такъ свирѣпо взглянулъ на него, что у ребенка и слезы на глазахъ замерли; онъ забился въ людскую и цѣлый день не выходилъ изъ нея. Марью Трофимовну похоронили; на Степу надѣли черную ситцевую съ бѣлыми мушками рубашку; въ домѣ на время все стихло, опустѣло; потомъ поселилось въ немъ новое лицо, какая-то Дарья Антоновна, высокая, полная, немолодая и некрасивая женщина, называвшаяся и вдовой маіоршей и родственницей Ничкиныхъ. Эта вдова маіорша скоро взяла весь домъ въ руки, ворчала, бранилась, била дѣвокъ; даже самъ Илья Прохорычъ былъ особенно нѣженъ съ ней, по крайней мѣрѣ чаще прежняго дома бывалъ,

и не такъ плотно запирался въ своемъ кабинетѣ. Главное же, истинно родственное вниманіе Дарья Антоновна обратила на Степу. — Она отвела для него особую, довольно отдаленную комнату, приставила для надзора за нимъ бранчивую, вѣчно сердитую старуху, наняла дьячка учить его грамотѣ, строго запретила ему таскаться по людскимъ и дѣвичьимъ. Тяжело было непривыкшему къ такой неволи ребенку; изъ полной неограниченной свободы онъ увидѣлъ себя въ самыхъ плотныхъ тискахъ. Прошелъ мѣсяцъ, другой, третій, и Степа совершенно перемѣнился: изъ прежняго здороваго, шаловливаго мальчика, онъ сдѣлался хилымъ, запуганнымъ; румянецъ пропалъ съ лица его, дѣтская живость исчезла. Онъ трясся, когда его звали въ общія комнаты, почтительно прикладывался къ рукѣ своей новой матери, говорилъ только шопотомъ, за обѣдомъ не смѣлъ глазъ поднять.

Прошелъ годъ; Степѣ минуло двѣнадцать лѣтъ. Однажды его позвали въ кабинетъ отца. Тамъ сидѣлъ знакомый читателю Захаръ Игнатьичъ; ему было въ то время лѣтъ тридцать; онъ былъ сосѣдъ Ничкина по имѣнію и часто навѣщалъ его. Самъ Илья Прохорычъ, въ халатѣ, съ трубкой въ рукахъ, въ черкескомъ казакинѣ, сшитомъ еще во время службы его на Кавказѣ, важно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Дарья Антоновна, скрестивъ на животѣ руки, сидѣла на диванѣ. Степа вошелъ весь блѣдный и остановился на порогѣ. — Илья Прохорычъ впрочемъ довольно снисходительно взглянулъ на него, и даже рукой по головѣ погладилъ.

— А что, Степанъ, читать выучился? важно спросилъ онъ, назвавъ чуть ли не въ первый разъ сына настоящимъ именемъ.

Степа молчалъ, уставивъ глаза въ землю.

— Слышишь ты, читать выучился? громко повторилъ отецъ.

— Выучился, шопотомъ отвѣтилъ Степа.

— А ну-ка прочти; вотъ мы тебѣ экзаментъ сдѣлаемъ; посмотримъ, какъ ты родительское попеченіе произошелъ, продолжалъ Илья Прохорычь и подалъ сыну газету.

Степа дрожащимъ голосомъ, но бойко прочелъ указанное ему мѣсто.

— Молодца! торжественно крикнулъ отецъ и снова провелъ рукою по головѣ сына.

— Прекрасночитаютъ-съ! замѣтилъ Захаръ Игнатьичь и засмѣялся. — Онъ и въ то время былъ такимъ же веселымъ; глаза его смотрѣли также привѣтливо, даже лице его съ тѣхъ поръ мало измѣнилось.

Дарья Антоновна скривила губы и вытянула шею.

— Молодца! снова повторилъ Илья Прохорычъ и сильно затянувшись изъ трубки, съ разстановкой продолжалъ: слушай, Степанъ, начало тебѣ сдѣлано, дома баловаться довольно, нечего, погулялъ да и шабашъ, — на службу пора, на службу хочешь?

— Хочу-съ! отвѣтилъ Степа, совершенно не понимая, о чемъ его спрашиваютъ.

— Ладно... Захаръ Игнатьичъ вотъ въ Петербургъ ѣдетъ, — знаешь Захаръ Игнатьича?. и тебя съ собой возметъ. Ты понимаешь, что значитъ Петербургъ? Городъ такой, ну-съ.. А въ этомъ городѣ корпуса есть разные, заведенія такія, ребятъ учатъ; ты вотъ глупъ теперь, а выучатъ тамъ тебя чему слѣдуетъ, офицеромъ будешь... Офицеромъ быть хочешь?

— Хочу-съ! Прошепталъ Степа и засмѣялся.

Внѣ себя отъ радости прибѣжалъ онъ въ дѣтскую, перекувырнулся нѣсколько разъ на оборванномъ ситцевомъ диванѣ; все лице его горѣло, голова кружилась; онъ ничего не понималъ, о какомъ Петербургѣ и корпусѣ говорятъ ему; офицеровъ онъ видѣлъ только разъ въ жизни, когда какая-то армейская рота дневала въ ихъ деревнѣ; но онъ радовался, что вырвется на волю, изъ когтей мачихи и другихъ благодѣтелей.

Черезъ двѣ недѣли, Степу окончательно снарядили; надѣли на него шубку съ кошачьимъ воротникомъ, сшитую изъ старой материнской юпки; шею повязали краснымъ шерстянымъ шарфомъ. Деревенскій попъ отслужилъ напутственный молебенъ; Илья Прохорычъ благословилъ сына, далъ поцѣловать свою корявую руку, сдѣлалъ краткія наставленія, какъ вести

себя, чего остерегаться; подарилъ пять рублей денегъ, отдавъ ихъ на руки Захару Игнатьичу и приказавъ выдавать по мелочамъ, на случай какой либо непредвидѣнной, крайней необходимости. Дарья Антоновна поцѣловала Степу въ голову, причемъ даже прослезилась однимъ глазомъ; старуха надзирательница сочла своею обязанностію завыть надъ барченкомъ, но встрѣченная зуботыченой Ильи Прохорыча, тотчасъ успокоилась.

Съ этихъ поръ началась для мальчика новая эпоха жизни; онъ поступилъ въ корпусъ. Учился Степа очень плохо, съ какой-то странной, своеобразной прихотью, совсѣмъ не тому, чего требовало начальство. Тотчасъ по поступленіи, онъ началъ съ того, что завелъ очень чистенькія тетради, но онѣ такъ нетронутыми и остались; его какъ будто съ перваго разу оттолкнуло что-то, оборвало всѣ его силы. Изъ бойкого, деревенскаго шалуна, онъ сдѣлался какимъ-то вялымъ, истощеннымъ, болѣзненнымъ; безпрестанно лежалъ въ лазаретѣ; грудь его впала, плечи опустились, лицо было блѣдно; только у Захара Игнатьича, котораго онъ навѣщалъ по праздникамъ, Степа нѣсколько оживалъ. Товарищи часто смѣялись надъ нимъ. И странное дѣло, въ теченіе восьми лѣтъ своей корпусной жизни Степанъ Ильичъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не успѣлъ сойтись близко, дружески; онъ и тутъ какъ будто искалъ, выжидалъ чего-то, не удовлетворялся обыденной школьной привязанностью; онъ никого не любилъ; сердце его ни передъ кѣмъ не билось сильнѣе обыкновеннаго. Только воспоминаніе о матери иногда какъ-то тоскливо шевелилось въ груди его.

Протекли наконецъ восемь лѣтъ, пришло время Степану Ильичу выходить въ офицеры. Но будущее офицерство особенно не привлекало его, и онъ поспѣшилъ выйдти въ отставку.

Захаръ Игнатьичъ сначала совершенно воспротивился этому, даже въ ужасъ пришелъ; но впослѣдствіи, убѣжденный настойчивостью Ничкина, принялъ его сторону. Самъ Степа написалъ въ деревню къ отцу длинное и трогательное письмо, въ которомъ увѣдомлялъ старика, что, по слабости здоровья, чувствуетъ себя неспособнымъ къ военной службѣ; умолялъ его не сердиться, говорилъ, что образованіе его еще не

кончено, что ему учиться нужно, что онъ найдетъ себѣ другое, болѣе отвѣчающее ему занятіе и въ заключеніе просилъ выслать денегъ на экипировку.

Илья Прохорычъ на это письмо отвѣтилъ совершенною бранью, назвалъ сына дуракомъ, грозился, что вполнѣ отступится отъ него, и денегъ не прислалъ, говоря, что не намѣренъ снаряжать фрачниковъ, что деньги приготовлены на эполеты, а не на какое нибудь пальтишко кургузое. «Былъ бы ты дома, я бы съ тобой по свойски расправился, и ученье и всякую дурь изъ головы бы повыбилъ!» въ заключеніе добавлялъ онъ.

Къ сожалѣнію, письмо это, не смотря на всю его отеческую грубость не принесло никакой пользы; оно пришло слишкомъ поздно, за три дня до выпуска. Захаръ Ильичъ и Степа обомлѣли; послѣдній даже зарыдалъ горько. У него ничего не было, ни бѣлья, ни платья; онъ мечталъ завестись всѣмъ необходимымъ, начать новую жизнь, и вдругъ, на первомъ шагу, увидѣлъ себя чуть не нищимъ.

«Боже мой! твердилъ онъ въ совершенномъ отчаяніи,—чѣмъ же я виноватъ... Вѣдь не могу же я жить по приказанію отца и избрать себѣ родъ службы, напередъ сочиненный имъ для меня. Захаръ Игнатьичъ кое-какъ помогъ Ничкину; онъ взялъ впередъ свое мѣсячное жалованье, кое-что продалъ, кое-что заложилъ и, такимъ образомъ, съ грѣхомъ пополамъ, одѣлъ и пріютилъ своего воспитанника.

Степа вышелъ съ чиномъ 14-го класса. Захаръ Игнатьичъ опредѣлилъ его на службу въ ту самую канцелярію, гдѣ и самъ служилъ.

Вяло и однообразно потянулась жизнь молодого человѣка. Онъ отправлялся въ должность вмѣстѣ съ Захаромъ Игнатьичемъ, просиживалъ въ ней часовъ шесть сряду за перепиской бумагъ; усталый возвращался домой, садился за чужой кусокъ хлѣба, весь вечеръ проходилъ въ какой-то полудремотѣ; совѣсть тревожно ворочалась, умъ болѣзненно шевелился. Наступала ночь. Степанъ Ильичъ запирался въ свою комнатку и, какъ бы обрадовавшись своему одиночеству, долго, по нѣскольку часовъ сряду, облокотившись рукою на подушку и подперевъ голову, полулежалъ на своей кровати. Глаза его были раскрыты, лице выражало что-то мучительное.

Онъ все думалъ, и куда только не залетали думы его, на чемъ онѣ не останавливались?! Его мечтамъ конца не было; онъ жилъ ими, онѣ были его мученіемъ, его отрадой; онъ засыпалъ съ ними, и на слѣдующее утро горькая дѣйствительность снова пробуждала его. Сколько разъ Степанъ Ильичъ съ какимъ-то отчаяніемъ садился за обычное переписыванье бумагъ; умъ его искалъ чего-то, старался хоть между форменными строчками найти пищу себѣ и ничего не находилъ. Сколько разъ Ничкину хотѣлось все бросить, бѣжать куда-то, освѣжиться, разсѣяться, услышать живое слово, дохнуть другимъ воздухомъ; но на все нужны были средства. Не пойдти въ канцелярію, значило навлечь на себя выговоръ, пожалуй лишиться мѣста,—что-жъ будетъ тогда, что скажетъ Захаръ Игнатьичъ?!

Илья Прохорычъ совершенно замолкъ. Послѣ перваго своего посланія онъ написалъ второе, въ которомъ положительно отказался отъ сына.

Такъ прошло три года; три года кипучей молодости были убиты нуждой и самымъ жалкимъ канцелярскимъ прозябаніемъ.

Недѣли, мѣсяцы, годы тянулись своимъ однообразнымъ, скучнымъ порядкомъ. Захаръ Игнатьичъ только кряхтѣлъ въ тихомолку. Къ чести его нужно сказать, что онъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ несъ взятую на себя обязанность, даже всячески скрывалъ ее, ему не хотѣлось чѣмъ бы то ни было оскорбить и безъ того уязвленное самолюбіе молодого человѣка.

Однажды, въ какой-то праздникъ, Степанъ Ильичъ получилъ письмо изъ деревни; руки его затряслись, когда онъ взялъ конвертъ, все лице вспыхнуло; онъ развернулъ письмо, прочелъ его и тотчасъ передалъ Захару Игнатьичу.

Въ письмѣ извѣщали о тяжкой болѣзни Ильи Прохорыча и просили молодого Ничкина пріѣхать какъ можно скорѣе въ деревню.

Степанъ Ильичъ на другой же день поскакалъ, сломя голову. Онъ какъ-то особенно легко вздохнулъ, вырвавшись за черту города, и даже гордо осмотрѣлся вокругъ себя. Онъ въ первый разъ почувствовалъ себя свободнымъ.

Илью Прохорыча онъ засталъ на столѣ; надъ нимъ выла и причитала все та же Дарья Антоновна. Покойника схоронили.

Но и тутъ Степанъ Ильичъ не успокоился. По силѣ оставленнаго завѣщанія онъ совершенно отстранялся отъ отцовскаго наслѣдства. Завязалась тяжба, страшная ссора, борьба съ Дарьей Антоновной; имѣніе поступило въ опеку. Степанъ Ильичъ бросился въ Петербургъ, жаловался, подавалъ прошеніе за прошеніемъ, платилъ деньги, дѣлалъ долги, и наконецъ послѣ трехлѣтнихъ безпрерывныхъ усилій, усталый, измученный, раздраженный, доказалъ свою правоту и законность. Имѣніе, разоренное и опекой и Дарьей Антоновной, перешло въ его руки. Степанъ Ильичъ вздохнулъ свободно. Мечты и надежды снова зашевелились въ головѣ его; снова потянуло его къ, дѣятельности, и теперь онъ увидѣлъ возможность койчему поучиться и хоть нѣсколько вознаградить прежнее потерянное время... Съ этой цѣлью онъ отправился за-границу.

Три года бродилъ Ничкинъ по всей Европѣ, всего насмотрѣлся, всего наслушался, и съ обновленными силами возвратился въ отечество. Даже глаза его въ то время смотрѣли смѣлѣе обыкновеннаго. Твердая увѣренность, почти гордость свѣтилась въ нихъ.

— Батюшки вы мои свѣты, и не узнать васъ, фу ты какимъ молодцомъ сдѣлались! твердилъ съ восхищеніемъ Захаръ Игнатьичъ.

— Что-жъ, опять на службу что ли? спрашивалъ онъ.

— Нѣтъ, на службу погожу,—у меня и безъ службы много дѣла найдется.

— И то добре! отвѣчалъ Захаръ Игнатьичъ и тотчасъ прибавилъ: вотъ оно образованіе-то фокусъ какой, а нашъ братъ! Онъ не договорилъ и рукой махнулъ.

Степанъ Ильичъ засѣлъ въ своемъ кабинетѣ за чтеніе книгъ, написалъ цѣлый политико-экономическій трактатъ, напечаталъ его въ какомъ-то журналѣ, но никто не замѣтилъ его трактата и никто не обратилъ вниманія на его имя. Степанъ Ильичъ, встрѣченный такъ равнодушно въ печати, скоро охладѣлъ къ труду своему, онъ показался ему слишкомъ неблагороднымъ и тяжелымъ.—Чортъ съ ней, съ литературой! подумалъ разочарованный Степанъ Ильичъ и успокоился надеждой быть полезнымъ на поприщѣ государственной дѣятельности. Онъ вздумалъ искать мѣста, терся въ различныхъ пріемныхъ, но чинъ

его былъ такъ малъ, занятія, ему соотвѣтствующія, такъ пусты, ничтожны, что Степанъ Ильичъ и на это рукой махнулъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ невыносимой скуки и Степанъ Ильичъ, однажды лежа на постели, вдругъ привскочилъ отъ счастливой мысли, озарившей его голову: «не попробовать ли мнѣ заняться преобразованіемъ своего хозяйства»—подумалъ онъ, и на другой же день укатилъ въ деревню. Пріѣхавъ въ свое заброшенное имѣніе, онъ немедленно приступилъ къ его улучшенію, завелъ машины, контору, сельскую школу, больницу; но все это какъ скоро началось, такъ же скоро и кончилось. Машины испортились и стояли забытыми, отъ сельской школы крестьяне бѣгали, больница стояла пустая, писцы въ конторѣ пьянствовали, старосты мошенничали. Степану Ильичу показалось все это гадкимъ, и его барскія нововведенія скоро опротивѣли ему. Онъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ, засѣлъ снова у себя въ кабинетѣ, бросался то за одну, то за другую книгу, метался отъ одного плана къ другому, на всемъ уставалъ и ни къ чему не привязывался; одно ему казалось яснымъ, что такъ нельзя жить, а между тѣмъ, всматриваясь въ самого себя, во все окружающее, въ весь совершающійся механизмъ жизни, онъ отчаявался, что жить иначе, лучше, полнѣе—никогда не придется. Онъ пустился въ свѣтъ, завелъ знакомство, ѣздилъ съ вечера на вечеръ, съ бала на балъ, любезничалъ съ золотушными барышнями, прислушивался къ разговорамъ танцующихъ, къ восклицаніямъ играющихъ въ карты и, вдругъ, въ короткое время, все это показалось ему до того пошлымъ, приторнымъ, заученымъ, безжизненнымъ, что Степанъ Ильичъ даже покраснѣлъ до ушей, и сталъ просиживать вечера или у себя дома или у Захара Игнатьича или у самыхъ близкихъ, задушевныхъ знакомыхъ, въ тихомъ семейномъ кругу. Но и здѣсь не повезло ему, вышла какая-то сплетня. Степанъ Ильичъ рѣшился прекратить всякое знакомство и бросился искать развлеченія въ холостой, разгульной жизни. Послѣ мѣсяца всякого рода кутежей, попоекъ, онъ сильно заболѣлъ, долго пролежалъ въ постелѣ, наконецъ выздоровѣлъ и погрузился въ то состояніе спокойствія и апатіи, въ которомъ засталъ его чита-

тель, при началѣ разсказа и изъ котораго Лыскинъ женитьбой надѣялся вытащить его.

Впрочемъ, и въ настоящее послѣднее время Степанъ Ильичъ не заснулъ совершенно, онъ дремалъ временно, дремалъ потому, что ни что не заставляло его проснуться. Правда, онъ по нѣскольку часовъ въ день прохлаждался у себя дома въ хататѣ, сидѣлъ на креслѣ безъ всякаго движенія, вставалъ въ двѣнадцатомъ часу, раскрывалъ то одну, то другую книгу и скоро бросалъ ее, раскладывалъ гранъ-пасьянсъ, дѣлалъ пѣтушковъ изъ бумаги. У него не было никакой заботы, никакой охоты кь чему бы то ни было, онъ все извѣдалъ и ничего не усвоилъ себѣ, онъ ни о чемъ не горевалъ, ничему не радовался, онъ жилъ какъ-то машинально, потому что жилось, потому что смерть не приходила къ нему. За неимѣніемъ ничего положительнаго, онъ привязывался къ мелочамъ и всячески разнообразилъ ихъ: то покупалъ множество книгъ, устроивалъ цѣлую библіотеку, то обстанавливался цвѣтами, то заводился картинами; то у него являлась страсть къ франтовству, то напротивъ онъ совершенно забывалъ костюмъ свой; и разъ завелъ трехъ собакъ, заплатилъ за нихъ большія деньги, а черезъ недѣлю подарилъ ихъ какому-то пріятелю. За то, иногда какая-то жгучая, внутренная боль страшно мучила его; ему казалось, что внутри его есть пустое пространство, ему какъ будто воздуху не доставало; онъ искалъ чего-то и самъ не зналъ, чего ищетъ; онъ простиралъ руки въ воздухъ и, казалось, хотѣлъ что-то поймать ими. Невыносимая скука, упрекъ за прошедшее, пустота настоящаго, безнадежность на будущее овладѣвали имъ. А проходила минута-другая, и все это вспыхнувшее пламя вдругъ угасало; Степанъ Ильичъ плотнѣе закутывался въ свой халатъ и еще уютнѣе распологался на своемъ креслѣ.

III.

Ничкинъ отобѣдалъ въ трактирѣ, спросилъ себѣ бутылку краснаго вина и закурилъ сигару. Долго онъ сидѣлъ неподвижно, |развалясь на диванѣ, медленно выпивая вино изъ стакана; тлѣющійся каминъ пріятно согрѣвалъ его члены, онъ устремилъ глаза на голубоватое пламя и задумался. Около него болтали, шумѣли, смѣялись другіе посѣтители; лакеи бѣгали, стучали тарелками; какой-то господинъ прошелъ мимо и пристально взглянуль ему въ самое лицо. Степанъ Ильичъ ничего не слышалъ, ничего не замѣчалъ; онъ все сидѣлъ, понуривъ голову, и только изподлобья, какъ-то нечаянно, по временамъ, взглядывалъ на происходившее.

Трудно было сказать опредѣлительно, на чемъ именно сосредоточились его мысли, даже и сосредоточились ли онѣ на чемъ нибудь? Въ лицѣ выражалась одна лѣнь, усталость, одна послѣобѣденная дремота, одно невозмутимое спокойствіе; но за то внутри, на душѣ, на сердцѣ спокойствія не было; тамъ, даже противъ воли Степана Ильича, что-то шевелилось и подергивало за совѣсть.

Степанъ Ильичъ взяль бутылку и хотѣлъ налить вина въ стаканъ, но въ ней уже ничего не было. «Батюшки, сколько я выпилъ сегодня, а въ головѣ свѣжо совершенно»—подумалъ онъ, оглядѣлся кругомъ, всталъ, взялся за шляпу, расплатился у буфета и вышелъ на улицу. Тамъ уже горѣли фонари; вечеръ былъ теплый и вызывающій на прогулку.

Степанъ Ильичъ взглянулъ на часы, на нихъ было восемь. Куда идти? подумалъ онъ; домой, тамъ дѣлать нечего, тамъ пыль такая... Капитонъ храпитъ теперь...Куда? онъ остановился на минуту—и отправился къ Захару Игнатьичу отказаться отъ даннаго обѣщанія—ѣхать къ Ольгѣ Васильевнѣ.

Пробираясь въ Коломну, онъ вошелъ въ одну изъ плохо освѣщенныхъ улицъ; прохожіе стали рѣже попадатся ему,

дома вдругъ замельчали, изъ большихъ каменныхъ превратились въ низенькіе, деревянные; экипажи не стучали по мостовой; только выѣхавшій изъ за угла извощикъ прогремѣлъ дрожками, а за нимъ все стихло. Степанъ Ильичъ все шелъ и вдругъ остановился у окна крошечнаго, полуразвалившагося дома. Окно было на половину задернуто дырявой ситцевой занавѣской, полоса свѣта выходила изъ него. Степенъ Ильичъ потихоньку, какъ воръ, прислонился къ стѣнѣ; его заняла слѣдующая картина. Въ грязной комнатѣ, на оборваномъ клеенчатомъ диванѣ лежалъ человѣкъ, одѣтый во фракъ съ бронзовыми гербовыми пуговицами; шея его была безъ галстуха, рубашка на груди растегнута; брюки на колѣняхъ засучились; на ногахъ грязные, нечищенные сапоги. Голова его свѣсилась, одна рука лежала на поросшей волосами груди, лице было блѣдно, не брито; къ шеѣ его очень уютно прижалась кошка и нюхала его въ самыя губы. Онъ крѣпко спалъ и только безпрестанно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ; тяжелый храпъ его раздавался на улицѣ. У самаго окна комнаты, за простымъ, деревяннымъ столомъ, съ догарающимъ сальнымъ огаркомъ, въ большомъ, не чищенномъ, мѣдномъ подсвѣчникѣ, сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати; она что-то очень прилежно шила, торопилась, безпрестанно колола себѣ пальцы иголкой и тревожно взглядывала то на лежавшаго человѣка, то на вспыхивающее въ подсвѣчникѣ пламя. Голова ея склонилась къ работѣ. Лице ея было блѣдное, нѣжное, прозрачное; на щекахъ легкія веснушки; тонкія брови поднялись и округлились; глаза опущены; свѣтлые, золотистые, почти рыжеватые волосы распустились, одна часть ихъ падала на лобъ, другая тонкой змѣйкой извивалась по бѣлой, открытой шеѣ, третья подхватывалась на затылкѣ роговымъ гребнемъ. Въ чертахъ лица ея не было ничего правильнаго, ничего такого, что съ перваго раза могло бы нравиться; она была скорѣе дурна, чѣмъ хороша собой; но за то, всматриваясь въ это лице, всѣ его неправильности сглаживались и въ цѣломъ составляли стройную и симпатичную фигуру. На этой фигурѣ отражалась сильная внутренняя грусть; на опущенныхъ рѣсницахъ даже слезы блестѣли; но въ этой грусти было что-то мягкое, примиряющее; она не давила сердца, а только шевелила его, заставляла биться

сильнѣе, трепетнѣе. Въ особенности хороши были большіе, сѣрые глаза дѣвушки; они смотрѣли глубоко и ясно. Одѣта она была въ простомъ, ситцевомъ платьѣ; шея голая; два крючка растегнулись на груди ея и изъ подъ нихъ выглядывалъ воротъ рубашки; рукава засучились по локоть и обнажили бѣлыя съ синеватыми жилками руки.

Степанъ Ильичъ все стоялъ, прислонившись къ окну; онъ забылъ о женитьбѣ, о Захарѣ Игнатьичѣ; ему хорошо было, сердце его сильно билось, онъ боялся пошевельнуться.

«Жена»! Подумалъ онъ и взглянулъ въ глубь комнаты.

Догоравшее пламя вспыхнуло и ярко освѣтило лице лежавшаго человѣка. Дѣвушка рванула нитку, спустила на колѣни работу, вытянула на нихъ руки и подняла голову.

«Нѣтъ, не жена, дочь»! подумалъ Ничкинъ и спрятался за косякъ окна.—Вотъ и несчастіе, горе, страданіе простое, пошлое, мѣщанское, тутъ боль наружная, видимая, грубая сила, развратъ, нищета, голодъ... Отецъ, быть можетъ, буянъ, пьяница, а что сгубило его? Давно ли онъ сталъ такимъ гадкимъ, отвратительнымъ?.. Въ немъ навѣрное былъ когда-то и свѣжій умъ, и горячо бьющееся сердце, и мало ли, можетъ, что было въ немъ,—а теперь?.. Кто знаетъ, можетъ, есть и теперь, только забитое, задавленное,—кто виноватъ?.. Онъ взглянулъ въ окно, занавѣска въ немъ была уже совершенно задернута, чья то тѣнь скользила по ней, да въ глубинѣ комнаты мерцалъ едва догарающій огонекъ.

Степанъ Ильичъ отошелъ отъ окна, прошелся раза два мимо дома, остановился у воротъ, замѣтилъ номеръ на нихъ и побрелъ назадъ. Онъ забылъ о своемъ намѣреніи зайдти къ Лыскину, онъ какъ будто только за тѣмъ и прогулялся сюда, чтобъ увидѣть чужое страданіе, на минуту перенестись въ него. Лицо его приняло грустное выраженіе.

Вотъ и жизнь! разсуждалъ онъ въ слухъ, осторожно шагая по дырявому тротуару.

«Бѣдная женщина! И зачѣмъ живетъ она, сколько страданій перенесла она и сколько еще перенесетъ ихъ... Что ожидаетъ ее?.. Или вѣчный, тяжкій, грошевый трудъ, или»... Онъ горько, ядовито усмѣхнулся и покочалъ головой.—«Вотъ и позоръ и упрекъ на всю жизнь,—а за что? Въ чемъ, кто виноватъ? Тамъ

больница, смерть, смерть одинокая, страшная, вотъ и все»... Онъ вздрогнулъ.—«Ну за мужъ выйдетъ,—одно другого стоитъ. Кто возьметъ ее, писарь, горемыка-чиновникъ? Все таже борьба, нищета, брань, побои, крикъ грязныхъ ребятъ, трудъ, забота изъ за куска хлѣба,—а потомъ опять смерть, семеро сиротъ, пущенныхъ на произволъ судьбы, авось выростутъ... Выростутъ, выростутъ»! повторилъ онъ и злобно засмѣялся. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ уже совершенно молча, уткнувши голову въ воротникъ шинели; на углу ему попался извощикъ, онъ взялъ его и поѣхалъ домой.

Въ передней его встрѣтилъ сонный Капитонъ; Степанъ Илъичъ молча прошелъ въ кабинетъ, раздѣлся, взялся было за какую-то книгу, но тотчасъ швырнулъ ее отъ себя; книга полетѣла, задѣла за подсвѣчникъ и уронила его на полъ; Степанъ Ильичъ не только не поднялъ его, но еще ногою оттолкнулъ въ уголъ, бросился на постель и свернулся подъ одѣяломъ. На другое утро онъ, противъ обыкновенія, проснулся довольно рано; всю ночь плохо спалось ему: дѣвушка и храпѣвшій чиновникъ мерещились, переплетались въ какіе-то чудные, фантастическіе образы; то ему козалось, что чиновникъ пѣлъ, плясалъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего принимался бить дѣвушку, требовалъ отъ нея хлѣба; то дѣвушка хохотала какъ съумасшедшая, кружилась, вертѣлась; потомъ рыдала, обнимала отца, валялась въ ногахъ его; то онъ видѣлъ ее еще ребенкомъ, веселымъ, счастливымъ, въ чистенькой, уютной комнатѣ,—мать ее приголубливаетъ, отецъ ласково смотритъ на нее. Степанъ Ильичъ открылъ глаза, потянулся на кровати и задумался; и на яву тотъ же чиновникъ и таже дѣвушка не выходили изъ головы его.

«Какое лицо у ней; я такого лица никогда не видалъ; сколько въ немъ жизни и борьбы»,—подумалъ онъ и вдругъ вспомнилъ о Захарѣ Игнатьичѣ, о своемъ обѣщаніи ѣхать съ нимъ къ Ольгѣ Васильевнѣ. Степанъ Ильичъ даже соскочилъ съ кровати, какъ будто испугался чего-то.

— Не поѣду я съ нимъ, куда я къ чорту поѣду! Проговорилъ онъ, торопливо надѣвая халатъ и туфли;—больнымъ скажусь, лягу, вотъ вздоръ выдумалъ!.. Съ ума сошелъ! Онъ прошелся по комнатѣ; вдругъ лицо его на минуту просіяло, глаза

оживились; казалось, онъ вспомнилъ что-то; быстро подошелъ къ окну, растворилъ его, высунулъ голову, какъ бы желая удостовѣриться: какова погода.

Погода стояла хорошая. Степанъ Ильичъ кликнулъ Капитона, умылся, выпилъ почти залпомъ стаканъ чая и сталъ одѣваться.

Онъ одѣвался очень поспѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ нѣкоторымъ тщаніемъ; въ движеніяхъ его было что-то лихорадочное; повязалъ было одинъ галстухъ—сѣренькій, да взглянулъ въ зеркало и смѣнилъ его желтенькимъ; надѣлъ темно-гранатоваго цвѣта пиджакъ, оторвалъ кусочикъ бумаги, карандашемъ нѣсколько словъ написалъ на немъ и отдалъ Капитону.

— Я со двора ѣду,—тутъ Захаръ Игнатьичъ заѣдетъ, такъ ты отдай ему; скажи: извиниться кланяться приказали, не могутъ... Слышалъ?—Отдамъ! грубо отвѣтилъ Капитонъ и захлопнулъ за бариномъ двери.

— Вишь черти-то дергаютъ тебя,—эку рань поднялся; тоже шлендать вздумалъ... самъ съ собою прохрипѣлъ онъ, вытирая обшлагомъ сюртука, Богъ знаетъ какимъ образомъ, попавшее на записку пятно. А Степанъ Ильичъ уже былъ на улицѣ; онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, обернулся и какъ-то особенно весело посмотрѣлъ на свое жилище, точно радовался, что вырвался изъ него, точно смѣялся надъ кѣмъ-то.

Онъ пошелъ вчерашней дорогой; въ шагахъ его было что-то неровное, то медленное, то торопливое; иногда онъ почти остонавливался, какъ-будто вернуться хотѣлъ; лицо то улыбалось, то хмурилось. Онъ отыскалъ ту улицу, въ которой вчера такъ случайно наткнулся на цѣлую драму; днемъ улица показалась ему веселѣе; нѣкоторые ея домики были очень чистенькіе, глядѣли уютно, привѣтливо. Степанъ Ильичъ уменьшилъ шаги; какое-то странное, непонятное чувство сдавило его сердце. Онъ поровнялся съ знакомымъ домомъ, прошелъ мимо его, искоса взглянулъ на окно; въ немъ никого не было. Онъ остановился у сосѣдняго окна: то же пусто,—лоскутокъ бумаги съ надписью: «комната отдаетца»—былъ приклеенъ къ нему.

— Ушла, дома нѣтъ, работу понесла,—подумалъ Степанъ Ильичъ и машинально прочелъ надпись. Онъ снова прошелъ мимо

воротъ, снова вернулся и въ нерѣшительности остановился у калитки.

Надпись «комната отдаетца» и здѣсь бросилась въ глаза ему.

Растрепанная, босоногая баба въ замасляннномъ сарафанѣ черезъ минуту выглянула изъ нея.

— Вамъ кого надоть? спросила она, съ тупымъ удивленіемъ оглядывая Ничкина.

Онъ слегка покраснѣлъ, какъ-будто попался въ чемъ-нибудь.

— Здѣсь комната отдается?

— Комната?

— Да, отъ жильцевъ комната.

Баба почесала спину и вдругъ, какъ бы опомнившись, проговорила.

— А эвона-тъ, у чиновника отдается; жилица тамъ жила, выѣхала, въ углу-то... тамо-те и спросите.

Она растворила калитку и указала въ уголъ. Степанъ Ильичъ вошелъ на дворъ, поднялся на деревянную лѣсенку, вступилъ въ темные, сырые сѣни, заставленные какими-то пустыми кадками, и остановился у двери. Что-то, похожее на робость, на минуту овладѣло имъ; сердце забилось еще сильнѣе. Онъ мысленно спросилъ самого себя: зачѣмъ, для чего пришелъ сюда? Что его здѣсь интересуетъ?.. Онъ даже повернулся было на лѣво кругомъ, съ тѣмъ чтобъ шмыгнуть обратно черезъ дворъ, какъ вдругъ дверь отворилась и изъ нея выглянула вчерашняя дѣвушка. Теперь она казалась еще лучше, грусть пропала съ лица ея; она весело, открыто улыбалась, глаза смотрѣли широко, вопросительно; темное простое платье сидѣла прекрасно и очень шло къ ея свѣтлой, золотистой головкѣ.

Степанъ Ильичъ вздрогнулъ и совершенно смѣшался; онъ даже не зналъ, поклониться ей или нѣтъ.

— Здѣсь комната отдается? очень робко проговорилъ онъ.

— Да, отдается... Вы нанять хотите? отвѣтила дѣвушка и распухнула дверь. Потрудитесь сюда войти, тамъ особенный ходъ есть, зепертъ теперь.

Ничкинъ вошелъ и взглянулъ на диванъ; на немъ спала вчерашняя кошка.

Глаза дѣвушки смотрѣли такъ ясно, привѣтливо, что Степану Ильичу сдѣлалось совѣстно за ложь свою. На кой чортъ мнѣ комната»! подумалъ самъ съ собою.

— Вотъ сюда пожалуйте; эта самая комната и есть,—говорила дѣвушка, растворяя слѣдующую дверь;—мебели въ ней мало, столикъ еще можно будетъ поставить; вамъ для васъ и нужна она?—Она говорила такъ просто, естественно, безъ всякой ужимки, застѣнчивости, какъ будто бы видѣла передъ собой непосторонняго мужчину, а равную себѣ подругу.

Степанъ Ильичъ для приличія взглянулъ за дверь.

— Комната хорошая... Вы по мѣсячно отдаете? нѣсколько смѣлѣе спросилъ онъ и довольно пристально посмотрѣлъ на дѣвушку; а цѣна?

— Цѣна?.. Папеньки-то вотъ дома нѣтъ; жилица у насъ жила—шесть съ полтиной платила, вамъ за шесть отдадимъ, только бы наняли!—Она въ свою очередь посмотрѣла на Ничкина. Взоры ихъ на минуту встрѣтились, но что за громадная разница была въ нихъ; одинъ потухшій, безжизненный,—другой, какъ ясное небо, чистый, глубокій.

Степанъ Ильичъ даже улыбнулся отъ этого взора.

— Я найму... Я и деньги впередъ отдамъ! отвѣтилъ онъ,—вынулъ изъ бумажника двѣ зеленыя ассигнаціи и подалъ дѣвушкѣ. Она взяла ихъ и руки ея затряслись, въ глазахъ блеснуло что-то радостное.

— У васъ папенька есть? спросилъ, минуту спустя, Степанъ Ильичъ.

— Есть.

— Онъ кто такой?

— Чиновникъ, отвѣтила дѣвушка и опустила глаза.

— А маменька?

— Маменька умерла; холера тутъ была, много людей умерло, такъ и она умерла.

— Папенька жалованье получаетъ?

— Получаетъ... одинадцать рублей въ мѣсяцъ получаетъ; восемь вотъ сами за квартиру платимъ, — мы люди простые, бѣдные; у меня папенька больной! тихо добавила она и вздохнула.

— Какъ больной?—Такъ больной!.. будете здѣсь жить, са-

ми узнаете, а только онъ тихій! докончила она и испугалась.

— Какая же болѣзнь у него?

Дѣвушка замялась и перебирала складки на платьѣ.

— Папенька пить привыкши,—почти шопотомъ говорила она; какъ вечеръ придетъ, такъ и напьется; вамъ нельзя не сказать— здѣсь жить будете; вотъ уже второй годъ, все пьетъ, а только онъ тихій, горе его такое!.. Очень много у насъ денегъ на эту водку выходитъ,—докончила она громко.

У степана Ильича сжалось сердце, онъ вспомнилъ вчерашнюю картину и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— А вы чѣмъ занимаетесь?

— Чѣмъ случится; работаю, рубашки шью.

— Рубашки шить трудно,—замѣтилъ Ничкинъ.

— Когда свѣтло, ничего... Только вотъ строчку метать трудно; пальцы все иголкой колешь.—Она взглянула на свои руки.— Вы когда переѣзжаете? вдругъ спросила она.

Степанъ Ильичъ снова смѣшался.

— Я не переѣзжаю. Я постоянно здѣсь жить не буду... Я только днемъ иногда зайду сюда... Дѣло у меня тутъ по близости, служба,—такъ я со службы и зайду.

Дѣвушка съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Какъ же деньги-то, вѣдь вы же платить будете?

— Буду.

— Я, стало быть, дорого спросила съ васъ; а только у насъ тихо да спокойно все. За что же и платить тутъ,—можетъ вы испугались чего?—Она снова опустила глаза и перебирала въ рукѣ полученныя ассигнаціи, какъ будто боялась разстаться съ ними.

Степанъ Ильичъ успокоилъ ее.

— Васъ какъ зовутъ? минуту спустя спросилъ онъ.

— Машей,—довѣрчиво отвѣтила дѣвушка и весело взглянула на него.

— А по батюшки?

— Григорьевной... Фамилія наша Голубины; мой дѣдушка священникомъ былъ, добавила дѣвушка.

— Марья Григорьевна значитъ; вы извините меня, я очень радъ, что нанялъ у васъ... Очень радъ, повторилъ онъ; мнѣ

здѣсь удобно; если позволите, я завтра зайду сюда,—вы только извините меня, я ничѣмъ не обезпокою васъ!

Онъ протянулъ ей руку.

Дѣвуша какъ-то странно улыбнулась и не дала руки своей.

— Чѣмъ же обезпокоить?.. Ужъ если кто началъ, такъ тотъ и хозяинъ. Вотъ папеньки днемъ и дома нѣтъ.

— А ваше имя? вдругъ въ свою очередь спросила она.

— Меня зовутъ Степанъ Ильичъ.

— А фамилія?

— Ничкинъ.

— Ничкинъ! машинально повторила дѣвушка и на минуту задумалась.

Степанъ Ильичъ простился съ ней; она проводила его до дверей.

— Какой баринъ,—совсѣмъ не похожъ на нашихъ; хорошо одѣтъ такъ,—дай Богъ ему здоровья... Подумала она и радостно взглянула на деньги. Грудь ея высоко подымалась; на щекахъ горѣлъ легкій румянецъ; глаза были влажны.

Въ это самое время Захаръ Игнатьичъ медленно, нога за ногу, поднимался по лѣстницѣ того дома, гдѣ жилъ Ничкинъ.

Онъ былъ одѣтъ лучше обыкновеннаго: туго накрахмаленные воротнички острыми концами выходили изъ подъ его широкаго галстуха и рѣзко отдѣлялись отъ полныхъ, загорѣлыхъ щекъ; на манишкѣ блестѣли бронзовыя запанки; черный, новенькій сюртукъ лоснился; на рукахъ были надѣты лиловыя нитяныя перчатки. Лице его было очень весело; оно улыбалось какъ-то торжественно; твердая самоувѣренность, почти гордость отражалась на немъ. Съ такими лицами рисуютъ побѣдителей, совершающихъ торжественный въѣздъ въ завоеванную ими столицу.

Онъ остановился у двери, оправился, стряхнулъ носовымъ платкомъ пыль, налетѣвшую на воротникъ его комлотовой шинели, и позвонилъ въ колокольчикъ.

Отвѣта не было.

— Спятъ!.. И Капитошка, каналья, дрыхнетъ! подумалъ Захаръ Игнатьичъ и позвонилъ въ другой разъ.

Черезъ минуту раздались чьи-то лѣнивые шаги, и Капитонъ,

безъ сюртука, въ грязной ситцевой рубашкѣ, отворилъ двери.

— Дома нѣтъ! Грубо прохрипѣлъ онъ, не дожидаясь никакого вопроса.

Захаръ Игнатьичъ вытаращилъ глаза.

— Кого дома нѣтъ? переспросилъ онъ.

— Извѣстно кого, барина нѣтъ... ушодши.

— Что ты, очумѣлъ что ли?.. Степанъ Ильичъ дома, меня дожидается. Онъ, можетъ, другимъ не велѣлъ сказываться... Какъ дома нѣтъ?

— Чего ему дожидаться? Сказано ушодши, съ ранняго утра ушодши...Вонъ тутъ написали,вамъ что-ли?.. «Отдать»—сказали. Онъ вытащилъ изъ кармана совершенно измятую записку и подалъ ее Лыскину.

Захаръ Игнатьичъ совершенно оторопѣлъ. Онъ, выпятивъ глаза, смотрѣлъ на Капитона, какъ будто проглотить его собирался; потомъ схватилъ записку, судорожно развернулъ ее и прочелъ слѣдующее.

«Извините, добрѣйшій Захаръ Игнатьичъ, что по нѣкоторому, весьма важному дѣлу, я долженъ измѣнить моему слову—ѣхать вмѣстѣ съ вами къ Ольгѣ Васильевнѣ. Меня сегодня цѣлый день не будетъ дома. — Очень тороплюсь, извините».

Захаръ Игнатьичъ опустилъ руки.

— Какое дѣло?.. Куда ушелъ? Къ какому чорту идти ему? спрашивалъ онъ, вперивъ глаза въ Капитона.

— А я почемъ знаю? нешто онъ сказываетъ, куда уходитъ,—ушелъ...

— Свинья! почти закричалъ онъ... Такъ и скажи своему барину, что онъ свинья; отъ меня скажи, отъ меня!

— Ладно, для чего не сказать,—отъ васъ сказать можно: свинья! хладнокровно повторилъ Капитонъ.

— Я съ твоимъ бариномъ послѣ этого и знаться не хочу; опротивѣлъ онъ мнѣ; пусть пропадаетъ, пусть... Дуракъ, баба... Оба сгніете, тфу!—Онъ вторично плюнулъ и началъ спускаться съ лѣстницы.

Капитонъ оскалилъ зубы, что-то проворчалъ ему въ слѣдъ и крѣпко захлопнулъ дверь.

— Экая баба противная, хуже бабы... баба—человѣкъ, а это,

такъ, слизь, мразь какая-то... Что онъ смѣяться надо мной вздумалъ... заставить хлопотать... одѣваться... на извощика для него истратился... Дома нѣтъ... Дѣло важное!.. Тфу!—Онъ снова плюнулъ и вышелъ на улицу.

Долго онъ не могъ успокоиться. Онъ шелъ, размахивая руками, ворчалъ что-то себѣ подъ носъ; глаза его тревожно бѣгали по всѣмъ прохожимъ и проѣзжающимъ, точно хотѣли встрѣтить, отыскать кого-то, у воротъ дома его встрѣтила кухарка.

— Обѣдать готовь! пробурчалъ ей Захаръ Игнатьичъ.

— А на дачу не поѣдете нешто?

— Никуда я не поѣду; говорятъ тебѣ, обѣдать готовь, ну! сердито крикнулъ онъ, вошелъ къ себѣ въ комнатку, раздѣлся, тщательно сложилъ платье, заперъ его въ комодъ и растянулся на кожаномъ диванѣ.

— Свинья, настоящая свинья, дуракъ, пошлый дуракъ! долго еще сквозь зубы повторялъ онъ.

А Степанъ Ильичъ давно, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дому, совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи. Теперь онъ бродилъ по улицамъ Петербурга и весело, дружески на все посматривалъ, какъ будто въ первый разъ видѣлъ все встрѣчаемое, какъ будто все, что ни попадалось, нравилось ему. Домой не хотѣлось возвращаться ему; обѣдать еще было рано; онъ прошелся два раза по Невскому и не такъ, какъ прежде хаживалъ, стороной, украдкой, точно людей боялся; а прямо, бодро, по срединѣ тротуара; оглядѣлъ нѣсколькихъ встрѣчныхъ, разодѣтыхъ дамъ; привѣтливо раскланялся съ нѣкоторыми прежними знакомыми.

— Боже мой... Mr Ничкинъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Васъ и не узнать, молодецъ молодцомъ; въ лицѣ такая свѣжесть. Помните, въ послѣдній разъ вы были такъ грустны, раздражены чѣмъ-то, старикомъ выглядѣли, говорилъ ему какой-то господинъ, дружески протягивая руку.

— Да, теперь я чувствую себя лучше, я спокоенъ... Сегодня въ особенности хорошо, легко мнѣ, — погода славная! отвѣтилъ Степанъ Ильичъ.

Дѣйствительно, и хорошо и легко было на душѣ его,—только не одна погода была тому причиной...

Внезапная встрѣча съ дѣвушкой, ея пьяный отецъ, поспѣшность, съ которою она оканчивала работу и колола себѣ пальцы; простая, дѣтски безъискусственная рѣчь; вся окружающая ее обстановка, даже веснушки на щекахъ,—все разомъ шевельнуло вниманіе Ничкина, заняло его умъ, наполнило сердце чѣмъ-то новымъ, до сихъ поръ незнакомымъ. Встрѣться таже самая дѣвушка въ другое время, при другой обстановкѣ, при другомъ настроеніи духа самаго Ничкина,—онъ, быть можетъ не обратилъ бы на нее никакого вниманія; онъ видалъ женщинъ и дурныхъ и красавицъ, и умныхъ и глупыхъ, и всѣ онѣ прошли мимо его не замѣченными; онъ сердился на нихъ и даже всячески избѣгалъ ихъ; а теперь, странное дѣло, онъ встрѣтилъ дѣвушку бѣдную, несчастную, брошенную, и радовался именно тому, что она бѣдна и несчастна; онъ мысленно развивалъ передъ собою ея настоящее и будущее положеніе, рисовалъ цѣлую драму ея жизни... Онъ не искалъ никакой цѣли въ своемъ новомъ знакомствѣ, не выводилъ никакихъ будущихъ результатовъ, не имѣлъ никакихъ плановъ, его интересовалъ самый фактъ. Онъ, казалось, хотѣлъ повѣрить надъ ней свой жизненный опытъ, свои убѣжденія, свой взглядъ на жизнь.— Она просто, быть можетъ, на минуту разбудила, развлекла его,—и Степанъ Ильичъ ухватился за это развлеченіе, обрадовался, что праздный умъ его чѣмъ-то занятъ; ему хорошо, весело,—чего же больше?

Онъ даже пообѣдалъ въ этотъ день съ такимъ аппетитомъ, какъ давно не обѣдывалъ. Только, возвратясь домой вечеромъ и услышавши отъ Капитона переданное ему Захаромъ Игнатьичемъ приказаніе, Степанъ Ильичъ какъ бы опомнился и глубже взглянулъ на свою встрѣчу.

— Изъ нея выйдетъ хорошая женщина,—думалъ онъ, лежа на диванѣ и заложивъ подъ голову руки... Ей образованія не достаетъ, тѣмъ лучше; изъ нея можно все сдѣлать; она сырой, нетронутый матеріалъ,—лѣпи, что угодно... Вотъ тутъ и жениться можно; тутъ цѣль есть—человѣка воскресить, спасти его, дать ему возможность жить и дѣйствовать!.. Тутъ не Ольга Васильевна какая нибудь, тутъ задача жизни!.. вѣдь надо же что-нибудь сдѣлать въ жизни, а что же я могу сдѣлать лучшаго? — И при этомъ Ничкинъ сочинилъ цѣлую новую

жизнь, въ которой бѣдная Маша преобразилась въ счастливѣйшую женщину, всѣмъ обязанную своему благодѣтелю.

И благодѣтель весело улыбнулся и посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ будто подсмѣивался надъ кѣмъ-то или наслаждался произведеннымъ эффектомъ. И долго въ этотъ вечеръ лежалъ онъ, долго что-то обдумывалъ; Капитонъ нѣсколько разъ заглядывалъ въ дверь, желая вѣроятно раздѣть барина и убраться восвояси, — Степанъ Ильичъ все лежалъ. Третья сигара дымилась во рту его.

IV.

На другой день Ничкинъ опять проснулся довольно рано и опять отправился въ Коломну. Всю дорогу онъ шелъ очень скоро, ему хотѣлось поскорѣй увидѣть новую знакомую. Онъ прошелъ мимо окна. Марья Григорьевна съ работой сидѣла подъ нимъ.

— А я къ вамъ... къ себѣ то есть,—можно войти? проговорилъ онъ, приподнимая шляпу.

— Войдите... мы ужъ и другую дверь отперли, изъ сѣней прямо, отвѣтила дѣвушка и встала.

Степанъ Ильичъ вошелъ, она встрѣтила его на порогѣ.

— Вотъ теперь отдѣльно, теперь хорошо, къ намъ дверь совсѣмъ заколотили, поубрали все, никто вамъ мѣшать не будетъ; а что понадобится, постучите только, мы сію минуту услышимъ, говорила она, указывая рукой.

Степанъ Ильичъ въ знакъ согласія слегка поклонился. Дѣвушка хотѣла уйти, но на минуту остановилась, какъ бы выжидая, не будетъ ли какого приказанія.

— Вамъ кофею не угодно ли? вдругъ спросила она.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не пью кофею; вотъ огня, если позволите, сигару закурить.

Дѣвушка проворно вышла и черезъ минуту принесла пачку спичекъ.

— Спички-то, кто ихъ знаетъ, отсырѣли вѣрно, говорила она, чиркая объ стѣну... Вотъ извольте, зажглась! добавила она, подавая огонь. Степанъ Ильичъ закурилъ сигару и сѣлъ на стулъ.

— Вы опять за работой? спросилъ онъ.

— Работаю... Работа моя не къ спѣху... Теперь вотъ другой и работы нѣтъ! отвѣчала она со вздохомъ.

— Вы учились работать?

— Нѣтъ, не училась; какъ понадобилось, такъ выучилась, вѣдь это не трудно.

— А въ пансіонѣ были?

Маша съ минуту задумалась.

— Была... пять мѣсяцевъ всего и была, больше держать не стали.

— Какъ не стали?

— Такъ, сперва маменька платила, а какъ маменька померла, папенька платить пересталъ, въ то время отъ мѣста его уволили; ну, меня держать и не стали.

Степанъ Ильичъ потупилъ глаза.

— Чему же вы учились?

— Читать училась... пишу тоже, скверно только.

— А маменька изъ чего платила?

— Маменька работала, золотомъ шила; что спрятать да уберечь успѣетъ, то и заплатитъ... Мадамъ у насъ такая строгая была, любила, чтобъ деньги аккуратно платили.

— При маменькѣ вамъ лучше было? спросилъ Ничкинъ.

Дѣвушка какъ-то горько улыбнулась, глаза ея сдѣлались влажными.

— Еще бы не лучше... Маменька добрая была. Папенька тогда получалъ больше; теперь намъ жить трудно,—что у насъ?.. Вѣдь у насъ ничего нѣтъ, право нѣтъ! добавила она съ дѣтской наивностью.

Степанъ Ильичъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Да, очень трудно, такъ трудно, что иной разъ думаешь, зачѣмъ только на свѣтъ родилась, говорила она, разводя руками:—вотъ вы, можетъ, и не повѣрите мнѣ, а случается—дома гроша нѣтъ... ѣсть нечего; ну, и сидишь цѣлый день такъ, безъ куска хлѣба. Хорошо еще, если продать или заложить есть что; вотъ и вчера, еслибъ не вы, тоже бы голодомъ просидѣли; ужъ я и благодарить васъ не знала какъ!

Все это дѣвушка проговорила такъ весело, какъ будто бы разсказывала что нибудь забавное. У Степана Ильича сильно забилось сердце.

— Что вы стоите, Марья Григорьевна; со мной вамъ церемониться нечего, я человѣкъ простой, добрый, я самъ много вытерпѣлъ; присядьте пожалуйста! какъ-то особенно мягко произнесъ онъ.

Она опустилась на стулъ возлѣ двери и недовѣрчиво взглянула на гостя. Оба молчали. Степанъ Ильичъ сидѣлъ поодаль, курилъ сигару и искоса, украдкой, посматривалъ на дѣвушку; видно было, что онъ что-то высказать собирался.

— Я, Марья Григорьевна, вотъ что, вы меня извините, заговорилъ онъ, мѣшаясь на каждомъ словѣ и не смѣя поднять глазъ на хозяйку:—я, конечно, что-жъ я... чужой для васъ, вы меня не знаете, пришелъ вотъ съ улицы,—а только я честный человѣкъ. Я худого вамъ ничего не сдѣлаю. Если вамъ деньги нужны... Я тоже могу помочь вамъ, тутъ и стыдиться нечего; вотъ и за квартиру пожалуй еще впередъ отдамъ или взаймы возмите...

Онъ сунулъ руку въ карманъ. Щеки дѣвушки вдругъ покраснѣли.

— Я не для того говорила вамъ,—намъ не нужно; у насъ теперь есть деньги, тамъ папенька жалованье получитъ, отвѣтила она оправдательнымъ тономъ, стараясь скрыть свое внутреннее волненіе.

Степанъ Ильичъ взглянулъ на нее, она улыбалась. Онъ пожалъ плечами.

— А у васъ много денегъ, вы богаты развѣ? вдругъ спросила она.

— Не много, а для меня достаточно, деревня у меня.

Маша задумалась.

— Какъ же вы жить думаете? спросилъ Ничкинъ.

Маша съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Какъ жить? переспросила она.

— Да, жить... Ну, вашъ папенька умретъ, что тогда будетъ съ вами?

Маша на минуту задумалась.

— Какъ что, на мѣсто пойду! отвѣтила она и снова улыбнулась, какъ будто обрадовалась, что такъ скоро сообразила, что ей придется дѣлать въ случаѣ смерти отца.

— А замужъ пойдете? совершенно неожиданно произнесъ Ничкинъ.

Маша какъ будто испугалась.

— Какъ замужъ?.. За кого идти мнѣ, кто возьметъ меня?... Она засмѣялась и такъ посмотрѣла на гостя, точно упрекала его за странный и неожиданный вопросъ.

Степанъ Ильичъ сидѣлъ, облокотясь на спинку стула, курилъ и не спускалъ глазъ съ дѣвушки.

— Кто знаетъ, все можетъ случиться, проговорилъ онъ въ оправданіе и тотчасъ прибавилъ:—тяжело такъ жить, трудно; вамъ свою жизнь перемѣнить надо.

Марья Григорьевна еще больше раскрыла ясные глаза свои, съ лица ея не сходила улыбка.

— Какъ перемѣнить? перемѣнить нельзя.

— Нѣтъ, можно, если захотите подумать объ этомъ. Ваша жизнь только-что начинается; впереди васъ можетъ ожидать несчастіе или счастіе — это нѣсколько зависитъ отъ васъ. Если умретъ вашъ папаша и вы не успѣете устроиться, вамъ предстоитъ испытать много горя и такихъ оскорбленій, какихъ вы теперь и представить себѣ не можете. Ну куда вы пойдете однѣ, къ кому и на какое мѣсто? Вездѣ вы будете зависѣть отъ куска хлѣба, отъ мѣднаго гроша, который будете получать за вашъ трудъ; на васъ будутъ смотрѣть, какъ на простую работницу, требовать отъ васъ безусловнаго повиновенія, и если вы захотите сохранить хоть немножко независимости, васъ будутъ бранить, преслѣдовать насмѣшками и грубыми оскорбленіями. И если вы женщина съ душой, вамъ сдѣлается невыносимо ваше положеніе; вы бросите одно мѣсто, потомъ оставите и другое и третье,

и наконецъ Богъ знаетъ на чемъ остановитесь. Вы конечно не думали отъ этомъ; но вѣдь это такъ, и будьте увѣрены, что изъ нашихъ женщинъ, если бы онѣ могли разсказать свою жизнь правдиво, одна счастливая придется на десять тысячъ несчастныхъ... Да, Марья Григорьевна, продолжалъ Ничкинъ все съ большей и большей энергіей; я знаю, что слова мои вамъ кажутся странными, но въ нихъ есть много правды и вамъ нечего бояться меня... Третьяго дня вечеромъ, я самъ не знаю какъ, забрелъ въ эту улицу,—такъ, скука взяла; я увидѣлъ въ окнѣ васъ, вашего отца: онъ тамъ спалъ на диванѣ, вы работали... я остановился...

— Вы папеньку видѣли? прошептала дѣвушка и поблѣднѣла.

— Да, видѣлъ, слышалъ, какъ онъ храпѣлъ, продолжалъ Степанъ Ильичъ: — не знаю почему, мнѣ стало жаль васъ, такъ жаль, какъ я никого и никогда не жалѣлъ въ своей жизни. Чтобы поближе познакомиться съ вами, я нанялъ эту комнату, которая, сказать поправдѣ, мнѣ вовсе ненужна. Но буду ли я знать васъ годъ или одинъ часъ, все равно, — я приду къ одному рѣшенію, которое позвольте мнѣ объявить вамъ теперь же: хотите вы выйти замужъ за меня? добавилъ онъ такъ хладнокровно, какъ будто предлагалъ что-нибудь съѣсть или выпить.

Дѣвушка, вся поблѣднѣвъ, вдругъ зарыдала и закрыла лицо руками. Степанъ Ильичъ всталъ со стула.

— О чемъ же плакать? говорилъ онъ, скрестивъ на груди руки:—ваша добрая воля; скажете—да, я буду очень радъ; нѣтъ, что жъ дѣлать, уйду отсюда...

— Господи! что вы говорите такое, за что вы смѣетесь надо мной, развѣ вамъ можно жениться на мнѣ!.. съ рѣзкимъ упрекомъ произнесла она.

— Отчего жъ нельзя? Нетолько можно, но я желаю, прошу этого; мнѣ кажется, что вы...

Дѣвушка, казалось, не знала что отвѣчать.

Прошло нѣсколько минутъ, грудь ея высоко подымалась; она такъ смотрѣла на Ничкина, какъ будто требовала отчета въ словахъ его, какъ будто хотѣла заглянуть въ его душу, увидать, что за чудеса въ ней дѣлаются. Степанъ Иль-

ичъ, молча, любовался этимъ взглядомъ. Въ сѣняхъ кто то закашлялъ. Дѣвушка повернула голову къ двери и прислушалась.

— Папенька! еле слышно прошептала она и выбѣжала изъ комнаты.

— Скажите, передайте ему! крикнулъ ей въ слѣдъ Степанъ Ильичъ, подошелъ къ запертой двери и приложилъ къ ней ухо.

— Что ты?.. говори... чего?.. ну! шепталъ, минуту спустя, чей-то хриплый голосъ,—а? жилецъ, что жилецъ? ну!

Маша ничего не отвѣчала и только всхлипывала.

— Что было, то и говори, отцу признайся, отецъ родилъ тебя, все говори, все повѣдай, говори, Маша. . Голосъ его дрожалъ.

Степанъ Ильичъ приложилъ глазъ къ щелкѣ. За дверью на диванѣ сидѣла Марья Григорьевна и, закрывъ лицо руками, плакала. Возлѣ нея помѣщался отецъ, онъ какъ-то нетерпѣливо, пристально смотрѣлъ на дочь; лицо его было блѣдно. Степанъ Ильичъ отошелъ отъ двери; казалось, онъ не зналъ на что рѣшиться, но наконецъ, услышавъ новый шопотъ, схватилъ шляпу и отправился въ сосѣднюю комнату. Голубининъ, увидѣвъ гостя, смѣшался, вскочилъ съ дивана и сталъ торопливо застегивать свой дряхлый вицмундиръ. Дѣвушка продолжала плакать. Степанъ Ильичъ подошелъ къ хозяину и протянулъ ему руку. Она слегка дрожала.

— Извините, я долженъ говорить съ вами... ваше имя? произнесъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Хозяинъ, вытаращивъ глаза, смотрѣлъ на него.

— Григорій Данилычъ! торопливо отвѣтилъ онъ и заикнулся.—Я отецъ ея. Онъ указалъ на дочь.—Моя фамилія Голубининъ.

— Знаю!.. очень радъ, я долженъ говорить съ вами! повторилъ Ничкинъ:—сядемте, я стоять не могу. Онъ отвелъ хозяина къ окну и указалъ ему на стоявшій стулъ.

Оба сѣли. Голубининъ оглядывалъ съ ногъ до головы Ничкина, какъ будто измѣрялъ его, переминалъ губами, откашливался, точно приготовлялся къ чему-нибудь. Степанъ Ильичъ устремилъ глаза на засаленный бортъ вицмундира сво-

его сосѣда. Прошла минута, другая, третья; оба молчали. Маша все сидѣла, закрывши лицо руками.

— Вотъ извольте видѣть, началъ Степанъ Ильичъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, поднялъ голову и такъ смѣло взглянулъ въ лицо хозяина, что послѣдній сконфузился и на минуту отвернулся.—Извольте видѣть, Григорій Данилычъ, я васъ прошу выслушать меня. Онъ разсказалъ, какъ увидѣлъ Машу въ окнѣ, какъ нанялъ комнату, въ подробности объявилъ о себѣ, кто онъ такой, и остановился.—Я сдѣлалъ ей предложеніе, я хочу жениться на ней, добавилъ онъ вопросительно и снова посмотрѣлъ на Голубинина.

Послѣдній совершенно растерялся; колѣнки его, обтянутыя лоснящимися брюками, тряслись и прыгали; лицо вытянулось, какъ будто замерло; глаза забѣгали и заморгали.

— Какъ жениться?! переспросилъ онъ и даже остановился на полусловѣ, какъ будто испугался своего вопроса.

— Такъ, жениться, какъ всѣ люди женятся, обвѣнчаться, сдѣлаться ея мужемъ, спокойно отвѣтилъ Степанъ Ильичъ.

Голубининъ вытаращилъ глаза; онъ взглянулъ было на дочь, точно звалъ ее на помощь къ себѣ, колѣнки его такъ и стучали одна объ другую.

— Какъ обвѣнчаться?.. въ церкви обвѣнчаться, законнымъ бракомъ обвѣнчаться?.. дрожащимъ голосомъ, съ трудомъ переспросилъ онъ.

— Да, въ церкви.

— На ней?!

— На ней.

— На моей дочери, на Машѣ, то есть, на ней вотъ?!

— Да, на Машѣ! твердо отвѣтилъ Степанъ Ильичъ.

Григорій Данилычъ вторично съ ногъ до головы оглядѣлъ гостя. Небольшая фигурка его была чрезвычайно комична; остатки сѣрыхъ волосъ на вискахъ торчали космами; глаза, казалось, выскочить хотѣли, губы вытянулись; все лицо какъ-будто приготовлялось или заплакать или засмѣяться; даже борты его вицмундира тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы это какъ говорить изволите? полушопотомъ произнесъ онъ.

— Я говорю не шутя, правду.

— Правду-съ? повторилъ Голубининъ и какъ-то растянулъ это слово.—Да вы кто такой-съ?.. Вы откуда-съ?

Ничкинъ вторично объяснился. Глаза Григорія Данилыча вдругъ наполнились слезами.

— Да вѣдь у ней ничего нѣтъ... она дѣвушка ничтожная, глупая, простая, она вонъ какая! еле слышно прохрипѣлъ онъ и кивнулъ головой влѣво.

— Мнѣ ничего не нужно, у меня все есть, отвѣтилъ Ничкинъ.

Григорій Данилычъ судорожно засмѣялся и такъ посмотрѣлъ на гостя, какъ будто сомнѣвался: человѣка или какую нибудь неестественную силу онъ видитъ передъ собой.

— Слышишь, Маша, вотъ они говорятъ... произнесъ онъ, обращаясь къ дочери.

Марья Григорьевна встала, мокрое лицо ея, покрытое слезами, было блѣдно; шатаясь, подошла она къ отцу и бросилась ему на шею. Нѣсколько минутъ они не могли ничего говорить; слышны были только ихъ вздохи, да по временамъ что-то отрывочное, похожее и на смѣхъ и на рыданіе, вырывалось изъ устъ ихъ; они цѣловали другъ у друга руки, точно взаимно за что-то благодарили другъ друга. Степанъ Ильичъ тоже казался тронутымъ, по крайней мѣрѣ онъ отвернулся къ окну и быстро провелъ рукою по глазамъ своимъ, точно вытиралъ выступившія на нихъ слезы. Минуту спустя, Григорій Данилычъ крѣпко схватилъ Ничкина за руки, сильно потрясъ ихъ, пристально посмотрѣлъ ему въ лицо и упалъ головой на грудь его.

— Что дѣлается съ нами?.. что съ нами дѣлается?.. повторялъ онъ, задыхаясь.—Правда ли это?!.. быть этого не можетъ... сонъ, сонъ!.. люди добрые, правда ли это?!

— Правда, правда, чистая правда! отвѣтилъ Степанъ Ильичъ, сжалъ руками его голову и поцѣловалъ его въ губы.

Григорій Данилычъ захохоталъ, какъ сумасшедшій, и обнялъ колѣни Ничкина. Маша стояла возлѣ, лицо ея спокойно улыбалось, глаза смотрѣли весело, много было въ нихъ чего-то невыразимо хорошаго, а по разгорѣвшимся щекамъ еще текли слезы.

V.

На слѣдующій день утромъ, когда Степанъ Ильичъ еще сладко спалъ, свернувшись на своей постели, въ передней его раздался сильный звонокъ, и черезъ минуту Захаръ Игнатьичъ ввалился въ комнату. Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на спящаго хозяина, бросилъ на стулъ фуражку, скрестилъ на груди руки и остановился передъ его кроватью.

— Спитъ!.. вонъ ему и во снѣ что-то пріятное снится, улыбается тоже, смѣется, а еще на жизнь жалуется. Эхъ ты человѣкъ, человѣкъ! подумалъ онъ самъ съ собою, покачавъ головой, и сердитое выраженіе тотчасъ исчезло съ лица его. Степанъ Ильичъ открылъ глаза.

— Захаръ Игнатьичъ, вы? простоналъ онъ и вытянулся на кровати.

— Я-съ! рѣзко отвѣтилъ Лыскинъ. Онъ видимо хотѣлъ казаться серьезнымъ, только глаза измѣняли ему.

— Извините, еще такъ рано кажется, я вчера вернулся поздно, снова простоналъ Ничкинъ.

— Что за рано, вѣдь вы нынче дѣловымъ человѣкомъ сдѣлались, васъ и съ пѣтухами дома не застанешь! попрежнему отвѣтилъ Захаръ Игнатьичъ. Степанъ Ильичъ посмотрѣлъ на него и свѣсилъ ноги съ кровати.

— Меня? переспросилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Да, васъ, забыли небось... должно быть, на службу поступили, занятій много...

Ничкинъ, казалось, что-то вспомнилъ, по крайней мѣрѣ почесалъ себѣ затылокъ и улыбнулся.

— Да, эти дни вышло такъ, я къ вамъ сегодня послать хотѣлъ, неопредѣленно отвѣтилъ онъ, всталъ съ кровати и отвернулся къ окошку. Захаръ Игнатьичъ молча погрозилъ ему пальцемъ. «Погоди, выведу я тебя на свѣжую воду!» самъ съ собою подумалъ онъ. Ничкинъ, казалось, хотѣлъ что-то сказать,

но только снова улыбнулся, кликнулъ Капитона и принялся за обычное умыванье. Захаръ Игнатьичъ закурилъ трубку, расположился въ уголкѣ на креслѣ и, молча, изъ подлобья посматривалъ на хозяина.

— Что это онъ ухмыляется, весело ему надо быть, радуется; небось новую игрушку завелъ, думалъ онъ самъ съ собою. Степанъ Ильичъ дѣйствительно улыбался и старался не смотрѣть на гостя, даже безъ церемоніи сѣлъ задомъ къ нему и принялся за стаканъ чая.

— Да-съ, какія же такія дѣла у васъ, узнать позвольте. Какъ же это смѣяться надъ человѣкомъ, говорилъ съ разстановкой Захаръ Игнатьичъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе серьезный тонъ:—дать ему слово, заставить хлопотать, одѣваться, на извощикѣ ѣхать, подниматься на лѣстницу,—какъ же это-съ, какъ назвать прикажете? Онъ вопросительно уставилъ глаза на хозяина. Степанъ Ильичъ сидѣлъ, нагнувшись къ столу, но тотчасъ же выпрямился, обернулся и протянулъ гостю руку.

— Полноте, Захаръ Игнатьичъ, взгляните, какъ я веселъ, счастливъ; я помолодѣлъ въ эти два дня, у меня радость, большая радость! Онъ засмѣялся. Захаръ Игнатьичъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Какая радость? Докторъ что ли очистительное какое прописалъ? Вы и въ самомъ дѣлѣ имянинникомъ выглядите, вонъ и глаза прыгаютъ! произнесъ онъ въ недоумѣніи. Степанъ Ильичъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не докторъ; что докторъ, чортъ съ нимъ!.. Я исполняю ваше желаніе и женюсь!

Захаръ Игнатьичъ такъ и вскочилъ со стула, чубукъ вывалился изъ рукъ его, трубка покатилась по полу. Еслибъ потолокъ въ комнатѣ обрушился въ это время, то менѣе поразилъ бы его; онъ такъ смотрѣлъ на Ничкина, какъ будто узналъ отъ него о второмъ пришествіи.

— Какъ женитесь!.. что вы сказали такое?.. что такое?!. проговорилъ онъ, совершенно растерявшись.

— Да, женюсь, женюсь! повторилъ Ничкинъ.

Захаръ Игнатьичъ даже плюнулъ съ досады.

— Да что вы рехнулись что ли, что вы за вздоръ городи-

те, вы одумайтесь, на комъ жениться вамъ?.. На Капитошкѣ развѣ?

— На хорошей дѣвушкѣ, на такой дѣвушкѣ, какихъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ мало у насъ; я не встрѣчалъ такихъ,—слышите, не встрѣчалъ, я счастливъ, очень счастливъ!

Захаръ Игнатьичъ снова пристально посмотрѣлъ на него, какъ бы желая убѣдиться, дѣйствительно ли передъ нимъ сидитъ тотъ самый Ничкинъ, котораго онъ зналъ съ малолѣтства, и громко всплеснулъ руками.

— Да вы смѣетесь... со сна что ли... что за чушь такая! правду вы говорите? почти крикнулъ онъ.

— Совершенную правду! Я предложенiе сдѣлалъ, сватьба на дняхъ, отвѣтилъ Степанъ Ильичъ.

Захаръ Игнатьичъ сперва громко захохоталъ, а потомъ бросился обнимать Ничкина.

— Да на комъ?.. на комъ?.. душка, прелесть ты моя, воспитанникъ мой, умница, ангельчикъ, на радости пьянъ напьюсь, до положенiя ризъ напьюсь... вотъ же послушался меня!.. говорилъ онъ, въ порывѣ восторга такъ неистово чмокая Ничкина въ щеки и губы, что послѣднiй только кряхтѣлъ, жался и не зналъ, куда дѣться отъ крѣпкихъ, могучихъ объятiй.

— Нѣтъ, постой, еще, еще разъ, не могу, не выпущу, щечку дай... Говори, на комъ? докончилъ онъ, задыхаясь, повалился на стулъ и подвинулся къ хозяину.

Степанъ Ильичъ все въ подробности разсказалъ ему.

Захаръ Игнатьичъ слушалъ сперва очень внимательно, какое-то лихорадочное нетерпѣнiе выражалось въ лицѣ его, но вдругъ оно вытянулось и поблѣднѣло.

— Да вы на комъ-же, Степанъ Ильичъ, женитесь-то? Я не понимаю что-то, спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Я вамъ сказалъ, на комъ.

— Да развѣ вамъ можно жениться на ней?

— Разумѣется можно, отчего-жъ нѣтъ?

— Да она кто такая?

— Какъ кто? ну дочь чиновника, я сказалъ вамъ.

— Дочь... дочь... Да развѣ вы знаете ее?..

— Знаю! есть люди, которыхъ съ перваго раза узнаешь.

Захаръ Игнатьичъ подозрительно смотрѣлъ на него и, казалось, не зналъ что отвѣчать.

— Да помилуйте!.. что вы, что такое?.. я и понять ничего не могу, что за чепуха такая,—вы одумайтесь! говорилъ онъ минуту спустя:—какъ-же это?.. вы небывалое дѣло затѣяли, все одно что съ ума сойти,—что вы?.. Вѣдь за васъ любая барышня пойдетъ, съ образованіемъ, съ деньгами, настоящая барышня!

Степанъ Ильичъ иронически улыбнулся.

— Богъ съ ними, съ барышнями; чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше; я потому и женюсь на этой дѣвушкѣ, что она на вашихъ барышень непохожа; она такъ далека отъ нихъ, какъ небо отъ земли.

Захаръ Игнатьичъ не спускалъ глазъ съ него.

— Да вы что же дѣлаете надъ собой? вдругъ спросилъ онъ.

— Ничего не дѣлаю, женюсь! хладнокровно отвѣтилъ Пичкинъ.

Захаръ Игнатьичъ вскочилъ со стула и растопырилъ руки.

— Господи, господи! что это за человѣкъ такой, съ ума сошелъ, самъ въ петлю лѣзетъ, кричитъ: удавиться хочу... дѣвчонку въ окошкѣ увидѣлъ!.. очень громко говорилъ онъ.

Степанъ Ильичъ скривилъ губы, лицо его нѣсколько поблѣднѣло.

— Послушайте, Захаръ Игнатьичъ, я васъ прошу во имя нашей дружбы, не оскорбляйте меня, началъ онъ очень серьезно:—этимъ вы не разубѣдите меня, не отступлюсь я отъ своего слова, я женюсь непремѣнно, женюсь во чтобы то ни стало, я могу жениться только на ней, на дѣвчонкѣ этой!.. Если я и ошибаюсь, кому что за дѣло; я нашелъ въ ней то, что всегда желалъ видѣть въ женщинѣ; если она была дѣвчонкой, то теперь она моя невѣста, будущая жена моя, жена! Быть можетъ, я дѣлаю вздоръ, глупость, даже въ петлю лѣзу,—все равно, я хочу исполнить свое желаніе, пожалуй хоть капризъ свой!.. такъ мнѣ нравится, такъ хочу я, слышите—хочу! добавилъ онъ выразительно, и щеки его покраснѣли, а глаза сдѣлались влажными.

Захаръ Игнатьичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, онъ никогда не видѣлъ его въ такомъ тревожномъ состояніи.

Степанъ Ильичъ протянулъ ему руку.

— Я васъ всегда считалъ за своего лучшаго друга и хочу, чтобы вы имъ остались,—только ее я ни на кого не про-

мѣняю. Мнѣ хорошо теперь; дай Богъ, чтобы всегда такъ было.

Захаръ Игнатьичъ пожалъ плечами и крѣпко потрясъ его руку.

— Твори Господь волю свою... Аминь! заключилъ онъ со вздохомъ, поднялъ упавшую на полъ трубку и снова закурилъ ее. Лицо его было совершенно красно, крупныя капли пота выступили на лбу его.

— Я васъ, Захаръ Игнатьичъ, хочу познакомить съ своей невѣстой, заговорилъ минуту спустя Ничкинъ:—она съ отцомъ сегодня вечеромъ будетъ у меня.. Видите, какъ все это просто, оригинально, какъ непохоже на вашихъ барышень.... Вы придете?

— Приду-съ, почему не придти? Познакомиться нужно, очень серьёзно отвѣтилъ Лыскинъ и затянулся изъ трубки.—Она хороша собой? совершенно неожиданно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не хороша, или пожалуй очень хороша,—вы увидите.

Захаръ Игнатьичъ кашлянулъ и опустилъ глаза.

— Блондинка-съ? снова спросилъ онъ.

— Совершенная! отвѣтилъ Ничкинъ.

Захаръ Игнатьичъ снова кашлянулъ.

Онъ просидѣлъ еще съ четверть часа, но уже ничего не распрашивалъ о невѣстѣ, даже завелъ совершенно посторонній разговоръ—о выгодѣ служить по откупамъ. Выкурилъ еще одну трубку, особенно дружески пожалъ хозяину руку, точно въ чемъ нибудь извинялся передъ нимъ, сказалъ: до свиданія, вечеркомъ увидимся,—и удалился.

Только когда Капитонъ захлопнулъ за нимъ двери, Захаръ Игнатьичъ остановился на лѣстницѣ и развелъ руками.

— Чортъ знаетъ, чортъ знаетъ, чортъ знаетъ! проговорилъ онъ самъ съ собою.

Всю дорогу онъ шелъ, опустивъ голову; на лицѣ его мелькала то горькая, ядовитая улыбка, то оно принимало серьёзный, озабоченный, почти грустный видъ. Взглянувъ на него, можно было подумать, что съ нимъ бѣда случилась, что онъ потерялъ что-нибудь очень значительное.

Вечеромъ того же дня, квартира Степана Ильича или по-

крайней мѣрѣ кабинетъ его принялъ самый благообразный видъ. Изъ грязной, запыленной комнаты безпорядочнаго холостяка онъ сдѣлался чистенькой гостиной. Всѣ лишнія вещи, какъ напримѣръ: статуэтка голой женщины, астрономическій инструментъ, помадныя банки, флаконы и прочія туалетныя и нетуалетныя принадлежности были изъ него выбраны; книги не валялись въ безпорядкѣ, а были тщательно разставлены въ шкапу и по этажеркамъ; полъ лоснился; пыль на мебели обтерта; цвѣты на окнахъ обновились и выросли; на столѣ передъ диваномъ горѣла лампа съ большимъ матовымъ шаромъ. Даже прежній, вѣчно табачный запахъ въ комнатѣ превратился въ нѣжный, ароматическій.

Самъ Степанъ Ильичъ принарядился, волосы на головѣ его какъ-то сдѣлались гуще; на немъ было простенькое, но очень изящное домашнее платье; воротнички рубашки хорошо отдѣлялись отъ небольшого сѣраго галстуха. Онъ много хлопоталъ цѣлый день, порядочно усталъ и сидѣлъ, развалясь на креслѣ; но не дремалъ, какъ обыкновенно, а напротивъ озабоченно на все посматривалъ.

Мимо его, мѣрными шагами, опустивъ голову и заложивъ руки въ карманы, ходилъ Захаръ Игнатьичъ. Онъ былъ въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ три дня назадъ подымался на лѣстницу Ничкина, съ намѣреніемъ увезти его къ Ольгѣ Васильевнѣ.

Даже Капитонъ принялъ совершенно необычайный, праздничный видъ: никогда отъ роду не случалось ему быть въ такомъ нарядѣ. Сѣдая, вѣчно небритая борода его была уничтожена, и только однимъ темносиневатымъ пятномъ на щекахъ и подбородкѣ напоминала о своемъ прежнемъ существованіи. Волосы на головѣ блестѣли, сдѣлались чернѣе обыкновеннаго и казались покрытыми лакомъ. Фракъ, съ очень короткой спинкой и длинными узкими фалдами, былъ застегнутъ на всѣ пуговицы; изъ-подъ него высовывался бѣлый, широкій галстухъ.

— А вѣдь какъ здѣсь мило стало, вотъ всегда бы такъ жить! замѣтилъ Степанъ Ильичъ, самодовольно оглядываясь вокругъ.

— Да-съ!... дрянь повынули, пообчистили, ходить ловчѣе; а то шагнуть было трудно, флегматически отвѣтилъ Захаръ

Игнатычъ.—У васъ Капитошка послѣ свадьбы останется? вдругъ спросилъ онъ.

— Куда же его?... А что?

— Такъ... Хламъ тоже. Безъ него, я полагаю, чище бы было! заключилъ Лыскинъ.

Скоро пріѣхали гости.

Ничкинъ бросился въ переднюю встрѣчать ихъ.

Захаръ Игнатычъ остановился было у щели и взглянулъ въ нее; но тотчасъ же подошелъ къ зеркалу, оправилъ галстухъ, вытащилъ изъ подъ него воротнички и обдернулъ жилетъ.

— Позвольте васъ познакомить,—мой искренній другъ, пріятель; онъ выростилъ меня, говорилъ Степанъ Ильичъ, подводя Машу и ея отца къ Лыскину.

Послѣдній не совсѣмъ ловко поклонился и ступилъ шагъ назадъ, но Маша безъ церемоніи, какъ старому знакомому, протянула ему руку.

Онъ дотронулся до нея.

— Григорій Данилычъ, говорилъ Ничкинъ, указывая на Голубинина и усаживая на диванъ гостью.

Григорій Данилычъ и Лыскинъ поздоровались и оба другъ передъ другомъ что-то пробормотали.

Всѣ усѣлись.

Хозяинъ помѣстился на креслѣ возлѣ Маши; Захаръ Игнатычъ и Голубининъ рядомъ, напротивъ ихъ. Разговоръ сначала не клеился.

— Погода такая-съ... дождичекъ... тепленькій впрочемъ, заговорилъ Григорій Данилычъ.

— Да-съ, осень наступаетъ... лѣто нынче сухое было... грибовъ мало, замѣтилъ Лыскинъ.

— Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, на сѣнной, березовиковъ много было; вотъ только цѣны не могу сказать, не случалось, произнесъ Голубининъ.

Маша съ дѣтскимъ любопытствомъ оглядывала всю комнату.

Захару Игнатычу только мелькомъ раза два удалось взглянуть на нее.

Она была очень хороша въ этотъ вечеръ. Золотистые ея волосы, прежде падавшіе на лобъ, а теперь приподнятые къ

верху, какъ-то лучше, рельефнѣе выставляли все ея личико, и при вечернемъ освѣщеніи казались еще свѣтлѣе; маленькія розовыя уши хорошо гармонировали съ ихъ льнянымъ цвѣтомъ. И одѣта Маша была наряднѣе прежняго, на ней было голубое канаусовое, сь бѣлыми клѣтками платье; шея открыта, черная бархатная ленточка была на ней.

— Лицо, дѣйствительно, славное. Она хорошенькая, оченьхорошенькая! подумалъ Захаръ Игнатьичъ, внимательно всматриваясь въ лицо дѣвушки, и вдругъ, встрѣтясь съ ея глазами, какъ будто испугался чего-то и обратился къ своему сосѣду.

— Вы гдѣ служить изволите? спросилъ онъ.

Григорій Данилычъ проворно повернулся на стулѣ, точно кто-нибудь ущипнулъ его.

— Я-съ, я служу.... моя служба ничтожная..... самая ничтожная... моя служба, по привычкѣ больше... говорилъ онъ, конфузясь и моргая глазами.—Такъ думалъ, этакъ думалъ, въ свое время тоже въ головѣ было... Вчера въ газетахъ статейку прочелъ... Изволили читать-съ?... Тамъ сказано, будто бы въ Англіи одинъ человѣкъ машину выдумалъ...

— Нѣтъ не читалъ, отвѣтилъ Захаръ Игнатьичъ, удивленный неожиданнымъ оборотомъ рѣчи своего сосѣда.

— Удивительная машина-съ... какъ человѣкъ, писать можетъ-съ... продолжалъ Григорій Данилычъ. Я вотъ сегодня и говорю, кабы по нашимъ министерствамъ такія бы машинки пріобрѣсти, большую бы пользу извлечь можно въ экономическомъ отношеніи, то есть.

— Да-съ, въ Англіи очень много изобрѣтеній выдумываютъ; потому, народъ комерческій, фабричный, отвѣтилъ Захаръ Игнатьичъ, совершенно недоумѣвая, что за чушь городитъ сосѣдъ его.

— Страна такая-съ!... Вотъ, говорятъ, Наполеонъ имъ много воспрепятствовать можетъ; незнаю-съ, какъ понимать это? Онъ остановился и вопросительно взглянулъ на Лыскина.

Послѣдній кашлянулъ.

— Наполеонъ—сила! неопредѣленно отвѣтилъ онъ и даже рѣшился соврать, чтобъ только перемѣнить неожиданно завязавшійся разговоръ. Въ политикѣ Лыскинъ, что называется, ни бельмеса не смыслилъ и даже отчасти боялся ея.

— Жалованье, говорятъ, чиновникамъ прибавляютъ; новые штаты будутъ! Какимъ-то страннымъ голосомъ произнесъ онъ.

Голубининъ покачалъ головой и какъ-то странно усмѣхнулся.

— Господи!.. Какъ хорошо у васъ! Говорила между тѣмъ въ полголоса Маша, оглядывая каждый предметъ и не зная, на чемъ остановиться.... Какъ это дорого все, а у насъ комнату наняли! добавила она почти шопотомъ съ нѣкоторымъ упрекомъ и стыдливо опустила глаза.

Степанъ Ильичъ улыбнулся.

— У насъ лучше будетъ! выразительно отвѣтилъ онъ.

— Она подняла глаза и посмотрѣла па него.

— Маша! Какъ ты хорошо смотришь, какъ ты хороша теперь! прошепталъ онъ.

Она сильно покраснѣла.

Капитонъ подалъ чай.

Григорій Данилычъ взялъ стаканъ и не зналъ, куда дѣться съ нимъ; руки его тряслись. Захаръ Игнатьичъ предложилъ ему подвинуться ближе къ столу и самъ сѣлъ возлѣ Маши.

— Я васъ не обезпокою, вы позволите? спросилъ онъ, съ наслажденіемъ всматриваясь въ ея раскраснѣвшееся личико.

— Нѣтъ, тутъ всѣмъ мѣсто будетъ; хотите на диванъ сѣсть,—я подвинусь.

— Нѣтъ-съ, благодарю, мнѣ и здѣсь хорошо.

— Вы женаты? наивно спросила Маша.

— Нѣтъ не женатъ, холостой. Богъ не привелъ жениться, а теперь поздно—куда!

Она весело съ нѣкоторымъ участіемъ посмотрѣла на него.

— А мы съ Машей сегодня у обѣдни были; части она за ваше здоровье вынимала; молебенъ отслужила, вполголоса проговорилъ Григорій Данилычъ, нагибаясь къ уху Ничкина.

— Да, благодарю васъ! отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Вы какую церковь посѣщать изволите? Вмѣшался Захаръ Игнатьичъ, обрадованный случаю, что нашелъ тему для разговора.

— Мы у Покрова больше, всегда тамъ бываемъ,—отвѣтила Маша.

— Хорошо поютъ тамъ?

— Какъ доложить вамъ,—хорошаго ничего нѣтъ; только-

что пѣвчими называются, вмѣшался Григорій Данилычъ. Я вотъ въ Москвѣ пѣвчихъ слышалъ... Изволили въ Москвѣ быть?.... Такъ это по истиннѣ-съ въ умиленіе, бывало, придешь; на небесахъ себя узришь, вознесешься; басъ тамъ былъ одинъ, такъ вѣрите-ли-съ, ему купцы по рублю серебра за октаву платити; какъ, изволите видѣть, разгуляются, выпьютъ, такъ призовутъ этаго самаго баса, Архипычемъ его звали,—и онъ имъ октавы пускаетъ.... Чѣмъ вѣдь человѣкъ только денегъ не достаетъ? И умъ и всю свою природу, все на деньги мѣняетъ-съ! со вздохомъ заключилъ онъ.

Степанъ Ильичъ какъ-то истерически засмѣялся.

— Все бѣдность... бѣдность, первый врагъ человѣческій! замѣтилъ Григорій Данилычъ.

Маша сидѣла, опустивъ голову, и перебирала складки на платьѣ; лицо ее вдругъ приняло грустное выраженіе.

Весь вечеръ прошелъ чрезвычайно вяло. Разговоръ не клеился; ничего общаго затрогивающаго въ немъ не завязывалось; заговаривали то объ одномъ, то о другомъ предметѣ и тотчасъ же прекращали.

Григорій Данилычъ придрался къ какому-то слову и пустился толковать о богословіи; но увидя, что его никто не слушаетъ, умолкъ. Съ Захаромъ Игнатьичемъ случилось тоже самое. Степанъ Ильичъ что-то нашептывалъ Машѣ. Она улыбалась ему. Видно было, что эти люди не успѣли еще сойтись; одна сторона боялась, дичилась чего-то, чувствовала себя не на мѣстѣ; другая только снисходительно, отчасти жалостливо на нее посматривала и, казалось, не знала, чѣмъ пособить ей!

Даже когда Капитонъ явился съ бокалами шампанскаго и Степанъ Ильичь предложилъ тостъ за здоровье гостей, а Захаръ Игнатьичъ громко произнесъ здоровье жениха и невѣсты и крикнулъ ура!—даже и тогда мало оживилось общество; минутная веселость его отзывалась чѣмъ-то насильственнымъ, вызваннымъ. Ничкинъ хотѣлъ что-то сказать и ничего не сказалъ; Григорій Данилычъ не зналъ, какъ и кого благодарить, плакать или смѣяться, и только моргалъ глазами, вертѣлся, качался, жалъ руки, да какъ-то жалобно на всѣхъ посматривалъ. Маша зардѣлась и опустила глаза. Захаръ Игнатьичъ сконфу-

зился; онъ прошепталъ и отцу и дочери что-то въ родѣ: желаю здравствовать!—и выпилъ бокалъ.

— На что же это похоже? Помилуйте, что это вышло такое, срамъ, поношеніе! говорилъ онъ въ совершенномъ негодованіи, когда гости уѣхали.—Какъ, что?... Ничего не вышло; кажется, все, какъ слѣдуетъ, было, десертъ, фрукты подавали,—отвѣтилъ Степанъ Ильичъ.

— Да вѣдь мы чуть не разревѣлись только,—завыть всѣмъ оставалось, вѣчную память запѣть,—помилуйте... Вы возлѣ невѣсты сидите, да развѣ такъ съ невѣстой сидѣть нужно? Такъ, вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Онъ махнулъ рукой, громко опустился въ кресло и нѣсколько разъ сильно затянулся изъ трубки; на лицѣ его выражалась досада.

Степанъ Ильичъ взадъ и впередъ ходилъ мимо его.

— Полноте, Захаръ Игнатьичъ, лучше скажите, какъ вамъ Маша понравилась? вдругъ спросилъ онъ, внезапно остановившись передъ гостемъ.

Послѣдній поднялъ голову.

— Ничего-съ! Дѣвочка должна быть хорошая, кроткая, богобоязненная, и собой недурна! Хорошая дѣвушка!—Прекрасная! съ жаромъ подхватилъ Ничкинъ.

— Можетъ быть, и прекрасная! хладнокровно повторилъ гость.

— Какіе глаза у нея, прелесть что за глаза!

— Глаза хороши!

Степанъ Ильичъ посмотрѣлъ на Лыскина.

— Захаръ Игнатьичъ, вы что-то сказать хотите? снова спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, что жъ говорить; мы люди простые, темные, наше дѣло молчать да удивляться; намъ говорить нечего, неравно проболтаешься.

— А если я попрошу говорить?

— Попросите, отвѣтимъ, что прикажете.

— Я бы хотѣлъ знать ваше мнѣніе о Машѣ, вы ее видѣли, какъ она показалась вамъ?

— Ничего-съ, говорю вамъ, дѣвушка хорошая, какъ слѣдуетъ дѣвка.

— И только?

— Только-съ.

— А отецъ?

— И отецъ ничего... Да вѣдь вы не на отцѣ женитесь,—отвѣтилъ Захаръ Игнатьичъ и снова углубился въ трубку.

Степанъ Ильичъ посмотрѣлъ на него.

— Послушайте.... Скажите мнѣ прямо, откровенно, какъ другъ, какъ отецъ, я знать хочу, вы думаете что-то? довольно жалобно произнесъ онъ.

Захаръ Игнатьичъ сморщился.

— Да что откровенно-то,—откровенно вѣдь не понравится вамъ... Жаль мнѣ эту дѣвушку, очень жаль, вотъ что! рѣзко добавилъ онъ и поднялъ голову.

— Какъ жаль?

— Жаль!... Она будетъ самая несчастная женщина,—губите вы ее!

— Это почему?

— Да потому, что вы сочинили себѣ любовь,—отъ скуки, вотъ пройдетъ годъ, другой — и она надоѣстъ, опротивѣетъ вамъ,—чѣмъ все это кончится, не знаю; во всякомъ случаѣ нехорошо и для васъ и для нея!

Степанъ Ильичъ какъ-то жалобно посмотрѣлъ на него.

— Вы ошибаетесь, Захаръ Игнатьичъ.

Лыскинъ горько улыбнулся и покачалъ головой.

На другой же день, утромъ, Степанъ Ильичъ опять отправился къ Марьѣ Григорьовнѣ.

— Маша, Маша! Говорилъ онъ въ совершенномъ упоеніи, всматриваясь въ глаза дѣвушки и сжимая ея руки;—я хочу любить тебя,—слышишь, хочу, хочу переселиться въ тебя, забыть самого себя, жить для того только, чтобъ сдѣлать тебя довольной, счастливой,—пойми ты меня! Заставь полюбить тебя больше, сильнѣе, полюбить такъ, чтобъ страшно было. Я хочу, я требую этого!... Какая ты хорошая, Маша. Нѣтъ никого лучше тебя; мнѣ все скверно, все постыло, свѣтъ опротивѣлъ мнѣ,—только ты одна спасла, воскресила меня! Онъ говорилъ съ полнымъ увлеченіемъ, говорилъ то, что чувствовалъ; сердце его сильно билось, глаза блестѣли.

Маша тяжело дышала, все лицо ея горѣло, голова кружилась, она сама себя не помнила.

— Сама судьба мнѣ послала тебя, продолжалъ Степанъ Ильичъ,—припавъ головой къ плечу дѣвушки; ты будешь моимъ сокровищемъ, моимъ ангеломъ хранителемъ; ты мнѣ жизнь спасешь; а люди смѣются, люди говорятъ, что ты не пара мнѣ... Какіе жалкіе, глупые люди... Маша, Маша, не вѣрь имъ! добавилъ онъ въ совершенеомъ восторгѣ.

Маша вдругъ вздрогнула.— Ничкину показалось, что даже лицо ея похолодѣло.

Цѣлый день Степанъ Ильичъ просидѣлъ у Голубинныхъ и возвратился домой въ совершенномъ восторгѣ.

— Боже мой, что за женщина! Думалъ онъ самъ съ собою;— сколько правды, какое чистосердечіе... Вотъ любовь чистая, святая... Что я сдѣлалъ для нея?.. Ласковый взглядъ, доброе слово, участіе и только.... только!... Какъ мало этого, какъ ничтожно все это. Чѣмъ отплатить ей, чѣмъ?...Гдѣ силъ взять?!. Больше воли, энергіи, силы больше, какъ можно больше... Онъ покачалъ головой и схватилъ себя за грудь, какъ будто въ ней не доставало чего-то, какъ будто что-то выдавить изъ нея хотѣлъ.

— Ты, дуракъ, меня и не поздравилъ вчера,—говорилъ онъ минуту спустя Капитону;—я женюсь,—слышишь, женюсь; радуйся, пьянъ напейся!

— Пошли Господь милости,—отъ чего и не жениться, коли охота пришла! отвѣтилъ Капитонъ и скорчилъ такую гримасу, какъ будто чихнуть собирался.—На другой день съ ранняго утра онъ дѣйствительно нализался мертвецки.

Ровно черезъ недѣлю Степанъ Ильичъ обвѣнчался съ Машей.

Свадьба происходила совершенно за-просто, только самыя необходимыя, форменныя лица присутствовали на ней.

Маша стояла передъ налоемъ совершенно блѣдная и горячо молилась; тихія, слезы текли по щекамъ ея; въ нихъ выражалась и благодарность, и любовь, и будущее счастіе. Свѣча дрожала въ рукѣ ея.

Степанъ Ильичъ стоялъ, опустивъ голову: глаза его были по прежнему безжизненны; онъ казался скучнымъ. — Богъ знаетъ, какія мысли бродили въ головѣ его. Счастливѣе всѣхъ выглядѣлъ Григорій Данилычъ; онъ былъ въ новомъ черномъ

фракѣ и очень высокомъ бѣломъ галстухѣ; лицо его выражало что-то торжественное; онъ какъ будто выросъ, помолодѣлъ, обновился и заложивъ большой палецъ правой руки за бортъ атласнаго жилета, внимательно и гордо слушалъ слова совершавшаго обрядъ священника. «А жена да боится своего мужа», въ полголоса, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, въ слѣдъ за дьякономъ, повторилъ онъ.

Захаръ Игнатьичъ прижался въ темный уголокъ и пристально глядѣлъ на невѣсту.

Капитонъ въ довольно безобразной гороховой ливреѣ стоялъ сзади; лѣвой рукой держалъ господскіе шинели, а правой широко крестился.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ШЕСТЬ НЕДѢЛЬ ВЪ ОТДѢЛЕНІИ УМАЛИШЕННЫХЪ

***ской больницы.

ОЧЕРКЪ II.

(Посвящается А. П. Тиммерману).

VI.

И вотъ прошелъ еще день, и еще, и еще; прошла недѣля, прошла другая, прошла третья, — а я, будучи здоровѣе, чѣмъ когда либо, все еще находился въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы. Въ первое время, это обстоятельство заставляло меня выходить изъ себя, и я каждое утро назойливо приставалъ къ нашему лысому ординатору, стараясь всячески убѣдить его, что я совершенно здоровъ, но что, безъ шутокъ, могу заболѣть, если меня не выпустятъ изъ больницы. «Успокойтесь, отдохните, не волнуйтесь,» двусмысленно отвѣчалъ на мои просьбы ординаторъ, и ужъ только главный докторъ—когда я рѣшился наконецъ объясниться съ симъ мужемъ—объявилъ мнѣ категорически и прямо, что они меня вовсе и не считаютъ больнымъ, но что никто не имѣетъ права выпустить меня изъ отдѣленія умалишенныхъ ранѣе шести недѣль. «Да что жъ это за обычай совсѣмъ здороваго человѣка держать съ сумасшедшими?» спросилъ я.—«Законъ!» лаконически отвѣчалъ главный докторъ, по-

жимая плечами, точно онъ самъ искренно соболѣзновалъ, что есть на свѣтѣ такой странный законъ. — «Да вѣдь со мной была бѣлая горячка, — почему жъ меня помѣстили не въ бѣлогорячечное отдѣленіе, а въ отдѣленіе умалишенныхъ?» спросилъ я опять. Главный докторъ пробормоталъ что-то о діагностикѣ, повторилъ еще разъ: «законъ», пожалъ еще разъ плечами — и унесся, оставивъ меня въ совершенномъ недоумѣніи относительно вопроса, ради чего человѣка въ бѣлой горячкѣ помѣщаютъ въ отдѣленіе умалишенныхъ, тогда какъ стѣна объ стѣну съ этимъ отдѣленіемъ существуетъ особое, спеціальное отдѣленіе для бѣлогорячечныхъ, изъ котораго больныхъ, по выздоровленіи ихъ, выпускаетъ самъ главный докторъ, собственною своею властію, безъ всякихъ шестинедѣльныхъ и иныхъ сроковъ? Вопросъ этотъ остался для меня неразъясненнымъ «даже и до сего дня».

А что ученое начальство ***ской больницы, дѣйствительно, не считало меня больнымъ — это явствовало уже изъ самого обращенія его со мной. Мнѣ только въ первые дни пребыванія моего въ отдѣленіи давали утромъ и вечеромъ по кружечкѣ какого-то лекарства, напоминавшаго нѣсколько водку, настоенную на трефоли; а потомъ не водили даже и въ ванну, и лысый ординаторъ, спрашивая меня ежедневно о моемъ здоровьѣ, дѣлалъ эти вопросы единственно потому, что нельзя же вѣдь не спросить о чемъ нибудь человѣка, войдя къ нему въ комнату? Словомъ, я былъ въ больницѣ явленіемъ исключительнымъ, безсильною жертвою мудрой діагностики, принимая это ученое слово въ смыслѣ непониманія и незнанія дѣла...

Относительно леченія въ отдѣленіи умалишенныхъ въ ***ской больницѣ я, конечно, не могу быть судьею компетентнымъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ и казалось, и кажется до сихъ поръ, что леченіе это во многихъ отношеніяхъ не совсѣмъ удовлетворительно. Взглядъ мой, въ этомъ случаѣ, я основываю на тѣхъ мнѣніяхъ, которыя мнѣ удавалось встрѣчать въ очень дѣльныхъ книгахъ и выслушивать отъ очень дѣльныхъ и не хуже нашего лысаго ординатора знакомыхъ съ психіатріею людей. Наука эта, какъ и вся медицина вообще, находится конечно еще въ дѣтскомъ состояніи, но она все-таки выработала уже нѣсколько данныхъ, нѣсколько правилъ, нѣсколько руководящихъ началъ, которыя единогласно всѣми врачами-психіатрами и приняты во всѣхъ мало-мальски порядочныхъ общественныхъ и частныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для пользованія людей, страдающихъ душевными болѣзнями.

Въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы всѣ эти данныя, правила и руководящія начала, повидимому, не признавались ими, по крайней мѣрѣ, не прилагались къ дѣлу. Больныхъ даже гулять водили очень рѣдко *), хотя при больницѣ имѣлся свой садъ, о другихъ же средствахъ, о занятіи и развлеченіи больныхъ легкими работами, чтеніемъ, разговорами и т. п. — не было у насъ и помину. Ходилъ, правда, или лучше сказать, долженъ былъ ходить въ отдѣленіе два раза въ недѣлю переплетчикъ, чтобы учить желающихъ клеенію разныхъ коробочекъ, футляровъ, картонажей; но переплетчикъ при мнѣ былъ всего, кажется, два раза (если еще не одинъ разъ), хотя желающихъ учиться его мастерству было достаточно. Стояло у насъ въ рекреаціонной залѣ, какъ я упомянулъ въ первой статьѣ, дрянненькое фортепіано; но ключъ отъ него хранился у надзирателей, и драгоцѣнный инструментъ открывался почему-то чрезвычайно рѣдко, хотя на незатѣйливые звуки разныхъ полекъ, вальсовъ и маршей стекались, бывало, со всѣхъ сторонъ умалишенные и слушали игру не безъ удовольствія. Была наконецъ въ отдѣленіи и библіотека, хранившаяся въ одномъ изъ находящихся здѣсь шкафовъ съ надписью «рукодѣлья»; но библіотека эта состояла изъ изодранныхъ, ощипанныхъ, разбитыхъ, перемѣшанныхъ между собою обрывковъ кое-какихъ книжонокъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, годныхъ развѣ лишь для воспитанниковъ приходскаго училища, только-что еще начинающихъ смекать, что буки-азъ — ба, вѣди-азъ — ва, глаголь-азъ — га. Драгоцѣннѣйшимъ перломъ въ библіотекѣ отдѣленія умалишенныхъ ***ской больницы могла назваться исторія Петра Великаго, соч. Ламбина, да и эта прелестная книга начиналась, кажется, съ 27 страницы, а заканчивалась 213.

А между тѣмъ почти всѣ наши больные очень любили чтеніе, и политическія, напримѣръ, извѣстія интересовали нѣкоторыхъ изъ нихъ чрезвычайно. Я и сблизился со многими изъ моихъ несчастныхъ товарищей, и стяжалъ даже между ними замѣтное уваженіе главнымъ образомъ черезъ книги и газеты. Узнавъ, что у меня водится и то, и другое, умалишенные одинъ за другимъ стали обращаться ко мнѣ съ просьбами — дать имъ чего нибудь почитать, и

---

*) Во все время шестинедѣльнаго пребыванія моего въ ***ской больницѣ, больныхъ водили гулять не болѣе четырехъ разъ, не смотря на то, что погода стояла большею частію очень благопріятная.

такъ какъ я никому въ этомъ не отказывалъ, то число желающихъ «почитать» возрастало съ каждымъ днемъ. Помню я, какъ однажды вошелъ въ мою комнату, за послѣднимъ номеромъ какой то газеты, господинъ съ писарской наружностью, которому постоянно слышались разные, ругавшіе и непотребно обзывавшіе его, голоса. Получивъ газету, онъ случайно взглянулъ на мой столъ, на которомъ лежала книжка «Современника». — «Ахъ! сказалъ бѣднякъ какимъ-то необыкновенно умильнымъ и робко заискивающимъ голосомъ: — давно ужъ я не читалъ никакого литературнаго журнала. А очень пріятно было бы почитать!» — «Что жъ возьмите, если хотите, эту книжку,» отвѣчалъ я, показывая на «Современникъ». — «Въ самомъ дѣлѣ-съ?» недовѣрчиво спросилъ онъ. — «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я: — я теперь читать ее не буду.» Нужно было видѣть радость, изобразившуюся послѣ этихъ словъ на жалкомъ, безцвѣтномъ, полинявшемъ лицѣ бѣднаго усача! Онъ схватилъ «Современникъ», спряталъ его подъ пальто и бѣгомъ пустился по корридору въ свою комнату, словно опасаясь, чтобъ я не нагналъ его и не отнялъ драгоцѣнной книги. И цѣлыхъ два дня послѣ того онъ читалъ «Современникъ», почти что не вставая съ мѣста, а потомъ часто, очень часто заходилъ ко мнѣ узнавать — не имѣется ли у меня еще какого нибудь литературнаго журнала?

Но самый алчный въ дѣлѣ чтенія оказался прапорщикъ Бейеръ. Этотъ впрочемъ интересовался однѣми газетами, а въ газетахъ преимущественно — польскими дѣлами. «Я читаю одни извѣстія изъ польши и иностранныя извѣстія; а извѣстій изъ Россіи я не читаю, — слѣдовательно газеты вашей я не задержу», повторялъ онъ мнѣ каждый день разъ по пятнадцати, и столько же разъ являлся ко мнѣ съ вопросомъ — не получилъ ли я последняго номера газеты, а если еще не получилъ, то когда надѣюсь получить? Эта неугомонная назойливость сильно бѣсила часовыхъ, въ особенности же угрюмаго Шапкина, и они кончили тѣмъ, что перестали пускать Бейера въ мою комнату, отчего однакоже мнѣ стало не легче. Любознательный прапорщикъ, невзирая на часовыхъ, порывался ко мнѣ безпрестанно, а сверхъ того безотвязно преслѣдовалъ меня вопросами о газетахъ — вездѣ, гдѣ мы только съ нимъ ни встрѣчались. Это наконецъ надоѣло и мнѣ, и я долженъ былъ объявить г. Бейеру разъ на всегда, что ему не зачѣмъ безпокоиться безпрестаннымъ и напраснымъ хожденіемъ въ мою комнату, потому

что я буду присылать или приносить ему газеты самъ, тотчасъ по ихъ полученіи. Но и это не удовлетворило неугомоннаго жидка, и въ корридорѣ то и дѣло слышалась его громкая перебранка съ часовыми, стойко и несокрушимо оберегавшими мое спокойствіе, хотя я объ этомъ никогда ихъ и не просилъ.

Словомъ, повторяю, чтеніе любили почти всѣ больные, а больничное начальство не обращало на это ни малѣйшаго вниманія, устремляя его чуть ли не исключительно на наружное благоустройство отдѣленія, т. е. на то, что могло кому слѣдуетъ доставить, *за примѣрный порядокъ*, болѣе или менѣе вещественную благодарность. Должно впрочемъ замѣтить, что и средства отдѣленія были крайне ограниченны,—такъ ограниченны, что, напримѣръ (разсказывали мнѣ), если бы не существовало въ отдѣленіи *чайныхъ* пансіонеровъ, о которыхъ я говорилъ выше, то больные не имѣли бы и чая. Принимая во вниманіе эту жалкую скудость средствъ, столъ нашъ, говоря по справедливости, нельзя было назвать дурнымъ. Обѣдъ состоялъ всегда изъ трехъ блюдъ, ужинъ изъ двухъ, и хотя блюда эти были большею, частію все одни и тѣ же, но давалось ихъ, по крайней мѣрѣ, въ достаточномъ количествѣ, что, какъ извѣстно, не въ обыкновеніи въ богоугодныхъ, благотворительныхъ, учебныхъ и даже ученыхъ заведеніяхъ. Приходилъ иногда свидѣтельствовать кушанья и самъ смотритель, и разъ даже сдѣлалъ буфетчику строгое замѣчаніе, кажется, за то, что кушанье принесено изъ кухни за пять минутъ до звонка, а не за четыре съ половиною. По воскреснымъ днямъ больнымъ давались — скоромникамъ къ говядинѣ, постникамъ къ рыбѣ — огурцы, которые, по неимѣнію ножей, одни кушали руками, другіе тѣми же ложками, такъ-какъ огурцы были неимовѣрно мягкіе. Третьимъ блюдомъ въ эти дни у скоромниковъ бывалъ всегда какой-то картофельный тортъ, а у постниковъ — пироги съ какимъ-то вареньемъ. До пироговъ больные были великіе охотники, и лакомства этого просили себѣ и тѣ, которымъ предстояло наслаждаться тортомъ.

Костюмировка умалишенныхъ была тоже довольно приличная. Одни носили рыжіе верблюжьяго сукна халаты; другіе — длинныя черныя, хотя и безобразно сшитыя, но опрятныя пальто, черные же брюки, жилеты и бѣлые или черные галстухи. Обувь составляли кожаныя туфли; бѣлье мѣнялось всегда разъ въ недѣлю.

Что касается до обращенія съ больными, то доктора относились къ

своимъ безумнымъ паціентамъ довольно индиферентно, видимо лишь исполняя служебную обязанность, неприносящую особенныхъ выгодъ; надзиратели же обращались съ умалишенными совершенно такъ, какъ обращаются надзиратели и гувернёры съ малолѣтними воспитанниками въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Каждое нарушеніе установленныхъ правилъ, каждое неповиновеніе, каждое безчинство влекли за собой немедленное возмездіе и наказывались темной комнатой, смирительной кофтой, браслетами, руковицами, на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Темная комната находилась рядомъ съ пріемной. Стѣны и полъ въ ней были мягкія, обитыя клеенкой; окно снабжено было ставнями, которые, запираясь, производили, дѣйствительно, тьму кромѣшную. Смирительная кофта, браслеты, руковицы, какъ уже показываетъ самое названіе двухъ послѣднихъ вещей, были разные туалетные аксессуары, имѣвшіе назначеніемъ парализировать совершенно всякое движеніе рукъ. Кофтой называлась куртка безъ рукавовъ, плотно стягивавшаяся въ таліи. Бласлеты были не что иное, какъ особаго устройства ремни, которыми закручивали за спину руки паціента, когда надъ нимъ надобно было произвести какую нибудь операцію, а онъ ей не поддавался. Рукавицы были кожаные рукава, которые то же посредствомъ ремней заставляли безпокойнаго больнаго держать, такъ сказать, руки по швамъ въ совершенно неподвижномъ положеніи. Наказаннаго *темной* и руковицами еще клали при этомъ на полъ и крѣпко привязывали къ стѣнѣ — иногда на цѣлый день, или на цѣлую ночь. Мнѣ говорили, что если продержать въ такомъ положеніи человѣка около сутокъ, то руки его до того затекутъ и окоченѣютъ, что ихъ придется распаривать въ теплой водѣ. Судя по этому, я несокрушимо убѣжденъ, что подобная исправительная мѣра предназначалась первоначально вовсе не для больныхъ, и что честь ея изобрѣтенія принадлежатъ, по всей вѣроятности, отцамъ — инквизиторамъ, симъ несравненнымъ дѣятелямъ по части истязанія грѣховной плоти.

Къ чести бывшихъ въ мое время надзирателей, я долженъ замѣтить, что подобныя мѣры употреблялись у насъ рѣдко, — можетъ быть потому, что не было къ тому частыхъ поводовъ. Собственно говоря, при мнѣ былъ только одинъ особенно выдающійся случай: сумасшедшій изъ финновъ, обыкновенно очень смирный, скромный и задумчивый, вздумалъ разъ передъ самымъ ужиномъ попытаться улизнуть изъ отдѣленія. Служитель загородилъ ему дорогу. Финнъ

хватилъ служителя по мордѣ и повторилъ этотъ маневръ раза три или четыре. Тогда его немедленно схватили, отвели въ темную, облекли въ рукавицы, привязали къ стѣнѣ, — и онъ пробылъ въ такомъ положеніи до утра, т. е. отъ шести часовъ пополудни до шести пополуночи. Можетъ быть, до меня или послѣ меня бывали случаи и поэффектнѣе, но я говорю только о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Въ началѣ этого періода я употребилъ выраженіе: «къ чести бывшихъ при мнѣ надзирателей», и употребилъ его вотъ н какомъ основаніи: ординаторъ бывалъ у насъ только по утрамъ; послѣ него, и то не каждый день, главный докторъ облеталъ отдѣленія, «какъ вѣтеръ пустыни», — стало быть, во все остальное время, дежурный надзиратель былъ полнымъ хозяиномъ несчастныхъ больныхъ и могъ распоряжаться ими, какъ угодно. Не за одно явное неповиновеніе, не за одно буйство, не за одно отступленіе отъ больничныхъ правилъ могъ онъ поступить съ любымъ больнымъ, какъ власть имѣющій: онъ могъ сотворить надъ кѣмъ угодно какое угодно психіатрическое истязаніе просто на просто изъ личнаго нерасположенія къ больному, по причинѣ дурного настроенія духа, по несправедливой и неразобранной жалобѣ угрюмаго, раздраженнаго или злораднаго служителя. Это, говорятъ, и бывало; но повторяю, я не былъ свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ штукъ. Запиранія въ темную или просто въ обыкновенную комнату, въ кофтѣ или безъ кофты, случалось, правда, мнѣ видѣть не одинъ разъ; но это всегда вызывалось существенной необходимостью, дѣлалось не на долгое время, и больные сами принимали подобныя наказанія съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и большею частію безропотно.

Что касается до служителей, то и ихъ обращеніе съ больными не заслуживало почти никакого нарѣканія. Оно было лишь, какъ я говорилъ въ первомъ очеркѣ, дружески-фамильярно; но ни толчковъ, ни пинковъ, ни грубостей, ни ругательствъ, — ничего этого я не видѣлъ и не слышалъ. Да и служителя, какъ на подборъ, были люди вовсе не жестокихъ нравовъ, а все больше съ сибаритскими наклонностями къ осьмушечкѣ и косушечкѣ. Даже крайне угрюмый и суровый съ виду Шапкинъ только подшучивалъ отъ скуки надъ нѣкоторыми сумашедшими, охотно съ нимъ бесѣдовавшими. Колобовъ же любилъ имъ иногда поперечить, но въ концѣ концовъ почти всегда исполнялъ ихъ желанія. Просилъ у него, напримѣръ, кто

нибудь квасу, — онъ изъ десяти девятерымъ отвѣчалъ, что квасу нѣтъ, но потомъ квасъ все-таки являлся. По поводу кваса, онъ разъ даже довольно остроумно отвѣтилъ одному изъ наиболѣе надоѣдавшихъ ему сумасшедшихъ. Сумасшедшій этотъ подошелъ къ Колобову какъ-то очень рано, еще до чая, съ вопросомъ:

— Нельзя ли квасу?

— Квасу теперь нѣтъ, да и кто пьетъ натощакъ,—было ему отвѣтомъ.

— Какъ натощакъ? спросилъ сумасшедшій.

— Да вѣдь вы ничего не ѣли? спросилъ въ свою очередь Колобовъ.

— Нѣтъ, ѣлъ.

— Чего же?

— Мнѣ духи приносили.

— Ну, такъ пусть и квасу духи принесутъ, — отвѣчалъ Колобовъ.

VII.

Дней черезъ шесть послѣ поступленія моего въ отдѣленіе умалишенныхъ, насъ въ первый разъ вывели гулять въ больничный садъ. Каждому изъ насъ даны были сапоги, теплыя галоши, сѣрыя ваточныя шинели и ваточные же черные картузы. Шинели были по большей части старыя, выцвѣтшія, и многимъ доходили только до колѣнъ; въ любую галошу, какъ въ люльку, можно бы было уложить годового ребенка; а картузовъ такихъ я еще не видѣлъ, да вѣроятно больше и не увижу. Помню, что у деревенскаго нашего садовника, девяностолѣтняго старца Агафона, было нѣчто въ родѣ такого же головнаго убора; но нѣтъ далеко не то! больничные картузы, должно полагать, такъ и заказывались съ тѣмъ, чтобы могли послужить образцами незримаго дотолѣ міромъ безобразія, — и безобразіе, точно, вышло непомѣрное! Выйдь кто ни на есть въ

такомъ картузѣ на улицу — каждый встрѣчный останавливался бы передъ нимъ, розиня ротъ; изумленіе было бы полное и всеобщее.

Изукрашенные такимъ дивнымъ манеромъ, мы торжественно двинулись подъ командою надзирателя и конвоемъ нѣсколькихъ служителей. Въ дверь пропускали насъ по одиночкѣ, при чемъ стоявшій тутъ швейцаръ громко считалъ: «разъ, два, три, четыре...» На дворѣ слегка морозило, но погода была прекрасная, тихая, солнечная, и въ этомъ ясномъ, чистомъ освѣщеніи желтыя, изможденныя, жалкія лица больныхъ казались еще болѣе желтыми, еще болѣе изможденными, еще болѣе жалкими. У входа въ садъ стояло нѣсколько мальчиковъ, фельдшерскихъ учениковъ, и когда мы прошли, одинъ изъ нихъ сказалъ вполголоса: «сумашедшихъ вывели». Слова эти произвели на меня странное впечатлѣніе. Въ числѣ сумашедшихъ мальчики, разумѣется, считали и меня — да и не могли не считать, и, безъ сожалѣнія, съ испугомъ разбѣжались бы, если бы мнѣ вздумалось къ нимъ подойти, съ намѣреніемъ убѣдить ихъ, что я совершенно здоровъ. («Сумашедшій-де: чего добраго и треснетъ»). Вотъ судьба-то!..

Ну, и пошелъ я гулять съ сумашедшими, какъ заправскій сумашедшій, въ такой же какъ они шинели, въ такихъ же чоботахъ, въ такомъ же картузѣ. Садъ больничный былъ довольно великъ, но гулять намъ дозволялось по одной главной, длинной, но не очень широкой аллеѣ. Другія дорожки не были расчищены, а на лужайкахъ, по сторонамъ, вездѣ еще лежалъ снѣгъ. Больные ходили большею частію молча, въ одиночку; нѣкоторые лишь, при встрѣчѣ, смѣялись какими нибудь короткими фразами, а человѣкъ шесть— какъ пришли, такъ и расселись по скамеечкамъ, да и не вставали до конца гулянья. Въ числѣ ихъ находился и мой молчаливый товарищъ по комнатѣ. Онъ, между прочимъ, выведенъ былъ на прогулку силою. Десять разъ говорилъ ему служитель и столько же разъ надзиратель: «Иванъ Петровичъ пожалуйте гулять», — и ни тотъ, ни другой не получали никакого отвѣта; Иванъ Петровичъ лежалъ себѣ, какъ бревно, неподвижно упершись глазами въ уголъ. Тогда надзиратель приказалъ служителю принести для Ивана Петровича сапоги и шинель и одѣть его. Иванъ Петровичъ, при этихъ словахъ, совершенно неожиданно слѣзъ съ кровати и растянулся возлѣ нея на полу. Но его все таки одѣли и вывели.

Такимъ образомъ, мирно и безмятежно, наслаждались мы приро-

дой минутъ сорокъ; потомъ прежнимъ порядкомъ возвратились домой, и въ дверяхъ снова, какъ арестанты, акуратно сосчитаны были швейцаромъ. Еще темнѣе, печальнѣе, непривѣтливѣе показалось мнѣ теперь наше темное, печальное, непривѣтливое отдѣленіе; еще грустнѣе прежняго стало на сердцѣ. Слова мальчика: «сумашедшихъ вывели» — не выходили у меня изъ головы, и я не разъ мысленно повторялъ, бродя по корридору: «вотъ судьба-то! вотъ судъба-то!..»

Черезъ нѣсколько дней намъ снова предложили пойдти погулять, но на этотъ разъ только ужъ двоимъ: мнѣ и кандидату въ гусары, который, какъ больной, больше всѣхъ другихъ подававшій надежду на скорое исцѣленіе, могъ быть отпущенъ и безъ надзирателя. По этой причинѣ насъ конвоировалъ только одинъ служитель. Кандидатъ въ гусары былъ уже со мной знакомъ, каждое утро очень любезно желалъ мнѣ «добраго утра» и титуловалъ меня почему-то капитаномъ. Онъ, дѣйствительно, казался совершенно здоровымъ и говорилъ обо всемъ, какъ человѣкъ хотя и недалекій, но по крайней мѣрѣ, не лишенный ума, и только съ двухъ пунктовъ еще невозможно было его сбить, а именно, съ непреклоннаго, по въ сущности небывалаго намѣренія поступить въ гусары, по возможности, полковникомъ, и съ увѣренности въ томъ, что онъ получилъ огромное наслѣдство. Такъ какъ обѣ эти иллюзіи были свойства пріятнаго и веселаго, то и самъ г. Дьячковъ былъ нрава очень веселаго и почти постоянно развлекался громогласнымъ пѣніемъ. Хвастовство и усладительная ложь развлекала его тоже не мало.

Войдя въ садъ, мы шли сначала молча, потомъ товарищъ мой, ни съ того, ни съ сего, сталъ разсказывать мнѣ, какъ онъ служилъ во флотѣ. завѣдывалъ каютъ-компаніей и научился отлично готовить кушанье; какъ они въ Америкѣ варили супъ изъ ягодъ *мамуры*, съ французской водкой,—и что это былъ за дивный супъ!..

— Ну, и ужасы какіе я испыталъ,—просто ужасъ! продолжалъ онъ:—разъ было даже зарѣзаться хотѣлъ, и ударилъ себя ножемъ, да увидѣлъ лоцманъ и привелъ къ командиру, капитану 1-го ранга Семенову. Я былъ тогда гардемариномъ. «Что это выдумали вы дѣлать? Какъ это можно? говоритъ капитанъ. — «Помилуйте, капитанъ, ѣсть нечего...» И въ самомъ дѣлѣ, вообразите, до чего дошло: мы бросили жребій—шапки; чья шапка упадетъ вверхъ дномъ,

тому быть зарѣзаннымъ. Ну, и точно, выпало одному мичману, и я самъ его ѣлъ, да еще съ гнилыми сухарями...

Онъ засмѣялся и потомъ снова заговорилъ:

— А то разъ въ Америкѣ... Отправились мы съ матросами на берегъ, и на насъ напали негры. Мы ихъ всѣхъ съѣли, только сначала съ женщинами... поамурничали, значитъ, съ ними... а потомъ и ихъ сожрали.

Мы нѣсколько времени помолчали.

— А славная, право, вещь—гусарская форма! снова началъ мой спутникъ:—я ужъ себѣ заказалъ.

Опять нѣсколько минутъ молчанія.

— Вы служили въ Балтійскомъ флотѣ? спросилъ я.

— И въ Балтійскомъ и въ Черноморскомъ, отвѣчалъ онъ: — въ Черноморскомъ гораздо лучше. Въ Балтійскомъ скалы да подводные камни — прахъ его возьми! А вотъ скоро опять придется туда отправиться—нечего дѣлать! мнѣ надо большія закупки заграницей дѣлать, товары покупать. Я, надо вамъ сказать, получилъ наслѣдство... то есть, не наслѣдство, а подарокъ, потому что дѣдъ мой, графъ Э... еще живъ...

— И великъ подарокъ?

— Тридцать пяти милліоновъ золотомъ, т. е. голландскими червонцами.

Молчаніе.

— А вотъ послѣ пасхи женюсь, заговорилъ онъ опять: — милости прошу на свадьбу, если можно — шаферомъ. Сватьба у меня будетъ запросто: это нынче не принято — пиры давать. Лучше послѣ вечеръ; на сватьбѣ мысль одна — скорѣй съ женой остаться... Я конечно, съ моей любезной знакомъ ужъ третій годъ... Чудо что за женщина, скажу вамъ — гречанка!.. У меня, впрочемъ и всѣ онѣ хороши... Анна Меркурьевна — тоже гречанка... Марья Петровна... эта — цыганка или француженка...

Снова нѣсколько времени молчанія.

— А вотъ, началъ опять мой спутникъ: — я могу вамъ, если хотите, хорошее мѣсто достать. Я вѣдь въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ А... черезъ дядю моего, оберъ-гофъ-фурьера М... Могу достать вамъ мѣсто и въ семьсотъ, и въ восемьсотъ, и въ тысячу рублей жалованья...

Я поблагодарилъ и объявилъ, что пора ужъ и домой, въ палату. Мы пошли.

Въ такихъ прогулкахъ и бесѣдахъ, въ чтеніи и занятіяхъ, въ спаньѣ и просто въ лѣнивомъ лежаньи проходили день за днемъ, недѣля за недѣлей, похожи между собою, какъ братья-близнецы. Но странное дѣло! я уже не тяготился, какъ прежде, столь непривычной для меня жизнью; я все болѣе и болѣе втягивался въ нее и терпѣливо ожидалъ минуты освобожденія. Книги у меня были всегда; заниматься мнѣ не мѣшали; знакомые посѣщали меня ежедневно; а къ возмущавшему меня на первыхъ порахъ убійственно-правильному распорядку времени я привыкъ уже совершенно и даже замѣтилъ, что онъ приноситъ мнѣ видимую пользу. Привычка, «чудовище-привычка» сдѣлала наконецъ то, что мнѣ стало казаться, будто я уже Богъ знаетъ сколько времени въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы, и давнымъ давно знакомъ со всѣми окружающими меня лицами, казавшимися мнѣ въ свою очередь, за немногими исключеніями, вовсе не сумашедшими, а такъ себѣ людьми съ нѣкоторыми странностями. Я глядѣлъ уже совершенно спокойно и равнодушно на то, что прежде меня волновало и нагоняло на меня тоску; я сталъ даже забавляться тѣмъ, что въ первые дни производило на меня тяжелое впечатлѣніе. Я нерѣдко оставлялъ книгу и занятіе и выходилъ въ корридоръ и рекреаціонную залу посмотрѣть и послушать, что тамъ дѣлается и говорится; я всегда отъ души смѣялся, когда заслышу, бывало, за дверью знакомый басистый голосъ Шапкина, словно съ просонокъ начинающаго полемику о числахъ съ кухмистерскимъ сыномъ. Разъ даже эта полемика разсмѣшила меня чуть не до слезъ въ очень грустную минуту. Я лежалъ на кровати и безцѣльно смотрѣлъ въ потолокъ...

— А которое нынче число? раздался за дверью сонный басъ.

— Девятнадцатое марта, отвѣчалъ не менѣе сонный голосъ кухмистерскаго сына.

— Ну, вотъ оттого-то тебя и не выпускаютъ, замѣтилъ Шапкинъ:—а сказалъ бы дѣло, что восьмнадцатое число,—трехъ дней бы здѣсь не продержали.

— Клянусь Богомъ, девятнадцатое число марта мѣсяца! отвѣчалъ кухмистерскій сынъ.

— Значитъ, Свѣтлое Христово воскресенье у тебя придется въ субботу?

— Свѣтлое Христово воскресенье будетъ, когда съ крѣпости изъ пушки выпалятъ.

— Да по твоему-то въ субботу выходитъ?

— Свѣтлое Христово воскресенье будетъ, когда значитъ пробьетъ полночь — Христосъ воскресе, воистину воскресе. И это, прямо сказать, до Вознесенья... Значитъ, за Вознесенскимъ мостомъ будетъ сейчасъ церковь Вознесенья, а напротивъ магазинъ Христофорова...

— Да по твоему-то оно въ субботу выйдетъ?

— Доживи еще до субботы-то, дуракъ набитый! Французской водки ты напился, заключилъ свою полемику кухмистерскій сынъ и голоса замолкли.

Такія сцены очень меня развлекали; но сценъ ужасныхъ, сценъ раздирающихъ душу и повергающихъ въ содраганіе, видѣть мнѣ не удалось. Спокойствіе и благонравіе были отличительными чертами нашего отдѣленія, почему мнѣ иногда и казалось, что я вовсе не въ отдѣленіи умалишенныхъ, съ представленіемъ о которомъ неразрывно соединяется мысль о дикихъ, страшныхъ крикахъ, о сверкающихъ безумною яростью глазахъ, о потрясаемыхъ нечеловѣчески сильными руками желѣзныхъ рѣшеткахъ, о людяхъ кусающихъ другъ друга, какъ звѣри, о дракахъ, о нескончаемомъ гвалтѣ и хаосѣ и т. п. Въ малыхъ размѣрахъ конечно почти все это бывало и у насъ, но бывало временемъ, рѣдко и не влекло за собой никакихъ трагическихъ послѣдствій. Слышались и у насъ порою дикіе, страшные крики; сверкали и у насъ безумной яростью глаза, не прочь были и у насъ отъ игры *въ волосянку*, былъ и у насъ отставной юнкеръ, который могъ укусить не хуже любого бульдога, — но до криковъ охотники были немногіе; сверканье глазъ только и ограничивалось тѣмъ, что глаза сверкали; игру *въ волосянку* видѣлъ я всего одинъ разъ, а отставной юнкеръ пребывалъ денно и нощно въ своемъ апартаментѣ, облеченный въ смирительную кофту, — стало быть, юнкерскіе зубы его никому не могли быть опасны. Даже шумъ и гвалтъ бывали у насъ періодически — при ординаторской визитаціи и набѣгѣ главнаго доктора, когда каждый изъ больныхъ старался проявить себя во всемъ своемъ блескѣ. Въ остальное же время дня оралъ и ревѣлъ на все отдѣленіе одинъ лишь желчный поручикъ, да изрѣдка возглашалъ о Ефимкѣ и Аннѣ Адревнѣ параличный старичокъ, да задавалъ публикѣ вокальный концертъ кандидатъ въ гусары, а ему

вторилъ изъ своей компаты *vir rusticus* какою нибудь безконечною-безконечною русской пѣснью. Занимались также нѣкоторые довольно громогласными монологами; но большинство проводило время по комнатамъ, на койкахъ, погруженное въ сладостный сонъ, на который вообще наши больные были люты. Когда же вечеромъ, належавшись и наспавшись, они высыпали въ корридоры и рекреаціонную залу, то и тутъ прохаживались или сидѣли большею частію молча и задумчиво, и почти вовсе не разговаривали другъ съ другомъ, а развѣ только иногда ругались. Каждый изъ нихъ былъ весь поглощенъ какимъ нибудь чувствомъ, весь подавленъ какою нибудь страшной или странной иллюзіею, и когда это чувство совсѣмъ ужъ переполняло грудь, когда эта иллюзія невыносимо давила мозгъ, тогда больной прибѣгалъ не къ дружескимъ признаніямъ и изліяніямъ, а къ разговорамъ съ самимъ собою, къ крикамъ, воплямъ и ругательствамъ. Все это относилось къ занимавшему больного предмету, и мнѣ ни разу не случилось видѣть, чтобы кто либо изъ нашихъ умалишенныхъ, даже въ минуты сильнѣйшаго раздраженія, изливалъ его на другихъ, придирался ни съ того, ни съ сего къ товарищамъ. Это случалось напротивъ тогда, когда больной былъ повидимому въ совершенно спокойномъ состояніи духа, и вотъ тутъ-то ужъ начиналась перебранка; изобильно сыпались самыя крупныя отечественныя выраженія; голоса возвышались, глаза сверкали,—но дѣло всегда только этимъ и оканчивалось.

Словомъ, во время пребыванія моего въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы, такъ называемыхъ бѣшеныхъ тамъ не было. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ пріятномъ отдѣленіи можно было ощущать себя въ полнѣйшей безопасности, нисколько не опасаясь, что тебя, совершенно неожиданно, треснетъ кто нибудь по уху или вцѣпится зубами въ плечо. Разстроенный мозгъ управляется своими особенными законами, и все тутъ зависитъ отъ извѣстнаго душевнаго настроенія, отъ впечатлѣнія минуты. Случалось, что самые смирные, самые кроткіе и послушные больные внѣзапно выходили изъ себя, чуть не бѣсновались, чуть не лезли на стѣну, а потомъ также внѣзапно утихали и снова становились смирными, кроткими и послушными. Мнѣ самому удалось видѣть нѣчто подобное. Мой сосѣдъ по столовой, старикъ унтеръ-офицеръ, могшій служить типомъ русской солдатской физіономіи, былъ одинъ изъ самыхъ смирныхъ, изъ самыхъ кроткихъ, изъ самыхъ тихихъ боль-

ныхъ. Онъ почти никогда не выходилъ изъ своей комнаты и постоянно или спалъ, или просто лежалъ на кровати, а за столомъ только и открывалъ ротъ для того, чтобы попросить квасу. Что же случилось? Какъ-то разъ за ужиномъ, сидѣвшій противъ меня Бейеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не имѣю ли я знакомаго пастора, у котораго онъ могъ бы исповѣдаться? Я отвѣчалъ, что не имѣю; но Бейеръ, по своему обыкновенію, отсталъ отъ меня не вдругъ и все твердилъ, что онъ полагалъ, что я имѣю знакомаго пастора. Тогда у унтеръ-офицера такъ и забѣгали, такъ и засверкали глаза; онъ выпрямился, поднялъ ложку и, обратившись къ Бейеру, грозно проговорилъ:

— Коли ты сейчасъ не замолчишь, я тебя и безъ пастора такъ выисповѣдаю, что ты у меня три года не забудешь!

Бейеръ дѣйствительно замолчалъ, а унтеръ-офицеръ съ прежнимъ спокойствіемъ принялся за размазню.

Въ другой разъ этотъ же самый субъектъ сидѣлъ въ ваннѣ. Къ ваннѣ подошелъ умыться надзиратель и какъ-то нечаянно плеснулъ унтеръ-офицеру къ лицо. Старикъ вышелъ изъ себя и началъ пушить надзирателя на чемъ свѣтъ стоитъ. Надзиратель приказалъ одѣть его въ кофту и посадить въ темную. Унтеръ-офицеръ принялся ругаться пуще прежняго, приплетая къ этому непомѣрную гиль.

— Я пятаго рода, кричалъ онъ: — а всѣ что ни на есть государи—третьяго. Я государей не критикую, потому они мнѣ родственники. А ты — мошенникъ, бродяга, сволочь!.. А Егоръ Васильичъ что? Онъ у князя Юрья Юрьича на дворѣ пакости дѣлалъ... И ты такой же революціонъ. Погоди! Ты меня въ темную, а съ тебя голову сымутъ. Тебя ужъ ждутъ за стѣной съ крючками. Мошенникъ! бродяга! Ты у меня не дохнешь, плутъ, бродяга, мошенникъ, курляндская рожа! И всѣ издохнутъ, кто въ революцу играютъ... Ты—чортъ! хоть и крестъ у тебя, а въ душѣ собака сидитъ. А я Бога боюсь и царя чту! А ты — фармазонъ, да! Ты думаешь, я не знаю...

Старика одѣли въ кофту и отвели въ темную. Черезъ полчаса его выпустили, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, явился къ чаю въ столовую, по прежнему тихій, спокойный и молчаливый.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ жолчный поручикъ. Его можно было назвать самымъ безпокойнымъ изъ нашихъ больныхъ, потому лишь, что онъ цѣлый день не давалъ никому покоя своимъ дикимъ

крикомъ и дикими пѣснями. Но онъ никогда ни къ кому не придирался, ни къ кому даже не обращался, и всѣ его ругательства, все его скверпословіе, всѣ его проклятія относились къ совершенно постороннимъ лицамъ. Неистовствовалъ онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше, и часто даже по ночамъ слышалось изъ его комнаты: «ты — подлый чортъ! ты — поганая, проклятая душа!» или что нибудь въ подобномъ же родѣ. Иногда также поручикъ затягивалъ: «вѣчная память! вѣчная память!» и эти заунывные звуки, заунывно разносясь въ ночной тишинѣ, невольно производили довольно сильное впечатлѣніе. За столомъ онъ часто обращался ко мнѣ съ вопросами въ родѣ слѣдующихъ: — «какъ вы думаете — можно ли жениться на сестрѣ, если любишь ее?» или: — «какъ вы думаете, гдѣ лучше — въ аду, гдѣ постоянство, или въ раю, гдѣ перемѣны?» Я давалъ всегда утвердительные отвѣты, и поручикъ, протягивая мнѣ черезъ столъ руку, говорилъ:— «благодарю васъ.» Точно также жалъ онъ мнѣ руку и благодарилъ меня послѣ каждаго чая, обѣда и ужина; а иногда даже заходилъ ко мнѣ въ комнату, произносилъ безсвязныя, безумныя рѣчи, жестикулировалъ, крестился, потомъ цѣловалъ меня въ голову, благословлялъ и уходилъ. За нѣсколько дней до моего выхода изъ больницы, онъ почти совершенно пришелъ въ себя.

Кромѣ безпокойныхъ, шумливыхъ и задорныхъ, кромѣ задумчивыхъ и молчаливыхъ, но все же показывавшихся *въ публику* сумасшедшихъ, было у насъ человѣкъ пять такихъ больныхъ, которые никогда не выходили изъ своихъ комнатъ, никогда не сходили съ своихъ кроватей и, видимо угасая съ каждымъ днемъ безъ стоновъ, безъ жалобъ, въ какомъ-то страшномъ оцѣпененіи ожидали смерти. Двое изъ этихъ больныхъ *отправились* черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія моего въ больницу. За недѣлю до смерти, они перестали принимать пищу и давно уже были страшнѣй мертвецовъ. Когда и какъ они скончались, когда и какъ вынесены были изъ отдѣленія — этого не зналъ и не видалъ никто изъ больныхъ. Подобныя вещи производились у насъ вообще очень осторожно и ловко, потому что зрѣлище смерти и покойника производило на сумашедшихъ сильное и нехорошее впечатлѣніе. За то если умершаго успѣвали вынести такъ, что этого не запримѣчалъ никто, о немъ ужъ не вспоминалъ и не справлялся даже товарищъ его по комнатѣ; въ случаѣ же справки, что бывало очень рѣдко, отвѣтъ

вполнѣ удовлетворявшій вопрошавшаго былъ всегда одинъ: «переведенъ въ другое отдѣленіе.»

Третій, *отправившійся* при мнѣ, былъ тотъ самый господинъ, который въ первый же день пребыванія моего въ больницу, явившись во время обѣда за квасомъ, невольно поразилъ меня своимъ крайне-болѣзненнымъ, мертвеннымъ видомъ и чрезвычайною худобою ногъ. Онъ умеръ часу въ шестомъ утра и немедленно перенесенъ былъ въ темную, куда обыкновенно переносили всѣхъ покойниковъ нашего отдѣленія, прежде чѣмъ отправятъ ихъ въ *покойницкую*. Часовъ около шести мнѣ случилось быть въ надзирательской комнатѣ. Въ прихожей стояла большая продолговатая корзина съ крышкой на двухъ длинныхъ палкахъ. Узнавъ, что это за корзина и для кого она приготовлена, я въ слѣдъ за фигаро и другимъ служителемъ вошелъ въ темную. На полу въ углу лежало что-то, покрытое одѣяломъ, а рядомъ съ этимъ *что-то* свѣтлыми, теплыми полосами стлало золотые лучи свои мартовское солнце. Фигаро сдернулъ одѣяло, и я увидѣлъ знакомое непомѣрно блѣдное и худое лицо съ вытянувшимся и заострившимся носомъ; я увидѣлъ широкую лысину и выставившіяся изъ-подъ рубашки длинныя, посинѣвшія и теперь уже окончательно бывшія тоньше руки моей, ноги. Глаза покойника были открыты; лицо выражало полнѣйшее спокойствіе. Недаромъ же онъ самъ желалъ смерти и не разъ, говорилъ мнѣ, жаловался — что смерть къ нему не идетъ....

— Эхъ, закрыть ему, сердечному, глазенки-то, сказалъ фигаро и, опустившись возлѣ покойника на колѣни, сталъ закрывать ему глаза.

Другой служитель, еще молодой и бравый солдатъ, стоялъ поодаль.

— Ну-ка, братъ, сказалъ фигаро, окончивъ свою операцію: — бери ты теперь за голову, а я за ноги, да и понесемъ.

Молодой солдатъ подошелъ, нагнулся, осторожно прикоснулся руками къ головѣ покойника, не много приподнялъ ее и тотчасъ же опять бросилъ.

— Ну, что же ты? крикнулъ фигаро: — али боишься? А еще солдатъ, на сраженьи былъ! Али тамъ мертвыхъ-то не видалъ?

— Да вѣдь тамъ они битые, а это,—началъ было солдатъ и не договорилъ; но собравъ повидимому все присутствіе духа, быстро схватилъ покойника не за голову, а за плечи и разомъ приподнялъ

его очень высоко. Фигаро въ тоже время приподнялъ его за голыя и тонкія ноги.

Когда они проходили съ своей ношей по темной, золотой лучъ солнца упалъ прямо на голову покойника и озарилъ ее всю, отъ широкой и гладкой лысины до тонкихъ, безцвѣтныхъ губъ, на которыхъ въ это мгновеніе какъ будто мелькнула улыбка. *Ему*, точно, теперь всего приличнѣе было бы улыбнуться...

Затѣмъ—какъ онъ былъ, въ одной рубашкѣ — положили его въ корзинку, захлопнули крышкой, и два другихъ солдата не безъ усилія потащили изъ отдѣленія умалишенныхъ *выбывшаго* больного, о которомъ черезъ полчаса не вспоминалъ уже и самъ закрывавшій глаза ему Фигаро...

VIII.

Незадолго до выхода моего изъ больницы, мнѣ удалось просмотрѣть скорбные листы всѣхъ нашихъ больныхъ; — это своего рода формуляры, въ которыхъ, каждое утро, ученый ординаторъ ученымъ способомъ, сирѣчь по латыни, отмѣчалъ успѣхи болѣзни или успѣхи леченія своихъ умалишенныхъ паціентовъ. Послѣднее, вѣроятно, удавалось ему отмѣчать гораздо рѣже перваго; чаще же всего, безъ сомнѣнія, приходилось ему изображать: «semper idem». Меня въ особенности интересовали причины болѣзни того или другого субъекта, и, по разсмотрѣніи скорбныхъ листовъ, я увидѣлъ, что причины эти были вездѣ однѣ и тѣже: семейныя или служебныя неудовольствія, болѣзнь, половыя *вредныя привычки* и водка. Иногда все это соединялось вмѣстѣ, и тогда уже больной на парахъ летѣлъ въ гостепріимный пріютъ, именуемый отдѣленіемъ умалишенныхъ ***ской больницы. Такая участь, напримѣръ, выпала на долю отставного доктора, поляка, о которомъ я упоминалъ въ первой главѣ. По словамъ его скорбнаго листа, онъ съ раннихъ лѣтъ отличался задумчивостью,

имѣлъ склонность къ уединенію и всегда избѣгалъ общества женщинъ. Имѣлъ ли онъ при этомъ въ виду избѣгнуть грѣхопаденія, или что либо другое, но природа взяла свое, и результатомъ аскетической жизни явились *вредныя привычки*. На первыхъ порахъ, какъ видно, онѣ не оказывали особенно разрушительнаго дѣйствія, потому что докторъ не утратилъ способности заниматься дѣломъ. Онъ занимался, напротивъ, много и долго — и своею наукой, и поэзіей, и литературой, и языками, и велъ вообще жизнь кабинетно-дѣятельную, работая преимущественно по почамъ. Это также не могло не влiять на его здоровье, а тутъ присоединились еще другія непріятныя обстоятельства. Доктору очень хотѣлось занять кафедру въ университетѣ и, обезпечивъ себя постояннымъ жалованьемъ, жить не нуждаясь ни въ чьей помощи; но ему этого не удалось. Тогда природная его задумчивость стала все болѣе и болѣе переходить въ меланхолію, а меланхолія стала проявляться чисто-болѣзненными симптомами, требовавшими уже медицинской помощи. Но заболѣвъ, докторъ сдѣлался крайне подозрительнымъ и недовѣрчивымъ; а потому началъ лечить себя самъ, безпрестанно мѣняя разные способы леченія. То лечился онъ воздержаніемъ отъ мясной пищи, то излишнимъ ея употребленіемъ; то прибѣгалъ къ слабительнымъ, то къ опіятнымъ средствамъ; наконецъ, по словамъ скорбнаго листа, «развилась у него страсть лечиться водкою». Страсть эта, въ соединеніи съ другими неблагопріятными обстоятельствами, привела, разумѣется, къ тому, къ чему и слѣдовало ей привести: докторъ *спятилъ*. Онъ сталъ жаловаться, что его преслѣдуютъ всѣ, безъ исключенія, въ особенности же нижніе чины и мальчишки; запиралъ наглухо двери своей комнаты, заклеивалъ щели, а приходя въ бѣшенство, бѣгалъ по квартирѣ и колотилъ свою прислугу. Потомъ онъ вообразилъ себя ясновидящимъ, чудотворнымъ и говорилъ, что все что ни дѣлается—дѣлается «изъ его сновъ и служитъ ему во вредъ». Такъ напримѣръ, онъ увѣрялъ, что перемѣна формы у военныхъ, въ особенности же у флотскихъ, сдѣлана по его просьбѣ и служитъ ему во вредъ. Во вредъ же ему, по словамъ его, служили и всѣ вновь печатавшіяся книги и газеты. Наконецъ докторъ проникся несокрушимымъ убѣжденіемъ, что его хотятъ извести, убить, растерзать; во избѣжаніе чего хотѣлъ порѣшить съ собой самъ, но отдѣленіе умалишенныхъ ***ской больницы госте-

пріимно распахнуло предъ нимъ свои двери, и отставной врачъ, волею-неволею, долженъ былъ остаться жить...

Въ больницѣ отставной врачъ, повидимому, успокоился и впалъ въ самое тихое помѣшательство, въ глубокую меланхолію. Его вовсе не было слышно; онъ никогда почти не выходилъ изъ своей комнаты, а тамъ—или молился, или читалъ, большею частью библію на разныхъ языкахъ, или что-то такое писалъ на маленькихъ клочкахъ бумаги. Случай далъ мнѣ возможность познакомиться съ нѣкоторыми изъ его твореній, и я выписываю здѣсь въ переводѣ одинъ небольшой отрывокъ, не измѣняя его буквальнаго смысла ни въ чемъ. По этому отрывку: можно видѣть, какъ бѣдная, больная мысль пыталась такъ или иначе сказаться словомъ и безпорядочно переносясь съ предмета на предметъ, породила одну жалкую чепуху. Вотъ этотъ отрывокъ:

Моя дрожайшая сестрица Амалія! Съ нынѣшняго дня сажусь я на престолъ глупцовъ, образъ котораго меня преслѣдуетъ, гдѣ бы я ни былъ. Я знаю, какъ сочетать два или три, если бы цифры эти были смѣшаны съ радостями, которыя всегда въ перемежку ни *pro*, ни *quo*, ни тѣмъ болѣе, *pro quo*. Прошу васъ купить мнѣ шкатулку. Благодарю васъ за ваше доброе сердце и за цвѣты, которые вы мнѣ прислали. Прямота вашихъ чувствъ служитъ мнѣ доказательствомъ вашей вѣчной дружбы, которая приведетъ насъ съ Божіею славою ко гробу. Кто станетъ васъ удерживать — пожалѣйте его, избѣгайте его даже. Глубокая могила поглотитъ насъ, и для слѣда по себѣ мы не смѣемъ ничего болѣе сдѣлать, кромѣ того, чтобы какъ можно болѣе рисковать, Богъ знаетъ впрочемъ—для чего и ради чего? Добрый вечеръ!

Злополучнаго доктора привели въ больницу довольно сложныя причины. Параличный же старичокъ, Петръ Андреевичъ Каченовскій (скорбный листъ котораго, какъ теперь помню, попался мнѣ тотчасъ же послѣ докторскаго), обязанъ былъ, повидимому, пребываніемъ своимъ въ отдѣленіи умалишенныхъ почти исключительно одной водочкѣ. Покрайней мѣрѣ, въ приложеніи къ его скорбному листу, какой-то его родственникъ начерталъ: «причина болѣзни: отъ безпрерывнаго употребленія водки; виноградняго же вина не пилъ, тоже рому не пилъ. И при погребеніи простудилъ голову». Происшествіе съ Ефимкой и Анной Андреевной на антресоляхъ тоже не мало подѣйствовало на Петра Андреевича, а случившійся вслѣдъ за тѣмъ апоплексическій ударъ довершилъ дѣло. Ударъ этотъ былъ, дѣйствительно, рѣшительнымъ ударомъ для старика; но и онъ, безъ сом-

нѣнія, былъ главнѣйшимъ образомъ вызванъ *безпрерывнымъ употребленіемъ водки.* А былъ Петръ Андреичъ во время оно человѣкомъ дѣятельнымъ и зажиточнымъ, дѣла велъ хорошо, имѣлъ деньгу, изобрѣлъ или усовершенствовалъ какую-то водоочистительную машину; а сверхъ всего этого не чуждъ былъ нѣкоторыхъ поэтическихъ поползновеній и, по словамъ его родственника, «занимался дѣятельно составленіемъ стиховъ и разныхъ фразъ въ рифму». Болѣзнь все это перевернула вверхъ дномъ. Старикъ бросилъ дѣла, заразился скряжничествомъ и подозрительностью, безпрестанно опасался кражи, запирался на замокъ и, вмѣсто разумнаго разговора, твердилъ, какъ сорока, все однѣ и тѣже заученныя фразы. Всѣ эти особенности принесъ онъ съ собой и въ отдѣленіе умалишенныхъ. Скряжничество и скопидомство образовали въ немъ страсть таскать все, что ни попадалось ему подъ руку, и похищенное тщательно прятать въ своей комнатѣ. Попадалось ему полѣно — онъ тащилъ полѣно; попадался кусокъ хлѣба — онъ тащилъ и кусокъ хлѣба; попадался сальный огарокъ — онъ тащилъ и огарокъ. Подъ подушками его кровати можно было всегда найдти нѣчто въ этомъ родѣ, и онъ, какъ Кащей, ревниво сторожилъ свои сокровища отъ всѣхъ нескромныхъ взоровъ. Часто однакоже его на кражѣ ловили и отнимали у него похищенное,—и Боже мой, что за крикъ поднималъ тогда злополучный старецъ!—«Кошель! разбойникъ! мерзавецъ!» оралъ онъ въ источный голосъ, защищая, на сколько позволяли ему его слабыя силы, свою драгоцѣнную добычу въ родѣ осиноваго полѣна или сальнаго огарка, и когда добычу эту у него все таки отнимали — онъ, глубоко оскорбленный и разсерженный, ковылялъ въ свою комнату и долго не выходилъ оттуда.

«Кошель, разбойникъ, мерзавецъ» были единственныя слова, которыя употреблялъ Петръ Андреевичь Каченовскій въ критическія минуты жизни (какое значеніе имѣло первое изъ нихъ—остается для міра невѣдомымъ). Способность выражаться членораздѣльными звуками или, иначе, бесѣдовать — съ самимъ собою или съ другими — ограничивалось у него вообще, какъ уже замѣчено выше, весьма немногими заученными фразами, неимѣвшими большею частью ровно никакого смысла. Такъ напримѣръ, кромѣ извѣстнаго уже читателю возгласа про Ефимку и Анну Андревну, Каченовскій на разные дѣлаемые ему вопросы отвѣчалъ всегда словами:—«знаю вполнѣ, подержите на умѣ», а къ этому изреченію присовокуплялъ еще иногда

другое:—«утки въ воду и комарики ко дну». Когда же онъ бывалъ въ духѣ, то обращался и къ поэзіи, и коснѣющимъ языкомъ, еле — понятно, но съ чувствомъ и нѣкоторою торжественностью декламировалъ слѣдующее четверостишіе, должно полагать, собственнаго произведенія:

Печальная лира
Уныло звучитъ,
Прискорбье для міра
На насъ тяготитъ...

Расходившись, старецъ присоединялъ иногда къ четверостишію двустишіе:

Здѣсь поставить бы тире,
Да чернилы на перѣ...

А засимъ самая интересная часть его монологовъ и діалоговъ была уже истощена.

Но и менѣе интересная часть состояла тоже изъ извѣстныхъ, никогда неизмѣнявшихся фразъ, которыя старецъ произносилъ всегда однимъ и тѣмъ же голосомъ, съ одною и тою же интонаціей, съ одними и тѣми же удареніями на извѣстныхъ словахъ. Такъ, каждое утро подковыливалъ онъ къ часовому и, остановившись у самыхъ дверей, говорилъ:—«домой, батюшка, домой»,—а за тѣмъ происходилъ тотъ разговоръ, который я уже передалъ читателю въ первой главѣ. Случалось иногда, что послѣ словъ: «домой, батюшка, домой», Каченовскій совершенно неожиданно начиналъ рыдать и ревѣть, какъ теленокъ, раздирающимъ голосомъ повторяя: «Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Господи Іисусе Христе, помилуй мя!..» Эти старческія рыданія, этотъ страшный ревъ производили самое тяжелое впечатлѣніе; но вдругъ и рыданія, и ревъ разомъ стихали, словно обрывалось, и начиналось:—«Ефимка! Анна Андревна!» и пр. Разъ къ старику пришла его дочь. Онъ не захотѣлъ ее видѣть и пришелъ вообще въ сильное волненіе.—«Не надо! не надо! говорилъ онъ, отмахиваясь рукою отъ докладывавшаго ему о дочери служителя:—надо о душѣ думать... Надо Богу молиться... непремѣнно надо... Не хочу!.. Не хочу!..» И онъ горько, горько заплакалъ; а

потомъ, по обыкновенію, заревѣлъ; а потомъ громче, чѣмъ когда нибудь, положительно насколько хватило у него голоса, гаркнулъ:

— Ефимка! Анна Андревна! засталъ на антресоляхъ Каченовскій!.. Засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать!..

Крикъ этотъ весьма легко могъ дойдти до дочери. Не совсѣмъ-то пріятно было ей, я думаю, услышать безумный родительскій возгласъ!..

На Каченовскаго вообще находили минуты, по всей вѣроятности, минуты особенно—горькихъ и грустныхъ воспоминаній, когда онъ, противъ обыкновенія, изъявлялъ рѣшительное намѣреніе не возвращаться домой и остаться въ больницѣ.—«Не пойду домой! не пойду, ей Богу, не пойду! говорилъ онъ тогда, махая рукой:—Бунинъ померъ... Турчениновъ померъ... Царство имъ небесное!.. Не пойду!..»

И не пойдешь ты домой, бѣдный, безумный старикъ! А если удастся тебѣ выписаться изъ больницы, то выпишешься ты не иначе, какъ на Волково или на Смоленское, въ общество Бунина и Турченинова, гдѣ тебѣ, право, будетъ несравненно лучше!..

Да и многимъ, очень многимъ изъ моихъ бывшихъ злополучныхъ товарищей придется выписаться изъ отдѣленія умалишенныхъ не иначе, какъ путемъ Волкова, Смоленскаго или иныхъ тому подобныхъ учрежденій!.. Въ разсмотрѣнныхъ мною скорбныхъ листахъ только на одномъ было означено, что больной не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе; но въ этомъ случаѣ ученый и лысый ординаторъ нашъ едва ли не тѣшилъ лишь самого себя. Можетъ быть, конечно, ученымъ взоромъ своимъ онъ провидѣлъ исцѣленіе того или другого изъ своихъ паціентовъ *въ далекомъ будущемъ*; но я, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шестинедѣльнаго пребыванія моего въ больницѣ, не замѣтилъ почти ни въ комъ никакой перемѣны. Кто какую ерунду поролъ — тотъ такъ ее и поролъ; кто въ какой мысли завязъ — тотъ такъ въ ней и вязъ; кто какимъ чувствомъ терзался — тотъ такъ имъ и терзался; кто, не вставая съ постели, ожидалъ смерти — тотъ такъ съ постели и не вставалъ, такъ смерти и ожидалъ, въ полной увѣренности, что она скорѣе всѣхъ докторовъ на свѣтѣ выпишетъ его изъ больницы. А между тѣмъ большинство умалишенныхъ процвѣтало въ отдѣленіи не недѣлю и не мѣсяцъ, а годъ, два, три, четыре и больше, не говоря уже о *двѣнадцатилѣтнемъ* юнкерѣ и *тринадцатилѣтнемъ* глухо-нѣмомъ, которыхъ, по видимому, предоставили совершенно на волю Божію,—благо же они на судьбу свою

не жаловались. Были также въ нѣкоторыхъ скорбныхъ листахъ примѣчанія такого рода; «vir jam duobus viribus tractatus in sectione nostra» (господинъ уже въ другой разъ привозимый въ наше отдѣленіе), или: «vir hic tertia jam vire ad sectionem nostram allatur» (господинъ этотъ уже въ третій разъ привозится въ отдѣленіе наше) и т. п.,—что могло быть переведено и такъ: лечили, да не вылечили.

Я сказалъ, что во время шестинедѣльнаго пребыванія моего въ больницѣ я не замѣтилъ почти ни въ одномъ больномъ никакой перемѣны. Я сказалъ несправедливо: перемѣны были—только къ худшему. Генералъ напримѣръ, съ каждымъ днемъ видимо хирѣлъ и разрушался; лицо его стало совсѣмъ, какъ восковое, а говорилъ ужъ онъ такую безсмыслицу, что въ сравненіи съ ней, безсмысленныя рѣчи другихъ сумасшедшихъ казались почти-что небезсмысленными. Въ послѣднее время онъ какъ-то даже не договаривая уже словъ, точно съѣдалъ ихъ; мѣшалъ русскія фразы съ французскими и по большой части заключалъ свою рѣчь беззвучнымъ движеніемъ губъ и маханіемъ рукъ. Иногда также на него словно стихъ какой находилъ: всегда смирный, серьезный и задумчивый, онъ вдругъ начиналъ кричать, ругаться скверными словами и, ни съ того, ни съ сего, придираться ко всѣмъ больнымъ. А не то, просто на просто, поймаетъ перваго, встрѣтившагося ему въ корридорѣ сумашедшаго, схватитъ его за руки или за шиворотъ и тащитъ за собой, грозно крича:—«попрямѣй говори, а не то—возьму! Попрямѣй говори, а не то держать буду!» Пойманный тоже кричитъ и отбивается; генералъ его не пускаетъ, и эта исторія продолжается до тѣхъ поръ, пока не вмѣшается въ дѣло служитель и не уведетъ его превосходительство въ его комнату.

Ко мнѣ генералъ продолжалъ питать почему-то уваженіе и величалъ меня всегда самыми громкими титулами. Не взирая на бдительность часовыхъ, онъ не рѣдко пробирался въ мою комнату, становился возлѣ постели моей на колѣни и умоляющимъ голосомъ говорилъ: «прикажите-же того...» Уходилъ онъ отъ меня только тогда, когда его уводили силой. Разъ, такимъ образомъ, забрался онъ въ мою комнату, когда меня тамъ не было, схватилъ мои сапоги, жилетъ и первую, попавшуюся ему подъ руку, книгу и хотѣлъ было со всѣмъ этимъ улизнуть, но въ дверяхъ былъ остановленъ часовымъ, который и отобралъ у его превосходительства всѣ взятыя имъ вещи. Молчаливый же мой товарищъ не обратилъ на продѣлку

генерала ни малѣйшаго вниманія. Я думаю, что точно также мало вниманія обратилъ бы онъ на происходящее въ комнатѣ и въ томъ случаѣ, если бы кто нибудь вздумалъ похитить или даже попридушить самого меня. Иванъ Петровичь и тутъ бы не двинулся ни однимъ членомъ и преспокойно продолжалъ бы таращить глаза въ противоположный уголъ.

Престранное и прежалкое существо былъ этотъ Иванъ Петровичъ! Мнѣ говорили, что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и служилъ въ одномъ изъ безчисленныхъ столичныхъ департаментовъ, гдѣ достигъ нѣкоторымъ образомъ «степеней извѣстныхъ»; но вдругъ свихнулся. Иванъ Петровичъ, почему-то, вообразилъ, что онъ — «поношеніе человѣковъ, уничиженіе людей», язва общества; что присутствіе его заражаетъ воздухъ тлетворными міазмами, а прикосновеніе оскверняетъ. Не взирая на эти чудовищныя свойства и качества, Иванъ Петровичъ былъ очень радушно принятъ подъ сѣнь отдѣленія умалишенныхъ ***ской больницы, гдѣ и наложилъ на себя немедленно печать молчанія. Напрасно каждое утро бился съ нимъ докторъ; напрасно обращались къ нему съ разными вопросами надзиратели и служители, — онъ на все отвѣчалъ однимъ скорбнымъ взглядомъ, и только разъ при мнѣ пролепеталъ ординатору: «мнѣ лучше». Приходила также къ Ивану Петровичу, и довольно часто, маленькая, худенькая старушка, его бывшая кухарка. Скандалезная хроника отдѣленія гласила, что эта кухарка занималась у Ивана Петровича не однимъ только приготовленіемъ кушаньевъ и уборкой комнатъ....; но какъ бы то ни было, а желтолицый товарищъ мой и съ ней не проронилъ никогда ни полслова. Старушку, какъ видно, это сильно огорчило, и она всегда обращалась съ своими жалобами ко мнѣ, меня же и распрашивала о состояніи здоровья Ивана Петровича, о томъ, что онъ дѣлаетъ, что говоритъ про него докторъ и т. п.

— Вѣдь совсѣмъ не такіе были они прежде-то, говорила она мнѣ въ одно изъ первыхъ своихъ посѣщеній: — какъ можно! И разговорчивѣе были, и службу свою происходили — хорошее мѣсто имѣли... Это точно, что они завсегда были скромный господинъ и все больше съ батюшкой нашимъ приходскимъ любили компанію водить, духовными, значитъ, разговорами заниматься... Ну, да все-жъ иное время и знакомые къ нимъ собирались, люди все хорошіе, солидные... Тоже прежде и книжки они читали...

— Вы бы, Иванъ Петровичъ, книжку почитали, сказала ста-

рушка, обращаясь къ своему барину, который, по своему обыкновенію, устремивъ глаза въ противоположный уголъ, лежалъ неподвижно, какъ чурбанъ, словно рѣчь шла вовсе не о немъ: — вотъ они вамъ книжку дадутъ; видите, сколько у нихъ книжекъ...

И старушка показала на мой столъ; но Иванъ Петровичъ продолжалъ глядѣть въ уголъ.

— Да скажите хоть что-нибудь, голубчикъ Иванъ Петровичъ! умоляла старушка, склоняясь къ желтолицому молчальнику: — скажите хоть словечко, миленькій! ягодка моя!

Но «ягодка» несокрушимо безмолствовала; когда же старушка стала приставать къ ней ужъ слишкомъ настойчиво, «ягодка» съ неудовольствіемъ повернулась къ стѣнѣ и уткнулась въ подушку.

Тѣмъ всякій разъ и кончалось объясненіе барина съ кухаркой. Иногда, по праздникамъ, старушка являлась съ просвиркой и, подавая ее Ивану Петровичу, какъ-то особенно умильно говорила: «а вотъ божинька милости прислалъ». Но желтолицый молчальникъ не поддавался и на это, божинькину милость не принималъ, членораздѣльныхъ звуковъ не издавалъ, — и старушкѣ опять приходилось обращаться съ своими жалобами и разспросами ко мнѣ.

Разъ какъ-то къ Ивану Петровичу явился больничный батюшка, еще молодой священникъ съ чрезвычайно-густыми и красивыми темнорусыми кудрями. Онъ заходилъ иногда въ наше отдѣленіе — проливать елей утѣшенія въ растерзанныя сердца, и съ этой же цѣлью посѣтилъ и моего товарища. При появленіи его, Иванъ Петровичъ поднялся съ кровати.

— Ну, какъ ваше здоровье? спросилъ батюшка, учинивъ предварительно надлежащее благословеніе.

Желтая физіономія Ивана Петровича приняла красновато-желтый оттѣнокъ. Онъ посмотрѣлъ сначала батюшкѣ въ лицо, потомъ окинулъ взоромъ его лиловую шелковую рясу и, видимо сконфуженный, уперся, по своему обыкновенію, глазами въ уголъ.

— Какъ вы себя чувствуете? повторилъ батюшка.

Иванъ Петровичъ молчалъ.

— А вы не печальтесь, не смущайтесь мрачными мыслями — это грѣшно, продолжалъ батюшка: — старайтесь успокоиться и молитесь Богу. Господь Богъ ниспошлетъ вамъ исцѣленіе.

Иванъ Петровичъ молчалъ.

— Ну, да будетъ же съ вами милость Божія! сказалъ батюшка,

и осѣнилъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ сконфуженнаго молчальника.

Засимъ батюшка вышелъ, а Иванъ Петровичъ тотчасъ же повалился на кровать, лицомъ къ стѣнѣ, и поджалъ ножки.

Такъ дѣйствовали на него всѣ назиданія, наставленія, разговоры, вопросы и разспросы. Короче, во все время пребыванія моего въ больницѣ, уста моего товарища прошептали при мнѣ счетомъ пять словъ: слово «отворите», прошептанное часовому; слово «мнѣ лучше», прошептанное ординатору, и слова «не хочу», прошептанныя служителю, послѣ того, какъ служитель разъ двадцать ужъ повторилъ: «Иванъ Петровичъ, угодно вамъ чаю?»

Что съ нимъ, прошепталъ ли онъ теперь еще какое-нибудь шестое слово? Или это слово вырветъ у него одна смерть въ минуту послѣдняго прощанія съ загубившей его жизнью?..

IX.

Иванъ Петровичъ иногда даже раздражалъ меня своимъ упорнымъ молчаніемъ; прапорщикъ же Бейеръ точно также раздражалъ меня своей неугомонной болтливостью и привязчивостью. Независимо отъ того, что онъ безпрестанно являлся ко мнѣ узнавать — не получилъ ли я новыхъ газетъ, онъ вездѣ, гдѣ только могъ, преслѣдовалъ меня безконечными и самыми неудобо-разрѣшимыми вопросами, большею частью о современныхъ политическихъ дѣлахъ. И вопросы, и отвѣты свои Бейеръ формулировалъ всегда одинаково, повторяя одну и туже фразу по нѣскольку разъ. Говорилъ онъ, точно читалъ по книгѣ, тщательно наблюдая, чтобы конструкція его рѣчи была грамматически правильна; но акцентъ его былъ совсѣмъ не русскій, ударенія на словахъ дѣлалъ онъ тоже не по русски, а потому говоръ его былъ презабавный. На чемъ помѣшался Бейеръ,

какая была у него *idée fixe* — я, право, не знаю; да, кажется, никакой такой идеи у него и не было, а просто всѣ его идеи были въ какомъ-то лирическомъ безпорядкѣ. Въ скорбномъ листѣ Бейера, какъ уже сказано было мною въ первой главѣ, болѣзнь опредѣлялась словами: «Stultitia congenita moriatica», т. е. прирожденное дурачество или прирожденная дурь, — и, дѣйствительно, слова «дурачество» или «дурь» всего лучше характеризовали умопомѣшательство отставного прапорщика изъ польскихъ жидковъ. У него почти каждый день являлись какія-нибудь новыя, нелѣпыя фантазіи, которыя онъ и сообщалъ немедленно нѣкоторымъ изъ больныхъ, и служителямъ, и надзирателямъ, и ординатору, и главному доктору, выражая, какъ всегда, одною и тою же грамматически правильно построенною фразою. Ни ординаторъ, ни главный докторъ никогда Бейера не слушали; а онъ все-таки безостановочно, не переводя духу, преслѣдовалъ ихъ своею фразою до тѣхъ самыхъ поръ, пока они не уходили изъ отдѣленія. Тогда Бейеръ, съ тою же фразою, обращался къ часовому или къ надзирателю; когда же выведенный изъ терпѣнія надзиратель приказывалъ запереть неотвязчиваго жидка въ его комнату — онъ горячился, выходилъ изъ себя, и сочиненную имъ фразу начиналъ уже выкрикивать на всю палату, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе возвышая голосъ. Такъ напримѣръ, онъ не захотѣлъ принимать прописаннаго ему лекарства; фельдшеръ, разумѣется, все-таки являлся къ нему съ этимъ лекарствомъ каждый день, въ опредѣленное время, слѣдуя строго предписаніямъ доктора, — и Бейера это окончательно взбѣсило. Онъ пожаловался на фельдшера надзирателю; надзиратель, вмѣсто всякаго отвѣта, приказалъ заперетъ прапорщика въ его комнату — и пошла потѣха!

— Я не хочу, кричалъ запертый Бейеръ: — чтобы проклятый подлецъ, фельдшеръ приходилъ ко мнѣ съ своимъ проклятымъ, подлымъ лекарствомъ, которое проклятые подлецы служители заставляютъ меня принимать!

— Я не хочу, кричалъ онъ еще громче: — чтобы проклятый подлецъ, фельдшеръ приходилъ ко мнѣ съ своимъ проклятымъ, подлымъ лекарствомъ, которое проклятые подлецы служители заставляютъ меня принимать!

И эту фразу, не измѣнивъ въ ней не іоты, прокричалъ Бейеръ, по крайней мѣрѣ, разъ пятнадцать, съ каждымъ разомъ все громче

и громче. Умолкъ онъ, должно быть, только потому, что у него не хватило ужъ голоса.

Заброшенный въ чужой, незнакомый городъ, въ больницу, и всѣми рѣшительно покинутый, Бейеръ былъ очень раздраженъ противъ нѣкоторыхъ своихъ родныхъ и, всякій разъ, когда какъ-нибудь заходила о нихъ рѣчь, ругалъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ — разумѣется, не иначе, какъ въ извѣстныхъ, правильно построенныхъ и неизмѣнныхъ выраженіяхъ. Однажды подошелъ онъ ко мнѣ и совершенно неожиданно спросилъ: — «хотите, я разскажу вамъ всѣхъ моихъ родныхъ?» — «Разскажите», отвѣчалъ я, — и Бейеръ, словно хорошо заученный урокъ, не переводя духу, прочелъ мнѣ перечень своихъ родныхъ, съ обозначеніемъ, кто чѣмъ занимается, и гдѣ кто живетъ. — «Итого всѣхъ моихъ родныхъ одинадцать человѣкъ, сказалъ онъ въ заключеніе: — и кромѣ этихъ единственныхъ моихъ родныхъ, всего числомъ одинадцать человѣкъ, которые живутъ въ Варшавѣ, я не признаю моими родными ни моего зятя, который живетъ здѣсь, ни моего брата, который живетъ здѣсь, ни моей тетки, которая живетъ здѣсь». Я молчаливымъ наклоненіемъ головы выразилъ ему мое одобреніе и поспѣшилъ удалиться въ свою комнату, но не болѣе, какъ черезъ минуту, услышалъ снова звонкій голосъ прапорщика, говорившаго часовому:

— Разсказать тебѣ всѣхъ моихъ родныхъ?

— Подите вы! отвѣчалъ часовой (Колобовъ): — очень мнѣ нужно знать вашихъ родныхъ! У меня и своихъ довольно.

Бейеръ, однакоже, нисколько этимъ не смутился и началъ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, тотъ же самый перечень, который прослушалъ и я. Часовой не разъ его прерывалъ и гналъ прочь, но прапорщикъ таки урокъ свой прочелъ, а минутъ черезъ десять опять подошелъ къ Колобову и спросилъ:

— Разсказать тебѣ еще разъ всѣхъ моихъ родныхъ?

Калобовъ почти вышелъ изъ себя, но Бейеръ и на этотъ разъ прочелъ ему сполна перечень всѣхъ своихъ родныхъ, прибавивъ, какъ мнѣ же, въ заключеніе, что кромѣ этихъ своихъ родныхъ, всего числомъ одинадцать человѣкъ, онъ не признаетъ своими родными ни зятя, ни брата, ни тетки. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, неугомонный жидокъ, снова поймавъ меня въ корридорѣ, сказалъ:

— Хотите, я напишу вамъ всѣхъ моихъ родныхъ?

— Напишите, отвѣчалъ я, чтобы только отъ него отдѣлаться.

Бейеръ тотчасъ же усѣлся въ моей комнатѣ и, буквально, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, безъ всякихъ перемѣнъ, написалъ мнѣ то, что я уже слышалъ отъ него утромъ, и что тогда же цѣлыхъ два раза долженъ былъ прослушать часовой.

Когда Бейеръ окончилъ этотъ списокъ и сталъ читать мнѣ его вслухъ (хотя, повторяю, между разсказываемымъ имъ изустно и написаннымъ не было ни на волосъ разницы), въ комнату мою вошелъ одинъ изъ надзирателей. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ спросилъ меня:

— А не говорилъ вамъ г. Бейеръ рѣчи доктора Энгельманна?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Ну-ка, Бейеръ, хватите-ка рѣчь-то, сказалъ надзиратель.

Прапорщикъ тотчасъ опустилъ руки по швамъ и, безъ запинки, безъ передышки, протрещалъ что-то такое, изъ чего я не понялъ почти-что ни слова. Окончивъ, онъ тотчасъ же спросилъ:

— Хотите, я вамъ и это напишу?

— Пожалуйста, отвѣчалъ я.

Бейеръ немедленно сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующее:

«Рѣчь, держанная Бреславльскимъ демократомъ, докторомъ Энгельманномъ, президентомъ красной или демократической Республики, въ Бреславлѣ, столичномъ городѣ области Силезіи, въ королевствѣ Пруссіи, во время политическихъ смятеній или политическихъ переворотовъ, имѣвшихъ въ 1848 и въ 1849 годахъ мѣсто во всей Европѣ кромѣ въ Россіи и въ Турціи; прежде чѣмъ же онъ въ 1849 году послѣ имъ тогда во время Венгерской компаніи па публичномъ мѣстѣ, гдѣ въ Бреславлѣ дѣлаютъ гимнастическія упражненія, держанной рѣчи, когда вмѣстѣ съ тѣмъ и палаты Прусскія были закрыты покойнымъ королемъ Прусскимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ IV-мъ, успѣлъ бѣжать въ Нев-Іоркъ или Нью-Іоркъ, столичный городъ Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки, не смотря на это, что во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, гдѣ существуетъ христіанская вѣра, существуютъ различныя политическія и вмѣстѣ съ тѣмъ тайныя или возмутительныя или открытыя партіи, поименованныя по кокардамъ разныхъ цвѣтовъ, носимымъ или у краевъ шляпъ или фуражекъ, или по платкамъ разныхъ цвѣтовъ, обвязаннымъ черезъ правое плечо; какъ то: политическая партія реакціи или реакціенеровъ, поименованная по черной кокардѣ, носимой оною у

краевъ шляпъ или фуражекъ; политическая партія либеральная или либераловъ, поименованныхъ по черно-красной или черно-голубой кокардѣ, носимой оною у краевъ шляпъ или фуражекъ, и политическая партія демократовъ или демократическая, поименованная по красной кокардѣ, носимой оною у краевъ шляпъ или фуражекъ, а политическая партія мира по бѣлому, а напротивъ политическая партія войны по красному платку, обвязанному черезъ правое плечо».

Къ этому, требующему новаго Эдипа, писанію Бейеръ, уже не спрашивая моего желанія, присовокупилъ еще слѣдующее:

«Я, красный республиканецъ Бейеръ, принадлежу къ политической партіи, составляющей большинство народонаселенія моего отечества Германіи; такъ что я впродолженіи всей моей жизни, какъ и еще сегодня никакія другія сочиненія никакъ не былъ въ состояніи читать и никакъ не въ состояніи читать, какъ только однѣ красно-республиканскія, — и всѣ эти только на одномъ моемъ отечественномъ нѣмецкомъ языкѣ; потому что единственный языкъ, который я въ продолженіи всей моей жизни когда нибудь понималъ и еще даже сегодняшній день понимаю, это мой отечественный нѣмецкій языкъ» и проч. и проч.

А между тѣмъ, не смотря на это увѣреніе, что онъ не понимаетъ никакого другаго языка, кромѣ нѣмецкаго, г. Бейеръ писалъ по русски; кромѣ того, онъ говорилъ по польски едва ли не лучше еще, чѣмъ по нѣмецки, да мораковалъ и по французски. Но мысли его, какъ я уже сказалъ, отличались вполнѣ лирическимъ безпорядкомъ, и въ разстроенномъ мозгу его почти каждый день пораждалась какая нибудь новая гиль. Онъ самъ, напримѣръ, написалъ въ спискѣ своихъ родныхъ, что состоялъ на службѣ прапорщикомъ при крѣпостной артиллеріи въ варшавской александровской цитадели (и это, дѣйствительно, было такъ), а на другой же день, по крайней мѣрѣ, разъ десять къ ряду повторялъ мнѣ:

— Я никогда въ моей жизни не находился на императорско-русской военной или императорско-русской гражданской службѣ, а цѣлую мою жизнь я находился въ моемъ отечествѣ, Пруссіи, подъ скипетромъ моего отечественнаго королевско-прусскаго правительства, которому я со дня моего рожденія присягалъ моимъ королевско-прусскимъ подданствомъ, какъ королевско-прусскій подданный, тамъ, гдѣ я родился, въ моемъ отечествѣ, Пруссіи.

Наговорившись досыта, онъ попросилъ у меня позволенія за-

писать мнѣ и эту фразу. Когда же наконецъ всѣ писанія его были окончены, онъ подошелъ ко мнѣ съ исписынными листами бумаги и сказалъ:

— Вотъ видите, я вамъ писалъ, какъ возможно наилучше — на первомъ листѣ...

И началъ снова, съ самаго начала, чтеніе всей вышеизложенной ерунды; послѣ чего сказалъ:

— Все это въ совокупности должно означать, что ко мнѣ не могутъ приходить ни зять, ни тетка, ни братъ.

На другой день, только-что успѣлъ я умыться и одѣться и выйдти въ корридоръ, какъ уже Бейеръ подлетѣлъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Хотите, я еще разъ напишу вамъ всѣхъ моихъ родныхъ?

— Для чего же? спросилъ я.

— Потому что это единственные мои родные, отвѣчалъ онъ: — и я не признаю никакихъ другихъ, ни моей тетки, которая здѣсь живетъ, ни моего зятя, который здѣсь живетъ, ни моего брата, который здѣсь живетъ.

Я однакоже успѣлъ откланяться отъ этого любезнаго предложенія, и Бейеръ выместилъ свою неудачу на ординаторѣ, котораго онъ неотступно преслѣдовалъ во все время, пока тотъ былъ въ палатѣ, разсказывая ему со всѣми подробностями, что написалъ онъ мнѣ на первомъ листѣ, что на второмъ, что на третьемъ, и что все это въ совокупности означаетъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, у него явилась новая фантазія...

— Я хочу во всѣхъ газетахъ публиковать, сказалъ онъ мнѣ въ одно прекрасное утро: — что я хочу всю мою жизнь оставаться здѣсь, и чтобы въ продолженіе всей моей жизни меня никто не смѣлъ навѣщать изъ всѣхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ.

Эту же мысль, въ той же самой формѣ онъ не замедлилъ, разумѣется, сообщить надзирателямъ, ординатору, главному доктору и нѣкоторымъ изъ служителей; къ часовому же онъ, я думаю, черезъ каждыя десять минутъ подходилъ съ слѣдующей фразой:

— Когда придетъ мой зять, или мой братъ, или моя тетка, то никогда меня не вызывать, потому что я на выписку не хочу никогда, и — всю мою жизнь здѣсь останусь.

И все это Бейеръ говорилъ большею частію съ улыбкой, словно заявлялъ намѣреніе остаться на всю жизнь въ пріятномъ мѣстѣ. Въ четыре слишкомъ года онъ свыкся совершенно съ отдѣленіемъ ума-

лишенныхъ ***ской больницы, а потому и былъ постоянно здоровъ, румянъ, болтливъ со всѣми. Да и почти всѣ наши больные пребываніемъ своимъ въ больницѣ, повидимому, вовсе не тяготились, хотя нѣкоторые ежедневно просились у доктора на выписку, увѣряя, что они совершенно здоровы. Большинство ихъ, какъ я уже говорилъ, отличалось задумчивостью и молчаливостью; но тоски особенной тоски, причиною которой было бы именно содержаніе въ больницѣ, я не замѣчалъ ни въ комъ. Равнодушнѣе же, спокойнѣе, терпѣливѣе всѣхъ переносилъ свое заточеніе, безспорно, кухмистерскій сынъ, находившійся въ отдѣленіи уже третій годъ. Онъ даже никогда не просился на выписку, никогда ни о чемъ не объяснялся съ доктарами и цѣлый день невозмутимо-спокойный и какъ будто заспанный, прохаживался себѣ по корридору или сидѣлъ гдѣ-нибудь съ скрещенными на груди руками, бормоча о часахъ и числахъ, да прерывая монологи и діалоги другихъ сумашедшихъ какими-нибудь лаконическими и рѣзкими замѣчаніями; вмѣшивался въ чужіе разговоры; дѣлать, по поводу услышанныхъ словъ и выраженій, разныя замѣчанія — было, просто, страстью кухмистерскаго сына; а потому глухой, сонный голосъ его слышался почти безпрестанно то въ томъ, то въ другомъ концѣ отдѣленія. Говорилъ, напримѣръ, при немъ кто-нибудь изъ служителей: «а скоро ужъ и жалованье дадутъ»,— кухмистерскій сынъ-тотчасъ же замѣчалъ: «жалованье — это отъ казначея получаютъ». Слышалъ онъ слово «свадьба» — и немедленно говорилъ: «на свадьбу, значитъ, завиваются, щипцами завиваются. Значитъ, ничего нѣтъ крѣпче стали; а щипцы — это вотъ такъ»... Слѣдовали движенія руками, объясненія, какую форму имѣютъ щипцы. Увидѣвъ меня въ первый разъ въ очкахъ, кухмистерскій сынъ не преминулъ замѣтить: «очки — это по глазамъ выбираютъ». Увидѣлъ у меня въ другой разъ книгу безъ переплета, онъ счелъ долгомъ объяснить мнѣ: «эта книга безъ переплета; да, безъ переплета. А переплетъ бываетъ сорокъ и пятьдесятъ копѣекъ». Слыша отъ кого-нибудь подтвержденія своихъ мнѣній, онъ обыкновенно говорилъ: «вотъ, вотъ»; или же: «такъ, такъ»; если же кто-нибудь называлъ его дуракомъ, то онъ, нисколько не смущаясь, отвѣчалъ: «дуракъ, да съ именемъ».

За нѣсколько дней до моего выхода изъ больницы, кухмистерскій сынъ своею хладнокровною неотвязчивостью вывелъ положительно изъ себя угрюмаго Шапкина. Шапкинъ говѣлъ и готовился къ ис-

повѣди. Кухмистерскій сынъ зачѣмъ-то подошелъ къ нему, ужъ не знаю по поводу чего, сталъ разсказывать, какъ онъ выгодно продалъ однажды десять картонажей какой-то барынѣ, заѣхавшей къ нимъ въ кондитерскую съ ливрейнымъ лакеемъ. Разсказъ состоялъ изъ безконечныхъ варіяцій на одну и ту же тему; Шапкинъ съ первыхъ же словъ изъявилъ полнѣйшее нежеланіе слушать далѣе; но разскасчикъ не уступалъ и, не возвышая голоса, не торопясь, не волнуясь, какъ ни въ чемъ не было, продолжалъ свое повѣтствованіе.

— Два рубля спросилъ, говорилъ онъ: — разумѣется, теперича не съ барыни спросилъ, а съ лакея. Десять картонажей себѣ стóитъ рубль, — ну, а рубль надо нажить: я и спросилъ два рубля. Она сейчасъ двѣ бумажечки, и все тутъ. Потому — десять картонажей себѣ рубль стóитъ, а рубль надо съ барыни нажить...

— Да уйди ты, дай хоть отговѣть! прервалъ его въ высшей степени раздраженный Шапкинъ: — ну, чего привязался?

— Дуракъ набитый! Привязываютъ веревкой, совершенно спокойно отвѣчалъ кухмистерскій сынъ: — а я говорю тебѣ, что не съ барыни спросилъ, а съ лакея. Два рубля спросилъ—потому десять кортонажей себѣ рубль стоитъ...

— Тьфу ты, проклятый! прохрипѣлъ окончательно взбѣшенный часовой и, плюнувъ, ушелъ въ сердцахъ за дверь; кухмистерскій же сынъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Не съ барыни спросилъ два рубля, а съ лакея, потому — десять картонажей себѣ рубль стоитъ...

Въ этотъ же самый день у него произошло небольшое столкновеніе съ Бейеромъ. Бейеръ, не вѣсть ужъ въ который разъ, пришелъ сообщить часовому, что когда придетъ его, Бейера, зять или братъ, или тетка, то отнюдь не вызывать, потому что онъ на выписку не хочетъ и всю свою жизнь останется въ больницѣ. Не заставъ часового на мѣстѣ, неугомонный прапорщикъ присѣлъ на его стулъ. Въ это самое время тутъ же случился и кухмистерскій сынъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь сидишь? сказалъ онъ Бейеру.

— А тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ тотъ.

— Ты не зазнавайся. Ты не имѣешь права здѣсь сидѣть.

— Нѣтъ, имѣю.

— Клянусь Богомъ, не имѣешь! Твоя фамилія Бейеръ?

— А твоя Кабановъ?

— Кабановъ. Всѣ братья — Кабановы, и племянники тоже.

— Ну, такъ что-жъ?

— Ну, такъ ступай отсюда, сказалъ кухмистерскій сынъ и, схвативъ Бейера за руки, сталъ тащить его со стула. Бейеръ сопротивлялся очень мужественно; но Кабановъ восторжествовалъ, къ великому удовольствію присутствовавшихъ при этой сценѣ служителей, не любившихъ Бейера частію за его привязчивость, частію за польско-жидовское происхожденіе.—«Молодецъ Макаръ Алексѣичъ! говорили они кухмистерскому сыну: — молодецъ»!

Сцена эта не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и бойцы разошлись нисколько неозлобленные другъ противъ друга. Бейеръ, минутъ черезъ пять, снова уже подошелъ къ часовому съ подтвержденіемъ о зятѣ, братѣ и теткѣ; а Кабановъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ и безстрастіемъ прохаживался по корридору, бормоча:—«Девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши — больше полсутокъ не спавши... Кабы не спали, ничего бы не было... А дороже нѣтъ двѣнадцати часовъ»...

Такимъ образомъ, по большой части, кончались всѣ ссоры и столкновенія между нашими сумашедшими, и всѣ были довольны другомъ другомъ, и особенныхъ жалобъ на больничную тоску не слышалось ни откуда. Мрачнѣе другихъ больныхъ были у насъ больные, одержимые галлюцинаціями слуха или зрѣнія — и не удивительно: имъ почти постоянно что-нибудь слышалось или видѣлось, и это ихъ постоянно волновало, томило и раздражало. Къ числу такихъ больныхъ, кромѣ усатаго индивидуума съ писарской наружностью, принадлежали еще: пропитанный оцтомъ и желчью господинъ съ восточнымъ складомъ лица и умалишенный изъ духовнаго званія—какой-то заштатный пономарь лѣтъ уже очень преклонныхъ. Первому то и дѣло слышались ругательски ругавшіе его голоса, и онъ то и дѣло потиралъ себѣ ухо рукою, въ тщетной надеждѣ заставить голоса эти смолкнуть. По словамъ его скорбнаго листа, болѣзнь эта началась съ нимъ Богъ знаетъ отчего. Жизнь велъ онъ умѣренную, былъ всегда трудолюбивъ и разсудителенъ, занятія любилъ дѣльныя въ особенности же чтеніе, — и вдругъ свихнулся. Ему стали представляться, что какіе-то неизвѣстные люди собираются у его квартиры, и стукомъ, криками и ругательствами стараются его выжить. Бѣднякъ былъ такъ увѣренъ въ дѣйствительности своихъ галлюци-

націй, что въ самое непродолжительное время перемѣнилъ пять квартиръ; а подъ конецъ даже боялся выходить со двора. Въ отдѣленіи умалишенныхъ былъ онъ уже годъ, а облегченія своимъ мукамъ все-таки не видѣлъ никакого.

Пропитанному оцтомъ и желчью господину съ восточнымъ складомъ лица представлялось почти постоянно, въ особенности по ночамъ, что надъ головой его открывается какой-то люкъ и оттуда кто-то его дразнитъ и говоритъ надъ нимъ самыя непристойныя безчинства. Господинъ этотъ — онъ же и господинъ полковникъ, какъ величали его служителя, находился въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы уже третій разъ, и въ одно изъ пребываній своихъ въ семъ мирномъ пріютѣ подалъ самъ на себя доносъ, въ которомъ очень странно изобличалъ себя въ разныхъ неисправностяхъ и злоупотребленіяхъ по службѣ, въ ущербѣ, нанесенномъ казнѣ на нѣсколько тысячъ рублей, въ дурномъ обращеніи съ нижними чинами, въ лихоимствѣ, взяточничествѣ, попрошайствѣ и всевозможныхъ мерзостяхъ. «Относительно образа жизни,—говорилось въ доносѣ, — могу упрекать себя въ томъ отношеніи, что употреблялъ иногда несоразмѣрно крѣпкіе напитки, въ этихъ случаяхъ имѣлъ вольное обращеніе съ проживавшею у меня свояченицею дѣвицею Еленой Петровой; былъ часто грубъ и дерзокъ съ родными, и случалось, что оскорблялъ честолюбіе постороннихъ лицъ. Далѣе слѣдовали вновь самообличенія гораздо болѣе пакостнаго свойства; финалъ же доноса былъ таковой:

«Настоящее мое пребываніе въ больницѣ въ третій разъ: первый— вслѣдствіе того, какъ объяснено выше; а два раза—по просьбѣ жены, по случаю бывшихъ со мной дома и въ больницѣ сильныхъ параксизмовъ, при которыхъ я былъ безъ всякаго самосознанія; полагаю, что они происходили: или отъ простуды, или отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, которыхъ не употреблялъ до того времени болѣе чѣмъ четыре года; но болѣе всего отъ сознанія своихъ преступленій и душевнаго волненія, сопровождавшагося съ потерею сна и аппетита.»

Что касается до заштатнаго пономаря, то ему тоже видѣлись и слышались всевозможныя несообразности. Товарищемъ его по комнатѣ былъ нѣкто Петръ Яковлевъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, въ высшей степени скромный, тихій и смирный, а пономарю безпрестанно казалось, что онъ творитъ надъ нимъ разныя

скверныя штуки,—и разъ при мнѣ злополучный старецъ горько жаловался на своего товарища надзирателю...

— Прикажите же Петрушкѣ Яковлеву перестать пакостничать, говорилъ онъ чуть не со слезами на глазахъ: — что это, въ самомъ дѣлѣ, за напасть!

— Да что такое? Что онъ дѣлаетъ? спросилъ надзиратель.

— Что дѣлаетъ? Пакостничаетъ, отвѣчалъ пономарь: — цѣлую ночь нечистотами въ меня кидаетъ.

По справкѣ оказалось, что, напротивъ, пономарь не даетъ спать Яковлеву, потому что цѣлую ночь слоняется изъ угла въ уголъ по комнатѣ и бормочетъ себѣ подъ носъ какія-то непонятныя рѣчи. Но старикъ такъ и остался въ той увѣренности, что товарищъ его кругомъ виноватъ, и въ тотъ же день еще разъ пожаловался надзирателю, что Петрушка Яковлевъ все не перестаетъ пакостничать.

На другой день онъ обратился съ жалобой къ ординатору, совершенно серьёзно увѣряя, что служитель хотѣлъ повѣсить его, заштатнаго пономаря, на галстухѣ; но что галстухъ, къ счастію развязался. Ординаторъ выслушалъ старика и, не сказавъ ни слова, пошелъ далѣе; а пономарь долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, медленно разводилъ руками и съ непритворной скорбью повторялъ:

— Послѣ этого, чтожъ это за жизнь?..

И точно — чтожъ это за жизнь? Какъ не промѣнять ее на смерть? И чей языкъ поднимется на обвиненіе тѣхъ, которые рѣшаются сами прервать нить своего существованія, когда слабое, полуразрушенное болѣзнью ихъ тѣло рѣшительно отказывается выносить нестерпимыя муки души?..

X.

Постъ близился уже къ концу. Отговѣли всѣ служителя; отговѣли и желавшіе говѣть больные; одинъ изъ нихъ чуть не взбѣсился. Это былъ тотъ самый блѣдный, худощавый, гладко-выстриженный господинъ, котораго я въ первый день пребыванія

моего въ больницѣ видѣлъ въ корридорѣ колѣнопреклоненнымъ съ молитвенникомъ въ рукахъ. Такое колѣнопреклоненіе блѣднолицый индивидуумъ совершалъ каждый вечеръ, и уже этимъ самымъ заявлялъ публикѣ о своей глубокой набожности.

Говѣнье, такимъ образомъ, совершилось благополучно,—и всѣ съ нетерпѣніемъ стали ждать праздника. Между служителями только и слышно было разговоровъ, что о предстоящихъ наградахъ. Въ воображеніи каждаго изъ нихъ награда плѣнительно рисовалась въ видѣ длиннаго ряда осьмушечекъ и косушечекъ, величаво зачинавшагося (для перваго дня праздника) солиднымъ полуштофомъ. Ради чего же ждали праздника умалишенные — это ужъ вѣдомо единому Богу.

На предпослѣдней недѣлѣ поста, изъ больничной клѣтки вылетѣла-таки одна порядочно засидѣвшаяся въ ней птичка. Это былъ мой первый товарищъ по комнатѣ, смѣшливая первая скрипка аристократическаго оркестра. Онъ давно уже признанъ былъ здоровымъ и все ждалъ, откуда слѣдуетъ, своихъ «бумагъ», какъ выражался часовой Шапкинъ. Наконецъ «бумаги» пришли, и въ одно прекрасное утро главный докторъ торжественно объявилъ первой скрипкѣ, что она свободна. «Милости просимъ опять къ намъ», насмѣшливо сказалъ лысый ординаторъ. Первая скрипка молча и низко поклонилась и отправилась собираться восвояси.

Освобожденіе товарища не было замѣчено почти никѣмъ изъ больныхъ. Только Петръ Андреевичъ Каченовскій, обитавшій въ послѣднее время въ одной комнатѣ съ первой скрипкой, подковылялъ къ часовому и нѣсколько разъ проговорилъ? «Колоповъ... Колоповъ... Колоповъ...»

— А! Клоповъ! сказалъ часовой и, отворивъ дверь, прибавилъ: — вонъ онъ.

Клоповъ (такова была фамилія первой скрипки), облеченный уже въ свой собственный костюмъ, готовился выходить изъ отдѣленія.

— Пожелать благополучія, и счастія, и здоровья,—съ особеннымъ выраженіемъ произнесъ Каченовскій.

— Прощай, Петръ Андреевичъ! крикнулъ Клоповъ.

Дверь затворилась, и параличный старичокъ медленно поковылялъ въ свою комнату, откуда вскорѣ послышался его дребезжащій голосъ, довольно громко напѣвавшій: «Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся...» Этотъ кантъ входилъ тоже въ число

членораздѣльныхъ звуковъ, которые издавалъ Петръ Андреевичъ Каченовскій.

Черезъ недѣлю послѣ освобожденія Клопова, пришли наконецъ и мои «бумаги». Я узналъ объ этомъ рано утромъ, передъ чаемъ, и впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ извѣстіемъ, было далеко не такъ сильно, далеко не такъ радостно, какъ я предполагалъ. «Чудовище-привычка» сдѣлала свое дѣло, и если я не съ сожалѣніемъ покидалъ отдѣленіе умалишенныхъ ***ской больницы, то по крайней мѣрѣ весьма спокойно принялъ вѣсть о томъ, что мнѣ сегодня «на выписку». А приди эта вѣсть недѣлями четырьмя раньше—я бы подпрыгнулъ отъ радости до потолка!..

Резолюцію о моемъ освобожденіи долженъ былъ передать мнѣ *самъ* главный докторъ, и я, въ ожиданіи сего мужа, пошелъ бросить послѣдній, прощальный взглядъ на отдѣленіе и его бѣдныхъ обитателей. Первый, встрѣтившійся мнѣ въ корридорѣ, былъ кухмистерскій сынъ, медленно шествовавшій съ скрещенными на груди руками и глухо бормотавшій, что двѣнадцати часовъ нѣтъ дороже. Въ это самое время служитель подметалъ полъ, и когда кухмистерскій сынъ чуть не попалъ ему подъ щетку — служитель съ досадой сказалъ:

— Макаръ Алексѣичъ, не мѣшай!

— Дуракъ набитый! мѣшаютъ мѣшалкой, спокойно отвѣчалъ кухмистерскій сынъ и, продолжая свое торжественное шествіе продолжалъ бормотать:—девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши—больше полсутокъ не спавши. Кабы не спали, ничего бы не было; не спавши, ничего не подѣлаешь... Сутки отслужили, другія дома... Отъ смѣны до смѣны, значитъ, сутки... А въ шесть часовъ колокольчикъ... Это, прямо сказать, желтой мѣди колокольчикъ...

Далѣе встрѣтился мнѣ юноша бодраго вида, давно уже начавшій свои громогласные монологи и въ настоящую минуту толковавшій что-то такое о ружьяхъ, стрѣлахъ и донскихъ казакахъ...

— Много болтаешь, а толку мало,—замѣтилъ, проходя мимо его, одинъ изъ служителей.

— А ты русской вѣрѣ измѣняешь; тебя донскіе казаки на пику посадятъ, отвѣтилъ юноша бодраго вида и при этомъ озарилъ меня сверкающимъ, пронзительнымъ взглядомъ.

Я вошелъ въ рекреаціонную залу, всю залитую яркими лучами яркаго весенняго солнца. Тамъ уже метался изъ угла въ уголъ мо-

лодой старикъ съ немолчнымъ шопотомъ про ольденбургское дворянское собраніе и варшавскій университетъ; а на перерѣзъ ему ходилъ капитанъ, сильно размахивая правой рукой, вооруженной неизмѣннымъ носовымъ платкомъ. Прислонясь къ окну и понуривъ голову, стоялъ заштатный пономарь съ лицомъ, какъ будто говорившимъ о его душевной скорби, а передъ самымъ его носомъ ораторствовалъ сумашедшій, о которомъ я еще не говорилъ читателю. Это былъ господинъ лѣтъ за тридцать, чрезвычайно худой и безобразный, съ гладко-выстриженной головой — къ низу шире, а къ верху уже, съ коричневымъ цвѣтомъ лица и безпокойно-бѣгавшими черными глазками. Въ сонмѣ другихъ больныхъ, *въ публикѣ*, появился онъ недавно: до того же времени, его держали постоянно запертымъ въ его комнатѣ, да еще большею частью въ смирительной кофтѣ. Словомъ, это былъ тотъ самый полякъ, про котораго еще въ первый день пребыванія моего въ больницѣ разсказывалъ мнѣ смѣшливый Клоповъ, и который, немолчно выкрикивая разную тарабарщину, воображалъ, что говоритъ на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Онъ принадлежалъ къ числу *безпокойныхъ*: но въ послѣднее время нѣсколько успокоился и получилъ разрѣшеніе появляться *въ публику*

— Вы какъ крестъ складываете? громко и грозно говорилъ онъ пономарю: — изъ трехъ перстовъ, или изъ пяти?... Ну, такъ я васъ въ Іерусалимъ пошлю, въ воду посажу! Я министръ всѣхъ министровъ! Я дѣйствую наитіемъ духа, шью безъ иглы, рѣжу безъ ножа.... Вы знаете, откуда я пришелъ? Я въ солнцѣ сидѣлъ, и солнце съ собой принесъ.... Прежде я людей дѣлалъ; теперь дѣлаю птичекъ....

Пономарь не отвѣчалъ ни слова и только ниже прежняго понурилъ голову. Полякъ повернулся и пошелъ назадъ, громогласно твердя:

— Зорò, дизи, занзò, рарò, дадò, надò. Лелѐ, вевѐ, мемѐ. Дири, вири, зизи....

— Я такъ уже изучилъ всѣ языки, что могу всѣхъ учить, сказалъ онъ, останавливаясь передо мной: — мнѣ сказалъ Богъ: «ты узнаешь ихъ въ одну минуту» — и я узналъ....

Я вошелъ во второй коррпдоръ. Въ одну изъ дверныхъ форточекъ глядѣло блѣдное, восковое лицо генерала. Его превосходительство, въ послѣднее время, почти что не выпускали изъ ком-

наты, потому что онъ сталъ ко всѣмъ приставать и никому не давалъ покоя. За то и самъ онъ, какъ видно, не зналъ ни минуты покоя, и единственнымъ утѣшеніемъ для него могло служить лишь то, что скоро, очень скоро предстояло ему успокоиться навсегда....

Увидѣвъ меня, генералъ сначала беззвучно пошевелилъ губами, а потомъ протяжно, слабымъ голосомъ произнесъ:

— Сдѣлайте меня дьяволомъ.

— Для чего же?

— Буду хорошенькимъ ... началъ было генералъ; но рѣчь его была внезапно прервана подбѣжавшимъ ко мнѣ Бейеромъ.

— Я хочу сегодня же, сказалъ онъ: — во всѣхъ газетахъ публиковать, что я хочу всю мою жизнь оставаться здѣсь, и чтобы, въ продолженіи всей моей жизни, меня никто не смѣлъ навѣщать изъ всѣхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ.

— Что же, сказалъ я: — публикуйте.

— Но не можете ли вы публиковать, отвѣчалъ Бейеръ: — что я хочу всю мою жизнь оставаться здѣсь, и чтобы, въ продолженіи всей моей жизни, меня никто не смѣлъ навѣщать изъ всѣхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ.

Отчего же, можно.

— Въ такомъ случаѣ, все это публикуйте, а что это будетъ стоить — вы пишите объ этомъ къ моему отцу, штатскому лекарю города Варшавы, отставному изъ военно-медицинской службы, надворному совѣтнику и штабъ-лекарю варшавскаго военнаго госпиталя, Іосифу Моисеевичу Бейеру, живущему въ собственной своей квартирѣ, на улицѣ Свенто-Горской, подъ N 500, въ домѣ купца Бейнске, въ Варшавѣ.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ я, и торопливо шелъ далѣе. Между тѣмъ въ отдѣленіи произошло нѣкоторое усиленное движеніе — и явился ординаторъ.

— Вамъ сегодня на выписку, сказалъ онъ мнѣ.

— Кажется, отвѣчалъ я.

— Но зачѣмъ вы насъ такъ скоро покидаете? продолжалъ ординаторъ шутливымъ тономъ: — вы бы еще у насъ пожили.

— Нѣтъ ужъ, докторъ, довольно.

Лысый ординаторъ, любезно, но величаво улыбнулся и потекъ по корридору, сопровождаемый, какъ всегда, криками, ругатель-

ствами, жалобами и просьбами. Я тоже пошелъ вслѣдъ за нимъ, желая въ послѣдній разъ насладиться, какъ его мудрыми вопросами и отвѣтами, такъ и не менѣе мудрыми вопросами и отвѣтами самихъ больныхъ. Желаніе мое однако же не осуществилось. Ординаторъ на этотъ разъ обтекъ отдѣленіе быстрѣе обыкновеннаго, почти что ни съ кѣмъ не останавливаясь; и только уже на самомъ концѣ корридора задержанъ былъ мизернаго вида сумашедшимъ, обратившимся къ эскулапу съ слѣдующей жалобной рѣчью:

— Помилуйте! я прошусь на выписку, а меня не пускаютъ. Мнѣ необходимо видѣться съ моими родными. Мой старшій братъ хочетъ обручаться обручальнымъ кольцомъ моей матери. Я долженъ удержать его отъ этого, потому что онъ будетъ страдать на весь міръ. А здѣсь, что я могу сдѣлать? Мысли мои сбиты, слова запутаны...

Сумашедшій этотъ отличался тѣмъ лишь, что очень вѣжливо, даже почтительно кланялся всѣмъ другимъ сумашедшимъ при встрѣчѣ съ ними въ корридорѣ. До этого дня я не слыхалъ ни разу его голоса и почиталъ его нѣмымъ; но въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы бывали всякія чудеса...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ ординаторъ, прослушавъ жалобную рѣчь мизернаго больного: — я погляжу...

И, проговоривъ это, онъ пошелъ далѣе. Я между тѣмъ заглянулъ въ комнату къ отставному юнкеру. Онъ сидѣлъ по обыкновенію на голомъ полу и, пригнувшись головой къ колѣнямъ, сосалъ свое исподнее платье. Атмосфера въ его аппартаментѣ была, кажется, еще хуже, чѣмъ прежде: съ души воротило. Заслышавъ шорохъ у двери, юнкеръ приподнялъ голову, взглянулъ на меня, нахмурился и что-то такое прорычалъ. Я отошелъ съ искреннѣйшимъ желаніемъ въ душѣ — никогда болѣе не быть свидѣтелемъ такого полнаго и страшнаго человѣческаго паденія...

А въ отдѣленіи въ это время произошло снова нѣкоторое усиленное движеніе — и по большому корридору, съ обычною своею быстротою, неуступавшею быстротѣ вѣтра пустыни, пронесся главный докторъ, сопровождаемый скорчившимся ординаторомъ и двумя надзирателями. Крики, ругательства и всевозможные возгласы разомъ усилились; больные повысыпали почти изъ всѣхъ комнатъ; а Бейеръ, не отставая ни на шагъ отъ главнаго доктора, задыхаясь, твердилъ ему:

— Я хочу сегодня же во всѣхъ газетахъ публиковать, что хочу всю мою жизнь оставаться здѣсь, и чтобы, впродолженіе всей моей жизни, меня никто не смѣлъ навѣщать изъ всѣхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ...

— Вы можете идти домой, сказалъ главный докторъ, остановившись на мигъ передо мной: — я выписалъ васъ сегодпишнимъ числомъ.

И онъ тотчасъ же понесся далѣе, а я отправился собираться домой.

Когда все было готово, я вошелъ еще разъ въ покидаемую мною комнату — взглянуть, не забылъ ли я чего. Иванъ Петровичъ лежалъ неподвижно лицомъ къ стѣнѣ и, кажется, почивалъ. Я посмотрѣлъ на его поджатыя ножки, на его какъ-то необыкновенно уныло сгорбленную спину, на его взъерошенный затылокъ — и невольно вздохнулъ. Въ эту самую минуту, какъ бы для того, чтобы разсѣять мои печальныя мысли и оставить во мнѣ по отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы не грустное, но веселое впечатлѣніе, раздался за дверью сонный голосъ Шапкина, пробасившій:

— Тридцатое число ныньче.

— Нѣтъ, тридцать первое число марта мѣсяца, отвѣчалъ другой, хорошо знакомый и любезный мнѣ голосъ.

— Не выйдешь ты вонъ!

— Нѣтъ, выйду.

— Нѣтъ, не выйдешь, — чиселъ не знаешь.

Я вышелъ изъ комнаты. По корридору медленно удалялся кухмистерскій сынъ; а тамъ, въ рекреаціонной залѣ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, металось и сновало нѣсколько тоже знакомыхъ мнѣ фигуръ, между которыми типичнѣе всѣхъ выдавалась согбенная и скорбная фигура заштатнаго пономаря. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня у печки стоялъ Петръ Андреевичъ Каченовскій, только что окончившій свой обычный утренній разговоръ съ часовымъ, — разговоръ, какъ извѣстно, начинавшійся словами: — «домой, батюшка, домой».

— Прощайте, Петръ Андреичъ, сказалъ я: — домой иду.

— Пожелать благополучія и счастія, и здоровья, умильно отвѣчалъ параличный старичокъ, кивая мнѣ головою. Появившійся въ это время изъ своей комнаты поручикъ Ивниковъ изъявилъ желаніе со мной облобызаться. Мы облобызались. Шапкинъ пробасилъ:

«счастливо оставаться, ваше благородіе», — и получивъ должную мзду, широко распахнулъ передо мной дверь, которая снова потомъ заперлась, скрывъ изъ глазъ моихъ отдѣленіе умалишенныхъ ***ской больницы, въ коемъ, волею судебъ, пробылъ я въ совершенно здоровомъ состояніи шесть недѣль безъ нѣсколькихъ часовъ...

И вотъ я давно уже на волѣ, опять живу совсѣмъ иными впечатлѣніями, съ совсѣмъ иными людьми; но мысль моя и теперь очень нерѣдко уносится туда — въ маленькія, скучныя комнатки, въ свѣтлую чистенькую залу, въ длинные мрачные корридоры, по которымъ, какъ тѣни въ чистилищѣ, снуютъ взадъ и впередъ и жалкія, и смѣшныя, и странныя, и страшныя фигуры, томимыя и жалкими, и смѣшными, и странными, и страшными думами и ощущеніями... Мѣрно, правильно отсчитываетъ имъ часовой маятникъ время корма и пойла, время сна и шатанья; мѣрно, правильно протекаетъ ихъ жизнь, тщательно обставленная разными психіатрическими удобствами, — но жизнь эта такова, что цѣною ея удручающаго бремени должны быть на-вѣрное и сполна искуплены всѣ заблужденія, прегрѣшенія и вины моихъ бывшихъ бѣдныхъ, несчастныхъ товарищей, которымъ я отъ всей души желаю — или скораго исцѣленія, или скорой смерти.

I. Пи.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ЛЕВЕРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XIII.

Садъ.

Съ той поры, какъ Девенпортъ Дённъ заявилъ, что онъ желаетъ еще наслаждаться гостепріимствомъ лорда Гленгаррифа, его отношенія къ хозяину сдѣлались еще задушевнѣе и казались даже чѣмъ-то въ родѣ старой дружбы. Лордъ Гленгаррифъ предусматривалъ въ будущемъ выгоды и обогащеніе, при содѣйствіи человѣка, энергія котораго всегда могла служить ручательствомъ за успѣхъ.

Конечно, Дённъ прямо ни за что не ручался; ему внимали, его распрашивали, обсуждались его отвѣты,—но нельзя было открыть въ его словахъ ничего сколько нибудь похожаго на положительное мнѣніе, а тѣмъ болѣе на обѣщаніе. Но старый лордъ не безъ основанія говорилъ дочери, гуляя съ ней именно въ это время по саду послѣ завтрака: «дѣло въ томъ, что этотъ народъ всегда остороженъ, всегда себѣ на умѣ, и если не противорѣчитъ, значитъ — ни прочь и содѣйствовать. Наше дѣло теперь дѣйствовать съ толкомъ, не спѣшить, не настаивать, вести дѣло

исподоволь; а главное, для успѣха нашего дѣла — надо сдѣлать пребываніе его у насъ возможно болѣе пріятнымъ.

— Клянусь, Густи! воскликнулъ лордъ, помолчавъ немного,— я не могу себѣ представить, что это тотъ же самый Дэви, какъ вы его прежде звали. Признаюсь, въ жизнь свою я не видѣлъ такихъ невѣроятныхъ превращеній!

— Въ самомъ дѣлѣ, удивительно! сказала разсѣянно дочь.

— И вѣдь не въ томъ сила, что онъ пріобрѣлъ много новыхъ познаній — это понятно мнѣ: человѣкъ вѣчно работаетъ, — но я часто спрашиваю себя, куда же дѣвалась вся его прежняя личность, отъ которой рѣшительно и слѣда не осталось? гдѣ этотъ застѣнчивый, нерѣшительный человѣкъ съ своими педантствомъ и подозрительностью? Куда дѣвалось постоянное стремленіе все узнавать, все выспрашивать? Помнишь, какъ надоѣдало намъ его докучливое любопытство?

— Помню, отвѣтила она въ полголоса.

— А теперь въ его сдержанныхъ, плавно - спокойныхъ манерахъ есть что-то... полное достоинства. Увѣряю, не знай я его прежде, я бы счелъ непремѣнно его за человѣка аристократическаго апломба.

— Безъ сомнѣнія, сказала она, все тѣмъ же тономъ.

— До того я мало ожидалъ, что онъ станетъ со мной говорить о себѣ прямо и откровенно!

— А онъ прямо говорилъ? спросила она съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— Да; очень откровенно и разсудительно. Онъ разсказывалъ о препятствіяхъ, которыя пришлось ему уже преодолѣть въ жизни, и которыя еще по всей вѣроятности предстоятъ...

— Что же онъ говорилъ объ этихъ послѣднихъ? спросила она съ особеннымъ любопытствомъ.

— Извѣстно что, отвѣтилъ лордъ полуугрюмо;— говорилъ, что они заключаются въ его семейныхъ отношеніяхъ, связяхъ, общественномъ отношеніи...

— Что-же онъ о нихъ говорилъ, — т. е. какъ выражался, я хочу сказать?

— Скромно и хорошо. Онъ не скрывалъ, что ему предстояли - таки нѣкоторыя затрудненія, но что во всякомъ случаѣ наше общественное устройство построено на здравыхъ и прочныхъ основаніяхъ.

— Предположеніе немаловажное, сказала она съ легкой улыбкой.

— Разъ только прорвался въ немъ радикалъ, замѣтилъ старый лордъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ горькой улыбки: — а именно, когда я замѣтилъ, что древняя знать, подобно алмазу, требуетъ для своего блеска и прочности постоянной шлифовки въ теченіе столѣтій. «Недурно бы ей чаще объ этомъ вспоминать, милостивый государь, сказалъ онъ, — а то она начинаетъ превращаться изъ алмаза въ грязный уголь!»

Миссъ Августа въ тихомолку разсмѣялась, но не сказала ни слова.

— Во многихъ отношеніяхъ онъ человѣкъ очень разсудительный, очень, очень разсудительный. Я отъ всей души желаю, чтобы побольше людей изъ его класса были одушевлены *его* чувствами. Онъ ничуть не разрушительнаго направленія: умѣренныя, благоразумныя преобразованія, преобразованія, сообразныя однакожъ съ духомъ времени — вотъ за что онъ стоитъ. Какъ я уже сказалъ, Густи, эти люди тогда только опасны, когда мы держимъ себя слишкомъ исключительно для нихъ. Стоитъ только обращаться съ ними прямо, допускать прямо въ свое общество, выслушивать ихъ разсужденія, даже опровергать ихъ, указывая на то, что несогласно съ нашими интерессами, — и они не будутъ *опасны*.

— Думаю, что это такъ, — сказала она задумчиво.

— Меня другое удивляетъ еще: онъ нимало не гордится своимъ карманомъ, покрайней мѣрѣ я не могъ этого подмѣтить. Онъ разсуждаетъ о деньгахъ весьма прямо и основательно, сознаетъ, что можно съ ними сдѣлать и чего нельзя...

— А чего же нельзя? спросила Августа.

— Думаю, что объ этой матеріи можно-таки и поспорить, сказалъ лордъ не совсѣмъ довольнымъ тономъ. Никакой, самый отчаянный сторонникъ денегъ не рѣшится утверждать, что деньги могутъ создать человѣка — одного *изъ насъ*, сказалъ онъ, помолчавъ, между тѣмъ какъ кровь бросилась ему въ лицо.

— Но вѣдь деньги могутъ это сдѣлать, дѣлаютъ даже каждый день, возразила она рѣшительно. Наше перство получаетъ свою силу и отъ богатства и отъ талантовъ людей низшихъ сословій, и если Дённъ милліонеръ, какъ ходятъ о немъ слухи, то я желала бы знать, почему же не поставить его наравнѣ съ лучшимъ перомъ Ирландіи?

— Да, богатство и вліяніе пожалуй даютъ ему это значеніе, но только для людей такого сорта этого одного мало, сказалъ графъ съ надменной улыбкой.

— Вы такъ говорите, какъ будто эти люди не болѣе, какъ наши подметки, на которыхъ мы ходимъ. Не вѣрнѣе-ли предположить, что мы, можетъ быть,скоро сдѣлаемся ихъ подметками,— отвѣчала она раздражительно.

— Какая чудовищная безсмыслица, дитя мое! возразилъ отецъ сердито. Да это, да это настоящій... и онъ побагровѣлъ... отъ усилія прибрать надлежащее выраженіе — настоящій чартизмъ!

— Если такъ, то чартизмъ мнѣ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ я думала до сихъ поръ.

Къ счастью для нихъ обоихъ, внезапное появленіе Дённа положило конецъ разговору, который бы могъ зайти слишкомъ далеко и который оставилъ слѣды своего непріятнаго впечатлѣнія на лицахъ обоихъ разговаривающихъ. Лордъ Гленгаррифъ едва могъ настолько овладѣть собой, чтобы поздороваться съ Дённомъ; а смущеніе леди Августы было еще замѣтнѣе. Немного успѣли пройти они вмѣстѣ, какъ лорда Гленгаррифа позвали домой, потому что пріѣхалъ къ нему сосѣдній чиновникъ, а леди Августа осталась одна въ Дённомъ.

— Мнѣ совѣстно, леди Августа! сказалъ онъ робко:—что я обезпокоилъ васъ своимъ приходомъ. Я подозрѣваю, что помѣшалъ конфиденціальному разговору.

— О нѣтъ, вовсе нѣтъ, сказала она откровенно. Мы разсуждали о вопросѣ, въ которомъ никогда не можемъ согласиться и который, кажется, каждый день увеличиваетъ пропать, насъ раздѣляющую; и я очень рада, что вы прекратили этотъ разговоръ.

— Я никогда не питалъ особеннаго пристрастія къ подслушиванію, леди Аугуста, сказалъ онъ серьёзно:—но когда я шелъ по аллеѣ, до меня долетѣло нѣсколько словъ, въ которыхъ упоминалось мое имя. Не покажется ли вамъ нескромнымъ, если я осмѣлюсь спросить, какому обстоятельству я обязанъ вашимъ лестнымъ вниманіемъ?

— Я затрудняюсь, какъ вамъ это сказать, отвѣтила она, покраснѣвъ.—Затрудняюсь именно потому, что хорошо знаю вашъ образъ мыслей въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, мистеръ Дённъ, сказала она поспѣшно, что я и папа расходимся въ нашихъ мнѣніяхъ объ аристократіи королевства и о соціальномъ значеніи ея.

— И я послужилъ тутъ пояснительнымъ примѣромъ? сказалъ Дённъ, низко кланяясь, но безъ малѣйшаго раздраженія.

— Именно такъ,—сказала она тихимъ, но внятнымъ голосомъ.

— И леди Августа Арденъ, продолжалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ,—думаетъ и говоритъ о сословіи, къ которому я при-

надлежу, благопріятнѣе чѣмъ старый графъ. Очень радъ, вскричалъ онъ громче и энергичнѣе: — очень лестно для меня, что я нашелъ себѣ защиту именно тамъ, гдѣ желалъ. Я могу понимать хорошо предразсудки благороднаго лорда; они имѣютъ свою причину; уже одно то, что эти предразсудки слагались цѣлыми вѣками — даетъ имъ нѣкоторое значеніе. Но я осмѣливаюсь думать, что вы, леди Августа, можете великодушно относиться къ требованіямъ нашего вѣка и не считать нисшія сословія за презрѣнныхъ паріевъ, которыхъ силу и вліяніе современемъ почувствуетъ гордая англійская аристократія.

— Но меня въ высшей степени интересуетъ одинъ вопросъ, который я не скрою отъ васъ: въ чемъ же состоитъ ваше личное честолюбіе? сказала она вдругъ.

— Мое? мое! отвѣтилъ Дённъ, заикаясь и въ крайнемъ смущеніи.—У меня... только одно...

— Не отгадаю ли я? Скажите, отгадаю или нѣтъ?

— Съ удовольствіемъ скажу прямо.

— Ваше честолюбіе — быть министромъ кабинета; вы желаете быть тамъ, гдѣ ваши таланты могли бы найдти себѣ полное примѣненіе.

— О нѣтъ, не то, — сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Да вѣдь одни звонкіе титулы никогда не удовлетворятъ честолюбія, подобнаго вашему, — я увѣрена. Вы не станете хлопотать о такихъ пустякахъ.

— А между тѣмъ эти титулы, леди Августа, сильно помогаютъ тѣмъ планамъ, которые не даютъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Въ дни моей бѣдности и неизвѣстности, точно также какъ въ полнолуніе моего счастія, они никогда не переставали служить для меня ступенью, черезъ которую я долженъ шагнуть къ осуществленію моихъ, вовсе не аристократическихъ цѣлей. Да, леди Августа, минута, такая какъ теперь, можетъ потомъ не повториться. Я надѣюсь, что вы благосклонно выслушаете одно изъ самыхъ задушевныхъ моихъ признаній.

Быстрые шаги не подалеку обратили ихъ вниманіе и они оба остановились въ замѣшательствѣ. Подошла Сибелла Келлетъ съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукахъ.

— Депеша, мистеръ Дённъ, сказала она, — я васъ искала по всему саду. Онъ взялъ конвертъ, пробормотавъ: «благодарю», и положилъ въ карманъ, не читая. Миссъ Келлетъ скоро замѣтила, что ея присутствіе было не кстати, и, ссылаясь на недосугъ, собралась было уйти; но леди Августа сказала:

— Подождите меня, миссъ Келлетъ; мистеру Дённу необходимо уединеніе, и мы не въ правѣ развлекать его въ эту минуту. И Августа поспѣшила уйдти.

— Подождите, не уходите, леди Августа, сказалъ онъ.—Я сегодня свободенъ, — но она уже не слышала его.

Въ числѣ тайнъ, которыхъ Девенпорту Дённу никогда не удавалось распутать, всегда первое мѣсто занимало женское сердце. Самая молоденькая дѣвушка, только-что изъ подъ крылышка гувернатки или со школьной скамьи, могла поставить его въ тупикъ скорѣе самаго хитраго финансоваго вопроса. И вотъ его теперь сильно волновалъ вопросъ: захотѣла ли леди Августа уклониться отъ дальнѣйшаго разговора случайно, или она ушла потому, что достаточно поняла его намекъ. Очень мало зная прекрасный полъ, онъ старался рѣшить вопросъ на основаніи собственнаго соображенія, не принимая въ расчетъ женскую деликатность и ту тонкость женскаго ума, которая разомъ понимаетъ, что нужно сдѣлать въ извѣстномъ случаѣ.

— Конечно, она поняла мой намекъ, — я говорилъ прямо, можетъ быть слишкомъ прямо. Но однакожъ — я ничего не сказалъ... Ея внезапный уходъ... Въ ихъ сословіи, говорятъ, это непринято... такіе намеки... они любятъ спокойный тонъ и мягкую рѣчь... она, быть можетъ, не рѣшилась прямо отказать... А между тѣмъ, какъ терпѣливо она выслушала... и надо же было случиться такой помѣхѣ! Столько вниманія, даже участія... Но можетъ быть, и это—не болѣе, какъ свойственная ихъ сословію снисходительность пополамъ съ любопытствомъ?

Такъ онъ размышлялъ и догадывался, и конечно было надъ чѣмъ голову поломать.

Наконецъ онъ вспомнилъ о депешѣ — и вынулъ ее изъ кармана. Взглянувъ на адресъ и печать, онъ однакожъ не вскрылъ конвертъ, но съ едва замѣтной улыбкой спряталъ его опять въ карманъ.

ГЛАВА XIV.

Телеграфическая депеша.

Когда Дённъ вошелъ въ гостинную передъ обѣдомъ и увидѣлъ леди Августу одну, сердце его очень сильно забилось. Его занимала догадка, какъ она смотрѣла на утренній разговоръ — презрительно-ли насмѣялась надъ его высокомѣріемъ, или сохранила къ нему если не благосклонность, то хоть снисхожденіе. Привѣтливая улыбка, съ которой она его встрѣтила, рѣшила вопросъ скорѣе, чѣмъ всѣ его соображенія.

— Не правда ли, сказала она, не благоразумно ли было съ моей стороны оставить васъ однихъ съ важными предметами, вызвавшими ваше вниманіе? Я почти горжусь этимъ самоотверженіемъ.

— Однакожъ, отвѣтилъ онъ тихо, мнѣ было бы болѣе лестно, если бы вы были менѣе благоразумны, а болѣе интересовались выслушать то, что я намѣревался вамъ сказать.

— Какъ эгоистично, сказала она, смѣясь. Я даю вамъ все, что можно, а вы принимаетесь опять за старое и говорите, что вамъ этого мало. Я предполагаю, прибавила она полусердито, что депеша была не очень спѣшная и что опа виновница нѣкотораго смущенія.

— Ничего не могу сказать на этотъ счетъ, замѣтилъ онъ спокойно.

— Какъ? Вѣроятно, когда вы ее прочли...

— Но я ее не прочелъ; вотъ она, такая же какъ вы ее видѣли,—отвѣтилъ онъ, показывая на нераспечатанный конвертъ.

— Но что это мистеръ Дённъ! сказала она и покраснѣла. Я не вижу тутъ той неусыпной дѣятельности, которую вамъ всѣ приписываютъ. Развѣ такъ небрежно обращаются съ подобными извѣстіями?

— Никогда со мной этого не случалось до сегодняшняго утра, леди Августа,—отвѣтилъ онъ также въ полголоса.— Увлеченный впечатлѣніемъ, которое я не рѣшаюсь высказать, я осмѣлился было повести съ вами рѣчь о себѣ и о своей будущности, — и ха-

рактеръ вашего вниманія къ моимъ словамъ показалъ бы мнѣ ихъ значеніе для насъ обоихъ.

— А, Дённъ! кричалъ лордъ Гленгаррифъ, входя:—а я думалъ— у васъ сегодня дѣла; мы васъ вовсе не видали послѣ завтрака.

— Совершенно напротивъ, милордъ возразилъ онъ, очень сконфузившись. Я, что называется, лѣнился: ни строки не написалъ, ни въ одну газету не заглянулъ.

— Не хотѣлъ даже распечатать депешу, которую получилъ нынче утромъ, сказала леди Августа, взглянувъ на него съ колкою шутливостью.

— Невѣроятно! вскричалъ милордъ.

— Совершенно вѣрно; ручаюсь вамъ, милордъ—сказалъ Дённъ въ высшей степени сконфузившійся и не зная, какой оборотъ дать объясненію.

— Дѣло въ томъ, быстро и вдругъ сказала леди Августа,—что мистеръ Дённъ такъ послушенъ нашему предписанію отдыхать, что онъ считаетъ своею обязанностью не читать даже телеграмъ безъ позволенія.

— Долженъ признаться, что это для насъ очень лестно, сказалъ лордъ Гленгаррифъ: но вознаградимъ же за такое послушаніе и позволимъ ему взглянуть, что пишутъ.

Дённъ взглянулъ на леди Августу, которая едва замѣтнымъ движеніемъ головы дала свое согласіе, и онъ распечаталъ депешу.

Прочитавъ, онъ сердито смялъ въ рукѣ бумагу и съ досадой пробормоталъ какія-то слова.

— Ничего непріятнаго, надѣюсь? спросилъ лордъ.

— Напротивъ, милордъ, нѣчто даже болѣе чѣмъ непріятное, сказалъ онъ;—потомъ, расправивъ смятую бумагу, онъ далъ ему прочесть.

Лордъ Гленгаррифъ, вынувъ очки, прочелъ медленно депешу и затѣмъ, обратившись къ Дённу, сказалъ очень взволнованнымъ голосомъ:

— Это въ самомъ дѣлѣ ужасно; вы къ этому приготовлены?

Не обращая вниманія на вопросъ, Дённъ взялъ депешу у лорда Гленгаррифа и передалъ ее леди Августѣ.

— Ликвидація! быстро вскричала она. — Покушеніе подорвать Оссорскій банкъ! Что же это значитъ? Кто же это сдѣлалъ?

— Противники — нѣкоторые политическіе, другіе коммерческіе, есть, быть можетъ, и личные враги,—враги того, что они называютъ моимъ успѣхомъ, — и при послѣднемъ словѣ онъ тяжело

вздохнулъ.—Позвольте взглянуть, сказалъ онъ тихо, черезъ нѣсколько времени: — сегодня четвергъ, завтра 28-е... Много уплатъ требуется въ Гуатемалу, нѣсколько больше 40,000 фунтовъ. Пармская ссуда, вторая уплата, будетъ 30-го.

— Кушать подано, милордъ, сказалъ слуга, растворяя настежъ дверь.

— Тысяча извиненій, леди Августа,—сказалъ Дённъ, предлагая ей руку. — Мнѣ очень непріятно, что я сообщилъ вамъ подобныя извѣстія.—Вы видите, милордъ, прибавилъ онъ весело: — какъ подчасъ неудобно бываетъ допускать въ свое общество дѣловыхъ людей.

Только когда всѣ пришли въ столовую, лордъ Гленгаррифъ замѣтилъ отсутствіе миссъ Келлетъ.

— Голова болитъ, или простудилась, кажется, сказала небрежно леди Августа; и всѣ сѣли за столъ.

Въ присутствіи прислуги разговоръ преимущественно касался обыкновенныхъ предметовъ, да и велся какъ-то вяло и нехотя; видно было, что депеша оставила сильное впечатлѣніе. Только однажды лордъ Гленгаррифъ выбралъ удобное время; они коснулись зловѣщей депеши.

— Вы конечно на все готовы, Дённъ? сказалъ графъ: — этотъ ударъ не захватываетъ васъ врасплохъ?

— Къ стыду моему, захватываетъ, милордъ, сказалъ онъ съ страдальческой улыбкой. — Всего менѣе теперь я ожидалъ противъ себя злыхъ умысловъ. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, я начиналъ чувствовать, что добросовѣстно выполнилъ свое назначеніе въ жизни, что содѣйствовалъ немало процвѣтанію интересовъ моей родины и вообще человѣчества. Слѣдовательно, этотъ ударъ сильно меня поразилъ.

— Какая низкая неблагодарность! воскликнула съ негодованіемъ леди Августа.

— Конечно, сказалъ Дённъ; впрочемъ не мнѣ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Другіе, можетъ быть, составили иное мнѣніе о моемъ характерѣ; они могутъ меня считать узколобымъ, эгоистомъ, честолюбцемъ. Мои успѣхи, а успѣхи были—и значительные, я не отрицаю этого,—нажили мнѣ враговъ. И дѣйствительно, размашистость моихъ предпріятій была въ нѣкоторомъ родѣ постояннымъ, живымъ упрекомъ мелкимъ спекуляторамъ и прожектерамъ.

— Такъ это для васъ неожиданность? сказалъ графъ, возвращаясь къ первому замѣчанію.

— Совершенно такъ, милордъ. Спокойствіе и счастье, которыми я наслаждался подъ этимъ кровомъ,—первый собственно праздничный день въ моей тяжелой трудовой жизни служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ мало я ожидалъ подобнаго удара.

— Однакоже я твердо надѣюсь, что это неболѣе, какъ временное затрудненіе, сказалъ лордъ съ чувствомъ.

— Неболѣе, милордъ, въ денежномъ отношеніи. Я не думаю чтобъ это замѣшательство было общее. Въ странѣ нѣтъ опасности кредиту, ренты уплачиваются, трудъ вознагражденъ, рынки въ лучшемъ состояніи, чѣмъ когда нибудь; здравый смыслъ народа быстро откроетъ въ этомъ нападеніи дѣйствіе личной злобы. По всей вѣроятности дѣло обойдется нѣсколькими тысячами.

— Я такъ рада этимъ словамъ! сказала съ улыбкой леди Августа. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаю, что мы такъ настоятельно стараемся васъ здѣсь удержать, вижу, что мы никогда не могли бы васъ вознаградить ничѣмъ за тѣ неудачи, которыя можетъ повлечь ваше отсутствіе.

— О, Дённъ вѣроятно никогда не свяжетъ свое пребываніе у насъ съ подобными послѣдствіями; я увѣренъ, сказалъ графъ.

— Конечно нѣтъ, милордъ, сказалъ онъ; и когда онъ встрѣтился глазами съ леди Августою, онъ покраснѣлъ и сильно смѣшался.

— Что, ваши подчиненные, ваши агенты и прочіе, сказалъ графъ, — могутъ управиться съ настоящими обстоятельствами, или тамъ нужно *ваше* личное присутствіе?

— Удовлетворить требованію золота—дѣло нехитрое, милордъ, сказалъ Дённъ: — и не требуетъ никакого напряженія умственныхъ способностей. Остановить выступленіе изъ береговъ этого потока, заливающаго и поглощающаго всѣ банки, — словомъ, защитить дѣла нашихъ же соперниковъ и враговъ, спасти отъ послѣдствій собственнаго нерадѣнія людей, подкапывающихся подъ насъ, — вотъ тяжелыя заботы!

— И вы дали честное слово дѣйствовать въ ихъ пользу?

— Нѣтъ, милордъ; ни честное слово, ни законъ не обязываютъ меня, но честныя отношенія къ торговому товариществу, довѣрію котораго мы обязаны обогащеніемъ. Мое положеніе въ главѣ большого промышленнаго движенія въ этой странѣ налагаетъ на меня непремѣнную обязанность заботиться объ интересахъ общихъ! Противъ безсмысленныхъ нападокъ ненависти

партій, ихъ насилій, или торговаго плутовства я обязанъ запастись средствами противъ всевозможныхъ случайностей,—разрушить этотъ заговоръ, обнаружить его, объявить о немъ другимъ. Не имѣю ли я основаніе называть этотъ случай очень важнымъ?

Вообще, Дённъ мало любилъ говорить о себѣ и не терпѣлъ самовосхваленій, а между тѣмъ по нѣкоторымъ причинамъ онъ велъ рѣчь какъ будто именно съ цѣлью выставить ярче свои планы, свое значеніе и свое вліяніе. Притомъ было очень пріятно говорить на тему, которую дочь англійскаго пера такъ внимательно слушала. Да къ тому же этотъ предметъ представлялъ возможность познакомить аристократа съ тѣми обширными средствами, могущественными двигателями и съ той силой вліянія, которыми располагаетъ коммерческій человѣкъ, съ картиной устройства не только его собственнаго богатства, но и вообще народнаго благосостоянія. Между тѣмъ какъ онъ все это разсказывалъ съ увлеченіемъ, сообщавшимъ его словамъ много краснорѣчія, вошелъ слуга и подалъ еще депешу.

— О, я надѣюсь, что теперь извѣстіе будетъ для васъ благопріятнѣе! вскричала леди Августа съ участіемъ; а онъ, разламывая печать, поблагодарилъ ее теплымъ взглядомъ.

— Хорошо? спрашивала она тревожно, между тѣмъ какъ онъ пробѣгалъ молча депешу. — Хорошо?

— Именно, какъ я сказалъ, пробормоталъ Дённъ глухимъ голосомъ: — систематическій заговоръ, настойчиво и сильной рукой веденный противъ меня.

— Опять банкъ? спросилъ графъ, котораго сильно занималъ настоящій разговоръ.

— Да, милордъ; они настаиваютъ на томъ, чтобы выставить меня человѣкомъ вздорнымъ, мелкимъ спекуляторомъ, аферистомъ, криводушнымъ интригантомъ, Богъ вѣсть чѣмъ. Хотѣлось бы мнѣ просто спросить ихъ: что же, развѣ деньги, которыми тотъ же Дённъ обогатилъ васъ, плохи, недѣйствительны, ненастоящіе? Развѣ гинеи ненадлежащимъ образомъ вычеканены? Развѣ кредитныя бумаги — ненастоящіе представители цѣнностей? Но что толковать объ этомъ народѣ! Если они мнѣ неблагодарны, стало быть незачто...—Да, незачто, потому что мои стремленія были выше и больше *ихъ* самихъ со всѣми *ихъ* интересами. И затѣмъ, придавая своему голосу болѣе мягкости и спокойствія, онъ продолжалъ: — депеша извѣщаетъ меня, что завтра въ Оссорскомъ банкѣ будетъ большое совокупное требованіе. Бернардъ, избранію котораго я самъ недавно содѣйство-

валъ, стоитъ теперь во главѣ этого замысла; онъ успѣлъ навести такой страхъ на все графство, что магистратъ потребовалъ полиціи и вдобавокъ двѣ роты пѣхоты. Мои агенты спрашиваютъ: что дѣлать?

— А *что* же дѣлать? спросилъ графъ.

— Удовлетворить, милордъ;—удовлетворить, каждаго по первому спросу.

Спокойное достоинство, съ которымъ Дённъ произнесъ эти слова, произвело самое полное впечатлѣніе на графа и его дочь. Въ ихъ глазахъ человѣкъ «низкаго происхожденія», въ минуту сильнѣйшей опасности, обнаруживалъ такъ много спокойной рѣшимости, безъ малѣйшей тѣни притворства. Впослѣдствіи, разсказывая объ этомъ обстоятельствѣ, они не могли надивиться характеру Дённа, и только леди Августа замѣтила, что одно въ это время обнаруживало его тревожное состояніе — гордое презрѣніе къ людямъ, которые такъ платили ему за всѣ его услуги, оказанныя странѣ.

— Какъ бы я желалъ, Дённъ, помочь вамъ въ этомъ случаѣ, сказалъ графъ, когда они вернулись въ гостиную: — но чѣмъ? Я не капиталистъ, нѣтъ у меня въ распоряженіи большой суммы...

— Дорогой милордъ, прервалъ его Дённъ съ большимъ чувствомъ: — денегъ я всегда могу достать, сколько мнѣ нужно. Берингъ, Гопъ, Ротшильдъ — каждый изъ нихъ сейчасъ дастъ мнѣ столько милліоновъ, сколько понадобится завтра; но, къ счастью, не понадобится. Есть другое лишеніе, въ которомъ эти господа не могутъ мнѣ помочь, но котораго, говорю съ гордостью, я не опасаюсь. Теплое сочувствіе, ваше, милордъ ко мнѣ и ваше, леди Августа, налагаютъ на меня обязанность...

Здѣсь Дённъ запнулся; графъ великодушно схватилъ и пожалъ его руку, а леди Августа отвернула голову и поднела платокъ къ глазамъ.

— Фи, какое лицемѣріе! воскликнетъ негодующій читатель. О нѣтъ, нѣтъ. Во всемъ этомъ было много и правды. Они *были* тронуты; ихъ собственное волненіе, тонъ ихъ голоса, проявленіе ихъ собственной природы,—все это *обнаружило* нѣкоторое пробужденіе честныхъ чувствъ въ ихъ сердцахъ; насколько тутъ были примѣшаны другія, менѣе достойныя чувства, насколько тутъ было обмана, мы не скажемъ здѣсь — и можетъ быть, не съумѣли бы сказать, еслибъ и хотѣли.

— Такъ вы завтра отправляетесь въ Килькени, Дённъ? спросилъ лордъ послѣ нѣсколькихъ минутъ тягостнаго молчанія.

— Да, милордъ; мое присутствіе необходимо.

— Позволите намъ съ леди Августою сопровождать васъ? Я думаю, что человѣкъ въ родѣ меня не могъ совсѣмъ еще потерять вліянія, которымъ нѣкогда пользовался въ странѣ, и я надѣюсь быть вамъ небезполезнымъ.

— О, милордъ, это слишкомъ много для меня! сказалъ Дённъ и закрылъ глаза рукой.

ГЛАВА XV.

Ликвидація.

Большой Оссорскій банкъ съ своимъ основнымъ капиталомъ въ милліонъ стерлинговъ, съ королевскою хартіею, съ титулованною дирекціею и съ бумагами на премію, находился въ Пэтрикской улицѣ въ Килькени, и представлялъ своими окнами съ зеркальными стеклами и прочными желѣзными рѣшетками настоящій типъ полнѣйшей денежной состоятельности и благонадежности. Сосѣдній дворянинъ поднимался по ступенямъ его параднаго входа съ чувствомъ стараго знакомства, потому что зналъ виконта, который жилъ нѣкогда въ этомъ дворцѣ а фермеръ испытывалъ чувство довѣрія, отдавая здѣсь свои тяжелые заработки и внося ихъ въ этотъ, по его мнѣнію, храмъ Креза. Какимъ благосостояніемъ, какою дѣятельностью все дышало внутри его! Массивныя двери отворялись и затворялись безъ малѣйшаго шума отъ самаго незначительнаго прикосновенія, служа какъ бы эмблеммой преобладающей за ними таинственности и полной легкости сдѣлокъ. Сколько ловкости и проворства въ движеніяхъ многочисленныхъ маклеровъ, которые безпрерывно считали, платили, учитывали! Какъ плавно и спокойно переходили они отъ конторки къ конторкѣ; одно слово, чуть слышный шопотъ составляли весь разговоръ. А сколько таинственной торже-

ственности въ отдаленной, задней конторѣ, съ ея двойной дверью, за которой погружены въ занятія нѣсколько плѣшивыхъ и страдающихъ одышкой, почтенныхъ кассировъ, старающихся уловить нѣсколько мгновеній, чтобы посовѣтоваться съ обитающимъ въ ней оракуломъ. Въ огромной залѣ, посвященной банковымъ операціямъ, ничто не обнаруживало прежняго назначенія зданія, за исключеніемъ огромнаго камина съ вычурнымъ верхомъ изъ чернаго дуба, на которомъ стоялъ бюстъ королевы, предметъ восхищенія и почтенія для многихъ въ байку одѣтыхъ посѣтителей.

Утромъ 12-го августа, до котораго мы довели нашъ разсказъ, улица предъ банковымъ зданіемъ представляла необыкновенно интересную сцену. Съ ранняго утра наполнилась улица народомъ и вскорѣ вся была загромождена самыми разнокалиберными экипажами, отъ великолѣпной кареты мѣстнаго аристократа до неказистой телѣженки мелкаго фермера. Всадники въ наѣздничьихъ нарядахъ на прекрасныхъ кровныхъ скакунахъ, красные старые дворяне на приземистыхъ лошадкахъ и простой людъ на косматыхъ клячахъ—все это тѣснилось въ густой толпѣ пѣшеходцевъ. Много полиціи было выставлено передъ банкомъ, хотя въ толпѣ не было замѣтно ничего, что бы оправдывало ея присутствіе. По толпѣ пробѣгалъ шопотъ; каждый толковалъ съ сосѣдомъ въ полголоса, совѣтовался, соображалъ, догадывался, смотря по характеру; нѣкоторые показывали другимъ объявленія и печатныя бумажки, полученныя по почтѣ; нѣкоторые указывали на столбцы газетъ; другіе развертывали большіе свитые счеты,—но всѣ рѣшительно говорили какъ-то грустно, что предвѣщало не совсѣмъ благопріятный исходъ. Когда было уже около 10 часовъ, время открытія банка, волненіе въ толпѣ возрасло до высочайшей степени; всѣ глаза были устремлены на массивную дверь, которой мѣдный молотокъ какъ-то нагло блестѣлъ на солнцѣ. Ежеминутно справлялись всѣ съ карманными часами и сообщали шопотомъ свои опасенія сосѣдямъ. Нѣкоторымъ удалось разсмотрѣть, что внутри банка начинаютъ ходить взадъ и впередъ очень безпокойно, и это еще болѣе взволновало толпу и вскорѣ со всѣхъ сторонъ стали говорить, что банкъ отворяется. Наконецъ колоколъ въ Таунголлѣ пробилъ десять часовъ. При каждомъ ударѣ всѣ ожидали, что вотъ отворится дверь банка, но она не отворялась: подавленныя чувства толпы глухо звучали въ сдержанномъ ропотѣ—глухой, болѣзненный стонъ, который, казалось, выходилъ изъ земли. Какъ будто въ отвѣтъ на безмолвный гнѣвъ толпы, въ отвѣтъ на еще невысказанный вопросъ послышался тяжелый стукъ, и

полиція разомъ принялась заряжать ружья—демонстрація, смыслъ которой былъ очень хорошо всѣми понятъ. Крикъ раздраженнаго недовѣрія пронесся тотчасъ въ толпѣ, но тотчасъ же и смолкъ, когда банковая дверь начала шевелиться и наконецъ распахнулась настежъ. Толпа всколыхалась и разомъ бросилась къ входу съ потрясающимъ шумомъ. Каждый стремился опередить другихъ, пробивая себѣ дорогу невѣроятными усиліями, не обращая никакого вниманія на крики и страданія вокругъ; даже усилія полиціи ничего не могли сдѣлать для возстановленія порядка. Израненная, окровавленная, полузадыхаясь, съ разбитыми лицами и изорваннымъ платьемъ, толпа все стремилась впередъ,—ни малѣйшаго почтенія къ лѣтамъ, уваженія къ званію! Грозитъ анархія, въ которой все прошлое было поглощено страшнымъ настоящимъ. Окровавленная, почти бездыханная, съ глазами пылающими адской мыслью, передняя часть этой толпы добралась наконецъ до перваго прилавка въ зданіи и чуть не падала мертвой подъ натискомъ заднихъ рядовъ.

Какой удивительный контрастъ представляла эта картина, полная тревоги и безобразія, съ спокойнымъ видомъ маклеровъ по другую сторону прилавка! Не удостоивая, повидимому, ни однимъ взглядомъ всю эту безпокойную сцену, они медленно и плавно расхаживали съ перьями за ухомъ, разговаривая о чемъ было нужно самымъ обыкновеннымъ голосомъ и уплачивая по представленнымъ бумагамъ съ полнѣйшимъ безстрастіемъ своихъ ежедневныхъ занятій.

— Золота! это вы сказали? повторяли они, какъ только доходило до нихъ новое требованіе. И требованія эти быстро шли одно за другимъ, и во всей толпѣ на всѣ голоса, начиная отъ полубѣшенаго отчаянія до стона истощенія силъ повторялся одинъ крикъ: «Золота!»

Въ своей дикой энергіи всѣ эти люди едва могли повѣрить, чтобъ ихъ требованія могли быть такъ легко удовлетворены; они почти обезумѣли отъ спокойнаго и холоднаго равнодушія, съ которымъ встрѣчались ихъ бѣшеные возгласы. Они считали и опять пересчитывали блестящія монеты, точно боялись какого нибудь подлога, точно хотѣли открыть обманъ. Отодвинутые въ сторону другими предъявителями, они вдали еще разъ принимались пересчитывать деньги;—до того имъ трудно было себѣ представить, что вся эта яростная сумагоха была попустякамъ. Нерѣдко случалось, что сомнѣваясь въ достаточномъ количествѣ денегъ въ банкѣ, получившіе плату спрашивали другихъ: уплаче-

ны-ли имъ деньги?! Проходилъ часъ за часомъ, а напоръ публики не уменьшался и не уменьшались залотыя волны уплачиваемыхъ банкомъ денегъ. Много было предъявлено очень крупныхъ бумагъ, но какъ скоро признавалась ихъ подлинность, тотчасъ же производилась уплата.

Появился агентъ другого банка съ огромной связкой Оссорскихъ бумагъ и сейчасъ же отошелъ назадъ съ двумя мѣшочками совериновъ. Не смотря на все это, приливъ толпы не уменьшался ни на минуту; напротивъ, съ теченіемъ дня толпа, казалось, дѣлалась гуще и настойчивѣе, и если полумертвые отъ утомленія маклера просили хоть минуту для отдыха и подкрѣпленія силъ сухарикомъ и глоткомъ вина, разомъ крикъ нетерпѣнія раздавался въ ненасытной толпѣ. Было теперь 3 часа. Въ другое время банкъ обыкновенно въ этотъ часъ запирался, и всѣ, казалось, опасались, чтобъ онъ не заперся навсегда. Очевидно было, что банкъ своею готовностью къ уплатѣ все-таки успѣлъ распространить въ толпѣ мало къ себѣ довѣрія. На возвращавшихся съ золотомъ смотрѣли, какъ на счастливцевъ, а неполучившіе еще уплаты терпѣли всѣ муки тревожной неизвѣстности.

Часу въ четвертомъ толпа разступилась и дала дорогу огромному дорожному экипажу, который чуть тащился выбившимися изъ силъ лошадьми.

— Кто это ѣдетъ съ графскимъ гербомъ? спросилъ одинъ господинъ своего сосѣда, когда возлѣ ихъ проѣзжалъ экипажъ.— Лордъ Гленгаррифъ и Девенпоръ Деннъ, клянусь! вдругъ вскричалъ онъ.

Извѣстіе объ этомъ мигомъ пробѣжало по всей толпѣ и вездѣ сталъ раздаваться крикъ: «Девенпортъ Деннъ прибылъ»! Впрочемъ ни по одному признаку нельзя было опредѣлить характеръ чувствъ толпы къ новоприбывшему. Правда, объявленіе его имени возбудило нѣсколько радостное чувство, но оно тотчасъ же смолкло, и онъ вышелъ изъ коляски у боковой двери банка при довольно зловѣщемъ молчаніи толпы.

— Пожалуйста не безпокойтесь, сказала леди Августа, когда онъ хотѣлъ помочь ей выйти изъ экипажа:—прошу васъ не думать о насъ. Мы прекрасно устроимся и въ гостинницѣ.

— И я прошу настоятельно объ этомъ же, прибавилъ графъ.

— Отклоняя мое гостепріимство, вы очень печалите меня и подтверждаете мнѣніе, что я не въ состояніи вамъ его предложить.

— Ахъ, правда, очень вѣрно замѣчено; Дённъ совершенно правъ, Августа. Мы идемъ. И онъ вышелъ, ведя за руку дочь.

Леди Августа обернулась назадъ, прежде чѣмъ вошла въ домъ, и взглянула на неизмѣримую толпу народа. Хотя въ ея взглядѣ было много гнѣва, но мы должны признаться, что этотъ взглядъ, что бы онъ въ себѣ не заключалъ, очень шелъ къ ея гордымъ чертамъ, и многіе не могли не воскликнуть: какая прекрасная женщина!

Этотъ пріѣздъ далъ поводъ ко многимъ самымъ разнороднымъ толкованіямъ въ публикѣ; одни приписывали пріѣздъ самого Дённа затруднительному положенію банковыхъ дѣлъ, другіе напротивъ видѣли въ этомъ хорошій признакъ. Не менѣе толковъ возбудилъ и пріѣздъ лорда Гленгаррифа; многихъ занималъ вопросъ, насколько графъ лично заинтересованъ въ банковыхъ дѣлахъ и какого рода его интересъ. Оставя публикѣ ея догадки и соображенія, мы просимъ читателя послѣдовать за нами въ гостиную Дённа, куда онъ повелъ своихъ гостей.

Гостиная была роскошно убрана и открывалась въ оранжерею, богатую гераніями и украшенную по срединѣ красивымъ мраморнымъ фонтаномъ, струившимъ воду. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только получилось извѣстіе о прибытіи Дённа, комнаты, въ которыхъ онъ почти не жилъ, были убраны, какъ будто онъ въ нихъ жилъ постоянно. Книги, картины, газеты были вездѣ разбросаны, свѣжіе цвѣты красовались въ вазахъ и лежали по столамъ новѣйшія періодическія изданія.

— Какой прелестный домъ! воскликнула леди Августа. И въ самомъ дѣлѣ ея одобреніе было искренне, потому что софы съ мягкими подушками, благоухающій воздухъ—все это представляло пріятный контрастъ съ духотою и утомительностью дороги.

Напрасно Дённъ упрашивалъ позавтракать чѣмъ нибудь; гости отказались на-отрѣзъ и объявили, что они у него останутся только подъ условіемъ, чтобъ онъ о нихъ болѣе не хлопоталъ, а занялся бы своими важными дѣлами.

— Скажете-ли мнѣ по крайней мѣрѣ, милордъ, въ которомъ часу вамъ угодно обѣдать? Не въ шесть-ли?

— Съ удовольствіемъ. Но еще разъ прошу васъ не хлопотать о насъ. Намъ здѣсь какъ нельзя лучше и намъ ничего не нужно.

Низко поклонившись въ знакъ согласія, Дённъ направился къ двери, когда вдругъ леди Августа быстро шепнула отцу нѣсколько словъ.

— Позвольте, на минуту, Дённъ! вскричалъ графъ. — Августа права. Замѣчаніе ея дѣлаетъ честь женскому уму. Она говоритъ, что я долженъ итти съ вами и показаться въ банкѣ лично; что мое присутствіе тамъ будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія. А вы какъ думаете?

— Я очень обязанъ леди Августѣ за это предложеніе, отвѣтилъ Дённъ, сильно покраснѣвъ.—Несомнѣнно, что присутствіе и поддержка ваша, милордъ, въ настоящее время неоцѣнимы.

— Я радъ, что вы—этого мнѣнія; радъ, что это пришло ей въ голову, пробормоталъ графъ, поправляя свои сѣдыя кудри передъ зеркаломъ и наскоро приводя въ порядокъ свой туалетъ.

Судя по впечатлѣнію, произведенному появленіемъ лорда въ банкѣ, догадка леди Августы была великолѣпна; едва ли благопріятнѣе подѣйствовалъ бы на публику цѣлый вагонъ съ золотыми слитками. Если бы Ной былъ англичаниномъ, то голубь долженъ бы ему принесть не оливковую вѣтвь, а лорда. Я говорю это вовсе не съ насмѣшкой или глумленьемъ: потому что caeteris partibus лорды лучшіе товарищи, чѣмъ простые люди; я дѣлаю эту замѣтку мимоходомъ, привожу какъ оригинальную черту англійскаго народа. Итакъ, отъ ничтожнѣйшаго фермера до богатѣйшаго джентельмена, присутствіе графа всѣмъ казалось новымъ ручательствомъ въ состоятельности банка. Многіе замѣчали, что Дённъ блѣденъ; нѣкоторые, — что встревоженъ; но всѣ находили, что сѣдовласый старый дворянинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ пріятнаго самодовольства.

Они сѣли въ конторѣ за прилавкомъ, чтобъ ихъ всѣ могли видѣть и чтобъ имъ было видно все, что дѣлалось въ толпѣ. Между тѣмъ какъ Дённъ смотрѣлъ на всю эту сцену съ спокойнымъ и невозмутимымъ равнодушіемъ, потому-что вниманіе его было гораздо больше поглощено газетами, чѣмъ всѣмъ окружаюжимъ,—быстрые глаза и уши лорда Гленгаррифа безпрестанно за всѣмъ слѣдили. Онъ глазъ не спускалъ ни съ одного подходившаго за уплатой къ столу, вслушивался въ его требованіе, замѣчалъ его сумму и проницательно наблюдалъ, какое дѣйствіе онъ произведетъ на кассира. Онъ однакожъ не былъ неподвижнымъ зрителемъ сцены, потому что если онъ просто сердито поглядывалъ на подходившаго одѣтаго въ байку крестьянина, то при приближеніи человѣка высшаго сословія или съ болѣе притязательною наружностью, ворчалъ отрывисто:—«очень дурно»! — «Большая неблагодарность!»—«Совершенная обида» и т. под.

Онъ дошелъ до высшей степени негодованія, когда обратился къ нему голосъ изъ толпы:—«какъ ваше здоровье, милордъ? Я не думалъ, что вы здѣсь».

Лордъ взглянулъ въ свои очки и тотчасъ же узналъ г. Бернарда, о которомъ ему разсказалъ Дённъ, какъ о человѣкѣ, недостойно отплатившемъ ему за его благодѣянія.

— И я точно также мало ожидалъ, отвѣтилъ надменно лордъ встрѣтить васъ въ подобномъ мѣстѣ. Въ *мои* дни ирландское дворянство первое подавало примѣръ довѣрія, а не распространяло недостойныя опасенія.

— Я не принадлежу къ банку, милордъ, и ничего не знаю о его состоятельности, отвѣтилъ онъ, кладя двѣ бумаги на прилавокъ.

— 8648, 3,000, 12, 9, 6, сказалъ маклеръ механически:—чѣмъ угодно вамъ получить?

— Билетами ирландскаго банка.

Дённъ отвелъ глаза отъ газеты и, поднявъ голову, поклонился Бернарду.

— Надѣюсь, что мистриссъ Бернардъ здорова? сказалъ онъ хладнокровно.

— Благодарю... здорова... совершенно здорова, отвѣтилъ Бернардъ, нѣсколько сконфуженый.

— Прошу не забыть передать ей, что на будущей недѣлѣ она получитъ шишки итальянской сосны. Я слышалъ, что онѣ получены въ таможнѣ.

Между тѣмъ какъ Бернардъ въ сильномъ смущеніи бормоталъ изъявленія благодорности, старый лордъ смотрѣлъ въ совершенномъ недоумѣніи на обоихъ говорившихъ. Гдѣ то гнѣвное негодованіе, котораго онъ ожидалъ отъ Дённа? Гдѣ же рѣзкіе упреки въ чорной неблагодарности?

— Скажите, Дённъ, сказалъ онъ ему въ полголоса:—это тотъ Бернардъ, о которомъ вы мнѣ говорили,—человѣкъ, котораго на дняхъ вы ввели въ парламентъ?

— Тотъ самый, милордъ, отвѣтилъ Дённъ тихо и осторожно. Здѣсь онъ правъ, совершенно правъ—ничего больше. Не теперь, не здѣсь мнѣ слѣдуетъ ему напомнить о его нехорошемъ со мной поступкѣ. Сегодня—его день. *Мой* день придетъ.

Прежде чѣмъ лордъ Гленгаррифъ могъ прійти въ себя отъ удивленія при видѣ такого хладнокровія и расчитаннаго терпѣнія, сквозь толпу пробрался Генксъ съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

Это была только-что полученная телеграма, извѣщавшая о нападенiи черни на домъ Дённа въ Дублинѣ. Какъ всѣ подобнаго рода извѣстiя, и это отличалось неудовлетворительностью и неопредѣленностью.—«Ужасное нападенiе черни на № 18. Разбиты окна, разбита, но не выломана главная дверь. Приглашена полицiя; призваны войска».

— Вотъ народная благодарность, милордъ, сказалъ Дённъ, передавая бумагу графу.—Къ счастью, я никогда и не расчитывалъ на этого рода награду. Мистаръ Генксъ, сказалъ онъ кроткимъ, спокойнымъ голосомъ:—толпа, кажется, тамъ не уменьшается. Прибейте пожалуйста объявленiе на дверяхъ, что для удобства публики банкъ сегодня открытъ до 5-ти часовъ.

— Право, они не заслуживаютъ такой любезности! вскричалъ старый лордъ съ гнѣвомъ.—Будьте справедливы, сколько вамъ угодно, но не обнаруживайте хоть великодушiя. Если они такъ обращаются съ людьми, которые посвящаютъ имъ лучшiя силы, всю жизнь посвящаютъ родинѣ, я разъ навсегда заявляю, что въ такой странѣ жить нельзя, и я не признаю ихъ соотечественниками!

Дикiй, радостный крикъ раздался въ это время на улицѣ и покрылъ собою всѣ остальные звуки.

— Что тамъ еще? И здѣсь собираются насъ осадить? вскричалъ графъ.

Крики росли, раздавались громче и неистовѣе, и восклицанiе: «исполать Дённу, ура!» повторялось тысячью голосовъ.

— Объявленiе подѣйствовало очень удовлетворительно, сказалъ Генксъ, возвратившись. — Довѣрiе вполнѣ возстановлено.

И въ самомъ дѣлѣ, странно было видѣть, какъ быстро мѣнялось народное чувство: потому что тѣ, которые теперь подходили, были явно смущены, хоть и подчинялись побужденiю низкой трусости. Надменные взгляды стараго лорда мало могли успокоить этихъ послѣднихъ, потому-что они, казалось, говорили сквозь очки: «я замѣтилъ тебя и никогда не забуду.»

Какая разница была съ взглядомъ Дённа, взглядомъ столь полнымъ сожалѣнiя и прощенiя! Ни гнѣвъ, ни мстительность не искажали спокойной ясности его блѣднаго лица. Онъ съ доброй улыбкой слѣдилъ глазами за тѣмъ, кто теперь старался въ смущенiи какъ-нибудь уйти незамѣченнымъ. Смятенье почти утихло; замѣтная перемѣна произошла въ толпѣ, до сихъ поръ такъ громко требовавшей золота. Видъ спокойнаго, неподвижнаго лица

оказался ужаснымъ порицанiемъ этому неосновательному и недостойному страху.

— Почти кончено, прошепталъ Генксъ своему начальнику, стоя передъ нимъ съ огромными золотыми часами въ рукахъ.— Въ эти послѣднiя 12 минутъ выдано только 700. Сраженiе кончено!

Неистовые крики радости не переставали раздаваться, и возгласы, чтобъ Дённъ вышелъ и показался, наполняли воздухъ.

— Слышите ихъ? спросилъ лордъ Гленгаррифъ, смотря безпокойно на Дённа.

— Да, милордъ; очень быстрый поворотъ дѣла. Вообще, народное мнѣнiе правильно,—но рѣдко, чтобы народъ такъ быстро перемѣнялъ образъ мыслей.

— Очень безстрастно сказано, отвѣтилъ надменно старый лордъ:—но что еслибъ вы не были приготовлены сегодня къ этому нападенiю? Что, если бы они успѣли заставить васъ прiостановить уплату?

— Еслибъ это было возможно, милордъ, мы бы вполнѣ заслужили несчастье, которое на насъ бы обрушилось. Что тамъ, Генксъ? воскликнулъ онъ, когда этотъ господинъ старался къ нему приблизиться.

— Вамъ не угодно ли будетъ показаться,—вы положительно должны выйти и сказать нѣсколько словъ съ балкона.

— Не думаю, Генксъ. Это только минутная вспышка народнаго чувства.

— Вовсе нѣтъ. Послушайте-ка, они бѣшено васъ требуютъ. Не выйдете, скажутъ: высокомѣрiе. Я умоляю васъ выйти хоть на нѣсколько минутъ.

— Полагаю, что онъ правъ, Дённъ, сказалъ лордъ Гленгаррифъ, нѣсколько угрюмо.—Что касается до меня, то я не имѣю ни малѣйшей претензiи указывать, какъ нужно поступать при подобныхъ народныхъ *демонстрацiяхъ*,—я думаю, что это вѣрное выраженiе. Уличныя сборища, въ мои времена, назывались чернью и разгонялись конною полицiей; ваша современная цивилизацiя толкуетъ съ ними и льститъ имъ. Я полагаю, что вы понимаете духъ времени.

Опять оглушительно раздались крики и своимъ тономъ, казалось, подтверждали то, что сказалъ Генксъ, т. е. что равнодушiе Дённа можетъ быть истолковано, какъ прямая обида.

— Да, выйдите, вскричалъ нетерпѣливо Генксъ:—иначе будетъ поздно. Нѣсколько словъ, теперь сказанныхъ, сберегутъ

намъ завтра 30,000 фунтовъ. Эти слова, сказанныя Дённу шопотомъ, рѣшили вопросъ и, обратившись къ графу, онъ сказалъ:— я думаю, милордъ, что Генксъ правъ: я долженъ показаться.

— Такъ ступайте-же, сказалъ лордъ съ чувствомъ и взялъ его за руку, какъ будто желая сказать: «и я стану съ вами.»

Едва вошелъ Дённъ въ гостиную, какъ встрѣтила его леди Августа съ разгорѣвшимися щеками и глазами.—Ахъ, я такъ рада, вскричала она, что вы идете говорить съ ними. Это для васъ блестящая минута.

Когда дверь отворилась и Дённъ вышелъ на балконъ, воздухъ потрясли дикіе крики толпы, повторившіеся въ самыхъ отдаленныхъ концахъ улицъ и разнеслись громовыми раскатами. Дённъ не принадлежалъ къ разряду публичныхъ ораторовъ; онъ конфузился, запинался. Но этотъ родъ нерѣшительнаго краснорѣчія подъ часъ нравится публикѣ болѣе всякаго другого; она въ немъ видитъ и глубину взволнованнаго чувства, и особенное значеніе для оратора. За то г. Дённъ былъ очень проницательнымъ наблюдателемъ, и онъ давно подмѣтилъ, что крики слушателей, сопровождающіе рѣчь, столько же бываютъ порой удобны, какъ и акомпаниментъ для плохого пѣвца,—можно въ его гармоніи скрыть нѣкоторыя фальшивыя ноты.

Итакъ Дённъ стоялъ на балконѣ; подлѣ него и нѣсколько позади лордъ Гленгаррифъ, а въ глубинѣ у дверей г. Генксъ. Положа одну руку на сердце, онъ низко поклонился толпѣ.—Добрые друзья мои, сказалъ онъ тихо, но такъ, что слова его были далеко слышны:—мнѣ посчастливилось не разъ въ моей жизни принимать увѣренія въ сочувствіи и уваженіи; но никогда въ жизни мои чувства не были такъ глубоко тронуты, какъ въ настоящее время. (Восторженные крики продолжаются нѣсколько минутъ). Не въ такую минуту, началъ онъ говорить съ большою энергіею:—не въ минуту, когда я окруженъ славными и теплыми сердцами, когда чувства симпатіи, которыя *вы* ко мнѣ обнаруживаете, сливаются съ волненіемъ моего собственнаго сердца,—не въ такую минуту прилично мрачно смотрѣть на человѣческую природу; но уваженіе къ истинѣ вынуждаетъ меня заявить здѣсь, что я глубоко сожалѣю нападеніе, сдѣланное сегодня на мой кредитъ, потому-что *я* составляю Оссорскій банкъ (сильныя и дикія восклицанія) — да, повторяю, *я*: потому-что за прочность учрежденія *я* отвѣчаю всѣмъ, чѣмъ только владѣю. Каждая кредитная бумага, каждая гинея, каждая десятина земли, которыми я владѣю, — все это здѣсь! Я далекъ отъ

подозрѣнія кого-бы то ни было въ недостойныхъ побужденіяхъ; но, мои достойные друзья, это была скверная штука (ропотъ), это была плутовская интрига (болѣе сильный ропотъ), и я не буду Девенпортъ Дённомъ, если всего этого не обнаружу и не накажу. (Крики: «больше вамъ власти»! и задушевныя восклицанія подтвердили эти слова). Я, какъ вамъ хорошо извѣстно, и я съ гордостью это говорю, я — одинъ изъ вашей среды. (Здѣсь энтузіазмъ былъ потрясающій). Умѣренными способностями, тяжкими трудами и незапятнанной честностью — потому-что въ этомъ весь секретъ— я сдѣлался тѣмъ, чѣмъ вы меня теперь видите! (Громкіе крики восторга). Если между вами есть кто-нибудь стремящійся достигнуть моего положенія, то я объявляю ему, что ничего нѣтъ легче этого. Я былъ бѣднымъ учителемъ,—вы знаете, что такое бѣдный учитель,— когда благородный дворянинъ, котораго вы видите со мной, первый меня замѣтилъ. (Три привѣтствія лорду были выражены единодушно). Его великодушное покровительство дало мнѣ первый толчокъ въ жизни. Я вскорѣ узналъ, что слѣдовало дальше дѣлать. («Вы такъ и поступили». «Больше вамъ власти»! раздавалось въ толпѣ). Теперь, за столомъ у благороднаго лорда, въ первый разъ наслаждаясь настоящимъ праздникомъ послѣ тридцатилѣтняго тяжкаго труда, я получилъ телеграфическую депешу, извѣстившую меня, что не позже недѣли будетъ ликвидація моего банка. Признаюсь вамъ, я не повѣрилъ. Я презрѣлъ этимъ извѣстіемъ, какъ низкой клеветой на народъ, и предлагая депешу Лорду, я сказалъ, что это не болѣе, какъ интрига враговъ, а никакъ не добровольное волненіе публики. (Здѣсь лордъ Гленгаррифъ кивнулъ головой въ знакъ подтвержденія, что вызвало восторженный крикъ въ его пользу).»

«Я не законникъ», началъ опять Дённъ энергически: — я просто человѣкъ изъ народа, человѣкъ, котораго мысли не созданы ни для какихъ тонкостей; но я заявляю вамъ, что какъ только вернусь въ Дублинъ, предложу тысячу фунтовъ за каждое извѣстіе, которое поможетъ мнѣ открыть эту интригу. (Продолжительные восторженные крики). Они знали, что не могутъ подорвать банка; въ душѣ они были убѣждены, что состоятельность его также благонадежна, какъ и самого Англійскаго банка. Но они думали, что паникой, возбужденіемъ публики противъ меня, успѣютъ меня довести до какой-нибудь недостойной реакціи; что я въ негодованіи воскликну: «и это та страна, которой я себя посвятилъ? И это—народъ, для котораго я пожертвовалъ

личными успѣхами и пренебрегъ ласкою сильныхъ? И это—награда за дни и ночи труда, безпокойства и утомленія?» Но они мало знали и меня, и моихъ добрыхъ друзей. (Оглушительные крики восторга). Они не знали, что основательное довѣріе народа не можетъ быть поколеблено временнымъ возбужденіемъ. Паника въ коммерческомъ мірѣ, все ровно—что гроза въ физическомъ, только освѣжаетъ и проясняетъ воздухъ; и я увѣряю васъ, завтра мы вздохнемъ свободнѣе. Я слишкомъ долго васъ удержалъ. (Нѣтъ, нѣтъ)! Я слишкомъ много говорилъ о себѣ. (Нисколько, мы готовы слушать васъ до завтрашняго дня, вскричалъ дикой голосъ, который возбудилъ смѣхъ). Но прежде чѣмъ прощусь съ вами, я желаю заявить, что не смотря на затрудненія, произшедшія для нашего банка вслѣдствіе этихъ несвоевременыхъ уплатъ, я прошу вашего доблестнаго мэра принять 500 фунтовъ отъ меня въ пользу бѣдныхъ этого города—(ужасный восторгъ возбудили эти слова! восторгъ, который ясно показалъ, насколько были затронуты личные интересы публики) — и прибавить — (громкіе крики восторга)—и прибавить — (большіе крики)— и прибавить, вскричалъ ораторъ изо всѣхъ силъ, что первый тостъ, который я сегодня выпью, будетъ за килькенское юношество!»

Рѣчь Дённа имѣла полнѣйшій успѣхъ; уже черезъ часъ распродавались брошюры, подъ заглавіемъ: «Полный и правдивый разсказъ о ликвидаціи съ рѣчью г. Дённа къ народу», и читались съ жадностью. Городъ былъ иллюминованъ, на ратушѣ выставленъ вензель Д. Д.; много было выпито пуншей: героемъ всего этого былъ, разумѣется, Дённъ. Въ качествѣ вѣрнаго агента, г. Генксъ весь вечеръ слѣдилъ за впечатлѣніемъ, произведеннымъ всѣмъ этимъ на публику, и въ концѣ того же дня Дённъ получилъ отъ него бумажку съ лаконическими замѣтками, въ которыхъ были выражены эти проявленія въ такомъ видѣ, какъ удалось ихъ слышать въ разныхъ мѣстахъ города г. Генксу и его помощникамъ.

Дённъ справедливо гордился своимъ торжествомъ, что намъ даетъ возможность оставить его на время, такъ какъ онъ несомнѣнно остается счастливымъ человѣкомъ и въ самомъ пріятномъ обществѣ.

ГЛАВА XVI.

Записка отъ Девиса.

Но мы должны возвратиться къ нашему бѣдному Бичеру.

Когда мы съ нимъ разстались, онъ испытывалъ сильное смущеніе и душевное безпокойство; у него составилось убѣжденіе, что онъ «одворяненъ», «облагороженъ» или что-то въ родѣ этого, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ушахъ его звучало: «Графъ и Спайсеръ сговорились засадить его въ тюрьму»! Какъ будто бы какая-нибудь тюрьма могла быть столько же темна, безнадеждна, столько же глубока, какъ и печальная западня его собственной безнадеждной природы!

Оставалось одно средство: бѣжать. Много было мѣстъ на картѣ Европы, которыя представляли защиту противъ Грога Девиса. Но что, если Грогъ пуститъ въ ходъ законы: гдѣ-же противъ этого искать убѣжища? Нѣкоторые упоминали ему о странѣ, съ которой у Англіи не было никакихъ договоровъ относительно преступниковъ. Названіе ея, сколько онъ могъ упомнить, начиналось съ буквы С; что же это—Сардинія, Сицилія, Скандинавскія государства? Безъ сомнѣнія, одно изъ нихъ,—но которое? «Экимъ хламомъ, подумалъ онъ, набивали мнѣ голову въ школѣ; а нѣтъ—чтобы дѣльному чему научить. Вотъ, напримѣръ, посмотрите, какъ бы мнѣ теперь пригодилось хоть немножко географіи!» И онъ принялся ломать голову надъ тѣмъ, чему бы такому слѣдовало учить человѣка для жизненнаго обихода.

Размышляя такимъ образомъ, онъ вошелъ въ гостинницу и добрался до своей комнаты. Въ ней платье его было разбросано; имъ же были наполнены и ящики, а столъ заваленъ разными пистолетными принадлежностями, довольно цѣнными, но неуплаченными. Кому было это все укладывать? Кому было приготовлять одинъ чемоданъ, достаточный для побѣга, и отбросить все остальное, какъ совершенно излишнее? Разсказываютъ объ одномъ французѣ, что онъ удержался отъ самоубійства единственно тѣмъ, что увидѣлъ свои пистолеты незаряженными. Такъ и теперь, кто

бы повѣрилъ, что Бичеръ отказался отъ своего путешествія, единственно устрашившись мысли объ укладкѣ дорожнаго чемодана? Отродясь онъ не дѣлалъ для себя ничего подобнаго и онъ не думалъ, чтобы могъ это теперь сдѣлать; во всякомъ случаѣ онъ не рѣшился попробовать.

Какъ безнадеждно затѣмъ онъ ворочалъ дорогимъ платьемъ и вышитыми рубашками, поглядывалъ на богато-изукрашенныя стклянки съ духами и сапожные ящики, которые по сложности своего устройства походили на математическіе инструменты. Какъ все это попало сюда, такъ далеко,—онъ никакъ не могъ себѣ вообразить. Вся комната была, казалось, ими загромождена. Вѣрно Риверсъ все это вытащилъ,— но на Риверса едва-ли можно было расчитывать.

При всемъ этомъ онъ тяжело вздохнулъ: это былъ грустный, безнадежный вздохъ объ испорченности всего человѣчества во обще. «И какое житье-то бы было, подумалъ онъ, если бы люди позволяли надувать себя тихо да мирно, никогда не угрожая ни прокуроромъ, ни полиціей». Небо вѣдало, какъ онъ мало требовалъ: иногда кое-что необходимое для Дерби, хорошую книжку для Окса,—ничего болѣе! Онъ по природѣ не былъ ни для кого злобнымъ; онъ никогда не желалъ кому бы то ни было насолить. Если бы когда нибудь было у кого такое великодушное сердце, какое у него билось въ груди, и если бы міръ зналъ о вызовѣ, который онъ получилъ! Пускай! онъ никогда не захотѣлъ бы отклонить вызова, хоть бы это стоило ему жизни.., И слезы умиленія показались на его собственныхъ глазахъ, при мысли о безпримѣрной его добротѣ.

Однакоже, доброта не уложитъ чемодана, а нравственныя качества, самыя высокія не сложатъ галстуковъ и платья — и онъ поглядывалъ очень уныло вокругъ себя, и думалъ, что вотъ чего никакъ не съумѣетъ сдѣлать. Но онъ до такой степени съ недавняго времени привыкъ совѣтоваться съ Лицци Девисъ во всѣхъ трудныхъ минутахъ жизни, что и теперь, не замѣчая даже этого, машинально вошелъ въ гостинную, подъ вліяніемъ какого-то неопредѣленнаго побужденія быть съ нею.

Она сидѣла за фортепьяно, совершенно одна, когда онъ вошелъ; комната по обыкновенію была блестяще освѣщена, какъ будто въ ожиданіи гостей; рѣдкія и богатыя растенія разставлены съ большимъ вкусомъ, а сама Лицци была въ одномъ изъ тѣхъ прелестныхъ нарядовъ, которые съ удивительнымъ искусствомъ соединяютъ въ себѣ блескъ съ необыкновенной простотой. Такъ у нея

была одна фуксія въ волосахъ, а другая—изъ коралловъ и золота, великолѣпно отдѣланная—на груди и, за исключеніемъ этого, болѣе никакихъ украшеній.

— Tutore mio? сказала она весело, когда онъ вошелъ:—не стыдно ли вамъ было такъ поступать со мною; прежде всего — вы обѣщали повезти меня къ Крейцбергу, а за тѣмъ — въ оперу, и вдругъ—въ половинѣ десятаго... вы здѣсь появляетесь! Что-же это такое, Monsieur? Expliquez-vous?

— Долженъ ли я говорить все какъ есть? сказалъ онъ.

— Непремѣнно, если такая странная вещь васъ не безпокоитъ.

— Такъ вотъ же; я забылъ и поѣздку и оперу. Вольно вамъ сколько угодно смѣяться, сказалъ онъ полуобиженнымъ тономъ:—и вы, молодыя дамы, помышляющія исключительно о томъ, какой цвѣтъ выбрать для наряда—лиловый или зеленый, вы очень мало имѣете понятія о заботахъ мужчинъ. Вы воображаете, что жизнь есть что-то такое изъ бѣлыхъ и алыхъ розъ, прелестной музыки и всякихъ букетовъ,—какъ бы не такъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, вы въ этомъ увѣрены? спросила она съ видомъ крайней невинности.

— Думаю, отвѣтилъ онъ откровенно:—и едва ли есть въ городѣ человѣкъ, который зналъ бы это лучше меня.

— Ну-съ, позвольте узнать, какія же именно заботы, или вѣрнѣе,—потому-что я не нуждаюсь въ слишкомъ большихъ подробностяхъ,—какого рода заботы тревожатъ вашъ драгоцѣнный мозгъ? Встрѣчаете ли вы препятствіе для осуществленія вашего проекта усовершенствованія человѣчества? Разрушаются ли ваши политическія стремленія невѣжествомъ или предразсудками? Сложилось-ли у васъ великое познаніе о дѣлѣ, до котораго современное человѣчество еще не дозрѣло? Или вы въ настоящее время сдѣлались авторомъ чудной поэмы, для оцѣнки которой не найдется ни одного достаточно развитаго вкуса?

— И вотъ это-то — ваши идеи о великихъ заботахъ, миссъ Лицци? сказалъ онъ тономъ состраданія.—Боже мой! если бы мое сердце было только обременено всѣми этими заботами разомъ!

— Кажется, вы мнѣ когда-то говорили, что никогда не страдали отъ любви?

— Да, ничего серьезнаго въ этомъ родѣ, вы знаете: такъ, царапинки... но никогда не было сильныхъ ударовъ.

— Кажется, что вамъ выпала на долю очень счастливая жизнь, такая-же счастливая, какъ и мнѣ, по-видимому.

При этихъ словахъ Бичеръ остолбенѣлъ. Какую странную су-

матоху они въ немъ произвели! Не выразить всѣхъ мыслей, которыя возникли, бродили и изчезали въ его бѣдной, одичавшей головѣ. Самая удобопонятная изъ нихъ была та, къ его крайнему удивленію, что она, дочь Грога Девиса, казалось, воображала, что выиграла призъ на всемірной лотереѣ.

— Да, мистеръ Бичеръ, сказала она съ тѣмъ тактомъ, съ которымъ она часто умѣла читать въ его мысляхъ и разомъ отвѣчать на нихъ:—именно такъ. Я считаю себя очень, очень счастливой! И почему бы нѣтъ? У меня превосходное здоровье, много способностей и вообще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вспышекъ гнѣва, не злой характеръ. Что же касается до наружности, то Аннесли Бичеръ однажды назвалъ меня красавицей,—графъ Ліеншталь раза два видѣлъ нѣчто восхитительное; вообще, я не произвожу ни въ комъ съ перваго раза антипатіи; и наконецъ, что стоитъ всего прочаго, я имѣю-таки средства жить, какъ хочу; значитъ, слова: «я живу», равняются для меня словамъ: я «счастлива». Разныя случайности жизни, ея маленькія приключенія, ея временныя затрудненія — все это, подобно измѣненіямъ погоды, полно интереса, полно возбужденія, все это вызываетъ къ дѣятельности душевныя свойства и силы характера, которыя остались бы безъ развитія и примѣненія въ безоблачномъ небѣ невозмутимаго благополучія. Стало быть, сэръ, не извольте глумиться надъ моимъ счастіемъ, потому что, что бы вы ни сказали, я чувствую, что это дѣйствительность.

Въ ея манерѣ, полной граціозной энергіи, было что-то такое, что гораздо глубже подѣйствовало на сердце Бичера, чѣмъ ея слова, и онъ смотрѣлъ на ея разгорѣвшіяся щеки и глаза, почти восторженно, бормоча про себя: «вотъ она, напрямикъ все, безъ всякихъ уловокъ»!

Конечно, въ это время она не читала въ его мысляхъ; можетъ быть, она и не очень заботилась обдумывать ихъ.—Да, да, сказала она, приблизившись къ камину и взявъ письмо:—вотъ это получилось частнымъ образомъ въ ваше отсутствіе и, кажется, какъ будто написано рукой папеньки,—вамъ адресовано.

Бичеръ быстро взялъ его. Съ перваго взгляда онъ узналъ, что это было отъ Грога, хоть онъ и старался перемѣнить свой почеркъ.

— Вѣрно? спросила она:—вѣрно я отгадала?

Но онъ слишкомъ углубился въ письмо и не могъ ей отвѣтить. Вотъ что въ немъ было написано:

«Дорогой Б.—Они такъ напугались въ брюссельскомъ дѣлѣ,

что я принужденъ былъ прожить послѣднія двѣ недѣли въ глупѣйшей конуркѣ на правомъ берегу Рейна. Я послалъ Спайсера встрѣтить барона и захватить Клеппера въ Ниммегенѣ и Магдебургѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Пруссіи. На этомъ пути они могутъ подобрать нѣсколько тысьчонокъ флориновъ и могутъ дѣло пустить въ ходъ. Я имъ строго-на-строго приказалъ не видѣться съ моею дочерью, которая не должна знать ничего ни объ этихъ, ни о прочихъ подобныхъ дѣлишкахъ. Баронъ можетъ ее видѣть, потому что онъ въ совершенствѣ позналъ жизнь, и если онъ человѣкъ невысокой честности, за то съумѣетъ всегда надлежащимъ манеромъ пуститъ пыль въ глаза. А что касается до васъ, не угодно-ли вамъ будетъ, по полученіи этого письма, зайдти къ нѣкоему Лазарю Штейну, въ Жидовской улицѣ № 41 или 42, и дать ему вашу акцептацію на 2,000 гульденовъ и затѣмъ заѣхать въ Боннъ, гдѣ въ почтамтѣ найдете записку съ моимъ адресомъ. Трэмпъ, какъ видите, пріобрѣлъ Коттсуольдъ, какъ я и предсказывалъ, а «Левъ десятый»—ничего. Вы понимаете меня?.. У Кренберри вѣрно супъ почти совершенно горячій, потому что онъ самъ уѣхалъ, а жена его и дѣти отправились въ Шотландію. Что касается до вашихъ собственныхъ дѣлъ, то Фордъ говоритъ, что вамъ бы лучше припрятаться немножко; и если что можетъ быть сдѣлано для смягченія обстоятельствъ, то сдѣлается въ ваше отсутствіе. Онъ не думаетъ, чтобы это попало въ руки Стрича, а вы не должны слишкомъ печалиться однимъ изгнаніемъ или двумя. Будутъ нѣкоторыя затрудненія насчетъ дорогихъ каменьевъ; но я думаю, что даже и эта матерія уладится. Я принимаю въ расчетъ ваши издержки очень строго и еще строже оцѣниваю ваши заботы о моей дочери. Могу увѣрить, что не родился еще человѣкъ, который бы не считалъ счастіемъ для себя вести дѣло съ вашимъ другомъ

Христофоромъ Девисомъ.

«Для-ради препровожденія времени въ этой скверной собачей конурѣ, я сочинилъ небольшой проектецъ двойной ставки для рулетки. Есть только одинъ *пуль* въ Гамбургѣ, и мы можемъ попробовать его, когда тамъ будетъ. Есть маленькій изъянецъ послѣ «двѣнадцатой игры», но я не отчаиваюсь, что преодолѣю и эту трудность. Старый Штейнъ, ростовщикъ, болѣе 30 лѣтъ завѣдывалъ картами въ Керсолѣ и пусть-ка онъ вамъ разскажетъ обо всѣхъ ходахъ, бѣлыхъ и черныхъ, et rouge et noir, и обо всѣхъ

признакахъ перемежающейся игры; и такимъ образомъ о шести длиннѣйшихъ ходахъ, которые онъ когда-нибудь зналъ. Онъ ловкій малый и будетъ откровененъ, узнавъ, что вы отъ меня.

«Было другое сраженье въ Крыму и нѣкоторые нагрѣли-таки руки. Я имъ не очень интересуюсь.

«Скажите Лицци, что я горю нетерпѣніемъ увидѣть ее, и если я не пишу ей, то потому, что приберегаю предметы для разсказа при личномъ свиданьи. Если бы не ея картины, я не знаю, что бы со мной сдѣлалось съ послѣдняго вторника, когда пошелъ дождь».

Бичеръ перечиталъ письмо съ начала, и не легко было ему переварить его содержаніе. О немъ самомъ и о его дѣлахъ было говорено неопредѣленно и неудовлетворительно; но Грогъ зналъ, какъ держать его въ тревожномъ ожиданіи и постоянно давать ему чувствовать, что онъ виситъ въ своей жизни на волоскѣ, и что Девисъ былъ для него единственнымъ якоремъ спасенія.

— Слѣдитъ за моими заботами объ его дочери, бормоталъ онъ безпрестанно:—точно его дочь не такая дѣвица, что и сама съумѣетъ о себѣ позаботиться. Честное слово! кажется, онъ мало-вато о ней знаетъ. Много бы далъ, чтобы можно было ей показать это письмо и узнать, что бы она такое о немъ сказала. Я полагаю, что она подняла бы меня на смѣхъ. Она пошла бы и разсказала Девису, что Бичеръ-де представилъ мнѣ всю эту «штуку». — Что тамъ такое случилось? спросилъ онъ, отвѣчая на тихій, жалобный свистокъ, который прекратилъ его размышленія.—А! вѣдь я что-то сказалъ? воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

— Ни словечка. Но я вижу, что васъ постигли нѣкоторыя затрудненія, изъ которыхъ вы не можете, по-видимому, выпутаться.

— Именно, именно! сказалъ онъ рѣшительно.—Это письмо отъ вашего папеньки. Все оно наполнено частными подробностями, въ которыхъ вы ничего не понимаете и которые показались бы вамъ незанимательными; но есть тутъ одно мѣсто—именно одно, о которомъ я бы очень желалъ слышать ваше мнѣніе. Между тѣмъ, какъ я съ вами такъ откровенно бесѣдую, я рѣшительно не имѣю позволенія отъ вашего отца показать вамъ это письмо; штука въ томъ, что онъ разомъ выдавилъ бы изъ меня душу, еслибъ я сдѣлалъ это безъ его позволенія.

— Довольно, Бичеръ, что касается до *вашей* совѣсти; но *моя* идетъ нѣсколько дальше и не позволила бы мнѣ прочесть

то, чего не желаетъ мой отецъ. Это очень легкое правило для совѣсти, и его не трудно упомнить и исполнить.

— Какъ бы то ни было, вотъ это онъ назначилъ собственно для васъ, сказалъ Бичеръ, показывая ей послѣднія пять строкъ въ письмѣ.

Она ихъ хладнокровно прочитала съ небольшимъ дрожаніемъ губъ, столь незамѣтнымъ, что оно казалось скорѣе игрою свѣта на лицѣ, и это былъ единственный признакъ волненія. Затѣмъ, бережно сложивъ письмо, она нехотя отдала ему, говоря: — да, я имѣла право прочесть эти строки.

— Онъ *именно* гордится вами и сильно васъ любитъ, сказалъ Бичеръ.

Чуть замѣтно она кивнула головой въ знакъ согласія и молчала.

Мы должны отсюда удалиться и отправиться въ Боннъ, гдѣ найдемъ письмо съ адресомъ вашего папеньки; думаю, гдѣ-нибудь тамъ неподалеку. Онъ остановился, думая, что она что-нибудь скажетъ, но она все-таки молчала. И онъ опять продолжалъ.

— И тогда вы опять будете дома, свободныя отъ моей докучливой стражи.

— Почему — докучливой? спросила она внезапно.

— О, клянусь Юпитеромъ! плохой я дамскій кавалеръ! Никогда не имѣлъ ни малѣйшихъ талантовъ этихъ иностранцевъ, никогда не могъ отличить Моцарта отъ Верди, и хоть понимаю, когда женщина хорошо одѣта, но не смыслю назвать ни одной части ея платья.

— Если бы вы дѣйствительно знали все это и толковали объ этомъ, я нашла бы васъ въ самомъ дѣлѣ очень скучнымъ, сказала она такимъ беззаботно машинальнымъ голосомъ, какъ будто она громко думала. — А вы, спросила она вдругъ, взглянувъ на него во всѣ глаза: — а вы, вы также должны освободиться, также должны насъ оставить?

— На этотъ счетъ, возразилъ онъ въ сильномъ смущеніи: — тутъ есть маленькая заковычка. Понастоящему, я бы долженъ быть теперь на пути въ Италію, для свиданья съ Лакингтономъ, я полагаю. Я затѣмъ и отправился было; но Гр.... вашъ папенька, я хотѣлъ сказать — уговорилъ меня встрѣтиться съ *нимъ*, и такимъ образомъ вотъ я значитъ здѣсь и... вотъ все, что я знаю.

— Какъ все это странно! сказала она съ своей тихой, кроткой улыбкой.

— Если вы думаете, что у меня нѣтъ собственной воли, вы

неправы, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Поставьте меня въ необходимость защищаться и посмотрите, какъ я справлюсь. Скажите, А. В. вотъ гдѣ призъ—и вы увидите, какъ я пущусь.

Какой странный взглядъ отвѣтилъ на эти слова! Въ немъ не было одобренія; но столько же не было и порицанія. Это былъ скорѣе всего взглядъ человѣка, который изъ области смѣшныхъ и спутанныхъ фантазій вдругъ почувствовалъ себя перешедшимъ въ жизнь и ея дѣйствительные интересы. Бѣдному же Бичеру представилось, что онъ просто выражалъ полу-сострадание, и это вызвало на его щекахъ краску оскорбленнаго достоинства.

— Знаю, бормоталъ онъ про себя: — что она считаетъ меня сконфузившимся простофилей; но нѣтъ: многіе этакъ же ошибаются, но послѣ спохватываются.

— Хорошо, сказала она послѣ минутнаго размышленія.—Я готова, по крайней мѣрѣ я очень скоро буду готова. Я скажу Анетѣ, чтобъ она укладывалась и все приготовила къ дорогѣ.

— Я желалъ бы, чтобы вы имѣли обо мнѣ нѣсколько лучшее мнѣніе, миссъ Лиццп, сказалъ онъ серьезно:—я много бы далъ, если бы могъ сказать, что вы......

— Что я... что же? спросила она хладнокровно.

— Что вы не считаете меня совершеннымъ дуракомъ, сказалъ онъ энергически.

— Я право не понимаю хорошенько, что бы это значило; но я могу вамъ сказать, что я считаю васъ человѣкомъ съ хорошимъ характеромъ, и очень терпѣливымъ, относительно пятидесяти одной моей прихоти, которыя тѣмъ несноснѣе, что совсѣмъ неудобопонятны. И притомъ вы прекрасный джентельменъ—почтеннѣйшій Аннеслей Бичеръ. И придерживая платье, какъ въ менуетахъ, она очень чинно присѣла и вышла изъ комнаты.

— Желалъ бы я, чтобы мнѣ кто нибудь сказалъ, что же я— въ выигришѣ, или въ проигришѣ тутъ? воскликнулъ Бичеръ, оставшись одинъ въ высшей степени изумленный.—Ну не безподобная ли это актриса! Клянусь Юпитеромъ! Уэбстеръ далъ бы ей сто фунтовъ за недѣлю и еще бенефисъ! И приэтомъ онъ умственно пустился въ маленькую арифметику, при окончаніи которой пробормоталъ про себя:—и это не должно бы ограничиться блескомъ въ провинціяхъ.

Съ видомъ человѣка, котораго житейскія дѣла идутъ прево-

сходно, онъ поправилъ волосы передъ зеркаломъ, надѣлъ шляпу, кивнулъ себѣ фамильярно головой и вышелъ.

ГЛАВА XVII.

Деревня на Рейнѣ.

Миляхъ въ пятнадцати отъ праваго берега Рейна находилось селенiе Гольбахъ, въ которомъ поселился Грогъ въ ожиданiи прибытiя своей дочери. Хоть это мѣсто и было очень близко къ большому европейскому тракту и до него легко доходилъ свистъ и шумъ паровыхъ поѣздовъ, но не смотря на это, оно было очень уединенно и безлюдно. Маленькая рѣчка, въ которой водилась форель, извѣстная рыболовамъ, привлекала въ эти мѣста посѣтителей въ маѣ и iюнѣ; но въ остальное время года «Золотой крючокъ» имѣлъ мало посѣтителей и содержатель сидѣлъ до самой весны сложа руки. Домъ, первоначально назначенный для мельницы, былъ построенъ на самой рѣкѣ, такъ что лѣнивый рыбакъ могъ заниматься своимъ дѣломъ просто изъ окошка. Нассаускiя горы, поросшiя сосной, окружали узкую долину, которая тянулась неправильно на нѣсколько миль, то сильно съуживаясь, то расширяясь въ красивые луга, по которымъ были разбросаны домики и паслись стада. Узкой полосой тянулся надъ рѣкой садикъ и по берегу шла аллея изъ вьющагося по рѣшеткѣ виноградника—прелестное мѣсто, въ особенности въ лѣтнiй зной, по своей тѣнистости и прохладѣ. Девисъ видѣлъ это мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжая здѣсь однажды; но въ его впечатлительномъ умѣ вполнѣ сохранилась память объ этой мѣстности, и онъ вскорѣ нашелъ, что она заключала все, чего онъ искалъ: она была легко доступна, укромна и жить въ ней было недорого.

Здѣсь у Девиса было все, что нужно для прiятной жизни, — славная квартира, роскошный столъ, сколько угодно хорошаго

рейнскаго вина; аллея изъ виноградника была обращена въ мѣсто для стрѣльбы въ цѣль— и все это стоило крайне дешево. Но всего больше ему здѣсь нравилось тихое, совершенное уединеніе. Гдѣ бы онъ ни бродилъ по окрестностямъ, онъ никогда не встрѣчался съ путешественникомъ. Удивительно было въ самомъ дѣлѣ, какъ это мѣсто избѣжало посѣщеній любопытныхъ странствователей, которыхъ толпы высылаетъ ежегодно Англія въ Европу для всякихъ ссоръ, дрязгъ и истребленій; а между тѣмъ здѣсь были именно тѣ предметы, которые ихъ больше всего привлекаютъ: живописныя картины природы и таковые же жители, и край романическій во всѣхъ своихъ чертахъ и преданіяхъ.

Не то чтобы Грогъ очень заботился обо всемъ этомъ,—скалы, водопады, развалины, густолиственныя рощи, или хрустальные ручейки — все это *для него* не имѣло никакой притягательной силы. Онъ жилъ жизнью людей, всецѣло преданныхъ разнымъ практическимъ и честолюбивымъ страстямъ. Онъ зналъ также такихъ, которые и всѣмъ этимъ восхищались, но они были или большіе любители литературы или живописи, или души не чаяли въ старинныхъ могилахъ. Онъ ничего не находилъ противъ этого. Это были, по его мнѣнію, если не очень прибыльныя, то во всякомъ случаѣ совершенно мирныя занятія и вкусы. Онъ только старался по возможности не водить компаніи съ подобными мечтателями. «Дайте мнѣ людей, которые, бы знали жизнь», говаривалъ онъ; и мы боимся, не заключало ли у него это слово «жизнь» чего-нибудь похожа на игру шулера.

Хоть описанное мѣсто и было способно потворствовать сладкой лѣни, но Девисъ не поддавался ея обоянію. Онъ вставалъ рано; прогуливался для здоровья; практиковался въ стрѣльбѣ изъ пистолета; изучалъ свой новоизобрѣтенный карточный фокусъ; съ часъ фехтовался съ старичкомъ-учителемъ, котораго выкопалъ гдѣ-то въ деревнѣ; и хоть не посвящалъ себя прямо изученію нѣмецкаго языка, но упражнялся въ немъ однакожъ посредствомъ разговоровъ; и наконецъ онъ глубоко и напряженно обдумывалъ будущее. Для соображеній этого рода у него было немало способностей. Если онъ мало зналъ человѣческое сердце въ его высшихъ проявленіяхъ, за то онъ отлично изучилъ его мелочи и слабости; такъ напр. чѣмъ можно было соблазнить, поддѣть человѣка—все это онъ досконально изслѣдовалъ. Вотъ въ этихъ-то занятіяхъ онъ и упражнялся больше всего. Страшныя случайности, которыхъ, я увѣренъ, не доводи-

лось испытывать ни вамъ, дорогой читатель, ни мнѣ самому, представлялись ему не рѣдко, и онъ мужественно встрѣчалъ ихъ.

Вообще, свѣтъ очень великодушно расточаетъ свое восхищеніе заваленнымъ работой министрамъ, проводящимъ цѣлыя ночи за своими бюро, получая и отвѣчая на десятки депешъ ежедневно со всею ясностью и хладнокровіемъ оратора и чиновника; но вѣдь министръ все-таки не болѣе какъ маховое колесо въ правительственной машинѣ, въ которой есть еще сотни другихъ частей, искусно пригнанныхъ и завинченныхъ. Въ машинѣ этой все такъ хорошо устроено, что при малѣйшей внимательности къ дѣлу все идетъ, какъ по маслу. Но есть другого рода дѣятели, какъ напр. Грогъ; они должны расчитывать только сами на себя и, подобно самой маленькой лодчонкѣ, пробираться по бурному морю жизни среди громадныхъ и несокрушимо-могучихъ паровыхъ кораблей. И Грогъ пробирался.

Невозмутимая тишина его настоящей обстановки очень много способствовала его соображеніямъ на будущее время. Этой тишинѣ не мало содѣйствовало и то почти поклоненіе, которое оказывали ему окрестные жители, считая его или опытнымъ министромъ, уединившимся для великихъ государственныхъ размышленій, или знаменитымъ писателемъ, ищущимъ спокойствія и свободы для своего воображенія. Ни одного голоса не раздавалось, когда предполагали, что онъ занимался своимъ дѣломъ. Девисъ пользовался этимъ, какъ совершенно должной ему данью.

— Я слышалъ какой-то шумъ сегодня утромъ, Карлъ, сказалъ онъ старику:—что это такое? Минуты двѣ сторожъ затруднялся отвѣтить на это, но затѣмъ сказалъ объ одномъ иностранцѣ, который поселился въ гостинницѣ на нѣсколько мѣсяцевъ и жилъ, не платя хозяину и не съѣзжая. Хозяинъ же только и ждетъ его выѣзда изъ дому, чтобы больше не впускать его; а пока не отпускаетъ ему съѣстныхъ припасовъ, потому что только на это и даетъ ему право законъ, а никакъ не на отказъ отъ квартиры. Девисъ очень смѣялся этому закону, по которому безденежный постоялецъ могъ быть заморенъ голодомъ, но никакъ не выгнанъ, и много расспрашивалъ объ этомъ иностранцѣ, его лѣтахъ, наружности, національности. Все, что могъ сообщить сторожъ, что это былъ человѣкъ очень почтеннаго вида, маститый, довольно пожилой, съ приличными манерами, кроткимъ голосомъ и благосклонной улыбкой; объ его національности ничего не зналъ. Онъ говорилъ на многихъ языкахъ, а по нѣмецки, хоть какъ-то особенно, но почти какъ нѣмецъ.

— Но какъ же онъ живетъ, сказалъ Девисъ: — вѣдь долженъ же онъ ѣсть?

— Въ этомъ-то и штука! воскликнулъ Карлъ: — потому-что было время, что онъ подстерегалъ, какъ я несъ завтракъ или обѣдъ и, выскочивъ изъ своей комнаты въ концѣ корридора, овладѣвалъ, часто съ ножикомъ въ рукѣ — то цыпленкомъ, то блюдомъ шпината, то яичницей, такъ что наконецъ я поднимался по лѣстницѣ съ подносомъ неиначе, какъ съ какимъ-нибудь провожатымъ. Но и это не всегда помогало, потому что онъ такой отчаянный, и нынче вырвалъ одно блюдо силой.

— Но вѣдь этимъ средствомъ трудно-таки кормиться, сказалъ Девисъ.

— Разумѣется; но мы подозрѣваемъ, что онъ ночью добываетъ себѣ другія средства и бродитъ по окрестности. Мы постоянно слышимъ о пропажѣ домашней птицы, о покражѣ сыра и плодовъ. Вонъ онъ и теперь пробирается вдоль галлереи. Слушайте! Я тамъ оставилъ нѣсколько яблоковъ.

Съ жестомъ, рекомендующимъ осторожность, Девисъ всталъ, насадилъ пистонъ на пистолетъ и движеньемъ руки показалъ; что оружіе не было заряжено.

— Отворите тихонько дверь, сказалъ онъ; и сторожъ, подошедши осторожно, повернулъ ручку. Какъ только дверь открылась, Грогъ увидѣлъ человѣческую фигуру и выстрѣлилъ изъ пистолета. Въ то же время онъ бросился съ мѣста и выбѣжалъ въ корридоръ. Но по-видимому иностранецъ вовсе не былъ пораженъ этимъ выстрѣломъ и съ важностью разсматривалъ, не былъ-ли пробитъ его рукавъ. Онъ поднялъ голову, и Девисъ воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Какъ, Поль! Поль Классонъ! Возможно-ли?

— Девисъ — старый пріятель! я васъ здѣсь вижу? воскликнулъ тотъ самымъ мягкимъ голосомъ, безъ малѣйшаго раздраженія.

— Пожалуйте, пожалуйте, Поль! сказалъ Девисъ, взявъ его за руку; и онъ вывелъ его. — Не подозрѣвалъ я, что противъ васъ я направилъ оружіе.

— Онъ не былъ заряженъ, сказалъ тотъ хладнокровно.

— Конечно, нѣтъ.

— Я такъ и подумалъ, сказалъ онъ съ легкой улыбкой: — они это все придумали, чтобы напугать меня.

— Идите, Поль, старый пріятель, налейте себѣ краснаго вина, а я отрѣжу вамъ кусокъ ветчины; поговорить успѣемъ.

Иностранецъ принялъ приглашенiе, но безъ малѣйшаго признака поспѣшности. Напротивъ, онъ не спѣша, развернулъ салфетку и завязалъ ея углы въ петлю платья, какъ это дѣлаютъ обыкновенно старые эпикурейцы. Онъ держалъ стаканъ противъ свѣта, точно наслаждался игрою лучей въ винѣ; и медленно попивалъ его по каплѣ съ видомъ знатока?

— Бургондское, Девисъ, да? спросилъ онъ, выпивъ маленькiй глотокъ.

— Думаю, что такъ. Но я мало знаю толку въ этихъ винахъ.

— Да, да, это «Помаръ» и очень хорошаго сорта. Правда, слишкомъ крѣпкое для этого времени года, за исключенiемъ глотокъ, производимыхъ Англiею.

Девисъ покрылъ всю тарелку своего друга ветчиной и каплуномъ, и наконецъ съ удовольствiемъ увидѣлъ, что прiятель его начинаетъ завтракать.

Мы не смѣемъ затруднять нашего читателя подробностями свѣдѣнiй о Классонѣ; но желаемъ сказать только то, что необходимо для нашего разсказа. Итакъ, пока онъ закусываетъ сколько-нибудь порядочно въ первый разъ въ теченiи болѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ, мы замѣтимъ, что этотъ Классонъ былъ пасторомъ, жизнь котораго была цѣлымъ рядомъ неудачь.

Случалось ли ему получить должность, онъ непременно ссорился съ своимъ ректоромъ или епископомъ, обвинялся передъ коммисiей, уличался въ неявкѣ къ суду, выходилъ въ отставку и Богъ знаетъ, чего съ нимъ не случалось. Онъ вѣчно возился съ церковнымъ начальствомъ, отыскивая разныя отнятыя у него права и преимущества. Никто не рылся, подобно ему, въ актахъ Едуарда или Генриха и въ устарѣвшихъ завѣщанiяхъ, которыхъ настоящiе хранители были не болѣе, какъ плуты-подъячiе. Разные уголовные приговоры висѣли надъ нимъ, онъ сочинялъ разныя книжонки, говорилъ, писалъ и печаталъ всякого рода предосудительныя вещи, обвинялъ всѣхъ и каждаго въ казнокрадствѣ, обманахъ, угрожалъ одному преслѣдованiемъ, другому публичнымъ позоромъ. Противъ него накоплялись постоянно разныя взысканiя, и не успѣвалъ онъ выйдти изъ одного дѣла, какъ попадалъ въ другое. Отъ высшихъ судовъ онъ скоро перешелъ въ низшiе; онъ сдѣлался расточительнымъ и развратнымъ; его продажное перо ничѣмъ не стѣснялось, и онъ нападалъ на все, что подвертывалось подъ руку. Сегодня онъ былъ на смѣхъ секретаремъ какого-нибудь человѣколюбиваго общества, завтра онъ являлся убогимъ

миссіонеромъ, отправляющимся на какой-нибудь островъ на Тихомъ океанѣ. И чего только не испробовалъ онъ въ своей обличительной дѣятельности!—преслѣдованія министровъ, обвиненія въ воровствѣ, поддѣлкахъ, и въ другихъ преступленіяхъ противъ знатнѣйшихъ фамилій королевства, объявленія о подкупленныхъ сановникахъ, посланникахъ, пасквили на епископовъ и судей, оскорбительные разсказы, касающіеся частной жизни, пророческіе календари, насмѣшливые миссіонерскіе журналы, стансы въ честь прославленныхъ площадныхъ лекарствъ—даже уличныя баллады принадлежали къ произведеніямъ его лиры; между тѣмъ какъ лично онъ былъ президентомъ разныхъ пѣвческихъ заведеній и безчисленныхъ обществъ въ околодкѣ едва извѣстныхъ полиціи. Трудно было найти номеръ газеты, въ которомъ не значилось бы, что его доставили въ пьяномъ и безобразномъ видѣ, взятаго гдѣ-нибудь на перекресткѣ, загроможденномъ толпою, собравшеюся его слушать. Наконецъ совершенно утомительно становилось судить его за пищенство и заключать въ тюрьму за драку; законы выбились изъ силы, по и свѣтъ потерялъ всякое терпѣніе, и Поль замѣтилъ, что пора ему завоевать себѣ другое полушаріе. Онъ уѣхалъ.

Здѣсь онъ повелъ такую же цыганскую жизнь: то былъ опекуномъ, то коммиссіонеромъ гостиницы, то швейцаромъ при желѣзной дорогѣ, дорожнымъ лакеемъ, полицейскимъ шпіономъ, привратникомъ въ циркѣ, редакторомъ англійскаго журнала, ветеринаромъ, учителемъ языковъ, агентомъ патентованныхъ лекарствъ, продавцомъ картинъ, спутникомъ нервическаго инвалида, который, по словамъ Классона, одержимъ ужасною маніей. Нечего и разсказывать, какъ онъ управился съ своими долгами и другими дѣлишками, потому что полиція сочла за лучшее пропустить его черезъ границу, чѣмъ возиться съ такимъ неизлечимымъ субъектомъ. Такимъ-то образомъ онъ странствовалъ нѣсколько лѣтъ по Европѣ—ужасъ посольствъ, язва человѣколюбивыхъ комитетовъ. Складчины, чтобы дать возможность высокопочтенному Павлу Классонъ выкупить платье, часы, его божественную библіотеку, послать его въ Англію, на Анды, въ Африку были вездѣ публикованы. Я не могу сказать, сколько разъ онъ былъ избавленъ отъ самого отчаяннаго покушенія, или выхваченъ, какъ головешка изъ пожара; дѣйствительно, его положеніе всегда было, какъ на горячихъ угольяхъ.

— Я въ восторгѣ, сказалъ Девисъ, наполняя снова тарѣлку

своего друга: — я въ восторгѣ, что у васъ все такой-же славный апетитъ, какъ и въ старину, Поль.

— Да, Китъ, отвѣтилъ онъ съ вѣжливой улыбкой:—апетитъ оказался мнѣ вѣрнѣе обѣда,—можетъ быть, потому же, почему послѣдними оставляютъ человѣка—кредиторы.

— Я предполагаю, что вамъ трудненько-таки приходилось перебиваться, сказалъ Девисъ съ состраданіемъ.

— Нѣтъ, не то чтобы очень, сказалъ Классонъ, отодвигая отъ себя тарелку и зажигая сигару:—мы всѣ обречены на борьбу, Китъ, вотъ что.

— Да, я думаю; но не совсѣмъ непріятно бороться, когда имѣешь фунтовъ тысячу въ годъ.

— Если бы богатство и пользованіе были всегда сосредоточены въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, сказалъ Классонъ медленно:—ваше замѣчаніе было бы неопровержимо; но на дѣлѣ не такъ, Китъ. Нѣтъ, нѣтъ; народъ, наслаждающійся жизнью, обыкновенно ничего не имѣетъ. Онъ, такъ сказать, временный гость на землѣ, явившійся за тѣмъ, чтобы провести нѣсколько мѣсяцевъ въ свое удовольствіе. Грогъ покачалъ отрицательно головой, а онъ продолжалъ: кто испыталъ болѣе вѣрность сказаннаго мною, чѣмъ мы съ вами? Много ли десятинъ отказали намъ и вамъ отцы по завѣщанію? Какого рода имущества, фабрики, желѣзныя дороги намъ достались? О, сказалъ онъ съ увлеченьемъ:—дайте мнѣ незаслуженное наслажденіе жизнью—и я, вѣроятно, не испыталъ бы и сотой доли удовольствія отъ этого завтрака. Позвольте вино, Китъ,—эта бутылка лучше другой; и онъ чмокалъ губами, зажмуривъ глаза въ какомъ-то мечтательномъ восхищеніи.

— Мнѣ очень бы пріятно слышать что-нибудь о вашемъ житьѣ-бытьѣ, Поль, сказалъ Девисъ. Я часто встрѣчалъ ваше имя на страницахъ *Times'a* и *Post'a*, но я бы хотѣлъ отъ васъ собственно слышать эти разсказы.

— Дорогой Китъ, я прожилъ пятьдесятъ жизней. Но для васъ едва ли были бы интересны всѣ онѣ вмѣстѣ.

— Гдѣ ваша жена, Поль? спросилъ вдругъ Девисъ, потому что онъ начиналъ терять терпѣніе отъ афористическаго тона своего собесѣдника.

— Въ послѣдній разъ я слышалъ, сказалъ Классонъ медленно, разсматривая на свѣтъ свое вино:—что она была въ Чикаго — если я правильно произношу это слово,—читала лекціи о нравахъ

женщины. Правда, что никому этотъ предметъ неизвѣстенъ лучше Фанни.

— Я слышалъ, что она очень свѣдущая женщина, сказалъ Девисъ.

— Очень свѣдущая, сказалъ Классонъ:—краснорѣчивая;—не всегда, правда, какъ говорятъ французы—«conséquente», но конечно свѣдующая и не дурно пишетъ стихи.

Столько острой насмѣшки блестѣло въ глазахъ почтеннаго попа, когда онъ говорилъ послѣднія слова, что Девисъ не могъ не замѣтить этого; но вмѣсто всякихъ дальнѣйшихъ объясненій Классонъ воскликнулъ:—за ея здоровье и благополучіе! и осушивъ стаканъ, спросилъ:—а ваша, Китъ—что она?

— Умерла недавно. Помните ее?

— О, да! Я написалъ первую статью объ ея появленіи въ Сюрей. Какая она была красавица! Я предсказывалъ ей большой успѣхъ; я вѣдь и спасъ ее отъ пустыхъ комическихъ ролей и совѣтовалъ ей играть въ *Леди Тизль*!

— Я завтра покажу вамъ ея портретъ—ея дочь, сказалъ Девисъ съ страннымъ ощущеніемъ неловкости, отъ которой онъ закашлялся.—Она выше своей матери, виднѣе.

— Очень трудно, это очень трудно въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Классонъ съ важностью.—Въ ней было столько врожденнаго изящества, что трудно съ ней сравняться; ея походка, положеніе головы, малѣйшій жестъ—все это было очаровательно граціозно.

— Погодите, увидите Лицци, сказалъ съ гордостью Девисъ:—увидите, что все это въ ней ожило.

— Вы ее назначаете также для сцены, спросилъ онъ безпечно.

— Для театра—никакъ нѣтъ! возразилъ Девисъ грубо.

— А между тѣмъ это теперь штука очень прибыльная. Красота не рѣдкость въ Англіи; не рѣдкость и симметрія формъ; но отсутствіе граціи досталось англичанкамъ въ наказаніе за грѣхи всѣхъ нашихъ королей... Если она то, что вы говорите, Китъ; если она, короче, дѣйствительно дочь своей матери — безумно было бы не пустить ее въ ходъ.

— И слышать не хочу! Эта дѣвочка стоила мнѣ какихъ-нибудь тысьчонокъ десять—да-съ, тысьчонокъ десять: школы тамъ, учителя и все прочее. Она недурна и не думаю, чтобы надо было выпускать ее изъ рукъ! Насчетъ красоты—сравните съ кѣмъ хотите, равной не найдете,—готовъ объ закладъ биться. И этакую дѣвушку я отдамъ на сцену? Она кокетничаетъ съ Дер-

би, увѣряю васъ, Поль, и будетъ на этихъ дняхъ первой фавориткой.

— Да будетъ! сказалъ Классонъ, поднимая стаканъ съ театральнымъ эффектомъ и разомъ осушивъ его.—Теперь, сколько мнѣ извѣстно, театръ есть часто—предверіе къ перству.

— Добьется она гербовъ и безъ этого, сказалъ рѣзко Девисъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Поль, приподнявъ немного брови; но хоть его тонъ вызывалъ на откровенность, собесѣдникъ его однако не счелъ ее умѣстною.

— Ну-съ, а вы сами, Классонъ, что вы подѣлывали въ послѣднее время? сказалъ Девисъ, желая перемѣнить предметъ разговора.

— Литература и искусства! Я посылалъ еженедѣльно статьи въ Лондонъ, въ качествѣ крымскаго корреспондента, да по временамъ письма о золотыхъ пріискахъ. Я рисовалъ портреты, по флорину съ человѣка, пока не исчерпалъ всѣхъ знаменитостей нашихъ трехъ сосѣднихъ деревень.

— Ну, а теперешніе ваши планы?

— Я имѣю нѣкоторыя поползновенія паки возвратиться къ своему сану. Эти новоизобрѣтенныя леченія водой принимаютъ ежедневно большіе и большіе размѣры; нѣкоторые завели нѣмецкіе оркестры, нѣкоторыяословъ, нѣкоторыя лодки для катанья, другіе заводятъ библіотеки и лабораторіи,—но послѣдняя хитрая выдумка есть пасторъ.

— Но вѣдь они васъ конечно знаютъ, Поль? Развѣ газеты васъ не расписали?

— Ахъ, Девисъ, любезный другъ, отвѣтилъ онъ съ благосклонной улыбкой:—гораздо легче жить съ худой, чѣмъ съ хорошей славой. Мнѣ нужна недѣля—одна недѣля пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ, чтобы всѣмъ показаться святымъ мученикомъ. Я заключаю въ себѣ, такъ сказать, неизсякаемый источникъ благодушія, въ которомъ я никогда не чувствовалъ недостатка.

— Да, я помню это еще въ школѣ, сказалъ Девисъ сухо.

— Мы пошли разными путями, Китъ,—suum cuique. Вы рѣшились, чтобы процвѣтать насчетъ человѣческой слабости, а я имѣю интересъ въ добродѣтеляхъ.

— Ну, если вы существуете насчетъ человѣческихъ добродѣтелей, то не мудрено, что вамъ приходится постничать, сказалъ Девисъ сердито.

— Нѣтъ, нѣтъ, Китъ, возразилъ тотъ съ кроткимъ упрекомъ.—

Міръ наполненъ личностями, у которыхъ такъ и кажется, что на лбу написано: «обманите меня, пожалуйста».

— Ну, сознаюсь, мнѣ мало попадалось такихъ господъ, сказалъ Девисъ съ грубымъ смѣхомъ.

— Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ важно Поль. Довольно продолжительная пауза, послѣдовавшая за этимъ, была прервана внезапными словами Девиса.

— Не странно ли, что въ послѣднюю ночь я спросилъ себя, что за дьявольщина приключилась добродѣтельному Павлу, что газеты будто забыли его? Ужъ не умеръ ли онъ?

— Лазарь только уснулъ, сказалъ Классонъ:—и въ самомъ дѣлѣ, мои послѣднія одинадцать недѣль очень похожи на безмятежный сонъ.

Продолжая развитіе своихъ мыслей, Девисъ говорилъ далѣе:— еслибъ я могъ теперь на него расчитывать, онъ бы, кажется, былъ для меня очень полезнымъ человѣкомъ.

— Если вы обдумываете пасквиль или ситиру, Китъ, это теперь не мое дѣло: я болѣе не приготовляю нарывныхъ мазей, а весь предался бальзамамъ. Они не затрудняютъ составленіемъ, а приносятъ болѣе дохода. Ахъ, Девисъ, мой достойный другъ, что за заблужденіе предполагать, что человѣкъ можетъ жить исключительно своими талантами, между тѣмъ какъ его истинные источники существованія заключаются въ характерѣ. Для жизни, состоящей въ легкомъ наслажденіи, для той благословенной нѣги, которая бы никогда не знала заботъ, нужна не голова, а сердце.

— Все что я могу сказать, это то, что для людей, съ которыми мнѣ приходится имѣть дѣло, сердце составляетъ чистые пустяки, а вся суть заключается въ головѣ.

— Узкій взглядъ на вещи, узкій взгзядъ, мой другъ, повѣрьте мнѣ; стоитъ всмотрѣться въ жизнь, чтобъ убѣдиться въ противномъ.

Въ отвѣтъ на все это Девисъ только злобно оскалилъ зубы. Напослѣдокъ онъ пристально взглянулъ на собесѣдника и сказалъ тихимъ, но явственнымъ голосомъ: — оставимте всю эту комедію, будетъ вамъ разъигрывать предо мной. Когда я сказалъ, что могу въ васъ нуждаться, я сказалъ правду. Вы *можете* мнѣ оказать услугу — большую услугу.

— Скажите, чѣмъ, сказалъ Классонъ, придвигая къ нему стулъ:—скажите чѣмъ, и въ условіяхъ, повѣрьте, сойдемся.

— Объ этомъ будетъ еще время потолковать, сказалъ Девисъ,

осторожно. Все что я могу теперь сказать вамъ, это—то, что я могу въ васъ нуждаться.

Классонъ вынулъ изъ кармана небольшую, очень замасленную записную книжку и съ корандашемъ въ рукѣ сказалъ:—въ какакое время, вы думаете, буду я вамъ нуженъ? Такъ, вообще приблизительно сказать.

— Думаю, что не позже мѣсяца, а можетъ быть и двухъ недѣль.

— Хорошо, сказалъ Классонъ, закрывая книжку, сдѣлавъ въ ней коротенькую замѣтку.—Вы смѣетесь, сказалъ онъ добродушно:—надъ моими методическими привычками, но я былъ во всю мою жизнь red-tapist, Китъ. Я не думаю, чтобы вы нашли у кого-нибудь бумаги, письма, документы и проч. въ такомъ порядкѣ, какъ у меня: все это перенумеровано, перемѣчено. Въ этомъ практическомъ порядкѣ много, много житейской мудрости.

— Какъ далеко отъ насъ Нейвидъ? спросилъ Девисъ полу-угрюмо, потому что претензіи его почтеннѣйшаго друга раздражали по-видимому его нервы.

— Кажется, шестнадцать или восемнадцать миль.

— Я завтра долженъ туда отправиться, или послать кого-нибудь, продолжалъ Девисъ.—Почтмейстеръ извѣстилъ меня, что есть нѣкоторыя письма на мое имя. Не могли ли бы вы мнѣ этого сдѣлать?

— Съ удовольствіемъ; но прошу вспомнить, что чуть я оставлю это благословенное святилище, его двери замкнутся за мною навсегда. У нихъ есть такой странный законъ...

— Знаю, слышалъ, прервалъ его Девисъ.—Я устрою это, не безпокойтесь. Поѣзжайте рано утромъ и привезите письма на мое имя, или на имя почтеннаго Бичера.

— Почтенный Бичеръ!.. сказалъ Классонъ, записывая это имя въ свою книжку. Мой дорогой! Въ послѣднее время я слышалъ это имя—позвольте спомнить—да, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Это было послѣ этого брайтогскаго дѣла. Я написалъ статью для *Дубоваго сердца* о «смертности нашей» аристократіи. Какъ я отдѣлалъ ихъ пороки, какъ заклеймилъ ихъ жизнь, полную распутства и преступленій!

— Ахъ, вы дьявольскій, старый лицемѣръ! вскричалъ Девисъ съ полусердитымъ смѣхомъ.

— Тутъ не было лицемѣрія, Китъ. Если я говорю, что статуя дурно сдѣлана, или анатомически—неправильно, это не значитъ

чтобы я думалъ, что у меня самого бюстъ Геркулеса, или члены Антиноя.

— Оставьте пожалуйста недостатки людей; это тоже, что ихъ долги: если вы не можете за нихъ заплатить, то не имѣете и права о нихъ толковать.

— Только для-ради общественной пользы, Китъ. Этого требуютъ наши обязанности въ отношенiи къ обществу, мой любезной другъ!

— Вздоръ! сказалъ сердито Девисъ, оттолкнувъ стаканъ; потомъ, спустя минуту, продолжалъ:—«какъ бы вамъ вернуться завтра до вечера? я этимъ сильно интересуюсь. Тамъ есть для меня важныя письма. Вотъ три монеты сказалъ онъ, положивъ золотыя деньги на столѣ. Вамъ больше ненужно.

— Странный магнетизмъ чувствуется въ рукѣ отъ прикосновенiя къ золоту, сказалъ Классонъ, разсматривая монеты въ своей рукѣ.—Какъ удивительно, что эти кусочки клейменаго листка такъ сильно говорятъ моему внутреннему сознанiю.

— Только не напейтесь на нихъ—вотъ и все, сказалъ Девисъ съ суровой дикостью манеры, вставая изъ за стола.—Вотъ мой паспортъ; вамъ придется показать его. Затѣмъ прощайте, потому что мнѣ нужно написать большое письмо дочери.

Классонъ вылилъ въ стаканъ остатки бургонскаго вина, выпилъ и, икая, со словами—поспѣшу въ Копитолiй!—вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА XVIII.

Семейное собранiе.

По дорогѣ, прiятно осѣненной липами, брелъ тихонько Девисъ на встрѣчу своей дочери. Былъ прiятный осеннiй день, тихiй безмолвный и сумрачный—одинъ изъ тѣхъ успокоительно дѣйствующихъ дней, которые располагаютъ къ прiятной мечтательности самого немечтательнаго человѣка. Девисъ разсматривалъ

глубокую долину, по которой пробирался чистый ручеекъ, а густые орѣшники бросали на него прохладную тѣнь; богатыя пастбища, по которымъ бродили стада; вершины осеннихъ горъ, которыхъ снѣга сливались съ облаками—онъ смотрѣлъ на все это и чувствовалъ, не зная самъ какъ и отчего, какое-то успокоенiе вѣчно занятого, вѣчно тревожнаго своего ума.

Разсматривая эту прекрасную картину, въ которой формы и краски сливались въ одно стройное цѣлое, его воображенiе представило ему слѣдующiй вопросъ: Неужто есть люди, которыхъ навсегда удовлетворяетъ это мирное существованiе? И затѣмъ пришла мысль: если бы такая жизнь продолжалась безпрестанно, что же бы сталось съ натурой, подобно моей, осужденной на бездѣйствiе? Могъ ли бы я жить? Или я наслаждался бы жизнiю безъ вѣчнаго сообщества съ моими товарищами? Онъ обдумывалъ долго все это и не могъ добиться какого-нибудь положительнаго заключенiя. Онъ припомнилъ то время, когда все это могло бы ему понравиться, когда онъ могъ бы безъ сожалѣнья проститься съ этимъ хлопотливымъ свѣтомъ; но теперь уже онъ вкусилъ волшебную отраву той битвы, когда человѣкъ борется съ человѣкомъ и когда даже жажда барыша меньше одушевляетъ, чѣмъ чувство зависти и соперничества, — теперь слишкомъ поздно, слишкомъ поздно! Какъ странно ему показалось, когда онъ оглянулся теперь на свою бурную, прошлую жизнь со всѣми ея случайностями и опастностями; какъ странно было подумать, что есть же вотъ существованiе тихое, безмятежное и притомъ спокойное; что есть же страна, гдѣ для хитрости, для коварства нѣтъ занятiя, гдѣ всякiя продѣлки и подлости безполезны!

Рѣзкое хлопанье почтальонскаго бича пробудило его отъ этихъ размышленiй и, взглянувъ, онъ увидѣлъ, что быстро приближается почтовый экипижъ. Онъ сдѣлалъ знакъ головой, экипажъ остановился и не прошло минуты, какъ Лицци Девисъ была въ рукахъ своего отца. Онъ два раза поцѣловалъ ее и потомъ, обнявъ ее рукою, съ гордостью и наслажденiемъ любовался ея прекрасными чертами, теперь особенно блестѣвшими удовольствiемь этого свиданiя.

— Какая ты красавица, Лицци! сказалъ онъ восторженно.

— А вы какимъ молодцомъ смотрите, папаша, отвѣтила она, ласкаясь. — Кажется, эта покойная сельская жизнь удивительно хорошо на васъ подѣйствовала. Я положительно утверждаю, что вы стали пятью годами моложе, не правда ли, мистеръ Бичеръ?

— Ахъ, Бичеръ! Какъ поживаете? вскричалъ Девисъ, горячо сжимая его руку. *Именно* славно, что всѣ вотъ собрались, сказалъ онъ и, взявъ подъ руки и дочь и Бичера, отправился пѣшкомъ, а экипажу приказалъ ѣхать шагомъ.

— Какъ вы откопали эту мѣстность? спросилъ Бичеръ: — мы нигдѣ не могли найти ее на картѣ.

— Я здѣсь проѣзжалъ года 24-ре тому назадъ, а я никогда не забываю ни мѣстностей, ни физіономій. Я подумалъ, что если представятся благопріятныя обстоятельства, можно будетъ и вспомнить—и видите, что я былъ правъ. Ты пополнѣла, Лицци,— такъ кажется по крайней мѣрѣ. Но пойдемъ, разскажи мнѣ о своей жизни въ Э; весело было? Мѣсто было пріятное?

— Прелестное, папенька!—если бы вы еще были съ нами— мы не выѣхали бы, кажется. Такія великолѣпныя и живописныя окрестности, а потомъ вечеромъ Курзаль съ своимъ страннымъ народомъ, такъ что я отъ души хохотала. Вотъ и стражъ мой можетъ засвидѣтельствовать.

— Да, вы не стѣснялись, я долженъ признаться.

— Я, напротивъ, сдерживалась до чопорности; я была настоящей каррикатурой англосаксонской благопристойности, сказала она, придавая себѣ строгій видъ.

Угрюмое выраженіе лица Девиса понемногу изчезло и смѣнилось веселымъ, и онъ смѣялся самымъ чистосердечнымъ, добрымъ смѣхомъ.

— Что вы говорили графу, Лицци? спросилъ онъ.—Неправда ли, это былъ славный джентельменъ?

— Онъ былъ забавенъ своимъ самодовольствомъ; но если кому ужъ оно слишкомъ наскучало, онъ дѣлался какимъ-то тупымъ!

— Все это вѣрно, точно по писаному! воскликнулъ Бичеръ отъ всей души, потому что онъ ненавидѣлъ этого человѣка и завидовалъ малѣйшимъ его достоинствамъ.

— Вообще, онъ представлялъ собою такъ ловко поддѣланную монету, что послѣ и на настоящія гинеи смотрѣлось какъ-то съ недовѣріемъ.

— Какъ она его узнала — какъ читаетъ въ немъ! воскликнулъ Девисъ въ восторгѣ.

— А вѣдь я все думалъ, что онъ вамъ нравится, воскликнулъ Бичеръ: — и ручаюсь, что онъ и самъ тоже думаетъ, считаетъ себя первымъ вашимъ любимцемъ.

— Пусть думаетъ, если это ему нравится, отвѣтила она съ беззаботнымъ смѣхомъ.

Девисъ замѣтилъ выраженіе лица Бичера при этихъ ея словахъ; онъ видѣлъ, что эта недовѣрчивая натура встревожилась и онъ постарался изгладить это впечатлѣніе.

— Я увѣренъ, что ты Лицци никогда не показывала ему притворнаго сочувствія? сказалъ онъ.

— Къ нему сочувствія? сказала она спѣсиво:—и не подумала! Подобныя личности — это все равно, что нанятыя лошади, которыми пользуется всякой, требуя, чтобъ они послужили только во время найма.

— Ну, Бичеръ, сказалъ смѣясь, Девисъ: — я убѣжденъ что она не станетъ разбирать ни *вашего* характера, ни *моего.*

— А я, клянусь Юпитеромъ! не убѣжденъ. И серьезный тонъ этихъ словъ вызвалъ смѣхъ со стороны Девиса.

— Вотъ мы и дошли, сказалъ Девисъ, вводя ихъ въ маленькую гостинницу, гдѣ все было приготовлено для ихъ пріема.

— Внутренность ея была еще гораздо лучше живописной наружности, и Лицци, сошедши обѣдать, была въ восхищеніи отъ своей чистой, изящной комнаты и отъ прелестнаго вида, раскрывавшагося предъ ея окнами.

— У меня великолѣпная квартира, сказалъ Бичеръ: — они мнѣ дали уборную съ маленькой, витой лѣстницей къ рѣкѣ и съ ванной въ натуральной скалѣ. Все это просто роскошь!

Слушая это, Девисъ улыбался отъ удовольствія. Послѣдніе дни онъ самъ занимался всѣми приготовленіями, съ цѣлью произвести самое благопріятное первое впечатлѣніе. Отдадимъ ему справедливость, что его заботы увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Во всѣхъ комнатахъ было множество цвѣтовъ, и ихъ благоухающій воздухъ, слегка колеблемый звуками падающей воды, дѣйствовалъ невыразимо - успокоительно послѣ путешествія. Къ тому же обѣдъ сдѣлалъ бы честь лучшей европейской гостинницѣ; и штейнбергское вино, которое хозяинъ продавалъ только изъ особеннаго расположенія, было совершенство! Но лучше всего этого, лучше свѣжей форели съ ея золотыми и лазурными пятнышками, лучше нѣжнаго Rehbraten съ его сладенькимъ соусомъ — лучше красныхъ куропатокъ и самаго свѣжаго дессерта, котораго кисти соперничали съ фонтенебловскими, — лучше, говорю, всего этого было счастливѣйшее расположеніе духа собесѣдниковъ въ это время! Никогда не было, кажется, трехъ человѣкъ, такъ расположенныхъ къ наслаж-

денію. Лицци, среди шумной, безпокойно-веселой жизни въ последнее время стала уже чувствовать усталость и стремленіе пожить въ мѣстѣ укромномъ, тихомъ и живописномъ. Для Бичера теперь была, кажется, первый разъ въ его жизни покойная минута. Здѣсь не было ни полиціи, ни кредиторовъ. Девисъ же не боялся перемѣнчиваго счастья въ игрѣ — онъ былъ увѣренъ въ выигрышѣ. Что значило тутъ днемъ, даже недѣлей раньше, или позже; онъ былъ увѣренъ, что цѣль, къ которой онъ столько лѣтъ стремился, была почти достигнута.

Не менѣе этого они были довольны и другъ другомъ. Никогда Лицци не казалась Бичеру болѣе очаровательной. Во всѣхъ своихъ прежнихъ безчисленно-великолѣпныхъ нарядахъ никогда она не казалась столь прекрасной, какъ теперь, въ простенькомъ кисейномъ платьѣ съ ярко-голубой лентой, въ блестящихъ волосахъ съ маленькимъ букетомъ розъ, кокетливо красовавшемся надъ ухомъ, потому что она, шутя, подражала старинной пастушеской «coiffure». Въ довершеніе благополучія Бичера, и Девисъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, что рѣдко съ нимъ случалось: ни слова рѣзкаго, возраженія и упрека, какъ ни прислушивался Бичеръ съ какою-то дѣтскою боязливостью. Напротивъ, Девисъ доходилъ до откровенности, предлагалъ даже на обсужденіе Бичера разные вопросы и благосклонно выслушивалъ. Читатель, которому удавалось когда нибудь удостоиться отъ ученнѣйшаго спеціалиста одобренія своего посильнаго сужденія о предметѣ его спеціальности, можетъ понять, какъ Бичеръ былъ невыразимо счастливъ, когда ему удавалось сказать что нибудь такое, что заслуживало одобренія Девиса, — точно первую золотую медаль получалъ.

Какъ пріятно было въ такія минуты слышать игру и пѣніе Лицци на вѣтхомъ, жалкомъ фортепьяно, которое и не мечтало никогда о такой чести! Съ свойственною ей игривостью, она переходила отъ патетическихъ мелодій къ комическимъ, къ импровизированнымъ описаніямъ пребыванія въ Э со всѣми его курьезными личностями, не исключая графа и самого Бичера, который подобными вещами никогда не обижался, а смѣялся надъ ними отъ всей души.

— Не удивительно ли,—не удивительно ли? восклицалъ Грогъ, когда она ушла въ садъ и они остались вдвоемъ.

— Вотъ такая же она была и въ Э. Положимъ, вотъ этакъ сидитъ за фортепьяно, шутитъ,—задайте ей самый серьез-

ный вопросъ, и она тотчасъ отвѣтитъ, какъ слѣдуетъ, точно цѣлый день думала объ этомъ предметѣ.

— Еслибъ она родилась въ *вашемъ* классѣ, Бичеръ, чтобы съ ней было теперь, повѣдайте-ка мнѣ? сказалъ Девисъ, и было много энергіи въ его словахъ.

— Я могу вамъ одно сказать, воскликнулъ Бичеръ въ сильномъ восторгѣ:—нѣтъ теперь для нея ни одного общественнаго положенія слишкомъ высокаго.

— Славно сказано, пріятель, славно сказано, съ чувствомъ воскликнулъ Девисъ:—и вотъ за ея здоровье!

— Этотъ тостъ, по всей вѣроятности, былъ въ честь меня? сказала Лицци, заглядывая въ окно:—а въ знакъ признательности честь имѣю пригласить васъ чай пить. Послѣ чего миссъ Девисъ ушла въ свою комнату, немножко утомленная путешествіемъ и нѣсколько взволнованная свиданьемъ съ отцомъ. Откуда это въ немъ такая привѣтливость, даже нѣжность въ обращеніи, которую она прежде въ немъ никогда не видала? Его прежняя краткая, сухая рѣчь, его пронзительный, недовѣрчивый взглядъ замѣнились теперь тонами спокойной довѣрчивости и ласковости.

«Развѣ, можетъ быть, до сихъ поръ мнѣ приходилось его видѣть въ минуты безпокойства и волненія? Такова ли его природа? Или тяжелыя обстоятельства жизни вызываютъ подобныя черты его характера? Не можетъ ли онъ быть, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, всегда такой привѣтливый и довѣрчивый, какимъ я его видѣла сегодня?» Эта послѣдняя мысль приводила ее въ восхищеніе. Какъ это содѣйствовало-бы тому идеалу жизни, который она такъ любила!—«Онъ ошибается во мнѣ, говорила она громко:—если онъ думаетъ, что мое сердце питаетъ какое нибудь высокое честолюбіе. Тихая, скромная жизнь въ неизвѣстности, въ такой мѣстности какъ напримѣръ эта—вотъ всѣ мои желанія. Я не ищу торжествъ, не ищу счастливаго соперничества.» Взглядъ въ зеркало мимоходомъ вызвалъ яркій румянецъ на ея щеки. Былъ-ли онъ слѣдствіемъ этихъ прекрасныхъ глазъ, этихъ бровей, этого полнаго благородной гордости выраженія лица, которое какъ будто служило живымъ опроверженіемъ ея скромныхъ желаній? Чуть ли не такъ, потому что она поспѣшила прибавить:—конечно, это не потому, чтобы я бѣжала съ поля сраженія, чтобы я безславно уклонялась... Кто тамъ? воскликнула она быстро, услышавъ стукъ въ дверь.

— Я, Лицци. Я слышалъ, что ты еще не спишь и хотѣлъ

предложить тебѣ прогуляться при лунномъ свѣтѣ,—что скажешь на это?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, папа! вскричала она, отворяя дверь.

— Набрось же шаль на плечи, дитя мое, сказалъ онъ:—воздухъ немножко сырой. Мы пойдемъ вдоль рѣки.

Полная луна свѣтила съ безоблачнаго неба довольно яркимъ свѣтомъ и наполняла самыми рѣзкими контрастами свѣта и тѣни дикую и нестройную картину, сообщая ей еще болѣе поразительный эффектъ. Причудливаго вида скалы задерживали теченіе рѣки; искривленные корни торчали въ разныхъ направленіяхъ по берегу и, при лунномъ освѣщеніи и теченіи воды, они въ полусвѣтѣ принимали фантастическія формы и, казалось, безпокойно двигались. Это предположеніе было довольно вѣроятно потому что по временамъ по водѣ хлесталась мѣстами вѣтка корня, точно рука тонувшаго пловца.

Отецъ и дочь сперва шли молча, увлеченные разстилавшеюся передъ ними дикою картиной. Лицци воображала, что это былъ бой рѣчныхъ духовъ, какихъ нибудь чудовищныхъ, злыхъ титановъ; или, когда показывались болѣе красивыя формы, ей представлялось, что это шаловливая толпа нимфъ купается при лунномъ свѣтѣ. А Грогъ—тотъ вспоминалъ Аскотскую суматоху, когда разъяренная чернь разогнала полицію; и воспоминаніе это было такъ сильно, что онъ отъ души расхохотался.

— Скажите мнѣ, папа, пожалуйста, о чемъ вы хохочете! спросила она.

— Вспомнилъ, что видѣлъ въ старые годы — нѣчто похожее на это движеніе деревьевъ надъ водою.

— Но что же такое? спросила она настойчивѣе, потому что онъ опять захохоталъ при воспоминаніи.

— Для тебя неинтересное, отвѣтилъ онъ рѣзко; и нѣсколько стыдясь слишкомъ грубаго тона своего отвѣта, онъ прибавилъ:—хоть я и много кое-чего видѣлъ на своемъ вѣку, но въ этомъ найдется мало порядочнаго для твоего удовольствія или развитія, Лицци.

Лицци молчала; ей хотѣлось, чтобъ отецъ говорилъ, но не знала, какой ему сдѣлать вопросъ. Это тѣмъ страннѣе, что и отецъ очень желалъ, чтобъ она подала ему предметъ для разговора.

Послѣ продолжительнаго молчанія, онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:—я думаю, что мало веселаго можетъ разсказать о свѣтѣ тотъ, кто дожилъ до моихъ лѣтъ,—я вовсе не хочу этимъ напу-

гать тебя, моя дочь. На дняхъ ты узнаешь мои мысли и этого съ тебя будетъ довольно.

— И неужели люди такъ коварны и недостойны, какъ вы говорите?

— Я, однимъ словомъ, разскажу тебѣ всю исторію, Лицци. Люди, родившіеся въ счастливомъ общественномъ положеніи и въ довольствѣ, могутъ быть прекрасные и честные, если этого пожелаютъ; остальное же человѣчество должно быть мошенниками— хочется, или не хочется.

— Очень грустную картину вы мнѣ представляете.

— Такую,—какъ есть, дочка, отвѣтилъ онъ, оживляясь:—каждый человѣкъ въ свѣтѣ есть большой игрокъ; пусть онъ бранитъ кости, бѣгъ, карты,—онъ все-таки играетъ во что-нибудь на свѣтѣ: для полученія мѣста въ кабинетѣ, должности въ колоніи, епископства, или командованія полкомъ. Разница въ томъ, что одни игроки допускаютъ въ игрѣ счастье, а другіе дѣйствуютъ на вѣрняка и думаютъ, что знаютъ игру въ совершенствѣ.

Она глубоко вздохнула, но не сказала ни слова.

— Да и женщины тоже самое, заключилъ онъ:—однѣ играютъ, чтобы доставить мужьямъ высшую должность, другія изъ-за почести при дворѣ.

— А неужто никто не стоитъ выше этихъ мелкихъ? вдругъ воскликнула она въ негодованіи.

— Есть нѣкоторыя,—я упомянулъ о нихъ: тѣ, которыя родятся въ Онѣ могутъ быть великодушными, благородными, сколько имъ угодно. Они всему выучились, ничѣмъ не затрудняются, и вотъ почему онѣ господствуютъ надъ другими. Имъ не надо карабкаться до мѣстечка; онѣ не встрѣтятъ затрудненій,—толпа всегда даетъ имъ дорогу.

— Но вѣроятно есть же и другія, низшія общественныя положенія, въ которыхъ человѣкъ можетъ быть честнымъ и даже гордымъ?

— Такихъ не знаю, если только есть они, сказалъ Девисъ сердито. Правовѣды, священники, купцы — всѣ они, я предполагаю, болѣе или менѣе лукавятъ.

— А Бичеръ, бѣдный Бичеръ? быстро спросила Лицци. И было въ ея тонѣ столько нѣжности, что трудно было отгадать настоящее значеніе ея словъ.

— Почему ты называешь его бѣднымъ Бичеромъ? спросилъ Девисъ быстро.—Онъ не умираетъ съ голоду.

— Я не имѣю въ виду его состоянія. Я думала только о его характерѣ.

— А онъ въ этомъ смыслѣ бѣденъ,—а, бѣденъ? спросилъ Девисъ полустрого.

Если она не отвѣтила, то это потому, что боялась оскорбить отца, котораго такъ быстро измѣнившійся тонъ разговора показалъ ей, что онъ больше имъ заинтересованъ, чѣмъ можно было предполагать.

— Послушай-ка, Лицци, сказалъ онъ, прижавъ къ себѣ сильнѣе ея руку и стараясь возбудить ея вниманіе:—люди, принадлежащіе къ сословію Бичера, не нуждаются ни въ ловкости, ни въ находчивости, ни въ твердости воли, какъ... какъ люди въ родѣ нашего брата, короче сказать. Немного генія нужно, чтобы написать вексель банкиру; немного таланта, чтобы сказать «да», или «нѣтъ» въ палатѣ лордовъ. Свѣтъ—я говорю объ ихъ свѣтѣ—всего болѣе доволенъ ими, когда въ нихъ мало способностей. А Бичеръ именно такого сорта личность.

— Да вѣдь онъ, кажется, не перъ? спросила она быстро.

— Нѣтъ, но можетъ быть не сегодня — завтра. Онъ теперь увѣренъ въ возможности быть перомъ, какъ я — въ невозможности! И вотъ, бѣдный Бичеръ, какъ вы его недавно назвали, становится лордомъ виконтомъ Лакингтономъ съ двѣнадцатью или четырнадцатью тысячами годового дохода! Увѣряю тебя, что изъ всѣхъ лучше всего наслаждаются жизнію—англійскіе лорды съ хорошимъ состояніемъ.

— А справедливо ли то, что я читала, спросила Лицци:—что это высокое положеніе, дающее столько преимуществъ, открыто и доступно всѣмъ, кто имѣетъ достаточно таланта или ловкости, чтобы его достигнуть? Люди самого незначительнаго происхожденія, если они только одарены высшими качествами и ревностно посвящаютъ себя служенію отечеству, отъ времени до времени принимаются въ это благородное братство?

— Все это вздоръ изъ пансіонскихъ тетрадокъ, не вѣрь въ этомъ ни одному слову. Все это чепуха и хвастовство, вымыслы въ родѣ старой исторіи о золотомъ вѣкѣ. Плуты всегда придумаютъ какія-нибудь мудрыя изреченія, которыя расходятся по свѣту и которымъ, вслѣдствіе постояннаго ихъ повторенія, наконецъ вѣрятъ. Вотъ въ чемъ все дѣло, сказалъ онъ, вдругъ остановившись и продолжая говорить съ большею энергіею:—вотъ я здѣсь стою, Христофоръ Девисъ, съ такимъ же количествомъ смысла въ головѣ,какъ и у любого лорда, возсѣдающаго на сво-

емъ парламентскомъ креслѣ; а между тѣмъ мнѣ также полезно будетъ хлопотать сдѣлаться лошадью, какъ попасть въ великобританскіе перы. Это не можетъ удасться, дочь моя, не можетъ!

— Но вѣдь я слышала, что многіе талантливые люди за свои услуги были возводимы...

— Да, да. Имъ нужны, по временамъ, знающіе юристы, для помощи въ запутанныхъ вопросахъ; или, если страна о нихъ начинаетъ забывать, то они стараются привлечь въ свои ряды счастливаго военными успѣхами полководца; иногда они поступаютъ, какъ старая барыня, которая садитъ въ свой экипажъ здоровеннаго молодца, когда ѣдетъ по несовсѣмъ безопасной отъ разбойниковъ дорогѣ; но какъ бы то ни было, нужны по крайней мѣрѣ три поколѣнія, чтобы эти новички были признаны прочей братіей.

— Какая надменная спесь! воскликнула Лицци; но въ ея голосѣ ничто не обнаруживало порицанія.

— Ну какая тутъ спесь? это просто тупость, вскричалъ онъ:— тупость, признаваемая людьми за величайшій умъ. Они тоже для народа, что бубеньчикъ для осла. Они прогуливаются по Сент-Джемкой улицѣ, и полисменъ меня локтемъ толкаетъ съ дороги, по которой они идутъ; они шатаются по лоскутному ряду, и самыя лошади закручиваютъ дугой хвосты и ступаютъ торжественнѣе, чѣмъ обыкновенно; войдутъ ли они въ церковь, и священникъ тотчасъ откашляется и начинаетъ говорить громче и внятнѣе, собственно для нихъ. И если бы само благословенное солнце было англійскимъ учрежденіемъ, оно бы отдало весь свой свѣтъ и всю теплоту перамъ.

— И тѣмъ, которые воздаютъ имъ подобныя почести, развѣ не стыдно такъ унижаться?

— Стыдно?! когда одно приближеніе къ нимъ считается за особенную честь. Когда лордъ встрѣтитъ меня и кивнетъ головой съ вопросомъ: «какъ поживаете Девисъ?» мои... знакомые, я хотѣлъ сказать, почувствуютъ ко мнѣ двойное почтеніе противъ обыкновеннаго. Не то, чтобы *я* добивался этого, прибавилъ онъ сурово: я *ихъ* насквозь вижу, больше чѣмъ они воображаютъ, гораздо лучше, чѣмъ *они* знаютъ *меня*!

Лицци задумалась; ей на память пришелъ разговоръ, который она имѣла однажды съ Бичеромъ о нравахъ великосвѣтскихъ людей и о недоступности этого класса общества.

— Я желала бы, папенька, предложить вамъ вопросъ, сказала она наконецъ.

— Можно, можно, дочка. Постараюсь отвѣтить.

— И не разсердитесь, не оскорбитесь?

— Нисколько. Будь только чистосердечна, и я буду какъ нельзя добрѣе.

— То, о чемъ я хотѣла спросить, это... не подумайте, папенька, что это простое любопытство, пустая прихоть, — нѣтъ это желаніе знать, какъ вести себя... я хотѣла бы знать... кто мы?.. что мы такое?..

Кровь бросилась въ лицо и виски Девису, такъ что онъ побагровѣлъ, ноздри раздулись и глаза дико блеснули, точно получилъ онъ самую тяжелую обиду отъ врага передъ лицомъ всего свѣта.

— Клянусь небомъ! воскликнулъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: — я не думаю, чтобы кто нибудь осмѣлился въ Европѣ задать мнѣ этотъ вопросъ. Это я говорю не для устрашенія тебя — въ тебѣ много моего мужества.

— Если бы я знала, что это васъ такъ взволнуетъ...

— Напротивъ, отъ этого я тебя еще болѣе полюблю, еще болѣе признаю *моей* дочерью, воскликнулъ онъ, обнимая ее съ чувствомъ.

— Но это такъ взволновало тебя, дорогой папа...

— Теперь прошло; я также хладнокровенъ, какъ и ты. Вотъ моя рука; видишь — ни слѣдовъ нервнаго раздраженія. «Кто мы?» воскликнулъ онъ, повторяя точно отголосокъ ея вопроса. — Я хотѣлъ бы знать, кто изъ 28 милліоновъ англичанъ могъ бы отвѣтить на такой вопросъ? Есть книжечка, или двѣ, которыя разсказываютъ о перахъ и баронахъ, кто они такіе, а объ остальныхъ изъ насъ... Онъ движеніемъ руки окончилъ свою мысль. Мой отвѣтъ былъ бы похожимъ на отвѣты многихъ другихъ. Я сынъ человѣка, который носилъ одинаковую со мной фамилію и который, если бы жилъ, разсказалъ бы ту же исторію, что и я. А что такое мы — это другой вопросъ, прибавилъ онъ лукаво: — хоть, собственно говоря, англійскіе нравы и жизнь достаточно облегчаютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Каждый, неимѣющій вѣрныхъ средствъ существованія и, повидимому, ничего для нихъ недѣлающій, есть или дворянинъ или бродяга. Если онъ положительно и совершенно неспособенъ сдѣлать что нибудь для себя, онъ дворянинъ; если онъ можетъ заняться тѣмъ или другимъ, онъ не болѣе, какъ бродяга.

— А вы, папа? спросила она сколько можно хладнокровнѣе.

— Я? и то, и другое немножко быть можетъ, отвѣтилъ онъ, спустя нѣсколько времени.

Послѣдовавшее довольно продолжительное молчаніе было тягостно для обоихъ; Лицци не смѣла повторить своего вопроса, хоть онъ и остался безъ отвѣта; а Девисъ зналъ, что онъ не съумѣлъ бы быть такъ откровеннымъ, какъ обѣщалъ. Его умъ испытывалъ тяжелую борьбу. Глубокая тайна всей его жизни, которой онъ пожертвовалъ всѣмъ счастьемъ семейной жизни изъ-за которой онъ рѣшился удалиться отъ собственнаго дитяти, оставляя его постоянно среди общества и привычекъ, изъ которыхъ каждая увеличивала между ними разстояніе, — все это было теперь у него на устахъ: одно слово могло открыть все и разрушить всѣ надежды, которыя столько времени ласкали его сердце. Сдѣлать изъ Лицци леди, нетолько окружить ее всѣми условіями и требованіями этого общественнаго положенія, но и напитать ея душу чувствами и образомъ мыслей, свойственными этому сословію,—все это было постоянной задачей его жизни. Для этого онъ работалъ, выбивался изъ силъ, интриговалъ, хлопоталъ много—много лѣтъ. Какія ужасныя сцены ни встрѣчались ему, съ какимъ отчаяннымъ напоромъ силъ онъ выдерживалъ! Въ опасномъ промыслѣ игорнаго стола какія самыя черныя стороны человѣческихъ страстей не приходилось ему затрогивать, съ какими самыми презрѣнными личностями имѣть дѣло, видѣть ихъ наглыми среди торжества, низкими въ минуты неудачь, скрягами, расточителями, научиться угадывать ихъ малѣйшія движенія, вздохъ, повороты пальцевъ, губъ, разомъ узнавать, гдѣ именно лежитъ самая слабая сторона! И все это для того только, чтобы дочь его могла жить въ атмосферѣ, недоступной ему самому... Вотъ какія чувства и воспоминанія боролись въ немъ въ настоящее время. —Вотъ она стоитъ, подумалъ онъ, стоитъ такою, какой сдѣлали ее всѣ мои усилія и какой желали самыя пламенныя надежды и кто бы могъ сказать, что сдѣлаетъ мое одно слово изъ этой чистой, незапятнанной натуры? Какъ она перенесетъ извѣстіе, что ея положеніе въ свѣтѣ — обманъ, что жизнь ея — ложь, что она дочь Грога Девиса — «Ноги»? Все это часто приходило ему въ голову; много онъ придумалъ разныхъ средствъ все это когда-нибудь открыть ей, но теперь все это какъ-то не шло къ дѣлу. Приходила и другая мысль.—Сколько времени еще этотъ обманъ можетъ продолжаться? Долженъ ли я подождать? сказалъ онъ: — и, если такъ, то чего же? Да, чего же? вотъ вопросъ. Того ли, чтобы кто-нибудь другой открылъ ей тайну и сказалъ, чья она дочь?» Онъ зналъ, съ какой злобой открываютъ въ этомъ свѣтѣ

подобныя вещи; жизнь достаточно успѣла его съ этимъ познакомить! Его крѣпкая рука дрогнула и по всему тѣлу пробѣжалъ судорожный трепетъ при одной этой мысли.

— Вамъ холодно, папа! Не больны ли вы? сказала она заботливо.

— Нѣтъ. А что? спросилъ онъ строго.

— Вы дрожали; я боюсь, не больны ли вы?

— Я никогда не хвораю, отвѣтилъ онъ тѣмъ же тономъ: — есть пуля въ бедрѣ гдѣ-то, никогда не знали гдѣ — она-то по временамъ и безпокоитъ меня. Кромѣ этого, я не имѣю надобности въ лекарствахъ.

— Въ какомъ это сраженіи вы получили пулю?

— Не въ сраженіи—на дуэли. Это старая исторія и вспоминать о ней не стоитъ. Но ты не бойся, дочь моя; личность, выстрѣлившая въ меня, живетъ, хоть я долженъ сознаться, что жизнь ея не красна. Читала ты когда нибудь газеты — позволяли читать въ школѣ?

— Нѣтъ; но украдкой я заглядывала въ нихъ въ гостиной. Это было чтеніе такое привлекательное; въ немъ было столько дѣйствительности. Но зачѣмъ вы меня спрашиваете?

— Не знаю зачѣмъ — такъ. Пробормоталъ онъ полу-угрюмо и поникнулъ головою. — Да, вскричалъ онъ, послѣ остановки: — мнѣ нужно было знать, не встрѣчала ли ты въ нихъ когда нибудь *моего* имени — нашего имени?

— Разъ, только разъ и очень давно я видѣла и спросила гувернантку, распространена ли эта фамилія въ Англіи, и она сказала: да. Я помню, что статья привлекла мое вниманіе въ это время. Разсказывалось о юношѣ — забыла его имя — о юношѣ, который застрѣлился въ отчаяньи послѣ какого-то проигрыша и разсказъ былъ подъ заглавіемъ: «Еще о Грогѣ Девисѣ».

Девисъ отступилъ и голосомъ, звучавшимъ дикой страстью, вскричалъ:

— Ну, дальше? Что же дальше? Эти слова были произнесены такимъ страшнымъ голосомъ, что Лицци остолбенѣла отъ ужаса и не могла ничего сказать. — Ты не слыхала меня? крикнулъ онъ: — я спрашиваю, что же дальше?

— Былъ какой-то разсказъ, какъ бѣдняга совершилъ самоубійство; я плохо помню. Мнѣ любопытно только было знать, кто былъ этотъ Грогъ Девисъ...

— И она тебѣ не сказала, не сказала?..

— Нѣтъ; она ничего о немъ не знала?

— Такъ *я* тебѣ скажу. Онъ стоитъ передъ тобой!

— Вы! папа — вы! дорогой папа. О нѣтъ, нѣтъ! вскричала она умоляющимъ голосомъ и бросилась къ нему на шею съ горькимъ плачемъ. — О нѣтъ, я этому не повѣрю!

— А почему? Что же въ этомъ разсказѣ безчестнаго для *меня*? Полно, полно, будешь продолжать плакать, обидишь—да, Лицци, обидишь меня.

Она подняла голову, вытерла глаза и стояла передъ нимъ покойно и неподвижно. Ея блѣдное лицо, блѣднѣе отъ луннаго свѣта, теперь не обнаруживало ни слѣда страсти и волненія.

Девисъ хотѣлъ поддержать ее рукой въ минуту ея сильнаго безпокойства; но она была хладнокровна, стояла молча, какъ вкопанная, точно услышала разомъ ужасное извѣстіе, но все-таки не потеряла бодрости. Ея неподвижный, упорно-холодный взглядъ былъ для него самымъ сильнымъ упрекомъ въ свѣтѣ.

— Если не знаешь теперь, *кто* мы, то знаешь, *что* мы, дочь моя,—не такъ ли? воскликнулъ онъ рѣзкимъ и страстнымъ голосомъ. — Я собирался сто разъ сказать тебѣ это. Въ эти послѣдніе два года я чуть не каждую недѣлю начиналъ къ тебѣ объ этомъ письмо. Я дѣлалъ больше: я вырѣзывалъ все въ газетахъ и составлялъ коллекцію, чтобы дать тебѣ когда-нибудь прочесть. Въ самомъ дѣлѣ, я медлилъ только потому, что ты казалась такой счастливой. Но я чувствовалъ, что настанетъ время... что нужно будетъ узнать это раньше или позже... и лучше отъ меня, чѣмъ отъ другихъ... Я убилъ бы того, кто бы сказалъ тебѣ. Что же ты молчишь? Что происходитъ у тебя въ умѣ?

— Не знаю, проговорила она глухо. — Не понимаю, проснулась ли я!

— Да! воскликнулъ онъ съ ужасной борьбой: — ты теперь проснулась; прошедшее было сонъ! — сонъ, въ которомъ ты была княгиней со всевозможными нелѣпостями; это былъ сонъ. Свѣтъ былъ ко мнѣ тогда милостивъ. Счастье помогало мнѣ, за что бы я ни принялся. Но наконецъ оно мнѣ измѣнило — да, измѣнило! Съ того времени... теперь этому ровно два года и одинадцать дней... я ничего не выигрываю! Самые юные оксфордцы поражали меня моимъ собственныхъ оружіемъ. Я то и дѣло продавалъ — то ферму, то домъ, то лошадей. Я посылалъ деньги тебѣ, каждую гинею. Что я самъ дѣлалъ — дѣлалъ въ долгъ, пока не поселился въ Коттисвудѣ; все было кончено: я раззорился!

— Раззорились! машинально проговорила она и судорожно сжала его руку: — вы, вѣроятно, имѣли друзей...

— Друзья славная вещь, когда хорошо идутъ дѣла; друзья хороши, пока есть хорошій поваръ и замороженное шампанское, но терпѣть не могутъ изодранныхъ сапогъ и измятой шляпы. Притомъ, кредитъ купца основывается только на его удачѣ. Пусть только дѣла пойдутъ плохо, пусть только загорвсятъ: «Дурно идутъ дѣлишки у горемыки Девиса: онъ такъ несчастливъ!» пусть только скажутъ это—и всѣ отшатнутся отъ тебя, какъ отъ прокаженнаго; никто не поможетъ тебѣ, никто не посовѣтуетъ ни словечкомъ. И они правы! Смѣйся, если хочешь; я же суевѣренъ, — но никто не увѣритъ меня, что нѣтъ какого-то счастья. Какое бы оно тамъ ни было, *мое* измѣнило — я раззорился!

— И они не помогли вамъ? Вы вѣроятно многимъ-таки помогали?..

— Видишь ли, Лицци, сказалъ онъ:—теперь ты можешь понимать все. Если, напримѣръ, природный дворянинъ — личность, хоть, въ родѣ Бичера, если бы такой баринъ запутался, сейчасъ множество явится готовыхъ выручить; одни изъ уваженія къ роду, другіе по семейнымъ связямъ, тѣ въ надеждѣ, что такимъ господамъ всегда легче поправиться рано или поздно. Люди низкаго происхожденія помогутъ ему, потому что онъ почтеннѣйшій Аннесли Бичеръ; но совсѣмъ другое относительно Грога Девиса. Каждый радъ, когда раззорится «Нога»..

— Нога — это, кажется, значитъ на воровскомъ языкѣ... значитъ...

— Человѣкъ, держащій пари, подхватилъ Девисъ. Человѣкъ, занимающійся бѣгами, какъ профессіей, называется у нихъ «Ногою», хоть они и не назовутъ такъ прямо въ глаза, добавилъ онъ съ саркастической улыбкой.

— Продолжайте, сказала она тихо послѣ минутнаго молчанія.

— Что продолжать? воскликнулъ онъ грубо: — я все тебѣ сказалъ. Тебѣ нужно было знать, что я и какъ живу. Ну, все теперь знаешь. Газеты, если будешь читать, дадутъ тебѣ болѣе ясное понятіе; но объ одномъ не могутъ сказать, не могутъ сказать, дочь моя, что то, о чемъ я думалъ цѣлые вечера, цѣлыя ночи.

— И что довело васъ до этой жизни, папа? Сами выбрали?

— Я довольно сказалъ тебѣ — слишкомъ довольно, кажется, отвѣтилъ онъ сердито. — Не спрашивай больше. Если бы Де-

висъ взглянулъ тогда ей въ лицо, какъ былъ бы сильно пораженъ имъ! Она была блѣдна, какъ мраморъ; даже губы потеряли краску, а по щекамъ тихо струились крупныя слезы.

— И вотъ пробужденіе отъ блестящаго сна, которымъ я такъ долго наслаждалась! разгадка жизни, полной дорого-стоившихъ безразсудствъ, предупрежденія малѣйшихъ желаній и вкусовъ! Это оборотъ медали, представлявшей меня существомъ высокаго происхожденія и сословія! Если эти мысли прежде всего мелькнули въ ея головѣ, то за ними вскорѣ послѣдовалъ вопросъ: почему же такія извѣстія еще болѣе не унижаютъ ее?— Отчего же, вскричала она: я слушаю все это только съ недовѣріемъ, но не съ чувствомъ униженія? Неужто у меня достанетъ силъ бороться съ самою надменною аристократіею въ Европѣ?

— Еще одинъ вопросъ, папа, сказала она тихо и обдуманно: — еще одинъ желала бы вамъ предложить. Это послѣдній — и какъ вамъ угодно, отвѣтьте, или нѣтъ. Зачѣмъ это вы привычками и воспитаніемъ поставили меня въ такое положеніе, которое совершенно не шло къ жизни, выпавшей мнѣ на долю по рожденію?

— Не можешь развѣ догадаться? сказалъ онъ рѣзко.

— Можетъ быть, я и догадываюсь, сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ. — я помню, какъ вы однажды вечеромъ сказали Бичеру: когда жеребенокъ обѣщаетъ быть хорошимъ бѣгуномъ, его всегда стоитъ воспитывать!

Девисъ покраснѣлъ; его уши ясно слышали, какъ кровь приливала ему въ голову. Былъ ли это стыдъ? Былъ ли гнѣвъ? Была ли странная радость видѣть, что собственное его сердце такъ ярко отражалось въ его дитяти? или все это вмѣстѣ? Какъ бы то ни было, онъ не сказалъ ни слова, но молча шелъ медленно рядомъ съ ней.

Тихій, слабый вздохъ Лицци внезапно встревожилъ его, и онъ сказалъ:—ты больна — ты устала, дочь моя?

— Я бы хотѣла вернуться домой, проговорила она спокойно, но чуть слышно. Онъ повернулъ назадъ, не говоря ни слова и они пошли къ гостинницѣ.

— Когда я предложилъ это гулянье, Лицци, я никакъ не думалъ, что оно будетъ такъ неудачно.

— Это не ваша вина, отвѣтила она грустно.

— Право, я думалъ, что можно будетъ дольше держать тебя въ неизвѣстности. Я могъ протянуть это еще недѣльки на двѣ.

— О, это было бы безполезно; вѣдь я тутъ никогда не могла бы имѣть голоса. Кажется, ночь стала холоднѣе?

— Нѣтъ; тоже, что и было, когда мы вышли, сказалъ онъ угрюмо. — Теперь, когда ты знаешь все дѣло, началъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — есть еще предметъ, о которомъ мнѣ нужно съ тобой поговорить; онъ собственно тебя касается, и рано или поздно надо имъ заняться. Ну, какъ на счетъ Бичера; онъ былъ къ тебѣ внимателенъ, — неправда ли?

— Не болѣе того, сколько я могла ожидать отъ человѣка въ его положеніи относительно меня.

— Да, но *былъ* внимателенъ. Я посылалъ Ліенштэля узнать дѣло, и онъ извѣстилъ меня, что обращеніе Бичера обнаруживало привязанность, а твое не показывало отвращенія. Правда это? Онъ тебѣ не нравится?

— Не нравится? нѣтъ, напротивъ; онъ такой вѣжливый, услужливый, такой уступчивый, такой любезный, что не можетъ не нравиться. Онъ не очень блестящъ...

— Онъ будетъ перомъ, прервалъ Девисъ.

— Я подозрѣваю, что всѣ его взгляды на жизнь полны предразсудковъ.

— Онъ будетъ перомъ, продолжалъ Девисъ.

— Онъ получилъ крайне небрежное образованіе.

— Ему оно не нужно.

— Я думала, что оно нужно для достиженія положенія.

— Онъ достигъ—онъ въ немъ увѣренъ; у него не отнимутъ его. Однимъ словомъ, дочь моя, по закону и рожденію онъ имѣетъ положеніе въ свѣтѣ и богатство, котораго десять поколѣній людей, въ родѣ меня, работая каждый часъ, во всю жизнь не успѣютъ пріобрѣсти. Онъ будетъ англійскимъ перомъ, и я не знаю титула, который бы имѣлъ болѣе силы.

— Но изъ всѣхъ его недостатковъ сказала Лицци, которая, повидимому, мало вникала въ замѣчанія отца, а какъ будто развивала собственную мысль:—изъ всѣхъ его недостатковъ самый большой и самый вредный—это убѣжденіе, что величайшій признакъ ума перехитрить и надуть своего сосѣда, что эта ловкость есть высокое качество, что лукавство значитъ геній.

— Да, это жалкія качества для поддержанія жизни, сказалъ Девисъ:—но я говорю тебѣ разъ навсегда, не нужно ему быть блестящимъ или остроумнымъ. Онъ будетъ имѣть право входить туда, куда не приведутъ его никакія ухищренія въ мірѣ;—жить въ положеніи, котораго онъ не могъ бы добиться, еслибъ даже

писалъ драмы, какъ Шекспиръ, строилъ мосты, какъ Брюнель, или воспитывалъ лошадей, какъ Джонъ-Скоттъ; и еслибъ ты только знала, дитя мое, что эти люди думаютъ другъ о другѣ и что свѣтъ думаетъ *о нихъ,* ты увидѣла бы, что это лучшая цѣль всѣхъ усилій.

Лицци не отвѣчала ни слова; но каждое слово рѣчи отца, такъ сказать, процѣживалось въ ея умѣ, и она обдумывала всѣ вытекавшія изъ его словъ заключенія. Такъ идя въ молчаніи рядомъ, дошли они до дому. Въ небольшомъ садикѣ у самого входа, они остановились и стояли лицомъ къ лицу, ярко освѣщенные луною. Девисъ увидѣлъ, что глаза ея были красны и щеки омочены слезами, но что это волненіе уступило мѣсто холодному спокойствію.

— О, бѣдная моя Лицци! сказалъ онъ съ глубочайшимъ чувствомъ: — если бы я не зналъ такъ хорошо свѣта, еслибъ я не зналъ, какъ мало выигрываютъ въ свѣтѣ, слушая голосъ своего сердца, еслибъ не зналъ, какъ ты и сама будешь думать обо всемъ этомъ лѣтъ черезъ 10 или 12,—я не рѣшился бы на это.»

— И это... должно... быть? проговорила она, запинаясь и отрывистымъ голосомъ.

Девисъ обнялъ ее и, прижавъ къ груди, горько заплакалъ.

— Полно, полно, вскричалъ онъ:—поди, поди, дитя мое; поди, лягъ, усни немножко. И, говоря это, онъ быстро ушелъ, оставивъ ее одну.

ГЛАВА XIX.

Поѣздка въ Нейвидъ.

Задолго до того времени, какъ Лицци могла уснуть, а уснуть не могла она долго, потому-что сердце ея въ первый разъ было сильно опечалено,—ея отецъ отправился на почтовой лошади къ Рейну. Онъ просилъ, чтобъ отвѣтъ на его телеграфическую де-

пешу былъ посланъ въ Нейвидъ, и сюда-то онъ теперь пробирался.

Странная вещь, что когда люди, въ родѣ его, сильно взволнованы, когда ихъ чувствительность, долго подавляемая и сдерживаемая суровостью жизни, наконецъ проявляется, они скорѣе испытываютъ какое то дикое желаніе личной борьбы, чѣмъ чувство примиренія. Побуждая лошадь бѣжать скорѣе, онъ не щадилъ ни бича, ни шпоръ. Одинъ на этой безлюдной дорогѣ онъ громко спрашивалъ себя: не также ли одинъ онъ и на этомъ бѣломъ свѣтѣ?—Не пустыня ли будетъ передо мною, куда бы я ни бросился? Никогда я не слыхалъ о человѣкѣ, у котораго бы не было своего угла, пристанища, за исключеніемъ меня.

Но часъ какой-нибудь тому назадъ было существо, которое любило его всѣмъ сердцемъ, которое видѣло или воображало, что видѣло, богатый источникъ прекрасныхъ качествъ въ его жестокомъ, рѣзкомъ обращеніи; существо, которое рисовало въ своемъ воображеніи то, чѣмъ бы онъ могъ быть при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и при лучшемъ развитіи. — Вотъ, восклицалъ онъ громко:—и вотъ она знаетъ теперь, что я такое! Какъ она это перенесетъ? Подчинится ли? Разобьетъ ли ее это? Или въ ней довольно моей крови, чтобы храбро все это преодолѣть? О, если бы только она знала свѣтъ, какъ я знаю его — со всей его житейской грязью, съ его подлыми рабами и деспотами; о, еслибы она знала настоящую жизнь! Она увидѣла бы, что я продалъ себя, какъ продаютъ себя милліоны другихъ, и она многое простила бы мнѣ.

Было часовъ 8 пріятнаго осенняго утра, когда Грогъ доѣхалъ до Нейвида и пробирался по маленькой улицѣ, то и дѣло сталкиваясь съ крестьянами, шедшими на базаръ. Пробираясь осторожно верхомъ въ ихъ толпѣ, среди разныхъ плодовъ и другихъ товаровъ, онъ доѣхалъ до небольшой гостинницы, гдѣ предполагалъ позавтракать.

Въ это время почта не была еще открыта, такъ что онъ приказалъ приготовить себѣ завтракъ и позаботился о своемъ нѣсколько утомившемся конѣ. Ему подали завтракъ въ общей залѣ, гдѣ сидѣли два путешественника, по которымъ съ перваго же раза видно было, что они англичане. Оба они были молоды, свѣжи; на нихъ лежалъ чисто британскій отпечатокъ полускромности, полусмѣлости, и не смотря на появленіе незнакомца, они продолжали говорить на своемъ родномъ языкѣ съ той увѣренностью, что иностранецъ не пойметъ ихъ. Можно предпо-

ложить впрочемъ, что усы и борода Грога, его обшитый шнурками травянисто зеленаго цвѣта сюртукъ, его голубые очки—все это дѣлало его похожимъ на кого угодно въ свѣтѣ, только не на подданнаго королевы Викторіи.

Съ перваго же взгляда, брошеннаго на нихъ, онъ сейчасъ узналъ, къ какому классу общества они принадлежали: это были юноши изъ Оксфорда, или Кембриджа, въ отпуску на вакацію,—личности, къ которымъ онъ всегда питалъ глубочайшее презрѣніе. Онъ презиралъ ихъ претензіи на хитрость, на ловкость, ихъ желаніе прослыть «солидными людьми», между тѣмъ какъ ихъ солидность только и проявлялась въ игрѣ на бильярдѣ, избіеніи мѣщанина, попойкѣ у себя дома. Ну, куда годятся подобные миньятюрные пророки?

Углубившись въ свою газету, или бифстексъ, Девисъ не обращалъ вниманія на ихъ отрывочный, рѣзкій разговоръ; но вдругъ, среди доходившихъ до него по временамъ фразъ, послышалось ему имя Бичера. Онъ сталъ внимательно слушать и услышалъ слѣдующее. Одинъ разсказывалъ другому, что, ожидая его прибытія въ Ахенѣ, онъ принялся слѣдить за Бичеромъ и «поразительной дѣвушкой», которая съ нимъ была. Изъ его словъ видно было, что весь Ахенъ былъ въ высшей степени заинтересованъ ея появленіемъ. Всѣ видѣли, что она ему была ни сестрой, ни женой, ни любовницей. Кто жъ она была? и какъ было объяснить это таинственное сопутствіе?—Взглянули вы бы на нее, продолжалъ разскащикъ:—она обыкновенно появлялась часовъ въ одинадцать, рѣдко раньше, одѣтая такъ великолѣпно, что за поясъ затыкала всѣхъ мелкихъ германскихъ принцессъ,—столько было блестящихъ украшеній! Говорили, правда, что все это было поддѣльное; я могу вамъ только сказать, что старая леди Бэмутъ шла разъ нарочно подлѣ нея, чтобы разсмотрѣть ея шарфъ; она объявила, что онъ настоящій брюссельскій и стоитъ—не помню сколько, и что за одинъ потерянный вечеромъ опалъ, выпавшій изъ ея браслета, Бичеръ заплатилъ на другое утро нашедшему его 600 франковъ.

— Ну, такъ деньги были фальшивыя, прервалъ его другой:—Бичеръ разорился, у него нѣтъ ни гроша,—я такъ слышалъ.

— Я тоже слышалъ, возразилъ другой.— Но можно ли говорить, что человѣкъ раззорился, когда у него есть кареты, лошади, ложа въ оперѣ, когда онъ живетъ въ лучшихъ отеляхъ, когда сторожъ въ Ахенѣ сказалъ мнѣ, что онъ за одни цвѣты заплатилъ болѣе 500 франковъ? Эта дѣвушка, кто бы она ни

была, имѣла капризное пристрастье къ розамъ и гіацинтамъ, и ей все это привозилось изъ Роттердама. Это ужъ черезъ чуръ для раззорившагося человѣка!

— Можетъ быть, у ней самой есть деньги, замѣтилъ другой полубеззаботно.

— Вещь возможная, да; я видѣлъ, что каждый разъ, какъ она пила воду, отдавала дѣвушкѣ золотую монету.

— Но она не была леди—по происхожденію: это разрѣшаетъ все дѣло.

Девисъ вздрогнулъ, какъ отъ укола; здѣсь изъ устъ этихъ юношей онъ долженъ былъ выслушать житейскій урокъ и узнать, что всѣ его траты, все чѣмъ только онъ хотѣлъ облегчить ей положеніе въ обществѣ, было роковымъ ослѣпленіемъ, не болѣе. Но подобно горячимъ людямъ вообще, онъ старался найти вину не въ себѣ, а въ другихъ. Онъ обвинялъ Лицци. Какое право она имѣла обращать на себя исключительное вниманіе всѣхъ посѣтителей водъ? Зачѣмъ было гоняться за такой безразсудной извѣстностью? Конечно, она была новичкомъ въ свѣтѣ и можно ей извинить; но Бичеръ—это было одно, что онъ *именно* зналъ—Бичеръ долженъ былъ указать ей на опасность, предохранить ее. Къ чему было выставлять дѣвушку наглымъ пересудамъ личностей, въ родѣ этихъ? И онъ на нихъ пристально взглянулъ и подумалъ, какъ было бы ему легко повергнуть въ горесть два семейства,—быть можетъ на всю жизнь сдѣлать несчастной какую-нибудь счастливую семью, которую онъ никогда не видалъ, никогда не долженъ былъ увидѣть...

Но всѣ эти размышленія были вдругъ прерваны звукомъ его собственнаго имени. Старшій изъ собесѣдниковъ произнесъ его, разсказывая о брюссельской дуэли и изъясняя подробно, со всѣмъ сознаніемъ своей опытности въ этихъ дѣлахъ, различныя причины, почему «никто не долженъ былъ драться съ такимъ человѣкомъ, какъ Девисъ».—Я объ этомъ разговаривалъ съ Стенуэртомъ и Эллисомъ, и они оба со мною согласны.

— Но какъ же быть? спросилъ младшій.

— Передать его въ руки полиціи, или хорошенько избить бичомъ—заплатить за обиду пять фунтовъ штрафа, и конецъ.

— Ну, а если этотъ «Грогъ», какъ они его называютъ, не согласится на подобную расправу?

— Что онъ можетъ сдѣлать? Гласность можетъ уничтожить его. Какъ только онъ выйдетъ изъ своего логовища, на него, точно на волка близь деревни, всѣ сейчасъ бросятся.

Если бы тотъ, который выразилъ это мнѣніе, бросилъ взглядъ на незнакомца, сидѣвшаго на концѣ стола, онъ увидѣлъ бы, что его сравненіе было не дурно. Девисъ, рѣшившись сидѣть смирно и слушать, очень походилъ на волка.

— Не хорошо было бы, сказалъ младшій, — для удовлетворенія личной обиды обращаться къ другимъ.

— Развѣ не знаете, Джорджъ, прервалъ его другой, что и между людьми есть хищныя твари, какъ и между животными, и согласитесь, что слѣдуетъ травить ихъ за зло, которое они причиняютъ, и за тѣ бѣдствія, которыя отъ нихъ терпитъ цѣлый свѣтъ. Одна такая личность въ своемъ логовищѣ хуже тигра притаившагося въ кустарникѣ.

— А какъ съ нимъ быть, говорилъ Эллисъ: — развѣ вы съ тигромъ станете драться? развѣ выйдете на дуэль съ равнымъ оружіемъ? и не убьете ли вы его какъ и гдѣ можете?

Девисъ всталъ и была минута колебанія въ его умѣ, колебанія, смыслъ котораго если бы могли прочесть оба путешественника, то они навѣрное предпочли бы курить сигары въ пасти дикаго звѣря. Но однакожъ они продолжали сидѣть, пуская небрежно клубы голубого дыма и едва удостоивая бросать мимоходомъ взглядъ на выходившаго изъ комнаты Девиса.

Хирурги утверждаютъ, что если бы мы основательно знали необыкновенную нѣжность строенія тканей человѣческаго тѣла и сложность его отправленій, то не рѣшились бы ни двигаться, ни даже говорить, изъ опасенія разстроить весь нашъ организмъ. Точно также, если бы мы въ жизни знали всѣ опасности, которыя почти ежеминутно со всѣхъ сторонъ грозятъ намъ, подкопы, вулканы, по которымъ мы то и дѣло ступаемъ, какого ужаса было бы преисполнено все наше существованіе! Такъ и теперь: еще одно слово, взглядъ одного изъ собесѣдниковъ — и кто-нибудь изъ нихъ поплатился бы жизнью. Тяжело вздохнувъ отъ вынесенныхъ страданій, Девисъ съ удовольствіемъ почувствовалъ себя на открытомъ воздухѣ; въ его умѣ бродило неопредѣленное сознаніе, что онъ избѣгнулъ опасности, но какой, гдѣ, какъ—онъ не могъ дать себѣ отчета.

Сѣлъ онъ на маленькое крылечко подъ тѣнью виноградника; живописная улица съ рѣзными шпицами домовъ и изящными балконами плавно спускалась къ Рейну, который бѣжалъ внизу быстрыми волнами. Эта пріятная картина шевельнула нервы и у Девиса. Онъ почти успокоился. Веселые наряды и привѣт-

ливыя лица крестьянъ, проходившихъ мимо, ихъ оживленные шутливые голоса, ихъ дружескія встрѣчи — все это сообщило его мыслямъ болѣе веселый характеръ. Онъ подумалъ о Лицци, какъ *ей* бы это понравилось, какъ она бы наслаждалась! и вдругъ сердце его сжалось; онъ вспомнилъ, что она теперь не то, что была прежде. Иллюзія, сдѣлавшая ея жизнь вѣчнымъ веселымъ праздникомъ, увы, исчезла навсегда! Волшебство, придававшее столько прелести ея существованію, было разрушено! Къ чему послужило ея высокое умственное образованіе, къ чему очарованіе, которое она распространяла вокругъ себя, къ чему всѣ совершенства, которыми она украшала общество—когда все это только еще рѣзче выставляло разницу между ней и знатностью и богатствомъ? Быть выше ихъ по красотѣ, уму, талантамъ и обхожденію, а ниже по общественному положенію—вотъ вѣчный урокъ, который со вчерашняго вечера ей придется постоянно изучать!

— Да, бормоталъ онъ: — она знаетъ теперь, что она такое; но ей придется еще узнавать, что другіе о ней думаютъ. Какъ горько въ эту минуту онъ упрекалъ себя, что открылъ ей эту тайну! Въ тысячу разъ лучше было бросить всякое честолюбіе, а только сохранить любовь и довѣріе, которыя она къ нему питала. Намъ надо бы отправиться въ Америку, въ Австралію. Въ какой нибудь далекой странѣ я могъ бы заработывать свое существованіе и меня не преслѣдовала бы прежняя жизнь. Она наконецъ не оставляла бы меня; ея привязанность поддерживала бы меня во всѣхъ испытаніяхъ. Ее не поразили бы просто неудачи, и мнѣ не нужно было оскорблять ея самолюбіе правдивымъ разсказомъ обо всемъ, всемъ...

Пока онъ такъ размышлялъ, путешественники вышли и сѣли подлѣ него; старшій, желая закурить сигару, обратился къ Девису и пробормоталъ по нѣмецки просьбу дать ему огня. Грогъ молча подалъ ему свою сигару, а младшій путешественникъ сказалъ: Не очень вѣжливъ! — рыжій жидъ!

— Какой нибудь странствующій ювелиръ, думаю! сказалъ другой: — какая славная цѣпочка!

О юноши, какъ бы вы отскочили, еслибы знали на какомъ тонкомъ льду вы стоите и какая подъ нимъ страшная бездна! Девисъ всталъ и отправился по улицѣ. Звуки рожка извѣщали о приближеніи почты и почтамтъ долженъ былъ открыться чрезъ нѣсколько минутъ. Направившись къ открытому окну зданія, онъ спросилъ: не было ли письма капитану Христофору?—Нѣтъ.—

Капитану Девису?—Нѣтъ.—Почтенному Аннесли Бичеру?—Тотъ же отвѣтъ. Онъ уже хотѣлъ удалиться въ смущеніи, когда кто-то закричалъ:— позвольте! вотъ только что получилась телеграфическая депеша; распишитесь въ полученіи. Онъ смѣло подписался К. Христофоръ и сквозь толпу отправился далѣе.

Хоть его сердце и сильно билось отъ неизвѣстности и ожиданія, но рука его не дрогнула, когда распечатывала депешу. Вотъ содержаніе этихъ строкъ; ихъ немного, но вѣдь онѣ могли заключать въ себѣ всю судьбу человѣка. Мы ихъ передаемъ цѣликомъ:

«Уильяму Христофору Нейвидъ, въ Нассау.

«Виконтъ умеръ вчера, въ четыре часа по полудни. Адвокаты требуютъ безотлагательно адреса А. Б — а.

«Дѣлопроизводство уже началось».

Девисъ прочелъ четыре-пять разъ эти строки и бормоталъ сквозь зубы:—теперь можно надѣяться... дѣло идетъ.

— Кажется, Джорджъ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ путешественниковъ своему товарищу: — нашъ пріятель въ зеленомъ костюмѣ получилъ извѣстіе о какомъ-нибудь лотерейномъ выигрышѣ. Глаза-то какіе сдѣлалъ! видѣли? Такъ и сверкнули сквозь голубыя очки.

— Осѣдлай вороного, вскричалъ Грогъ, проходя мимо конюшни: —дай ему стаканъ вишневки и подведи его къ дверямъ.

— Знаетъ, какъ обращаться съ старой почтовой лошадью, сказалъ хозяинъ. — Не разъ вѣрно ѣзжалъ на курьерскихъ сѣдлахъ.

ГЛАВА XX.

Какъ Грогъ Девисъ разговаривалъ, а Аннесли Бичеръ слушалъ.

Когда Девисъ вернулся въ маленькую гостинницу, онъ съ удивленіемъ узналъ, что Аннесли Бичеръ провелъ день—одинъ. Лицци жаловалась на головную боль и не выходила изъ своей комнаты. Грогъ выслушалъ это съ взглядомъ серьезнымъ, почти стро-

гимъ; онъ почти догадался, что болѣзнь была тутъ не болѣе, какъ предлогомъ; онъ лучше зналъ, чему приписать ея отсутствіе. Отобѣдали они съ глазу на глазъ; но они стѣснялись другъ другомъ и о вчерашней задушевной веселости не было и помина. Бичеръ долженъ былъ сообщить Девису результаты своего визита къ Штейну, а у Грога тоже многое бродило въ головѣ, хоть онъ и не думалъ передавать всего.

Они попивали вино въ бесѣдкѣ изъ виноградника и курили сигары въ благоухающей атмосферѣ розъ и жасминовъ, надъ хрустальной рѣчкой, игриво бѣжавшей у ногъ ихъ и среди горъ, на вершинѣ которыхъ пурпуровыми лучами блестѣло заходившее солнце.

— Видно, надо, чтобъ насъ Лицци немножко оживила, сказалъ Девисъ, послѣ долгаго молчанія съ обѣихъ сторонъ. — Мы какъ-то сонны безъ нея.

— Клянусь Юпитеромъ! все перемѣнилось бы, еслибъ она была тутъ, отвѣтилъ Бичеръ съ жаромъ.

— Какъ-то лучше становится, когда присутствуетъ молоденькая дѣвушка, сказалъ Девисъ, пуская дымъ изъ сигары: — а вѣдь она не дура?

— И я думаю, что нѣтъ, проворчалъ Бичеръ полусердито.

— Конечно, она не знаетъ жизни, какъ мы съ вами; она многаго-таки не видала, многаго ей не приходилось испытывать; но дайте срокъ, пусть войдетъ только въ роль, и увидите, какъ она станетъ справляться!

— У нея на все голова! подтвердилъ Бичеръ.

— Да, и въ добавокъ то, что называется тактомъ; въ какое хотите общество поставьте ее, хоть между герцогинями — и она будетъ на своемъ мѣстѣ, и еще какъ!

Бичеръ вздохнулъ, но онъ смотрѣлъ нѣсколько уныло.

Послѣдовало опять молчаніе; ей ни одного звука, кромѣ шума передаваемой бутылки и губъ, выдыхавшихъ длинныя струи табачнаго дыма.

— Ну, что еврей Штейнъ? далъ вамъ денегъ? наконецъ спросилъ Девисъ.

— О да, съ удовольствіемъ далъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ такой податливый, что я пустилъ-таки ему кровь. Вы говорили, чтобы взять двѣ тысячи флориновъ; но я подумалъ, что немножко больше намъ не помѣшаетъ, и вотъ я сказалъ: — Лазарь, старый пріятель, если бы мы устроили этакъ... тысячъ на десять...

— Десять тысячъ! сказалъ Девисъ, вынувъ изо рта сигару и смотря на него строго, но безъ гнѣва.

— Видите ли, еслибы у меня были деньги съ собой, началъ было Бичеръ тономъ повѣствовательнымъ и не безъ нѣкотораго ужаса: — и если бы старый пріятель не содралъ учета...

— Ну, довольно объ этомъ; въ самомъ дѣлѣ, сколько мнѣ по опыту извѣстно, всѣ жиды таковы. Но вы получили?

— Да, да! сказалъ Бичеръ робко, потому что онъ еще не былъ увѣренъ въ своей безопасности.

— Хорошо сдѣлано, хорошо придумано! сказалъ довольно ласково Грогъ. — Намъ нужна порядочная сумма, чтобы испытать этотъ, проектируемый мною, новый способъ двойной ставки. Открывъ его пятью Naps мы должны имѣть возможность довести его до четырехъ сотъ восьмидесяти, что, смотря по ходу дѣла, можетъ случиться одинъ разъ изъ семнадцати тысячь трехъ сотъ сорока.

— О, если такъ, прервалъ его Бичеръ: — то я, значитъ ловко устроилъ. Я купилъ у стараго Штейна книжицу, которую онъ называлъ «Сокровищемъ» и въ которой изложены всякія хитрости игры. Вотъ она, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана томикъ. — Я надъ нимъ просидѣлъ цѣлый день. Я ломалъ голову самъ надъ тремя карточными задачами, но ничего не добился.

— Какъ это онъ рѣшился разстаться съ ней? спросилъ Девисъ, внимательно разсматривая книгу.

— А вотъ, я ему далъ неслыханную цѣну, то есть я долженъ ему дать,—что составляетъ все различіе, сказалъ Бичеръ, смѣясь короче, я ему далъ вексель, на три мѣсяца, на тысячу...

— Флориновъ?

— Нѣтъ, фунтовъ, фунтовъ стерлинговъ, сказалъ Бичеръ съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Это именно неслыханная цѣна, замѣтилъ Грогъ съ разстановкой, но безъ малѣйшаго признака неудовольствія на лицѣ.

— Но вѣдь вы... не находите... что это дорого? пропустилъ сквозь зубы Бичеръ.

— Можетъ быть, и нѣтъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сказалъ Девисъ съ удареніемъ.

— Что вы разумѣете подъ извѣстными обстоятельствами?

Девисъ бросилъ сигару въ рѣку, отодвинулъ бутылку и стаканы, чтобы было гдѣ опереться обѣими руками, и, устремивъ пристально на Бичера глаза, но безъ гнѣва, сказалъ: какъ ча-

сто я вамъ говорилъ, Бичеръ, что безполезно пробовать со мной лукавить. Потому-что, сударь, я знаю всѣ карты въ вашихъ рукахъ.

— Даю вамъ честное слово, Грогъ...

— Мѣсяца на три? сказалъ Девисъ насмѣшливо.—Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, дудки! Я не сержусь — нѣтъ, нимало, пріятель; тутъ нѣтъ ничего дурного, кромѣ потери времени.

— Чтобъ меня повѣсили, четвертовали, если я только знаю, что вы предполагаете, Грогъ! воскликнулъ Бичеръ съ жалкой миной.

— Ну, хорошо; — я вижу, что я въ васъ лучше читаю, чѣмъ *вы во мнѣ.* Вы дали Лазарю тысячу фунтовъ за книгу, прочитавши статейку въ Times.

— Какую статейку?

— Да ту, гдѣ говорится, что титулы вашего брата незаконны.

— Никогда не видалъ, никогда не слыхалъ, вскричалъ Бичеръ въ непритворномъ ужасѣ.

— Ну, положимъ, я вамъ повѣрю сказалъ Девисъ несовсѣмъ охотно.—Дѣло вотъ въ чемъ: въ одномъ письмѣ изъ Крыма было сказано, что друзья одного претендента на титулы и имѣнія, которыми теперь пользуется лордъ Лакингтонъ, такъ увѣрены въ успѣхѣ дѣла, что предложили молодому солдату, начавшему этотъ искъ, сколько ему угодно денегъ, чтобы купить повышеніе на службѣ.

— Повторяю вамъ и клянусь честью, что никогда ничего подобнаго не читалъ и не слыхалъ.

— Конечно, я вѣрю, сказалъ Грогъ.

Долго еще Бичеръ повторялъ свои увѣренія и клятвы; онъ заявлялъ, что когда былъ въ Ахенѣ, ни разу не заглядывалъ въ газеты, не получилъ ни одного письма, кромѣ отъ него-же; и Девисъ очень вѣрилъ ему по очень простой причинѣ, что такой статьи и въ поминѣ не было ни въ какой газетѣ, потому что самъ Грогъ ее сочинилъ.

— Но разумѣется, Грогъ, такая сплетня, такое изобрѣніе досужаго писаки не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія въ *вашихъ* глазахъ?

— Не знаю, отвѣтилъ Девисъ съ разстановкой:—я не скажу, чтобы поручился за, или противъ. Во всякомъ случаѣ, я далъ вамъ возможность устроить ваши дѣлишки и, если вы не воспользовались, то вы, значитъ, не такой ловкій малый, какъ я думалъ.

Лицо Бичера побогровѣло; онъ сознавалъ всю затруднительность своего положенія.

— И это знаменитая книга стараго Штейна? Слыхалъ я о ней лѣтъ тридцать пять тому назадъ, но до сихъ поръ никогда не видалъ. Да, не скажу, чтобъ вы сдѣлали неудачную покупку...

— Въ самомъ дѣлѣ, клянусь святымъ Георгіемъ! Я такъ радъ, точно выигралъ пятьсотъ фунтовъ. Правду вамъ сказать, я признаться, боялся что купилъ ее. Я говорилъ себѣ: Девисъ будетъ бранить меня за эту книгу, онъ назоветъ меня первымъ болваномъ въ Европѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Бичеръ, вы не болванъ и не позволите, чтобы кто-нибудь васъ такъ назвалъ. Есть вещи, есть люди, точно также, какъ есть и игры, которыхъ вы не знаете, но узнаете очень скоро. Я могу вамъ это сообщить и хочу. Вотъ вамъ моя рука.

Бичеръ схватилъ предложенную руку и сжалъ ее съ непритворнымъ жаромъ. Онъ не могъ догадаться, какая это перемѣна произошла въ Девисѣ, въ особенности въ отношеніи къ нему: Девисъ съ нимъ совѣтовался и говорилъ, какъ съ равнымъ.

— Вотъ такъ винцо! сказалъ Девисъ, передавая ему новую бутылку. Никакое бургонское не сравнится! Наполните стаканъ и выпейте за удачу нашего предпріятія, каково бы оно ни было.

— За наше предпріятіе, каково бы оно ни было! воскликнулъ Бичеръ, ставя пустой стаканъ на столъ.

— Еще тостъ, сказалъ Девисъ, снова наполняя стаканы. Да будутъ всѣ наши успѣхи общіе!

— Съ удовольствіемъ пью за это, старый другъ. Я всегда уважалъ васъ и никогда не оставлялъ, воскликнулъ Бичеръ, котораго голова никогда не могла устоять противъ совокупнаго дѣйствія вина и восторга.

— Не было на свѣтѣ еще двухъ людей, такъ созданныхъ, чтобы идти по одной дорогѣ, какъ мы съ вами, сказалъ Девисъ.— Соединимъ дружно наши мозги и ничто не въ силахъ будетъ намъ противостоять.

Затѣмъ Грогъ пустился въ одно изъ тѣхъ описаній, которыя онъ мастерски дѣлалъ, представляя жизнь въ видѣ большихъ охотничьихъ предпріятій, а себя и Бичера—охотниками. Сколько увлекательной силы было въ этомъ изображеніи! — съ какимъ искусствомъ онъ постояно рисовалъ Бичера на первомъ планѣ, а себя въ тѣни. Слушая все это съ наслажденіемъ, Бичеръ продолжалъ уничтожать вино, а чудная ночь, благоухающій воздухъ

и журчаніе чуть-струившейся рѣки—все это, вмѣстѣ съ винными парами, придавало еще болѣе фантастическій колоритъ вызванной Девисомъ картинѣ. Разумѣется, Девисъ съумѣлъ сквозь всѣ эти привлекательные образы постоянно проводить идеалъ, усладительное дѣйствіе котораго на его разгоряченнаго слушателя не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Восхищенному Бичеру представлялось высочайшимъ благополучіемъ—быть однимъ изъ главныхъ компаньоновъ фирмы Девиса и К°; благодаря волшебной книжкѣ стараго Лазаря, богатства льются рѣкою, вездѣ удачи, почести, улыбка счастья...

— Но Лакингтонъ, Грогъ — Лакингтонъ, вскричалъ онъ наконецъ: онъ гордъ, какъ дьяволъ, не правда-ли?

— Гораздо меньше, чѣмъ вы думаете! замѣтилъ Грогъ сухо. Лакингтонъ легче примирится съ этимъ, чѣмъ вамъ кажется.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы его не знаете, вовсе не знаете. Въ эту минуту я бы ни за какія сокровища не сталъ къ нему лицомъ къ лицу.

— И я самъ бы не желалъ этого, пробормоталъ Девисъ съ насмѣшкой.

— Онъ весь пропитанъ гордостью своего происхожденія и онъ говоритъ:—дѣлай что угодно, но не забывай своего званія, не старайся переступить чрезъ непроходимый ровъ между мною и тобою! Взгляни, гдѣ я! Да, онъ сказалъ бы:—взгляни, гдѣ я!

— Такъ, — надѣюсь, что вы это находите весьма удобнымъ, пробормоталъ Грогъ съ сухой злобой.

— Взгляни, гдѣ я! повторилъ Бичеръ, стараясь передразниватъ надменный тонъ своего брата.—А гдѣ онъ, послѣ всего?

— Гдѣ всѣ мы будемъ рано или поздно, прошепталъ Грогъ, который не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить на собственныя соображенія.

— А прочны-ли вы, гдѣ находитесь? вотъ о чемъ я его спросилъ бы:—а? Грогъ, прочны-ли вы?

— Вотъ бы вы озадачили, его, сказалъ Девисъ, разсмѣявшись отъ всей души, что заразительно подѣйствовало на Бичера, потому-что и онъ залился громкимъ смѣхомъ, такъ что слезы выступили у него на глаза.

— Да притомъ я могъ его также спросить: увѣрены ли вы, что вы долго пробудете тамъ, гдѣ теперь находитесь—а? Грогъ, что бы онъ на это сказалъ?

— Есть основаніе думать, что ничего бы не сказалъ, отвѣтилъ сухо Девисъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; вы его не знаете; — у него есть всегда что сказать; и вотъ онъ вамъ напомнитъ, что онъ глава рода—фактъ, который вспоминать вовсе не имѣетъ нужды младшій братъ. О, Грогъ, старый пріятель, еслибъ я былъ виконтомъ... не то чтобы я желалъ какого-нибудь несчастья Лакингтону, или чтобы я хотѣлъ наслаждаться чѣмъ-нибудь въ ущербъ ему,—но еслибъ я былъ...

— Ну, послушаемъ, вскричалъ Девисъ, наливая стаканъ собесѣдника до краевъ:—ну, что же было бы?

— О, я бы совсѣмъ иначе повелъ дѣло! Не шлялся бы по Италіи, не обѣдалъ бы съ сухими, какъ щепки, кардиналами и со старыми «Marchesa» съ табачными носами; но я завелъ бы такихъ лошадей, какъ у Джема Бэтса, чтобы съ нимъ ѣздить, чтобъ ихъ обучалъ Томъ Уордъ, а вы давали бы мнѣ совѣты. Ну, какого мы бы перцу задали тогда и Бинслею, и Гауксуэргу, и всѣмъ имъ,—а?

— Нѣтъ, совсѣмъ не въ этомъ дѣло, Бичеръ, сказалъ Грогъ съ презрѣніемъ:—вы должны быть большимъ англійскимъ аристократомъ: интересы фамильные, вліяніе, голосъ въ палатѣ лордовъ. Вотъ еслибъ вы объ этомъ сказали, хорошо бы было сказано. Это было бы сказано чисто по англійски.

— Вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете, Грогъ? спросилъ онъ горячо.

— Непремѣнно. Я не ошибался никогда въ своей жизни, и знаю хорошо, что слѣдуетъ дѣлать и въ вашей. Дѣло въ томъ, что въ ней можетъ быть перемѣна, которую вы и не подозрѣваете; могутъ напасть на васъ, могутъ сказать что-нибудь о теперешнемъ вашемъ образѣ жизни, о вашихъ знакомствахъ...

Эта лесть была Бичеру слаще самого вина. Девисъ продолжалъ:

— Вы одинъ изъ тѣхъ людей, которые до тѣхъ поръ не покажутъ себя, пока ихъ хорошенько не проучатъ,—да?

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Бичеръ: — какъ вы понимаете меня! воскликнулъ онъ въ восторгѣ.

— Я скажу вамъ болѣе; нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы васъ зналъ лучше меня. Всѣ васъ видѣли въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и затрудненіяхъ, когда приходилось хоть въ петлю лѣзть; а нѣтъ, дай вамъ значенье, дай 2000 гиней годового дохода, и увидятъ они, что будетъ; и не будь я Китъ Девисъ, если вы не станете первымъ человѣкомъ во всей Англіи.

— Надѣюсь, что вы правы, Девисъ. По крайней мѣрѣ, чувствую, что вы правы, сказалъ Бичеръ серьезно.

— Находили ли вы когда-нибудь, чтобы я ошибался? Укажите мнѣ на случай, гдѣ бы я хоть разъ ошибся въ мнѣніи? Припом-

ните всѣ случаи, когда я что-нибудь предсказывалъ: не сбылось ли все именно по моему? Я мало толку знаю въ книжкахъ, но что касается до знанія мужчинъ и женщинъ—мужчинъ лучше знаю, — я одинъ поспорю со всею Англіею и съ островами.

— А я буду то говорить, что вы мнѣ сообщите изъ вашихъ знаній, Грогъ, сказалъ Бичеръ восторженно, наливая и осушая стаканъ.

— Видите ли, сказалъ Девисъ тихимъ, откровеннымъ тономъ, какъ будто собирался сообщить важный секретъ:—я всегда замѣчалъ, что для уничтоженія какой-нибудь личности въ парламентѣ—все равно, въ какой-угодно палатѣ—обыкновенно всегда высказываютъ что-нибудь изъ ея прежнихъ дѣлъ. Если онъ написалъ драму или повѣсть, или хоть цѣлую поэму, они находятъ въ немъ слишкомъ много фантазіи: это значитъ, что въ жизнь свою онъ никогда не сказалъ ни слова правды. Если его торговля была плоха, то они при первомъ обсужденіи закона о банкрутствѣ непремѣнно скажутъ: а вотъ мой почтенный товарищъ знаетъ этотъ вопросъ по своему собственному опыту! Но если у васъ есть большой капиталъ, то вы можете показать имъ смѣло, что за человѣкъ сидитъ между ними.

— Капиталъ... прекрасный, знаменитый! восклицалъ Бичеръ въ восхищеньи.

— Хорошо-съ, предположимъ теперь, сказалъ Девисъ:—имѣется билль о бракѣ: они то и дѣло мѣняютъ о немъ законы. Очевидно, что этотъ вопросъ производитъ неодинаковое дѣйствіе на всѣ партіи; разумѣется, тутъ много рѣзкихъ замѣтокъ и дерзкихъ намековъ въ преніяхъ, и каждый имѣетъ въ немъ свое больное мѣсто; и наконецъ кто нибудь скажетъ что-нибудь о неравныхъ бракахъ, о союзахъ съ нисшими сословіями, о благородныхъ лордахъ, которые не посовѣстились смѣшать древнюю кровь своего рода съ хилой и дрянной струею, которая течетъ въ жилахъ простолюдина. Я напримѣръ лордъ канцлеръ, сказалъ смѣло Грогъ: и я сейчасъ же обращаю и останавливаю глаза на *васъ*. Вы объявляете тотчасъ же, что дескать, я принимаю милорды, — я принимаю на свой счетъ каждое слово благороднаго герцога, или маркиза. Никогда я не находилъ удобнымъ дѣлать свои личныя дѣла предмеметомъ вниманія вашего, милорды, но будучи такъ рѣзко вызванъ, такъ рѣзко и такъ неосновательно вызванъ...

— Продолжайте, продолжайте! кричалъ Бичеръ въ нетерпѣніи,

— Я встаю съ этого мѣста... Это всегда производитъ сильное

впечатлѣніе «съ этого мѣста». Итакъ, я встаю съ этого мѣста, чтобы заявить, что я болѣе горжусь выборомъ лица, которое можетъ раздѣлить мой гербъ, чѣмъ всѣми привиллегіями и почестями, которыя дастъ мнѣ этотъ же гербъ. И пойдетъ и пойдетъ все на эту тему; и наговоритъ разнаго вздору, но его будутъ слушать и одушевлять криками одобренія. «Вотъ ораторъ-то, вотъ государственный мужъ-то», будутъ перешептываться между собою почтенные члены; хотя этотъ мужъ кромѣ разной дичи, завертываемой въ пышныя и трескучія фразы не скажетъ ни одного путнаго слова. Въ этомъ вся хитрость парламентскаго краснорѣчія, въ этомъ вся сила и успѣхъ нашихъ правителей...

— Ей-богу, это вѣрно, все до послѣдней буквы вѣрно! кричалъ Бичеръ въ самомъ бѣшеномъ восторгѣ.

— А тутъ газеты примутся восхвалять васъ! Точно вы соорудили великолѣпный мостъ надъ бездной, раздѣлявшей два класса народа, т. е. когда вы защитите свободу брака и подкрѣпите ее собственнымъ примѣромъ. Вы будете въ нѣкоторомъ родѣ благороднымъ реформаторомъ. Какое самое умное изъ дѣлъ Луи-Наполеона? Его женитьба. Замѣтили ли вы, что онъ во всемъ всегда слѣдовалъ своему дядѣ; но онъ подмѣтилъ, что величайшая ошибка этого послѣдняго была высокое супружество и, будучи хитрымъ малымъ, онъ сказалъ:—У меня есть положеніе, власть и деньги, сколько надо для двоихъ. Не затѣмъ я женюсь, чтобы пріобрѣсти расположеніе сморщенной старой эрцгерцогини, или старой глухой принцессы. Я хочу взять дѣвицу, которую, еслибъ я не былъ императоромъ, я бы могъ съ гордостью назвать моею. И всѣ кричатъ съ восторгомъ: — молодецъ! вотъ поступилъ, какъ слѣдуетъ! Пусть его называютъ честолюбцемъ, но онъ женился такъ, какъ вы бы захотѣли, или я. Не славная ли это штука, воскликнулъ Грогъ въ восхищеніи:—когда мы имѣемъ на нашей сторонѣ все среднее сословіе? Пусть оно будетъ съ вами, за васъ,—то это все равно, что имя Беринга на вашихъ билляхъ. И теперь Бичеръ, сказалъ онъ, схвативъ его руку и говоря очень серьезно:—сказавши вамъ, что бы вы могли сдѣлать, я скажу, что *я сдѣлаю*. Я набросалъ этотъ очеркъ, чтобы показать, какъ бы вы осуществляли ваши фантазіи, не болѣе. Я увидѣлъ, что вы смотрите на вещи правильно, и я не изъ тѣхъ, которые забываютъ такія вещи. Еслибъ я въ васъ замѣтилъ тѣнь нерѣшительности или неудовольствія, если бы я открылъ одинъ звукъ въ вашемъ голосѣ, обнаруживающій измѣну, — то извините! Я бросилъ бы васъ, какъ вздорнаго человѣка! Вы воображали се-

бя большимъ человѣкомъ и вы были вѣрны вашимъ старымъ друзьямъ; теперь моя очередь сказать вамъ, что я бы не далъ этой пустой бутылки за всѣ права на перство вашего брата Лакингтона! Послушайте-ка меня. Я слышалъ отъ его собственныхъ адвокатовъ, отъ ребятъ въ Форнивальской гостиницѣ, что онъ разорился; они это знаютъ хорошо. Какъ есть, такъ и есть. И вотъ теперь, Аннесли Бичеръ, если хотите жениться на дочери Кита Девиса, если думаете, что можно ее сдѣлать женою пера, теперь, я говорю, когда у васъ ничего нѣтъ, даже ни гроша, Китъ самъ даетъ вамъ ее и говоритъ, что нѣтъ въ мірѣ другого человѣка, котораго бы онъ хотѣлъ теперь видѣть мужемъ Лицци Девисъ.

Волненіе, съ которымъ Бичеръ выслушалъ всю эту рѣчь, было слѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія многихъ чувствъ: ужасное извѣстіе о раззореніи брата, объ оскорбленіи его имени и всего рода были смѣшаны съ глубокою благодарностью Девису за его неизмѣнное расположеніе; но сильнѣе и глубже было другое впечатлѣніе, потому что, смѣйтесь сколько хотите, недовѣрчивый читатель, а онъ былъ влюбленъ, разумѣется, *по своему.* Я не прошу васъ вѣрить, что онъ любилъ именно такъ, какъ можетъ быть мы бы съ вами любили. Я не стану убѣждать васъ, что предметъ его страсти воспламенялъ и одушевлялъ его; что она была темой многихъ воображаемыхъ романическихъ исторій, героиней многихъ восторженныхъ мечтаній; но нѣтъ сомнѣнія, что она одна могла пробудить въ этомъ эгоистическомъ сердцѣ нѣкоторыя черты великодушныхъ чувствъ, немногіе порывы честныхъ стремленій, которые могли его немножко возвысить въ собственныхъ глазахъ.

И вотъ онъ былъ въ сильномъ волненіи и отъ несчастья, и отъ благодарности; надежда, страхъ и неизвѣстность—хуже страха,—все это поочередно сильно его волновало.

Грогъ, съ своей стороны, предавался болѣе хладнокровнымъ обсужденіямъ; онъ быстро начерталъ планъ своей будущей жизни. Онъ предполагалъ объѣхать Европу, прежде всего все отъигравши. Передъ Бичеромъ открывалась самая заманчивая перспектива: веселыя поѣздки, блистательные экипажи, роскошный образъ жизни множество различныхъ, самыхъ разнообразныхъ мелочей. Баденъ, Эмсъ, Висбаденъ, Гамбургъ и Ахенъ — все это рисовалось въ воображеніи, какъ блистательное поле для будущей славы. Какъ они перещеголяютъ принцевъ въ великолѣпіи и даже его королевское величество въ щегольствѣ!.. Завистъ

къ Бичеру, къ его неизмѣнному счастью, къ блистательной роскоши всего, что ему принадлежитъ, наконецъ къ красотѣ Лицци! Какой неистощимый запасъ для толковъ во всей Европѣ!

Девисъ хорошо умѣлъ разжигать тщеславіе этой дряблой натуришки, которой сильнѣйшимъ желаніемъ было прослыть человѣкомъ тонкимъ и хитрымъ; вотъ ужъ Бичеръ ждетъ не дождется, когда за игорнымъ столомъ самъ онъ будетъ ужасомъ для всѣхъ и никто не рѣшается попытать *съ нимъ* счастья. Неужто настанетъ такая минута? Неужто выпадетъ на долю ему такое торжество? И ко всему этому онъ супругъ Лиццы Девисъ!

— Да, сказалъ Девисъ, внимательно слѣдя за впечатлѣніемъ, произведеннымъ каждымъ его словомъ:—да, вотъ что можно назвать жизнію! И тогда мы прокатимся по Европѣ, подорвемъ всѣ банки на материкѣ, переплывемъ за Атлантическій океанъ и покажемъ Джонатану, что мы такое. Я хорошо знаю всѣ ихъ игры, я бы далъ себя знать; короче, пріятель, дѣла передъ нами было бы много, славнаго дѣла, — и я не Девисъ, если бы все это не удалось намъ!

— И это-то были ваши планы, Грогъ, спросилъ Бичеръ: — когда вы мнѣ въ Брюсселѣ сказали, что можете сдѣлать изъ меня человѣка?

— Да, да, любезный другъ, вскричалъ энергически Девисъ.— Вы отгадали. Тогда было одно только препятствіе къ осуществленію этого плана, а теперь оно уже не существуетъ.

— Чтожъ это было за препятствіе?

— Очень простое; пока вы воображали себя наслѣдникомъ перства, вы бы никогда не принялись хорошенько за дѣло; вы бы сказали:—«Лакингтонъ не можетъ же все жить; вѣдь онъ по крайней мѣрѣ двѣнадцатью годами старше меня. Я долженъ же быть виконтомъ. Къ чему же мнѣ затруднять себя заботами, совершенно мнѣ ненужными, и водиться съ людьми, съ которыми рано-поздно придется прервать сношенія. Нѣтъ! Мнѣ лучше подождать и вооружиться терпѣніемъ!» Теперь же, когда вы не можете расчитывать на все это, теперь, вы хорошенько примитесь за дѣло, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. И еще была вещь... И Девисъ остановился, повидимому, соображая...

— Что же это было, Грогъ? будьте добры, старый пріятель, и разскажите мнѣ все.

— Пожалуй, извольте, сказалъ Девисъ.—Вотъ въ чемъ дѣло. Пока вы питали себя надеждою быть будущимъ великимъ человѣкомъ и думали, что въ одинъ прекрасный день будете лордомъ, вы

всегда могли убѣдить себя, или кто-нибудь другой убѣдилъ бы васъ, что Китъ Девисъ держался васъ именно изъ-за вашего званія, что ему нужна была дружба человѣка вашего сословія и проч. Теперь, если бы вы признали все это, между нами все бы должно кончиться; вотъ это-то и было важное препятствіе и если бы вы преодолѣли его, *я* бы не преодолѣлъ. Нѣтъ, повѣсьте меня, если я лгу! Я всегда себѣ говорилъ: — теперь все идетъ хорошо, Китъ, между тобой и Бичеромъ; вы ѣдите, пьете и спите вмѣстѣ, но перемѣнись дѣла, и Бичеръ на тебя не взглянетъ.

— Вы никогда не повѣрите...

— Нѣтъ, повѣрилъ бы, вѣрилъ даже; и частенько говорилъ себѣ:—Бичеръ былъ смышленный малый, съ головой! И знаете... Здѣсь Грогъ сталъ говорить шопотомъ, какъ будто подъ вліяніемъ сильнаго волненія:—и знаете, что я не могъ быть, чѣмъ хотѣлъ, въ отношеніи къ вамъ именно вслѣдствіе вашего высокаго происхожденія. Вотъ причина, почему я былъ всегда съ вами такой подозрительный, угрюмый и такой — да, такой даже жестокій, говоря вамъ то, чего бы я никогда не сказалъ при другихъ условіяхъ. Теперь, посмотрите, Бичеръ; придвиньте свѣчу; вотъ она, возлѣ васъ.

Рука Бичера была далеко не тверда; но не одно вино ослабило ее. Сильное волненіе потрясало все его тѣло, и онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Онъ и самъ не могъ понять причины; онъ былъ какъ будто ошеломленъ.

— Вотъ... сказалъ Грогъ, вынимая изъ кармана записную книжку и нѣсколько времени въ ней что-то отыскивая.

«Да здѣсь они... два... три... четыре... такъ, ничтожные по виду лоскутки бумаги, а въ нихъ заключается позоръ, печальное странствованіе по океану, и цѣлая жизнь страданій преступника въ этихъ немногихъ строкахъ!»

— Заклинаю васъ, Девисъ, если есть у васъ въ сердцѣ хоть искра состраданія, если есть какое-нибудь сердце у васъ,—не говорите такъ со мной! вопилъ Бичеръ голосомъ, почти заглушеннымъ рыданіями.

— Въ послѣдній разъ въ моей жизни вы услышали такія слова, сказалъ Грогъ хладнокровно.—Прочитайте это хорошенько— разсмотрите внимательно; да, я желаю и требую этого.

— О, я это хорошо знаю! сказалъ Бичеръ съ тяжелымъ вздохомъ. — Много безсонныхъ ночей стоили мнѣ мысли объ этихъ лоскуткахъ.

— Просмотрите хорошенько, удостовѣрьтесь, что каждая строчка есть смертный приговоръ надъ вами...— Бичеръ наклонился надъ бумажникомъ; но потускнѣвшіе его глаза и дрожавшіе пальцы долго не давали ему разобрать, что было въ нихъ написано. Вздохъ изъ глубины его сердца — вотъ весь отвѣтъ, который онъ могъ дать.

— Ну! отнынѣ эти лоскутки никогда болѣе не будутъ причиной вашихъ безсонныхъ ночей, старый пріятель, сказалъ Девисъ, сжигая ихъ надъ пламенемъ свѣчи. Теперь — все кончено, и вы свободны!

(Конецъ второй части).

ДВА ПРЕСТУПНИКА.

I.

По владимірской торной дорогѣ,
Провалявшись два года въ острогѣ,
Подъ конвоемъ дѣтина идетъ;
Крѣпко скованы ноги и руки,
И глухіе, протяжные звуки
Молодецкая грудь издаетъ.
Надрывается вьюга отъ злобы,
Вдоль степей снѣговые сугробы,
Словно бѣлые духи, стоятъ;
Холодны и безмолвны тѣ степи,
Только вѣтеръ бушуетъ, да цѣпи
На ногахъ арестанта звенятъ.
Не гадалъ и не думалъ бѣдняга,
Что какъ воръ, душегубецъ, бродяга,
Онъ пойдетъ изъ роднаго села...
Да напасть приключилась такая, —
Погубила жена молодая,
Какъ змѣя, молодца извела...
Не боясь ни стыда, ни огласки,
За любовь, за горячія ласки
Заплатила измѣной она, —
Не стерпѣлъ онъ, — рука расходилась
И въ крови подъ ножемъ повалилась
Молодая злодѣйка — жена...
. . . .
По владимірской торной дорогѣ,
Провалявшись два года въ острогѣ,
Подъ конвоемъ убійца идетъ;
Крѣпко скованы ноги и руки,
И глухіе, протяжные звуки
Молодецкая грудь издаетъ.

И уйдетъ онъ далеко, далеко,
И застонетъ глубоко, глубоко,
На цѣпи, въ темнотѣ рудника,
И до смерти клеймо отверженья—
Страшный символъ людскаго отмщенья—
Будетъ жечь и терзать бѣдняка...
Не ропщи на суровую долю,
Позабудь про минувшую волю,
Пусть гнетущій, убійственный трудъ
Истерзаетъ и душу, и тѣло...
Надъ тобой справедливое дѣло
Совершилъ человѣческій судъ!..

II.

Далеко отъ сибирской дороги
Вознеслись дорогіе чертоги...
Залитой освѣщеніемъ залъ,
Обнаженныя плечи и руки,
И оркестра волшебные звуки
Возвѣщаютъ блистательный балъ.
Представителей высшаго свѣта
Съ величавой улыбкой привѣта
Принимаетъ хозяинъ—старикъ;
Онъ царитъ надъ изящнымъ собраньемъ
И достоинства гордымъ сознаньемъ
Осѣненъ представительный ликъ.
Ни раздумья на немъ, ни кручины...
Передъ нимъ изгибаются спины,
Пышный рой джентльменовъ и дамъ
Съ уваженьемъ его обступаетъ
И почтительно-жадно внимаетъ
Поучительно-мудрымъ словамъ...
Отчего же, средь блеску и шуму,
Погруженный въ зловѣщую думу,
Я печально стою въ сторонѣ?
Что за вопли отчаянной муки
Сквозь волшебные бальные звуки
Отовсюду несутся ко мнѣ?
Въ раззолоченныхъ этихъ покояхъ,
На коврахъ, на шелку, на обояхъ,
Средь ликующихъ этихъ гостей,—

Мнѣ мерещутся только могилы,
Да работой разбитыя силы,
Да рыданія вдовъ и дѣтей...
И на лицахъ несчастныхъ созданій,
Изнемогшихъ подъ гнетомъ страданій,
Нищеты, оскорбленій, утратъ,
Я читаю ужасную повѣсть
Про дѣла, запятнавшія совѣсть
Обладателя пышныхъ палатъ,—
Про ступени грѣха и порока,
По которымъ высоко, высоко
Возносился надменный богачъ,
Оставляя вездѣ за собою
Только жертвъ, сокрушенныхъ борьбою,
И проклятья, и стоны, и плачъ...
Но картина зловѣщая эта
Холодна и незрима для свѣта,
И спокойно проходитъ злодѣй
По дорогѣ своей безмятежной,
Окруженный любовію нѣжной
И почтеніемъ добрыхъ людей...
Добрый путь тебѣ, старецъ маститый,
Уваженьемъ и славой покрытый,
Какъ наградой за честность и трудъ...
Проходи горделиво и смѣло—
Надъ тобой справедливое дѣло
Совершилъ человѣческій судъ!..

П. Вейнбергъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса, Г. Гервинуса. Выпуски пятый и шестой.

Никколо Маккіавелли, въ своихъ рѣчахъ о Титѣ Ливіѣ, высказываетъ между прочимъ такой афоризмъ: «люди ошибаются надѣясь смиреніемъ побѣдить гордость», и доказываетъ это нравственное положеніе историческими примѣрами. Лучшимъ доводомъ для подтвержденія этой мысли можетъ служить примѣръ французской реставраціи и іюльской монархіи. Поставленныя между необходимостью сближенія съ революціею и потребностью въ иностранной помощи или признаніи, эти правленія склонились къ зависимости иностранныхъ державъ и утратили не только привязанность, но и всякое уваженіе въ своемъ народѣ. Впрочемъ, іюльской монархіи было легче избѣгнуть такой участи; созданная революціею, она въ самомъ происхожденіи своемъ должна была бы найти указаніе на естественнаго своего союзника. Нужна была вся мелочность Людовика Филиппа, вся близорукость разныхъ его Тьеровъ, для того чтобы пойти по иному пути и оставить вѣрнаго союзника для невѣрнаго. Иностранныя державы признали фактически іюльскую монархію; но ей было этого мало, она стремилась къ признанію интимному, заискивала сердечнаго сочувствія кабинетовъ. Четверная коалиція, нанесшая правленію Людовика-Филиппа смертельный ударъ во мнѣніи французскаго народа, показала, чего можно было добиться этимъ путемъ. Реставрація была съ самого начала поставлена въ положеніе

гораздо болѣе трудное, чѣмъ іюльская монархія. Созданная иностраннымъ завоеваніемъ, реставрація безъ особенно-энергическаго и вполнѣ откровеннаго сближенія съ народомъ, не могла не заслужить имени правленія, «опирающагося на иностранные штыки.» Но ни Людовикъ XVIII, ни графъ Артуа, впослѣдствіи Карлъ X, вовсе не были способны ни къ роли Брута, ни даже къ роли Цезаря; они были природные Тарквиніи и поступали такъ, какъ поступали бы послѣдніе, возвратившись въ Римъ при помощи враждебныхъ народовъ Лаціума. Между двумя братьями Бурбонами обыкновенно проводится параллель, невыгодная для перваго. Людовикъ XVIII представляется человѣкомъ хитрымъ, погрязшимъ въ интригахъ, неспособнымъ внушить народу никакого сочувствія и довѣрія. Карлъ X выставляется какимъ-то рыцаремъ, человѣкомъ увлекающимся, но прямымъ, благороднымъ и истинно желавшимъ добра своимъ подданнымъ. Сравненіе это совершенно невѣрно. Мы увидимъ ниже изъ одного поступка графа Артуа, каковы были его нравственныя качества и его патріотизмъ. Теперь остановимся на первомъ королѣ реставраціи. Незлой по природѣ, но ничему несочувствовавшій откровенно, въ душѣ вольтеріянецъ свободный отъ предразсудковъ, но на дѣлѣ исполненный робости предъ новыми началами, сверхъ того нездоровотучный и зараженный нравственною порчею, которая изъѣла французское придворное дворянство конца прошлаго столѣтія, Людовикъ XVIII избралъ себѣ девизомъ «соглашеніе», но соглашеніе со всѣми, равнозначущее лавированію. Отсюда произошло то, что его правленіе было запятнано настоящимъ терроромъ, «бѣлымъ» терроромъ, между тѣмъ какъ въ характерѣ короля не было ничего террористическаго; отсюда же произошло его униженіе предъ иностранными державами и предъ всѣми партіями. Онъ не держался твердо никакого направленія. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія для скорѣйшаго избавленія Франціи отъ унизительнаго и дорого-стоющаго занятія ея иностранными войсками; онъ добивался этого мольбами, заискиваніемъ, играя передъ державами роль облагодѣтельствованнаго слуги; и никто не сказалъ ему спасибо за такое стараніе о достоинствѣ и интересѣ Франціи. Онъ принималъ по временамъ довольно крутыя мѣры противъ ультра-роялистовъ и партіи графа Артуа, такъ что тѣ клеветали на него предъ державами и выставляли его отъявленнымъ революціонеромъ; но по временамъ, онъ такъ подчинялся истиннымъ своимъ врагамъ, что допускалъ «бѣлый» терроръ и от-

вращалъ отъ себя не только либеральную партію «независимыхъ», но и снисходительныхъ «доктринеровъ» и какъ будто принималъ на себя всю тяжесть непопулярности роялистско—клерикальной партіи.

Короче сказать: униженіе, посредствомъ котораго какъ реставрація, такъ и іюльская монархія добивались поддержки или сердечнаго признанія иностранныхъ государей, непрямота внутренней политики этихъ правленій и безпрерывныя измѣненія, которыя они производили въ неуспѣвшей еще окрѣпнуть конституціи, произвели то всеобщее неудовольствіе, которое возстановило во Франціи разбитый пьедесталъ Наполеона I и поставило на этотъ пьедесталъ Наполеона III. Замѣчательно, какъ скоро подъ вліяніемъ этого всеобщаго неудовольствія исчезла во Франціи ненависть къ Наполеону. Уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ произошло то уродливое явленіе, которое представилъ какой-то мистическій союзъ двухъ, въ сущности самыхъ противоположныхъ партій: либераловъ и бонапартистовъ. Оно объясняется тѣмъ, что эти партіи, пока онѣ оставались въ оппозиціи, представляли собою единую «національную» партію, которой имя Наполеона служило какъ бы ретроспективнымъ утѣшеніемъ и протестомъ противъ униженія предъ иностранными державами. Когда Наполеонъ умеръ, то сельскіе жители во Франціи долго не хотѣли этому вѣрить и, не смѣя произносить его имени, называли его «Malmort». Во время трокадерской экспедиціи разнесся слухъ, что въ Испаніи стоитъ Malmort съ стотысячнымъ войскомъ.

Неудовольствіе, произведенное этими главными недостатками королевскаго правленія во Франціи, отъ 1815 до 1848 года (мы можемъ включить сюда и республику, которой политика страдала тѣми же недостатками), объясняетъ намъ успѣхъ нынѣшняго правленія. Утомленіе униженіемъ и отсутствіемъ системы содѣйствовало воцаренію Наполеона III,—воспоминаніе о недостаткахъ прежнихъ правленій, препятствующее народу желать возвращенія котораго нибудь изъ нихъ — поддерживаетъ нынѣшняго императора. Въ самомъ дѣлѣ, его правленіе существенно отличается отъ прежнихъ настолько же отсутствіемъ ихъ недостатковъ, насколько и отсутствіемъ свободы. Униженія предъ иностранными державами нѣтъ; какъ бы руководствуясь изрѣченіемъ Маккіавелли: «ingannansi gli uomini, credendo con la umilità vincere la superbia», новый императоръ добился признанія его иностранными державами путемъ совсѣмъ непохожимъ на тотъ, по которому слѣдовали его ближайшіе предшественники; онъ

добился этого признанія великими побѣдами, громкимъ объявленіемъ своего революціоннаго происхожденія,—и признаніе, доставшееся въ удѣлъ ему, несравненно болѣе искренно и интимно, чѣмъ то, которое вымолилъ себѣ Людовикъ-Филиппъ, или то, о сохраненіи котораго ходатайствовали бурбоны. Внутренняя политика императора, какъ бы она ни была неутѣшительна, отличается твердостью и прямотой. Отсутствіемъ системы его также нельзя упрекнуть; система его есть: демократическій цезаризмъ, вознагражденіе полнымъ равенствомъ за потерянную свободу, неотступное соблюденіе хотя и произвольно созданной, но разъ установленной законности. Вотъ рѣзкія отличительныя черты второй имперіи; въ нихъ заключается то таинственное слово, которымъ она держится во Франціи, доселѣ съ отвращеніемъ вспоминающей темныя стороны своихъ прежнихъ правленій.

Мы указали на это различіе потому, что цѣль наша, при краткомъ обозрѣніи періода, обнимаемаго двумя новыми выпусками сочиненія Гервинуса, состоитъ именно въ томъ, чтобы найти въ этомъ близкомъ къ намъ времени тѣ указанія, которыя могутъ объяснить намъ нынѣшнее положеніе Франціи и Германіи. Предѣлы и условія этой статьи не позволяютъ намъ вездѣ обрисовывать въ виду прошедшаго, настоящее. Но зародыши настоящаго такъ явственны въ этомъ близкомъ прошедшемъ, что было бы даже излишнимъ оттушевывать обѣ стороны картины.

Въ главѣ министерства стоялъ въ 1816 году герцогъ Ришелье, единственный вполнѣ честный изъ преданныхъ королю людей, но человѣкъ стараго порядка,—отличный исполнитель предначертаній, но лишенный (собственной) самодѣятельной мысли. Душою министерства былъ фаворитъ Людовика XVIII Деказъ, впослѣдствіи сдѣланный герцогомъ,—человѣкъ, въ которомъ вполнѣ отразился проблематическій характеръ новаго правленія. Чтобы представить рѣзкій примѣръ тѣхъ колебаній въ противоположныя стороны, въ которыхъ заключалась вся политика Людовика XVIII, мы укажемъ на два факта, которые близко слѣдовали одинъ за другимъ. Правительство рѣшилось произвесть измѣненіе въ основномъ законѣ хартіи, именно, въ законѣ, опредѣлявшемъ порядокъ избранія народныхъ представителей. Существовавшій дотолѣ законъ былъ основанъ на такомъ разсчетѣ, чтобы доставить рѣшительный перевѣсъ на выборахъ аристократіи. Вслѣдствіе того, выборы должны были производиться въ окружныхъ

съѣздахъ, двумя степенями; причемъ право выборовъ было основано на поземельной собственности. Такая система благопріятствовала мѣстному вліянію большихъ собственниковъ на зависѣвшія отъ нихъ лица. Новому закону было дано совсѣмъ иное основаніе. Выборы сдѣланы были непосредственными и избиратели сгруппированы въ большія департаментскія собранія, въ которыхъ мѣстныя вліянія не могли дѣйствовать на совокупность съ той силою, какъ прежде они дѣйствовали раздробительно. Право избирательства было предоставлено всѣмъ французамъ имѣвшимъ 30 лѣтъ отъ роду и платившимъ не менѣе 300 франковъ податей; право быть избраннымъ— всѣмъ достигшимъ 40 лѣтняго возраста и платившимъ не менѣе 1000 франковъ податей. Этотъ законъ былъ, если угодно, либераленъ, такъ какъ онъ отстранялъ отъ выборовъ преобладаніе одной наслѣдственной касты; но если принять во вниманіе, что онъ устранялъ отъ выборовъ всѣхъ несобственниковъ, то будетъ ясно, что онъ только замѣнилъ преобладаніе одного сословія — дворянства, преобладаніемъ другого сословія—капиталистовъ. Этотъ законъ неудовлетворилъ ни одной партіи, но надо отдать справедливость правительству Людовика XVIII за отмѣну прежняго, совсѣмъ нелѣпаго закона.

Можно было избрать одно изъ трехъ: непосредственные выборы съ цензомъ, всеобщую подачу голосовъ въ двухъ степеняхъ и наконецъ непосредственную всеобщую подачу голосовъ, ограниченную только требованіемъ отъ избирателей — грамотности, какъ необходимаго условія для пониманія ими заявленій различныхъ партій. Правительство избрало не лучшую изъ этихъ трехъ системъ, но все-таки изданный имъ законъ былъ либеральной реформою въ сравненіи съ существовавшимъ прежде. Рядомъ съ этой либеральной, хотя и осторожной мѣрой, мы поставимъ распоряженіе въ Ліонѣ генераловъ Канюэля и Мареигонэ. «Они, говоритъ Гервинусъ, искали случая оказать услуги и добиться наградъ, а такъ какъ такихъ случаевъ не представлялось, то они позаботились о томъ, чтобы создать ихъ». Соединившись съ ліонскимъ мэромъ, графомъ Фаргомъ, эти генералы не переставали передавать правительству разныя сплетни и нелѣпые слухи, въ видѣ донесеній о весьма важныхъ готовящихся безпорядкахъ и заговорахъ. Такіе люди всегда найдутся, но появленіе ихъ относится къ винѣ правительства, имѣющаго причины каждую минуту бояться заговоровъ и щедро награждающаго всякіе доносы. Нашлись и такіе люди, которые опровергали показанія генераловъ; но какъ во

дится, излишняя преданность внушила больше къ себѣ довѣрія, чѣмъ правдивость. Пусть самъ Гервинусъ разскажетъ намъ постыдныя ліонскія событія:

Префектъ Шаброль, который самъ былъ однимъ изъ самыхъ незаподозрѣнныхъ роялистовъ, во многихъ рапортахъ своихъ сваливалъ всю вину этихъ слуховъ на доносы одной полупомѣшанной публичной женщины, или прямо обвинялъ въ нихъ агентовъ военной полиціи, «преступную тактику, старающуюся вызвать искуственное волненіе, чтобы тѣмъ *поставить преграду ходу правительственныхъ дѣйствій*». Мало того, Шаброль прямо говорилъ о приговорахъ, что они «произносились не столько изъ справедливости, сколько изъ уваженія къ изобрѣтателямъ заговоровъ». И однакожъ, не смотря на это, этимъ изобрѣтателямъ позволялось впродолженіе цѣлой зимы выдумывать новые заговоры и совершать новыя преслѣдованія. Постоянно повторявшіеся слухи пугали и волновали населеніе; въ умы же тѣхъ недовольныхъ, которые выжидали только случая, они вселили вѣру въ существованіе обширнаго заговора, за которою послѣдовали и собственные замыслы этихъ людей. Страшная нищета этихъ годовъ всеобщей дороговизны вызвала уже въ разныхъ мѣстахъ безпорядки, вслѣдствіе чего время и настроеніе общества благопріятствовали означеннымъ попыткамъ. Нѣсколько офицеровъ, находившихся на половинномъ жалованьи, и капитанъ Уденъ, соединившись съ однимъ изъ агентовъ, капитаномъ Леду, и однимъ волонтеромъ «ста дней», Гарлономъ, вздумали взволновать голодавшихъ ліонцевъ и жителей сосѣднихъ общинъ провозглашеніемъ Наполеона II и надеждою на дешевый хлѣбъ. Одинадцать деревень къ сѣверо-западу и юго-западу отъ Ліона ударили въ набатъ и вслѣдъ за тѣмъ образовались безпорядочныя, неимѣвшія никакой опредѣленной цѣли, толпы, которыя были разогнаны нѣсколькими жандармами безъ ружейнаго выстрѣла; въ Ліонѣ случилось только то, что Леду, при выходѣ изъ квартиры Канюэля, былъ убитъ своими товарищами по заговору. На этотъ разъ Шаброль не посмѣлъ воспротивиться рвенію военныхъ комендантовъ, которые арестовали въ Ліонѣ 215, а въ деревняхъ — около 300 человѣкъ. Надъ этими бунтовщиками превотальный судъ велѣлъ произвести двѣнадцать отдѣльныхъ слѣдствій, съ тою жестокою цѣлью, чтобы получить возможность подвергнуть тяжкому наказанію зачинщиковъ въ каждомъ изъ двѣнадцати мѣстъ, потому что уголовный законъ (статья 100, 213) запрещаетъ наказывать тѣхъ обвиненныхъ въ возстаніи, которые при этомъ не занимали какой нибудь служебной должности и при первомъ предостереженіи покорялись безъ сопротивленія. Въ эту категорію входили всѣ обманомъ вовлеченные въ возмущеніе ліонцы, за исключеніемъ двухъ зачинщиковъ; но превотальный судъ, втеченіе нѣсколькихъ недѣль, приговорилъ въ 11 деревняхъ къ наказанію болѣе 155 обвиненныхъ (въ томъ числѣ были и 28 смертныхъ приговоровъ

и изъ этого числа наказалъ 110 человѣкъ, какъ виновниковъ или предводителей возстанія. Безъ всякаго разбора осуждалъ этотъ судъ людей, которые добровольно отдались въ руки его послѣ того, какъ Канюэль оффиціально объявилъ, что никого не постигнетъ наказаніе; судъ приговаривалъ къ наказанію за простой замыселъ и даже за недонесеніе о замыслахъ, т. е. за такія дѣла, которыя отнюдь не подлежатъ разсмотрѣнію превотальныхъ судовъ: онъ приговаривалъ за смутное участіе въ покушеніи и дѣлалъ это даже тогда, когда ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ заключительной рѣчи оффиціальнаго адвоката не обозначалось опредѣленнымъ образомъ преступленіе обвиненнаго; такимъ образомъ, людей отправляли на смерть вслѣдствіе совершенно неосновательныхъ и недѣйствительныхъ приговоровъ. Въ это же время были распущены новые слухи о новыхъ заговорахъ, распространившіе такой паническій ужасъ, что ліонцы стали толпами уходить изъ своего города. Этотъ избытокъ ненатуральнаго волненія ускорилъ наступленіе кризиса. Шарье-де-Сенвиль, давно уже недовѣрявшій донесеніямъ генераловъ, теперь, даже будучи оставленъ Шаболемъ, все-таки подробно вникнулъ въ сущность процессовъ и сообщилъ свои открытія министрамъ, убѣдить которыхъ стоило ему большого труда. Однакожъ они наконецъ отправили на слѣдствіе въ Ліонъ незаподозрѣннаго роялиста, маршала Мармона. Но и его съумѣли ослѣпить, и онъ оставался въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока полковникъ Фабвіе, начальникъ его штаба, не обратился въ своихъ поискахъ къ лучшимъ источникамъ и не уяснилъ маршалу настоящаго значенія этихъ постыдныхъ интригъ. Процессъ обвиненныхъ ліонцевъ, еще неприведенный въ то время къ окончанію, получилъ совершенно иной оборотъ; прежде присужденныя наказанія были смягчены или отмѣнены; но павшихъ на эшафотѣ уже нельзя было вызвать изъ могилъ. Шаброль и Канюэль потеряли свои мѣста, но при этомъ не только не потеряли своихъ званій и орденовъ, (что было совершенно въ духѣ слабыхъ министровъ), но еще при смѣщеніи получили новые титулы!

Всѣ эти кровопролитія совершались при вяломъ королѣ, двухъ весьма вѣжливыхъ и благосклонныхъ главныхъ министрахъ: крайне изящномъ министрѣ полиціи и непомѣрно слабомъ министрѣ юстиціи.

Этимъ министромъ юстиціи былъ недавно умершій Паскье, который былъ настоящимъ идеаломъ отсутствія политическихъ убѣжденій и служилъ всѣмъ системамъ, начиная отъ первой имперіи до второй, исключительно. Гервинусъ примѣняетъ къ нему отзывъ англійскаго короля Карла II объ одномъ человѣкѣ, который «никогда не попадалъ на дорогу, но никогда и не сходилъ съ дороги». Приведемъ еще изъ Гервинуса мѣсто касающееся до обращенія бурбонскаго правительства съ прессою:

Когда въ 1817 г. истекъ установленный срокъ существованія исключительныхъ судовъ, тогда прекратились и кровавыя судебныя драмы. За то пресса продолжала томиться подъ гнетомъ постоянно отсрочивавшихся исключительныхъ законовъ. Газеты были предоставлены полнѣйшему произволу чиновниковъ, полуперіодическія изданія, выходившія безъ цензуры, подвергались самому жестокому преслѣдованію. Это преслѣдованіе обращалось въ обѣ стороны — на роялистовъ и на либераловъ, только въ отношеніи къ послѣднимъ оно дѣйствовало съ большею строгостью. «Консерваторъ», издававшійся Фьеве, могъ позволять себѣ гораздо больше, чѣмъ издатели «Исторической библіотеки», нѣсколько разъ подвергавшіеся наказанію за свое «умышленное недоброжелательство», или чѣмъ «Европейскій цензоръ», редактировавшійся Карломъ Комтомъ, который съ 1814 г. защищалъ пріобрѣтенія революціи съ суровою отвагою и врожденнымъ духомъ противорѣчія. Эта гнусная система столько же мелочного, сколько несправедливаго преслѣдованія имѣла источникомъ не рвеніе низшихъ чиновниковъ, но боязливое малодушіе самихъ министровъ. Въ 1818 г. министръ юстиціи потребовалъ, чтобы Комта судили въ бретаньскомъ судѣ за оскорбительныя статьи противъ шуановъ; Комтъ уклонился отъ этого противозаконнаго способа суда и началъ изъ своего убѣжища вести съ хранителемъ печати войну, окончившуюся постановленіемъ въ его пользу кассаціоннаго суда,— постановленіемъ, по которому преступленія противъ цензуры должны были съ этихъ поръ судиться только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сочиненіе было напечатано. Но такіе примѣры благопріятнаго исхода подобнаго рода процессовъ были рѣдки. Напротивъ того, эти процессы большею частію оканчивались такъ, что въ 1818 г. Мартенъ (де-Грей) публично объявилъ, что образъ дѣйствій судовъ въ этомъ отношеніи достоинъ инквизиціи въ Мадридѣ и Гоа. Если кто-нибудь осмѣливался аппелировать въ королевскій парижскій судъ, то наказаніе всегда усиливалось въ 3 или 4 раза; обыкновенно аппелирующаго увѣщевали взять назадъ свою жалобу, и отказъ его наказывался какъ новое преступленіе. Изъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ особенно прославился преслѣдованіями прессы директоръ книжной торговли (1816—20 г.) Вильменъ, оставившій по себѣ славу жестокаго и коварнаго орудія насилія. Еще въ 1819 г, онъ подвергнулъ тяжкому наказанію издателей «Исторической библіотеки» за одну печатную статью, которую они сами, по доброй волѣ, не обнародовали и которую онъ выпросилъ у нихъ для прочтенія. Это значило, не говоря уже о коварствѣ, съ полицейскимъ самовластіемъ вводить въ употребленіе обычай, противъ котораго законъ положительно возставалъ. Въ законѣ о прессѣ, представленномъ палатѣ министрами, недовольствовавшимися притѣсненіями періодической прессы, было предложено, чтобы непеіодическія изданія также подвергались запрещенію и заключающіяся въ нихъ преступленія противъ печати подлежали наказанію даже до обнародованія этихъ сочиненій, такъ какъ одна законная отдача ихъ на сохраненіе директору книжной торговли уже должна

была считаться обнародованіемъ. Считавшееся либеральнымъ министерство даже не брало на себя труда прикрывать маскою свое полицейское шпіонство и свою цензуру. Но это предложеніе потерпѣло двойное пораженіе. Палата перовъ отвергла законъ. Кромѣ того въ государственномъ совѣтѣ и палатѣ небольшое число истинныхъ друзей свободы государственнаго устройства и печати, какъ напр. Камиль Жорданъ, Ройе-Колларъ, Серръ и др., недовольные непостоянствомъ и «незаконнорожденнымъ конституціонизмомъ» Деказа и Лене, отложились отъ министерства.

Иностранное нашествіе поставило Францію въ страшно-затруднительное финансовое положеніе. По договору 20 ноября 1815 г., она должна была выдавать ежегодно на содержаніе иностранныхъ войскъ, по меньшей мѣрѣ, 130 милл. фр., да еще выплатить впродолженіи пяти лѣтъ военную контрибуцію въ 700 милліоновъ; сверхъ того, удовлетворить иностранное правительство по требованіямъ, предъявленнымъ еще до 1814 года. Уплата всей этой огромной массы денегъ представляетъ настоящее чудо, которое совершила въ то время Францiя. Правительству нужно отдать справедливость, что оно употребило всѣ старанія для скорѣйшей уплаты денегъ, дабы ускорить выступленіе союзныхъ войскъ, присутствіе которыхъ налагало на Францію страшное бремя непроизводительныхъ расходовъ. Но какъ дѣйствовали при этихъ огромныхъ финансовыхъ оборотахъ отдѣльные члены правительства, мы узнаемъ изъ того обстоятельства, что въ 1818 году, когда надо было выпустить 24 милліона ренты и когда французскіе банкиры предлагали принять бумаги по 72, правительство предпочло посредничество иностранныхъ банкировъ, которые принимали ихъ всего въ 67. Изъ записокъ Кэстльрэ оказывается, что «въ то время можно было купить золотомъ всѣхъ, кромѣ Ришельё».

Въ 1817 году иностранный гарнизонъ во Франціи былъ уменьшенъ на одну пятую часть, а въ 1818 году совсѣмъ выведенъ изъ Франціи. Страна вздохнула свободнѣе. Но зависимость правительства отъ иностранныхъ державъ осталась въ прежней силѣ. «Независимые», которые смотрѣли на хартію, какъ на сводъ правъ завоеванныхъ народомъ, и роялисты, которые видѣли въ ней только нѣкоторыя преимущества, октроированныя націи королемъ, полновластнымъ по божіей милости, тѣснили правительство съ другой стороны и увеличивали затруднительность того положенія, изъ котораго оно

не имѣло духу выйти. Между этими партіями, или точнѣе сказать, какъ-то съ боку, въ сторонѣ, стояла группа такъ называемыхъ «доктринеровъ». Они, какъ Ройе-Колларъ (глава партіи), Камиллъ Жорданъ и Гизо, были искренно преданы королю и хотѣли согласить сохраненіе принциповъ 1789 года съ правленіемъ бурбоновъ. Доктринеры представляли собою въ то время партію умѣренности, спокойнаго, постепеннаго развитія. Если они ошиблись, если роль ихъ была неестественна и уподоблялась «толченію воды въ ступѣ», то въ этомъ были виноваты не они, а то правительство, которое они считали искреннимъ. Для объясненія фальшивости роли доктринеровъ во Франціи мы приведемъ слѣдующія два замѣчанія Гервинуса:—«Всѣмъ романскимъ народамъ былъ свойственъ духъ партій, стремленіе вести политическую борьбу скорѣе фактическимъ, чѣмъ законнымъ путемъ».—«Когда конституціонное правительство не сохраняетъ самымъ совѣстливымъ образомъ существующей конституціи, то оно одно виновато въ томъ, что его противники сходятъ въ законной дороги» (*). Въ этомъ-то и дѣло, что надежды на правильное развитіе основательны только въ томъ случаѣ, если правительство готово поддаться этому развитію, а не стоять на пути его непроходимою стѣною. Этого доктринеры не сообразили или сообразили, но не скоро, и въ этомъ заключалась ихъ ошибка, вслѣдствіе которой имъ дали нѣсколько насмѣшливое прозвище, соотвѣтствующее понятію о чемъ-то непрактическомъ. Но доктринеры были люди честные; они не играли словами, не возбуждали движенія для своихъ выгодъ съ тѣмъ, чтобы при перемѣнѣ обстоятельствъ отрицать пользу и возможность примѣненія той самой конституціи, которую они нѣкогда выставляли идеаломъ. Они не продавали себя никому и, какъ мы видѣли, отказали правительству въ своемъ содѣйствіи, когда увидали, что оно поставило прессу въ недостойное положеніе.

Теперь мы упомянемъ о томъ поступкѣ графа Артуа, въ которомъ онъ является совсѣмъ не благороднымъ рыцаремъ а просто интригантомъ, доносчикомъ и измѣнникомъ. Мы опять сошлемся на Гервинуса:

Графъ Артуа, сильно разсерженный поворотомъ дѣлъ послѣ 5 сентября, принялъ мѣру, которая, не смотря на то, что первый шагъ

(*) Стр. 288.

былъ промахомъ, должна была благопріятствовать видамъ партіи болѣе, чѣмъ внутренняя политика, которою она руководствовалась до тѣхъ поръ: графъ началъ искать связи съ иноземными державами, чтобы такимъ образомъ отнять у правительства его дѣйствительную и единственную опору. Прусскій посланникъ (Гольцъ) былъ постоянно на его сторонѣ; Меттернихъ, которому, какъ Поццо-ди-Борго, не понравились либеральные законы — военный и избирательный, тоже началъ тайно сноситься съ нимъ къ досадѣ англійскихъ сановниковъ; теперь ему оставалось только склонить на свою сторону русскаго императора и съ помощью его вліянія свергнуть ненавистнаго любимца короля. Чрезъ посредство графа Брюгеса наслѣдный принцъ обратился къ забытому всѣми Витролю и пригласилъ его составить записку о положеніи Франціи, которую адъютантъ императора, графъ Орловъ, уѣзжавшій въ это время изъ Парижа, долженъ былъ передать своему государю. Словесныя сообщенія марсанскаго павильона представили графу положеніе Франціи въ такомъ видѣ, какъ будто каждый день ускорялъ ниспроверженіе всего существующаго порядка вещей. Графъ Орловъ высказалъ это мнѣніе въ Штутгардѣ, откуда оно, пройдя вѣнскій и берлинскій кабинеты, снова вернулось въ Парижъ, гдѣ министерство узнало только теперь о запискѣ графа Артуа, которая скоро послѣ того появилась въ печати. Друзья и враги наслѣднаго принца возстали противъ этого непатріотическаго поступка, противъ этого преклоненія пришедшей въ отчаяніе партіи предъ русскимъ господствомъ, съ которымъ она до тѣхъ поръ сражалась. Записка представляла Францію какъ бы наканунѣ новой революціи, вина которой непосредственно сваливалась на королевскій кабинетъ. Она разсматривала пять средствъ къ спасенію: раздѣленіе Франціи или занятіе ея войсками; перемѣну династіи; отмѣну хартіи; возвращеніе короля и его министровъ къ монархическимъ принципамъ; измѣненіе правительственной системы посредствомъ перемѣны министерства. Первое средство записка отвергла изъ патріотизма, второе — изъ вѣрности къ государю, третье — изъ вѣрности къ конституціи, четвертое потому, что по ея мнѣнію перемѣна въ настроеніи министровъ, бывшихъ сначала роялистами, а теперь сдѣлавшихся революціонерами, была совершенно немыслима; оставалось пятое средство — перемѣна системы и министерства, и для этого-то дѣла записка формально обращалась къ посредничеству державъ, «которое безъ всякаго сомнѣнія уяснитъ королю его настоящіе интересы и вселитъ въ него болѣе простыя и болѣе здравыя идеи». Тутъ же, если не высказалось, то выставлялось въ довольно ясномъ свѣтѣ желаніе, чтобы рѣшенное въ Ахенѣ очищеніе Франціи отъ иноземныхъ войскъ было поставлено въ зависимость отъ этой мѣры. Въ первую же минуту этотъ поступокъ графа Артуа повлекъ за собою самыя невыгодныя послѣдствія какъ для него самого, такъ и для его приверженцевъ. Витроль былъ удаленъ отъ государственнаго совѣта и у самого наслѣдственнаго принца было отнято начальство надъ національною гвардіею, а съ тѣмъ вмѣстѣ и главное

вліяніе его на дѣла. Заграницею записка принца также не имѣла успѣха, потому что та опасность, въ существованіи которой увѣрили графа Орлова, оказалась на первыхъ порахъ совершенно вымышленною, и русскій императоръ повѣрилъ успокоительнымъ донесеніямъ Ришелье. Но это мнѣніе государя о положеніи французскихъ дѣлъ совершенно измѣнилось, когда результатъ выборовъ въ палату этого года повидимому совершенно оправдалъ и подтвердилъ предсказанія марсанскаго павильона. Еще во время выборовъ прошедшаго года, главные предводители независимыхъ не могли ввести въ палату своихъ кандидатовъ: теперь же парижскіе депутаты этой партіи вошли въ тѣсныя сношенія съ вліятельными избирателями департаментовъ и согласились съ ними на счетъ кандидатовъ; слѣдствіемъ этого было, что изъ 55 кандидатовъ 23 были выбраны изъ ихъ партіи, въ томъ числѣ Лафайетъ, Манюэль и генералъ Греньe, членъ послѣдняго временнаго правительства; всѣ эти люди были уже не тѣми, что въ 1814 г., съ тѣхъ поръ какъ въ 1815 г. они открыто дѣйствовали противъ бурбоновъ и тайно подкапывались подъ нихъ. Эти выборы совершились какъ разъ въ октябрѣ, когда ахенскія совѣщанія еще не окончились; успокоительныя обѣщанія Ришелье оказались ложными въ его собственныхъ глазахъ и онъ съ ужасомъ взглянулъ на вступленіе въ палату этихъ людей «ста дней». Эта минута, когда конституціонализмъ, бывшій еще въ 1814 г. совершенно безсильнымъ, явился врагомъ-завоевателемъ, совпала по несчастію съ тѣмъ временемъ, когда на императора Александра только что непріятно подѣйствовало то первое робкое употребленіе, которое Польша хотѣла сдѣлать изъ своей конституціи; эта минута совпала съ неблагопріятными донесеніями Стурдзы о нѣмецкихъ университетахъ; она совпала съ планами нѣкоторыхъ безумныхъ бельгійцевъ, которые, во время проѣзда императора черезъ Бельгію, хотѣли принудить его къ признанію Наполеона II; это обстоятельство, въ свою очередь, заставило вспомнить о покушеніи противъ герцога Веллингтона. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы подѣйствовать на впечатлительную натуру императора и произвести въ образѣ мыслей его и настроеніи полную перемѣну, получившую новое значеніе для Европы, судьбы которой онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Пробудившаяся въ государяхъ боязнь тотчасъ же повлекла за собою новый оборонительный союзъ 15 ноября; русскій императоръ началъ теперь настоятельно требовать у Ришелье перемѣны правительственной системы, измѣненія избирательнаго закона и сближенія съ роялистами. Всѣ посланники, въ томъ числѣ и Веллингтонъ, требовали того же самого у короля, который въ минуту внѣшняго освобожденія своего государства долженъ былъ подчиниться тѣмъ болѣе сильному вмѣшательству чужеземцевъ во внутреннія дѣла Франціи.

Такой оборотъ дѣлъ поставилъ герцога Ришелье въ самое затруднительное положеніе; онъ подалъ въ отставку и, вслѣдствіе прось-

бы короля, чтобы онъ остался въ управленіи, просилъ, чтобы Деказъ, который считался препятствіемъ перемѣны системы, былъ удаленъ изъ Франціи, въ званіи посла. Но палата, узнавъ о намѣреніи правительства перемѣнить избирательный законъ, въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь протестовала противъ всякихъ нарушеній, какъ хартіи, «такъ и учрежденій, вытекшихъ изъ ея духа». Вслѣдствіе того, министерство Ришелье пало; образовалось министерство Дессаля, составленное Деказомъ. Деказъ представлялся намъ сейчасъ либераломъ; но этотъ министръ внутреннихъ дѣлъ былъ просто временщикъ, честолюбецъ, готовый пожертвовать всѣмъ для удержанія въ своихъ рукахъ власти, прикрывавшійся притомъ, до времени, покровомъ какого-то произвольнаго либерализма. Онъ самъ желалъ бы ввесть измѣненіе въ либеральный избирательный законъ, но не хотѣлъ, чтобы его принудили къ тому роялисты. Роялисты же хотѣли унизить его именно тѣмъ, чтобы (зная его натуру) заставить его самого произвесть измѣненіе въ томъ законѣ, который онъ защищалъ. Въ сессіи 1818—1819 года, палата перовъ представила адресъ въ этомъ смыслѣ королю. Деказъ, въ бѣшенствѣ отъ такого понужденія, отвѣчалъ роялистамъ очень энергической мѣрою, именно, назначеніемъ въ палату 65 новыхъ перовъ. Но вскорѣ Деказъ обнаружилъ, насколько онъ побуждался къ тому либерализмомъ, открыто заявивъ лѣвой сторонѣ палатѣ депутатовъ на требованіе о дарованіи прощенія нѣкоторымъ изъ участвовавшихъ въ приговорѣ надъ Людовикомъ XVI, что онъ не согласится на это никогда, что онъ всегда былъ противъ «заговорщиковъ», которые, «гдѣ бы они ни собирались», не «успѣютъ обмануть Францію», и что «единственная безопасность ея состоитъ въ тронѣ, котораго нельзя потрясти безъ того, чтобы не разрушить благосостоянія всего государства». Это объявленіе министра произвело окончательный разрывъ между «независимыми» и правительствомъ. Образовались общества, въ которыхъ уже прямо говорилось о необходимости перемѣны династіи. Главою этого кружка, который все расширялся, былъ Лафайеттъ; главными членами Комбъ-Сіэесъ, Бойе-д'Аржансонъ, Сентъ-Эльянъ, Карбино, полковникъ Дюшанъ. Возникла мысль о законномъ устраненіи непопулярнаго наслѣдника престола и о замѣнѣ его сыномъ нидерландскаго короля, принцомъ оранскимъ, происходившимъ изъ того же дома, который далъ Англіи короля Вильгельма III. Но этотъ планъ не могъ осуществиться безъ согласія иностран-

ныхъ кабинетовъ, а императоръ Александръ, не смотря на свою нелюбовь къ бурбонамъ, отвергъ эту комбинацію, въ составленіи которой впрочемъ нисколько не участвовалъ Людовикъ XVIII. Въ то время явились первыя политическія пѣсни Беранже.

При всеобщей путаницѣ, произведенной взволнованными умами и скопившимися обстоятельствами, во Франціи уже въ половинѣ 1819 года пошло въ ходъ предсказаніе, повторявшееся самыми противоположными другъ другу людьми, и состоявшее въ томъ, что всеобщій переворотъ, на который надѣялись одни и котораго боялись другіе, произойдетъ не столько вслѣдствіе побѣды какой нибудь партіи и ея стремленій, сколько вслѣдствіе простого случая; при огромномъ скопленіи горючаго матеріала, — такъ говорила въ августѣ «Историческая Библіотека» — не возможно разсчитать послѣдствій самаго обыкновеннаго происшествія: *смертный случай, движенія въ какомъ нибудь мѣстѣ, на 200 часовъ отъ Парижа*, могутъ (и это дѣйствительно случилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя) потрясти все зданіе, составныя части котораго находятся въ столкновеніи, но не въ сцѣпленіи, и существуютъ близко одна отъ другой, но не связаны между собою. Количество этого горючаго матеріала увеличилось вслѣдствіе происшествій, случившихся въ Германіи осенью. Карлсбадская система привела въ смущеніе Парижъ не менѣе чѣмъ Германію, потому что какъ тутъ, такъ и тамъ ее справедливо считали направленною за предѣлы государства. Циркуляры прусскаго правительства къ своимъ посланникамъ приглашали всѣ другія правительства дѣйствовать въ томъ же духѣ; австрійцы выражали желаніе, чтобы французское министерство воспользовалось счастливыми обстоятельствами и тѣмъ вступило на болѣе монархическую дорогу; въ такомъ случаѣ, по мнѣнію ихъ, уничтожились бы всякія преграды полному тріумфу друзей порядка. Впрочемъ еще прежде германскихъ событій, чужеземное вліяніе снова непосредственнѣе вторгнулось въ сферу отдѣльныхъ внутреннихъ дѣлъ Франціи. Кабинеты одинъ за другимъ единодушно подали свой голосъ противъ избирательнаго закона; Каподистрія пріѣхалъ въ Парижъ и имѣлъ съ Ришелье, королемъ и министрами совѣщаніе съ цѣлью передать имъ опасенія Россіи касательно законовъ избирательнаго и о прессѣ. Самъ Ришелье понялъ, какъ это вѣчное вмѣшательство задерживаетъ спокойное развитіе новыхъ учрежденій, какъ оскорбительно оно для раздражительнаго народа, въ какую постыдную зависимость ставило оно министровъ, — зависимость, которая прежде могла назваться необходимостью, но теперь, съ 1818 г., являлась добровольнымъ подчиненіемъ и, вслѣдствіе этого, должна была скрываться и отрицаться правительствомъ, но именно поэтому являлась болѣе очевидною и вызывала тѣмъ болѣе сильное озлобленіе. Независимые воспользовались этимъ настроеніемъ, чтобы подѣйствовать на новые выборы въ палаты 1819—20 г.; ихъ хорошо организованное влія-

ніе одержало побѣду надъ министерскими кандидатами и устранило почти всѣхъ роялистовъ. Изъ числа пятидесяти четырехъ избиравшихся депутатовъ, тридцать пять были выбраны по настоянію независимыхъ;- въ томъ числѣ находилось много императорцевъ, а также старый епископъ блуаскій, аббатъ Грегуаръ, который далъ письменное согласіе на казнь Людовика XVI и, какъ теперь усердно распускали слухъ роялисты, когда-то сказалъ, что короли въ мірѣ нравственномъ тоже, что уроды въ физическомъ.

Король пришелъ въ ужасъ и настоятельно потребовалъ отъ Деказа измѣненія избирательнаго закона. Кончилось тѣмъ, что этотъ пресловутый либералъ исполнилъ-таки ожиданіе роялистовъ — унизился до предложенія измѣненія въ законѣ, котораго самъ слылъ защитникомъ, и съ этой цѣлью долженъ былъ образовать новое министерство, такъ какъ многіе изъ его товарищей противились такой перемѣнѣ системы.

Новый избирательный законъ, встрѣтивши въ 1816 г. такое упорное сопротивленіе, предлагалъ обновленіе палаты въ полномъ ея составѣ черезъ каждые семь лѣтъ и увеличилъ уменьшенное въ 1816 г. число депутатовъ до тѣхъ же самыхъ размѣровъ, которые были опредѣлены іюльскими постановленіями 1815 г., также увеличившими число уменьшенное въ 1814 г. Съ этихъ поръ 258 депутатовъ должны были непосредственно избираться окружными собраніями, которыя кромѣ того должны были выбирать избирателей для департаментскихъ собраній изъ людей, платившихъ 1000 фр. подати, одна половина которыхъ однако (это было снисхожденіе къ роялистамъ) должна была вносить эту сумму въ видѣ поземельной подати. Весь законъ былъ сплетеніемъ половинныхъ уступокъ правой и лѣвой сторонамъ; разныя статьи его являлись ослабленными остатками одного плана де-Серра, который, возставъ противъ равенства избирателей, хотѣлъ классифировать избирательное вліяніе, смотря по состоянію и общественному положенію избирателей. Но въ остальномъ этотъ планъ имѣлъ цѣлью дѣятельное, систематическое развитіе, между тѣмъ какъ теперешній законъ носилъ на себѣ всѣ признаки безпомощности и боязни. Близорукіе поступки 1816 г. снова повторились: правительство приступило къ измѣненію избирательнаго закона, будучи испугано выборомъ одного человѣка, — выборомъ, который былъ однако тутъ же уничтоженъ палатою, составленною въ силу этого избирательнаго закона; и едва только положеніе вещей вызвало вслѣдъ затѣмъ большія опасенія, какъ та же самая палата, на которую многіе смотрѣли съ такимъ страхомъ, вотировала новые исключительные законы! Многорѣчивый министръ, который послѣ своего поступка съ перами убѣдилъ всѣхъ, что онъ будетъ серьезно избѣгать

всѣхъ полумѣръ, теперь принималъ участіе во всѣхъ этихъ малодушныхъ дѣйствіяхъ, — и это совершенно погубило его въ общественномъ мнѣніи; оно признало его теперь человѣкомъ «нестоющимъ недовѣрія и ненависти».

Обратимся теперь къ разсказу о событіяхъ въ Германіи.

Тамъ произошло столь же сильное недоразумѣніе между правительствами и народомъ, какъ и во Франціи, только недоразумѣніе это въ Германіи имѣло иное происхожденіе, чѣмъ во Франціи. Въ этой послѣдней странѣ большинство народа дѣйствительно прониклось принципами 1789 года и потому могло простить бурбонамъ ихъ нашествіе съ иностранными войсками неиначе, какъ если бы національная гордость этого большинства была, такъ сказать, подкуплена откровеннымъ примѣненіемъ тѣхъ принциповъ, которые легли въ его сознаніе. Французскій народъ требовалъ отъ бурбоновъ искренняго исполненія хартіи, требовалъ этого со злобою именно потому, что онъ былъ покоренъ, униженъ, и что хартія была единственнымъ вознагражденіемъ за это униженіе и за огромную контрибуцію; народъ сносилъ самовластіе Наполеонова правленія, потому что это правленіе было національнымъ, но правленіе бурбоновъ могло легитимироваться въ его глазахъ одною хартіей; внѣ ея, безъ строгаго ея соблюденія, бурбоны являлись въ глазахъ французскаго народа представителями иноземнаго ига, французами — измѣнниками. Германскій народъ предъявлялъ свои требованія или, лучше сказать, свои надежды, на совсѣмъ иномъ основаніи. Онъ былъ побѣдителемъ, онъ участвовалъ въ побѣдѣ. «Вѣдь и за внутреннюю, а не за одну только внѣшнюю свободу, говоритъ Гервинусъ, поднялся на войну народъ, — и внутренняя, а не одна внѣшняя свобода обѣщалась въ воззваніяхъ государей, въ рѣчахъ оффиціально назначенныхъ ораторовъ свободы, сопровождавшихъ главныя квартиры дѣйствующихъ армій, въ объявленіяхъ ганноверскихъ и австрійскихъ министровъ на вѣнскомъ конгрессѣ, даже еще и на франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ; — вновь во всѣхъ этихъ обѣщаніяхъ прямо говорилось, что цѣль войны и плодъ пролитой крови—основать германскую свободу внутреннимъ политическимъ устройствомъ, поставить законный порядокъ на мѣсто произвола». Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться; онѣ значительно ослабѣли уже по возвращеніи войскъ на родину въ 1815 году. Побѣжденная Франція сохранила свою землю и пріобрѣла новое, либеральное политическое устройство, а побѣдительница

Германія не пріобрѣла ничего,—ни свободы, ни національнаго единства. Напрасно нѣкоторые теоретики ожидали, что счастливое окончаніе войны дастъ Германіи политическое развитіе, которое, по мнѣнію Нибура, должно было быть даже чрезмѣрнымъ. Событія съ горькой ироніею опровергли такія законныя надежды и такое наивное опасеніе. Отселѣ въ сердца благородныхъ гражданъ Германіи Арндта, Яна, Лудена, Пертеса, вкралось горькое разочарованіе и даже естественное сожалѣніе, что опасность и борьба слишкомъ скоро прошли «для Германіи, что миръ слишкомъ легко возвратитъ изгнанныхъ духовъ тьмы, что только новая война можетъ отвратить вредную порчу, вкрадывавшуюся въ отечественныя дѣла» (стр. 332). Мы назвали это сожалѣніе естественнымъ потому, что оно оправдалось позднѣйшими событіями. Дѣйствительно, горестна участь, не нормально положеніе того народа, въ которомъ передовые люди должны отыскивать исхода только во внѣшней войнѣ, даже сочувствовать пораженію войскъ своего отечества. Но въ извѣстныхъ безвыходныхъ положеніяхъ бываетъ, что внѣшній врагъ является истиннымъ поборникомъ внутренняго развитія государства. Въ Австріи, въ 1859 году оффиціальные патріоты и патріоты недальновидные могли проклинать и ненавидѣть итальянцевъ, Кавура, Виктора-Эммануила и Гарибальди. Но всѣ народы солидарны въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ; успѣхъ одного изъ нихъ на этомъ пути ускоряетъ успѣхъ другого, хотя они повидимому и враждуютъ между собою. Въ 1859 году итальянцы были конечно невольно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно, воинами австрійской свободы, и пораженіе австрійскихъ войскъ дало австрійскому народу конституцію.

Мы сказали — это признаетъ и Гервинусъ — что германскій народъ былъ участникомъ въ сверженіи иностраннаго ига; но нѣмцы охото преувеличиваютъ важность своей тогдашней народной иниціативы, и Гервинусъ, съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ (не смотря на свою субъективность въ иныхъ случаяхъ) рѣзко выставляетъ и ту долю апатіи, которая отличаетъ германское народное движеніе, въ сравненіи съ движеніями нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

Не всѣ люди въ Германіи раздѣляли высокое понятіе энтузіастовъ о размѣрѣ и прочности этой энергіи, не всѣ раздѣляли ихъ убѣжденіе, что политическое стремленіе пробудилось для неусыпной заботы о развитіи новой національной жизни; были такіе, которые и до борьбы, и во время борьбы

и послѣ борьбы думали иначе. До войны самый энергическій изъ патріотовъ (Штейнъ), думая о томъ, какъ народъ готовъ выносить все и оставаться доволенъ, какъ вялы высшіе классы, какой наемничій духъ въ чиновникахъ, не разъ чувствовалъ совершенную безнадежность, чтобы нѣмцы когда нибудь, безъ сильнаго внѣшняго толчка, по собственной иниціативѣ поднялись для завоеванія себѣ внѣшней свободы и политической самостоятельности. И дѣйствительно, при наложеніи иноземнаго ига, въ раздробленной нѣмецкой націи, преданной комфорту цивилизованнаго быта, не выказалось ничего хотя бы немного похожаго на тотъ національный инстинктъ испанцевъ, по которому отъ перваго вражескаго прикосновенія къ одному мѣсту дрожь пробѣжала по всему національному тѣлу и вызвала сильнѣйшее судорожное противодѣйствіе; да и потомъ, все что дѣлалось для подготовки освобожденія и при окончательномъ сверженіи ига нисколько не походило на конвульсивное возстаніе Испаніи, гдѣ народъ самъ, безъ предводителей, безъ предварительныхъ соглашеній, безъ примѣровъ для подражанія, поднялся и сталъ дѣйствовать самобытно и повсюду въ одно время и одинаково. Во время ига, отдѣльныя возстанія Дернберга, Шилля и Брауншвейга, нѣмецкихъ гверильясовъ, подверглись безплодной неудачѣ. Тайные союзы въ Пруссіи нисколько ни основывались на какихъ нибудь стремленіяхъ партій, какъ въ романскихъ земляхъ, а имѣли только общій патріотическій, нравственно-научный духъ, какъ «союзъ добродѣтели», который, соблюдая строжайшую законность, сначала испросилъ согласіе короля (въ 1808), потомъ послушно покорился тому, что король распустилъ его (въ концѣ 1809) по той причинѣ, что двое—трое изъ поднимавшихъ неудачныя возстанія противъ французовъ оказались его членами. Послѣ русскихъ событій 1812 г., таинственнаго пожара Москвы, ужасной погибели громаднаго блестящаго войска, когда Германія получила сильный внѣшній толчокъ, когда Іоркъ сдѣлалъ новый шагъ ко внутреннему возбужденію, когда при тогдашнихъ притѣсненіяхъ Пруссіи, раздраженной до крайней степени, слѣдовало бы думать что уже слишкомъ много искръ попало въ пороховую мину,—разъяренный народъ цѣлыхъ два мѣсяца ничего не дѣлалъ, пока созрѣла рѣшимость въ королѣ, съ воззваніемъ котораго только и вспыхнуло одушевленіе и вооруженное движеніе,— вѣдь оно теперь было уже законнымъ дѣломъ. Но и тогда правительство поступало такъ, будто совершенно не вѣритъ въ свободную энергію самого народа: въ своемъ приказаніи о ландштурмѣ оно опредѣлило вести народную войну по примѣру испанцевъ, предписало, какъ освящаемыя необходимостью, революціонныя, самыя рѣзкія мѣры, которыя въ другихъ земляхъ порождаются тотько сами собою, внушеніемъ внутренняго отчаянія и сочло за нужное грозить трусости и рабскому духу наказаніемъ и презрѣніемъ. Если характеристично было обнародованіе такого предписанія, то еще характеристичнѣе было его отмѣненіе,— правительство взяло его назадъ тотчасъ же, чтобы въ противоположность манерѣ дѣйствій одичавшихъ испанцевъ выяснить, какъ поступаетъ

образованный народъ, который не ставитъ необдуманно на карту стройный порядокъ своего быта, у котораго нѣтъ слѣпого энтузіазма неопытности, незнанія—этихъ необходимыхъ условій необдуманной смѣлости, которая, не понимая опасности, бросается въ борьбу съ врагомъ, слишкомъ мало думая о его силахъ.

Мы находимъ въ Германіи того времени всѣ зародыши нынѣшняго ея политическаго движенія къ единству и общественной свободѣ. Хотя многіе изъ передовыхъ людей, какъ Фуке и Эйхендорфъ, «которыхъ война оторвала отъ романа, едва только возвратились домой, какъ снова принялись утомленною отъ битвъ рукою продолжать романъ, какъ важнѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ»,—но и они и все общество сознавали, что еще очень много «великаго и радостнаго» предстоитъ осуществить въ Германіи. Арндтъ, Янъ, Герресъ стали проповѣдниками и жрецами германской національности. Богослуженіе всему нѣмецкому сопровождалось принесеніемъ жертвъ. Жертвою въ ихъ проповѣдяхъ было обыкновенно все французское, все имѣющее отношеніе къ Франціи. Эти сѣмена неразумной ненависти, напоминающей прежнее униженіе, доселѣ производятъ въ Германіи сильные отростки. Французы не выказываютъ въ отношеніи нѣмцевъ и тѣни ненависти; французы по большей части совершенно не понимаютъ нѣмцевъ и Германіи и иногда судятъ о нихъ свысока съ той легкомысленностью незнанія, какою часто отличаются и отзывы ихъ объ англичанахъ и Англіи. Но въ нѣмцахъ часто проявляется глубокая ненависть къ ихъ бывшимъ властелинамъ. Нѣмцы какъ будто не замѣчаютъ, что въ этой ненависти отзывается воспоминаніе о бывшемъ униженіи и страхъ будущей опасности (при малѣйшемъ намекѣ на Рейнъ въ какой либо французской газетѣ, сорокъ милліоновъ нѣмцовъ обыкновенно раскудахтаются, какъ курицы при приближеніи ястреба) Но нѣмцы гордятся этой ненавистью, какъ какимъ-то торжествомъ своей національности. Типомъ ея былъ Янъ, имя котораго доселѣ такъ популярно въ Германіи. Вотъ какъ описываетъ Гервинусъ эту сторону стараго патріота:

Всѣ стороны дѣятельности Фихте и Арндта на пользу нѣмецкой національности и свободы, являются въ Янѣ утрированными до каррикатурности. Предъ ненавистью къ французамъ совершенно исчезали для него всякіе другіе интересы, даже интересы свободы; въ 20-хъ годахъ онъ былъ за испанскую свободу противъ французовъ, въ 30-хъ годахъ, по—

слѣ іюльской революціи,—за всеобщую неволю противъ французовъ. Такую же сильную и еще болѣе нелѣпую ненависть чувствовалъ онъ и къ французскому языку: съ циническою дикостью онъ публично провозглашалъ, что учить дѣвушку французскому языку точно такое дѣло со стороны ея отца, какъ дѣлать изъ нея публичную женщину. Если Арндтъ считалъ необходимостью учредить рыцарскій орденъ, который былъ бы пограничною стражею отъ французскихъ солдатъ и нравовъ, то Янъ, для охраненія германской народности отъ всякаго французскаго оскверненія, желалъ насыпать по западной границѣ «плотину», развести по ней, черезъ землю образованнѣйшихъ народовъ, защитительный «дремучій лѣсъ», который населяли бы дикіе звѣри и буйволы, неприступность котораго охраняли бы военныя поселенія, вдоль устроенныя по его краю! Это и было логично, потому что его романтическое старинофильство шло дальше среднихъ вѣковъ, къ первобытнѣйшимъ временамъ, ко временамъ херусковъ; его патріотическая теорія натуральнаго быта докапывалась самыхъ корней народности, хотя эта работа могла скорѣе повалить, чѣмъ оживить дерево. Такъ, ратуя за чистоту языка противъ «его помѣси съ французскою и всякою порчею» (Walschen und Fälschen), онъ доходилъ до самыхъ натуральныхъ ребячествъ и придумыванія неслыханныхъ словъ, дѣлавшихъ его языкъ самою странною тарабарщиною.

Въ то время уже мы видимъ въ Германіи начатки тѣхъ унитарныхъ обществъ, которыя и нынѣ служатъ ей органами въ ея стремленіяхъ къ единству. Національная гимнастика основана Яномъ въ 1811 году. Въ 1817 году онъ вступилъ снова въ управленіе своимъ училищемъ патріотической гимнастики (Turnanstalt). Проповѣдуя въ немъ пользу физическаго развитія, Янъ выражалъ тамъ и свои политическія стремленія. Онъ возставалъ противъ деспотизма, готовившаго для литературы цѣпи и ядъ «для усыпленія одушевленнаго богомъ народа» (стр. 351); онъ пророчилъ, что изъ его гимнастическаго столба построится «колыбель свободѣ, гробъ тиранству (тамъ же)». Правительства очень тревожились такими проповѣдями, но не рѣшались арестовать народнаго учителя, обожаемаго молодежью. Впрочемъ, тогдашніе учители народа высказывали и болѣе опредѣлительные планы для политическаго устройства своего отечества. Такъ, уже въ то время, Арндтъ и Герресъ желали, чтобы Германія имѣла общаго императора, съ императорскими законами и судилищемъ, желали единства монеты, мѣръ и вѣсовъ, учрежденія въ отдѣльныхъ государствахъ конституцій, въ духѣ старыхъ сословныхъ учрежденій, преобразованныхъ согласно духу времени. Герресъ

предоставлялъ имперскую власть Австріи, и Арндтъ и Фихте предугадывали прусскую «гегемонію», въ республиканской Германіи. Впрочемъ, передовые люди Германіи неслишкомъ торопились осуществленіемъ своихъ грезъ. Такъ Фихте полагалъ, что осуществленіе его республиканской идеи можно отложить до XXII вѣка. Понятно, что молодежь, принимавшая такія ученія, при всей своей терпѣливости, не могла видѣть безъ нѣкотораго ожесточенія совершенное отсутствіе всякихъ начинаній со стороны правительствъ, для осуществленія законныхъ надеждъ Германіи. Народъ имѣлъ не только единственное, но и формальное право ожидать такихъ начинаній, такъ какъ 13 статья союзнаго акта положительно обѣщала конституціи всѣмъ государствамъ союза. И какъ лестно было соглашеніе съ этимъ добрымъ и прямодушнымъ народомъ; съ какимъ восторгомъ принялъ бы онъ малѣйшія уступки, какъ готовъ былъ онъ обожать свои правительства за простое исполненіе ими положительно-данныхъ обѣщаній! Вотъ что говоритъ объ этомъ Гервинусъ:

> Эта молодежь сознавала сама, говорила себѣ, что если будутъ исполнены данныя обѣщанія, если будетъ имѣть движеніе отечественный вопросъ, то она, примирившись съ государями, существующими сословіями, церковью, стала бы самой твердой опорой внутренней и внѣшней безопасности. Но если запирали или портили благодатный путь къ политической будущности отечества, то разумѣется надобно было ожидать, что всѣ эти свѣжія, готовыя къ труду силы начнутъ портиться отъ бездѣйствія, этотъ добродушный энтузіазмъ, раздражаемый неблагоразумнымъ стѣсненіемъ, обратится въ ожесточенное неповиновеніе. По несчастію, нѣмецкому вопросу съ самого же начала данъ былъ сверху не такой оборотъ, который соотвѣтствовалъ бы благороднымъ чувствамъ этой молодежи. Да и не нашлось такихъ государственныхъ людей, которые умѣли бы воспользоваться ея честными силами,—въ Германіи были только правители, годные вести обыденныя дѣла; стремленія молодежи были для нихъ глупостью, они не видѣли «серьезнаго зерна подъ дѣтскою игрою.»

Еще въ 1817 году возникавшія политическія общества были самаго легальнаго и невиннаго свойства. Патріоты все еще ожидали и надѣялись. Въ этомъ году Фолленъ составилъ проектъ будущей федеральной конституціи. По этому проекту, Германія должна была быть не союзомъ государствъ, а союзнымъ государствомъ (Bundestaat), въ которомъ не только всѣ представительства, но и всѣ власти из-

бирались бы народомъ, съ лишеніемъ дворянства всякихъ привилегій, а королей—наслѣдственной власти. Фолленъ хотѣлъ, «чтобы званіе королей ничѣмъ не отличалось отъ званія другихъ выборныхъ сановниковъ» (стр. 359). Но инерція правительствъ вскорѣ заставила здѣсь, какъ и во Франціи, ревностныхъ патріотовъ отвернуться отъ придержащихъ властей. Въ Германіи, также какъ и во Франціи, народная партія, потерявъ всякое довѣріе къ правительствамъ, стала сама уклоняться отъ легальнаго пути и искать иныхъ средствъ для осуществленія своихъ желаній. Такъ въ 1818 году, на штаркенбургскомъ собраніи предложенъ былъ на рѣшеніе вопросъ: «не зависитъ ли характеръ факта только отъ субъективныхъ побужденій дѣйствующаго лица»? Дармштадтская молодежь отвѣчала «нѣтъ», но остальные члены собранія сказали «да», и усвоили себѣ этотъ принципъ.

Говоря здѣсь о наклонностяхъ и стремленіяхъ народа, мы разумѣемъ конечно только передовыхъ его людей, патріотовъ, искренно стремившихся къ осуществленію того, что масса сознавала вяло, а въ апатическихъ, погрязшихъ въ однѣ мелочныя нужды слояхъ или вовсе не сознавала, или же умышленно отрицала, стремясь не къ общему благу, а къ своимъ отдѣльнымъ сословнымъ выгодамъ. Къ послѣднему разряду относилось дворянство, къ первому—филистерское большинство горожанъ.

Понятно, что передовые люди и молодежь, составлявшая ихъ армію, видя съ одной стороны неподвижное упорство правительствъ, а съ другой — непроходимую апатію филистерства, — какъ бы отдѣлились отъ большинства и, любя всей душой народъ, презирали массу, ту коснѣющую въ безусловномъ смиреніи массу, для которой великое дѣло отечества представлялось просто газетнымъ писаніемъ и общественнымъ разговоромъ. Не трудно понять, что эти люди были намѣрены облагодѣтельствовать массу, какъ бы «на зло» ей самой, считали себя вправѣ принять на время нравственную диктатуру, тѣмъ болѣе, что они вѣдь не хотѣли дать массѣ какое-либо хитровыдуманное устройство, а хотѣли только возвратить народъ въ его естественное состояніе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ народы, какъ бы первобытны они ни были, если только въ нихъ властъ не захвачена насильно, имѣютъ устройство въ родѣ того, о которомъ мечтали тогда германскіе патріоты. Степень развитія тутъ вовсе ничего не значитъ, такъ какъ и совершенно дикія племена отлично

пользуются подобнымъ, естественнымъ устройствомъ. И такъ то, что требовалось дать народу въ Германіи, было и законно и естественно и желательно для всякаго народа, какова бы ни была степень его развитія. Вотъ почему, если апатическая масса не выказывала ясныхъ стремленій, если она иногда относилась даже враждебно къ стремленіямъ меньшинства, то «юная Германія» имѣла право думать, что это происходитъ отъ незнанія, отъ закоснѣлаго невѣжества и апатіи, которыя только оправдывали ея нравственную диктатуру.

Если «юная Германія» отдѣлилась отъ большинства и стала съ нимъ въ разрѣзъ, то это произошло отъ необходимости. Но было цѣлое сословіе, которое отвратилось не отъ апатіи массы, а отъ всякой общности съ интересами народа. Дворянство громко заявило свои средневѣковыя претензіи, стало стремиться единственно къ своимъ сословнымъ выгодамъ, и въ тоже время поддерживать правительства во всякомъ отрицаніи правъ народа. Высшее дворянство, состоявшее изъ маленькихъ независимыхъ владѣтелей, у которыхъ была отнята верховная власть, вступило въ самый ожесточенный раздоръ съ своими новыми государями, жаловалось на нихъ сейму, требовало предоставленія себѣ титула членовъ имперіи, равенства съ царствующими домами и права имѣть своихъ представителей на сеймѣ. Замѣчательно, что эти медіатизированные князья требовали избранія императора; понятно, что, будучи сами подчинены второстепеннымъ владѣтелямъ, они хотѣли, чтобы и эти были, въ свою очередь, подчинены иной верховной власти. Слабѣйшіе всегда готовы дѣйствовать противъ сильнѣйшихъ въ пользу кого либо одного, самаго сильнаго. На этомъ стремленіи вѣдь создалась въ Европѣ неограниченная монархическая власть. Мы старались во всемъ настоящемъ очеркѣ обращать вниманіе читателя на то, что уже въ то время, о которомъ мы говоримъ, были въ Германіи зачатки всѣхъ тѣхъ стремленій, отношеній и теорій, которыя проявляются нынѣ. Такъ тогдашнее стремленіе медіатизированныхъ владѣтелей къ установленію императорской власти объясняетъ намъ, почему императоръ австрійскій, въ своихъ нынѣшнихъ проектахъ преобразованія, допускаетъ медіатизированныхъ владѣтелей къ участію въ союзной власти; ясно, что онъ предугадываетъ въ нихъ ревностныхъ своихъ слугъ. Вотъ почему также онъ такъ либерально раздаетъ голоса на союзномъ совѣтѣ самымъ мелкимъ владѣтелямъ; понятно, что всѣ они будутъ поддерживать императора противъ второстепенныхъ мо-

парховъ. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, второстепенныя правительства, похитивъ власть у медіатизированныхъ владѣтелей, вовсе не были расположены удовлетворять ихъ притязанія. Дармштадтское правительство, по поводу мысли объ учрежденіи куріи такихъ владѣтелей, имѣющей голоса въ имперскомъ сеймѣ, предложило «собрать эти несчастныя жертвы духа времени въ какую нибудь пустопорожнюю землю, дать имъ надъ нею правительственное право и голосъ отъ нея на имперскомъ сеймѣ, чтобы онѣ утѣшились въ своей потерѣ». Это предложеніе было очень остроумно; но не было, собственно говоря, никакого логическаго основанія не включить въ число этихъ владѣтелей, поселенныхъ на пустопорожней землѣ, и само дармштадтское правительство и многія изъ тридцати шести правительствъ Германіи, если не всѣ. Рядомъ съ высшимъ дворянствомъ и нисшее добивалось возстановленія своихъ привилегій. Оно основало политическое общество — «дворянскую цѣпь» (Adelskette), члены котораго ставили первой обязанностью: «во всѣхъ случаяхъ быть вѣрными, преданными и готовыми на помощь государей», а на самомъ дѣлѣ заботились собственно о своихъ сословныхъ интересахъ. Если кого либо слѣдуетъ винить въ разрывѣ съ народомъ, то именно это сословіе, измѣнявшее народнымъ интересамъ, а не «юную Германію», заботившуюся о нихъ всей душой, но только отдѣлившуюся отъ массы, равнодушной къ своимъ общественнымъ дѣламъ. До какой степени эта масса была апатична, и какъ тяжело было въ ея средѣ людямъ передовымъ, пламеннымъ патріотамъ, это мы обрисуемъ нѣсколькими строками изъ Гервинуса:

Живая молодежь находила въ среднемъ сословіи только лѣнивую глухоту, когда искала его содѣйствія своему торопливому стремленію «сокрушить власть Вавилона и апатичную вялость», и отчаянно мучилась нетерпѣливымъ сомнѣніемъ, когда же начнетъ, и начнетъ ли когда нибудь таять эта «старая ледяная кора». И это мнѣніе людей, еще не имѣвшихъ и совершеннолѣтія, было выведено изъ наблюденіи гораздо болѣе вѣрныхъ, чѣмъ взглядъ зрѣлыхъ государственныхъ людей. Дѣйствительно, нѣмецкій горожанинъ, издавна боязливо привязывавшійся къ своему дому и ремеслу, не имѣлъ до той поры ни привычки, ни времени думать объ общественныхъ дѣлахъ, не имѣлъ ни понятія, ни способности къ тому, чтобъ получить понятіе о судьбахъ и обстоятельствахъ государственнаго быта, почти не имѣлъ понятія и о дѣлахъ своей общины. Онъ съ радостью готовъ былъ уклониться отъ всякой граж-

данской обязанности, и за это радъ былъ бы отказаться отъ всѣхъ гражданскихъ правъ; даже когда появленіемъ сборщика податей напоминалась ему обязанность, ему едва вспоминалось право. Онъ предоставилъ думать о государственныхъ дѣлахъ чиновнику, потому что вѣдь они ввѣрены ему,—хоть и ненавидѣлъ его; точно также онъ, давно забывъ о мысляхъ, сильно подрывавшихъ въ началѣ революціи привычку къ подчиненію и въ Германіи, предоставилъ высшіе почеты и должности въ государствѣ дворянину, хотя и сердился на его привилегированность. Но могущественнѣйшія обстоятельства времени и энергичнѣйшія силы его боролись за интересы этого средняго сословія; инстинктивное чувство такого положенія вещей и раздражало дворянина противъ горожанина, и дѣлало самого горожанина такимъ безпечнымъ къ своему сословному интересу, за который боролось все, кромѣ его самого. Далекій отъ хлопотливости молодежи или дворянства о своихъ интересахъ, онъ не хотѣлъ отдѣляться, подобно имъ, отъ націи, чтобы неправильными средствами работать для своихъ сословныхъ выгодъ; и даже къ общеполезнѣйшимъ государственымъ цѣлямъ не расположенъ былъ онъ идти никакими путями, кромѣ обычнаго, легальнаго. Когда лѣтомъ 1817 г. изъ Гессена и Дармштата была распространяема повсюду чрезвычайно умѣренная просьба объ исполненіи 13 статьи Союзнаго Акта, люди, начавшіе эту агитацію, едва отважились разсчитывать, что соберутъ во всей Германіи 1,000 подписей, и даже въ этомъ скромномъ ожиданіи обманулись до такой степени, что принуждены были совершенно бросить дѣло. Роль и репутація тѣхъ одинокихъ людей изъ его среды, которые являлись бойцами за это право, вообще представлялись массѣ двусмысленными; привыкнувъ молча принимать распоряженія правительства, всѣ находили за лучшее, чтобы само правительство распорядилось дать имъ конституцію, если ужъ надобно быть конституціи; а нужно ли быть ей,—этотъ вопросъ былъ еще нерѣшенный у горожанина, которому твердо было извѣстно, что представительныя собранія стоятъ дорого, а полезны ли они,—еще сомнительно.

Для того, чтобы показать на одномъ, правда на самомъ разительномъ примѣрѣ, до какой степени германскія правительства были расположены сообразоваться съ духомъ времени и вознаградить обѣщанными уступками своихъ подданныхъ, содѣйствовавшихъ къ возстановленію ихъ власти, — мы приведемъ изъ наблюденій Гервинуса въ этомъ смыслѣ надъ отдѣльными государствами тѣ, въ которыхъ излагается положеніе дѣлъ въ курфиршествѣ гессенскомъ.

Какъ будто для того, чтобы въ галлереѣ нѣмецкаго государственнаго быта не было пробѣла ни въ какомъ родѣ картинъ, курфиршество гессенское представило собою картину жанровой живописи, съ тѣми карикатурны-

ми чертами, какія находились въ тагдашней Сардиніи и Испаніи, гдѣ неограниченность государей возстановилась въ самомъ голомъ видѣ. Когда возвращался 70 лѣтній старикъ курфирстъ Вильгельмъ I, народъ внесъ его въ столицу на рукахъ, какъ внесены были короли сардинскій и испанскій; этотъ добродушный, восторженный народъ—и въ старыхъ и въ новыхъ владѣніяхъ курфирста—ликовалъ, что возстановилась его власть, и много лѣтъ праздновалъ день его рожденія съ такими знаками искреннѣйшей привязанности, что вынуждалъ у него признательность. Реставрація, пришедшая съ курфистомъ, явилась въ той простѣйшей формѣ, какъ въ Піемонтѣ: она поступала такъ, будто время отъ 1806 до 1813 года вовсе и не существовало. Какъ въ Піемонтѣ, приверженцы французскаго правительства были подвергнуты подозрѣнію, надзору, были изгнаны, даже арестованы; какъ въ Піемонтѣ, были усердно выкапываемы «люди 1806 года», пробудившіеся послѣ семилѣтней спячки (Siebenschläfer), какъ ихъ прозвалъ народъ. Приказъ, изданный на другой же день по прибытіи курфирста, повелѣвалъ вновь явиться на службу тѣмъ полкамъ, которые были распущены въ ноябрѣ 1806 г. Плацъ-майоръ города Ганау, стѣны котораго были срыты въ 1806 г., получилъ черезъ нѣсколько времени строгій выговоръ за то, что не подаетъ трехмѣсячныхъ отчетовъ «о крѣпости». Войску было велѣно опять носить косу и пудриться, и въ газетахъ былъ напечатанъ приказъ, опредѣлявшій длину косы, по постановленію 1787 г., въ 1 футъ 2 дюйма. Всѣ получившіе должности и титулы при вестфальскомъ правительствѣ были лишены ихъ, всѣ уничтоженные имъ титулы и должности были возстановлены. Отставленные имъ чиновники снова вступили въ должности; профессоръ, опредѣленный имъ, долженъ былъ получить опредѣленіе на должность во второй разъ; президенты превратились въ совѣтниковъ, совѣтники—въ молодыхъ чиновниковъ, состоящихъ еще на испытаніи; библіотекарь Яковъ Гриммъ сталъ опять чиновникомъ военнаго секретарства, и изъ этого званія былъ повышенъ въ секретари посольства. Однимъ изъ первыхъ актовъ было объявленіе, извѣщавшее, что всѣ чужеземныя учрежденія будутъ уничтожены, старое отечественное устройство возстановлено. Государь говорилъ, что по «достойной уваженія привязанности къ старому устройству» онъ хочетъ носить «только почтенное имя курфирста», съ презрѣніемъ отвергаетъ пышные титулы государей, выдуманные Наполеономъ; по ненависти къ французамъ онъ желалъ сдѣлать языкомъ дипломатіи—латинскій. Вестфальскій государственной долгъ не былъ признанъ; всѣ отчужденія короннаго имущества, даже движимаго, были объявлены недѣйствительными, и велѣно было не принимать никакихъ просьбъ о возвращеніи денегъ, заплаченныхъ за покупку этихъ имуществъ или употребленныхъ на ихъ улучшеніе. Наполеоновскій кодексъ и новое судопроизводство были отмѣнены,—и, какъ въ итальянскихъ государствахъ, возстановлена была хаотическая путаница старыхъ законовъ, которые уже хотѣло отмѣнить и старое правительство, еще до вестфальскаго королевства. Отмѣненные

старые налоги и повинности воскресли, крестьянскія обязательныя работы были возстановлены въ размѣрѣ 1805 г.; судебная власть была опять присоединена къ административной, были возстановлены старое цеховое устройство, старая градація ранговъ; было вновь запрещено учиться всякому, кто не сынъ военнаго или чиновника изъ первыхъ семи ранговъ.

По всему этому казалось, что господствующая страсть курфирста— слѣпая ненависть къ французамъ и стремленіе возстановлять безъ разбора все старое; но онъ не заходилъ въ этой страсти до того, чтобы забывать интересы своей власти, а въ особенности своей кассы. Что представляло явную выгоду для него,—напримѣръ вестфальское устройство полиціи, отмѣна патримоніальнаго суда и изъятіе дворянства отъ налоговъ,—то онъ, не колеблясь, сохранялъ и защищалъ самыми смѣлыми теоріями естественнаго государственнаго права, которое вообще такъ бранилъ. Отвергнувъ вестфальскій государственный долгъ, онъ призналъ только старый гессенскій; но вестфальское финансовое управленіе, которое самъ курфирстъ называлъ тонкою системою грабежа, понизило старый долгъ на половину его номинальной цѣны, и ему хотѣлось сохранить эту экономную мѣру, — только сеймъ (1816) не допустилъ этого. Отчужденія коронныхъ земель были объявлены недѣйствительными; но курфирстъ не почелъ нужнымъ отказываться отъ земель, пріобрѣтенныхъ для короны вестфальскимъ правительствомъ. Онъ былъ такъ послѣдователенъ въ своей безпощадной алчности, что не боялся упрека ни въ какой другой непослѣдовательности. Это наслѣдственное качество, которое онъ рекомендовалъ и своимъ преемникамъ, какъ источникъ политическаго значенія и военной силы Гессена, дѣлало совершенно безчувственнымъ его сердце, уже и безъ того загрубѣвшее отъ его педантической солдатчины; алчность не допускала его имѣть никакого мягкаго ощущенія, совершенно притупила въ немъ даже чувство справедливости, которое было не чуждо его натурѣ, и превратила въ прозваніе деспота-мучителя славу хорошаго самодержца, которую надѣялся онъ заслужить при своемъ знаніи дѣлъ и неутомимой дѣятельности. Въ прежнія времена, онъ, хоть и ожесточенный врагъ французской революціи, не давалъ ни одного гульдена въ пособіе голоднымъ французскимъ эмигрантамъ; въ 1807 г. въ Прагѣ онъ держалъ свою спасенную казну на крѣпкомъ замкѣ, ничего не давая своимъ эмигрировавшимъ подданнымъ, терпѣвшимъ нужду. Онъ не краснѣя хотѣлъ расплатиться австрійскимъ банковымъ билетомъ въ 1000 флориновъ (180 р. сер.) съ Дернбергомъ, пытавшимся возстановить его власть. Когда онъ въ 1807 г. жилъ въ Ицегоэ, тамъ его называли «такимъ счетчикомъ, объ удивительномъ талантѣ котораго самъ Ротшильдъ отозвался въ безъискуственныхъ, то есть очень нецеремонныхъ словахъ». Точно такимъ, какимъ былъ прежде, онъ и возвратился. Его корыстолюбіе увеличило до обременительности налоги, которые собирались съ безпощадною требовательностью даже въ голодные 1816—

1817 годы; оно произвело конфискацію проданныхъ коронныхъ имѣній, многіе покупщики которыхъ были силою принуждены арендовать свою прежнюю собственность; оно формально ограбило чиновниковъ, которые внесли по своимъ должностямъ залоги при вестфальскомъ правительствѣ, — поставщиковъ 1815 года, которымъ не выдали денегъ за поставки,—владѣльцевъ винокуренныхъ заводовъ, которыхъ послѣ неурожая 1817 г. заставили взять по покупной цѣнѣ остававшійся у правительства остзейскій хлѣбъ, купленный очень дорого. Изъ той же причины происходило то, что курфирстъ вмѣшивался въ судопроизводство, — напримѣръ, съ насмѣшкою отвергъ рѣшеніе своего верховнаго аппелляціоннаго суда, который призналъ было неосновательнымъ распоряженіе курфирста, чтобы лица, бывшія должными государству и заплатившія свой долгъ при вестфальскомъ правительствѣ, вновь заплатили весь капиталъ долга и проценты съ 1806. Въ удовлетвореніе своей алчности курфирстъ не колебался до крайности унижать свое достоинство, не стыдился и публично выказывать себя продажнымъ. Когда стали отправляться цѣлыя горы жалобъ союзному сейму на его конфискаціи и вмѣшательства въ судопроизводство, онъ въ своихъ отвѣтахъ возражалъ на жалобы «ругательствами» и «искаженіемъ общеизвѣстнѣйшихъ фактовъ».

Когда при разсмотрѣніи событій происходившихъ въ то время въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи, Гервинусъ переходитъ къ Пруссіи, то во взглядѣ его на значеніе и предназначеніе этой державы явно отражается мысль приверженцовъ прусской гегемоніи, прежняя мысль Nationalverein'а. Гервинусъ видитъ въ Пруссіи якорь германскаго единства и основное ядро его. Мысль о прусскомъ предводительствѣ въ союзѣ возникла еще въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія. Уже въ 1800 и 1801 годахъ нѣкоторые политическіе люди подавали прусскому правительству записки въ этомъ смыслѣ, убѣждая его основать новый германскій союзъ подъ руководствомъ Пруссіи. Гервинусъ повидимому относитъ неосуществленіе этой мысли единственно къ нерѣшительности правительствъ и самаго народа.

Ждать отъ времени того, чего другіе ждутъ отъ энергіи,—это называлъ привычкою австрійскаго двора одинъ изъ французовъ наполеоновскаго времени; упрямо держаться въ пассивной и нейтральной роли, имѣть рѣшимость не принимать никакого рѣшенія,—это называлъ другой Французъ всею суммою прусской политической премудрости. Въ Пруссіи какъ будто ждали, что все желаемое должно приходить само собою; не понимали того рѣзкаго совѣта, который нѣкогда далъ берлинскому кабинету шведъ графъ Шлиппенбахъ: съ тѣхъ поръ, какъ богъ не гла-

голетъ съ нами устами пророковъ, божескимъ призваніемъ надобно считать благопріятность случая; въ Пруссіи никогда не были готовы схватить за косу быстро пролетающую богиню счастья,—надѣялись, что получатъ отъ нея больше, если будутъ неподвижно смотрѣть, какъ она пролетаетъ. Эта нерѣшительность была виною того, что Германія, имѣя такія основательныя причины надѣяться на Пруссію, испытывала отъ нея все больше и больше разочарованій, доводившихъ до отчаянія, даже до вражды. Порицаніе за то, падавшее всегда только на прусскихъ государей, не всегда принимало въ надлежащій разсчетъ обстоятельства, вліяніемъ которыхъ опредѣлился характеръ и этихъ государей и ихъ подданныхъ. Наши современники видѣли, что и прусскій народъ, съ 1813 получившій вліяніе на судьбу государства, пассивно ждалъ конституціи цѣлые десятки лѣтъ и съ тупымъ равнодушіемъ упустилъ случай занять великое положеніе въ Германіи. Это потому, что въ пруссакахъ, какъ во всѣхъ нѣмцахъ, неистощимость терпѣнія равняется непобѣдимой неохотѣ дѣйствовать подъ собственною отвѣтственностью безъ разрѣшенія.

Но и въ характерѣ правительствъ прусскихъ и самаго прусскаго государства лежатъ другія свойства, препятствующія Пруссіи исполнить возлагаемую на нее великую задачу. Препятствія къ этому, заключающіяся въ характерѣ прусскихъ правительствъ, вполнѣ уясняются изъ той рѣзкой характеристики Гогенцоллерновъ, которую мы находимъ у самаго Гервинуса и которую мы считаемъ излишнимъ приводить. Извѣстно, что образъ дѣйствій прусскихъ правительствъ отвратилъ отъ Пруссіи сочувствіе Германіи и что, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, самъ Nationalverein отказался отъ своихъ надеждъ на Пруссію. Но и въ самомъ происхожденіи, самой сущности прусскаго государства лежатъ причины, дѣлающія его неспособнымъ къ созданію германскаго единства. Ни къ какому государству непримѣнимо такъ вполнѣ названіе «географическаго выраженія» какъ къ прусскому. Если Австрія есть только «историческое выраженіе», то Пруссія—не болѣе, какъ выраженіе географическое. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Пруссія, гдѣ естественные ея предѣлы? Втеченіи полутора вѣка, она перебывала: небольшимъ государствомъ вассальнымъ Польшѣ, завоевательнымъ фридриховскимъ королевствомъ, похитившимъ у Австріи Силезію и поглотившимъ всю Великую Польшу, ничтожнымъ по силѣ государствомъ, которое Наполеонъ I хотѣлъ сгладить съ лица земли и оставилъ только по просьбамъ императора Александра, и большою, но внутренно—слабой монархіей, захватив-

шей у Германіи Саксонію и огромныя земли до Рейна, вторгнувшеюся даже за Рейнъ, съ опасностью для самаго центра Франціи. Австрія создана наслѣдственнымъ династическимъ правомъ и вѣковыми завоеваніями; Пруссія въ ея нынѣшнемъ видѣ — простыми соглашеніями кабинетовъ, заключенными въ видахъ междугосударственной эквилибристики. Если Пруссія хочетъ вступить въ плотное единство съ Германіей, то она должна исчезнуть въ ней, перестать быть Пруссіей, то есть сборомъ 18 милліоновъ жителей, связанныхъ одними трактатами. Нѣмецкіе писатели, въ числѣ ихъ и Гервинусъ, видятъ въ завоевательномъ, колонизирующемъ и германизирующемъ стремленіи Пруссіи на славянскій востокъ великую германскую заслугу этого государства. Но на стремленіи къ отрицанію принципа національности нельзя создать національнаго торжества. Это стремленіе могло обратить Пруссію въ военный лагерь съ лагернымъ устройствомъ внутри и понынѣ удерживать ее въ этомъ положеніи; но оно не дозволяетъ ей сдѣлаться притягательно - свободнымъ государствомъ и сыграть роль германскаго Пьемонта. Прусское государство стоитъ между двумя противорѣчіями: для того чтобы привлечь къ себѣ Германію, оно должно отрицать тѣ самые принципы, которые его создали и посредствомъ которыхъ оно доселѣ исполняетъ на востокѣ ту «великую германскую завоевательную миссію», въ которой Гервинусъ видитъ его защиту. Политика Пруссіи на западѣ должна была бы противорѣчить ея политикѣ на востокѣ. Всѣ неславянскіе подданные Пруссіи совершенно чужды германскаго интереса и всегда будутъ представлять собою цѣпь, которая препятствуетъ одной изъ ея ногъ послѣдовать за другой на пути къ созданію либеральнаго германскаго единства. Границы германской національности на востокѣ, въ восточной Пруссіи, въ Силезіи и Познани—такъ неопредѣленны, что никакъ нельзя сказать, гдѣ она оканчивается. Это населеніе несплошно, земли эти, поглощенныя германскимъ элементомъ, далеко еще не переварены имъ. Пруссію можно сравнить съ морскимъ берегомъ, состоящимъ изъ рыхлаго песку и мягкой глины, безпрерывно то наносимыхъ, то размываемыхъ волнами, неимѣющихъ никакой плотности и окончательной связи между собой. На такой неустойчивой почвѣ нельзя возвесть храма великаго германскаго единства.

Л. П—скій.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ ШТАТЫ ВЪ 1863 ГОДУ.

Letters on American Republic, by Balmes. 1863.

Les États-Unis d'Amerique en 1883 par John Bigelow, consul des États-Unis à Paris. 1 vol. 1863.

Нельзя не удивляться тѣмъ огромнымъ средствамъ и неистощимой энергіи, которыя обнаружили Соединенные штаты въ настоящую войну между собою; нельзя не удивляться силѣ и благоразумію тѣхъ учрежденій, которыя подняли націю на такую высокую степень общественнаго благосостоянія.

Когда окончилась великая война за независимость Америки въ концѣ прошлаго вѣка, штаты очутились въ самомъ жалкомъ положеніи: страна была раззорена, государственный долгъ въ 80 мил. долларовъ тяготѣлъ надъ ней, кредитъ упалъ, бумажныя деньги считались нипочемъ, такъ что умѣренный завтракъ стоилъ до 500 долларовъ ассигнаціями; отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, недостатокъ въ войскахъ для пограничныхъ гарнизоновъ, набѣги индійцевъ, внутреннія смуты, равнодушіе штатовъ къ своимъ интересамъ, интриги приверженцевъ Англіи — все, казалось, предвѣщало близкій конецъ новой республики: враги ея смотрѣли съ радостью на ея паденіе,—но ожиданія ихъ не сбылись...

Въ настоящее время 34 соединенныхъ штата, 7 территорій и округъ Колумбія занимаютъ пространство около 3,230,000 кв.

миль съ 32 м. населенія, тогда какъ въ 1783 году Республика заключала въ себѣ 820 т. миль при 4 м. жителей; такое быстрое увеличеніе населенія нельзя приписать ни эмиграціи, ни присоединенію новыхъ областей, потому что земли, вошедшія въ составъ союза отъ 1850 до 1861 включительно имѣли около 900 т. жителей, а эмигрантовъ въ послѣднія 76 лѣтъ прибыло не болѣе 5 ½ мил., а между тѣмъ населеніе въ десятилѣтіе отъ 1850 до 1860 прибавилось слишкомъ на 8 м. Причины, содѣйствующія такому размноженію, безъ сомнѣнія, заключаются въ характерѣ внутреннихъ учрежденій страны. Просторъ, данный общественной дѣятельности, равенство правъ и политическая свобода — вотъ что вывело Америку на торную дорогу развитія. Американскій работникъ ѣстъ и пьетъ хорошо, съ малолѣтства учится думать самостоятельно и привыкаетъ не падать духомъ при неудачѣ; онъ знаетъ, что его никто не притѣснитъ, не обидитъ, что благодарная почва съ избыткомъ вознаградитъ его за труды, что ни онъ, ни семейство его не умрутъ съ голоду, не останутся безъ воспитанія — и онъ смѣло женится.

Въ настоящее время считается неоспоримой истиной, что здоровая и хорошая пища играетъ важную роль въ умственномъ развитіи человѣка, не говоря уже объ укрѣпленіи его физическихъ силъ; поэтому распространеніе фермерства, большое количество домашняго скота, изобиліе дичи и рыбы представляютъ вѣрныя условія для быстраго размноженія здороваго народонаселенія.

Изъ слѣдующей таблицы читатель увидитъ, въ какой мѣрѣ эти данныя прилагаются къ штатамъ: *)

Въ 1860 году считалось:

Лошадей. . . .	7,300,000
Муловъ иословъ .	1,300,000
Коровъ	8,700,000
Быковъ рабочихъ .	2,250,000
Барановъ. . . .	24,000,000
Свиней	39,000.000
Прочихъ животн. .	18,000,000

Цѣнн. всѣхъ этихъ животныхъ простиралась до 2 мильярдовъ долл.; цѣнность мяса убитыхъ животн. простирает. до 12 м.

*) Какъ въ этой таблицѣ, такъ и вообще при всѣхъ вычисленіяхъ, мы беремъ круглыя цифры, приблизительно.

Изъ этого громаднаго числа однихъ свиней убивается до 3 мил. штукъ каждую зиму; что касается до молока, то, кромѣ употребляемаго въ пищу въ натуральномъ видѣ, изъ него выдѣлываютъ ежегодно до 460 м. фунтовъ масла и до 105 м. фунтовъ сыру; прибавьте къ этому множество дикихъ животныхъ: буйволовъ, козъ и т. п. и безчисленныя стаи голубей и другихъ птицъ и рыбъ, населяющихъ необозримыя лѣса и рѣки Америки *), и вы получите довольно точное понятіе о тѣхъ неистощимыхъ средствахъ, которыя охота, скотоводство и рыболовство представляютъ жителямъ.

Но все это было бы недостаточно для внутренняго развитія, еслибъ американцы предались исключительно только этимъ промысламъ; нѣтъ, они поняли, что главное богатство ихъ въ обработкѣ почвы и въ торговлѣ, и поспѣшили воздѣлать возможно-большее пространство земли и покрыть страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ (33 т. миль, не считая большой дороги для соединенія двухъ океановъ). Число фермъ въ 1850 простиралось до 1 $^1/_2$ милліона; онѣ заключали въ себѣ 113 м. акровъ воздѣланной земли и 180 м. невоздѣланной; черезъ десять лѣтъ число это измѣнилось: первой стало 163 м., а второй 246 м.; но не надо забывать, что въ это время были присоединены области пространствомъ около 500 т. кв. миль. Машинъ и земледѣльческихъ орудій на всѣхъ фермахъ считалось въ 1860 году на 247 м. долларовъ. Не смотря на всѣ эти успѣхи, еще большее количество необработанной земли составляетъ государственную собственность; чтобъ избѣжать этого неудобства, президентъ Линкольнъ издалъ въ прошломъ году декретъ, вслѣдствіе котораго почти всѣ казенныя земли (1,450,000,000 акровъ) были раздѣлены на участки по 160 акровъ каждый, съ правомъ пользоваться ими всякому, желающему сдѣлаться гражданиномъ Соединенныхъ штатовъ, съ тѣмъ чтобъ онъ въ теченіи пяти лѣтъ обработывалъ свой участокъ; по истеченіи ихъ онъ становится его собственностью. Черезъ каждые 6 квадратныхъ миль отводится участокъ въ 1280 акровъ для продажи и содержанія на эти деньги даровыхъ школъ.

Съ этой же цѣлью конгрессъ старается заохотить индійцевъ къ

---

*) Продуктъ рыбной ловли оцѣнивался въ 1860 году въ 13 м. долл.; число дикихъ голубей невѣроятно: по вычисленіямъ Одюбона до 1,100,000,000 въ стаѣ; бываютъ года, что продаютъ по центу штуку.

цивилизаціи; каждому изъ нихъ, желающему поселиться на земляхъ, отведенныхъ правительствомъ, дается до 80 акровъ, а за землю взятую у нихъ платятся деньги, которыя образуютъ индійскій фондъ (около 3 $^{1}/_{2}$ м. долл.); проценты съ него переселившіеся индійцы получаютъ каждый годъ акуратно вмѣстѣ съ небольшими подарками. Такимъ образомъ ненавистная система истребленія, описанная Токвилемъ, исчезла съ 1858 года. Ирокезы, грики, шактаусы оказали замѣчательные успѣхи въ цивилизаціи; они составляютъ какъ бы отдѣльныя націи подъ покровительствомъ штатовъ. Другіе индійцы идутъ по слѣдамъ ихъ: они владѣютъ 240 фермами съ 6 т. акровъ обработанной земли; цѣнность земледѣльческихъ орудій и прочей движимой собственности простирается до 4 $^{1}/_{2}$ м. долларовъ; 162 школы показываютъ, что индійцы не пренебрегаютъ европейскимъ образованіемъ.

Вообще образованіе составляетъ самую жизненную стихію въ Америкѣ. Общее число учениковъ простирается до 6 м., рѣдкій изъ жителей Новой-Англіи не знаетъ читать и писать; но грамотность слабѣетъ по мѣрѣ приближенія къ югу, въ центральныхъ штатахъ—отъ наплыва эмигрантовъ, въ южныхъ—отъ разбросанности населенія, отъ запрещенія учить негровъ и отъ бѣдности и зависимости бѣлыхъ работниковъ отъ плантаторовъ.

Слѣдующая таблица служитъ фактическимъ доказательствомъ справедливости этихъ выводовъ.

	Число дѣтей. отъ 5 до 20 л.	Число учен.
Менъ.	208,000	151,000
Нью-Гэмпширъ. . .	112,000	85,000
Вермонтъ. . . .	96,000	90,000
Мессечесетсъ. . .	283,000	203,000
Родъ-Айландъ. . .	35,000	25,000
Кеннектикетъ. . .	111,000	71,000
Нью-Іоркъ. . . .	1,158,000	830,000
Мерилэндъ. . . .	186,000	33,000
Делауэръ. . . .	31,000	10,000
Виргинія. . . .	414,000	41,000
Сѣверная Каролина .	245,000	150,000

Южная Каролина. .	114,000	19,000
Миссисипи. . . .	184,000	18,000
Георгія.	275,000	77,000

Многіе штаты, особенно на сѣверѣ не ограничиваются однимъ первоначальнымъ даровымъ воспитаніемъ, но дозволяютъ ученику рядомъ постепенныхъ экзаменовъ достигать высшаго образованія, наравнѣ съ дѣтьми богатѣйшихъ гражданъ.

Изъ числа 130 коллегій многіе могутъ поспорить съ лучшими университетами, тогда какъ другія довольствуются преподаваніемъ математики и элементарнымъ изложеніемъ прочихъ наукъ. Что касается до университетовъ, въ нѣкоторыхъ штатахъ существуютъ они, но общаго для всей Республики нѣтъ. Достоинство этихъ заведеній весьма различно: одни оправдываютъ свое названіе, другіе равняются только съ лучшими коллегіями. Кромѣ того штаты имѣютъ болѣе 20 спеціальныхъ школъ, независимо отъ многочисленныхъ кафедръ медицины и юридическаго права при коллегіяхъ (23 юрид. шк. и 45 медиц.); пансіоновъ насчитывается до 17 т.; заведеній для глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и идіотовъ около 50, въ которыхъ воспитывается до 7 т. человѣкъ. Вся сумма издержекъ на образованіе простирается до 43 м. долларовъ, т. е. до 58,750,000 р.

Разумѣется, такое обобщеніе знаній, направленныхъ къ строгимъ практическимъ цѣлямъ, отразилось и въ литературѣ: «Хижина дяди Тома» разошлась въ числѣ 310 т. экземпляровъ; «Чудеса Міра» Сирса (Sears) въ 100 т.; «Фонарщикъ» (Allumeur de reverbères) въ 90 т.; «Изслѣдованіе полярныхъ странъ» Кэна (Cane) въ 65 т. Учебныя книги расходятся еще въ большемъ количествѣ: азбукъ Уэбстера (Webster) покупается до милліона ежегодно; начальныхъ словарей его до ста тысячь; математическихъ книгъ Дэвиса (Davies) было продано въ одинъ 1857 годъ до 300 т., также какъ и христоматій Сандерса. Вообще же всѣхъ книгъ и журналовъ печатается ежегодно до 927 мил. экземпляровъ, на сумму 40 м. долларовъ. Число журналовъ простирается до 4000; изъ нихъ десятая часть ежедневныхъ; $^{4}/_{5}$ всего числа занимаются преимущественно политикой.

Такое состояніе журналистики объясняется политическимъ развитіемъ націи; управленіе находится въ рукахъ народа: онъ выбираетъ законодателей и власть исполнительную; онъ внимательно слѣдитъ

въ исполненіи закона и въ тоже время производитъ приговоръ за нарушеніе его; онъ ревниво наблюдаетъ за сохраненіемъ своихъ прерогативъ и интересуется внутренними и внѣшними событіями; журналистика удовлетворяетъ этимъ требованіямъ и потому пользуется огромнымъ сочувствіемъ: журналъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ потребностей американца: едва основывается какая нибудь колонія, какъ тотчасъ же является нѣсколько политическихъ органовъ; такъ въ Калифорніи въ настоящее время насчитывается болѣе 100 журналовъ, а въ Техасѣ болѣе 80.

Понятно, что при такомъ внутреннемъ развитіи, при тѣхъ благопріятныхъ данныхъ, которыя представляютъ мѣстныя условія и политическія учрежденія страны, американцы должны были сдѣлаться замѣчательнѣйшимъ торговымъ народомъ. Дѣйствительно, разсматривая береговую линію, увидимъ, что она безпрестанно представляетъ обширные глубокіе порты, въ которыхъ легко можетъ укрыться многочисленный торговый флотъ; пять большихъ озеръ посредствомъ искуственныхъ работъ соединяютъ бассейнъ Миссисипи съ Атлантическимъ океаномъ; съ другой стороны эта громадная рѣка представляетъ превосходный водяной путь для внутренняго рынка; Тихій океанъ имѣетъ свои притоки: Колумбію, Сакраменто и другіе; большая часть изъ нихъ доступна кораблямъ большаго размѣра (200—300 тоннъ) верстъ на 200 отъ устья; выше же ходятъ только мелкіе пароходы и плоскодонныя суда.

Но всѣ эти удобства не значили бы ничего, еслибъ эту страну населяла нація, развращенная въ политическомъ отношеніи подобно Турціи, или въ религіозномъ подобно Испаніи; но тамъ живетъ народъ, съумѣвшій обезпечить себѣ свободную жизнь и употребить свои силы въ дѣло. Природа дала Американцу много, но онъ съумѣлъ взять отъ нея еще больше. Токвиль весьма справедливо приписываетъ торговое величіе штатовъ причинамъ скорѣе нравственнымъ, чѣмъ физическимъ. «Житель сѣверной республики, говоритъ онъ, научается съ рожденія, что онъ долженъ опираться на самого себя, чтобъ бороться съ трудностями жизни; онъ призываетъ власть только въ случаѣ крайней необходимости. Это становится замѣтно съ школы, гдѣ дѣти даже въ играхъ подчиняются правиламъ, ими установленнымъ, и сами наказываютъ за нарушеніе

ихъ *). Тотъ же духъ виденъ во всѣхъ общественныхъ дѣйствіяхъ: ассоціаціи встрѣчаются на каждомъ шагу въ видахъ общественной безопасности, торговли, промышленности, нравственности и религіи... Едва вы вступите на почву Америки, какъ очутитесь посреди какого-то водоворота; смутный шумъ подымается со всѣхъ сторонъ, тысячи голосовъ въ одно и тоже время поражаютъ слухъ вашъ и всякій служитъ выраженіемъ какой нибудь общественной потребности; вокругъ васъ все движется: тамъ народъ собрался для разсужденій—слѣдуетъ ли строить церковь, тамъ для выбора депутата, тамъ выборные округа спѣшатъ въ городъ разузнать о мѣстныхъ нуждахъ; дальше земледѣльцы, бросивъ плугъ, толкуютъ о планѣ дороги или школы; еще дальше граждане сбираются, чтобъ выразить неудовольствіе противъ членовъ правительства—тогда какъ въ другомъ мѣстѣ провозглашаютъ ихъ отцами отечества... До какой степени политическая жизнь занимаетъ гражданина Соединенныхъ штатовъ, видно изъ того, что даже женщины ходятъ на митинги развлекаться отъ хозяйственныхъ хлопотъ: для нихъ клубы до извѣстной степени замѣняютъ спектакли... Эта дѣятельность, безпрестанно рождающаяся, переходитъ потомъ въ сферу частной жизни; я не сомнѣваюсь, чтобъ демократическія учрежденія вмѣстѣ съ физическими условіями страны не были причиной громаднаго индустріальнаго движенія штатовъ. Эта кипучая жизнь, это умѣнье распорядиться временемъ отражаются и въ торговлѣ. Еще не утихла буря, а ужъ американецъ смѣло пускается въ море; препятствія не останавливаютъ его; онъ бодро переноситъ нужду и лишенія, но не отклоняется отъ цѣли своего плаванія; продавъ товаръ, онъ спѣшитъ нагрузиться и вернуться домой, чтобъ снова приняться за какое нибудь ремесло. Въ Америкѣ мало спеціалистовъ; многимъ приходится самимъ обработывать свое поле, строить жилище, выдѣлывать ткань для одежды и орудія для работы; нигдѣ нѣтъ такого удобства для перемѣны профессій, и американецъ этимъ пользуется: онъ не связанъ никакими привычками, никакими преданіями; вокругъ него все движется и улучшается; идея новаго соединена въ его умѣ

---

*) Такъ въ бостонскомъ пріютѣ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ для разрѣшенія сомнительныхъ обстоятельствъ и для суда за нарушеніе дисциплины назначаютъ изъ дѣтей 12 присяжныхъ. Право участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ дается въ награду за хорошее поведеніе.

съ идеей прогресса; банкротства и неудачи не устрашаютъ его, не отвращаютъ отъ рискованныхъ предпріятій; а быстрое перемѣщеніе капиталовъ позволяетъ производить тѣ громадныя коммерческія операціи, которыя доставили націи настоящее ея благосостояніе и богатство».

Вотъ нѣсколько данныхъ промышленнаго и торговаго движенія въ штатахъ.

Цѣнность всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій и добычи, получаемой отъ разработки рудниковъ, простиралась въ 1860 до 1,900,000,000 долларовъ.

Вывозъ въ томъ же году былъ болѣе чѣмъ на 400 м., а привозъ на 360 м.

Вмѣстимость всѣхъ судовъ превышаетъ полтора милліона тоннъ.

Добывается:

Пшеницы . .	170,000,000 мѣръ	(boisseaux, нѣсколько менѣе четв. и 3 гарнц. = 36 мет. 35 сантим.)
Ржи. . . .	20,000,000 —	
Маиса. . . .	830,000,000 —	
Овса	172,000,000 —	
Картофелю. .	150,000,000 —	
Табаку . . .	430,000,000 фунт.	(livres нѣсколько болѣе фунта и 2 лотовъ = 435 грам. 414 миллиграм.)
Рису	187,000,000 —	

Хлопчатой бумаги 5,000,000 тюковъ по 400 фунт. каждый.

Желѣза листового и въ полосахъ 1,300,000 тоннъ.

Каменнаго угля 15,000,000 тоннъ.

Нефти 43,000,000 литровъ.

Вывозится:

Китоваго жиру, костей, соленой, копченой рыбы и т. п. на сумму 4,500,000

Дерева, досокъ, смолы, дегтю, кожъ, мѣховъ и т. п. на сумму 10,000,000

Мяса, масла, сыру, хлѣба, рису, картофеля, хлопчатой бумаги, на сумму	34,000,000
Табаку, пеньки, льнянаго сѣмени, невыдѣланнаго сахару, хмѣлю, на сумму.	150,000,000
Мануфактурныхъ произведеній	36,000,000

Льду ежегодно вывозится до 150,000 тоннъ на 860 корабляхъ; торговля имъ чрезвычайно распространяется: въ 1846 считалось только 170 кораблей.

Таможенный сборъ штатовъ доходитъ до 50 м. долларовъ.

Но не смотря на такія блестящія доказательства превосходства существующаго порядка, Республика не могла развиваться на прежнихъ началахъ, пока въ нѣдрахъ ея существовало рабство.

Первое условіе федераціи—общность интересовъ: а ея не могло быть при противоположности принциповъ, раздѣлявшихъ сѣверные штаты отъ южныхъ; съ одной стороны—мирная колонизація и вольный трудъ, съ другой—завоевательная политика и трудъ обязательный; здѣсь—демократія и уваженіе къ закону; тамъ—стремленіе къ олигархіи и наглый произволъ плантатаровъ. Ясно, что федерація не могла существовать при этомъ антогонизмѣ; чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ становился рѣзче: борьба дѣлалась неизбѣжна, и надо только удивляться одному, что она не вспыхнула раньше,—а между тѣмъ съ перваго взгляда казалось, что рабство не только не повлечетъ за собой такихъ страшныхъ послѣдствій, но даже уничтожится само собой.

Дѣйствительно, въ 1776 конгрессъ запретилъ привозъ негровъ; но черезъ 12 лѣтъ послѣ того при редакціи американской конституціи было положено, что торгъ невольниками окончательно долженъ уничтожиться въ 1808 году. Георгія прекратила его въ 1798.

При народной переписи, сдѣланной въ 1790 году, оказалось, что всѣ штаты, кромѣ Массочусета, имѣли невольниковъ около 700 т.; правда, въ Вермонтѣ ихъ было только 17 человѣкъ, а въ Нью-Гемпширѣ 158. Общественное мнѣніе въ то время неблагопріятствовало рабству; нѣкоторые южные штаты стояли въ этомъ случаѣ впереди сѣвера: декретъ 87 года, воспрещавшій невольничество на сѣверо-западѣ, прошелъ, благодаря ихъ усиліямъ. Вермонтъ уничтожилъ рабство еще въ 1777 году; Пенсильванія черезъ три года потомъ приняла мѣры къ постепенному его уничтоженію, такъ что въ этомъ

штатѣ въ 1840 году считалось только 64 негра, тогда какъ за 50 лѣтъ назадъ ихъ было 3 т.; въ Родъ - Айландѣ ихъ оставалось только 5, а въ Коннектикетѣ 17; въ Нью-Джерзеѣ изъ 11 т. считавшихся въ 90 году осталось черезъ 60 лѣтъ 236; Нью-Йоркъ въ 1817 объявилъ всѣхъ негровъ въ штатѣ свободными.

Знаменитѣйшіе люди республики всегда были противъ рабства: Уашингтонъ, Джеферсонъ, Франклинъ и многіе другіе видѣли въ немъ страшное зло, несообразность съ началами, изложенными въ декларацiи. Они надѣялись, что оно будетъ уменьшаться по мѣрѣ развитія цивилизацiи и наконецъ исчезнетъ совершенно; эти надежды и трудности уничтожить рабство немедленно заставили ихъ не только дозволить существованіе его, но еще соединить съ нимъ нѣкоторыя политическія преимущества для плантаторовъ: такъ, каждые 5 негровъ равнялись тремъ бѣлымъ относительно политическаго распредѣленія правъ штатовъ. Эта привиллегія стянула власть въ руки рабовладѣльцевъ и грозила порожденіемъ олигархіи.

Но если съ одной стороны сильная партія поддерживала невольничество, за то съ другой аболиціонистскія общества обнаружили свою дѣятельность при самомъ началѣ войны за независимость. Первое изъ нихъ, основанное въ 1775 году въ Пенсильваніи подъ предсѣдательствомъ Франклина, обратилось въ 1790 году съ просьбой къ конгрессу озаботиться прiисканіемъ средствъ къ освобожденiю націи отъ учрежденія, несогласнаго съ ея гражданскими принципами. По примѣру его были основаны общества въ Нью - Йоркѣ, Родъ-Айландѣ, Коннектикетѣ, Делауэрѣ, Мериландѣ и Виргиніи. Усилія ихъ весьма много способствовали къ уничтоженiю рабства въ сѣверныхъ штатахъ.

Между тѣмъ изобрѣтеніе машины для очищенія хлопка придало обязательному труду огромное значеніе; выдѣлка хлопчатой бумаги распространилась съ необыкновенной быстротой; личные интересы плантаторовъ скоро измѣнили филантропическія тенденціи меньшинства на югѣ; первые президенты (кромѣ Адамса) были изъ рабовладѣльческихъ штатовъ и поневолѣ должны были поддерживать учрежденіе, которое давало имъ власть и обезпечивало вліяніе ихъ избирателей. Въ самыхъ смѣлыхъ выходкахъ противъ рабства они не уничтожали его окончательно, потому что оставляли одинъ изъ его источниковъ: обращеніе въ неволю за извѣстные преступленія. Такимъ образомъ они къ неграмъ прибавляли еще бѣлыхъ рабовъ, не

говоря уже о тѣхъ несчастныхъ, которые по закону считались свободными, хотя на дѣлѣ были тѣ же невольники, порабощенные капиталомъ плантаторовъ. Послѣдніе для поддержанія своего превосходства не пренебрегали никаками средствами.

Едва рабство пало въ сѣверныхъ штатахъ, положеніе обѣихъ партій сдѣлалось опредѣленнѣе: всякое покушеніе измѣнить существующій порядокъ вещей принималось югомъ съ ропотомъ и угрозами; на всякое присоединеніе свободнаго штата онъ отвѣчалъ присоединеніемъ невольничьяго: Вермонтъ и Кентекки, Тенесси и Огайо, Луизіана и Индіана, Иллиносъ и Миссисипи взаимно уравновѣшивали другъ друга. Въ 1818 году конгрессъ утвердилъ конституцію Алабамы, нисколько не ограничивавшую рабство; подобную же конституцію хотѣли ввести въ Миссури; Джемсъ Толмеджъ (Tallmadge) представилъ измѣненіе, запрещавшее новое введеніе негровъ и освобождавшее всѣхъ дѣтей по достиженіи ими 25-ти лѣтняго возраста... Ораторы юга возстали:—«Вы зажигаете пожаръ, который можетъ потушить только океанъ крови», воскликнулъ Коббъ.—«Вы угрожаете расторженіемъ союза, междоусобной войной, отвѣчалъ Тольмеджъ:— пускай! пока я живъ, всякая минута моего существованія будетъ посвящена защитѣ человѣческой свободы, и если для потушенія пожара, который я невольно зажегъ, нужна кровь,— я готовъ отдать всю свою». Проэктъ Толмеджа былъ принятъ, но сенатъ отвергнулъ его. Общественное мнѣніе было возбуждено такимъ поступкомъ. Пенсильванія обратилась съ циркуляромъ къ штатамъ, умоляя ихъ «не содѣйствовать преступленію»; центральные штаты, Огайо, Индіана и многіе округи Новой - Англіи выразились противъ рабства... Слѣдствіемъ былъ извѣстный миссурійскій компромиссъ: рабство къ сѣверу отъ 36° 30′ было на будущее время запрещено.

Нѣсколько времени прошло спокойно; единственнымъ органомъ аболиціонистовъ былъ маленькій журналъ: «Геній всемірной эманципаціи», издававшійся въ Балтиморѣ; но съ 1831 движеніе получило новую силу: Уильямъ Лойдъ Гаррисонъ основалъ журналъ: «Освободитель»; онъ утверждалъ, что владѣть рабами значитъ оскорблять Бога и человѣчество, что рабство грязнитъ честь американскаго общества, что только самый развращенный человѣкъ и такой же рабъ, какъ и черный негръ, можетъ находить выгоду въ этомъ отвратительномъ учрежденіи. Благодаря литературной пропагандѣ, аболиціонистскія общества быстро размножались: дѣйствіе

свое они основывали на вліяніи нравственномъ и религіозномъ, отвергая право конгресса вмѣшиваться во внутреннія распоряженія штатовъ относительно невольничества. Проповѣди этихъ обществъ, ихъ журналы, публичныя чтенія, коллективныя прошенія къ конгрессу скоро доставили имъ большое число прозелитовъ и возбудили сильный антагонизмъ на югѣ: законодательныя собранія Виргиніи, Сѣверной и Южной Каролины, Георгіи, Алабамы и нѣкоторыхъ другихъ штатовъ обратились съ адресами къ конгрессу, прося его запретить печатаніе аболиціонистскихъ брошюръ. Пренія были бурныя: вопросъ касался коренныхъ интересовъ американской конституціи — свободы прессы. Джонъ Кинси Адамсъ явился ея защитникомъ и рабовладѣльцы потерпѣли пораженіе.

Между тѣмъ среди аболиціонистовъ возникло разногласіе: одни подъ предводительствомъ Гаррисона и Филипса говорили, что уступки конституціи по вопросу о рабствѣ были безнравственны и что, слѣдовательно, безнравственно клясться поддерживать ее или принимать какую нибудь должность, пока будетъ существотать «этотъ договоръ съ адомъ, союзъ съ смертью». Другіе напротивъ того приписывали конгрессу право уничтожить рабство и стремились къ этому всѣми конституціонными путями. Эта партія основала американско-иностранное общество для уничтоженія невольничества; члены его образовали большинство такъ называемой либеральной партіи, которая вскорѣ была поглощена партіей свободной почвы, возникшей съ цѣлью остановить распространеніе рабства во вновь пріобрѣтенныхъ территоріяхъ, потому что югъ, видя, что ему нельзя создавать рабовладѣльческіе штаты на сѣверо-западѣ вслѣдствіе миссурійскаго компромиса, обратилъ свои взоры на Мексику и Кубу. «Мы собрались, говорила партія свободной почвы въ своей деклараціи, для того, чтобъ защищать право свободнаго труда противъ нападеній рабовладѣльцевъ, чтобы доставить свободную землю свободному народу... Единственное вѣрное средство предупредить распространеніе невольничества — запретить его въ территоріяхъ, въ настоящее время свободныхъ. Мы принимаемъ на себя всѣ послѣдствія мѣры, которую рабовладѣльческіе штаты принудили принять насъ»...

Въ это время въ Калифорніи открыли золото, и наплывъ населенія въ нее сдѣлался такъ силенъ, что она скоро могла быть принята въ число штатовъ. Вопросъ объ этомъ поднялъ сильную бурю на конгрессѣ, потому что новый штатъ исключалъ невольничество

изъ своей конституціи. Югъ противился всѣми силами; нѣкоторые предлагали двухъ президентовъ: одного отъ свободныхъ штатовъ, другого отъ рабовладѣльческихъ; вопросъ еще болѣе запутался просьбами новой Мексики о допущеніи въ число штатовъ Техаса и о расширеніи западной границы. Дѣло кончилось компромисомъ Клея, который предложилъ признать Калифорнію свободнымъ штатомъ, уничтожить невольничій торгъ въ Колумбіи, предоставить Новой Мексикѣ рѣшить самой вопросъ о неграхъ, и издать законъ о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ.

Эти споры вызвали все, что можно было сказать въ защиту рабства и противъ него; аболиціонисты блистательно доказали не только безнравственность невольничества съ философской точки зрѣнія, но и вредъ его въ политическомъ и экономическомъ отношеніи. Въ 1790 году Нью-Йоркъ заключалъ 340 т. жителей, а Виргинія 760 т.; черезъ 60 лѣтъ въ первомъ было 3,100,000, во второй 1,400,000; цѣнность движимой и недвижимой собственности простиралась въ ней (считая негровъ) до 390 м. долларовъ, а въ Нью-Йоркѣ до 1080 м. Массачусетъ въ 1790 на пространствѣ въ 7800 квадр. миль содержалъ въ себѣ 380 т. жителей, а Сѣверная Каролина 390 т. на пространствѣ въ 50,900 кв. миль; въ 1850 населеніе Массачусета состояло изъ 900 т. свободныхъ жителей, тогда какъ въ Сѣверной Каролинѣ оно достигло только 870 т. въ томъ числѣ 290 т. негровъ; цѣнность имуществъ перваго простиралась до 570 мил. долларовъ; цѣнность имуществъ второй, не смотря на огромную территорію, не достигала 230 м. Мичиганъ и Арканзасъ въ одинъ и тотъ же годъ были приняты въ число штатовъ при равномъ числѣ жителей; черезъ 20 лѣтъ въ свободномъ Мичиганѣ населеніе стало въ три раза больше населенія Арканзаса; цѣнность земледѣльческихъ и мануфактурныхъ произведеній въ пятеро, число школъ въ восемь разъ. Виргинія была цвѣтуща и богата, когда Огайо можно смѣло было назвать степью; пространство ея было въ полтора раза больше (60 т. кв. м.), народонаселеніе было больше почти въ 20 разъ,—и чтоже? не смотря на свою превосходную почву, на извѣстность своего табаку, на обширныя копи каменнаго угля, на прекрасные порты, Виргинія считала въ 1850 году 1,400,000 жителей, а Огайо около 2 милліоновъ. Такой же упадокъ замѣтенъ и въ земледѣліи. Вотъ нѣсколько данныхъ.

Кентукки.

Сборъ 1840.	Пшеницы	4,800,000 мѣръ (boisseaux)	ржи	1,300,000 м.
1850	—	2,150,000	—	415,000

Генесси.

1840	—	4,560,000	табаку	29,000,000 ф.
1850	—	1,600,000		20,000,000

Виргинія.

1840	—	1,500,000	75,000,000
1850	—	460,000	56,000,000

Алабама.

1840	—	840,000	ржи	51,000 мѣръ.
1850	—	300,000		17,000

Сравнивая сборъ свободныхъ штатовъ и рабовладѣльческихъ, оказывается, что въ первыхъ родится на акръ:

пшеницы	23 мѣръ, во вторыхъ	9
овса	27	17
ржи	18	11
маису	31	20
картофлю	125	113

Эти и другія подобныя вычисленія, обнародованныя г. Гельперомъ, произвели страшное впечатлѣніе; практическій умъ американцевъ былъ глубоко озадаченъ такими выводами; пока вопросъ оставался на религіозной почвѣ—мнѣнія раздѣлились: множество пасторовъ разныхъ сектъ владѣли неграми и поэтому съ упорствомъ защищали невольничество, отвѣчая текстами на тексты своихъ противниковъ; но какъ скоро вопросъ перешелъ на почву экономичес-

кую, онъ сдѣлался яснымъ для всѣхъ. Сѣверные штаты были оскорблены тѣмъ, что при населеніи въ 13 м. они имѣли только 32 сенатора, тогда какъ невольничьи штаты при 6 м. имѣли ихъ 30; та же несоразмѣрность обнаруживалась между депутатами: каждый депутатъ свободныхъ штатовъ служилъ представителемъ 91 т. жителей, каждый депутатъ невольничьихъ штатовъ представлялъ 68 т. Это преобладаніе юга также видно было въ избраніи президентовъ и назначеніи посланниковъ: изъ числа 18 президентовъ 12 принадлежали югу, 5 изъ нихъ были избраны вторично, чего не случилось съ 6 сѣверными президентами; предсѣдателями палаты представителей въ теченіи 43 лѣтъ были рабовладѣльцы; большинство дипломатическихъ агентовъ также принадлежало къ этому классу. Всѣ эти несправедливости возбудили сильное негодованіе въ свободныхъ штатахъ; югъ увидѣлъ, что готовъ лишиться своего преобладанія, и рѣшился на все для поддержанія его. Избраніе Пирса было благопріятно для рабовладѣльцевъ. Управленіе его началось нарушеніемъ миссурійскаго компромиса по случаю билля о допущеніи территорій Канзаса и Небраски въ число штатовъ; они были расположены сѣвернѣе 36° 30', слѣдовательно рабство въ нихъ не допускалось; между тѣмъ представители южныхъ штатовъ употребили такую энергію при проведеніи билля, что оно было разрѣшено. Югъ не остановился на этомъ: онъ во чтобы то ни стало хотѣлъ распространить свои владѣнія, и съ этой цѣлью предложилъ купить Кубу, а въ случаѣ несогласія Испаніи завоевать ее; для выполненія послѣдняго намѣренія онъ поддерживалъ экспедицію Уокера (Walker); всѣ эти обстоятельства, а также законъ о выдачѣ рабовъ и грубый поступокъ Брукса съ Семнеромъ сенаторомъ отъ Массачесетса *) довели негодованіе сѣвера до высшихъ предѣловъ: аболиціонисты составили огромную партію, извѣстную подъ именемъ республиканской. Не смотря на то, кандидатъ рабовладѣльцевъ, Бьюкананъ, былъ избранъ, потому что онъ находился посланникомъ въ Англіи и не участвовалъ въ послѣднихъ спорахъ о невольничествѣ; республиканцы надѣялись, что онъ будетъ слѣдовать новой политикѣ, но ожиданія

---

*) Г. Семнеръ произнесъ рѣчь противъ тенденцій Южной Каролины и сенатора Бутлера; Бруксъ, одинъ изъ представителей этого штата, вошелъ въ такую ярость, что избилъ оратора такъ, что онъ былъ боленъ нѣсколько мѣсяцевъ.

ихъ не осуществились: друзья новаго президента обязались отъ его имени поддерживать интересы Юга и такимъ образомъ доставили ему голоса невольничьихъ штатовъ.

Управленіе Бьюканана началось распространеніемъ торга неграми, потому что, вслѣдствіе представленій президента, Англія отказалась осматривать корабли подъ американскимъ флагомъ; тѣ же тенденціи обнаружились и въ другихъ его поступкахъ: онъ поддерживалъ лекомтонскій билль, имѣвшій цѣлью ввести невольничество въ Канзасѣ насильно; онъ продолжалъ предпріятіе противъ Кубы; онъ требовалъ черезъ посредство г. Масона неограниченной власти съ правомъ употребить армію и флотъ, какъ ему вздумается, въ видахъ государственной пользы; и хотя послѣднія требованія были отвергнуты, тѣмъ неменѣе они показали, что съ Югомъ компромисы невозможны, и потому республиканцы при новомъ выборѣ президента избрали Авраама Линкольна, соединившаго въ свою пользу голоса всѣхъ свободныхъ штатовъ.

Едва это избраніе сдѣлалось извѣстно, какъ Южная Каролина поспѣшила отдѣлиться; примѣру ея быстро послѣдовали другіе невольничьи штаты; крѣпости, занятыя федеральными гарнизонами, были захвачены, также какъ и многочисленные склады оружія, собранные въ пограничныхъ фортахъ по распоряженію военнаго министра, единомышленника сепаратистовъ. Эти извѣстія поразили новаго президента, какъ громомъ; онъ поспѣшилъ прибѣгнуть къ разнымъ уступкамъ и измѣненіямъ конституціи,—но сенатъ отвергнулъ всѣ предложенія, клонившіяся къ поддержанію рабства или отдѣленію южныхъ штатовъ — междоусобная война загорѣлась.

Такой исходъ былъ неизбѣженъ: федерація основанная на противоположныхъ началахъ не могла существовать; Южные штаты были болѣзненнымъ наростомъ республики; мало того, что они препятствовали внутреннему ея развитію, они парализировали эмиграцію, потому что она понижала цѣнность невольничьяго труда. Новый Орлеанъ, Луисвиль, Бальтимора и другіе важнѣйшіе пункты торговли между сѣверомъ и югомъ часто бывали театромъ смутъ и возмутительныхъ жестокостей, возбужденныхъ рабовладѣльцами, во время стеченія множества европейскихъ работниковъ; сверхъ того завоевательные планы Юга могли вовлечь союзъ въ болѣе или менѣе опасную и продолжительную войну.

Но рождаются вопросы: если отдѣленіе Южныхъ штатовъ было

необходимо, развѣ не могло оно совершиться миролюбиво, безъ пролитія крови? Развѣ нельзя были разойдтись двумъ враждебнымъ сторонамъ такъ же свободно, какъ расходятся мужъ и жена, обвѣнчанные насильно? Почему націи, въ случаѣ непріязненнаго столкновенія, не допускаютъ того здраваго смысла, по которому частныя лица оканчиваютъ свои взаимные споры миролюбиво? Почему война и организованное убійство дѣлаются необходимыми при разрѣшеніи международныхъ столкновеній? Югъ имѣлъ полное право отдѣлиться; онъ не хотѣлъ и не могъ продолжать своего федеральнаго союза съ Сѣверомъ, при той системѣ рабства, которая легла въ основаніе его общественнаго устройства. Жить вмѣстѣ не было возможности, и плантаторы рѣшились составить особенное государство. Сѣверъ не только ничего не терялъ отъ этого отдѣленія, но во всѣхъ отношеніяхъ выигрывалъ; онъ устранялъ отъ себя главнѣйшее препятствіе къ развитію своихъ экономическихъ силъ, уничтожалъ радикальную причину внутреннихъ раздоровъ, интригъ и постояннаго озлобленія свободныхъ штатовъ къ невольническимъ округамъ. Изъ за чего же было драться и губить сотни тысячь людей? Изъ за того, что плантаторамъ не нравилась сѣверная свобода, а сѣвернымъ гражданамъ — южное рабство? Мы съ сожалѣніемъ смотримъ на дѣтей и называемъ ихъ дурными дѣтьми, когда они вцѣпляются другъ другу въ волоса, не умѣвъ раздѣлиться между собою мирно: но мы приходимъ въ телячій восторгъ и украшаемъ разными пустозвонными фразами ожесточенную борьбу враговъ, не умѣвшихъ разойдтись инымъ способомъ. Непослѣдовательность очевидная, странная, не имѣющая оправданія ни передъ судомъ здравой логики, ни передъ судомъ человѣческой справедливости.

Отвѣтственность настоящей американской войны главнымъ образомъ падаетъ на сѣверные штаты. Они раздули это несчастное междоусобіе и довели его до ужасныхъ результатовъ. Когда Югъ объявилъ свое отдѣленіе отъ общей федераціи, Сѣверу оставалось принять самое строгое оборонительное положеніе и на немъ остановиться. Отразить нападеніе рабовладѣльцевъ было легко, еслибъ это нападеніе и могло имѣть какой нибудь смыслъ; но идти дальше, — на безумный вызовъ плантаторовъ отвѣчать новымъ вызовомъ, перенести войну на Югъ, стараться силой удержать своего врага подъ своей властью — это значило возвести братоубійство въ законный актъ и завязать страшную, продолжительную борьбу. Теперь многіе

начинаютъ убѣждаться, что эта война стоитъ американцамъ двадцати лѣтъ ихъ мирной дѣятельности, огромнаго долга, огромной потери человѣческихъ силъ; однимъ словомъ, тѣхъ страшныхъ золъ, какія поправляются только десятками и сотнями лѣтъ. За два года, когда еще не была начата война, были люди, какъ напримѣръ, Бомеръ превосходный редакторъ журнала: «Сѣверная Звѣзда», которые не совѣтывали начинать безразсудной борьбы и предвидѣлъ исходъ ея; мнѣніе это тогда раздѣляли, правда, очень немногіе, но эти немногіе были лучшіе и самые образованные люди Америки. Съ ними, разумѣется, не соглашалось большинство такъ называемыхъ демократовъ — патріотовъ, которые называли измѣнниками тѣхъ, кто видѣлъ дальше ихъ и кто понималъ дѣло лучше ихъ; къ толпѣ этихъ демократовъ присоединились цѣлые хоры глупыхъ журналистовъ, которые увлекли общественное мнѣніе на ложный путь.

Теперь ошибка стала ясной; но предупредить ее уже поздно. Остается ждать развязки отъ побѣды, которая, конечно, будетъ куплена цѣной необыкновенныхъ усилій. «Лучше было бы, говоритъ Бомеръ, если бы ты, Америка, потопила всѣ свои корабли въ морѣ, вынесла самую отустошительную эпидемію или голодъ, чѣмъ эту позорную междоусобную войну».

В. Поповъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Юліанъ Шмидтъ. Исторія французской литературы. Томъ I. (Выпуски 1 и 2.) Изданіе Н. Тиблена. СПБ. 1863.—Общая Исторія Италіи съ 1846—50 года. Сочиненіе Діэго Copia, профессора публичнаго права въ Италіи. Переводъ П. Канчаловскаго. Изданіе В. Висковатова. Томъ I. (Выпускъ I.) СПБ. 1863.—Общая естественная исторія насѣкомыхъ. Сочиненіе Кэрби и Спэнса. Перевелъ съ англійскаго седьмаго изданія Андрей Минъ. Изданіе А. И. Глазунова. М. 1863.—Зоологія и Зоологическая Хрестоматія въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Анатолій Богдановъ. Изданіе литографіи Безпечнаго и К°. 1862.—Міръ растеній. Опытъ Космической ботаники. Сочиненіе Карла Мюллера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею К. Резенера, съ 300 рисунками въ текстѣ. СПБ. Изданіе Вольфа. 1863.

Авторъ исторіи французской литературы XIX вѣка, Юліанъ Шмидтъ, человѣкъ весьма благонамѣренный. Книга его—хороша или дурна это другой вопросъ, но никакъ не можетъ быть отнесена къ числу тѣхъ хорошихъ книгъ, которыхъ, по словамъ г. Тиблена, забывающаго притомъ о Бёклѣ и Шлоссерѣ, у насъ нельзя издавать. Благонамѣренность Ю. Шмидта часто вредитъ профессорскому олимпійству, которое проявляется по временамъ въ его книгѣ: потому что ученое величіе трудно согласить съ наивнымъ ужасомъ, въ который онъ впадаетъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о событіяхъ совершившихся, но по его мнѣнію неблагонамѣренныхъ. Онъ никакъ не можетъ помириться съ историческимъ фактомъ и тонъ, которымъ онъ говоритъ напр. о революціи, заставляетъ иногда за-

бывать, что книга написана 70 лѣтъ спусти послѣ 89 года Думается, что авторъ самъ былъ жертвой террора, что и его спасло 9 термидора, безъ котораго европейская цивилизація была бы лишена «Исторіи французской литературы XIX в.». Негодованіе Ю. Шмидта противъ «гидры революціи» отзывается какимъ-то личнымъ озлобленіемъ, какъ будто эта революція лишила его отца, матери, жены, сестеръ, братьевъ и друзей обоего пола; какъ будто онъ потерялъ чрезъ ту же гидру все свое достояніе и въ пылу скорби и гнѣва рѣшился наказать своимъ перомъ зловредную гидру. Намъ совершенно понятно всякое историческое преувеличеніе и даже клевета со стороны людей, пострадавшихъ отъ революціоннаго движенія, вышедшихъ изъ него съ пятнами грязи или крови: имъ извинительно злиться и сквернословить противъ историческаго факта, но мы не понимаемъ изъ-за чего злобствуетъ Ю. Шмидтъ при взглядѣ на событіе, въ которомъ онъ не принималъ никакого участія. Положимъ, что благонамѣренность заставляетъ его ненавидѣть принципы 89 г.; но ненависть изъ за принциповъ не то, что личная злоба, а въ голосѣ Ю. Шмидта слышится именно послѣдняя. Такъ онъ опредѣляетъ революцію *порабощеніемъ благородной націи шайкой злоумышленниковъ*, и тутъ же противорѣчитъ самъ себѣ, говоря, что въ ней участвовалъ весь народъ. Трудно представить, чтобы эта *canaille*, эта презрѣнная чернь, состоявшая изъ 28 милліоновъ людей, образовала одну шайку злоумышленниковъ. Еще лучше, Ю. Шмидтъ опредѣляетъ революцію завоеваніемъ Франціи народомъ,—причемъ пожалуй кто-нибудь подумаетъ, что до 89 года во Франціи жили одни дюки и маркизы, а народъ пришелъ какъ Гунны, изъ Азіи и завоевалъ дюковъ. Но я не могу не позабавить читателя хотя однимъ экземпляромъ негодованія Ю. Шмидта противъ этихъ завоевателей въ новомъ родѣ.

> «Люди свѣтскіе все еще ораторствовали о кроткомъ характерѣ народа, о его покорности и его невинныхъ удовольствіяхъ; а между тѣмъ подъ землею уже бушевали тѣ темныя силы, которыя вскорѣ вырвались пламенемъ. Тогда увидѣли этихъ Бернардѣновскихъ непорочныхъ сыновъ природы, увидѣли народъ въ его настоящемъ видѣ—и ужасъ объялъ человѣка, ужасъ передъ самимъ собою, передъ тѣмъ, во что еще единственно вѣрили» (стр. 14).

Чтобы совершенно убѣдить читателя, что революція была завоеніемъ французскаго государства французскимъ народомъ, Ю. Шмидтъ

начинаетъ доказывать, что возставать было незачѣмъ, потому что старинная монархія не имѣла въ себѣ никакого деспотизма. Тутъ онъ доказываетъ, что пресса, напримѣръ, при короляхъ была совершенно свободна, потому что никому не препятствовала печатать свои произведенія за границей, если только авторъ былъ готовъ подвергнуться по возвращеніи заключенію въ Бастилію. Кому такой способъ доказательствъ покажется невѣроятнымъ, тотъ можетъ убѣдиться, что я ничето не прибавилъ, прочитавъ стр. 87, гдѣ сказано, что хотя цензура не пропускала ни одного вольнаго слова, но пресса была свободна и «за то (за что?) въ обществѣ всякій могъ держать себя свободно».

Къ сожалѣнію, самъ Ю. Шмидтъ выказываетъ мало увѣренности въ истинѣ своего открытія, что революція была завоеваніемъ. Это доказываютъ его слова, въ которыхъ онъ прямо объясняетъ причину ея тѣмъ, что Людовикъ XVI заботился о счастіи своихъ подданныхъ.

> «Этимъ пріучили, говоритъ онъ, народъ возлагать на правительство заботу о каждомъ гражданинѣ и отвѣтственность за всякую неудачу, истекающую изъ естественныхъ причинъ. Такое кажущееся всемогущество было опасно для королевской власти; потому что, не дозволь она того, чего всѣ домогались, не пожелай она того, чего всѣ желали,— она дѣлалась цѣлью для нападеній со всѣхъ сторонъ». (Стр. 5)

Незнаю, какъ кто, а я останавливаюсь на томъ убѣжденіи, что Ю. Шмидту 90 лѣтъ, что онъ сидѣлъ въ Conciergerie и потерялъ въ «преступномъ шабашѣ развратной черни» своихъ родныхъ и свое достояніе. Съ этимъ убѣжденіемъ я покидаю эту допотопную личность, чтобы по поводу такого чахлаго и жалкаго сочиненія, какъ «Исторія французской литературы XIX в. Ю. Шмидта», поговорить съ читателями о томъ, что составляетъ предметъ этого сочиненія.

Теперь конечно не много найдется такихъ тупоумныхъ историковъ, какъ Ю. Шмидтъ, которые стали бы разсматривать французскую революцію, какъ завоеваніе народа народомъ; не много также найдется и такихъ рутинеровъ, которые смотрѣли бы на великодвиженіе всей націи, какъ на случайный фактъ, упавшій съ неба подобно аэролиту. Такія колоссальныя историческія явленія, какъ французская революція 1789 года, подготовляются длиннымъ рядомъ разнообразныхъ причинъ и послѣдствій и развиваются на основаніи,

тѣхъ принциповъ, которыми объясняются всѣ главнѣйшіе перевороты въ исторіи человѣчества. Революція, въ обширномъ значеніи этого слова, постоянно совершалась, совершается и будетъ совершаться въ судьбахъ народовъ; каждый день, каждый часъ и въ каждомъ обществѣ происходитъ своя революція,—но рѣзкіе и крупные перевороты случаются рѣдко не потому, чтобы въ нихъ преднамѣренно дѣйствовала какая-нибудь шайка заговорщиковъ, а потому, что они совпадаютъ съ тѣми эпохами, когда сознаніе реформаціонныхъ принциповъ становится доступнымъ обществу, когда необходимость переворота—такая же естественная вещь, какъ рожденіе ребенка на свѣтъ. Само собою разумѣется, что есть перевороты, производимые партіями и даже отдѣльными личностями, но такія явленія всегда отличаются болѣе или менѣе грубымъ произволомъ, вытекаютъ изъ мелкихъ личныхъ побужденій и не имѣютъ ничего похожаго на тѣ общечеловѣческіе принципы, въ которыхъ не отказываютъ французской революціи даже враги ея. Этой именно чертой и разграничиваются прежнія тайныя и придворныя coups d'état французскихъ королей отъ народнаго движенія 1789 года.

Когда, съ одной стороны, исторія Франціи довела старый порядокъ Бурбоновъ до крайней его нелѣпости, а съ другой выработала сознаніе этого чудовищнаго порядка въ значительномъ кругу людей, борьба двухъ направленій была неизбѣжна и приняла характеръ титаническій... Совершенно справедливо говорятъ, что обстоятельства порождаютъ людей; поэтому ни одна эпоха исторіи человѣчества не представляетъ болѣе высокихъ, болѣе свѣтлыхъ, болѣе добродѣтельныхъ личностей, но за то ни одна также не представляетъ такихъ порочныхъ, развратныхъ, безчестныхъ людей, какъ время революціи. Первые были слишкомъ благородны, чтобы уцѣлѣть въ борьбѣ; остались негодяи и малодушные, которые и открываютъ собой XIX в. и его литературу во Франціи.

Нѣкоторые изъ этихъ людей, названные Наполеономъ идеологами, еще сколько нибудь сохранили благородство и независимость, дававшія имъ право быть послѣдователями Кондорсе. Таковы были Кабани, Вольней, Детютъ де-Трасси, Бруссе и немногіе другіе. Но они не имѣли уже никакого значенія. Они были слишкомъ мелки, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ, что и спасло ихъ отъ эшафота. По понятіямъ они принадлежали вполнѣ XVIII вѣку, правда, лучшему въ немъ—энциклопедистамъ, но имъ не доставало новизны въ воззрѣ-

ніяхъ, которая одна можетъ доставить значеніе вопреки внѣшнимъ стѣсненіямъ. Съ другой стороны ихъ было очень мало, и эта слабость еще увеличивалась тѣмъ, что съ ними на одной доскѣ стояли люди, какъ Дону, Сіейсъ, Редереръ и т. п. жалкіе люди, къ несчастію для своихъ честныхъ современниковъ, близкіе къ нимъ по дѣятельности и тѣмъ принципамъ, которые были у нихъ на языкѣ, пока это было имъ выгодно.

Однако какъ ни было незначительно число честныхъ людей между оставшимися въ живыхъ друзьями Кондорсе, но это были единственныя честныя личности между современниками Наполеона. Даже такой отступникъ, какъ М. Ж. Шенье кажется сноснымъ, если припомнить, что въ одно время съ нимъ жили люди, какъ Дарю, Лакретель, Сюаръ, Б. Констанъ и т. п, которые были готовы за самую умѣренную плату мѣнять каждый день убѣжденія, служить грабителями завоеванныхъ провинцій, инквизиторами полицейскими и чѣмъ угодно. Изъ тѣхъ біографическихъ указаній, которыя въ изобиліи встрѣчаются у Шмидта, мы можемъ любоваться зрѣлищемъ, какъ всѣ почти писатели временъ консульства и имперіи, за весьма немногими исключеніями, отправлялись служить литературными сбирами.

Но Наполеонъ былъ недоволенъ той литературой, которую засталъ во Франціи. Идеологовъ онъ ненавидѣлъ, какъ представителей принципа 1789 года; остальные казались ему слишкомъ ничтожными, чтобы украшать его своими произведеніями, на которыхъ перемѣшивались въ безпорядкѣ краски монархіи и революціи, преданія Людовика XIV и энциклопедистовъ. Онъ искалъ Корнеля и Расина, какъ искалъ герцоговъ и перовъ. И нашлись такіе подлипалы, какъ Фонтанъ, которые, по волѣ могущественнаго солдата, стали корчить изъ себя Корнеля и Расина, столько же походя на нихъ, сколько Массена походилъ на Сенъ-Симона. Разумѣется, эти люди относились не къ литературѣ, а къ придворному штату. Другая же литература принуждена была замолчать, такъ что собственно говоря, во время имперіи, кромѣ Монитера съ бюллютенями, никакой другой духовной пищи французское общество не имѣло.

За то реставрація развязала рты, хотя правду сказать, литература реставраціи, за исключеніемъ П. Л. Курье и Беранже, такова, что лучше было бы, еслибъ продолжалось прежнее молчаніе. Реакція отразилась на всемъ и прежде всего на умственной дѣятельности; въ одно время съ реставраціей королевство вздумало реставрировать во

всемъ старое, доброе время, хотѣло уничтожить всѣ слѣды революціи, выкинуть факты, наполнявшіе французскую исторію девяностыхъ годовъ. «Исторія маркиза Бонапарта, генераллиссимуса войскъ Е. В. короля Людовика XVIII» не представляетъ особенно нелѣпаго и рѣзкаго явленія въ это время.

Ю. Шмидтъ, говоря объ этой позорной эпохѣ, утверждаетъ, что католицизмъ очень живучь во Франціи, что насмѣшки энциклопедистовъ и дѣятельность Клооца пропали даромъ. Приэтомъ онъ похваляется выгоднымъ положеніемъ протестанскихъ народовъ, которымъ приписываетъ не только автономію въ дѣлахъ вѣры для каждой личности, но и свободу политическую. Онъ утверждаетъ, что протестантское государство есть союзъ свободныхъ личностей. Жаль только, что приэтомъ онъ не приводитъ ни одного изъ нихъ въ примѣръ; но стоитъ взглянуть на Пруссію, чтобы убѣдиться въ сообразительныхъ способностяхъ этого мужа. Далѣе онъ обрекаетъ романскіе народы на абсолютизмъ и революцію. Онъ воображаетъ себѣ эти несчастные народы чѣмъ-то въ родѣ бѣлки въ колесѣ; по мнѣнію его, они только затѣмъ и ниспровергаютъ авторитеты, чтобы дать имъ случай съ новой силой воскреснуть изъ пепла. Мы сейчасъ убѣдились, насколько онъ правъ въ этомъ случаѣ.

Но въ чемъ конечно я не буду оспаривать Ю. Шмидта—это въ слѣдующемъ.

> «Потребность въ церкви, говоритъ онъ (стр. 157), явилась вслѣдствіе политическихъ соображеній; но вожди, привыкшіе къ логическому мышленію, поняли, что ее слѣдуетъ возстановить во всей цѣлости, что каждый камень этого огромнаго зданія крѣпко сплоченъ съ другимъ, и что если тронешь какую нибудь одну часть зданія, все зданіе можетъ рухнуть. Это убѣжденіе разума въ органической цѣлостности церкви породило потомъ слѣпую ненависть ко всѣмъ плодамъ просвѣщенія и мышленія; и чѣмъ логичнѣе былъ отъ природы реакціонеръ, тѣмъ яростнѣе нападалъ онъ на всякое мышленіе».

Все это такъ: но какъ же можно послѣ этихъ словъ толковать о прочности католицизма, о его жизненности? Можетъ ли быть рѣчь обо всемъ этомъ, если возстановленіе его самъ авторъ приписываетъ политическимъ соображеніямъ? Можно ли полагаться на прочность зданія, изъ котораго нельзя вытащить ни одного камня, не опасаясь разрушить все построеніе, когда вытащенъ не одинъ, а болѣе по-

ловины камней? Или: неужели авторъ думаетъ, что усилія реакціонеровъ уничтожить всякое мышленіе—удались? Но обратимся къ свидѣтельству тѣхъ самыхъ людей, которые избрали себѣ неблагодарный трудъ изгнать разумъ изъ страны революціи и подставлять подпорки подъ старое и полуразрушенное зданіе католицизма.

«Іюльская революція, говоритъ Шатобріанъ, произнесла приговоръ противъ всѣхъ престоловъ; отнынѣ короли могутъ царствовать только силою оружія: вѣрное средство въ настоящемъ, но которое окажется недѣйствительнымъ въ будущемъ.—Старое общество умираетъ (стр. 228).

Далѣе онъ говоритъ:

«Откуда эти постоянные перемѣны, это сумасбродство, это стремленіе поскорѣе разрушить все? Не существуетъ противодѣйствія человѣческимъ глупостямъ—религіи» (стр. 233).

Наконецъ самый неумолимый, самый логичный реакціонеръ, самый дѣятельный реставраторъ католицизма, де-Местръ, умирая, сказалъ:
— Je finis avec l'Europe; c'est s'en aller en bonne compagnie (стр. 191).

Да и самъ авторъ, который именно тѣмъ и отличается, что на одной страницѣ говоритъ совершенно противоположное тому, что сказалъ на другой, на стр. 255 выражается объ этомъ предметѣ такъ:

«Галликанская церковь была низвержена. Французское духовенство стало вполнѣ ультрамонтанскимъ, и вождями его были уже не епископы, а журналисты. Римъ купилъ эту побѣду тяжелою жертвой. Средоточіе власти своей онъ отдаетъ въ руки своихъ страстныхъ приверженцевъ и перемѣняетъ свои отношенія къ другимъ государствамъ въ такомъ духѣ, что перемѣна не могла не имѣть обратнаго дѣйствія на сущность папства. Католицизмъ есть плотно замкнутая и крѣпко организованная партія, но онъ—партія,—этимъ-то онъ и даетъ новую силу противуположному началу.»

Вотъ давно бы такъ. Начни авторъ съ этого, ему бы не зачѣмъ было говорить, что протестантское государство есть союзъ свободныхъ личностей.

Герои реакціи очень хорошо понимали глубокую истину афоризма, что стараго не воротишь. Поэтому въ своихъ усиліяхъ вернуть

это старое они не заблуждались насчетъ средствъ. Въ этомъ отношеніи они доходили даже до нѣкотораго цинизма, заставлявшаго краснѣть ихъ иностранныхъ единомышленниковъ, которые, дѣлая то же, что они, не называли вещей по имени.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны афоризмы де-Местра. Я беру нѣсколько изъ тѣхъ, которые находятся у Шмидта.

«Только кровью можно умилостивить небо.»
«Пролитая кровь имѣетъ примиряющую силу.»
«Ангелы присутствуютъ тамъ, гдѣ льется кровь.»
«Палачъ—краеугольный камень общества; его званіе священно.»
«Съ уничтоженіемъ палача міръ превратился бы въ хаосъ.»

Послѣдніе два афоризма какъ нельзя лучше доказываютъ, какъ мало надѣялся на возстановленіе стараго, отжившаго его ревностнѣйшій и умнѣйшій защитникъ.

Эту мысль выражали умные люди всѣхъ партій и всѣхъ націй, начиная съ француза де-Местра до испанца, Вальдегамаса и русскаго—Карамзина. Отчаяннѣйшіе реакціонеры, желая поддержать и возстановить старину, не скрывали, что сдѣлать это можно только, вручивъ власть полачу и уничтоживъ мышленіе. «Человѣкъ силенъ лишь пока онъ въ рабствѣ», сказалъ де-Бональдъ, и онъ долженъ былъ радоваться отвѣту одного изъ своихъ учениковъ, который на вопросъ: «какого онъ мнѣнія о сочиненіяхъ своего учителя?»—отвѣчалъ:—«Я нахожу въ нихъ большой недостатокъ—они очень умны».

Высоконравственный и сугубо добродѣтельный Ю. Шмидтъ ужасается надъ безнравственностью революціонной литературы. Онъ краснѣетъ и приходитъ въ благородное негодованіе, говоря о произведеніяхъ Лакло, Бомарше, де-Сада и Мерсье, и съ радостью хватается за поэму «Organt», чтобы уколоть автора ея, тріумвира Сенъ-Жюста. Но какъ ни сильны произведенія этихъ господъ, ихъ можно все-таки считать за образецъ нравственности, въ сравненіи съ литературой временъ консульства, имперіи и реставраціи.

Чтобы составить себѣ полное понятіе о томъ развращеніи и испорченности, которыхъ достигла литература этой эпохи, достаточно разсмотрѣть литературную дѣятельность ея свѣтила, вокругъ котораго вращались прочіе литераторы, — Шатобріана.

Ежели въ политическомъ мірѣ подвиги этого знаменитаго человѣка таковы, что оставляютъ за собой даже дѣянія Фуше и Талейрана;

если онъ измѣнялъ, обманывалъ, готовъ былъ служить всякому,—то литературная его дѣятельность способна еще болѣе заставить всякого презирать его. Люди, какъ Шмидтъ, питающіе тайную симпатію ко всякому консерватору или реакціонеру, могутъ изобрѣтать софизмы для оправданія его, когда онъ поступалъ на службу къ Наполеону или совершалъ свои подвиги на Веронскомъ конгрессѣ. Они могутъ извинять его тѣмъ, что онъ поэтъ,—какъ будто поэты имѣютъ привиллегію дѣлать безнаказанно поступки, позорящіе людей, неимѣщихъ никакихъ сношеній съ музами. Но никакими софизмами нельзя изгладить впечатлѣнія, производимаго литературными произведеніями Шатобріана. Съ насъ достаточно будетъ, если мы воспользуемся тѣми скудными матеріалами, которые найдемъ у Шмидта.

Такъ въ 1811 г., находясь въ дурныхъ отношеніяхъ къ Наполеону, онъ, чтобы уязвить императора, выступаетъ защитникомъ прессы отъ правительства и превозноситъ благія слѣдствія революціи, «которая подвинула насъ въ нѣсколько лѣтъ на цѣлыя столѣтія». Черезъ три года онъ отрекся отъ трехцвѣтнаго знамени и благодарилъ иностранныя войска, что не помѣшало ему впослѣдствіи нагло утверждать, что онъ высказывалъ въ это время любовь къ трехцвѣтному знамени и ненависть къ союзникамъ.

Въ 1815 г. онъ былъ ожесточеннымъ проповѣдникомъ реакціи и предводителемъ ультрароялистской оппозиціи, для которой Людовикъ XVIII казался чуть-чуть не Маратомъ; а въ 1816 (Monarchie selon la Charte) онъ высказывалъ свое уваженіе къ конституціоннымъ принципамъ, что не мѣшало ему неистовствовать въ реакціонномъ духѣ и призывать громы небесные и земные на головы режисидовъ и всѣхъ тѣхъ, кто принималъ какое бы то ни было участіе въ революціи. Когда въ 1820 г., вслѣдъ за убійствомъ герцога Беррійскаго, бурбонскій либерализмъ кончился и министерство Деказа вышло въ отставку, Шатобріанъ пришелъ окончательно въ монархическій пафосъ и имъ овладѣло какое-то бѣснованіе. Онъ публично обвинялъ Деказа въ участіи въ убійствѣ, что могло кончиться очень плохо для эксъ-министра, и подарилъ для крещенія герцога Бордоскаго склянницу съ водой изъ Іордана, которую хранилъ у себя много лѣтъ. Но такое настроеніе продолжалось не долго: уже въ 1824 г., выгнанный Вильелемъ изъ министерства, онъ писалъ въ припадкѣ злобы и оскорбленнаго самолюбія:

«Если бы кто нибудь далъ намъ пощечину, мы бы не подставили другой щеки. Еслибъ этотъ человѣкъ былъ подданный, мы бы потребовали его жизни, или отдали бы ему свою, еслибъ онъ былъ король...

Но послѣ 1830 г. Шотобріанъ, запачканный кровью Ріэго, авторъ Génie du Christianisme, проповѣдывавшій избіеніе всѣхъ участниковъ въ революціи, началъ толковать о демократіи, о республикѣ; держалъ либеральную оппозицію противъ Люи-Филиппа; увѣрялъ, что сердце его никогда не билось за королей, и оскорблялъ насмѣшкой Карла X, который уже не могъ сдѣлать его министромъ или герцогомъ. Нѣкогда другъ Монморанси, Ришелье, Меттерниха и прочихъ реакціонеровъ, онъ лѣзъ теперь въ дружбу къ Араго, Карелю, Ж. Санду и выражался про Люи-Филиппа: «Это sergent de ville. Европа можетъ плюнуть ему въ лицо, онъ оботрется, поблагодаритъ и покажетъ свой королевскій патентъ»? Шмидтъ приводитъ слѣдующее описаніе его жизни въ послѣдній ея періодъ, когда онъ былъ нулемъ въ политическомъ отношеніи и толковалъ про «l'hiron delle, qui me réveillait dans ma jeunesse, et les Muses, qui remplissaien mes songes.»

«Поутру онъ посѣщалъ своихъ обожательницъ и былъ веселымъ свѣтскимъ человѣкомъ съ небольшимъ оттѣнкомъ міровой скорби. Потомъ онъ являлся къ m-me Рекамье, гдѣ собиралось общество остроумныхъ людей; вечеромъ онъ попадалъ въ распоряженіе своей жены, которая сводила его со старыми роялистами, съ епископами и архіепископами.»

Каковъ попъ, таковъ и приходъ; каково было свѣтило реставраціи, таковы и прочіе реакціонеры, вращавшіеся около автора Génie du Christianisme. Вся разница состояла лишь въ томъ, что одни неистовствовали больше, другіе меньше; одни призывали палача и инквизицію, другіе—прусскіе и австрійскіе штыки; одни были логичнѣе, другіе соглашались на нѣкоторыя уступки. По смерти аббата Лакордера, графъ Монталамберъ остался послѣднимъ изъ этихъ Могикановъ, и нѣтъ никакого основанія предполагать, что они когда нибудь явятся снова въ томъ же видѣ, потому что даже въ эпоху ихъ процвѣтанія двое главныхъ изъ нихъ сбились съ пути. Правда, одинъ изъ нихъ, Шатобріанъ, лицемѣрилъ, протягивая руку Беранже, какъ лицемѣрилъ, даря сыну герцогини Беррійской (тому са-

мому сыну, про котораго писалъ ей: Votre fils, madame, est mon roi) скляницу съ освященной водой и котораго семейство потомъ бросилъ въ угоду своимъ новымъ знакомымъ — республиканцамъ. Но за то другой былъ человѣкъ безукоризненно честный, котораго отпаденіе отъ католицизма именно потому нанесло тяжкій ударъ послѣднему, что онъ былъ его ревностнѣйшимъ, умнѣйшимъ и безкорыстнѣйшимъ бойцомъ, и что всякій зналъ, что отступничество Ламне можетъ быть вызвано только искреннимъ поворотомъ убѣжденій.

Я надѣюсь, что читатели не ожидаютъ отъ меня, чтобы я говорилъ здѣсь объ этой въ высшей степени замѣчательной личности. Если кому это покажется страннымъ, то я приведу нѣкоторыя мѣста изъ Шмидта о Ламне, доказывающія, что есть вещи, для которыхъ не годится никакая точка зрѣнія, даже самая благонамѣренная.

> «За этою манифестаціею послѣдовалъ въ 1837 г. катихизисъ радикализма: «Le livre du peuple». Въ немъ не осталось ничего христіанскаго, кромѣ проповѣди всеобщаго братства ..
>
> Отвлеченное начало равенства, говоритъ Ламне въ сочиненіи «De l'esclavage moderne», 1840, ничто иное, какъ пустая фикція, которой назначеніе — обмануть общественную совѣсть...
>
> Ближайшая цѣль, которую преслѣдовалъ Ламне своимъ краснорѣчіемъ, была реформа выборовъ; но онъ хорошо чувствовалъ, что такой отвлеченный прогрессъ не помогалъ еще дѣлу.
>
> У Ламне, какъ ни значительно измѣнилось его направленіе, все-таки находимъ мелодію древне-библейскаго языка, — все еще торжественно звучащую, но въ сущности неопредѣленную риторику. Но у него были ученики, которые смѣлѣе и опредѣленнѣе рисовали себѣ, какъ будущность, такъ и путь, который ведетъ къ ней...
>
> Изъ сочиненій послѣднихъ его годовъ должно упомянуть о переводѣ Евангелія съ замѣчаніями, которыя произвели немаловажное вліяніе на развитіе новѣйшей демократіи...» (Стр. 245 — 47).

Что же касается до точки зрѣнія, съ которой Ю. Шмидтъ смотритъ на этотъ предметъ, то о ней можно судить по слѣдующимъ словамъ его:

> «Часто дѣлали упрекъ Іюльской монархіи, что она ограничивала свободное развитіе мысли. Изъ предъидущихъ сочиненій сдѣлалось извѣстнымъ, о какихъ мысляхъ здѣсь шло дѣло, и правительство скорѣе было слишкомъ медленно, нежели поспѣшно въ исполненіи своей обязанности. Если Ламне за свои сочиненія былъ дѣйствительно обвиненъ

и приговоренъ къ годовому заключенію, то этотъ приговоръ можно совершенно оправдать въ настоящее время, когда кровавыя послѣдствія подобныхъ произведеній обнаружились на глазахъ всѣхъ.» (стр. 246.)

Любопытное оправданіе, особенно послѣ того, какъ само французское правительство находило заключеніе Ламне крайне несправедливымъ, потому что въ книгѣ его была полная независимость мнѣнія, но ничего возмутительнаго; и приписывать книгѣ кровавыя послѣдствія—это такой бредъ, какой могъ забраться только въ голову зачитавшагося профессора. Но, кажется, не легко будетъ г. Тиблену отыскать другого профессора, который бы съумѣлъ сдѣлать удобоваримой для неиспорченнаго даже желудка книгу Ю. Шмидта. Но даже и съ этой точки зрѣнія разсужденія его о Ламне оказались негодными.

Такимъ образомъ мы видѣли, какова была французская литература первыхъ десятилѣтій нашего вѣка. Единственная оппозиція, правда смѣлая и благородная, которую встрѣчали реакціонерные писаки, сосредоточивалась въ лицахъ П. Л. Курье и Беранже. Вѣроятно во второмъ томѣ своей исторіи Ю. Шмидтъ дастъ мнѣ случай поговорить о первомъ изъ нихъ. Пока же я ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями о Беранже.

Если я поставилъ рядомъ имена Курье и Беранже, то это только потому, что эти два человѣка представляли собой дѣйствительно довольно сильную оппозицію направленію «гнилой эпохи.» Но если по таланту и вліянію на народъ Беранже былъ также опасенъ для реакціи, какъ и Курье, то его нравственныя правила далеко не могутъ дать ему право на то уваженіе, которымъ справедливо пользуется память Курье. Курье былъ человѣкъ строгихъ убѣжденій; реакція знала это и не нашла другихъ средствъ расправиться съ нимъ, какъ подослать убійцу.

Съ Беранже не нужно было прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Вслѣдствіе ли поэтическаго легкомыслія или просто потому, что онъ не пренебрегалъ благами сей жизни, только онъ не прочь былъ подкурить и сильному міра.

Такъ напр. въ его сочиненіяхъ, рядомъ съ насмѣшками надъ католическимъ духовенствомъ, аристократіей, священнымъ союзомъ, Карломъ X, рядомъ со всѣмъ этимъ можно встрѣтить различныя оды въ честь разныхъ особъ, между прочимъ одну на въѣздъ въ Па-

рижъ того самого графа Артуа, котораго потомъ онъ такъ безпощадно осмѣивалъ. Ни вступленіе союзниковъ, ни наступавшее господство аристократіи и духовенства, ни низверженіе его героя, ничто не препятствовало ему рукоплескать въѣзжавшимъ Бурбонамъ. Правда, онъ былъ настолько честенъ, что потомъ, не опасаясь преслѣдованія, освисталъ тѣхъ же Бурбоновъ; но какъ хотите, такое поведеніе немногимъ отличается отъ поведенія австрійскаго поэта Якова Хама. Что же касается до произведеній Беранже, то всякій согласится, что единственное достоинство ихъ — это неисчерпаемая веселость и остроуміе. По мысли же они очень незамѣчательны, и взятыя вмѣстѣ доказываютъ какъ нельзя лучше, что у автора въ головѣ былъ страшный сумбуръ и что онъ уже потому не могъ имѣть твердыхъ убѣжденій, что вообще ни о чемъ почти не думалъ.

Послушаемъ, что говоритъ Ю. Шмидтъ о Беранже, и надо отдать ему справедливость, что говоритъ на этотъ разъ неглупо:

> «О политическомъ призваніи Беранже было такъ много говорено, что наконецъ онъ и самъ увѣрился въ немъ; а между тѣмъ всѣ его политическія убѣжденія легко можно свести къ тому положенію, что святоши, произносящіе слово осужденія надъ бѣдными гризетками и бродягами, въ душѣ не презираютъ наслажденія, и что они, въ своихъ монастыряхъ, празднуютъ шабаши, на которыхъ gaudriole не была бы оскверненіемъ. Эти святоши пользовались уваженіемъ реставраціоннаго правительства и проповѣдовали христіанство. Понятно, что милый поэтъ мститъ династіи и церкви за грѣхи ихъ защитниковъ, тѣмъ болѣе, что пѣсня ведетъ свое начало отъ фронды и особенно ядовито затрогиваетъ сильныхъ земли.» (Стр. 83.)

Впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобы приведенное мѣсто принадлежало Ю. Шмидту. Я имѣю право сдѣлать такое предположеніе, потому что встрѣчаю на всякой страницѣ у него заимствованія чужихъ мнѣній. Къ довершенію всего у него даже нельзя найдти той учености, которой отличаются нѣмецкіе филистеры. Его статьи о Риваролѣ, Шанфорѣ, Сенъ-Жюстѣ, Сіейсѣ, Порталисѣ, Ренуарѣ и о множествѣ другихъ есть перефразировка тѣхъ же статей изъ Causeries du Lundi Сентъ-Бёва.

Очень жаль, что вмѣсто книги Ю. Шмидта, г. Тибленъ не взялъ на себя трудъ издать «Общую Исторію Италіи 1846 — 50 г.» Діэго Copia. Тогда это прекрасное сочиненіе не было бы обезображено грязнымъ и неуклюжимъ изданіемъ и безграмотнымъ переводомъ.

Въ вышедшемъ доселѣ первомъ выпускѣ изложеніе событій доведено только до 1848 г. Но взглядъ автора на италіянскую революцію, на причины ея успѣховъ и неудачи уже виденъ. Большая часть перваго выпуска говоритъ о событіяхъ, предшествовавшихъ тому періоду, о которомъ идетъ рѣчь. Авторъ дѣлаетъ очеркъ италіянской исторіи отъ Вѣнскаго конгресса до избранія Пія IX. Книга его изобилуетъ фактами, изъ которыхъ многіе совершенно неизвѣстны. Изъ этого разсказа о событіяхъ, предшествовавшихъ революціи, развивается взглядъ автора на самую революцію. Ея неудачу онъ приписываетъ той легкомысленной довѣрчивости, небоявшейся никакихъ фактовъ, которую италіянцы питали къ своимъ правителямъ, державшимся посредствомъ безстыднѣйшихъ обмановъ и грубѣйшаго насилія. Такъ при Іоахимѣ Мюратѣ Фердинандъ изъ Сициліи давалъ неаполитанцамъ самыя либеральныя обѣщанія, если они возстановятъ у себя Бурбоновъ.

Довѣрчивые неаполитанцы вѣрили обѣщаніямъ короля, возставали и гибли ежегодно въ борьбѣ и заговорахъ противъ Мюрата. Эрцгерцогъ Іоаннъ и Лордъ Бентинкъ издавали прокламаціи, въ которыхъ обѣщали конституцію, свободу и независимость италіянцамъ. Генералъ Нугентъ прямо говоритъ отъ имени императора Франца о независимомъ италіянскомъ королевствѣ.

Но послѣ побѣды надъ Наполеономъ, когда старинные государи явились подъ прикрытіемъ австрійскихъ отрядовъ занять назначенныя для нихъ Вѣнскимъ конгрессомъ мѣста, всѣ эти обѣщанія были забыты, и италіянцы, недавно слышавшіе толки о конституціи, внезапно узнали, что всякій народъ имѣетъ свой особенный, исторически-выработанный типъ правленія и что для нихъ этотъ типъ — абсолютизмъ. Разумѣется, спорить было нельзя, потому что теорія типа была подкрѣплена весьма краснорѣчивыми доказательствами въ бѣлыхъ мундирахъ. Однако, по возвращеніи своемъ, нѣкоторые государи Италіи нашли, что *естественная форма правленія* этой страны извращена. Такъ напр. въ Сардинскомъ королевствѣ были законы, гласность судопроизводства, уничтожены крѣпостное право

и монастыри. Все это очевидно противорѣчило *естественной формѣ* и было уничтожено и замѣнено прежнимъ порядкомъ. То же правленіе вѣроятно служило типомъ и для Неаполя, потому что Фердинандъ по возвращеніи объявилъ, что не считаетъ себя связаннымъ своими обѣщаніями, такъ какъ давалъ ихъ не онъ, Фердинандъ I, король обѣихъ Сицилей, а Фердинандъ III, король сицилійскій. Порядки, заведенные французами, уцѣлѣли только въ Тосканѣ; прочія же государства вернулись къ тому положенію, въ которомъ ихъ застала французская революція.

Однако, италіянцы, какъ видно, не совсѣмъ вѣрили въ необходимость для нихъ такого порядка вещей, потому что уже въ 1820 г. вспыхнула революція въ Неаполѣ и Пьемонтѣ. Приэтомъ замѣчателенъ опять образъ дѣйствія Фердинанда неаполитанскаго и его сына. Фэрдинандъ былъ принужденъ дать испанскую конституцію, но восторжествовавшіе либералы имѣли глупость послать его на Лайбахскій конгрессъ, чтобъ просить у священнаго союза утвержденія этой конституціи. Передъ отъѣздомъ они взяли съ него клятву, забывъ, что ему стоитъ назвать себя Фердинандамъ III, королемъ іерусалимскимъ, чтобъ развязаться со всѣми клятвами. Но на этотъ разъ онъ обошелся даже безъ этой невинной хитрости. Онъ слишкомъ ненавидѣлъ либераловъ, чтобы дорожить ихъ мнѣніемъ о себѣ; въ сочувствіи же священнаго союза онъ былъ увѣреиъ. Одного только опасался онъ — чорта, потому что былъ человѣкъ суевѣрный. Поэтому онъ подарилъ пудовый серебряный подсвѣчникъ Мадоннѣ и съ этихъ поръ пересталъ церемониться. Въ Лайбахѣ онъ заикнулся только объ австрійскихъ войскахъ, какъ они уже немедленно были отданы въ надлежащемъ количествѣ въ его распоряженіе. Между тѣмъ въ Неаполѣ управлялъ въ его отсутствіе сынъ его. Ему благоразумные либералы поручили армію, съ которой онъ долженъ былъ отразить своего отца. Но принцъ менѣе дорожилъ репутаціей хорошаго генерала, чѣмъ безграничною властью по смерти отца. Поэтому онъ дѣйствовалъ такъ неудачно, что черезъ нѣсколько недѣль Фердинандъ былъ въ Неаполѣ, о конституціи же не было и помину, кромѣ развѣ казней и депортацій благоразумныхъ либераловъ, пустившихъ козловъ въ огородъ. Фердинандъ забавлялся, пустивъ въ народъ сорокъ бѣлыхъ медвѣдей—презентъ Императора Александра. Къ сожалѣнію (т. е. не для народа, а для медвѣдей), король-ладзарони умеръ вскорѣ послѣ этого, въ 1825 г. Его сынъ

Францискъ I, тотъ самый, который такъ плохо предводительствовалъ конституціонными войсками, сохранилъ, вслѣдствіе своего добровольнаго пораженія, нѣкоторое нерасположеніе къ своимъ побѣдителямъ австрійцамъ и не желалъ ихъ вліянія на Неаполь. Поэтому ихъ войска, занимавшія съ 1820 г. страну, должны были удалиться. Но министры Франциска, подкрѣпленные вѣнскимъ дворомъ, употребляли всѣ усилія, чтобы заставить короля обратиться къ Австріи, и съ этой цѣлью выдумывали разные заговоры и опасности, будто бы грозившіе престолу. Францискъ испугался, но за извѣстнымъ, необходимымъ для своего спокойствія, количествомъ штыковъ обратился не въ Вѣну, а въ Парижъ. Это не входило въ разсчеты министровъ, и они подговорили шайку разбойниковъ, которые никогда не переводятся въ блаженномъ королевствѣ обѣихъ Сицилій, распустить трехцвѣтное знамя и провозгласить свободу.

Эти крики и это знамя смутили нѣсколькихъ крестьянъ изъ Чиленто, провозгласившихъ конституцію и разбившихъ телеграфъ. Францискъ ужаснулся, но все-таки перехитрилъ своихъ министровъ. Онъ рѣшился обойтись безъ иностранной помощи, полагаясь на таланты нѣкоего мужа съ желѣзной волей. Мужъ этотъ, именемъ Делькаретто, во главѣ храбрыхъ жандармовъ произвелъ чудо. Онъ съумѣлъ одержать блистательныя побѣды, забрать множество плѣнныхъ, учредить нѣсколько судныхъ коммисій, казнить безчисленное множество бунтовщиковъ, четвертованные трупы которыхъ въ желѣзныхъ клѣткахъ развозили по деревнямъ, а головы отсылали женамъ и дѣтямъ и все это среди совершеннаго мира и тишины, среди всеобщаго ужаса и страха, не позволявшаго и думать о какомъ бы то ни было сопротивленіи королевскимъ войскамъ. Разумѣется, такіе странные результаты были достигнуты странными мѣрами: почтенный шефъ жандармовъ ниспадалъ среди бѣлаго дня на деревни, бралъ ихъ приступомъ, сжигалъ дома, ловилъ и сажалъ разбѣгавшійся народъ на штыки. Ежедневные биллютени возвѣщали о подобныхъ подвигахъ, которые въ этихъ описаніяхъ принимали видъ упорныхъ битвъ. Послѣ такого энергическаго усмиренія несуществовавшаго мятежа, остальные годы царствованія Франциска были посвящены судебному преслѣдованію заговорщиковъ, которые, хотя на дѣлѣ не существовали, но число казней отъ этого не уменьшалось. Революція 1830 г., отразившись въ Италіи, дала италіянскимъ правительствамъ новый случай выказать свое остроуміе, а либераламъ свое тупоуміе. Въ Не-

аполѣ Фердинандъ II Бомба наслѣдовалъ Франциску, умершему въ одно время съ изгнаніемъ Карла X. Увидя, что времена не благопріятствуютъ звѣрству, Бомба заявилъ себя либераломъ и внушилъ къ себѣ полное довѣріе этой партіи, которая повидимому только о томъ и помышляла, чтобы пріобрѣсти либеральнаго короля, и заподозривала въ либерализмѣ каждаго правителя, неимѣвшаго привычки разстрѣливать десятокъ человѣкъ ежедневно. По этому Фердинандъ II, подъ прикрытіемъ своей либеральной репутаціи, спокойно дожидался времени, когда вѣтеръ перемѣнится и ему можно будетъ доказать своимъ подданнымъ, что и онъ Бурбонъ, не хуже своего дѣда и отца. Въ Моденѣ герцогъ Францискъ IV счелъ также нужнымъ придерживаться либеральнаго образа мыслей и надѣялся помощію его завладѣть пьемонтскимъ престоломъ, на который онъ имѣлъ, по его мнѣнію, болѣе правъ, чѣмъ принцъ кариньянскій. Онъ сошелся съ главою моденскихъ либераловъ Сиро-Менотти и предложилъ ему поднять трехцвѣтное знамя. Но въ это время дѣла либераловъ пошли круто; Карлъ Альбертъ, по смерти Карла Феликса, съ помощью войскъ возстановилъ патріархальный образъ правленія въ Пьемонтѣ. Всѣ стали коситься на Франциска IV, казавшагося благонамѣреннымъ правителямъ чѣмъ-то въ родѣ якобинца. Францискъ поспѣшилъ возстановить свою репутацію. Онъ лично арестовалъ Сиро-Менотти, который, не подозрѣвая измѣны, занимался съ нѣсколькими товарищами разсмотрѣніемъ плана италіянскаго возстанія, составленнаго самимъ герцогомъ. При арестаціи большая часть единомышленниковъ герцога были убиты, а Менотти раненъ и взятъ. Однако моденцы возстали противъ такого правителя. Герцогъ бѣжалъ въ Мантуу, не забывъ взять съ собой Менотти. Вернувшись въ Модену, съ помощью австрійцевъ онъ покоралъ мятежниковъ, а Менотти задушилъ въ тюрьмѣ. Сдѣлалъ онъ это съ цѣлью уничтожить свидѣтеля своихъ прежнихъ неблагонамѣренныхъ замысловъ; но даже эти подвиги не могли пріобрѣсти ему довѣрія Австріи, пока наконецъ долговременная служба по полиціи не доказала имъ искренность раскаянія герцога. Въ періодъ 1831—48 годовъ на поприще раскаянія подвизалась другая нѣкогда заблудшаяся овца. Овца эта, которую впрочемъ гораздо приличнѣе называть волкомъ, былъ Карлъ-Альбертъ сардинскій, въ 1821 г. во время своего управленія страной навлекшій на себя немилость и подозрѣніе Карла Феликса и всей реакціонной Европы.

Для искупленія своего онъ участвовалъ въ качествѣ волонтера въ крестовомъ походѣ противъ либераловъ въ Испаніи, воспѣтомъ Шатабріаномъ, и слѣдовательно внесъ посильную лепту въ дѣло возстановленія Фердинанда VII и казни Ріэго. Сдѣлавшись въ 1831 г. королемъ, онъ продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ будто считалъ себя обязаннымъ загладить гоненіемъ на либераловъ позоръ прежнихъ сношеній съ ними. Въ то время ему и въ голову не приходило, что люди, которыхъ онъ предалъ мести Карла Феликса и гналъ впродолженіи 16 первыхъ лѣтъ своего царствованія, будутъ со временемъ считать его бойцемъ и мученикомъ за свободу Италіи и возобновятъ жестокости Бурбоновъ въ Неаполѣ pour les beaux yeux его сына.

Такимъ образомъ, начиная съ той минуты, когда французская революція въ первый разъ пошатнула престолы италіянскихъ государей, въ Италіи не было почти ни одного года, въ который бы хотя въ одномъ концѣ ея не вѣшали, не разстрѣливали, не ссылали на галеры; всякій годъ открывались заговоры, усмирялись мятежи, призывались австрійскія войска, давались и не исполнялись обѣщанія. Папскій дворъ организовалъ даже цѣлую армію. Число недовольныхъ въ странѣ было такъ велико, что впродолженіи 30 лѣтъ оно держало въ страхѣ государей, снабженныхъ превосходной полиціей, храброй жандарменіей и многочисленными своими и чужими войсками. Эти недовольные были достаточно сильны для того, чтобы послѣ тридцатилѣтней войны одержать побѣду и хотя вслѣдъ за симъ и потерпѣли пораженіе, но въ десять лѣтъ оправились отъ него и доставили окончательное торжество трехцвѣтному флагу. Это замѣчательно потому, что эта оппозиція была всего менѣе демократическая. «Вихрь революціи, говоритъ Діэго Соріа въ безобразномъ переводѣ г. Канчаловскаго, увлекъ только часть дворянства, духовенства, помѣщиковъ, студентовъ и ученыхъ»; между тѣмъ какъ народъ не только не былъ противъ правительства, но даже во многихъ случаяхъ открыто возставалъ во имя абсолютизма противъ либеральныхъ движеній.

Мнѣ кажется, что уже достаточно выпало на долю буржуазіи брани и укоровъ. Добрые буржуа, столь интересные въ претерпѣваемыхъ ими гоненіяхъ отъ представителей дикаго произвола, доказали неоднократно, что не уступаютъ, а даже превосходятъ въ звѣрствѣ своихъ гонителей, когда дѣло заходитъ о нуждахъ и требованіяхъ низшихъ классовъ. Революція 1848 г. во Франціи и въ Германіи,

англійскія возстанія рабочихъ нынѣшняго столѣтія и послѣднія дѣйствія національной гвардіи италіянскаго королевства заклеймили позоромъ царство барышниковъ. Конечно, всѣ нареканія, которымъ они подверглись, не въ состояніи искупить крови іюньскихъ дней, манчестерской рѣзни и Аспромонте; но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что теперь уже ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ сочувствовать движенію, направленному въ пользу буржуазіи. Между тѣмъ есть еще весьма много хорошихъ людей, способныхъ увлекаться всѣмъ, выступающимъ подъ демократическимъ знаменемъ. Хотя демократы доказали свою несостоятельность въ 1848 г., но французскіе демократы въ своихъ ошибкахъ даже сохранили столько честности и благородства, что можно было сожалѣть о голубиной наивности ихъ сердецъ, но ненавидѣть ихъ было не зачто. Все это и произвело ту добрую славу, которая осталась за демократами въ то время, когда абсолютизмъ, аристократизмъ и буржуазія возбуждали къ себѣ всеобщее отвращеніе и презрѣніе. Отчасти способствовало этому то, что большинство не имѣло довольно храбрости, чтобы возстать противъ демократизма, облеченнаго въ интересный видъ страданія и благородства. Но эти соображенія не останавливаютъ Діэго Соріа: онъ слишкомъ выстрадалъ отъ ошибокъ и звѣрства разныхъ партій своего отечества, чтобы церемониться съ кѣмъ бы то ни было. Читая его, невольно приходитъ мысль о томъ необыкновенномъ недостаткѣ сообразительныхъ способностей, которые высказываютъ демократы во что бы то ни стало. Французскіе демократы, ожидающіе его на престолъ и курящіе ему фиміамъ, имѣютъ право поступать такъ: французскій работникъ несравненно болѣе человѣкъ, чѣмъ глупый, жестокій и трудолюбивый буржуа. Французскій работникъ вдумывается въ свою судьбу, онъ старается разгадать этотъ сфинксъ и не упускаетъ изъ виду ни одного средства развить свой умъ. Достаточно вспомнить, что изъ ихъ среды вышли замѣчательнѣйшіе дѣятели 1848 г., и тогда мы увидимъ, что французскіе демократы имѣютъ основаніе призывать къ власти классъ народа, несравненно болѣе развитой, болѣе образованный, чѣмъ управлявшіе до сихъ поръ лавочники. Но къ сожалѣнію не всѣ страны похожи на Францію: есть націи, въ которыхъ развитія французскихъ рабочихъ достигли только немногіе лица изъ высшаго и средняго сословій. Остальная часть націи и именно такъ называемый народъ, пребываетъ въ состояніи, близкомъ къ состоянію какихъ-нибудь каффровъ или

курдовъ. Казалось бы, что въ такокъ государствѣ не можетъ быть и рѣчи о демократахъ и демократизмѣ. Однако безпардонные демократы не останавливаются передъ такими пустяками. Они вовсе не вдумываются въ сущность демократизма, а имъ просто пріятно считать себя демократами и походить на Леджю-Роллена. Поэтому они считаютъ долгомъ вопіять противъ аристократіи и буржуазіи, какъ будто есть что-то лучшее этого. Имъ нѣтъ дѣла, что когда противъ буржуазіи вопіютъ французскіе демократы, то они имѣютъ въ виду классъ общества, изъ котораго вышли самые лучшіе люди ихъ страны: они хотятъ быть демократами, да и только, а тамъ имъ все равно, что на замѣну аристократіи и буржуазіи есть только звѣри въ человѣческомъ образѣ, бѣлые медвѣди съ Бомбой во главѣ; потому что знаменитый *народъ* связанъ тѣсными и не разрывными узами грубости и варварства съ Бомбами.

Всѣ эти горькія истины пришлось на себѣ испытать италіянскимъ либераламъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Добрые лаццарони, кричавшіе въ январѣ 1848 г.: «Да здравствуетъ конституція!» въ маѣ уже грабили городъ, съ криками: «Да здравствуетъ абсолютный король! Долой конституцію!» и помогли Бомбѣ уничтожить конституцію и этимъ способствовать гибели италіянскаго движенія. Во время сицилійскаго возстанія они кричали: «Да здравствуетъ Джіоберти!» и спрашивали у національной гвардіи: «кто такой Джіоберти»? Крича «Viva!» они думали, что это означаетъ приказанье всѣмъ *пить!* Этому народу какъ нельзя болѣе былъ по плечу король Фердинандъ, мечтавшій о томъ, чтобы, въ случаѣ окончательнаго торжества либераловъ, сдѣлаться русскимъ полковымъ командиромъ; но вѣроятно ему бы и въ голову не пришла подобная мысль, если бы высшіе классы, вмѣсто того, чтобы бороться съ нимъ, ожидали народной инициативы и сближенія съ народомъ. Народъ грубъ, тупъ и вслѣдствіе этого пассивенъ; это конечно не его вина, но это—такъ, и какой бы то ни было инициативы съ его стороны страшно ожидать. Онъ всегда скорѣе готовъ, какъ неаполитанскіе лаццарони, идти рядомъ съ наемными швейцарцами грабить и убивать мирныхъ жителей и противодѣйствовать свободѣ страны. Поэтому благоразуміе требуетъ, не смущаясь величественнымъ пьедесталомъ, на который демократы возвели народъ, дѣйствовать энергически противъ него, потому что народъ въ такомъ состояніи, какъ въ Италіи, не можетъ по неразвитію, поступать сообразно съ своими выгодами; если сознана необхо-

димость навязывать насильно народу образованіе, то я не могу понять, почему ложный стыдъ передъ демократическими нелѣпостями можетъ быть довольно силенъ, чтобы мѣшать признать необходимость насильнаго дарованія ему другого блага, столь же необходимаго, какъ образованіе, и безъ котораго послѣднее невозможно,—свободы. Но всему этому еще горькій опытъ не научилъ дѣятелей 1848 г. Они не только вѣрили въ добродѣтели народа, но даже въ достоинство Карла-Альберта, Леопольда II и Пія IX. Въ періодъ 1846—48 годовъ, когда дѣло еще только начиналось, Италія была необыкновенно богата надеждами. Не проходило мѣсяца, чтобы лучшія ожиданія не волновали умы при назначеніи на министерское мѣсто какого нибудь господина, который тщетно ломалъ голову, чтобы разгадать непонятную тайну своей популярности. Правда, этотъ господинъ успѣвалъ въ самое непродолжительное время истощать терпѣніе самыхъ терпѣливыхъ и добродушныхъ людей, но надежды отъ этого не уменьшались и новые крики радости привѣтствовали его преемника. Поэтому нельзя не удивляться справедливости и безпристрастію мнѣній автора «Исторіи Италіи», который, не смотря на испытанныя преслѣдованія, совершенно оправдываетъ государей отъ многихъ обвиненій, на томъ именно основаніи, что они нисколько не были виноваты въ надеждахъ, которыя возбуждали, а слѣдовательно и въ разочарованіи, которое слѣдовало затѣмъ. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ былъ Пій IX, что отъ него ожидали невозможнаго, что думали, что старый клерикалъ, аристократъ и кардиналъ временъ Пія VII и Григорія XVI окажется чѣмъ-то въ родѣ Гарибальди? Онъ не дѣлалъ никакихъ обѣщаній, не подавалъ никакихъ надеждъ; а его имя сдѣлали крикомъ свободы, отъ него ждали освобожденія Италіи. Это тѣмъ очевиднѣе, что для ожидающихъ и надѣявшихся было все равно, кого бы ни выбрали, имъ не было дѣла до личности. Во время конклава распространился слухъ о томъ, что папой будетъ кардиналъ Гицци: и всѣ были рады, всѣ ждали отъ него того же, чего потомъ ожидали отъ Пія IX. Выбрали не Гицци, а Мастаи-Феррети, и надежды не уменьшились нисколько. Если бы выбрали Амато или Чіакки, было бы тоже самое. Поэтому и выходили такіе странные qui pro quo, что въ то время, когда Пій призывалъ противъ своихъ подданныхъ австрійское войско, ему дѣлали оваціи и ожидали, что онъ отлучитъ Австрію отъ церкви. Здѣсь никто никого не обманывалъ, или лучше сказать, обманывали сами

себя. Точно тоже и въ Сардиніи относительно Карла Альберта. Этотъ король, 16 лѣтъ занимавшійся тѣмъ же, чѣмъ занимались неаполитанскіе и испанскіе Бурбоны, вдругъ увидѣлъ въ честь свою разныя оваціи. Здравый смыслъ, котораго у него одного въ этомъ случаѣ было больше, чѣмъ у всѣхъ его подданныхъ, говорилъ ему, что дѣлать оваціи и возлагать надежды на человѣка, который всю жизнь заботился только объ іезуитахъ и еще такъ недавно очищалъ по кавеньяковски улицы Генуи и Турина — до того нелѣпо, что вѣроятно скрываетъ за собой что-нибудь недоброе. Онъ былъ правъ и поступалъ логично, проѣзжая въ закрытой каретѣ, окруженной карабинерами по улицамъ, усыпаннымъ цвѣтами, уставленнымъ тріумфальными арками и покрытымъ огромной толпой, кричащей: «Да здравствуетъ король!» Его жена была благоразумна, когда на колѣняхъ умоляла его не показываться народу, который, собравшись передъ дворцомъ, желалъ выразить ему благодарность за благодѣянія, о которыхъ никто ничего не зналъ и которыя были не болѣе, какъ нелѣпыя надежды, сочиненныя самимъ же народомъ. Но всѣхъ лучше выразилъ это Фердинандъ Бомба. Такъ какъ всѣ эти оваціи имѣли источникомъ либеральныя надежды, то онъ видѣлъ въ этомъ противузаконный поступокъ и, подобно московскимъ профессорамъ, запретилъ аплодировать себѣ. Крикъ: «Да здравствуетъ король» сталъ считаться буйствомъ. Это кажется страннымъ, но въ сущности это послѣдовательно.

Но теперь является самъ собою вопросъ: почему же вдругъ въ лѣто отъ Р. Х. 1846-е возникли всѣ эти надежды, эти упованія, эти ожиданія? Почему не привѣтствовали восторгами ни Льва XII, ни Пія VIII, ни Григорія XVI; почему только послѣ 16-лѣтней тираніи заподозрили Карла Альберта въ какихъ-то добродѣтеляхъ? По моему мнѣнію, причиной этого была слишкомъ затянутая петля, рѣзавшая руки самимъ палачамъ. До реставраціи, покуда правленіе отличалось мирною патріархальностью, какъ не было тяжело народу, но онъ могъ терпѣть, покоряясь необходимости, считая, что ужъ такъ свѣтъ устроенъ, что онъ долженъ голодать и платить. Но когда прямо объявили, что опора общества есть палачь, когда австрійскіе вассалы начали открытую войну противъ своихъ италіянскихъ подданныхъ, тогда дѣла перемѣнились. Тридцать лѣтъ германскіе властители вели себя въ отношеніи высшихъ классовъ, какъ враги, и тридцать лѣтъ были побѣдителями. Но та-

кая, хотя побѣдоносная борьба наконецъ утомила ихъ. Такое напряженное положеніе сдѣлалось невыносимымъ; требовалось отъ борьбы какого нибудь результата, нужно было или окончательно раздавить враговъ или сдѣлать первый шагъ къ миру. Но раздавить нельзя цѣлую націю: одно поколѣніе погибло, а на смѣну ему выростало другое и поставляло новыя жертвы. Нужно было кончить чѣмъ-нибудь, и какъ ни противна была правителямъ мысль о реформахъ, но идти по старому пути, или остановиться на одной точкѣ было невозможно. Эта невозможность, эта зависимость отъ обстоятельствъ, эта неловкость положенія сознавалась инстинктивно всѣми.

Отъ этого правители впадали въ ошибки, дѣлали робкія движенія по видимому обѣщавшія реформы, всегда держали камень за пазухой, чтобы поразить того, кто слишкомъ увлечется розовыми надеждами. Переживали какое-то переходное состояніе, въ которомъ подданные ждали, а властители думали о томъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы, какъ бы въ одно время и народъ успокоить и все по старому оставить. Правда, Пій IX и Карлъ Альбертъ никакихъ обѣщаній не давали; но самое положеніе ихъ было таково, что общество чувствовало, что они находятся въ необходимости уступить; но это инстинктивное чувство не было достаточно сознано обществомъ, чтобы оно могло понять, что уступки эти могутъ быть вызваны только крайностью, а никакъ не сдѣланы добровольно. Поэтому оно приходило въ восторгъ, когда удовлетворялась тысячная доля его желаній и надеждъ, и восторженно благодарило за то, что было дано во избѣжаніе большихъ уступокъ со злобою и неудовольствіемъ. Фердинандъ II и здѣсь былъ умнѣе всѣхъ: онъ отбилъ у либераловъ своего королевства всякую надежду на какія бы то ни было реформы, и когда тѣ взяли ихъ силой, выждалъ случая отнять назадъ и жестоко отмстить. Этимъ онъ навлекъ на себя упрекъ въ варварствѣ, но по крайней мѣрѣ спасся отъ упрековъ въ вѣроломствѣ и измѣнѣ, отъ которыхъ не удастся спасти память Карла Альберта. Но взглядъ Діэго Соріа на эти дальнѣйшія событія еще неизвѣстенъ и я подожду выхода второго тома, чтобы поговорить о нихъ съ читателями. Разсказъ покуда доведенъ до неаполитанской революціи, усмиренной конституціей, данной Бомбой послѣ самого упорнаго сопротивленія. Если бы побѣда осталась за

нимъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что сициліянцы и неаполитанцы могли бы смѣло сказать королю, что

Ни разу кратеръ грозной Этны
Такъ безпощаденъ не бывалъ.

Но когда побѣда осталась за либералами, то они на другой же день сдѣлали тріумфъ Фердинанду, который долго не вѣрилъ такой глупости и наконецъ сказалъ генералу Стателлѣ:

— Ну, мы дешево отдѣлались.

Замѣчательно, что около того же времени тѣ же самыя слова были сказаны Карломъ Альбертомъ и Піемъ IX. Такой единодушный приговоръ достаточенъ, кажется, чтобы засвидѣтельствовать передъ судомъ исторіи, насколько было практическаго смысла у италіянскихъ либераловъ.

Съ тѣхъ поръ Фердинандъ не скрывалъ своего презрѣнія къ людямъ, неумѣвшимъ упрочить за собой то, что добыли цѣною тридцатилѣтней борьбы и крови нѣсколькихъ поколѣній. Когда у него съ оружіемъ въ рукахъ вырвали конституцію, принять которую съумѣли съ такимъ видомъ, какъ будто она была октроирована, когда послѣ этого онъ проѣзжалъ среди огромныхъ массъ радостнаго народа, кричавшаго ему привѣтствія и выражавшаго любовь и благодарность, лошадь его остановилась.

— Видно, что конституціонная лошадь, громко сказалъ король, еще вчера говорившій, что во вниманіе къ желанію любезныхъ подданныхъ и духу времени, даетъ конституцію:—видно, что конституціонная лошадь... она не можетъ идти впередъ.

Вотъ какъ объясняетъ намъ переводчикъ «Естественной исторіи насѣкомыхъ» г. Минъ цѣль, которую имѣли авторы ея гг. Кэрби и Спэнсъ при составленіи этой книги:

«Въ числѣ намѣреній ихъ было еще и то, чтобы направить вниманіе читателей «отъ природы къ Богу природы». Зная, что естественная исторія часто была употребляема во зло многими философами (?), которые, вслѣдствіе необъяснимаго извращенія ума, усиливались вывесть изъ самыхъ созданій Бога доказательства противъ *Его* существованія и провидѣнія, равно и противъ вѣрованія, изложеннаго въ Св. писаніи,—авторы заключали, что они могутъ принесть нѣкоторую пользу важнѣйшимъ

интересамъ человѣчества, указавъ, какъ каждый отдѣлъ науки, ими предлагаемый, подтверждаетъ великія истины религіи и доказываетъ, что ученіе *Слова Божія* не только не опровергается, но еще торжественнымъ образомъ подтверждается *Его* дѣлами. *Видѣть все въ Богѣ*—составляетъ одно изъ блаженствъ будущей жизни; «*видѣть Бога во всемъ*», видѣть въ зеркалѣ созданія отраженную славу Творца—составляетъ въ настоящей жизни счастіе, которое имѣетъ еще то преимущество, что освящаетъ наши занятія и внушаетъ намъ при созерцаніи тварей и ихъ инстинктовъ любовь къ *Тому, Кто* создалъ ихъ и надѣлилъ всѣмъ, что имъ свойственно» (стр. X).

Съ этимъ взглядомъ гг. Кэрби и Спэнса, такъ краснорѣчиво изложеннымъ г. профессоромъ Миномъ, нельзя не согласиться. Только сообразно съ основной идеей книги, она никакъ не можетъ быть принята за руководство при изученіи естествовѣденія; но за то можетъ дать много прекрасныхъ мыслей и темъ для семинарскихъ упражненій въ слогѣ. Гг. Кэрби и Спэнсъ говорятъ:

«Изъ всѣхъ догматовъ религіи исторія насѣкомыхъ строже всего подтверждаетъ догматъ о Провидѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, при такой безчисленности видовъ, изъ которыхъ многіе непостижимо слабы и подвержены безпрестаннымъ опасностямъ со стороны своихъ безчисленныхъ враговъ, не утрачивается ни одного звѣна изъ этой цѣпи; всѣ виды сохраняются въ тѣхъ относительныхъ пропорціяхъ, которыя необходимы для общаго блага органическихъ существъ, и если на время одинъ видъ дѣлается преобладающимъ, или начинаетъ видимо уничтожаться, то провидѣніе тотчасъ же возстанавливаетъ равновѣсіе и приводитъ такой колеблющійся видъ въ надлежащіе предѣлы. Сверхъ того дѣятельность насѣкомыхъ направлена и предусмотрѣна такъ, чтобы она постоянно стремилась къ указанной цѣли и никогда не превышала своего назначенія: сильнѣе этого нельзя доказать, что Творецъ своею невидимою рукою держитъ бразды правленія и, чтобы лучше достигнуть мудрыхъ своихъ цѣлей, даетъ перевѣсъ то одному, то другому изъ созданныхъ Имъ существъ, изрекая каждому изъ нихъ: «Ты дойдешь до сихъ поръ, но не далѣе».

«До того сложна эта міровая система, до того непрерывны столкновенія между ея составными частями, какъ это особенно замѣтно между насѣкомыми, что еслибъ она не оставались болѣе подъ такимъ контролемъ, и была бы предоставлена слѣпому случаю, то разстроилась бы и разрушилась неизбѣжно. Міръ насѣкомыхъ—это та книга, въ которой со всевозможною ясностью изложены отношенія между явленіями и причиной этихъ явленій, и каждый читающій эту книгу не можетъ не признать повсюду проявившуюся вѣчную силу и неистощимую благость этой Причины; каждый взирающій на насѣкомыхъ, если онъ не слѣпъ и не гордъ, увидитъ въ нихъ Всемогущаго Зиждителя во всей Его Славѣ, и всѣми силами души своей восхвалитъ и возвеличитъ Его.

Him first, Him last, Him midst, Him withoutend.

Онъ первый, Онъ послѣдній, Онъ срединный, Онъ безконечный.

Теперь, проводивъ васъ къ преддверью колоссальнаго храма природы, въ святилищѣ котораго покоятся всѣ символы божественнаго присутствія, я приглашаю васъ войти въ этотъ храмъ и присоединить свой голосъ къ тому торжественному хору, въ которомъ каждая тварь, всѣми силами исполняющая волю Создателя, возсылаетъ къ нему свои радостныя аллилуія.» (стр. 15—16).

Въ этихъ словахъ открывается передъ нами цѣлое, особенное міросозерцаніе, совершенно отличное отъ холоднаго, спокойнаго взгляда естествоиспытателя. Любопытство послѣдняго, его обдуманные выводы изъ наблюденій, его разсудительный, ученый анализъ замѣняются здѣсь какимъ-то удивленіемъ, принадлежащимъ къ первымъ ступенямъ развитія. Разсматривая богатый отдѣлъ насѣкомыхъ, наблюдатель не учится и не научаетъ, не анализуетъ, не испытуетъ: онъ просто приходитъ въ наивное изумленіе. Очевидно, что наблюдатель этотъ не естествоиспытатель. Для послѣдняго нисколько не удивительно, что насѣкомыя, при той половой дѣятельности, которой они обладаютъ, не изчезаютъ съ лица земли, не смотря на многочисленность враговъ. Онъ не разсматриваетъ также эту чрезмѣрную силу половой дѣятельности, какъ защиту, данную насѣкомымъ противъ уничтоженія ихъ рода разными потребителями. На его взглядъ, сила эта служитъ для поддержанія вида, но онъ не видитъ въ этомъ никакого предусмотрѣнія. Онъ знаетъ, что все существующее таково потому, что иначе быть не можетъ и не ломаетъ головы, какъ Кифа Мокіевичъ, задавая себѣ вопросы въ родѣ того, что бы было, если бъ это существующее было другимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Онъ знаетъ также, что вопросы *зачѣмъ* и *почему* нелѣпы въ этомъ случаѣ и что ученіе о цѣлесообразности разрушено наукой и возвращаться къ нему нѣтъ никакой надобности. Но иначе разсуждаютъ поэтъ, и всякій другой фантазеръ. Ихъ невѣжеству и непривычкѣ обращаться съ предметами естествознанія свойственно наивное изумленіе въ ту минуту, когда они видятъ какое нибудь физическое явленіе. Имъ неизвѣстна вся цѣпь этихъ явленій, лишающая каждый отдѣльный фактъ его загадочности и поразительности, и поэтому при созерцаніи подобнаго факта имъ сейчасъ же приходятъ въ голову вопросы: *зачѣмъ* и *почему*?

Замѣчая, что у мужика мускулы сильны, а у барыни слабы, они готовы удивляться премудрости природы, давшей первому необходимую

силу для его дѣятельности и лишившей ея вторую. Видя, что гибнущія милліонами сельди также милліонами размножаются, а домашній скотъ, находящійся въ безопасности отъ враговъ, плодится слабо, они изумляются заботливости природы о ея созданіяхъ: они забываютъ или не знаютъ, что эта заботливость о сохраненіи существующихъ видовъ не помѣшала погибнуть громадному числу ихъ, не мѣшаетъ и теперь имъ изчезать съ лица земли. Все это очень естественно, потому что никто и не станетъ ожидать отъ поэтовъ и тѣхъ свѣденій и того знанія, которыя встрѣчаются у спеціалистовъ. Но если взглядъ свойственный людямъ, не имѣющимъ никакого понятія о наукахъ естественныхъ, встрѣчается у человѣка, заявляющаго свое знакомство съ предметомъ, то тутъ уже необходимо заключить, что причина такого взгляда лежитъ въ тупоти умственныхъ способностей автора. Къ подобному умозаключенію пришелъ и я, читая книгу гг. Кэрби и Спэнса,—умозаключеніе тѣмъ менѣе лестное для этихъ господъ, что ихъ—двое, и что слѣдовательно сумма здраваго смысла, которую я вижу въ нихъ, должна быть раздѣлена на двухъ.

Еще недавно читатели «Русскаго Слова» могли прочесть въ статьѣ «Афонъ» г. Благовѣщенскаго, какъ монахи св. горы, въ числѣ средствъ для спасенія души считаютъ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ то, чтобы отдавать свою плоть на съѣденіе различнымъ насѣкомымъ. Какъ ни поразителенъ такой рѣзкій примѣръ, но нужно вспомнить, что это понятіе коренится среди невѣжественнаго и наивнаго населенія св. горы, умъ котораго, ослабленный суровой жизнью, направленъ исключительно на изысканіе средствъ къ самоизтязанію. Но что слѣдуетъ думать о людяхъ, считающихъ себя учеными естествоиспыталями, которые раздѣляютъ подобное убѣжденіе? А между тѣмъ гг. Кэрби и Спэнсъ, переведенные на россійскій языкъ достойнымъ г. профессоромъ Миномъ, именно подтверждаютъ воззрѣнія афонскихъ отшельниковъ.

«Всемогущій, говорятъ эти ученые, творитъ различныя орудія для наказанія прегрѣшающихъ передъ Нимъ народовъ. Онъ поражаетъ ихъ желѣзнымъ жезломъ войны, воздвигаетъ на нихъ стихіи, и по слову Его, несутъ имъ гибель землетрясенія и потоки огня. Времена года, неблагопріятныя для растительности, грозятъ имъ голодомъ, и ржавчина съ медвяною росой осуществляетъ эти угрозы. Нерѣдко для большаго проявленія Своей силы, Онъ употребляетъ средства, съ перваго взгляда представляющіяся совершенно ничтожными и недостаточными для разрушительнаго дѣйствія. Безчисленныя полчища насѣкомыхъ становятся въ ря-

ды Его воинства и, Имъ предводительствуемыя, выполняютъ Его неотразимыя, велѣнія, производя страшное опустошеніе. Повсюду, гдѣ Онъ проведетъ ихъ, они оставляютъ обнаженную землю. Голодъ и моровая язва часто слѣдуютъ по стопамъ ихъ» (стр. 65).

Такимъ образомъ Всемогущій, по мнѣнію Кэрби и Спенса, представляется врагомъ человѣчества.

Отсюда уже конечно прямой переходъ къ кормленію своимъ тѣломъ клоповъ и блохъ. Но гг. Кэрби и Спэнсъ ближе къ этому выводу чѣмъ можно ожидать. На стр. 67 они уже прямо говорятъ про классъ насѣкомыхъ, «который провидѣнію угодно было создать по видимому нарочно для того, чтобы наказать человѣка за невниманіе къ личной чистотѣ и опрятности». Тутъ идетъ толкъ про блохъ, клоповъ, клещей и другихъ паразитовъ, которые всѣ представляются орудіями промысла для наказанія рода человѣческаго за грязь и нечистоту. Гг. Кэрби и Спэнсъ забываютъ вѣроятно, что въ самой Англіи существуютъ многочисленные классы общества, для которыхъ опрятность — недоступная роскошь и которые такъ же не могутъ избавиться отъ клоповъ, какъ два почтенные естествоиспытателя отъ тупоумія. Клопы, грязь и среда, въ которой они должны жить и избавиться отъ которой они не всостояніи. ужъ конечно аависятъ не отъ особенныхъ предопредѣленій. И провидѣніе (скажу я, ставъ на точку зрѣнія авторовъ) было бы весьма несправедливо, еслибъ насылало полчища насѣкомыхъ на бѣдныхъ дѣтей безъ пристанища, наполняющихъ улицы Лондона, на нашихъ бурлаковъ, каторжниковъ и даже крестьянъ, живущихъ въ одной избѣ съ овцами и свиньями—за неопрятность этихъ людей.

Но авторы утверждаютъ, что паразиты насылаются на человѣка не только за неопрятность, но они дѣлаются орудіями казни и за другія преступленія, и жертвами ихъ были философы, эпископы, короли и императоры. Феретима, Антіохъ IV, Силла, оба Ирода, императоръ Максиминъ, Филиппъ II были наказаны этимъ способомъ. Странно только, что послѣ этихъ разсказовъ и разсужденій, авторы говорятъ съ ужасомъ о жестокостяхъ Персовъ, у которыхъ существовалъ обычай отдавать преступниковъ на съѣденіе насѣкомыхъ. Они порицаютъ за «*дьявольски* задуманную тиранію» Артаксеркса Лонгимана, за поподобную казнь Митридата, когда сами передъ этимъ говорили, что такую казнь употребляетъ и *божественный* промыслъ!

Письма V, VI, VII и VIII наполнены описаніемъ косвеннаго вреда, причиняемаго насѣкомыми. Тутъ идетъ рѣчь объ ущербѣ, наноси-

момъ ими домашнимъ животнымъ, растеніямъ, жилищамъ и одеждѣ. Но и этотъ ущербъ наносится не просто потому, что насѣкомымъ ѣсть хочется и надо яица класть, а съ цѣлью наказать человѣка въ его собственности. Впрочемъ быть можетъ домашнія животныя терпятъ тутъ и за свои собственные грѣхи, хотя съ другой стороны можно скорѣе думать, что за грѣхи человѣка, ибо свинья, животное извѣстное за самое нечистоплотное, страдаетъ отъ насѣкомыхъ менѣе лошадей и быковъ, держащихъ себя въ опрятности. Вообще этотъ вопросъ авторы не разрѣшаютъ, за то тѣмъ остроумнѣе объясняютъ они, почему поѣдаютъ насѣкомые хлѣба и другія растенія.

«Хлѣбъ, говорятъ они, называютъ *опорой жизни*; но чтобы показать всю непрочность этой опоры, Божественному Провидѣнію угодно было отдать его во власть различнымъ насѣкомымъ, которыя нападаютъ на производящее хлѣбъ растеніе, въ различныхъ степеняхъ его развитія!» (стр. 142).

Это ужъ богъ знаетъ что такое! Такая безсмыслица перестаетъ даже смѣшить, а сердитъ. Стыдитесь, г. Минъ! Неужели вы не могли найти ничего лучшаго для перевода? Впрочемъ, по вашему предисловію видно, что вы раздѣляете вполнѣ взгляды Кэрби и Спэнса.

Итакъ, если насѣкомое нападаетъ на человѣческое тѣло, если напримѣръ комаръ укусилъ г. Мина за носъ или блоха нарушила его сонъ, то это значитъ, что г. Минъ согрѣшилъ и былъ наказанъ. Если оводъ кусаетъ осла или клещъ вцѣпился въ свинью, это значитъ, что хозяинъ осла и свиньи согрѣшилъ и былъ наказанъ. Если саранча истребила въ Бессарабской области хлѣбъ, или муравьи испортили книгу, это доказываетъ, что всѣ жители Бессарабской области и владѣлецъ книги согрѣшили и были наказаны. Выходя по этому пути изъ области энтомологіи въ область другихъ отдѣловъ зоологіи, я полагаю, что можно сказать, что если профессоръ городитъ на лекціяхъ чушь, то и это доказываетъ, что слушатели его согрѣшили и наказуются. Но изъ этого какой же прямой выводъ? Если насѣкомыя суть оружія промысла, то истреблять ихъ—значитъ стараться отнять у него это оружіе, значитъ противиться ему. Это ясно. И поэтому, значитъ, если г. Минъ убилъ комара, досаждавшаго ему, онъ возсталъ противъ промысла, силою избавившись отъ должнаго наказанія; если оселъ лягается, чтобы избавиться отъ кусающаго его овода, то... но здѣсь я не знаю, кто грѣшитъ: оселъ

или его хозяинъ отвѣчаетъ за поступки осла. А какой грѣхъ берутъ на душу жители Бессарабской области, уничтожая саранчу! Знаете ли вы, что такое саранча? Саранча это воинство особеннаго провидѣнія; а кто же, кромѣ врага, можетъ истреблять чье нибудь воинство?

Все это весьма хорошо понимаютъ авторы «Естественной исторіи насѣкомыхъ».

«Быть можетъ, найдутся люди, говорятъ они, которые возразятъ и скажутъ намъ, что, домогаясь этой цѣли, (истребленія зловредныхъ насѣкомыхъ) мы погрѣшаемъ, самонадѣянно пытаясь вырвать бразды правленія изъ рукъ божественнаго промысла; но это возраженіе можно обратить на самихъ же возражателей и спросить ихъ, почему они считаютъ себя въ правѣ прибѣгать къ помощи собакъ, хорьковъ и кошекъ для уничтоженія безпокоющихъ насъ крысъ и мышей?» (стр. 32).

Нѣтъ, господа, вашъ маневръ неудаченъ; вы не можете ничего отвѣтить на это возраженіе, ибо почему думаете вы, что возражатели прибѣгаютъ къ помощи собакъ и кошекъ противъ крысъ и мышей? А если они не прибѣгаютъ къ этой помощи, господа Кэрби и Спенсъ и переведшій васъ профессоръ Минъ? А если они переносятъ терпѣливо вредъ, причиняемый крысами, не пытаясь истребить ихъ, изъ опасенія вырвать бразды правленія? Тогда — тогда вамъ останется покраснѣть и сказать: mea culpa, mea maxima! Да и что за недостойная уловка возражать на замѣчанія, ссылаясь на то, что и другіе дѣлаютъ тоже. Другіе если и дѣлаютъ, то не поучаютъ, а вы поучаете, а сами клоповъ бьете. Да и наконецъ прибѣгать къ помощи собакъ все-таки благовиднѣе, чѣмъ дѣйствовать самому: тутъ видъ сохраняется. Спросятъ: истребляешь крысъ? — Нѣтъ! — А кошка зачѣмъ? — Кошка такъ, для удовольствія: она тоже тварь божія. — Врешь, ты ее держишь, чтобъ вырвать бразды правленія. Она у тебя крысъ ѣстъ. — Я не виноватъ, что она ѣстъ, я ее для удовольствія держу. А если она ѣстъ, значитъ, такъ ей назначено.

Ну и пойди, доказывай, что держалъ кошку больше насчетъ браздовъ, чѣмъ для удовольствія. Народъ тоже, я вамъ скажу, хитрый, и ужъ если захочетъ обличать, такъ свои мѣры приметъ: собаку выгонитъ со двора, а кошку—на крышу. Тогда и пойди—ищи на немъ!

Впрочемъ гг. Кэрби и Спэнсъ сами сознаютъ, что уловка, къ которой они прибѣгли, не есть возраженіе. Они чувствуютъ это, но, не желая, подобно поэту Кусковy и афонскимъ обитателямъ, при-

кладывать на себѣ свою теорію и подставлять спину комарамъ, они просто напросто объявляютъ, что мы имѣемъ, дескать, право уничтожать насѣкомыхъ, да и только. Не имѣете, гг. Кэрби и Спэнсъ, не имѣете; а если будете уничтожать, то докажете этимъ, что вы народъ отчаянный и что вамъ все трынъ-трава, хоть бразды вырывать—и то нипочемъ. Ахъ, срамъ какой!

Съ однимъ только способомъ уничтоженія насѣкомыхъ, о которомъ говорятъ авторы, я могу согласиться: это именно—съ цѣлью собиранія коллекціи. Тутъ авторы представили аргументъ дѣйствительно неопровержимый:

«Никакой жестокости въ собираніи насѣкомыхъ и накалываніи ихъ на булавку нѣтъ, потому что, вмѣсто того, чтобы совершенно уничтожаться, они пріобрѣтаютъ такимъ образомъ нѣкоторый родъ безсмертія» (стр 45).

Нѣкоторый родъ безсмертія! Это восхитительно, восхитительно до того, что я совѣтую всѣмъ, жаждущимъ безсмертія, въ томъ числѣ и гг. Кэрби и Спэнсу и переводчику ихъ г. Мину, истыкать себя булавками. Хотя ненастоящее безсмертіе, но лестно заслужить хотя бы нѣкоторый родъ его.

«Предположимъ, говорятъ они, что какой нибудь натуралистъ вдругъ объявилъ бы объ открытіи животнаго, которое втеченіе первыхъ пяти лѣтъ своей жизни существуетъ въ видѣ змѣи; потомъ углубляется въ землю и, соткавъ себѣ саванъ изъ тончайшихъ шелковыхъ нитей, сжимается въ этомъ покровѣ въ тѣло, лишенное рта и членовъ, похожее какъ нельзя болѣе на египетскую мумію; и за тѣмъ, пробывъ въ такомъ состояніи безъ пищи и движенія втеченіе трехъ долгихъ лѣтъ, разрываетъ, въ концѣ этого періода, свои шелковыя пелены и изъ земли является на свѣтъ божій въ видѣ крылатой птицы. Предположимъ это и спросимъ:—каковы были бы ощущенія въ народѣ, возбужденныя такимъ необыкновеннымъ извѣстіемъ? Каково было бы удивленіе послѣ первыхъ минутъ сомнѣнія, въ справедливости показанія! Сколько догадокъ и соображеній между учеными! Сколько любопытства и изумленія между простолюдинами!» (стр. 49).

Восхитительны также различныя предположенія, дѣлаемыя этими двумя Кифами Мокіевичами.

«Сколькихъ богатствъ лишились бы мы, говорятъ Кэрби и Спэнсъ, если бы бабочка шелковичнаго червя рождалась прямо бабочкой, не бывъ

предварительно гусеницей! Домашній образъ жизни большинства людей сложился бы тогда по плану совершенно отличному отъ того, который господствуетъ теперь.» (стр. 64).

— А что, если бы слонъ вдругъ родился въ скорлупѣ? спрашиваетъ Кифа Мокіевичъ.

— А, чай, скорлупу пришлось бы пушкой разбивать, философствуетъ Кифа Мокіевичъ.

Всѣ эти необыкновенные догадки, соображенія и предположенія дѣлаютъ гг. авторы «Естественной исторіи насѣкомыхъ» по поводу метаморфоза насѣкомыхъ. Наговоривъ такой чуши, они наконецъ рѣшаются разсказывать читателямъ сущность этого явленія, но не могутъ остаться на научной почвѣ. Ихъ безпрестанно смущаетъ аналогія, усмотрѣнная еще египтянами, между превращеніями, претерпѣваемыми насѣкомыми и тѣми, которымъ подвергается человѣческая душа. Они видятъ также аналогію между превращеніями насѣкомыхъ и человѣческаго тѣла, но тутъ же энергически доказываютъ, что превращеніе души ближе къ метаморфозу, чѣмъ превращеніе тѣла. Но я надѣюсь, что достаточно познакомилъ читателей съ краснорѣчіемъ и мыслями авторовъ; поэтому бросаю эту жалкую книгу, предупреждая читателей никогда не брать ее въ руки и не обманываться ни ея приличнымъ видомъ, ни англійскимъ происхожденіемъ, ни даже тѣмъ, что она переведена однимъ изъ московскихъ профессоровъ.

Въ своемъ родѣ необыкновенное явленіе представляетъ собой «Зоологія» г. Богданова,—необыкновенное явленіе, говорю я, потому что я считаю таковымъ хорошую, дѣльную и полезную книгу, написанную московскимъ профессоромъ. А книга г. Богданова дѣйствительно хороша и доказываетъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ гг. Юркевичемъ, Миномъ, Ешевскимъ и прочими мудрыми мужами, украшающими своимъ присутствіемъ первопрестольный градъ. «Зоологія» г. Богданова можетъ служить съ одной стороны прекраснымъ руководствомъ не только для учениковъ, но даже, по своимъ указаніямъ,

и для учителей. А такъ какъ въ настоящее время преподаваніе естественныхъ наукъ должно обращать на себя главное вниманіе передъ всѣми прочими отраслями знанія, и такъ какъ наша литература блистаетъ совершеннымъ отсутствіемъ хорошихъ руководствъ по этой части, то нельзя не порекомендовать книгу г. Богданова. Съ другой стороны статьи этой книги, составляющіе зоологическую хрестоматію, написаны очень популярно и интересно, и могутъ служить для дѣтей полезнымъ и завлекательнымъ чтеніемъ. Однимъ словомъ, порядочный учитель, принявъ въ руководство «Зоологію» г. Богданова и воспользовавшись его совѣтами для преподаванія, можетъ принести много пользы. Изъ указанія г. Богданова видно, что онъ какъ нельзя лучше понимаетъ, что при занятіи естественными науками, больше чѣмъ при какихъ либо другихъ, первую роль должно играть наглядное, практическое изученіе предмета. Съ этой цѣлью онъ снабдилъ свою книгу указаніями, какіе предметы необходимы при занятіяхъ, и даже простеръ свою заботливость до того, что отмѣтилъ цѣну этихъ предметовъ и мѣсто, гдѣ ихъ можно достать.

Запасшись этими вещами, учитель можетъ сдѣлать изученіе естествознанія въ высшей степени занимательнымъ; онъ можетъ увлечь ребенка, что необыкновенно важно, такъ какъ ничто не отрезвляетъ въ такой степени умъ, какъ раннее занятіе естественными науками. Статьи изъ хрестоматіи дадутъ ученику пріятное чтеніе; а собственно научная часть книги, которую г. Богдановъ позаботился сократить по возможности, изложить понятно и съ толкомъ и очень счастливо избѣгнуть, насколько можно, терминологіи и классификаціи, — не будетъ слишкомъ обременительна для ученика, уже пріохоченнаго къ занятіямъ практической стороной преподаванія. То же немногое, что г. Богданову пришлось включить въ свою книгу изъ классификаціи и терминологіи, онъ съумѣлъ составить такъ, что она сама собой естественно вытекаетъ изъ разсмотрѣнія животныхъ, и слѣдовательно не требуетъ зубренія, а достается ученику легко и свободно.

Я такъ радъ видѣть въ нашей педагогической литературѣ такую книгу, что меня весьма интересуетъ ея успѣхъ; поэтому я желаю обратить вниманіе г. Богданова на нѣкоторые недосмотры, вкравшіеся въ его книгу, и посовѣтовать ему исправить ихъ. Такъ напримѣръ, изложеніе элементарныхъ анатомическихъ свѣденій, во введеніи въ зоологію, составлено очень небрежно и доказываетъ въ авторѣ слишкомъ поверхностное знакомство съ анатоміей. Иначе какъ

же объяснить то, что онъ считаетъ скелетъ верхнихъ и нижнихъ конечностей составленнымъ изъ косточекъ? Неужели г. Богдановъ никогда не видалъ бедреной, или плечевой кости? Неужели онъ забылъ о существованіи таза? А если онъ видѣлъ это и не забылъ, то какъ же можно относиться съ препебреженіемъ и называть косточками самыя большія кости и косныя массы скелета? Я думаю, что г. Богдановъ всего бы лучше сдѣлалъ, если бы составилъ извлеченіе изъ какой нибудь порядочной анатоміи, хоть напримѣръ Вальтера. А то подобные промахи могутъ сильно повредить успѣху его книги. Не мѣшало бы также изложить эти анатомическія свѣдѣнія нѣсколько понятнѣе и яснѣе; а то они ужъ черезчуръ кратки и неудобопонятны. Не мѣшало бы также посовѣтовать преподавателямъ запасаться скелетами разныхъ животныхъ и прибавить къ книгѣ кое-какія интересно изложенныя статьи по сравнительной анатоміи. Впрочемъ все это ужъ роскошь, которой трудно и ждать, а можно только радоваться, что хоть что нибудь порядочное, полезное и по мысли самостоятельное (потому что хотя статьи не всѣ принадлежатъ г. Богданову, но мысль, какъ видно, его собственная и дѣлаетъ ему большую честь) явилось наконецъ въ темномъ царствѣ московскаго книгопечатанія.

Цѣна вышедшему первому изданію доступна для всѣхъ, а именно 1 р. 50 к.

Я былъ до того обрадованъ, встрѣтивъ наконецъ у насъ что нибудь порядочное по части преподаванія естественныхъ наукъ, что хотѣлъ этой счастливой находкой закончить нынѣшнее обозрѣніе, когда мнѣ попалась книга, на которой я считаю необходимымъ остановиться и поговорить съ читателями. Книга эта — «Міръ растеній» Карла Мюллера. Другое заглавіе ея: «Опытъ космической ботаники», и нужно сказать, что рѣдко опытъ бываетъ удачнѣе.

По необыкновенной глубинѣ и богатству мысли, по изобилію фактовъ, по увлекательности изложенія, по живости, съ которою Карлъ Мюллеръ рисуетъ намъ картины растительности различныхъ періодовъ существованія міра и различныхъ странъ свѣта, я не могу пе-

редать читателямъ и сотую долю того, что содержится въ его книгѣ. Но я попытаюсь покрайней мѣрѣ дать читателямъ понятіе о предметѣ книги, о ея основной идеѣ, о ея достоинствахъ и, насколько позволитъ мѣсто, о наиболѣе замѣчательныхъ фактахъ, изъ великаго множества заключающихся въ ней.

Въ настоящее время наука дошла до того, что опытъ и наблюденіе даетъ ей нѣкоторые, правда еще слабые, намеки на способъ возникновенія органическаго міра. Правда, можно сомнѣваться, чтобы она могла когда нибудь отвѣтить на вопросъ: *откуда?* но за то вѣроятно уже близко время, когда она будетъ всостояніи отвѣчать на вопросъ: *какимъ образомъ?* Если опыты надъ образованіемъ животной клѣточки изъ крахмала еще не дали удовлетворительныхъ результатовъ, за то мы можемъ собственными глазами наблюдать рожденіе клѣточки растительной, изъ которой по всей вѣроятности произошла животная. Если стаканъ съ водой выставимъ на солнце, то на поверхности воды у стѣнокъ сосуда увидимъ маленькіе зеленые шарики, которые оказываются растительными клѣточками. Изъ этихъ клѣточекъ состоитъ весь растительный міръ. Ихъ различныя измѣненія и группировка даютъ тѣ безчисленныя формы растеній, которыхъ число невозможно опредѣлить даже приблизительно, которыя принимаютъ всевозможный видъ, отъ дуба до лишая. Вглядываясь въ это безконечное разнообразіе, мы замѣчаемъ однако, что между нѣкоторыми изъ нихъ разница весьма мала, такъ мала, что мы при самомъ поверхностномъ взглядѣ замѣчаемъ связь, родство между ними. Тогда мы причисляетъ всѣ эти отдѣльные особи къ одному *виду*. Вотъ первѣйшее соединеніе въ одну группу безчисленнаго множества недѣлимыхъ растительнаго царства. Но и между нѣкоторыми изъ этихъ видовъ, мы замѣчаемъ сходство, намекающее на ихъ внутреннюю связь. Мы снова соединяемъ эти виды въ одну группу, которая будетъ *родъ*. Такимъ же образомъ изъ сходства родовъ возникаетъ соединеніе ихъ въ *семейства*. Когда мы такимъ образомъ классифицируемъ растенія, мы замѣчаемъ, что въ этой естественной классификаціи нѣтъ никакого порядка, никакого закона. Мы видимъ, что одно семейство состоитъ изъ двухъ родовъ, между тѣмъ какъ другое насчитываетъ ихъ десятки и сотни. Тотъ же безпорядокъ въ дѣленіи замѣчаемъ мы и въ группировкѣ видовъ въ роды. Но въ то же время намъ бросается въ глаза однообразіе внѣшняго вида, формы недѣлимыхъ. Хотя классификація ихъ основываетъ-

ся на болѣе существенныхъ признакахъ, чѣмъ чисто-внѣшнее отличіе, тѣмъ не менѣе всегда существенной разницѣ соотвѣтствуетъ и наружное разнообразіе и, наоборотъ, внутреннему единству внѣшнее однообразіе. Мы не будемъ, изъ опасенія сойтись въ мнѣніяхъ съ составителями «Естественной исторіи насѣкомыхъ», задавать себѣ вопроса, почему извѣстное растеніе имѣетъ именно тѣ данныя, существенныя свойства, а не другія ;другими словами, почему оно таково, какъ есть, а не другое. Мы понимаемъ нелѣпость такихъ вопросовъ и не зададимъ ихъ по той же причинѣ, по которой не полюбопытствуемъ, почему сѣра есть сѣра, а не что иное, или почему лошадь есть лошадь, а не другое животное. Что же касается до признаковъ менѣе важныхъ, какъ-то форма, цвѣтъ, запахъ и проч., то наблюденіе показываетъ намъ, что они подвержены измѣненіямъ, что они находятся подъ вліяніемъ какихъ-то внѣшнихъ условій, открыть которыя мы стремимся. Мы видимъ напримѣръ, что фіялка будучи выращена на цинковой почвѣ до того перерождается, что была принята за совершенно особый видъ. Такое наблюденіе ясно доказываетъ, какъ могущественна связь между почвою и формой растенія, насколько послѣдняя зависитъ отъ матеріи, окружающей ее.

Но съ другой стороны мы знаемъ также, что, при нормальныхъ условіяхъ питанія форма растенія остается вѣчной и неизмѣняемой, хотя необходимости въ этомъ нѣтъ, — форма эта можетъ измѣняться безъ измѣненія сущности организма. Тогда мы вспоминаемъ, что все существующее въ мірѣ, кромѣ матеріи, подлежитъ еще и силѣ или духу. Для уразумѣнія силы, дѣйствующей неразрывно съ матеріей, въ растеніи Карлъ Мюллеръ обращается къ химіи и посредствомъ аналогіи дѣйствія матеріи и силы въ неорганическомъ мірѣ съ дѣйствіемъ ихъ въ органическомъ, даетъ намъ отвѣтъ.

Извѣстно, что всякое кристаллизующееся вещество принимаетъ при кристаллизаціи постоянно одну и ту же форму. Это показываетъ, что между составомъ раствора и формой кристалла существуетъ связь, что вторая зависитъ отъ перваго. Но не отъ одного только состава зависитъ эта форма; на нее имѣютъ вліяніе и другіе химическіе и физическіе дѣятели. Напримѣръ, мѣлъ кристаллизуется изъ горячихъ растворовъ въ видѣ ромбическихъ призмъ, а при обыкновенной температурѣ въ видѣ ромбоэдровъ. Квасцы, прокипяченные съ нерастворимыми углекислыми веществами, и потомъ *медленно* кристаллизо-

ванные, являются сначала въ видѣ октаэдровъ, а при дальнѣйшей кристаллизаціи въ видѣ кубовъ. Если взять кристалловъ этихъ обѣихъ формъ и растворить вмѣстѣ и потомъ, раздѣливъ растворы на двѣ части, одну выпаривать *быстро*, то она дастъ кристаллы сперва въ формѣ октаэдровъ, потомъ кубооктаэдровъ, и наконецъ кубовъ. Если кубооктаэдры растворить и выпаривать растворъ *медленно*, то явятся вмѣстѣ и кубы и октаэдры, а кубооктаэдровъ не будетъ. Другая же часть раствора, которую выпаривали *медленно*, дастъ также и кубы и октаэдры вмѣстѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что на форму кристалловъ мѣла вліяетъ теплота, на форму же кристалловъ квасцовъ вліяетъ время. Наконецъ даже въ органическихъ соединеніяхъ замѣчаются такія же явленія. Нѣсколько лишнихъ паевъ воды измѣняютъ крахмалъ въ сахаръ. Но эти соединенія служатъ основой растительнаго и вѣроятно животнаго царства; слѣдовательно, и на формы этихъ послѣднихъ должны дѣйствовать тѣ же дѣятели, какъ и на форму кристалловъ міра неорганическаго. Для объясненія явленія кристаллизаціи, представляютъ себѣ кристаллъ, состоящимъ изъ множества атомовъ. Эти атомы, подъ вліяніемъ физическихъ и химическихъ силъ группируясь различнымъ образомъ, производятъ ту или другую форму кристалла. Но составныя части организмовъ міра растительнаго и животнаго состоятъ изъ клѣточекъ, которыя вѣроятно суть видоизмѣненные кристаллы. Слѣдовательно въ организмахъ атомамъ кристалловъ соотвѣтствуютъ сами кристаллы, то есть, клѣточки (животныя и растительныя), и ихъ то группировкѣ, находящейся въ зависимости отъ той же силы, отъ того же духа, который дѣйствуетъ въ кристаллахъ и который есть не что иное, какъ химическіе и физическіе дѣятели, — обязаны животныя и растенія той или другой формой своей.

«То, что мы видѣли у кристалловъ, говоритъ Карлъ Мюллеръ, должно повториться и въ органическомъ царствѣ, только совершеннѣе и свободнѣе. Образованіе растеній и животныхъ есть не что иное, какъ кристаллизація тѣмъ высшихъ, чѣмъ выше стоитъ индивидуумъ въ ряду твореній.» (стр. 60),

На той же страницѣ дальше онъ говоритъ слѣдующее:

«Уже вещества, химическимъ путемъ добываемыя изъ растеній, подтверждаютъ нашъ взглядъ Такъ, въ каждомъ растительномъ семействѣ находятся нѣкорыя вещества, встрѣчающіяся въ большемъ или меньшемъ

количествѣ и во всѣхъ его видахъ. Въ сѣменахъ бобовыхъ преобладаетъ легуминъ, въ различныхъ частяхъ послеповыхъ (картофельныхъ) растенiй—соланинъ, въ перечныхъ—пиперинъ и др. Этого не могло бы быть, если бы не существовало тѣсной связи между растительными типами и ихъ составными частями (*). Одинаковость состава вызываетъ одинаковость формъ, сходство состава — сходство формъ, какъ доказали намъ выше кристаллы. Но одинаковость состава и формы вызываютъ и одинаковость дѣятельности, точно также какъ и сходство состава и формы проявляются въ сходствѣ дѣятельности.» (стр. 60—61).

Такимъ образомъ дѣятельность животнаго (потому что все сказанное о растенiяхъ относится и къ животнымъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ на стр. 63) и растительнаго организмовъ зависитъ вполнѣ отъ состава ихъ. слѣдовательно находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ питанiя. Въ этомъ случаѣ существуютъ разительные примѣры того, что форма есть выраженiе состава. Такимъ примѣромъ могутъ служить нѣкоторыя низшiя животныя, жизнь которыхъ весьма мало отличается отъ жизни тѣхъ растенiй, на которыхъ они живутъ и дѣятельность которыхъ не выходитъ за предѣлы какого нибудь листа. Питаясь исключительно тѣми частями растенiя, на которыхъ они поселились, и обладая дѣятельностью, почти непревосходящею дѣятельность ихъ пищи, животныя эти по составу подходятъ очень близко къ этимъ растенiямъ и вслѣдствiе этого получаютъ форму до того близкую къ формѣ растенiя, на которомъ живутъ, что отличить ихъ очень трудно. Таковы напримѣръ бродящiй листъ, самое названiе котораго указываетъ на его сходство съ листьями; таковы пяденицы, раздѣляющiяся на три вида, по числу обитаемыхъ ими частей растенiй, стеблю, побѣгамъ и корѣ, на которыя онѣ такъ похожи, что по нѣмецки даже называются соотвѣтственно этому сходству. Гусеницы, живущiя исключительно на дубѣ, похожи на зелень или кору этого дерева; обитающiя на тополѣ и осинѣ принимаютъ видъ этихъ деревьевъ; обитающiя на лишаяхъ похожи на лишаи; даже обитающiя на гниломъ деревѣ и сухомъ тростникѣ принимаютъ ихъ цвѣтъ и форму ихъ покрововъ.

(*) Для поясненiя этого необходимо замѣтить, что эта связь, это влiянiе состава на форму и въ этомъ случаѣ, какъ и въ кристаллахъ не можетъ зависѣть единственно отъ матерiи. Связь эта, если можно такъ выразиться, не смотря на свою матерiальность, духовна, ибо зависитъ въ одно и то же время и отъ матерiи и отъ силы, то есть, отъ силъ химическихъ и физическихъ.

Тля, живущая на бузинѣ, розѣ, червецы на виноградѣ едва могутъ быть отличены отъ сѣмянъ этихъ растеній, и извѣстно, что червецы (кошениль) долгое время считалась за растительный продуктъ.

Уже это доказываетъ достаточно, до какой степени прочна и неразрывна связь между растеніями и животными. Только появленіе растеній могло сдѣлать возможнымъ появленіе на землѣ животныхъ; и такъ какъ первыя явившіяся формы растеній были водныя и болотныя, то соотвѣтственно этому и животная жизнь возникла впервые въ водѣ. Съ другой стороны водныя формы животныхъ организмовъ до такой степени близки къ тѣмъ же формамъ растительныхъ, что нельзя не признать въ нихъ самой тѣсной связи. Нисшія животныя по своему наружному виду (а слѣдовательно и по составу) такъ близки къ растеніямъ, что разграничить царство растительное отъ животнаго не менѣе трудно, чѣмъ провести границу между безпозвоночными и позвоночными, между хладнокровными и теплокровными, между яйценесущими и млекопитающими.

«Человѣкъ остается для насъ непостижимымъ, говоритъ авторъ, пока мы разсматриваемъ его отдѣльно отъ природы; напротивъ того, въ связи съ міромъ, онъ является намъ произведеніемъ природы, развитіе котораго съ тысячи сторонъ обусловливается ея жизнью. Это воззрѣніе на человѣка нисколько его не унижаетъ» (стр. 308).

За появленіемъ водныхъ и болотныхъ животныхъ, явились сухопутныя и лѣтающія, и наконецъ послѣ всѣхъ ихъ явились хищныя. Такимъ образомъ шло развитіе отъ Пристлеева вещества до высшихъ млекопитающихъ, въ томъ числѣ и человѣка. Еще и теперь можно наблюдать зависимость появленія въ данной мѣстности животнаго отъ растеній. Клестъ появился въ Англіи вмѣстѣ съ елями. Рябки въ горной Шотландіи явились вмѣстѣ съ распространеніемъ тамъ хлѣбопашества. Махаонъ явился послѣ воздѣлыванія укропа. Воробей прилѣтѣлъ въ Сибирь съ тѣхъ поръ, когда тамъ начали воздѣлывать поля. Подобно тому, какъ извѣстныя насѣкомыя избираютъ своимъ пребываніемъ извѣстныя растенія или части растеній, точно такъ же и птицы водятся лишь по близости извѣстныхъ деревьевъ и кустарниковъ, и причиной этому служитъ то обстоятельство, что они исключительно употребляютъ въ пищу только тѣхъ насѣкомыхъ, которыя водятся на этихъ растеніяхъ, находясь такимъ образомъ въ связи, хотя посредственной съ растительнымъ царствомъ; у другихъ

же связь эта непосредственна, и они питаются и живутъ на извѣстныхъ только растеніяхъ. У птицъ, подобно тому какъ у насѣкомыхъ, форма организма зависитъ также отъ пищи. Такъ у калибри, питающейся, подобно нѣкоторымъ насѣкомымъ, сокомъ цвѣтовъ, языкъ вытянулся и принялъ видъ хоботка бабочекъ. У пеликановъ образовался у нижней челюсти мѣшокъ, куда они прячутъ пойманную рыбу. У голубей есть зобъ для склада зеренъ, во время ихъ продолжительныхъ путешествій. У птицъ, питающихся твердыми плодами, клювъ, мускулы затылка и кости черепа пріобрѣли необходимую крѣпость. Желудокъ травоядныхъ животныхъ принялъ огромные размѣры и нужную для растиранія пищи твердость; другими словами, омозолился.

Не менѣе сильно вліяніе растеній на человѣка. Такъ напр. извѣстно, что исключительно растительная пища сдѣлала тихими и кроткими островитянъ Южнаго океана; что она же обезпечила деспотизмъ остъиндскихъ раджей, сдѣлавъ апатичными, терпѣливыми и слабыми индусовъ; что исключительно-картофельная пища имѣла пагубное вліяніе на жителей Ирландіи и Силезіи. Дикія мѣстности и суровый климатъ армянскаго плоскогорія обратили въ разбойниковъ населяющихъ его курдовъ. Съ другой стороны, осушеніе болотъ и воздѣлываніе почвы въ Капской землѣ отучило отъ кочевой жизни и сдѣлало способными къ нѣкоторому развитію грикуа и бечуановъ, племена готтентотовъ, породы людей, какъ извѣстно, стоящей на самой низкой ступени развитія. Въ Австраліи, природа которой представляетъ какъ бы остатокъ эпохи міра предшествовавшей нашей, человѣкъ ничѣмъ не отличается отъ животнаго. Напротивъ того, тамъ, гдѣ природа благопріятствуетъ развитію, оно совершается, но въ направленіи указанномъ ему опять-таки внѣшними условіями. Вотъ какъ выражается объ этомъ Карлъ Риттеръ, слова котораго передаетъ Мюллеръ:

«Сильное впечатлѣніе природы не могло не остаться безъ вліянія на развитіе каждаго человѣка и цѣлыхъ народовъ, какъ на ихъ внутренній. умственный и нравственный складъ, такъ и на ихъ наружность, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Кочующій арабъ одолженъ своею свободною фантазіей и тѣмъ почти безформеннымъ міромъ мыслей и сказокъ, которымъ онъ наполняетъ пустыя безграничныя пространства родины и вѣчно ясное небо,—природѣ своего отечества. И на индусѣ оправдывается мысль: каксва природа, таковъ и человѣкъ. Индусъ по

обѣ стороны Ганга заимствовалъ свои фантастическія, религіозныя воззрѣнія изъ мѣстной природы, богатой чудными и колоссальными формами растеній и животныхъ. Народъ, окруженный прелестными и ужасными образами и неспособный возвыситься надъ ними, подавляется природою и становится жертвою сверхъестественныхъ, а вслѣдъ за тѣмъ и плотскихъ человѣческихъ силъ. Такимъ образомъ земля вліяла независимо отъ астрономическаго положенія странъ, отъ дѣйствія свѣта и тепла. На всемъ пространствѣ отъ Аравіи на западъ, чрезъ пустынную, лишенную растительности Ливію и до Атласа, на востокъ отъ богатаго водами Инда, чрезъ Гангъ и сырую, покрытую роскошною растительностью заднюю Индію, до самыхъ Зондскихъ острововъ, вліяніе земли проявляется въ отличіяхъ и противуположностяхъ народныхъ характеровъ. Оно положило на народы востока неизгладимую печать особенныхъ религіозныхъ, философскихъ и поэтическихъ воззрѣній. Оно высказывается въ различныхъ формахъ, смотря по характеру мѣстностей, обусловливаетъ жизнь на сушѣ, горахъ и водѣ, охоту и скотоводство, осѣдлость и кочеваніе, образъ веденія войны, вражду и миръ, отчужденіе и общественность, дикое состояніе и образованность и т. д. Поэзія Оссіана, возникшая на суровыхъ, вѣчно обложенныхъ тучами горахъ Шотландіи, отличается отъ лѣсной пѣсни канадца, пѣсни негра на рисовыхъ поляхъ по берегамъ Нигера, мелодіи камчадала, лапландца, океанійца. Все это—отдѣльные звуки настроенія младенчествующихъ народовъ окружающею ихъ природою, ею же исторгнутые».

(стр. 167—68).

Максъ Дункеръ, цитируемый Мюллеромъ, говоритъ слѣдующее:

«Пестрыя картины, порожденныя окружающею природою, въ умѣ индусовъ должны были стать еще чудеснѣйшими—въ легендахъ о чудесахъ великихъ святыхъ и каявшихся. Увлекаясь этими сказками, индійцы забывали гнетъ браминовъ и князей, подъ который естественно подпадали. Чѣмъ дольше они жили въ этомъ мірѣ сновъ, тѣмъ равнодушнѣе становились къ дѣйствительности. И случилось то, что индійцы Ганга знали наконецъ міръ боговъ лучше, чѣмъ свой собственный міръ: фантазія и небо стали ихъ родиной. Это-то и погубило индійцевъ. Хотя впослѣдствіи новая религія Будды и ниспровергла ученіе Брамы, но она не сломила деспотизма» (стр. 457).

И не одни только вѣрованія индусовъ и арабовъ произошли подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій; Мюллеръ доказываетъ зависимость отъ нихъ христіанства и іудаизма. На стр. 437—39, раскрывая передъ читателемъ картины сѣверовосточной Африки и сѣверозападной Азіи, онъ въ то же время объясняетъ, шагъ за шагомъ слѣдуя за евреями въ ихъ странствіи въ обѣтованную землю, источники происхожденія

этихъ преданій. На стр. 440 онъ такимъ образомъ говоритъ о вліяніи на христіанство растительности Сиріи:

«Мы съ намѣреніемъ разсмотрѣли подробнѣе типы сирійской растительности. Ея разнообразіе имѣло, безъ сомнѣнія, сильное вліяніе на духовное развитіе жителей. Это же доказываютъ намъ прекрасныя картины и сравненія въ проповѣдяхъ Христа, взятыя преимущественно изъ растительнаго міра. Если пророки Палестины проникали въ пустыню, то—по стремленію къ одиночеству и самопознанію. Тамъ, гдѣ напротивъ ничто не развлекаетъ, не нарушаетъ внутренней духовной жизни, а обращаетъ все вниманіе человѣка на него самого и наконецъ даже ведетъ къ страшнѣйшему эгоизму,—тамъ непремѣнно должны были развиться начала, вынесенныя изъ прекрасной природы; тамъ взглядъ на міръ долженъ былъ выработаться скорѣе, чѣмъ среди волненій общественной жизни. Въ этомъ состоитъ значеніе сирійской природы для исторіи человѣчества. То, что у грековъ произвела земля и море, то совершили здѣсь горы и пустыни. Одинаково безграничныя пустыня и море привели къ одинаковой безконечности, къ высокимъ идеаламъ; замкнутая въ болѣе тѣсныя границы страна, разнообразіемъ поверхности и растительнаго покрова, снова возвращала къ дѣйствительности и связывала двѣ стороны развитія. Отчего воззрѣнія древнихъ индусовъ и египтянъ, не смотря на родство этихъ народовъ съ нами, столь чужды намъ? Оттого, что они возникли въ странахъ крайностей, которыхъ мы не понимаемъ, потому что не жили въ нихъ. Отчего намъ такъ сродны представленія грековъ и христіанства? Оттого что они возникли въ болѣе умѣренной странѣ, которая намъ доступнѣе, понятнѣе».

Естественно, что если растительное царство обнаруживаетъ свое вліяніе на исторію всего человѣчества, то тѣмъ сильнѣе должно быть это вліяніе на жителей отдѣльныхъ мѣстностей. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что очень часто присутствіе и отсутствіе лѣса служило причиной процвѣтанія или погибели извѣстной страны. Въ книгѣ Карла Мюллера есть много примѣровъ тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождалось истребленіе лѣсовъ. Такъ напр. по словамъ Бланки, впродолженіе тридцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за порубкой лѣса въ Альпахъ Прованса, этотъ прежде цвѣтущій край обратился въ пустыню и многолюдный городъ Арль, съ великолѣпными дворцами, бывшій столицею Галліи, а потомъ Арелата и Бургундіи, обезлюдѣлъ. Пески заносятъ устье Роны,—болота и болотныя лихорадки свирѣпствуютъ въ странѣ и грозятъ достигнуть Ліона. Такая же причина обратила нѣкогда богатую страну вольсковъ въ Понтинскіе

болота и сдѣлала убійственными долину По, болота Мантуи и Віареджіо, истоки Адды и Лагуны Венеціи. Жадность Фридриха Вильгельма I, продавшаго на срубъ лѣсъ, тянувшійся отъ Данцига до Пиллау, грозитъ гибелью торговлѣ Кенигсберга, Данцига, Эльбинга и всему пространству по Фришгафу. Природа не позволяетъ нарушать свое равновѣсіе, и цѣлыя обширныя области гибнутъ за невниманіе или незнаніе ея законовъ. Страна, гдѣ нѣкогда процвѣтало богатое Вавилонское царство, теперь пустыня, и знаменитыя рѣки Евфратъ и Тигръ занесены песками. Невѣжественное народонаселеніе Персіи истребило лѣсъ, и ея роскошныя равнины представляютъ теперь голую стень. Когда внутренніе раздоры заставили іудеевъ прекратить заботы о почвѣ Палестины, когда они вырубили лѣсъ, то надъ ними разразилась ужаснѣйшая катастрофа, принудившая ихъ покинуть отечество. Мистицизмъ, говоритъ Мюллеръ, приписалъ это чему-то сверхъестественному, но настоящая причина состояла въ вырубкѣ лѣса.

Когда гибель отъ морского песку угрожала берегамъ Гаскони, они были спасены только лѣсомъ, который догадались посадить на нихъ. Но если съ одной стороны гибель лѣса часто оканчивается гибелью страны, то съ другой очень часто бываетъ, что лѣсъ служитъ помѣхой къ ея процвѣтанію. Такъ при Цезарѣ, когда Германія была покрыта лѣсами, климатъ ея былъ такой, какой теперь въ Швеціи. Во времена Гомера климатъ Греціи походилъ на климатъ нынѣшней Германіи, и только вырубка лѣса произвела ту роскошную растительность, которая находится тамъ теперь. Въ Финляндіи послѣ истребленія лѣсовъ климатъ значительно смягчился; морской климатъ Англіи сдѣлалъ для нея совершенно безвреднымъ истребленіе такого количества лѣса, которое бы сдѣлалось гибельнымъ для континентальной страны. Границы, до которыхъ мы можемъ безвредно для себя обнажить землю отъ лѣсовъ, указываются намъ сами собой при взглядѣ на природу страны: границы эти для континентальныхъ, удаленныхъ отъ морей, странъ суть горные хребты.

Теперь, когда мы разсмотрѣли условія появленія на землѣ и жизни растеній, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ условіяхъ ихъ смерти. Существуетъ много растеній, стоящихъ совершенно одиноко въ ряду, несвязанныхъ съ прочими неразрывной связью. Наблюдая такія растенія, легко прійти къ заключенію, что это игра природы, ея скачокъ въ твореніи. Но природа не играетъ и не пры-

гаетъ. Зная это, мы заключаемъ, что роды, связывавшіе такія растенія съ остальной цѣпью ихъ, вымерли. Дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса убѣдитъ насъ, что такое вымираніе растеній возможно и происходитъ отъ тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ вымираютъ и животныя. Каждый, занимающійся садоводствомъ или земледѣліемъ, знаетъ какъ нельзя лучше, что сѣмена растеній мало помалу вырождаются и должны быть замѣняемы новыми, привозимыми изъ отдаленныхъ странъ. Тоже самое замѣчаемъ мы и на животныхъ: если въ стадѣ овецъ долго не перемѣнять барановъ, то порода выродится; для поправленія породъ домашнихъ животныхъ необходимо иногда смѣшивать ихъ съ дикими. Если въ человѣческомъ племени браки съ иноземцами воспрещены, то такое племя вымираетъ; такъ напр. потомки голландскихъ колонистовъ на мысѣ доброй надежды погибаютъ отъ ужасныхъ накожныхъ болѣзней. Теперь, надѣюсь, читатели убѣдились, какая тѣсная связь соединяетъ между собой весь органическій міръ. Такова идея, вытекающая изъ книги Мюллера, очеркъ которой я постарался представить здѣсь, но которую для того, чтобы имѣть полное понятіе о ней, а еще болѣе для того, чтобы научиться презирать болтовню такихъ господъ, какъ Кэбри и Спэнсъ,—совѣтую читателямъ прочесть.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Комическая и серьезная сторона послѣднихъ выборовъ во Франціи —Народная воля, сочиненная въ циркулярѣ г. Персиньи, и дѣйствительное значеніе этой воли.—Перемѣна министерства есть не болѣе, какъ перемѣна именъ.—Умилительная жалоба французскаго правительства на централизацію власти, стѣсняющую частную и общественную дѣятельность.—Наконецъ французскому юношеству дозволено изучать философію.—Взятіе Пуеблы и дальнѣйшіе марши генерала Форе.—Планы Людовика Бонапарта относительно Мексики,—Дикая революція на дикомъ Мадагаскарѣ.—Конституція Мадекассовъ и присяга ей новой королевы, супруги Радамы II.—Намѣреніе императрицы Евгеніи отправиться къ святымъ мѣстамъ и помолиться у гроба Игнатія Лойолы за благоденствіе своего супруга.—Политика Англіи въ отношеніи къ Польши и къ Бразиліи.—Продолженіе сѣверо-американской войны.—Съѣздъ нѣмецкихъ правителей во Франкфуртѣ.—Борьба буржуазіи и юнкеровъ въ Пруссіи.

Боевой шумъ выборовъ разнесся и внутри и внѣ Франціи. Вторичная баллотировка имѣла такой-же результатъ, какъ и первая. Кандидаты, баллотировавшіеся уже разъ, подверглись новымъ выборамъ для пріобрѣтенія рѣшительнаго большинства. Противники и партизаны правительства (такъ выражается Персиньи) снова помѣрялись силами въ Парижѣ, въ VI-мъ округѣ, гдѣ г. Геру, искусный редакторъ «Opinion Nationale» получилъ только относительное большинство. Изъ всѣхъ французскихъ избирательныхъ округовъ шестой едва ли не самый интересный. Только въ немъ одномъ многоразличныя политическія мнѣнія, раздѣляющія Францію, дѣйствовали отдѣльно одно отъ другого, призывая каждое своихъ привер-

женцевъ подъ свое особое знамя. Во всѣхъ другихъ пунктахъ многочисленныя реакціонерныя партіи, клерикальныя и правительственныя, соединялись между собою и съ невѣжественнымъ сельскимъ неселеніемъ для борьбы противъ союза оппозиціонныхъ клерикаловъ, буржуазіи, легитимистовъ, республиканцевъ и рабочихъ. Примѣромъ тому можетъ служить кандидатура Монталамбера, поддержанная однимъ епископомъ—при содѣйствіи революціонныхъ знаменитостей, и разбитая другимъ епископомъ—при помощи префекта. Въ одномъ мѣстѣ республиканцы вотировали въ пользу правительственнаго кандидата изъ ненависти къ кандидату легитимистскому, а въ другомъ республиканцы-же подавали голосъ въ пользу легитимистскаго кандидата изъ ненависти къ кандидату правительственному. Это зависѣло отъ вкуса, отъ мѣстной тактики, а частію и отъ случая.

За границей, безъ сомнѣнія, имѣется болѣе ясное понятіе о нашей избирательной драмѣ, чѣмъ какое мы можемъ составить себѣ сами. Заграничныя телеграммы говорятъ: «въ Парижѣ и департаментахъ происходило большое избирательное сраженіе. Правительство еще удерживаетъ перевѣсъ въ провинціяхъ, но оно на голову разбито въ столицѣ.» Формулированное такимъ образомъ, извѣстіе это совершенно согласно съ настоящимъ ходомъ дѣла; оно въ нѣсколькихъ словахъ представляетъ окончательный, историческій результатъ множества частныхъ фактовъ. Дано было сорокъ тысячъ сраженій, столько же сраженій, сколько существуетъ коммунъ. Было бы ошибочно предполагать, что въ этихъ сорока тысячахъ сраженій, происходившихъ въ продолженіи двухъ избирательныхъ дней, либералы, собравшись подъ однимъ знаменемъ, сражались хоть сколько нибудь методически противъ приверженцевъ правительства, которые, съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, дѣйствовали стройными рядами подъ предводительствомъ префектовъ. Напротивъ, борьба была большею частію слѣпая, стычки происходили самыя безпорядочныя. Сколько было ударовъ нанесено наудачу, сколько боевыхъ снарядовъ израсходовано противъ собственныхъ войскъ. Тысяча неровныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ тысячи различныхъ направленіяхъ, резюмируются въ одну окончательную силу, которая и дала дѣлу одно исключительное направленіе; но для такого результата сколько было напрасной борьбы, сколько нейтрализовано силъ и сколько произведено безполезныхъ разрушеній!

Это говорится въ предостереженіе отъ оптической иллюзіи всѣхъ

тѣхъ, которые смотрятъ на вещи издалека, и всѣхъ тѣхъ, которые отличаются честнымъ сердцемъ. Мы слишкомъ легко дѣлаемъ выводы, не зная, какъ сдѣлаетъ ихъ будущность лѣтъ черезъ десять Но сколько досады, разочарованія и отчаянія влечетъ за собою заключеніе, хотя и вѣрное само по себѣ, но преждевременное! Не мало было пророковъ, открывавшихъ въ минуту вдохновенія какую нибудь драгоцѣнную истину; они ее видѣли передъ собою живую и немедленно возвѣщали о ней міру, объявляя ея неминуемое и скорое осуществленіе. На самомъ дѣлѣ истина должна была осуществиться неминуемо, но не скоро. Такъ какъ она не осуществлялась долго и такъ какъ послѣ продолжительнаго времени она казалась еще болѣе отдаленною отъ своего осуществленія, чѣмъ когда либо, то и самъ пророкъ приходилъ въ отчаяніе. Случалось даже, что онъ отказывался отъ своего убѣжденія наканунѣ того счастливаго дня, котораго появленіе онъ такъ давно пророчилъ.

Но возвратимся къ шестому избирательному округу въ Парижѣ. Этотъ округъ обращалъ на себя взоры всей Франціи. И не даромъ: онъ представлялъ какъ бы резюме всего нашего политическаго общества, и потому заслуживаетъ, чтобъ вы съ нимъ познакомились поближе.

Въ этомъ округѣ сошлись:

Императоръ Наполеонъ III, представляемый господиномъ Фуше-Лепельтье, человѣкомъ весьма посредственнымъ, въ чемъ нельзя не сознаться

Французская академія, клерикальная іезуитская партія, легитимисты сэн-джерманскаго предмѣстья и богатая буржуазія, полу-реакціонерная, полу-либеральная. Представителемъ ихъ былъ Кошенъ, человѣкъ столько же разнохарактерный, какъ и его довѣрители. Это въ своемъ родѣ филантропъ-rentier, литераторъ-буржуа, который для пріобрѣтенія благосклонности духовенства, хвастается тѣмъ, что его дѣдъ былъ членомъ народнаго конвента.

Далѣе, г. Геру, гордо называющій себя *демократическимъ кандидатомъ*. Онъ, собственно говоря, одинъ изъ постоянныхъ застольныхъ собесѣдниковъ въ Пале Роялѣ, совѣтникъ и правая рука принца Наполеона. Но вы на это теперь не обращайте вниманія: г. Геру увѣряетъ васъ, что онъ демократъ, да и только.

Настоящій революціонный кандидатъ, Поль де-Жувансель, авторъ

весьма интересныхъ, хотя и ученыхъ сочиненій: *Жизнь*, *Потопъ*, *книга Бытія*, *съ точки зрѣнія науки.* Г. Жувансель такимъ образомъ дебютировалъ въ своей profession de foi: бываютъ разные демократы...

Прево Парадоль, блистательный редакторъ «Journal des Débats», Courrier du Dimanche и «Revue des Deux Mondes». Парадоль остроуменъ, образованъ, человѣкъ хорошаго общества. Это типъ либерала, молодой буржуа, пользующійся большими надеждами, и потому особенно непріятный для г. Персиньи.

Г. Дюпюи, адвокатъ совершенно незначительный. Онъ съ восторгомъ вступилъ бы въ законодательную палату, чтобы представить вопервыхъ самого себя, а потомъ нѣкоторыхъ незначительныхъ буржуа.

Г. Ле-Гиллоа, главный редакторъ *Майскаго жука, журнала оскорбленныхъ.* Онъ имѣлъ претензію быть представителемъ помѣшанныхъ въ нашей прелестной Франціи

Его соперникъ, Адольфъ Бертронъ, *кандидатъ гуманитарный.* Это ужъ истинный оскорбленный. Онъ благополучно нажилъ себѣ значительное состояніе посредствомъ эксплоатаціи промышленныхъ привилегій. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, онъ удалился въ прелестный сельскій домъ въ Sceaux, гдѣ въ кругу своихъ пріятелей и нѣкоторыхъ любопытныхъ посѣтителей проповѣдуетъ какую-то *гуманитарную систему* своего собственнаго издѣлія, которую, къ несчастію, до сихъ поръ еще не поняли его собесѣдники, вслѣдствіе ли трудности предмета, или потому что пары шампанскаго вина омрачаютъ ихъ мозгъ. Г. Бертронъ, въ качествѣ *кандидата гуманитарнаго*, въ то же время *кандидатъ міровой.* Довольно ловкою прокламаціею онъ объявилъ свои притязанія на мексиканскій престолъ и явился такимъ образомъ конкуррентомъ эрцгерцога Максимиліана; онъ хотѣлъ замѣнить несчастнаго Оттона, экс-короля Греціи, и въ настоящее время считается кандидатомъ мадекасскимъ и желаетъ наслѣдовать Радамѣ II, которому кое-какіе люди помогли умереть. Точно такъ же онъ былъ въ одно и то же время кандидатомъ каждаго изъ двухъ сотъ восьмидесяти трехъ креселъ законодательнаго собранія. Это онъ явился великимъ кандидатомъ, въ виду великаго избирателя, его превосходительства, г. Персиньи. Частію лично, частію чрезъ своихъ довѣренныхъ, онъ въ продолженіе двухъ недѣль далъ восьмидесяти шести префектамъ двѣсти восемьдесятъ три присяги въ вѣрности императору и имперіи. Вотъ ужъ

истинный вѣрноподданный и патріотъ, котораго даже нѣтъ надобности подкупать. Безъ всякаго сомнѣнія, если только присяги имѣютъ какое нибудь значеніе, то г. Бертронъ, этотъ гуманитарный кандидатъ, — человѣкъ самый преданный на свѣтѣ императору и имперіи.

Таковы были кандидаты, конкурировавшіе другъ съ другомъ: Фуше Лепельтье въ качествѣ представителя императора, Бертронъ въ качествѣ представителя человѣчества, а каждый изъ остальныхъ пяти, просто, въ качествѣ представителя французскаго народа. Послѣ перваго же дебюта выборовъ гуманитарный Бертронъ, революціонный Жувансель, незначительный Дюпюи и блистательный Парадоль остались на мѣстѣ. Только «демократъ Геру» и кандидатъ императорскій были еще въ состояніи продолжать борьбу, которой исходъ однакожъ зависѣлъ отъ приверженца католическаго духовенства, Кошена. Спрашивалось, на чью сторону склонится послѣдній?

Клерикальная партія въ настоящее время находится въ деликатныхъ отношеніяхъ къ императору. Съ другой стороны, демократъ Геру — одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ свѣтской власти папы. Клерикалы были въ большомъ затрудненіи, но г. Персиньи и на этотъ разъ помогъ избирателямъ. Съ свойственнымъ ему тактомъ онъ издалъ циркуляръ, направленный противъ посланій епископовъ, которые обѣщались *до конца* остаться вѣрными имперіи, какъ впрочемъ они оставались вѣрными, *до самаго конца*, злосчастному Людовику Филиппу. Кромѣ того, министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ эти посланія въ государственный совѣтъ, какъ документы, свидѣтельствовавшіе о превышеніи власти со стороны духовенства. Этого было болѣе чѣмъ достаточно для возбужденія негодованія въ друзьяхъ г. Кошена. Желая отмстить за епископовъ, они подали голоса въ пользу г. Геру, который такимъ образомъ вторично одержалъ побѣду и на этотъ разъ окончательную. Ужели необходимо было правительству столько принести жертвъ въ пользу клерикальной партіи, съ тѣмъ чтобы потомъ съ нею поссориться!

Изъ десяти кандидатуръ, по которымъ произведены были новые выборы, оппозиція одержала верхъ въ шести, не смотря на яростную, чтобы не сказать безсовѣстную, войну, предпринятую противъ нее префектами и ихъ агентами. Всего въ новой палатѣ явилось тридцать пять оппозиціонныхъ членовъ, вмѣсто пяти, бывшихъ

прежде. Еслибъ вздумали произвести новые выборы и еслибъ притомъ число независимыхъ депутатовъ возрасло въ такой же пропорціи, то вскорѣ измѣнились бы роли, и правительство подверглось бы опасности имѣть на своей сторонѣ неболѣе тридцати восьми членовъ противъ двухъ сотъ сорока пяти, принадлежащихъ къ оппозиціи. Но до этого еще мы не дошли. Какъ бы то ни было, на послѣднихъ выборахъ оказалось противныхъ правительству голосовъ 2,400,000, круглымъ числомъ на 1,800,000 болѣе противъ выборовъ 1857 года.

Такое новое пораженіе было дѣломъ весьма важнымъ. Надо было не признать этого факта. Поэтому г. Персиньи запѣлъ Te Deum въ новомъ циркулярѣ, обращенномъ къ префектамъ. Выдавъ себѣ похвальный листъ за нравственность и засвидѣтельствовавъ порядокъ и *честность,* которые господствовали на выборахъ, а также *свободу*, съ какою могли выступить на арену всѣ кандидатуры, онъ поздравляетъ префектовъ, су-префектовъ, мэровъ и всѣхъ агентовъ, находившихся подъ ихъ начальствомъ, съ успѣшнымъ окончаніемъ этого дѣла. «Въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ, говоритъ онъ, образовалась коалиція между мнѣніями, болѣе или менѣе привязанными къ прежнимъ правительствамъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, особенно въ многолюдныхъ центрахъ, болѣе доступныхъ къ возбужденіямъ (злонамѣренной) прессы, этой коалиціи удалось подчинить себѣ всеобщую подачу голосовъ; но громадное большинство націи послушалось голоса правительства и предоставило оппозиціи, въ утѣшеніе за ея пораженіе, только нѣсколько именъ...» Но вотъ капитальный пассажъ въ этомъ циркулярѣ: «Когда императоръ возведенъ былъ въ настоящее свое достоинство, *достигнувъ власти безъ всякой посторонней помощи*, онъ не имѣлъ никакой партіи, но на нѣкоторыхъ пунктахъ сходился со всѣми партіями. Въ глазахъ однихъ онъ былъ представителемъ порядка, въ глазахъ другихъ — представителемъ единства власти; нѣкоторые видѣли въ немъ авторитетъ, другіе — осуществленіе разумной свободы; наконецъ, большинство соединяло съ именемъ его идею торжества демократіи... Изъ этихъ-то разнородныхъ элементовъ образовалась правительственная партія... При такомъ составѣ, всеобщей организаціи страны не доставало однородности... Но послѣдніе выборы, болѣе чѣмъ самое время, содѣйствовали къ скрѣпленію связи между этими элементами. Аттакованное со всѣхъ сторонъ (!) и сопротивляясь всѣмъ возможнымъ ударамъ, наше по-

литическое зданіе сдѣлалось еще болѣе твердымъ и теперь *правительственная партія* упрочилась какъ въ законодательномъ собраніи, такъ и вообще во всей странѣ.»

Находили это признаніе наивнымъ. До настоящаго времени не знали, что правительство въ такомъ только случаѣ можетъ быть правительствомъ, когда оно не составляетъ никакой партіи и само находится выше всѣхъ партій. До настоящаго времени намъ говорили, въ оправданіе декабрьскаго Coup d'Etat, что принцъ-президентъ былъ только орудіемъ въ дѣлѣ, осуществленномъ собственно всею націею. Теперь г. Персиньи, котораго авторитетъ никто не станетъ опровергать, увѣряетъ насъ, что императоръ 2 декабря дѣйствовалъ одинъ и что какая-то коалиція партій уже въ послѣдствіи собралась около особы его величества. Г. Персиньи продолжаетъ: «Правительство императора не отвергаетъ никого. Составленное изъ людей всѣхъ возможныхъ партій и безпрестанно вербуя себѣ новыхъ рекрутъ, оно остается вѣрнымъ своему призванію соединить всѣ эти партіи въ одну. Оно открыто для всѣхъ благонамѣренныхъ людей устраняетъ отъ себя только тѣхъ, которые, не соглашаясь съ существенными основаніями нашихъ учрежденій, становятся въ оппозицію по отношенію къ народной волѣ.» А народную волю, не мѣшаетъ замѣтить, галантерейный Персиньи сочиняетъ въ своемъ кабинетѣ, подъ диктовку двухъ или трехъ префектовъ.

Какъ жаль, что его превосходительство не произнесъ этихъ смачныхъ словъ за двадцать дней до выборовъ. Теперь они послужили для него пѣснію лебедя. Пока аффишеры еще прибивали адресъ Персиньи, Монитёръ уже извѣщалъ о перемѣнѣ министерства. Несчастный герой избирательнаго похода былъ уволенъ, не смотря на свое Te Deum. Такой же участи подверглись: Валевскій, за его черезъ-чуръ ярую привязанность къ Польшѣ, какъ говорятъ; Руланъ, быть можетъ, за то, что онъ былъ слишкомъ вѣжливъ съ духовенствомъ, и Делангль неизвѣстно по какой причинѣ. На мѣсто ихъ назначены были три почти совершенно неизвѣстныхъ человѣка: промышленникъ Бегикъ, профессоръ Дюрюи и какой-то Буде. На этомъ не остановилось chassé-croisé министровъ. Но изъ всѣхъ этихъ перемѣнъ, произведенныхъ безъ всякой очевидной цѣли, самая значительная, безъ сомнѣнія, есть уничтоженіе званій министровъ безъ портфеля, изъ которыхъ главный, г. Билльо, произведенъ въ государственные министры.

Весьма было трудно опредѣлить политическое значеніе этихъ перемѣнъ. Измѣнились названія, но должности остались прежнія. Напрасно спрашивали, чѣмъ отличается министръ, предсѣдатель государственнаго совѣта, отъ министра, предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ. Наконецъ, люди догадливые замѣтили, что между этими двумя титулами существуетъ разница въ тридцать тысячъ франковъ, которыми причастіе, неизвѣстно съ какой стати, перевѣшиваетъ имя существительное. Кромѣ того, оффиціозная пресса (есть и у ней своя хорошая сторона!) разсѣяла въ этомъ отношеніи мракъ невѣжества. Она объяснила невѣждамъ, что титулъ государственнаго министра придаетъ г. Билльо болѣе вѣса и значенія; что этотъ господинъ теперь, болѣе чѣмъ прежде, долженъ считаться представителемъ императора въ палатахъ, истиннымъ посланникомъ его величества къ народу.

Эта перемѣна титула выхвалялась какъ новое учрежденіе. Намъ говорили, что это новое учрежденіе есть шагъ впередъ на пути къ свободѣ, что оно служитъ важнымъ знакомъ уваженія къ народу. Чтобы повѣрить этому, надо быть весьма наивнымъ, или весьма тонкимъ, но мы, люди простые, очень удивились, когда увидѣли, что теорія Roon—Bismarck—Schönhausen'ская цѣликомъ переносится изъ Пруссіи во Францію подъ предлогомъ конституціоннаго либерализма.

Бонопартистская теорія императорскаго конституціонализма уже часто подвергалась измѣненіямъ, и вотъ послѣднее изъ нихъ, въ ожиданіи будущихъ: «Нація и тѣломъ и душой предалась въ руки императора, который служитъ живымъ воплощеніемъ французскаго народа. Кандидатъ правительства есть воплощеніе самаго императора въ виду народа, а его превосходительство, г. Билльо, есть высшее воплощеніе императора въ виду кандидатовъ правительства, засѣдающихъ въ законодательномъ собраніи!»

Но это измѣненіе формулы въ бонопартистской professon de foi еще довольно отвлеченно. Немногіе его понимаютъ,—и изъ тѣхъ, кто понимаетъ, никто на него не обращаетъ вниманія. Подумали объ измѣненіи, болѣе радикальномъ, съ цѣлью снова склонить на сторону имперіи милліонъ восемьсотъ тысячъ избирателей, которыхъ правительство лишилось на послѣднихъ выборахъ. Въ одинъ прекрасный день явилось письмо въ Монитерѣ, извѣщавшее г. Ругека, что уже давно замѣчено императоромъ, что чрезмѣрная централизація служитъ

бѣдствіемъ для народа и что настала крайняя необходимость отмѣнить такой порядокъ. Вотъ извлеченіе изъ этого письма:

«Наша система централизаціи сопряжена съ большими неудобствами; она требуетъ усиленной регламентаціи... Безпрестанный контроль правительства теперь только замедляетъ ходъ дѣлъ. Чѣмъ объяснить иначе, что какое-нибудь коммунальное дѣло второстепенной важности и неподлежащее никакому возраженію рѣшается, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, благодаря тому обстоятельству, что оно должно проходить черезъ одиннадцать разныхъ вѣдомствъ? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, промышленныя предпріятія подвергаются такому-же замедленію.

Да будетъ намъ дозволено, придерживаясь смысла императорскаго письма, прибавить, что если какой нибудь землевладѣлецъ, живущій по сосѣдству озера или солончака, захочетъ завести себѣ лодку для прогулокъ по водѣ, то долженъ представить сорокъ различныхъ прошеній въ различныя вѣдомства и тратить время, гербовую бумагу, деньги и терпѣніе для пріобрѣтенія желаемаго права, во избѣжаніе опасности подвергнуться словесному процессу за нарушеніе регламента. Регламентація во Франціи дошла теперь до такой крайности, что оказывается болѣе выгоднымъ нарушить, чѣмъ исполнить законъ.

«Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ положеніи, говорится далѣе, въ письмѣ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь въ необходимости реформы. Но въ этихъ дѣлахъ, гдѣ такъ сильно сталкиваются интересы общественный и частный, трудность заключается въ соглашеніи того и другого, въ доставленіи одному всей необходимой протекціи, а другому всей желаемой свободы дѣйствія. Такое предпріятіе требуетъ пересмотра большаго числа законовъ, указовъ, постановленій, министерскихъ распоряженій и пр. и пр..,»

Императоръ въ заключеніе предлагаетъ государственному совѣту заняться составленіемъ плана реформы.

Мы не пророки, но весьма бы удивились, еслибъ этотъ планъ, объявленный столь торжественно, дѣйствительно повелъ къ какому нибудь серьезному улучшенію. Безъ всякаго сомнѣнія, подъ предлогомъ упрощенія дѣлопроизводства, намъ дадутъ нѣсколько новыхъ законовъ, въ дополненіе къ сотнямъ тысячъ другихъ, которыми мы уже имѣемъ счастіе пользоваться. Подъ предлогомъ расширенія нашей свободы, мы лишены будемъ нѣкоторыхъ льготъ, которыми мы

недостаточно дорожили. Въ самомъ удачномъ случаѣ, мы какъ и прежде будемъ зависѣть отъ высшаго начальства; но это начальство вмѣсто того, чтобъ называться его превосходительствомъ, господиномъ министромъ, будетъ называться господиномъ префектомъ или господиномъ су-префектомъ; вмѣсто того, чтобъ у насъ дурно управляли важные сановники, мы будемъ дурно управляться ихъ подчиненными. За наше поведеніе и за нашу нравственность будутъ отвѣчать разныя мелкотравчатыя личности, и такой порядокъ въ административномъ лексиконѣ обозначится словами великой децентрализаціи и расширенія свободы гражданъ. Чѣмъ ничтожнѣе будетъ реформа, тѣмъ болѣе громкое она получитъ названіе: ужъ таковъ порядокъ вещей. При томъ selfgovernment'ѣ, какимъ хочетъ облагодѣтельствовать насъ императоръ Наполеонъ Бонапартъ, горе несчастному, который, вооружившись всевозможными дипломами, захотѣлъ бы открыть либеральную школу! При той гражданской автономіи, какую намъ можетъ октроировать государственный совѣтъ, горе тому промышленнику, который вздумалъ бы завести печатную машину и издать какое-нибудь историческое сочиненіе!

Не забудемъ также про обѣщанную свободу промышленности хлѣбопековъ. Булочники составляютъ послѣднюю изъ нашихъ средневѣковыхъ промышленныхъ корпорацій. Французская промышленность, правда, была освобождена отъ всякихъ оковъ революціею 1789 года; но еще оставалась одна отрасль ея, которая влачила за собою кончикъ прежнихъ цѣпей. Эта послѣдняя окова, говорятъ, теперь будетъ уничтожена. Но все еще продолжается такса на хлѣбъ, и пока законодательною властью не уничтожится существующій законъ, до тѣхъ поръ эта такса въ Парижѣ не можетъ быть ни измѣнена, ни отмѣнена на время безъ разрѣшенія господина префекта Сены, барона Гаусмана. Но извѣстно, что такса служитъ основной пружиной древняго механизма, и пока эта пружина будетъ дѣйствовать, свобода булочной промышленности останется пустымъ словомъ. При существованіи таксы, булочники необходимо будутъ готовить одно и тоже количество хлѣба, по одной и той-же цѣнѣ и при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ. Такса установляетъ и укрѣпляетъ рабство булочниковъ-производителей, а такъ-же и потребителей.

Это не все. Намъ обѣщано составленіе коммисіи для изслѣдованія вопроса относительно основанія новыхъ ремесленныхъ и промышленныхъ школъ. Правда, уже давно всѣ тѣ, которые занимаются

этимъ вопросомъ, признали необходимость учрежденія такихъ школъ для нашего рабочаго класса. Теперь назначается коммисія для изученія этого дѣла: значитъ, цѣль нашихъ желаній почти достигнута.

Кромѣ того, новый министръ, г. Дюрюи, дозволитъ теперь нашимъ дѣтямъ изучать философію, чего не допускалъ г. Руланъ и что положительно запрещала другая превосходительная особа, г. Фортуль. Вы спросите, почему было такое запрещеніе? Причина тому весьма странная. Изволите видѣть: изученіе философіи нашимъ юношествомъ не нравилось духовенству. Теперь, благодаря этимъ «злосчастнымъ выборамъ» (такъ выражаются оффиціозныя газеты), наши молодые люди познакомятся съ значеніемъ именъ Платона, Эпиктета, Зенона, Абейлара, Канта, Гегеля и Декарта; съ разрѣшенія университетскаго начальства, они будутъ имѣть возможность читать Мальбранша и Спинозу; вопреки аббату, они станутъ разсуждать о свободѣ воли и о фатумѣ и постараются составить себѣ понятіе о душѣ, о безсмертіи, о совѣсти, о добрѣ и злѣ. Съ 1852 года намъ было запрещено говорить о всѣхъ этихъ вещахъ, до наступленія совершеннолѣтія, и для того, чтобъ мы объ нихъ не говорили послѣ, приняты были мѣры, чтобъ мы объ нихъ никогда ничего не слыхали. Полагали, что можно всѣ эти безплодныя умозрѣнія съ выгодою замѣнить уроками механики и курсомъ логики. Молодымъ людямъ, мечтавшимъ о мірѣ идеальномъ и безпредѣльномъ, и желавшимъ узнать сущность бытія и абсолютной истины, высокопарно объяснялось значеніе такъ называемаго *рогатаго аргумента* (argumentum cornutum) и излагались различные роды сужденія: *in ferio*, *Darii*, *Baralipton*. И іезуиты называли это: сообразоваться съ духомъ вѣка! Теперь нашъ пессимизмъ умолкъ и мы имѣемъ удовольствіе замѣтить, что, благодаря предложенію его превосходительства, г. Дюрюи, слова: умъ и разумъ, бытіе и небытіе, свобода и фатализмъ, конечное, безконечное и безпредѣльное, снова войдутъ наконецъ въ словари юношества и, въ нѣкоторомъ родѣ, во французскій языкъ. Намъ возвращается философія!

Сколько реформъ, въ особенности обѣщанныхъ реформъ, намъ уже доставили эти тридцать пять господъ, избранные въ законодательный корпусъ и которые считаются непріязненными правительству! Какъ жаль, что выборы производятся не черезъ каждые три мѣсяца и что мы не можемъ, черезъ каждые три мѣсяца, удостоиться новыхъ благодѣяній!

Но довольно о внутреннихъ дѣлахъ; перейдемъ къ внѣшнимъ.

Здѣсь прежде всего представляется намъ взятіе Пуеблы, одно изъ самыхъ блистательныхъ военныхъ дѣйствій имперіи, подвигъ впрочемъ тѣмъ болѣе драгоцѣнный, чѣмъ дороже онъ намъ обошелся. Разскажемъ о немъ словами самого маршала Форе, котораго рапортъ мы еще не имѣли случая сличить съ разсказами мексиканцевъ:

«Пуебла нами взята. Послѣ того, какъ въ сраженіи при Сен-Лоренсо разсѣянъ былъ корпусъ Комонфорта, имѣвшій намѣреніе разбить нашу осадную линію и доставлявшій Пуеблѣ съѣстные припасы, гарнизонъ крѣпости, уже давно страдавшій голодомъ, находился въ крайности, хотя и отнялъ у жителей все, что они имѣли.

«Съ другой стороны, такъ какъ открыта была траншея и такъ какъ наши баттареи своимъ огнемъ въ продолженіи двухъ часовъ разрушили вооруженія форта, то положеніе крѣпости, противъ которой предприняты бѣли двѣ сильныя аттаки, было одно изъ самыхъ критическихъ.

«При такомъ положеніи дѣлъ, генералъ Ортега вступилъ со мною въ переговоры, изъявляя желаніе заключить капитуляцію. Но онъ требовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ права выдти изъ крѣпости съ военными почестями, съ оружіемъ, багажами и полевою артиллеріею, и возможности отправиться въ Мексику. Я отвергъ его странныя предложенія и объявилъ, что готовъ дозволить ему выдти съ военными почестями, но что его армія должна дефилировать передъ арміею французскою, сложить оружіе и остаться въ плѣну. Въ то же время я далъ ему слово, что вниманіе, оказываемое въ подобныхъ случаяхъ у народовъ цивилизованныхъ къ гарнизону, исполнившему свою обязанность, будетъ оказано и его войскамъ.

«Я также далъ замѣтить парламентеру, что если гарнизонъ будетъ ожидать всеобщаго приступа, то онъ, согласно законамъ войны (?!), будетъ истребленъ мечемъ. Таковы истинныя причины сдачи Пуеблы. Мексиканцы перестали защищаться не потому, что у нихъ не доставало съѣстныхъ припасовъ и аммуниціи, а потому, что взятіе города силою было неминуемо и что они сознавали невозможность сопротивляться нашимъ войскамъ.

...«Однакожъ, мои предложенія не были приняты генераломъ Ортегою, который, ночью съ 16-го на 17-ое, объявилъ свою армію распущенною, велѣлъ сломать оружіе, заглвоздить пушки и взорвать

пороховые магазины и послалъ ко мнѣ парламентера съ извѣстіемъ, что гарнизонъ перестал защищаться и сдается безусловно.

«Едва наступилъ день, какъ 12,000 человѣкъ, большею частію безъ оружія, безъ мундировъ и безъ всякой экипировки — всѣ эти вещи были разрушены и разбросаны по улицамъ города—признали себя нашими военноплѣнными и отъ 1,000 до 1,200 офицеровъ, въ томъ числѣ 26 генераловъ и болѣе 200 штабъ — офицеровъ, увѣдомили меня, что находятся въ правительственномъ замкѣ въ ожиданіи моихъ приказаній.

«Плѣнные находились сначала въ большомъ затрудненіи относительно своего пропитанія. Двѣ или три тысячи изъ нихъ вошли уже въ составъ союзной арміи. Офицеры были еще въ худшемъ положеніи. Я рѣшился послать ихъ во Францію и на Антильскіе острова и немедленно велѣлъ отправить ихъ въ Вера-Круцъ».

Такимъ образомъ окончилась эта донкихотская осада, продолжавшаяся уже два мѣсяца. Послѣ взятія Палафокса и Саррагоссы, не видали подобной защиты. Каждую церковъ должно было взять приступомъ; каждая отдѣльная куча домовъ превращена была въ крѣпость, которую жители, и мужчины, и женщины, и дѣвушки и мальчики, защищали сами, вмѣстѣ съ солдатами. Пришлось пушечными ядрами пробивать стѣны домовъ и сапомъ прокладывать подземные ходы, такъ какъ осаждающіе не могли проходить по улицамъ сквозь перекрестный огонь, направляемый на нихъ изъ оконъ домовъ. Надо было штыкомъ проложить себѣ дорогу въ эти жилища. Годъ тому назадъ генералъ де-Лорансезъ воображалъ, что будетъ здѣсь встрѣченъ съ восторгомъ и что изъ этихъ самыхъ оконъ, откуда теперь раздавались ружейные выстрѣлы, дѣти будутъ бросать ему букеты. Онъ надѣялся увидѣть здѣсь улицы, покрытыя цвѣтами и восхитительную улыбку прелестныхъ мексиканокъ. Какъ иногда люди ошибаются!

Вы безъ всякаго сомнѣнія, не ожидали, что если генералъ Лорансезъ ошибся, то виноваты въ этомъ Вольтеръ и Руссо, и что генералъ Форе приписываетъ честь защиты Пуеблы вѣчной европейской демагогіи:

«Я уже писалъ вашему превосходительству, сказано въ офиціальномъ рапортѣ, что защита Пуеблы, организованная европейскою демогогіею, доказываетъ, что есть тамъ выходцы, искусные въ устройствѣ баррикадъ». Впрочемъ, генералъ Форе возведенъ въ званіе маршала Франціи и, безъ сомнѣнія, получитъ въ награду за

свой подвигъ какую нибудь землю и какой нибудь титулъ, въ родѣ Marquis de Puebla de Notra Sennora de Guadelupe, по бывшимъ примѣрамъ кузена Монтобана, графа Па-ди-Као и герцога Малаховскаго, Пелиссье.

Такимъ образомъ этотъ благородный городъ палъ, пораженный, быть можетъ, французскимъ оружіемъ, а, быть можетъ, врагомъ еще болѣе страшнымъ—голодомъ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ начался въ Пуеблѣ 23 апрѣля. Сдача крѣпости воспослѣдовала 17 мая, три недѣли спустя. Съ 24 апрѣля главною пищею гарнизона должны были служить лошади, мулы и собаки. Около 10 мая истощились всѣ средства, и послѣ того каждый день умирали солдаты и цѣлыя семейства жителей. Тогда человѣкъ, посланный императоромъ Наполеономъ Бонапартомъ, чтобъ познакомить этихъ людей съ французскою цивилизаціею, велѣлъ имъ сказать, что если они будутъ упорствовать въ защитѣ города и попадутся въ его руки живыми, то онъ перерѣжетъ ихъ всѣхъ до послѣдняго. Какое страшное зрѣлище представила бы гекатомба изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, убитыхъ миссіонерами права народнаго и человѣческаго! Нѣтъ сомнѣнія, что генералъ Форе въ состояніи сдержать свое слово; онъ на такія подвиги способенъ, что онъ и доказалъ во время убійствъ, произведенныхъ въ Парижѣ въ 1851 году.

Взятіе Пуеблы представляло удобный случай для прекращенія несправедливой войны, поводомъ къ которой были происки Jecker'a, Errazu и компаніи и которая началась гнусною измѣною Оризабы. Когда парижане услышали оглушительный шумъ пушечныхъ выстрѣловъ, возвѣщавшихъ побѣду, и увидѣли трех-цвѣтныя знамена, развивавшіяся надъ общественными памятниками, тогда ими овладѣла минутная надежда, что такъ какъ съ французскаго оружія смыто, что называется, пятно прежней неудачи, то вслѣдъ за извѣстіемъ объ этомъ сраженіи объявлено будетъ о заключеніи мира. Эта иллюзія продолжалась не долго; вскорѣ пришло новое извѣстіе, что наша побѣдоносная армія опять двинулась въ походъ, заставивъ пѣвчихъ пропѣть «Te Deum laudeamus» и «Domine, salvum fac imperatorem»! Уже кто-то распространилъ въ парижской биржѣ слухъ, что французскіе генералы прибыли къ стѣнамъ Мексики и заняли позицію, выгодную для осады города.

Займетъ ли французская армія городъ Мексику безъ выстрѣла, или ей придется совершать новые марши и контрамарши и произво-

дить страшныя операціи осады? На этотъ счетъ было бы неразумно дѣлать какое бы то ни было предположеніе. Вѣрно однакожъ то, что настоящія затрудненія для императора Людовика Наполеона Бонапарта возникнутъ послѣ его перваго великаго успѣха, когда онъ захочетъ водвориться въ завоеванной странѣ и осуществить давно взлелѣянную имъ мечту.

Здѣсь читатели должны припомнить то, что было говорено въ нашихъ политическихъ обзорахъ о фантастическихъ планахъ человѣка, который когда-то предпринималъ безразсудныя экспедиціи изъ Страсбурга въ Булонь. Эти проэкты всегда были предметомъ толковъ со стороны людей, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ. Подземная стратегія не покинула плана своихъ операцій. Въ 1846 или 1847 году Людовику Наполеону предложенъ былъ титулъ императора Мексики; но видя тогда быстрое приближеніе революціи 1848 году, Людовикъ Наполеонъ отказался отъ престола, въ полученіи котораго былъ весьма мало увѣренъ. Онъ отказался, но сожалѣлъ объ этомъ. Теперь, когда онъ на самомъ дѣлѣ императоръ западной имперіи, ему ничто не мѣшаетъ возобновить планы, которые давно скрываются. Дѣйствительно, почему же ему не быть императоромъ въ Новомъ Свѣтѣ. Будучи повелителемъ европейскихъ франковъ, почему ему не сдѣлаться также Инкою и великимъ кацикомъ, царствующимъ надъ потомками Конквистадоровъ? Почему ему не потѣшить себя уничтоженіемъ испанскихъ республикъ въ Америкѣ, когда онъ уничтожилъ большихъ сестеръ ихъ во Франціи и въ Римѣ? Онъ владѣетъ Суэзскимъ перешейкомъ, почему же не владѣть ему также перешейкомъ Тегуантепекскимъ? Онъ тогда обладалъ бы двумя великими ключами міра. Онъ держитъ въ рукахъ своихъ Римъ, почему же не держать ему такъ же Іерусалима, къ которому онъ уже приблизился посредствомъ экспедиціи, предпринятой въ Сирію, и куда вскорѣ долженъ будетъ съ пышностью отправить императрицу на богомолье?

Императоры римскіе во время оно владѣли двумя имперіями. Столько же имперій хотятъ имѣть и Наполеониды. Наполеонъ I искалъ себѣ восточную имперію дорогою, ведущею мимо пирамидъ, и дорогою, ведущею черезъ Москву. Его пріемникъ считаетъ болѣе выгоднымъ искать новую западную имперію, по ту сторону Атлантическаго океана, на пути черезъ Пуеблу и Мексику.

Таковы мечты, порождаемыя могуществомъ; таковъ бредъ, возбу-

ждаемый успѣхомъ; таковы безумныя гигантскія стремленія, вызываемыя неслыханнымъ счастіемъ!

Соединенные Штаты сѣвера служатъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этихъ честолюбивыхъ замысловъ. Поэтому Людовикъ Наполеонъ ненавидитъ ихъ смертельно. Мы увидимъ нѣкоторыя послѣдствія этой ненависти въ преніяхъ, недавно происходившихъ въ палатѣ общинъ.

Революція въ Мадагаскарѣ была неожиданнымъ ударомъ для императора. Недавно еще, какъ весьма хорошо замѣтила газета Opinion Nationale, единственнымъ королемъ Мадекассовъ былъ государь, царствующій въ Тюльери. Однакожъ императоръ Наполеонъ отказался отъ своихъ вѣковыхъ (!) правъ на этотъ обширный островъ и передалъ титулъ мадагаскарскаго короля маленькому предводителю Овасовъ. Въ вознагражденіе за такую уступку выговорены были для Франціи огромныя торговыя выгоды. Цѣлая часть острова отдана французской колоніи, которая здѣсь должна была эксплоатировать весьма богатые рудники и перевесть въ эту страну нашу великую цивилизацію, нашу великую промышленность и нашу великую нравственность. Здѣсь происходило такое же явленіе, какъ въ Мексикѣ. Радама II, превращенный въ слѣпого угодника французовъ, призналъ своимъ *alter ego* какого-то господина Ламбера, герцога эмирнскаго, какъ говорятъ. Эмирномъ, по всей вѣроятности, называется мадекасскій маіоратъ.

«Всѣ эти выгоды исчезли! печально восклицаетъ Opinion Nationale. Революція, подготовленная старою партіею (мальгашскими легитимистами) Овасовъ и управляемая, быть можетъ, иноземнымъ вліяніемъ (читайте: протестантскими миссіонерами, подосланными вѣроломнымъ Альбіономъ), вспыхнула 12 мая въ Танаривѣ. Радама II былъ убитъ. Его объявили *побѣжденнымъ королемъ* и похоронили вечеромъ безъ всякихъ почестей на мѣстѣ, назначенномъ для падшихъ королей. Радама, по видимому, былъ молодъ, храбръ и даже безразсуденъ, отличался открытымъ, восторженнымъ характеромъ, нѣжнымъ сердцемъ, веселымъ, даже распутнымъ нравомъ, и легкомысліемъ. Его впрочемъ ненавидѣли священники и консервативная партія. Эти люди замѣтили, что при вліяніи иностранцевъ ихъ собственная власть уменьшалась съ каждымъ днемъ. Радама избралъ своими любимцами не только нѣкоторыхъ французовъ, какъ то: означеннаго Ламбера, консула и одного медика, но также

около тридцати туземныхъ аристократовъ, которыхъ онъ называлъ своими братьями и съ которыми проводилъ время въ веселыхъ оргіяхъ. Эти то последніе его любимцы и были главною причиною его погибели. Они отличались распутствомъ, грабили народъ, были нечестивы и издѣвались надъ священниками.

Перемѣна началась съ того, что распространилась особого рода эпидемія, состоявшая въ судорожныхъ припадкахъ. Около половины марта на улицахъ Тананаривы мужчины, женщины и молодыя дѣвушки вдругъ стали подвергаться необыкновеннымъ припадкамъ. Болѣзнь обнаруживалась дрожаніемъ всего тѣла, шаткою походкою и вообще неопредѣленными движеніями, мутнымъ взглядомъ и безсмысленнымъ выраженіемъ лица. Больные испускали неясные звуки и въ полномъ смыслѣ слова бѣгали по улицамъ и угощали толчками и пинками каждаго встрѣчнаго и поперечнаго. Сумасшедшіе пользуются нѣкоторымъ родомъ уваженія въ Мадагаскарѣ. Число подвергавшихся галлюцинаціямъ увеличивалось быстро, благодаря терпимости, какая оказывалась въ отношеніи къ больнымъ такого рода, Вскорѣ эти люди не довольствовались тѣмъ, что били всякаго встрѣчнаго и поперечнаго; они стали требовать, чтобъ прохожіе имъ кланялись.

Радама не воображалъ, что придетъ въ столкновеніе съ такими гнусными и опасными противниками. Онъ принялъ видъ, что смѣется надъ народными предразсудками и даже, по совѣту своихъ любимцевъ и своихъ старшихъ офицеровъ, издалъ декретъ, въ которомъ объявилъ, что люди, подверженные судорогамъ, должны пользоваться уваженіемъ народа и что проходящіе обязаны имъ кланяться. Этого рода больные, по его распоряженію, должны были считаться неприкосновенными, и пользоваться привилегіею дѣлать все, что имъ вздумается, еслибъ даже они въ припадкѣ бѣшенства бросались на встрѣчныхъ и поперечныхъ съ кинжаломъ въ рукахъ. Само собою разумѣется, что эти люди продолжали безпокоить мирныхъ жителей города; они врывались въ дома, разбивали тамъ все, что попадало имъ въ руки, и потомъ уходили, требуя неизбѣжнаго поклона. Во время одного смотра, зараза проникла въ войско; большое число солдатъ, побросавъ свое оружіе и свои платья, внезапно подверглось судорогамъ и стало бить своихъ товарищей, своихъ офицеровъ и даже генерала. Все это было только началомъ катастрофы.

Распространились слухи о привидѣніяхъ. Бѣснующіеся говорили, что во время ихъ конвульсивныхъ припадковъ имъ представлялись тѣни Ранавалоны и Радамы I, которыя выходили изъ гроба и объявляли, что сынъ ихъ недостоинъ престола, потому что продалъ страну свою европейцамъ. Отецъ и мать стонали отъ такого тяжкаго преступленія. Ихъ духи плакали и умоляли своихъ прежнихъ подданныхъ обратиться къ духовенству съ просьбою, чтобъ оно своими молитвами отклонило бѣдствія, которымъ подвергся ихъ преемникъ. Народное бѣснованіе продолжалось шесть недѣль. Во все это время происходили самые ужасные безпорядки. И духовенство и бѣснующіеся каждый день объявляли, что совершится великое событіе. Ихъ пророчество сбылось.

Послѣ того, какъ такимъ образомъ настроивались умы мѣстныхъ жителей, положеніе короля мало по малу совершенно измѣнилось. Вступивъ па престолъ послѣ кровавой тиранніи своей матери, онъ сначала былъ идоломъ народа, но потомъ, благодаря проискамъ духовенства, продѣлкамъ бѣснующихся и поведенію своихъ любимцевъ, лишился этой любви и накопецъ сдѣлался предметомъ ненависти своихъ подданныхъ.

Въ катастрофѣ, которая надъ нимъ разразилась, онъ много былъ самъ виноватъ. Любя до страсти всякую драку и зрѣлище дракъ, этотъ король дикарей разрѣшилъ дуэли и отчаянныя битвы между селеніями и между различными племенами своего народа. Это значило провозгласить въ странѣ гражданскую войну. На другой день, послѣ объявленія этого закона, всѣ офицеры и вся мѣстная знать отправились къ королю просить объ отмѣнѣ такого постановленія. Король разгнѣвался, потомъ успокоился; но отказалъ исполнить просьбу своихъ подданныхъ. Онъ также не внималъ ропоту, который вскорѣ грозно поднялся у самихъ воротъ его замка. Толпа требовала казни его любимцевъ. Семь разъ онъ ей отказывалъ въ этомъ требованіи. Когда опасность увеличилась, онъ сталъ просить народъ о помилованіи своихъ фаворитовъ. Онъ хотѣлъ спасти ихъ жизнь и доставить имъ свободу. Пока производились переговоры и пока молодая королева увѣщевала народъ, явившись посредницею между нимъ и своимъ супругомъ, мятежники успѣли захватить и убить любимцевъ короля, одного за другимъ. Между тѣмъ наступила ночь. Достовѣрно неизвѣстно, что въ это время происходило во дворцѣ, но

на другое утро придворные распространили слухъ, что король умертвилъ себя съ отчаянія, лишившись своихъ друзей.

Вопреки собственному своему желанію, королева была объявлена наслѣдницею престола. Ее заставили присягнуть конституціи, въ которой первый параграфъ гласитъ: «королева Rasoa-hery Menjaka (т. е. наша прелестная и могущественная повелительница) обязывается не пить ни водки и никакихъ другихъ крѣпкихъ напитковъ». Новая правительница объявила свободу вѣроисповѣданій, безопасность иностранцевъ и ихъ торговли, сохраненіе заключенныхъ съ ними договоровъ, возстановленіе смертной казни (этотъ параграфъ внушенъ былъ духовенствомъ, которое снова пріобрѣло власть) и, наконецъ, что послѣднія событія не имѣютъ никакого отношенія къ чужимъ народамъ и составляютъ дѣло домашнее, исключительно касающееся Мадекасовъ.

«Въ то время, когда море Средиземное соединяется съ Краснымъ, восклицаетъ Opinion Nationale,—занятіе острова Мадагаскара удовлетворило бы насъ гораздо болѣе, нежели заключенный съ нимъ трактатъ. Потребовалось бы не болѣе трехъ полковъ для завоеванія этой обширной страны и для водворенія (какъ въ Мексикѣ) совершеннаго порядка между четырьмя милліонами ея жителей, которы большею частію (опять таки какъ въ Мексикѣ!) преданы Франціи. Не дозволитъ ли революція въ Тананаривѣ требовать возвращенія прежнихъ уступокъ»?

Опять новая экспедиція, и на этотъ разъ противъ Мадагаскара Такое предпріятіе намъ кажется весьма труднымъ и, въ особенности, весьма мало законнымъ... Впрочемъ, мало ли чудесъ совершается на свѣтѣ!

Мы придаемъ нѣкоторое значеніе слѣдующей нотѣ, помѣщенной въ австрійско-французскомъ журналѣ Mémorial Diplomatique, пользующемся покровительствомъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Дрюэнъ де Люиса:

«Съ нѣкотораго времени журналы опять заговорили о намѣреніи императрицы предпринять путешествіе къ святымъ мѣстамъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что это предпріятіе совершится въ будущую осень, другіе утверждаютъ, что въ этомъ извѣстіи нѣтъ ничего положительнаго.

«Свѣдѣнія, заимствованныя изъ вѣрнаго источника, даютъ намъ

возможность опредѣлить, въ какой степени эти слухи заслуживаютъ довѣрія.

«Уже давно ея величество, которая съ высокими качествами ума и сердца соединяетъ искреннее благочестіе, дала обѣтъ отправиться въ Палестину и посѣтить мѣста, освященныя воспоминаніями о жизни и смерти Спасителя, затѣмъ чтобы благодарить бога за покровительство, оказываемое имъ до настоящаго времени престолу ея августѣйшаго супруга.

«Но съ этимъ благочестивымъ странствованіемъ въ умѣ императрицы связано осуществленіе другого обѣта, драгоцѣннаго для сердца супруги, матери и государыни. Ея величество желала бы путешествіе свое въ Іерусалимъ продолжить до Рима (какова географія!), затѣмъ чтобы испросить для императора, для наслѣднаго принца, для Франціи и для самой себя благословеніе намѣстника того, чью *славную гробницу* посѣтила, и чтобы такимъ образомъ соединить въ своихъ воспоминаніяхъ и въ своей привязанности эти два великія имена Рима и Іерусалима, которыя вѣчно будутъ сіять лучезарнымъ блескомъ надъ міромъ.

«Но для спокойнаго осуществленія этого двойного проекта, ея величество ждетъ, чтобы политическій горизонтъ, начинающій уже проясняться (?), окончательно очистился отъ тучъ. Она желала бы такимъ образомъ устранить многочисленныя комментаріи, къ составленію которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, при настоящихъ обстоятельствахъ, дало бы поводъ осуществленіе желанія, возникшаго давно исключительно по внушенію благочестія и независимо отъ всякой политической цѣли».

Каковы бы ни были замыслы Наполеона, Англія, уже разстроившая ихъ разъ, не перестаетъ слѣдить за ними зорко. Содѣйствовавъ созданію имперіи, Пальмерстонъ теперь былъ бы не прочь содѣйствовать ея паденію.

Переписка, недавно происходившая между обоими кабинетами, по поводу суэзскаго перешейка, была болѣе, чѣмъ язвительна. По-видимому, министръ иностранныхъ дѣлъ внушилъ англійскому Foreign Office увѣренность, что правительство Франціи готово въ этомъ дѣлѣ дойти до послѣднихъ крайностей. Въ Константинополѣ, маркизъ дю-Мутье засвидѣтельствовалъ его превосходительству, Аали-Пашѣ, что императоръ Наполеонъ, въ случаѣ прекращенія работъ

на суэзскомъ перешейкѣ, сочтетъ нужнымъ послать въ Египетъ тридцатитысячное войско для защиты французскихъ интересовъ въ предпріятіи международной компаніи прорытія канала. Эта угроза произвела свое дѣйствіе, и недавно заключены новыя условія. Работы производились безостановочно, не смотря на то, что г. Лессепсъ неоднократно получалъ оффиціальное приказаніе прекратить ихъ на время. Маленькая комедія, основанная на путешествіи султана въ Египетъ, осталась безъ результата. Если намѣренія французскаго правительства относительно суэзскаго канала непрямодушны, то намѣренія Пальмерстона въ этомъ дѣлѣ еще менѣе похвальны. Замѣчательно, что англійскіе дипломаты, долго утверждавшіе, сначала— что прорытіе этого канала невозможно, а потомъ,—что онъ безполезенъ, такъ какъ существующая желѣзная дорога черезъ перешеекъ соотвѣтствуетъ всѣмъ возможнымъ требованіямъ, теперь находятъ, что и англійская желѣзная дорога и французскій каналъ будутъ неудовлетворительны. Они уже требуютъ устройства новой желѣзной дороги—въ видахъ коммерческихъ, говорятъ они,—въ видахъ политическихъ, думаемъ мы.

Между тѣмъ слухъ объ успѣхахъ, болѣе кажущихся, чѣмъ дѣйствительныхъ, одержанныхъ рабовладѣльческими генералами въ Америкѣ, пріободрилъ ихъ единомышленниковъ въ Европѣ. Послѣдніе объявляли повсюду о признаніи южныхъ штатовъ правительствами Франціи и Англіи. Этимъ слухамъ много придавали вѣроятія извѣстныя симпатіи кабинета Россель-Пальмерстонъ-Глэдстонскаго, частыя аудіенціи, которыхъ удостоился у императора г. Слайдель, фактотумъ г. Джефферсона Дэвиса въ Европѣ, и въ особенности извѣстіе, что господа Робёкъ и Линдсей приглашены въ Фонтенебло.

Г. Робёкъ, этотъ ярый депутатъ Шеффильда, долгое время домогался репутаціи самого радикальнаго оратора въ Англіи. Онъ въ своихъ рѣчахъ возставалъ противъ австрійскаго дома, противъ Россіи, противъ Дерби, Дизраэли, Росселя и Пальмерстона, противъ виговъ, торіевъ и пруссаковъ, въ особенности противъ императора Бонапарта и даже противъ французскаго народа. Онъ отличался краснорѣчіемъ бульдога или ярой цѣпной собаки. Однажды онъ на многолюдномъ митингѣ въ Шеффильдѣ, съ неистовствомъ нападая на «Бонапарта и его сообщниковъ», съ яростнымъ жестомъ

воскликнулъ: «я та собака, которая ихъ грызетъ, *I am the dog tear'em!* Какъ однакожъ люди измѣняются! Г. Робёкъ — другъ г. Линдсея, строившаго корабли по заказу Австріи для войны ея противъ Италіи и снаряжавшаго корсарскія суда, которыя подъ флагомъ Джефферсона Дэвиса отправляются въ море для того, чтобы захватывать, грабить, жечь купеческія суда сѣверныхъ штатовъ. Робекъ участвуетъ въ этомъ благородномъ предпріятіи своими фондами; онъ—пиратъ, въ качествѣ акціонера одной компаніи, съ ограниченною отвѣтственностью (with limited liability). Съ этой минуты его грубое сердце смягчилось въ отношеніи къ «Бонапарту и его сообщникамъ», такъ какъ Бонапартъ — другъ его друзей и такъ какъ флагъ наполеонидовъ въ настоящее время одинъ только и защищаетъ торговлю неграми и особенно покровительствуетъ марсельскимъ продавцамъ невольниковъ. (изъ которыхъ одинъ, какъ намъ извѣстно, во время послѣднихъ выборовъ былъ кандидатомъ императора).

Съ своей стороны, императоръ Наполеонъ вскорѣ узналъ о превращеніи, совершившемся съ Робёкомъ; онъ удостоилъ его пригласить къ себѣ на совѣщаніе. Нѣсколько дней спустя, экс-радикалъ гордо витійствовалъ въ палатѣ общинъ во имя своего новаго друга, императора французовъ, и выставлялъ себя экстраординарнымъ посланникомъ, предлагая англійскому народу, помимо министровъ, объявленіе войнъ и заключеніе союзовъ съ иностранцами. «Пора, говорилъ онъ, вмѣшаться въ дѣла Соединенныхъ Штатовъ предложеніемъ посредничества, слѣдствіемъ котораго будетъ признаніе юга, а потомъ война франко-англійская противъ сѣвера».—«Наше броненосное судно Warrior, продолжалъ онъ, съ наивностью продавца ножей, одно въ состояніи истребить весь флотъ федералистовъ. Войска ихъ готовы разбѣжаться; Вашингтонъ въ опасности. Боюсь одного, чтобы югъ не завоевалъ своей независимости безъ нашей помощи!» Императоръ, по его словамъ, весьма желалъ бы возобновить свое предложеніе посредничества, въ союзѣ съ Англіею; но послѣ попытки, сдѣланной имъ въ октябрѣ прошедшаго года, другая, бывшая въ минувшемъ февралѣ, послужила поводомъ для оскорбительной выходки со стороны кабинета Россель-Пальмерстонскаго. Конфиденціальное письмо, которое императоръ адресовалъ къ правительству королевы, возвращено ему изъ Вашингтона за печатью г. Сьюарда, министра иностранныхъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Такой невѣжливый и противный дипломатическимъ обычаямъ поступокъ глу-

боко оскорбилъ Наполеана, который не захотѣлъ вторично подвергнуться злоупотребленію довѣрія — настоящей измѣнѣ.

Слова эти произвели большое волненіе и ропотъ. Графъ Россель и Лейардъ, помощникъ государственнаго секретаря, самымъ категорическимъ образомъ опровергли извѣстіе Робёка.

«Повторяю самымъ положительнымъ и формальнымъ образомъ то, что я уже имѣлъ честь сообщить палатѣ, воскликнулъ г. Лейардъ: съ ноября прошедшаго года императоръ французовъ не дѣлалъ правительству ея величества никакого подобнаго сообщенія. Что касается до сообщенія, сдѣланнаго въ февралѣ, то оно было словесное, а не письменное. Мы не посылали никакой копіи съ этого французскаго предложенія, по той весьма простой причинѣ, что не получили его сами. Г. Мерсье, французскій посланникъ въ Вашингтонѣ, могъ сообщить г. Сьюарду, что хотѣлъ; но нашъ посланникъ, г. Лайонсъ, былъ такъ благоразуменъ, что не говорилъ объ этомъ дѣлѣ ни слова. Не лордъ Лайонсъ открывался г. Сьюарду, а г. Сьюардъ открывался лорду Лайонсу. Къ этому объясненію я ни слова не считаю нужнымъ прибавить. Предоставляю палатѣ и странѣ судить объ этомъ фактѣ».

Г. Робёкъ былъ какъ громомъ пораженъ. Что касается Moniteur'а, то онъ 6 іюля, отвѣтилъ, оффиціальною нотою, которая ничего ни подтверждаетъ, ни опровергаетъ, ни объясняетъ, и которая поэтому оставляетъ факты въ ихъ неблаговидномъ свѣтѣ.

Если спросятъ: какую причину могъ имѣть императоръ, приглашая къ себѣ этого несчастнаго Робёка и давая ему такое неудачное порученіе въ палату общинъ? Cui bono? На этотъ вопросъ мы не знаемъ что отвѣтить. Въ этомъ отношеніи мы круглые невѣжды.

Однакожъ предложеніе г. Робука было только отсрочено палатою, хотя канцлеръ казначейства г. Глэдстонъ, не смотря на свою привязанность къ южнымъ штатамъ, энергически отвергъ его во имя правительства. Между прочими причинами онъ представилъ, что ни Франція, ни Англія не находятся въ такомъ положеніи, чтобы съ достаточнымъ безпристрастіемъ и потому съ авторитетомъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Америки. «Франція, говорилъ онъ, долгое время имѣла этотъ характеръ безпристрастія, но она лишилась его вслѣдствіе положенія, принятаго ею относительно Мексики».

Изъ этихъ преній оказывается, что мы болѣе не имѣемъ причины

опасаться вмѣшательства Великобританіи въ дѣла Соединенныхъ Штатовъ. Правда, англійская аристократія все еще сохраняетъ свое расположеніе къ рабовладѣльцамъ; правда, торійскіе студенты оксфордскаго университета въ день праздника Commemoration громко и единодушно одинаково рукоплещутъ именамъ Польши и Джефферсона Дэвиса; правда, слишкомъ знаменитый корсаръ Сомтеръ могъ, замѣнивъ изъ предосторожности свое имя именемъ Гибральтара, запастись въ Ливерпулѣ порохомъ и пушками, съ тѣмъ чтобы пуститься въ свое разбойничье плаваніе по морямъ. Но это не помѣшало рабочимъ Іоркшира и Вестъ-Райдинга объявить правительству, что вмѣшательство въ пользу рабовладѣльцевъ неминуемо повлечетъ за собою гражданскую войну въ Англіи. Правда, судъ адмиралтейства недавно возвратилъ конфедератамъ корсарскій корабль Princess Alexandra, который онъ намѣренъ былъ арестовать. Это рѣшеніе придало законность устройству флота изъ пиратскихъ судовъ, называемаго флотомъ китайскаго императора. Главное то, что англійское правительство не довѣряетъ будущимъ планамъ своего тюильрійскаго союзника и что оно пришло къ весьма простому и разумному сужденію такого рода: какія могутъ быть послѣдствія, если мы раздѣлимъ обѣ воюющія стороны, сѣверъ и югъ? Или онѣ снова начнутъ драться, или помирятся на нашъ счетъ. Дѣйствительно, съ того дня, какъ совершится этотъ раздѣлъ, что станетъ дѣлать сѣверъ съ своею громадною арміею и съ своими многочисленными авантюристами, не имѣющими ни родины, ни дома, и которые вовсе не думаютъ сложить съ себя оружіе? Останется одно: направить эти силы противъ Канады.

Нѣтъ, Англія не тронетъ Соединенныхъ Штатовъ.

Не менѣе были важны пренія по вопросу польскому въ нижней англійской палатѣ. Когда наступитъ время безпристрастной оцѣнки нашего времени и его главныхъ дѣятелей, тогда эти пренія и поведеніе британскаго правительства подвергнутся безпощадному осужденію; если только политика когда нибудь будетъ уважать честныя правила, допускаемыя въ частной жизни людей, если только она будетъ руководствоваться болѣе гуманными началами, чѣмъ теперь, — это поведеніе останется фактомъ правительственнаго лицемѣрія, какого мы не видѣли послѣ дипломатіи Меттерниха. Унизительная роль, которую съиграло англійское министерство, чувствуется имъ са-

мимъ,—тѣмъ хуже для него. Люди дальновидные не ошибались съ первой же минуты дипломатическаго вмѣшательства въ польское дѣло, что такіе порѣшители европейскихъ судебъ, какъ Наполеонъ III и Пальмерстонъ, не пойдутъ далѣе личныхъ разсчетовъ и какой нибудь политической западни, такъ долго разставляемой ими народамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Польша, обманутая надеждами на постороннюю помощь, очутилась въ самомъ ложномъ положеніи, какого не могъ лучше приготовить ей самый мстительный врагъ ея.

Но если политика англійскаго леопарда такъ осторожна въ отношеніи Польши, то она нисколько не стѣсняется своими отношеніями къ Бразиліи. Впродолженіи уже слишкомъ тридцати лѣтъ сношенія между Англіей и Бразиліей были постоянно натянуты. Тому способствовали разныя причины. Во-первыхъ торговля неграми, которая продолжалась не смотря на формально принятое обязательство прекратить ее. Для поимки корсаровъ, которымъ бразильскія власти давали убѣжище, англичане даже бомбардировали городъ Параибо. Во-вторыхъ негры, обманомъ ввезенные въ Бразилію, по условіямъ трактата, не должны оставаться невольниками, а должны считаться рабочими учениками и по истеченіи семи лѣтъ получать совершенную свободу. Бразильскіе плантаторы въ этомъ случаѣ умѣли постоянно обходить законъ; они поддѣлываютъ бумаги, производятъ торговлю по свидѣтельствамъ и въ результатѣ оказывается, что всѣ умершіе съ того времени негры принадлежали въ глазахъ закона къ числу неподлежащихъ освобожденію и что ни одинъ изъ нихъ не былъ отпущенъ на волю по истеченіи семи лѣтъ рабства. Требованія, которыя предъявляла Англія насчетъ этого предмета, постоянно встрѣчали со стороны Бразиліи самый положительный судебный отказъ.

Далѣе, произошелъ случай съ кораблемъ «*Принцъ Уэльскій*», который буря выбросила на берегъ Ріо-Гранде. Корабельный грузъ былъ разграбленъ въ силу варварскаго права морскихъ выбросокъ; что касается экипажа, то онъ пропалъ безъ вѣсти. Англичане утверждаютъ, что онъ былъ перерѣзанъ, а бразильцы увѣряютъ, что онъ утонулъ.

Нѣсколько позже, англійскіе офицеры съ корабля *strong* высадились пьяные на улицы Ріо-Жанейро. Они шумѣли и тузили встрѣчныхъ и, вслѣдствіе этого, подверглись кратковременному аресту, но

смотря на свои мундиры — какъ говорятъ англичане, безъ мундировъ и въ разорванныхъ рубашкахъ — говорятъ бразильцы.

Это послѣднее дѣло, довольно скандальное и ничтожное въ сущности, пробудило старинную непріязнь, и прежнія жалобы вновь всплыли наружу. Англійское правительство потребовало вознагражденія. Для подкрѣпленія требованія, передъ Ріо-Жанейро сталъ англійскій фрегатъ, который захватилъ пять бразильскихъ кораблей, нагруженныхъ разными товарами; эти товары были выгружены въ сосѣднемъ портѣ въ видѣ цѣннаго приза. Подобныя возмездія не имѣютъ обыкновенно мѣста между націями, состоящими одна съ другой въ дипломатическихъ связяхъ, и очень странно, что Англія рѣшилась прибѣгнуть къ нимъ въ этомъ дѣлѣ съ Бразиліею.

Кипучая и легковоспламенимая, какъ и всѣ южные народы, бразильская нація почувствовала себя уязвленною въ самое сердце. Немедленно за тѣмъ ея небольшой флотъ былъ поставленъ на военную ногу; парламентъ ассигновалъ пять мильоновъ франковъ на укрѣпленіе береговъ и императоръ лично обозрѣлъ крѣпости. При этомъ осмотрѣ онъ однажды подвергся страшной опасности; во время пробы орудій одну пушку разорвало подлѣ него. Смерть этого человѣка была бы истиннымъ бѣдствіемъ для страны; онъ кротокъ и добръ, образованъ и честенъ. По его настоянію дѣло объ арестованныхъ офицерахъ было отдано на третейскій судъ бельгійскаго короля. Что касается корабля *«Принцъ Уэльскій»*, то бразильское правительство обязалось уплатить сумму, какую угодно будетъ назначить графу Росселю; причемъ однако объявило, что дѣлаетъ это, уступая только насилію. Графъ Россель счелъ возможнымъ удовлетвориться вознагражденіемъ въ 3200 фунтовъ стерлинговъ. Бразильскій посолъ заплатилъ ихъ, не желая оспаривать цифры и замѣтилъ только, что количество вознагражденія должно бы быть назначено третейскимъ судомъ; за то онъ потребовалъ, чтобы британское правительство, съ своей стороны, выразило сожалѣніе насчетъ прискорбныхъ событій, коими сопровождалось требованіе удовлетворенія. Такъ какъ Россель отказался отъ этого, то командоръ Морейро потребовалъ свои паспорты.

Какъ бы ни были велики грѣхи бразильцевъ, какъ ни отвратительны преступленія рабовладѣльцевъ, образъ дѣйствій англійскаго правительства во всякомъ случаѣ дерзокъ. Самъ лордъ Паль-

мерстонъ не поколебался сказать въ парламентѣ, что Англія дѣйствовала бы совершенно иначе относительно Франціи или Соединенныхъ Штатовъ. Впрочемъ Times находитъ такой образъ дѣйствій совершенно натуральнымъ, приводя на это, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, слѣдующіе резоны:

— Конечно, мы не поступали бы такъ съ Франціей или Соединенными Штатами. Но Бразилія держава второстепенная, а если слабая держава оскорбляетъ сильную, то послѣдняя ее наказываетъ скоро и рѣшительно.

Сравните же послѣ этого такое поведеніе съ *униженіемъ*, характеризующимъ нравственное состояніе его превосходительства, графа Росселя, въ польскомъ вопросѣ!

Безполезно было бы здѣсь прибавлять, что принцъ и принцесса уэлльскіе по прежнему продолжаютъ переходить отъ празднествъ къ баламъ, отъ концертовъ къ банкетамъ. Королевская чета посѣщаетъ студентовъ, франмассонскія ложи, лагери волонтеровъ, аристократическіе замки. Высшее лондонское общество вознаграждаетъ себя съ избыткомъ за офиціальный трауръ, наложенный на него смертію мужа королевы. Нынѣшній сезонъ необыкновенно блистательный; но молодая принцесса должна быть утомлена этими удовольствіями и забавами, которыя слѣдуютъ безъ перерыва. Торговцы обдѣлываютъ золотыя дѣлишки; модистки и швеи изнурены до чрезвычайности. Еще на дняхъ пронесся слухъ, что одна молодая дѣвушка въ магазинѣ въ Реджентъ-Стритѣ умерла внезапно, сдѣлавъ послѣдній швъ придворнаго платья, за которымъ она работала безъ отдыха 23 часа. Этотъ случай возбудилъ общее сочувствіе и сожалѣніе въ публикѣ, къ большому удивленію дѣловыхъ людей, пришедшихъ въ негодованіе отъ такой чувствительности. *Saturday-Review* по поводу его говоритъ: «Работа *должна* имѣть свои жертвы. Хорошій ли годъ или дурной, умираетъ одинаковое число тысячъ рабочаго люда, какъ погибаетъ солдатъ въ сраженіи, и мы совершенно не понимаемъ, что означаетъ этотъ взрывъ сочувствія, къ модисткѣ, умершей за работой.» Нечего сказать, истинно британское человѣколюбіе!

Что касается принца уэлльскаго, то все заставляетъ предполагать, что это человѣкъ вполнѣ практическій. Онъ застраховалъ какъ свою жизнь, такъ и жизнь своей молодой жены въ четырехъ или

пяти страховыхъ обществахъ, которыя, въ случаѣ несчастія, должны имъ выплатить условленныя суммы. Для усиленія безопасности онъ также записался въ *портняжскій цехъ*. Сверхъ того у него есть дипломы на профессора, адвоката, моряка, военнаго фехтмейстера. Сколько, подумаешь, званій, не забывая также о званіи будущаго короля Англіи и главы англійской церкви!

Въ Соединенныхъ Штатахъ война продолжается съ тѣмъ же самымъ остервенѣніемъ со стороны сепаратистовъ, съ прежнимъ постоянствомъ со стороны сѣверянъ. Но каковы ни были колебанія борьбы, исходъ ея несомнѣненъ для людей, изучающихъ современныя событія по непреложнымъ законамъ нравственнаяго міра. Невольничество погибнетъ, а съ нимъ и защитники его.

Многочисленныя и сильныя арміи двухъ враждующихъ союзовъ вновь встаютъ одна противъ другой на прежней потомакской линіи, въ небольшомъ разстояніи отъ Вашингтона. Сепаратистскій главнокомандующій Ли, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ очистить себѣ переправу чрезъ Раппоногокъ и будучи угрожаемъ съ тыла дессантною арміей, которая направлялась къ Ричмонду, рѣшился покинуть оспариваемые берега рѣки и перенести театръ войны на долину Шенандуа, гдѣ можно очень удобно маскировать движенія войскъ. Онъ вскорѣ разсѣялъ слабые федеральные отряды, преграждавшіе ему путь, и федералисты въ лагерѣ Гукеро не успѣли еще почти получить свѣдѣнія о движеніи Ли, какъ его кавалерія уже переправлялась чрезъ верхній Потомакъ и самъ онъ появился на гребнѣ горъ, откуда могъ спуститься на знаменитыя поля Бульсъ-Рёно, уже дважды бывшія свидѣтелями успѣховъ сепаратисткаго оружія. Очень возможно, что и въ третій разъ судьба дастъ побѣду рабовладѣльцамъ; но еслибъ это и случилось, то тѣмъ не менѣе южныя войска все таки должны будутъ остановиться или сокрушиться передъ Вашингтономъ, Бальтиморой или Филадельфіей. Сверхъ того, до тѣхъ поръ, пока они будутъ занимать союзную территорію, имъ нельзя разсчитывать на дружбу своихъ соумышленниковъ — сѣверныхъ демократовъ, а между тѣмъ въ Миссисипи, Тенесси, Луизіанѣ войны будутъ продолжаться своимъ чередомъ, влача за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, разореніе плантаторовъ и эмансипацію невольниковъ.

Если самыя шумныя дѣйствія перенесены теперь на берега Пото-

мака, наиболѣе важныя операціи все-таки совершаются на берегахъ Миссисипи и тамъ-то имѣетъ быть развязанъ настоящій узелъ войны. Великій невольническій бульваръ — Виксбургъ не достался еще въ руки федералистовъ, но онъ совершенно отрѣзанъ отъ южной федераціи осадною арміей. Всѣ передовыя укрѣпленія взяты послѣ убійственныхъ сраженій, крутые утесы, защищавшіе доступъ къ рѣкѣ Язоо, покинуты солдатами юга, и эти послѣдніе возлагаютъ всѣ свои надежды единственно на приходъ вспомогательной арміи, которую напрасно ждутъ уже такъ давно. Другой бульваръ федераціи на Миссисипи, Портъ-Гудсонъ, равнымъ образомъ обложенъ. Наконецъ, на правомъ берегу великой рѣки, сообщенія между сѣверянами и южанами, между Сэнъ-Луи и Новымъ Орлеаномъ совершенно свободны; съ этой стороны всѣ сепаратистскія шайки были отброшены на границы пустыни. Почти вся Луизіана покорилась, и доведенныя до отчаянія плантаторы явились въ Вашингтонъ съ предложеніемъ отречься отъ всякаго поползновенія къ разрыву союза съ тѣмъ только, чтобъ имъ было обезпечено владѣніе чернымъ скотомъ. Президентъ вмѣсто отвѣта, указалъ имъ на текстъ декрета объ эмансипаціи негровъ.

Передъ Портъ-Гудсономъ въ первый еще разъ видѣли бѣлыхъ и черныхъ американцевъ, сражающихся вмѣстѣ. Передъ началомъ дѣла рекруты изъ негровъ были спокойны, внимательны и послушны; но они сдѣлались страшны когда начался штурмъ. Въ 2-мъ африканскомъ полку считалось 800 человѣкъ; изъ нихъ 600 пали въ первой же свалкѣ; 200 человѣкъ, оставшіеся въ живыхъ, почти всѣ до одного изранены. Полунагіе негры, покрытые ранами, кровью, съ оторванными руками, бросались еще на враговъ и кусали ихъ съ бѣшенствомъ. Теперь никто не сомнѣвается уже въ мужествѣ негровъ на полѣ битвы; не сомнѣваются и прежніе ихъ хозяева, съ которыми они обмѣнялись штыковыми ударами.

Послѣ неудачнаго приступа къ Портъ-Гудсону организація негритянскихъ полковъ стала производиться съ большею противъ прежняго энергіей. Въ настоящее время въ рядахъ федеральной арміи находится тридцать тысячъ африканцевъ и, благодаря все болѣе и болѣе усиливающимся побѣгамъ многочисленныхъ скопищъ невольниковъ, можно надѣяться, что эта цифра возрастетъ до ста тысячъ человѣкъ. Вотъ она, эта армія черныхъ, которыхъ такъ боялись

увидѣть бросающимися на плантаціи съ топорами и кинжалами въ рукахъ; вотъ эта озлобленная толпа, но теперь получившая уже военную организацію, спокойная, одерживающая побѣды, осаждающая города.

Въ то же время продолжается также дѣло эманципаціи женщинъ, безъ которыхъ не можетъ совершиться ни одно преобразованіе, и которыя начинаютъ съ своей стороны обнаруживать энергію. При будущемъ открытіи засѣданій конгресса онѣ пошлютъ просьбу, покрытую мильономъ подписей, съ требованіемъ немедленнаго освобожденія невольниковъ въ пограничныхъ штатахъ. Въ западной Виргиніи, праздникъ 4 іюля (день провозглашенія независимости) сдѣлался первымъ днемъ свободы для всѣхъ невольническихъ дѣтей, родившихся въ этотъ день, и отнынѣ на этой землѣ будутъ рождаться только свободные люди. Прогрессъ въ этомъ отношеніи мы видимъ и въ другихъ частяхъ новаго свѣта. 7 іюля 43,000 невольниковъ, которыми владѣли еще голландскіе плантаторы на антильскихъ островахъ и въ Гвіанѣ, сдѣлались людьми. Даже многіе бразильскіе бары стали серьезно опасаться за будущность невольничества, и въ настоящее время задаютъ себѣ вопросъ: не лучше ли будетъ объявить свободными всѣхъ невольническихъ дѣтей, которыя народятся послѣ извѣстнаго, заранѣе опредѣленнаго времени?

Между тѣмъ, какъ въ Америкѣ совершается освобожденіе негровъ, въ Пруссіи происходитъ закрѣпленіе націи. Столица Пруссіи раздражена, но спокойна; народъ прусскій недоволенъ, но держитъ себя смирно. Извѣстно, что нѣмцы обладаютъ самымъ счастливымъ темпераментомъ. Если что-либо стѣсняетъ ихъ извнѣ, то они не станутъ печалиться, гнѣваться и бороться, какъ это сдѣлали бы на ихъ мѣстѣ люди съ болѣе подвижнымъ, но не столь сосредоточеннымъ характеромъ; нѣтъ, они молчаливо уединяются въ свою совѣсть и мстятъ за себя какимъ-либо метафизическимъ отрицаніемъ; вся ихъ досада выразится въ какомъ нибудь ходячемъ философскомъ изрѣченіи и тѣмъ все кончено. Прусская палата серьезно стремилась къ завоеванію конституціонной свободы, но г. Бисмаркъ заблагоразсудилъ раскланялся съ депутатами, и вотъ мы видимъ, какъ каждый изъ нихъ укладываетъ свои вещи въ чемоданъ, надѣваетъ свою дорожную шапку и убирается въ провинцію.

Заблагоразсудивъ предпочесть простое закрытіе палаты немедлен-

ному распущенію, правительство само имѣло цѣлью выиграть время. Еслибъ оно распустило палату, то должно было бы вновь созвать избирательныя коллегіи въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ закрывъ ее, оно останется полнымъ хозяиномъ страны въ теченіи шести мѣсяцевъ и въ это время станетъ дѣлать... но что оно станетъ дѣлать — это его секретъ.

Съ тѣхъ поръ какъ эти непріятные люди, депутаты, отосланы въ свои дома, свобода печати потерпѣла всего болѣе. Ордонансъ, учреждающій порядокъ предупрежденій, показалъ пруссакамъ, что г. Бисмаркъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ въ званіи посланника и что онъ небезплодно изучалъ бонапартовскія законоположенія противъ прессы. Впрочемъ, подражаніе осталось ниже образца: къ прекращенію журналовъ не достаетъ еще необходимаго дополненія, именно— лишенія редактора права издавать новый журналъ; не достаетъ также слѣдующей французской статьи, которая, безъ сомнѣнія, есть верхъ совершенства въ своемъ родѣ: «не только министръ избираетъ самъ главнаго редактора, но онъ отбираетъ отъ него впередъ просьбу объ увольненіи, подписанную имъ, съ оставленіемъ пробѣла для выставленія числа и имени преемника».

Послѣ протеста важнѣйшихъ берлинскихъ и провинціальныхъ журналовъ, явились протесты со стороны *магистратовъ и общинныхъ совѣтовъ* столицы и главныхъ городовъ. Это движеніе было остановлено угрозою министра наказать муниципальныхъ совѣтниковъ. Тогда прибѣгли къ посылкѣ депутацій, составленныхъ изъ вліятельныхъ лицъ, которыя, само собою разумѣется, нашли двери у министровъ и у короля запертыми. Затѣмъ прибѣгли къ петиціямъ, и эти послѣднія посылаются до сихъ поръ, не смотря на всѣ предписанія и циркуляры его превосходительства графа Эйленбурга.

И когда изсякнетъ это средство, что станутъ дѣлать прусскіе либералы? Не знаемъ. Вѣроятно будутъ еще ожидать. Одно время надѣялись было, что принцъ прусскій воспользуется своимъ конституціоннымъ правомъ предводительствовать «оппозиціей его величества» и станетъ во главѣ либераловъ. Дѣйствительно, въ рѣчи, произнесенной въ Данцигѣ, онъ объявилъ, что совершенно не зналъ о намѣреніи г. Бисмарка распустить палату; но приэтомъ не осмѣлился упрекнуть его. Впрочемъ, замѣчаютъ друзья принца, онъ и не могъ высказаться болѣе. Его высочество принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ не

занимаетъ въ государствѣ независимаго положенія; онъ живетъ подъ строгой опекой своего отца.

Во всякомъ случаѣ однакожь принцъ сказалъ слишкомъ много, чтобы великій министръ, распоряжающійся нынѣ судьбою Пруссіи, не счелъ себя оскорбленнымъ. Не будучи въ состояніи коснуться молодого принца, г. Бисмаркъ настоялъ у короля на увольненіи адъютанта принца. Точно такъ поступали нѣкогда во Франціи съ дофиномъ; его не наказывали лично, но при всякой шалости драли его маленькаго товарища по икрамъ. Впрочемъ важно знать, что собственный сынъ короля вдался до такой степени въ заблужденіе. Его адъютантъ, кажется, также заблудился. Равнымъ образомъ и принцеса прусская находится въ заблужденіи, что впрочемъ неудивительно, потому что она всосала конституціонные принципы въ домѣ своей матери королевы Викторіи. Но что удивительно, такъ это заблужденіе собственной супруги короля; нѣтъ въ Пруссіи ни одного человѣка, которому не было бы извѣстно, что она не упускаетъ ни одного случая протестовать по своему; хотя бы тѣмъ, что часто и надолго уѣзжаетъ отъ двора. И такимъ-то родомъ старикъ — король, чаще всего находящійся въ болѣзненномъ положеніи, удалился отъ всѣхъ своихъ домашнихъ и отдался нѣжнымъ заботамъ г. Бисмарка, Шенгаузена и т. п. Палата депутатовъ, муниципальные совѣты, магистратура, университеты, журналы — вся мыслящая часть прусской націи находится въ заблужденіи, и въ окончательномъ результатѣ выходитъ, что только одинъ г. Бисмаркъ имѣетъ свѣтлый взглядъ насчетъ истинныхъ нуждъ страны.

Въ отвѣтъ на эту знаменитую теорію заблужденій, теперь столь распространенную въ офиціальныхъ сферахъ, одинъ прусскій журналъ говоритъ слѣдующее: «По мнѣнію министра, всѣ головы разстроены и видятъ вещи въ превратномъ видѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Стоитъ стать на голову и поднять ноги къ верху, чтобъ увидѣть все окружающее опрокинутымъ. Пусть его превосходительство благоволитъ подняться на ноги и онъ будетъ видѣть, какъ и всѣ порядочные люди».

Конечный выводъ изъ всего изложеннаго есть тотъ, что столь животрепещущій для Пруссіи вопросъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца не подвинулся ни на одинъ шагъ впередъ. «*Festina lente*! вотъ девизъ, который присвоилъ себѣ нынѣ прусскій либерализмъ. Одна корреспон-

денція изъ Берлина объясняетъ такъ теперешнее положеніе: «Намъ сдѣлали честь, приписавъ сильное движеніе гнѣва. Но мы избрали болѣе скромную роль. Намъ нравится больше примѣръ Гессенъ-Касселя, чѣмъ примѣръ Франціи 1830 года. Мы увѣрены, что побѣдимъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, хотя бы осада законности продолжалась столько времени, сколько продолжалась осада Трои».

Соглашаемся вполнѣ съ этими словами. Пруссаки питаютъ надежду, что конституціонный вопросъ разрѣшится наконецъ по прошествіи неопредѣленнаго числа лѣтъ. Они берутъ примѣръ съ Гессенъ-Касселя, гдѣ политическая трагикомедія разыгрывается вотъ уже 45 лѣтъ и теперь дошла только до второго акта.

Король, какъ извѣстно, пьетъ карльсбадскія воды. Съ своей стороны г. Бисмаркъ хочетъ предпринять путешествіе ради развлеченія и объявилъ уже, что намѣренъ провести два мѣсяца на пиринейскихъ горахъ.

Не смотря однакожь на то, что министерская политика до сихъ поръ торжествовала на всѣхъ пунктахъ, не слѣдуетъ отсюда заключать, что успѣхами своими она обязана искуству своихъ руководителей. Оставляя въ сторонѣ личность короля Вильгельма, который менѣе всѣхъ другихъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ, потому что постоянно до сихъ поръ служилъ только предлогомъ и орудіемъ, сдѣлаемъ замѣчаніе, что настоящая борьба есть борьба дворянства противъ буржуазіи. Дворянство считаетъ себя обиженнымъ и желаетъ возврата къ доброму феодальному времени. Буржуазія сознаетъ себя свободной и хочетъ такою остаться; она имѣетъ слабость вѣрить въ конституцію и въ свои «нравственныя завоеванія», какъ называетъ оно свои права, и всѣмъ покушеніямъ юнкерской партіи противупоставляетъ силу непреодолимой инерціи. Юнкера ее оскорбляютъ и хотятъ привести ее въ гнѣвъ, чтобъ заставить выйти на улицы, и тогда-то выпустятъ на нее страшнаго Врангеля, который давно уже поджидаетъ ее съ пушками, заряженными картечью. Въ вѣрности арміи юнкерамъ нечего сомнѣваться, потому что она пріучена къ безусловному послушанію и командуется исключительно младшими членами дворянскихъ фамилій, которымъ нужно же возвышаться, — а уличное сраженіе, внутренній походъ далеко не столь опасны и гораздо болѣе выгодны, чѣмъ походъ противъ французовъ.

Пользуясь критическимъ положеніемъ Пруссіи, австрійскій импера-

торъ домогается овладѣть расположеніемъ Германіи и стать въ головѣ ея федеральнаго союза. Съ этой цѣлью онъ открылъ во Франкфуртѣ совѣщанія о новой реформѣ федеральной конституціи. Само собою разумѣется, что эти совѣщанія ни къ чему не приведутъ, потому что ни какая административная мѣра не поправитъ разъединенія Германіи, образовавшагося вслѣдствіе много вѣковыхъ историческихъ обстоятельствъ.

Жакъ Лефренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Надежды на миръ.—Условія внутренняго европейскаго мира.—Утонченность современной войны.—Вліяніе экономическихъ вопросовъ на внутреннее спокойствіе народа.—Право труда—капитальная задача нашего времени.—Практическое разрѣшеніе этой задачи.—Ассоціація пока служитъ единственнымъ средствомъ этого разрѣшенія.—Рошдальская ассоціація и Нью-Ланаркъ Роберта Оуэна.—Примѣненіе этого принципа къ русскому обществу.—Плачевная судьба нашихъ частныхъ компаній.—Причины несостоятельности нашихъ ассоціацій.—Постройка московско-севастопольской желѣзной дороги, ввѣренная компаніи англійскихъ капиталистовъ.—Практичность этой мѣры и соціальное значеніе этого сооруженія.—Проявленіе отношеній общества къ частной дѣятельности въ *вызовѣ* самарскимъ дворянствомъ русскихъ, путешествующихъ за границей.—Полемическая схватка по этому поводу между двумя родственными газетами—"Днемъ" и "Современною Лѣтописью".—При какихъ условіяхъ мы перестанемъ ѣздить за границу, и почему мы теперь предпочитаемъ ѣхать въ Западную Европу, а не въ Китай и Турцію?—Скудость общественныхъ явленій прошлаго мѣсяца.

Воображеніе, встревоженное опасеніями за войну, въ послѣднее время начинаетъ успокоиваться; воинственное настроеніе нѣсколько охладѣваетъ. Внѣшнія событія, если судить о нихъ по офиціальнымъ органамъ, принимаютъ мирный характеръ. Главные дѣятели Европы, въ рукахъ которыхъ заключается миръ и война, оставляютъ политическое поприще и удаляются на отдыхъ. Императоръ французовъ переѣхалъ въ Біарицъ для поправленія своего спинного мозга; лордъ Пальмерстонъ прогуливается на своемъ пони въ загородномъ уединеніи, Францъ Іосифъ наслаждается воздухомъ вольнаго города — Франкфурта, и между обѣдами и дипломатическими конференціями разсуждаетъ съ подобными ему отцами отечества о политическомъ единствѣ Германіи. Кажется,

все обстоитъ благополучно, и опасаться общеевропейской войны нѣтъ особенныхъ причинъ... Но въ наше время политическiе дѣятели играютъ второстепенную роль и во многомъ зависятъ отъ другихъ вождей человѣчества — отъ биржевыхъ игроковъ и банкировъ. Если боги финансоваго мiра смотрятъ спокойно на ходъ событiй и не кусаютъ ногтей за своими счетными книгами, то это служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ невозмутимаго statu quo; вотъ уже нѣсколько дней, какъ упавшiе фонды нашего внутренняго рынка начинаютъ возвышаться; даже бумаги городского кредитнаго общества, понизившiяся до того процента, по которому, обыкновенно, заключаютъ о плохомъ состоянiи кассы или объ угрожающей ликвидацiи, даже эти бумаги поднялись въ общественномъ кредитѣ. То же довѣрiе къ миру чувствуется и на промышленныхъ предпрiятiяхъ; постройка московско-севастопольской желѣзной дороги, о которой я буду говорить ниже, составляетъ одинъ изъ самыхъ успокоительныхъ фактовъ данной минуты. Это громадное предпрiятiе, отданное компанiи англичанъ, не могло состояться при болѣе вѣроятныхъ шансахъ европейской войны: такъ по крайней мѣрѣ, разсуждаютъ люди, привыкшiе измѣрять историческую логику событiй биржевымъ курсомъ.

Но всѣ эти внѣшнiе признаки еще не могутъ служить полнымъ ручательствомъ за будущее спокойствiе Европы. Польскiй вопросъ, при всей рѣзкости его проявленiя, составляетъ сотую долю другихъ подобныхъ вопросовъ, которые современемъ придется разрѣшать европейской политикѣ. Будетъ ли она разрѣшать ихъ оружiемъ или путемъ мирныхъ соцiальныхъ реформъ, — во всякомъ случаѣ они назрѣваютъ и рано или поздно потребуютъ не патологическаго леченiя, примѣненнаго, напримѣръ, къ Италiи, а радикальнаго измѣненiя въ международныхъ отношенiяхъ. До какой степени натянуты эти отношенiя, можно судить потому, что въ послѣднiя десять лѣтъ Европа пережила двѣ огромныхъ войны — крымскую и италiянскую. Стоимость этихъ войнъ опредѣляется потерей въ 700 миллiоновъ рублей и болѣе полу-миллiона солдатъ. Кромѣ того, не проходитъ ни одного года, чтобы на какомъ нибудь пунктѣ земного шара не полилась человѣчаская кровь; въ настоящую минуту она льется въ Америкѣ, въ Китаѣ, въ Польшѣ, въ Индiи, и едва прекратилась литься въ Мексикѣ и въ Грецiи. Самый миролюбивый оптимистъ не можетъ утверждать, чтобъ завтра или послѣ завтра восточный вопросъ не возбудилъ новой войны или австрiйская Венецiя

не подала повода къ столкновенію двухъ враждебныхъ національностей, Изъ того видно, что человѣчество еще далеко отстоитъ отъ того развитія, когда взаимныя антипатіи и междоусобія народовъ будутъ улаживаться болѣе раціональнымъ способомъ. Нельзя однакожъ не замѣтить, что въ исторіи европейскихъ войнъ время совершило нѣкоторыя нравственныя перемѣны. Въ этомъ отношеніи можно разсматривать два главныхъ періода, отмѣченныхъ въ народныхъ лѣтописяхъ страшными опустошеніями — періодъ средневѣковыхъ религіозныхъ побоищъ, когда свобода совѣсти была предметомъ ожесточенныхъ гоненій. Эти войны отличались самымъ дикимъ звѣрствомъ и обошлись людямъ дороже всѣхъ моровыхъ повѣтрій и эпидемическихъ заразъ; приблизительно можно считать, что онѣ погубили 20% европейскаго населенія, въ общемъ итогѣ его тысячелѣтняго существованія. Жестокость ихъ была особенно велика тѣмъ, что побѣдители дѣйствовали страхомъ на убѣжденія своихъ противниковъ и потому старались придать обыкновенному убійству человѣка какъ можно болѣе истязанія и торжественности; цѣлые города уничтожались въ прахъ и цѣлыя тысячи побѣжденныхъ предавались мечу или огню. Притомъ въ религіозныхъ войнахъ участвовалъ фанатизмъ, т. е. ненависть, возведенная въ принципъ, оправдывавшій всякую жестокость въ отношеніи врага именемъ религіи. Съ теченіемъ вѣковъ эти антипатіи потеряли свою силу и религіозныя войны въ настоящую эпоху сдѣлались почти невозможными; теперь было бы болѣе чѣмъ странно объявить войну сѣверной Германіи за то, что она не хочетъ вѣрить въ католическія мощи или признавать непогрѣшимость папскаго авторитета; теперь мы единодушно назвали бы подлымъ избіеніе, подобное избіенію альбигойцевъ, а между тѣмъ оно въ свое время украшалось самыми высокими эпитетами. Но по мѣрѣ того, какъ ослабѣвали религіозныя войны, сильнѣе и сильнѣе разгарались чисто политическія. На сцену исторіи вышли другія страсти и разсчеты, въ которыхъ фанатизмъ уступилъ мѣсто честолюбію или простой хищности завоевателей. Эти войны были менѣе жестоки, но за то болѣе сложны и утонченны. Сложность ихъ происходитъ отъ разнообразія тѣхъ элементовъ, которые составляютъ ихъ сущность; сюда относятся пограничные, національные, лично-королевскіе и тому подобные споры. Утонченность же политическихъ войнъ явилась вслѣдствіе усовершенствованія военнаго дѣла. Изобрѣтеніе главныхъ разрушительныхъ орудій, новыхъ системъ веденія войны, выправка солдата и развитіе

стратегическихъ пріемовъ — все это сообщило войнамъ болѣе искусственный характеръ, чѣмъ прежде. Въ то же время войны сдѣлались очень дороги, потому что грабежи и насильственно вырываемая добыча вышла изъ употребленія такъ называемыхъ образованныхъ народовъ; а между тѣмъ содержаніе войска и снабженіе его орудіемъ требуетъ очень чувствительныхъ издержекъ. Поэтому, между прочимъ, современная война перестаетъ зависѣть отъ личнаго каприза правительствъ, примѣромъ котораго въ XIX вѣкѣ можетъ служить геніальная рѣзня Наполеона I. Для своего поколѣнія эта личность была чудеснымъ явленіемъ, окруженнымъ всѣми эпическими свойствами великаго героя; но когда Франція призадумалась надъ тѣмъ, какіе глубокіе слѣды народныхъ бѣдствій оставилъ по себѣ этотъ герой и какими пигмейскими побужденіями руководился онъ въ своей завоевательной политикѣ, грандіозный образъ его сократился до мелкихъ чертъ безразсуднаго честолюбца и лѣтъ черезъ сто потомокъ нашъ затруднится провести точное различіе между Картушемъ и Наполеономъ I. Въ наше время только ребяческое воображеніе и школьное тупоуміе могутъ изумляться передъ такими историческими личностями, какъ Юлій Цесарь или Александръ Македонскій. Я не говорю, чтобы они вовсе были невозможны въ настоящую эпоху, но утверждаю, что личный произволъ отдѣльнаго лица съ каждымъ днемъ больше и больше ограничивается соціальными условіями. Какъ бы ни были обширны дарованія завоевателя, но онъ по необходимости подчиняется духу нашего времени и идти противъ него безнаказанно не можетъ. А духъ времени, какъ замѣчено выше, отодвигаетъ политическія требованія на задній планъ и отводитъ первое мѣсто экономическимъ соображеніямъ. Въ этомъ главная разница прежнихъ войнъ съ настоящими Для послѣднихъ наступаетъ новый періодъ историческаго развитія, съ строгимъ соціальнымъ характеромъ Кто способенъ поглубже всматриваться въ преобладающія идеи нашего поколѣнія, тотъ согласится съ нами, что соціальный принципъ становится руководящимъ принципомъ человѣчества. Мы чувствуемъ присутствіе этихъ идей во всѣхъ общественныхъ, семейныхъ и даже государственныхъ отношеніяхъ; онѣ быстро распространяются по всѣмъ отраслямъ знаній и обновляютъ устарѣвшія и негодныя понятія въ наукѣ, въ литературѣ и въ практической жизни народовъ; и такъ какъ верховное начало ихъ — польза человѣка, а не праздныя мечты и пустая декламація фразъ, то онѣ легко прививаются къ уму людей и становятся

понятны массамъ. Соціальная наука, какъ знаніе совершенно новое, конечно, не могла явиться въ нѣсколько десятковъ лѣтъ во всеоружіи Минервы; въ нее закралось много нелѣпостей, утопій, научнаго шарлатанства,—но какая же новая идея не подвергалась этой участи и не испытывала тяжелыхъ реакцій. Судьба великихъ идей всегда была такова, что надъ ними сперва глумилось невѣжество, потомъ ихъ преслѣдовала та или другая эгоистическая партія, выставляла на видъ слабыя и смѣшныя ихъ стороны, но не хотѣла понимать или дѣйствительно не понимала самой сущности. Первый соціалистъ, Іисусъ Христосъ, долженъ былъ умереть на крестѣ за свою новую идею. Эта идея обрекала гніенію и смерти древній языческій міръ, и сильные этого міра испугались новаго слова, не вынесли его правды и убили его проповѣдника,—но не убили его проповѣди. Такъ было всегда, такъ будетъ и впередъ со всякимъ возраждающимся ученіемъ. Когда оно еще не окрѣпло и не вошло въ умы большинства людей, какъ бы ни была благотворна его сила, всякій подлецъ и всякій оселъ считаютъ себя въ правѣ ударить его клеветой или копытомъ. Но огорчаться тутъ особенно не чѣмъ. Живучесть умственной реформы и широта ея размѣровъ узнаются именно по числу враговъ, возстающихъ противъ нея; чѣмъ ихъ больше и чѣмъ они злѣе, тѣмъ значитъ больше истины и энергіи на сторонѣ самой реформы.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ соціальныхъ отношеній *право труда* было капитальной задачей для каждаго общества. Къ практическому разрѣшенію ея стремились всѣ усилія человѣка, самыми разнообразными путями; и если доселѣ не разрѣшили ее ни въ жизни, ни въ теоріи, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ она была не разрѣшима. Есть вопросы, надъ которыми думаетъ и работаетъ человѣчество нѣсколько вѣковъ и не достигаетъ окончательнаго результата въ полномъ разъясненіи ихъ. Извѣстно, что теорія тяготѣнія предчувствовалась до Ньютона за двадцать столѣтій раньше, но открыта была только геніемъ этого математика. Точно также силами паровъ человѣчество пользовалось еще во времена младенческой Греціи, а главное примѣненіе этихъ силъ къ общественному устройству осуществилось только въ началѣ нашего вѣка. Съ такимъ же трудомъ выработывались самыя простыя экономическія истины, которымъ вездѣ предшествовали важные политическіе и соціальные перевороты. Право труда въ обширномъ значеніи этого слова составляетъ высшую цѣль всякой общественной

организаціи, и съ той минуты, когда разрѣшатъ его практически, тысячи другихъ, второстепенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ нимъ, распутаются сами собою; потому что въ идеѣ человѣческаго труда заключается вся разгадка общественной гармоніи и возможно лучшаго состоянія людей. Старый крѣпостной или феодальный порядокъ, основанный на внутренней борьбѣ соціальныхъ элементовъ и существовавшій для борьбы и рабства, мало-по-малу отходитъ; его предсмертная агонія видится на всемъ окружающемъ. Новое общество стремится жить трудомъ и существовать для труда; поэтому всякаго вида рабство становится отвратительнымъ для современнаго чувства человѣка, и у самыхъ отсталыхъ народовъ вызываетъ невольные протесты противъ своей несправедливости. Съ другой стороны право свободнаго труда дѣлается высочайшимъ идеаломъ для будущаго обновленія человѣчества. Посмотрите, какъ это право вездѣ предъявляетъ свои неотразимыя требованія: въ Америкѣ оно разрываетъ на двѣ половины самую могущественную націю, отдѣляя въ ней больныя и зараженныя части отъ здоровыхъ; въ Европѣ, въ 1848 году оно угрожало катастрофой нѣсколькимъ народамъ одновременно; въ Россіи оно совершило преобразованіе крѣпостного состоянія; въ Англіи и Франціи оно спазматически дѣйствуетъ по всѣмъ направленіямъ общественной жизни; въ Италіи оно низвергло Бурбоновъ и нанесло ударъ австрійскому гнету. Однимъ словомъ, куда бы мы ни заглянули, повсюду право труда начинаетъ отрицать безправіе рабства и вытѣснять его изъ старыхъ общественныхъ формъ. Антагонизмъ этихъ двухъ непріязненныхъ началъ, вступившихъ въ открытую борьбу, производитъ тѣ внутреннія неурядицы, которыя гораздо пагубнѣе внѣшнихъ войнъ. Люди дальновидные предусматриваютъ съ этой стороны главныя опасности для европейскаго общества. Вотъ что между прочимъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ самыхъ миролюбивыхъ англичанъ: «Когда до слуха Англіи доходитъ какой нибудь индійскій бунтъ или возстаніе отдаленной колоніи на Тихомъ океанѣ, когда намъ приходится потерять нѣсколько сотъ дикарей, угнетаемыхъ нашей колоніальной политикой, или посылать корабли и войско для усмиренія возставшихъ рабовъ, мы приходимъ въ ужасъ отъ этихъ событій; а между тѣмъ съ тупѣйшимъ равнодушіемъ смотримъ на ожесточенную и безпрерывную войну у себя дома, между гражданами одного и того же общества. Эта подземная и глубоко скрытая война ведется день и ночь между аристократіей и безземель-

ной массой, между капиталистомъ и пролетаріемъ, между промышленникомъ и рабочимъ; и не проходитъ ни одной минуты, чтобъ это систематическое людоѣдство не вырвало нѣсколько жертвъ изъ нашей среды .. Въ странѣ, извѣстной своими филантропическими учрежденіями, семьдесятъ бѣдныхъ дѣвушекъ на сто не могутъ выйдти за мужъ и большею частію гибнутъ отъ разврата; изъ десяти семилѣтнихъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, только трое переживаютъ шестнадцатилѣтній возрастъ; въ самой аристократической странѣ можно встрѣтить рядомъ съ великолѣпными дворцами такіе вертепы нищеты, что я не знаю, гдѣ было бы легче жить и дышать бѣдному человѣку—въ этихъ вертепахъ или въ какой-нибудь водосточной канавѣ. А въ нашей прославленной промышлености развѣ не то же людоѣдство? Двѣсти голодныхъ работниковъ всю жизнь трудятся для того, чтобы набить гинеями карманъ какого-нибудь мистера Гука и потомъ оставить свои семейства безъ куска хлѣба. Что же мы дѣлаемъ для умиротворенія этихъ внутреннихъ войнъ? Увеличиваемъ богадѣльни и раздаемъ милостыни. Но это не логично: сперва разорить страну, а потомъ содержать ее на филантропическомъ корму. Наши государственные люди, витающіе въ облакахъ высшихъ политическихъ вопросовъ, какъ будто не видятъ, что подъ ногами ихъ милліоны рукъ копаютъ яму»... (Social Science, by Greg. T. II. стр. 463).

Да, было бы очень желательно, чтобъ не только государственные люди — кто посмышленѣе, но и вообще мыслящая часть общества обратила побольше вниманія на разрѣшеніе тѣхъ соціальныхъ вопросовъ, которые вытекаютъ изъ идеи труда. Теоретическое изученіе ихъ облегчило бы со временемъ величайшія трудности, съ которыми соединяется проведеніе экономическихъ понятій въ самую жизнь. Когда мы ясно понимаемъ, чего надо желать и какъ осуществить это желаніе, тогда мы не иначе идемъ къ цѣли, какъ общими силами и легко отстраняемъ лежащія на дорогѣ нашей преграды, это единственное средство мирнаго и успѣшнаго развитія. Напротивъ, когда стремленія наши смутны и мысли недостаточно ясны, мы бросаемся изъ стороны въ сторону, и часто попадаемъ изъ огня да въ полымя. Французское общество въ этомъ случаѣ представляетъ лучшій примѣръ развращенное цѣлымъ рядомъ несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, воспитанное въ полномъ невѣдѣніи своихъ собственныхъ интересовъ, оно всегда отличалось поразительнымъ равнодушіемъ къ соціальнымъ вопросамъ; а

правительство, пользуясь невѣжествомъ народа, старалось обходить ихъ и не давать имъ развиваться. Что же изъ этого вышло? Жизнь, помимо науки, выработала такое множество соціальныхъ задачъ, что, за неимѣніемъ яснаго и здраваго взгляда на нихъ, пришлось разрѣшать ихъ революціями. Это обыкновенная судьба идей, опередившихъ сознаніе народа и выдвинутыхъ впередъ самою силою вещей.

Въ отношеніи права труда теорія сдѣлала очень мало; она затронула только кой-какія частные вопросы, а основные законы его доселѣ остаются вожделенной мечтой науки. Гораздо больше сдѣлано практикой, къ которой мы не безполезно можемъ обратиться за разъясненіемъ нѣкоторыхъ данныхъ. Практическая жизнь народовъ указала намъ, что разъединеніе человѣческихъ силъ было главной причиной бѣдности, невѣжества, эксплуатаціи и рабства; разъединенность силъ лишала трудъ производительности, а работающіе классы—необходимаго имъ обезпеченія. Недаромъ самая грубая римская политика держалась того правила, чтобъ постоянно разрывать цѣпь общественнаго соединенія и господствовать надъ отдѣльными народностями, сословіями или личностями. Это прямой путь къ деспотизму, который оказывается тѣмъ легче, чѣмъ слабѣе другая сторона. Въ органическихъ тѣлахъ этотъ законъ дѣйствуетъ съ поразительной ясностію; когда разлагаютъ органическое тѣло на его составные элементы, то каждая отдѣльная часть его, взятая порознь, перестаетъ жить и развиваться; но соберите эти части въ одно цѣлое и расположите ихъ въ той естественной пропорціи, какая необходима, для извѣстнаго органическаго тѣла, и оно является конкретнымъ и живымъ существомъ. Въ общественной жизни есть свои условія органическаго развитія. У племенъ дикихъ и слабыхъ мы видимъ сильный перевѣсъ индивидуальной жизни надъ общественною; здѣсь люди группируются въ семейные кружки, сословныя касты или корпораціи; каждый кружокъ и каждая единица этого кружка живетъ своей особенной жизнію, *уходитъ* въ свои особенные интересы и только о нихъ хлопочетъ. Chacun chez soi, chacun pour soi—въ этомъ вся житейская мудрость не только мелкихъ эгоистовъ, но и всѣхъ мертвыхъ человѣческихъ обществъ. Всѣ восточныя государства, основанныя на началахъ касты, оказывались неспособными развиваться въ правильныя гражданскія формы и задыхались отъ своего собственнаго жира. Въ такихъ уродливыхъ царствахъ, какими были вавилонское, ассирійское и египетское, вся народная дѣятельность была принесена въ жертву

тому или другому привиллегированному сословію, и трудъ цѣлыхъ поколѣній не оставилъ по себѣ, кромѣ безумныхъ предпріятій. въ родѣ постройки пирамидъ и обелисковъ, ничего путнаго и полезнаго человѣчеству. Къ такому результату обыкновенно приходятъ всѣ народы, допустившіе разрозненность общественныхъ силъ и не съумѣвшіе соединить ихъ для общихъ цѣлей.

Но если опыты вѣковъ раскрываютъ передъ нами этотъ фактъ во всей его исторической точности, то съ другой стороны тѣ же опыты указываютъ, что ассоціація труда поправляла многія неудобства въ складѣ современныхъ обществъ. Въ послѣдніе годы, между европейскими рабочими классами, явилось глубокое сознаніе въ необходимости общиннаго устройства и въ соединеніи своихъ силъ для извѣстной дѣятельности. Лучшіе люди нашего времени раздѣляютъ это убѣжденіе и предвидятъ въ будущемъ хорошія послѣдствія общиннаго труда Въ немъ заключается та громадная сила, отъ которой ожидаютъ величайшихъ реформъ въ соціальномъ положеніи новѣйшихъ націй... Принципъ ассоціаціи, примѣненный къ отдѣльнымъ случаямъ, нѣтъ сомнѣнія, впослѣдствіи долженъ охватить всѣ отрасли человѣческой дѣятельности и всѣ сословія, теперь разбитыя на враждебныя группы; онъ долженъ уничтожить антагонизмъ, пожирающій современныя общества, очистить ихъ отъ тѣхъ гнойныхъ ранъ, которыя мы доселѣ закрываемъ разными наружными пластырями. Но почему же, возражаютъ противники этого принципа, ассоціація труда до сихъ поръ плохо удавалась и почему многія предпріятія этого рода (какъ напримѣръ, Нью-Ланаркъ Р. Оуэна) потерпѣли полнѣйшее фіаско въ лицѣ лучшихъ представителей соціальной науки? Отчего 1848 годъ привелъ къ такимъ разочарованіямъ и къ такой жалкой реакціи послѣ самыхъ энергическихъ проявленій соціальной идеи или той экономической справедливости, чувство которой шевелитъ современными массами? Кто знаетъ, какъ трудно выработываются самыя простыя истины и съ какимъ упорствомъ онѣ примѣняются къ жизни, тотъ, конечно, не станетъ обвинять идею за то, что она не переходитъ прямо изъ головы мыслящихъ людей въ дѣйствительный міръ. Идея можетъ быть въ высокой степени благотворна, но на осуществленіе ея иногда требуются не десятки лѣтъ, а цѣлые вѣка И обыкновенно бываетъ такъ: чѣмъ глубже готовится умственная или общественная реформа, чѣмъ шире захватываетъ она человѣческіе интересы и тѣмъ, медленнѣе совершается ея исполненіе. Сначала она

появляется въ видѣ предчувствія новаго порядка вещей, потомъ обращается въ болѣе или менѣе вѣроятную гипотезу, изъ гипотезы переходитъ въ строгую логическую истину; затѣмъ пріобрѣтаетъ себѣ небольшой кругъ поклонниковъ, стоящихъ по уму и по развитію неизмѣримо выше общаго уровня; далѣе по нисходящей линіи она проникаетъ въ сознаніе большинства, и когда настанетъ время ея примѣненія къ дѣйствительной жизни, она встрѣчаетъ множество препятствій. Во-первыхъ ее отвергаютъ люди, находящіе болѣе выгоднымъ держаться стараго порядка; во-вторыхъ для построенія ея употребляются тѣ же ветхіе матеріалы, изъ которыхъ состояло прежнее міросозерцаніе; пока эти матеріалы не обновятся, до тѣхъ поръ возникающій принципъ будетъ колебаться и испытывать реакціи. Въ нашей умственной жизни не было ничего похожаго на сильные перевороты, но и въ ней можно найдти нѣсколько примѣровъ для поясненія моего мнѣнія. Въ настоящую минуту мы постоянно глумимся надъ такъ называемыми новыми людьми, которые по самому естественному ходу вещей не могутъ думать и поступать заднимъ числомъ своихъ маститыхъ наставниковъ и отцовъ; новые люди предъявляютъ больше уваженія къ убѣжденіямъ, рѣзче отличаютъ мнѣнія противныхъ лагерей, искреннѣе любятъ свободу мысли и труда, меньше желаютъ фразъ, а больше дѣла, — и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Нельзя же приказать остановиться жизни на извѣстномъ пунктѣ и заставить молодое поколѣніе вертѣться въ томъ же кругу понятій, въ какомъ выросли ихъ почтенные дѣдушки и бабушки. Никто не станетъ спорить, что между нашими новыми людьми, превознесенными не въ мѣру по нашей непривычкѣ къ дѣйствительно хорошимъ вещахъ, есть много Хлестаковыхъ и Репетиловыхъ, есть свои Рудины, которые говорятъ гуманно, а дѣлаютъ еще почище своихъ папенекъ и маменекъ,—но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы самое направленіе новыхъ идей было осуждаемо въ лицѣ этихъ гермафродитовъ нравственнаго міра. Сущность идеи ничего не теряетъ отъ того, что ее представляютъ вмѣстѣ съ нѣсколькими благородными личностями толпа разныхъ арлекиновъ, облачившихся въ модный костюмъ, потому только, что онъ модный. Во всякомъ случаѣ можно относиться даже къ этимъ арлекинамъ съ ироническои насмѣшкой, но не ревѣть противъ нихъ ослинымъ ревомъ, какъ будто дѣло идетъ о всемірномъ потопѣ или о нашествіи новыхъ варваровъ. Еще неприличнѣе клеймить именемъ какого нибудь непрошеннаго глупца ту идею, которая вступаетъ

въ права своего гражданства и совершенно случайно захватываетъ его подъ свое вліяніе. Какъ бы то ни было, но нетерпимость и раздраженіе противъ извѣстной идеи доказываетъ ея жизненность и нисколько не уменьшаетъ ея значенія въ глазахъ тѣхъ, кто способенъ смотрѣть на развитіе ея безъ злобы и пристрастія.

Принципъ ассоціаціи на новыхъ раціональныхъ началахъ дѣйствительно выработывается медленно и трудно. Изъ 199 ремесленныхъ ассоціацій въ Парижѣ, образовавшихся въ послѣднія сорокъ лѣтъ, едва ли можно указать на десять такихъ, которыя бы достигли цвѣтущаго состоянія; изъ безчисленнаго множества попытокъ англійскаго рабочаго люда сложиться въ общинныя группы, т. е. соединить свой трудъ и матеріальныя средства въ общую массу и, сообразно дѣятельности и способности каждаго члена, распредѣлять выгоды отъ этого труда, — только немногія попытки удались; но это нисколько не подрываетъ истинности самого принципа. Величайшая практическая польза его доказывается между прочимъ и тѣмъ, что эти удавшіяся ассоціаціи, руководимыя добросовѣстными и умными дѣятелями, въ самое короткое время пришли къ блистательнымъ результатамъ. Онѣ ослабили централизацію экономическихъ силъ, вредное вліяніе капитала на трудъ человѣка; онѣ наглядно убѣдили въ нелѣпости промышленнаго антагонизма, основаннаго на конкурренціи, т. е. на разъединеніи и безплодной борьбѣ человѣческихъ интересовъ; онѣ усилили производительность и, собравъ разбросанныя силы вмѣстѣ, придали имъ больше энергіи и нравственной опоры. При раздѣленіи труда и рабочихъ силъ, бѣдный ремесленникъ ежеминутно подвергается тысячи различныхъ неблагопріятныхъ случайностей; за неимѣніемъ работы, онъ бѣдствуетъ отъ недостатка самыхъ необходимыхъ сревствъ къ жизни; во время болѣзни онъ рискуетъ умереть съ голоду; въ старости или по неспособности трудиться онъ остается безъ всякой помощи; вмѣстѣ съ нимъ страдаетъ и его семья, которую окончательно развращаетъ бѣдность и упадокъ нравственной самоувѣренности. Отъ всѣхъ этихъ золъ спасаетъ ассоціація: она обезпечиваетъ ремесленнику постоянный трудъ и, на случай его болѣзни или дряхлости, даетъ ему возможность къ существованію. Въ нравственномъ отношеніи она возвышаетъ характеръ человѣка, соединеннаго съ обществомъ круговой порукой; когда онъ чувствуетъ себя одинокимъ, не связаннымъ съ другими людьми никакой взаимной связью, онъ легко поддается увлеченіямъ дурныхъ наклонностей и не дорожитъ

своей репутаціей, потому что не признаетъ надъ собой ни контролирующаго мнѣнія ближнихъ, ни общественнаго суда. Напротивъ, принадлежа къ ассоціаціи, онъ безпрерывно чувствуетъ на себѣ вліяніе большинства, увлекается его примѣромъ и старается не терять своего человѣческаго достоинства въ виду смотрящаго на него общества. Далѣе я не стану распространяться здѣсь о значеніи общиннаго труда, потому что въ слѣдующихъ книжкахъ «Рус. Слова» будетъ подробно говориться объ этомъ предметѣ; а теперь заключу извѣстнымъ афоризмомъ: «міръ устроенъ такъ, что еслибъ мы были нравственно справедливы, то матеріально были бы непремѣнно счастливы».

Говоря вообще о принципѣ ассоціаціи, какъ явленіи совершенно новомъ въ развитіи экономическихъ интересовъ, мы должны замѣтить, что этотъ принципъ вытекаетъ изъ идеи труда, организованнаго на болѣе раціональныхъ началахъ, чѣмъ это было прежде. Съ одной стороны мы видимъ, что трудъ стремится выйдти изъ-подъ опеки капитала, который доселѣ, противно всякимъ законамъ справедливости, управляетъ человѣческими силами и подчиняетъ своему наглому произволу общественную дѣятельность. Деньги — это величайшій деспотъ современнаго міра, построившій свое эфемерное царство на эксплуатаціи и обманѣ. Съ другой стороны идея труда постоянно смѣшивалась съ идеей рабства, во всевозможныхъ видахъ, начиная невольничествомъ, продолжая феодальнымъ и крѣпостнымъ правомъ, и оканчивая пролетаріатомъ. При такомъ ложномъ положеніи главнаго дѣятеля во всѣхъ общественныхъ формахъ, массы оставались праздными и голодными зрителями на пиру жизни и пользовались только тѣми презрѣнными остатками, которые бросала имъ разсчетливая или добродушная филантропія. Между тѣмъ мы начинаемъ сознавать, что большинство людей имѣетъ такое же право на сытный обѣдъ и теплую одежду, какъ и всякое привиллегированное меньшинство: что природа, раздавая свои богатства, вовсе не имѣла въ виду тѣхъ экономическихъ законовъ, по которымъ лѣнивый негодяй долженъ жить насчетъ трудолюбиваго и честнаго бѣдняка. Но чтобы возстановить справедливость идеи труда, европейская цивилизація пока не видитъ другихъ средствъ, кромѣ ассоціаціи, какъ мирнаго реформатора.

Потребность ассоціаціи всегда чувствовалась и въ русскомъ обществѣ. Она выражалась въ разныхъ формахъ, — то въ общинномъ вла-

дѣніи землею, то въ рабочей артели, то въ промышленныхъ и торговыхъ компаніяхъ. Мы намѣрены здѣсь поговорить о послѣднихъ, потому что имъ принадлежитъ главное мѣсто среди текущихъ явленій нашей жизни, и потому еще, что въ нихъ мы, кажется, ищемъ исхода изъ нашей экономической неурядицы. Всѣ согласны въ томъ, что наши общества идутъ плохо, что въ послѣдніе годы многія изъ нихъ лопнули, какъ мыльные пузыри, другія еле дышутъ, нѣкоторыя существуютъ въ тягость своимъ членамъ, и всѣ они плаваютъ между Сциллой и Харибдой. Не смотря однакожъ на горькіе уроки постоянныхъ банкротсвъ и ликвидацій, они дѣятельно распространяются, такъ что одно умираетъ, а два новыхъ нарождается. Это доказываетъ, что общество ищетъ, во что бы то ни стало, дѣятельности и желаетъ чѣмъ нибудь пополнить пустоту своей жизни, что трудъ дѣлается для него серьезной задачей и что то блаженное время, когда можно было заплыть жиромъ отъ лѣни и глупости, отходитъ въ вѣчность. Сверхъ того какъ ни обманчива наша пресловутая самодѣятельность, но мы пришли къ тому убѣжденію, что кромѣ *насъ* не кому заботиться о *насъ*, что время, на которое мы привыкли разсчитывать, какъ на своего лучшаго наставника, само по себѣ не прибавитъ въ нашу кашу ни одного лишняго зерна, что государство занято чисто политическими комбинаціями,—и мы не въ правѣ требовать отъ него своего *fac totum*, что рано или поздно придется подумать самимъ о своихъ матеріальныхъ нуждахъ и нравственномъ скудоуміи. И вотъ, гальванизированные словомъ: *прогрессъ*, мы и пошли основывать общества; земскій элементъ, очевидно, воскресъ въ нашемъ поколѣніи. Нужны ли намъ конно-желѣзныя дороги, — для постройки ихъ устроивается общество; нужны ли намъ водопроводныя шлюзы, — является общество; учитъ насъ берется также общество; возстановленіе кредита, воспитаніе педагоговъ, юристовъ, снабженіе насъ кухарками и лакеями, — на все и про все находится у насъ общество; недавно говорили даже объ обществѣ женскаго труда,—и только для пріисканія невѣстъ и для истребленія взяточниковъ и клоповъ еще не успѣла появиться какая нибудь благодѣтельная компанія. Въ прошломъ № «Русскаго Слова» было уже сказано, что мы отъ души радуемся этому общественному стремленію, хотя и плохо вѣримъ въ его успѣхи. А плохо вѣримъ, на томъ основаніи, что печальные опыты указываютъ намъ на цѣлое кладбище ученыхъ, промышленныхъ, коммерческихъ и другихъ обществъ. Праху ихъ отдана должная

данъ состраданія и слезъ въ нашей журналистикѣ; къ сожалѣнію, она нигдѣ не потрудилась объяснить причины неудачъ и тѣмъ предупредить неосторожность новыхъ мухъ, вертящихся надъ огнемъ. Правда, нѣкоторые литературные органы раскрывали недобросовѣстность отдѣльныхъ лицъ, стоявшихъ въ главѣ компанейскихъ учрежденій, нелѣпость самой организаціи ихъ, грубѣйшее невѣжество предпринимателей и прожектеровъ, но все это частные факты, далеко непоясняющіе самой сущности дѣла. А кажется, давно слѣдовало бы обратить вниманіе на это обстоятельство, столь непріятное для кармановъ легкоувлекающихся патріотовъ.

Чтобы не вдаваться въ слишкомъ отвлеченныя разсужденія, я начну прямо съ фактовъ. Въ 1844 году, въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ Англіи, дождливымъ ноябрьскимъ вечеромъ собралась дюжина бѣдныхъ ткачей для совѣщанія. Участь этихъ бѣдняковъ была невыносимо тяжелая; заработная плата, которою они едва прокармливали свои семьи, упала; фабриканты, пользуясь избыткомъ рабочихъ рукъ, старались понизить цѣну труда до той цифры, когда ремесленнику между голодомъ и эмиграціей нѣтъ другого выбора. Ткачи, составившіе маленькій парламентъ, желали обсудить свое положеніе и на что нибудь рѣшиться; имъ представлялось нѣсколько средствъ поправить свое бѣдственное состояніе — оставить неблагодарную родину и переселиться въ Америку, или объявить единодушный протестъ противъ тиранніи своихъ хозяевъ' или добровольно заключить себя въ Workhouse (рабочій домъ). Всѣ эти средства казались столько же крайними, сколько невѣрными. Голодный пролетарій боролся здѣсь не за себя одного, но и за жизнь своихъ дѣтей. Въ числѣ совѣщавшихся были рабочіе, знавшіе Нью-Ланаркъ Оуэна и его соціальное устройство, — они подали голосъ въ пользу ассоціаціи, утверждая, что она можетъ быть единственнымъ спасеніемъ въ данномъ случаѣ. Переходя логически отъ одной мысли къ другой, они разсуждали такъ: «если капиталисты соединяютъ свои средства и силы для эксплуатаціи рабочаго класса, то почему же рабочій классъ не можетъ противопоставить того же соединенія капиталистамъ? Если трудъ нуждается въ деньгахъ, то деньги еще болѣе нуждаются въ трудѣ; если разрозненность рабочихъ силъ, истощаемыхъ нелѣпѣйшимъ началомъ конкурренціи, ведетъ къ безплодной борьбѣ и самопожиранію, то не лучше ли совокупить ихъ для взаимной помощи и обильно выгодной дѣятельности?» И вотъ они рѣшились составить общество; но

одной рѣшимости мало, — надо было обречь себя на упорную энергію труда, необыкновенное терпѣніе и самое хладнокровное преслѣдованіе предположенной цѣли; однимъ словомъ, силой воли и ума пробить себѣ дорогу сквозь тысячи разнообразныхъ препятствій. Еслибъ это предпріятіе было начато однимъ человѣкомъ, то по всей вѣроятности онъ отступилъ бы передъ первой неудачей, потому что одинокая борьба въ жизни—самая неблагодарная борьба; но ихъ было двѣнадцать человѣкъ, соединенныхъ круговой порукой общаго дѣла. Черезъ мѣсяцъ они открыли подписку, которая дала имъ возможность сдѣлать первое пріобрѣтеніе — купить мѣшокъ овсяной муки. Черезъ десять лѣтъ этотъ мѣшокъ обратился въ милліонъ общиннаго капитала и въ самое прочное торговое учрежденіе. Теперь «равноправные піонеры» (такъ называется эта лучшая ассоціація Англіи, извѣстная также подъ именемъ Рошдальскаго братства) считаютъ въ своемъ обществѣ до 4,000 постоянныхъ членовъ и ведутъ торговые обороты болѣе, чѣмъ на 4,000,000 франковъ. Возрастающее благосостояніе общества и увѣренность быть сытымъ и обезпеченнымъ отъ своего труда уничтожили отвратительные пороки, внесенные въ ассоціацію нѣкоторыми ремесленниками: трезвость, трудолюбіе и честность зарекомендовали Рошдальское общество во всѣхъ концахъ Англіи. Сначала, разумѣется, оно встрѣтило двусмысленную улыбку на губахъ публики и непріязненное соперничество въ торговомъ сословіи. Его ненавидѣли и ему вредили особенно поземельные собственники, такъ какъ въ уставѣ его было постановлено покупать земли, потому что, говорится тамъ, англійскій народъ до тѣхъ поръ не будетъ свободенъ, пока не обратитъ въ свою собственность землю, на которой онъ живетъ и которую онъ покрываетъ потомъ своего труда. «Не бумажные листы конституцій, прибавляетъ одинъ изъ его членовъ, эманципируютъ націи, а матеріальное довольство, такъ какъ бѣдность разными путями приводитъ къ рабству». Но если нашлась партія людей, тормозившихъ развитіе Рошдальской общины, то съ другой стороны она встрѣтила полнѣйшее сочувствіе и энергическую поддержку въ мыслящемъ сословіи, неотупѣвшемъ отъ наслѣдственныхъ предразсудковъ англійской аристократіи. Благодаря этому сочувствію, оно вполнѣ утвердилось и развилось до такихъ размѣровъ, въ которыхъ ему не страшна ни жандармская политика Пальмерстона, ни гнетущее вліяніе капиталистовъ. Лучшіе люди Англіи, извѣстные своимъ благородствомъ и талантомъ, вступили въ него за тѣмъ, чтобъ придать ему побольше нравственнаго значенія. Можно вѣрить, что это первое зерно,

изъ котораго впослѣдствіи выростетъ великолѣпный плодъ, горькій для феодальной Англіи, но сладкій для ея народа.

Въ противоположность Рошдальской общинѣ я могъ бы разсказать судьбу Нью-Ланарка; но она слишкомъ извѣстна, чтобы передавать здѣсь подробности идеи и осуществленія ея Робертомъ Оуэномъ. Мнѣ необходимо заявить тотъ фактъ, что Нью-Ланаркъ, олицетворившій въ себѣ самую смѣлую мысль своего основателя и обратившій на себя вниманіе всей Европы, палъ отъ интриги англійскихъ пасторовъ и отъ равнодушія остальной части публики.

Эти примѣры какъ нельзя лучше поясняютъ, при какихъ условіяхъ могутъ процвѣтать частныя общества, какого бы рода они ни были. Русская ассоціація, изучаемая во всѣхъ ея проявленіяхъ, страдаетъ двумя главными недостатками — отсутствіемъ энергіи, которая необходима для всякого порядочнаго предпріятія, и отсутствіемъ солидарности съ общественнымъ мнѣніемъ. Что мы народъ апатичный и лежабокій—это понятно; но къ этимъ добродѣтелямъ надо прибавить еще одну—съ шумомъ и громомъ начинать дѣло и окончивать его кукишомъ въ карманѣ. Припомнимъ, когда помазали насъ по губамъ вожделѣннымъ прогрессомъ, чего только мы ни предпринимали, о чемъ только ни говорили,—но чѣмъ все это кончилось?—Кукишомъ въ карманѣ, почтеннѣйшая публика; теперь ты сама видишь. Отчего же это? Отъ крайняго скудоумія въ общественныхъ предпріятіяхъ и отъ той легкости, съ которой мы привыкли обращаться съ ними. Иниціативы у насъ нѣтъ ни въ чемъ, и мы такъ привыкли къ внѣшнимъ толчкамъ, что по внутреннему побужденію можемъ только ѣсть и спать. Прикажутъ намъ быть либеральными, мы либеральничаемъ; прикажутъ быть обскурантами, мы обскурантничаемъ; поймаютъ насъ на какихъ нибудь пустячкахъ и ударятъ по пальцамъ, мы бѣжимъ по угламъ и оправдываемся: «нѣтъ, тятенька, это не я, а вотъ Федя виноватъ.» Точно также поступаемъ мы и съ нашими обществами. Учреждая ихъ подъ вліяніемъ чистой спекуляціи или случайныхъ и эфемерныхъ потребностей, основатели ихъ имѣютъ въ виду поскорѣе набить свой карманъ и всего менѣе заботятся объ интересахъ общихъ. Но какое же общество можетъ сложиться стройно и твердо, когда члены его тащатъ въ разныя стороны и каждый наровитъ дать тягу, въ случаѣ малѣйшей неудачи? А все это потому, что мы любимъ во всякомъ серьезномъ дѣлѣ не результатъ его, не сущность самого дѣла, а наружную, парадную его сто-

рону. Приэтомъ въ моемъ воображенiи встаетъ прелестный образъ русскаго либерала—благотворителя. Когда ему нужно выставить свой лобъ передъ публикой и поймать хоть крошечный кусочекъ популярности, какими высокими чувствами онъ драпируется, какъ хлопочетъ о помощи бѣднымъ студентамъ, голоднымъ финлядцамъ или пострадавшимъ воинамъ отъ мятежной Польши! Но кто видитъ дальше фразы, тотъ сейчасъ пойметъ, что либералу—благотворителю собственно нѣтъ никакого дѣла до пострадавшихъ собратiй, что ему трынъ-трава все человѣчество, и, напуская на себя филантропическую блажь, онъ хотѣлъ только показать свою особу и потомъ спрятаться довольнымъ за кулисы. Все это наводитъ меня на ту печальную мысль, что мы любимъ основывать общества, будучи на самомъ дѣлѣ народомъ самымъ необщественнымъ. «Тяни врозь, а тамъ что будетъ — все ровно»,—вотъ правило нашей житейской хлестаковщины. Необщественность наша такъ поразительна, что достаточно самого мелкаго самолюбiя или неисполненiя какой нибудь канцелярской формальности, чтобы разстроить совѣщанiе или разойдтись чуть не врагами. Поэтому внутренняя организацiя нашихъ ученыхъ, промышленныхъ и торговыхъ обществъ вся состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ параграфовъ: молчи, когда замѣтишь пакость; пиши какъ можно больше, а дѣлай какъ можно меньше.

Притомъ благосостоянiе частныхъ компанiй, не опираясь на непосредственную поддержку правительства, имѣетъ неразрывную солидарность съ самимъ обществомъ. Если общество таково, что не знаетъ, чего хотѣть и чему сочувствовать, если оно плохо понимаетъ, съ какой стороны ему желаютъ добра, и съ какой—его надуваютъ, то всякое общественное предпрiятiе дѣлается рискомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, чѣмъ менѣе гарантируетъ его общественная симпатiя. Еще недавно были у насъ въ модѣ общетвас грамотности, завелись воскресныя школы; публика поговаривала о нихъ, какъ о появленiи Леотара на канатѣ, и потомъ забыла, существуютъ ли воскресныя школы или нѣтъ... «Нашъ патрiотизмъ, говоритъ 31 N° «Дня», проявляется съ особенною силою, въ виду внѣшней явной, осязательной, общей бѣды, въ родѣ войны, и почиваетъ, большею частiю, самымъ безмятежнымъ сномъ, или вѣрнѣе,—не почиваетъ, а отставляется, складывается куда-то прочь, какъ ненужное оружiе—во время мира». И такъ, даже по мнѣнiю славянофила, нашъ патрiотизмъ подаетъ въ отставку, когда ему предстоитъ внутренняя

общественная работа. Слѣдовательно, пословица вѣрна: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Послѣ этого легко понять, какъ тяжело честному дѣятелю предпринимать въ этомъ обществѣ и какъ привольно надувать его разнымъ пройдохамъ, гуртомъ и порознь.

Имѣя въ виду несостоятельность нашихъ обществъ и классическую неспособность ихъ вести обширныя предпріятія, правительство предпочло отдать постройку московско-севастопольской желѣзной дороги компаніи англійскихъ капиталистовъ. Какъ ни лестно было бы для нашего патріотическаго самолюбія совершить такое предпріятіе собственными силами и средствами, но патріотизмъ долженъ былъ на этотъ разъ, какъ выражается г. Аксаковъ, подать въ отставку, и мы находимъ распоряженіе правительства практическимъ и достойнымъ полнаго одобренія. Если бъ постройка этой дороги была ввѣрена казнѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, она обошлась бы ей въ три раза дороже, чѣмъ частной предпріимчивости; если бъ правительство согласилось войти въ условія съ «Агенствомъ по питейному сбору», предлагавшему соорудить нѣсколько желѣзныхъ линій по разнымъ направленіямъ Россіи, то эти условія стоили бы народу въ десять разъ дороже, чѣмъ теперь, потому что компанія откупщиковъ, желавшая продлить свое сновидѣніе семи жирныхъ египетскихъ коровъ, не даромъ взялась бы снабжать насъ путями сообщенія; и навѣрное можно сказать, что развѣ лѣтъ черезъ сто мы стали бы ѣздить по желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Севастополя А теперь можно надѣяться, что впродолженіи семи лѣтъ предпріятіе будетъ окончено, и техническое выполненіе его можетъ ручаться за матеріальный успѣхъ дѣла.

Соединеніе Москвы и Севастополя или Балтійскаго моря съ Чернымъ желѣзными рельсами должно имѣть то или другое экономическое значеніе для Россіи. Чисто стратегическія соображенія, конечно, не могутъ вознаградить тѣхъ громадныхъ тратъ, какія потребуются для такого предпріятія. Война есть фактъ случайный, перемежающійся, а желѣзная дорога есть сооруженіе постоянное, поддерживаемое безпрерывными расходами, которые часто не окупаются и слѣдовательно обременяютъ страну излишнимъ налогомъ Поэтому промышленная сторона занимаетъ здѣсь главное мѣсто. Будетъ ли выгодна московско - севастопольская дорога въ экономическомъ отношеніи — это вопросъ, съ которымъ соединяется множество другихъ вопросовъ нашей общественной жизни. Желѣзныя дороги, конечно, доставляютъ нѣкоторыя капитальныя удобства и для

каждаго изъ насъ отдѣльно могутъ быть очень полезны; но этого мало. Въ подобныхъ случаяхъ нельзя принимать во вниманіе одинъ внѣшній комфортъ или выгоды отдѣльнаго сословія, въ ущербъ большинству народа. Народъ вездѣ оплачиваетъ желѣзныя дороги, его потъ и силы расходуются на нихъ, слѣдовательно онъ первый имѣетъ право пользоваться ихъ выгодами. Но всегда ли онъ находится въ такомъ положеніи, чтобы желѣзныя дороги приносили ему положительную пользу? Въ киргизской степи, среди кочующихъ племенъ, онѣ были бы абсолютно вредны; въ Испаніи онѣ также оказались крайне обременительными для общества и затянули испанское правительство въ неоплатные долги. Рутинные экономисты думаютъ, что желѣзныя дороги развиваютъ промышленость, образованіе и, удешевляя перевозку разныхъ продуктовъ, удешевляютъ самую жизнь. Но это мнѣніе составилось наперекоръ фактамъ и навыворотъ здраваго смысла. Желѣзныя дороги ускоряютъ сообщеніе и придаютъ ему извѣстный комфортъ, но не возбуждаютъ ни промышленныхъ, ни умственныхъ силъ народа; когда мнѣ нечего перевозить, когда у меня нѣтъ ни денегъ, ни товару, желѣзная дорога не дастъ ихъ мнѣ и моему сосѣду; когда степень моего развитія ограниченна и кругъ идей, обращающихся въ обществѣ, тѣсенъ, не поумнѣю я оттого, что буду разъѣзжать не по шоссе, а по желѣзной дорогѣ... Напротивъ, вездѣ развитіе промышленности и свобода общественной дѣятельности возбуждали потребность въ желѣзныхъ дорогахъ и утилизировали ихъ результаты. Это ясно, какъ $2 \times 2 = 4$. Въ Америкѣ, при огромномъ количествѣ желѣзныхъ дорогъ, онѣ обогащаютъ страну; а въ Папской области, какъ ихъ ни мало, онѣ раззоряютъ народъ. Читателямъ «Русскаго Слова» извѣстно наше мнѣніе о значеніи желѣзныхъ дорогъ вообще, и въ частности русскихъ,—мы остаемся съ прежнимъ убѣжденіемъ и въ настоящемъ случаѣ.

Говоря объ отношеніи общества къ частной дѣятельности и изучая его, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ явленіяхъ, я не могу не остановиться на полемикѣ, возникшей между «Современной Лѣтописью» и «Днемъ» по поводу самарскаго депутатскаго собранія. Собраніе это выразило въ адресѣ желаніе, чтобъ самарскіе дворяне, проживающіе заграницей, воротились домой, такъ какъ неприлично истинному патріоту житъ въ Парижѣ или Дрезденѣ, когда отечеству угрожаетъ война съ иностранными государствами. Отдавая должную дань патріо-

тическому порыву самарскаго дворянства, нельзя однакожъ не замѣтить, что приглашеніе его не имѣетъ смысла. «Современная Лѣтопись» устами какого-то г. Пенскаго доказываетъ, что стѣсненіе личной свободы не оправдывается патріотическимъ порывомъ и что въ экономическомъ отношеніи нѣтъ особенной потери отъ людей, праздношатающихся по лондонскимъ и парижскимъ улицамъ. «Изъ числа русскихъ, говоритъ онъ, проживающихъ заграницей, есть, какъ мы сказали, люди праздношатающіеся и люди занятые дѣломъ. Въ первыхъ едва ли найдется какая-либо нравственная сила, могущая быть полезною своему отечеству. Въ Парижѣ они шатаются въ Мабилѣ и въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ; здѣсь будутъ шататься по танцовальнымъ классамъ и кофейнямъ, и отъ этого мало будетъ выгоды русской землѣ... Что же касается до людей способныхъ и дѣловыхъ, то если они приготовили себя къ служебной дѣятельности и чувствуютъ къ ней призваніе, то они вѣроятно воротятся безъ всякаго приглашенія». Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію «Современной Лѣтописи», общество поступило бы деспотически, еслибы оно стало произвольно распоряжаться свободнымъ выборомъ мѣстожительства каждаго изъ своихъ членовъ. На это г. Юрій Самаринъ отвѣчаетъ въ «Днѣ» (№ 31) рядомъ такихъ доказательствъ, которымъ позавидовалъ бы Тришка, разсуждающій съ госпожей Простаковой о матеріяхъ экономическихъ. Вотъ, говоритъ г. Самаринъ, иной господинъ срубитъ преждевременно лѣсъ, продастъ его и деньги увезетъ во Францію. Развѣ это хорошо? Не хорошо, г. Самаринъ, точно также не хорошо, какъ браться за обсужденіе экономическихъ вопросовъ, не прочитавъ даже «политической экономіи» г. Горлова. Вотъ г. Пенскій вкупѣ съ редакціей «Современной Лѣтописи» вытвердили ее до 25 страницы, и могутъ говорить съ полнымъ апломбомъ. Но для насъ непонятно одно, изъ за чего поднимаютъ споръ двѣ родственныя газеты? Что могутъ дѣлить между собою г. Аксаковъ и г. Катковъ? Въ духѣ славянофильства кроется деспотизмъ меркантильной системы, рутиннаго понятія о правѣ національности, поклоненіе старинѣ, со всѣми ея прелестями, начиная отъ розогъ и до немытой бороды котошихинскаго боярина. Тотъ же самый идеалъ, подкрашенный румянами личной свободы, самодѣятельности и т. п. занимаетъ и «Современную Лѣтопись». Слѣдовательно нѣтъ основанія и полемизировать. «Но милые бранятся, только тѣшатся». И дѣйствительно, весь споръ заведенъ ради потѣхи. Г. Юрію Самарину надо было доказать на страницахъ «Дня» слѣдующую истину:

«У кого была, пишетъ онъ, подъ ногами *твердая почва*, у самарскихъ дворянъ или у г. Пенскаго и у редакціи съ нимъ согласной?» Отвѣчать на это не хитро: у обоихъ одинаково твердая почва, чисто черно-земная, въ чемъ никто и не сомнѣвается.

Что же касается до приглашенія самарскихъ дворянъ, то, не смотря на все почвенное его достоинство, оно грѣшитъ противъ всякой логики. Если оно было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы подѣйствовать нравственно на праздношатающихся дворянъ, то собранію депутатовъ должно быть извѣстно, что приглашеніями и проповѣдями г. Аксакова не передѣлываютъ жизни и не измѣняютъ человѣческихъ желаній. Жизнь имѣетъ свои условія болѣе строгія, чѣмъ фразы, какъ бы онѣ ни были краснорѣчивы. Чтобы заставить самарскихъ дворянъ, шатающихся заграницей, сидѣть дома, надо устроить домашнюю жизнь такъ, чтобъ не было желанія отправляться въ Лондонъ или въ Парижъ; отъ добра добра не ищутъ, и когда самарское депутатское собраніе придумаетъ у себя земной рай, тогда оно можетъ быть увѣрено, что никто не поѣдетъ коптить небо Италіи и что ему не будетъ надобности дѣлать вызова своимъ заблудшимся сынамъ. Такая система дѣйствія приняла бы болѣе патріотическій и гуманный характеръ. Во всякомъ случаѣ употреблять нравственное или физическое принужденіе относительно индивидуальной свободы человѣка менѣе прилично, чѣмъ жить заграницей. Да и то надо сказать, что поѣздка заграницу, кромѣ матеріальныхъ удобствъ, для многихъ русскихъ, почти для всѣхъ молодыхъ и бѣдныхъ людей есть дѣло крайней необходимости; они пріобрѣтаютъ тамъ познанія, которыхъ не даетъ имъ наша наука, они привыкаютъ къ правильному труду и знакомятся съ обстановкой общественной жизни, которой у насъ такъ мало. Можно указать на многихъ молодыхъ людей, которые, только благодаря заграничной жизни, сдѣлались полезными своему обществу и сами себѣ. Пишущій эти строки можетъ засвидѣтельствовать искренно, что три года, проведенные имъ заграницей, не пропали даромъ, что легко могло случиться, еслибъ онъ провелъ имъ въ Самарѣ и въ кругу почтенныхъ дворянъ. Притомъ какъ бы ни были пусты желанія русскаго человѣка, живущаго заграницей, но все же они не такъ слѣпы, какъ думаетъ о нихъ самарское дворянство. Почему же мы не ѣдемъ въ Китай или Турцію, когда намъ представляется возможность путешествовать, а переселяемся въ запад-

ную Европу? Впрочемъ такіе вопросы можно поднимать только еще въ Самарѣ или въ газетѣ «День».

Надѣемся, что слѣдующій мѣсяцъ представитъ побольше интереса изъ нашей домашней жизни и дастъ возможность поговорить побольше съ нашими читателями; а нынѣшній оказался крайне бѣденъ внутренними событіями, можетъ быть потому, что лѣтній жаръ ослабляетъ мыслительныя способности и дѣятельность общества...

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Приближеніе осени.—Пустота въ саду россійской словесности.—Прогулка по этому саду.—Два древа, въ которыхъ нельзя разсмотрѣть, гдѣ начинается одно и гдѣ оканчивается другое. — Озеро съ бенедиктовскимъ лебедемъ.— Гусенята и г. Фетъ. — Мои подражанія новымъ пѣснямъ г. Фета.— Рканіе публициста.—Плачъ редактора о г. Громекѣ.—Профессоръ отъ «розогъ и философіи» подъ тѣнью березы.—«Взбаломученное болото» въ саду россійской словесности.—Меланхолическая пѣсня.—Мои «лѣтнія замѣтки».—Характеристика главныхъ загородныхъ пунктовъ. — Сцены на пароходѣ. — Новая Деревня.— Характеристика ея обитателя. — Новодеревенская *ящерица*. — Руины Рейнскаго замка, перенесенныя въ Кушелевскій садъ.—Полюстровская деревня.— Прелести загородныхъ дилижансовъ.—Лѣсной институтъ.—Быстрота полученія въ немъ газетъ. — Барышня и странникъ. — Коробочка Лѣснаго Института. —Патріархальность Парголова. — Ода послѣ купанья въ Парголовскомъ озерѣ.—Размышенія о нашихъ поэтахъ—лирикахъ.— Сочиненіе Юма «Révélations sur ma vie» и свѣдѣнія о чудесахъ, разсказанныхъ въ ней. — Петербургъ принаряжается къ зимнему сезону. — Опыты поѣздовъ по желѣзноконной дорогѣ. — Остроумное изобрѣтеніе г. губернскаго секретаря Андреева. — Г. Писемскій, превосходящій цинизмомъ г. Всеволода Крестовскаго.— Новыя свѣдѣнія о дѣятельности извѣстной читателямъ содержательницы пансіона. — Путешествіе по женскому пансіону. — Нравственные совѣты его наставницы.—Докторъ «Экой какой» и его совѣты во вкусѣ г. Юркевича.—Гуманность воткинскаго волостнаго правленія.—«Привольное житье» — фантастическій эпизодъ моего сочиненія.—Письмо изъ Москвы.—Кіевскія новости и новый подвигъ «Вѣстника Югозападной Россіи.

Мы все ждали прихода нашего сѣвернаго лѣта, а въ воздухѣ уже чувствуется осенняя свѣжесть, и желтые листья усыпаютъ аллеи нашихъ садовъ и парковъ. Бѣлыя лѣтнія ночи уплыли куда-то въ Лапландію, къ бѣлымъ медвѣдямъ, а на улицахъ города загорѣлся газъ. Существованіе нынѣшняго лѣта также подозрительно, какъ существованіе г. Громеки въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Лѣтній сезонъ однако еще не кончился, и петербургскіе дачники еще продолжаютъ терпѣливую борьбу со стихіями. Лѣтній сезонъ, на зло всѣмъ климатическимъ условіямъ и къ удовольствію всѣхъ врачей, во-

дитъ столичную публику въ панамѣ, въ кисейныхъ платьяхъ и въ «легкотканныхъ одеждахъ». Сады, парки, палисадники наполнены гуляющими, и только одинъ садъ россійской словесности пустъ и заброшенъ большинствомъ читающей публики. Въ этотъ садъ только по средамъ являются заботливые садовники, и то лишь для того, чтобъ подрѣзать ножницами тѣ деревья, которыя выросли выше мѣры, ими назначенной.

Въ «саду россійской словесности» совершенно нѣтъ посѣтителей. Это очень обидно. Жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что въ саду этомъ нѣтъ для нихъ никакихъ развлеченій. Ошибка, непростительная ошибка... Къ воротамъ этого тихаго сада я уже подходилъ однажды съ своей музой, предлагая ей очень веселую прогулку, но какая-то тайная сила, въ родѣ той, что поднимала г. Юма къ самому потолку, не допустила меня проникнуть во внутрь литературнаго эдема. Я понялъ, что въ этомъ была виновата моя муза, которая хотя и дѣва, но не настолько чиста сердцемъ, чтобъ быть допущенной на такую прогулку. Самъ же я, какъ одинъ изъ обитателей этого сада, разумѣется, имѣю безплатный входъ во всѣ уголки его. Въ настоящую минуту я могу составить протекцію тѣмъ изъ моихъ читателей, которые смиренномудренны и отличаются душевной невинностью, и вмѣстѣ съ ними, смѣло прохожу въ садъ россійской словесности.

Прогулка наша начинается.

Но, позвольте,—прежде чѣмъ начнемъ мы ее, соблаговолите взглянуть на этотъ столбъ съ большимъ щитомъ, на которомъ нужно прочесть правила для посѣтителей сада. (Извѣстно, что каждый порядочный садъ, какъ и порядочный человѣкъ, *безъ правилъ* жить не можетъ, и у входа во всякій садъ есть надпись съ приличными наставленіями). Правила эти гласятъ слѣдующее:

«Собакъ водить — можно; нигилисты изъ сада изгоняются. Курить «нельзя, но *подкуривать* не воспрещается. Ходить можно по расчищеннымъ дорожкамъ, но травы не мять. Дозволяется рвать цвѣты... «краснорѣчія».

Прочитавъ это назидательное наставленіе, мы начинаемъ нашу прогулку.

Едва мы входимъ въ первую аллею, какъ въ зеленыхъ вѣтвяхъ привѣтствуетъ насъ звонкая, соловьиная пѣсня.

Неопытный читатель! Слушая пѣсню этого соловья, ты, можетъ быть, не обратишь на него своего вниманія, а между тѣмъ этотъ соловей — не простой соловей. Прислушайся-ка къ его трелямъ, вникни хоть въ первыя слова его пѣсни:

Въ тѣ дни, какъ Полонскимъ я былъ,
Порхающимъ съ вѣтки на вѣтку ..

Ты поймешь теперь вѣроятно, что въ этомъ соловьѣ сидѣла нѣкогда душа русскаго поэта, который, впослѣдствіи сдѣлавшись человѣкомъ, запѣлъ, можетъ быть, знакомую тебѣ пѣсню:

Въ тѣ дни, какъ я былъ соловьемъ... и пр.

И вотъ ты слушаешь, а соловьиная пѣсня стонетъ и плачетъ и жалуется на поэта, измѣнившаго своей прежней птичьей долѣ. Но мы идемъ дальше по саду и натыкаемся на самое лучшее и рѣдкое его произведеніе.

Передъ нами два дуба съ подгнившими корнями и съ вѣтвями, на которыхъ нѣтъ ни единаго листика...

— Но гдѣ жъ тутъ два дуба? воскликнутъ мои спутники:—передъ нами всего только одно подгнившее дерево, да и то держится однѣми искуственными подпорками.

— Неопытные спутники! вы тутъ-то и ошибетесь. Но взгляните пристально: передъ вами, дѣйствительно, два древа; но они такъ отъ времени срослись между собою, что нельзя разсмотрѣть, гдѣ начинается одно и гдѣ оканчивается другое. Но, милые спутники, какъ много не заслуживаетъ вашего вниманія эта «игра природы», однако я спѣшу предупредить васъ: если у васъ есть дѣти, — не позволяйте имъ садиться подъ этими дубами. Дубы эти имѣютъ такое свойство, что всѣ дѣти, садящіяся у его корней, непремѣнно получаютъ англійскую болѣзнь, которая дѣлается почти неизлечимой.

Мы идемъ далѣе, случайно оглядываемся — и передъ нами совершенно неожиданно на зеленомъ лугу открывается чистое, кристальное озеро. Посреди его гордо плаваетъ бенедиктовскій «Лебедь», тотъ самый историческій лебедь, у котораго было вырвано

Изъ крылій для поэта
Вдохновенное перо.

Вотъ по гладкой поверхности озера скользитъ группа бѣлыхъ гусенятъ, тѣхъ самыхъ гусенятъ, которые такъ обидѣли г. Фета, покушавъ его хозяйской пшеницы. На берегу стоитъ самъ Афанасій Фетъ и бросаетъ съ горя въ воду тѣ самыя *весенніе страницы*, надъ которыми такъ еще недавно *трепеталъ* одинъ литературный клубнич-

ный недоросль въ дворянствѣ и въ поэзіи. Одна за другою летятъ въ озеро « весеннія страницы», а самъ поэтъ распѣваетъ свои новыя пѣсни. Я не могъ запомнить хорошенько этихъ пѣсенъ, но главная характерная ихъ сторона осталась въ моей памяти. Пѣсни эти не потеряли своего прежняго лиризма, но въ нихъ теперь закрался новый элементъ, элементъ, если хотите, до нѣкоторой степени гражданскій.

Полагаясь на свою память и импровизацію, я постараюсь сдѣлать хоть только подражаніе этимъ пѣснямъ. Выбираю на этотъ разъ только двѣ пѣсни.

I.

— Сядемъ здѣсь подъ этимъ кленомъ!
Говоритъ моя подруга: —
Посмотри: надъ небосклономъ
Брызжетъ свѣтомъ солнце юга...
Позабыть пора давно намъ,
Что груба теперь прислуга.

* * *

Посмотри, какъ эта нива,
Точно море, колыхаетъ;
Какъ, къ рѣкѣ склонясь лѣниво,
Зеленѣющая ива
Въ струйкахъ вѣтви обмываетъ, —
И забудь, что такъ лѣниво
Дворня шапки намъ снимаетъ.

* * *

Посмотри, какъ вся поляна
Задымилася отъ жара,
А за лѣсомъ даль румяна,
Точно въ заревѣ пожара...
Такъ оставь бранить Ивана,
Что не чистилъ самовара.

* * *

— Нѣтъ, ни волны аромата,
Ни сіяніе денницы,
Мной воспѣтыя когда-то
Неразбудятъ струнъ цѣвницы

Оттого, что гусенята
Съѣли пукъ моей пшеницы.

II.

Когда наплывъ противныхъ мнѣ идей
Къ намъ ворвался, — смирить не въ силахъ стона,
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

Когда меня журнальный асмодей
Преслѣдовалъ, какъ лирика салона,
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишонный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

Когда табунъ сосѣднихъ лошадей
Топталъ мой хлѣбъ,—увидя то съ балкона,
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

Когда одинъ изъ нынѣшнихъ судей
Оправдывалъ работника Семена,—
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишонный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

Когда въ мой садъ явился гусь-злодѣй
Для похоти гусинаго мамона,—
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишочный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

И вотъ теперь, бродя между людей,
Я не пою, какъ пѣлъ во время оно,—
Но плачу все, какъ плакалъ Іудей,
Лишонный стѣнъ родимаго Сіона.

Но вотъ—чу!—издалека донеслось до нашего слуха ржаніе. Подъ впечатлѣніемъ фетовской музы, я воскликнулъ его же стихами:

То табунъ несется рысью!,.

Но это было минутное заблужденіе. Скоро я догадался, что это было ржаніе извѣстнаго русскаго публициста.

Мы очутились вдругъ передъ лабиринтомъ, изъ глубины котораго слышался голосъ заблудившагося редактора, голосъ, напоминавшій «плачь Ярославны». Мы не рѣшились войти въ этотъ лабиринтъ и миновали его,—но долго еще до нашего слуха доносился плачь редактора, вопіявшаго:

Отдай мой рай, отдай мой адъ!
Отдай Громеку мнѣ назадъ...

На поворотѣ одной аллеи наше вниманіе было привлечено новой картиной. Подъ тѣнью березы сидитъ «профессоръ отъ розокъ и философіи», погруженный не то въ дремоту, не то въ философское созерцаніе. На волшебной березѣ, вмѣсто листьевъ, росли одни анонимныя письма. Письма эти быстро выростали, падали на голову философа, вновь выростали и вновь падали,—а философъ читалъ безъ конца...

Чѣмъ дальше удалялись мы въ глубину сада, тѣмъ становился онъ пустыннѣй. По его дорожкамъ чаще и чаще стали попадаться подъ ноги «бомбы отрицанія»; почва становилась все болотистѣй, такъ что по ней только можно было бы проѣхать въ одной «стихоподатливой коляскѣ» кн. Вяземскаго. Наконецъ мы дошли до самого послѣдняго предѣла сада — до «Взболомученаго болота», въ которомъ раздавался концертъ лягушекъ, громко жалующихся на нигилистовъ за то, что они, прикрываясь какими-то научными требованіями, стали ихъ безпощадно рѣзать...

Мы воротились назадъ. Гдѣ-то, въ чащѣ сада, мы услышали пѣсню меланхолическаго пѣвца, пѣсню слѣдующаго содержанія:

Милая дѣвушка! все въ тебѣ грація,
Каждый тобой поражается;
Все, чѣмъ сильна наша славная нація, —
Все на тебѣ отражается.

***

Локоны вьются душистыми змѣями,
Зноенъ такъ взглядъ твой магическій.

Только сравню я съ одпѣми камеями
Профиль твой строго-классическій.

***

Милая дѣвушка! знаешь ты Овэна,
Бюхнеромъ вся проникаешься,
Знаешь на память сонаты Бетховена,
Съ буквою *ѣ* ты справляешься;

***

Но не съ тобой свое горе размыкаю.
Всѣхъ ты плѣнишь,—тѣмъ не менѣе
Только подъ саклей съ черкешенкой дикою
Чувствую я вдохновеніе,

На первый разъ осмотрѣвъ поверхностно всѣ рѣдкости этого сада, мы поспѣшили къ его выходу.

Но это все фантазія, а большинство читателей потребуетъ отъ меня картинъ изъ дѣйствительности и житейской прозы. Но я предвидѣлъ это желаніе, и приготовился встрѣтить его во всеоружіи. Петербургская лѣтняя жизнь и теперь еще интересуетъ многихъ; а потому въ этомъ мѣсяцѣ я рѣшился посвятить цѣлую недѣлю прогулкамъ по петербургскимъ окрестностямъ и ежедневно записывалъ всѣ свои впечатлѣнія. Въ этихъ замѣткахъ я былъ только простымъ наблюдателемъ нашей дачной жизни, а потому не взыщите, если она покажется вамъ не очень обаятельной. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Итакъ, я начинаю свои «лѣтнія замѣтки» и передамъ ихъ въ томъ самомъ видѣ и порядкѣ, какъ я ихъ заносилъ въ свою памятную книжку.

День, кажется, благопріятствуетъ прогулкѣ, потому что маленькій дождикъ, небольшой вѣтеръ и сносная грязь считаются признакомъ хорошаго петербургскаго лѣтняго дня... Я очень люблю смѣяться надъ петербургскимъ климатомъ,

И надъ природой подтрунивать нашей.

Люблю это дѣлать потому, что во-первыхъ на такую тему можно написать очень много игриваго, во-вторыхъ никто не будетъ обиженъ, а въ-третьихъ заслужить благоволѣніе цензора, который, прочтя такое мѣсто, непремѣнно его пропуститъ. Поэтому всю желчь свою я всегда выливаю на беззащитную финскую природу, а потомъ, успокоившись, уже миролюбиво отношусь ко всему, что мнѣ не попадется на встрѣчу.

На этотъ разъ, впрочемъ, природа не вызываетъ моего гнѣва, такъ что, подъ защитою зонтика и галошъ, я могу предпринять свое загородное путешествіе.

Съ чего же именно начать свои обозрѣнія? Передо мной нѣсколько путей... Невольно припомнишь старую сказку: «И стоитъ Иванъ царевичь на распутьи трехъ дорогъ. Передъ нимъ столбъ, а на столбѣ надпись: вправо поѣдешь — самъ будешь сытъ, конь голоденъ; влѣво поѣдешь — конь будетъ сытъ, самъ голоденъ; прямо поѣдешь — оба будете сыты и оба биты». Но у Ивана царевича было только три дороги, а передо мной открывается около десятка путей.

Вынимаю свою записную книжку и начинаю читать краткую характеристику главныхъ загородныхъ пунктовъ, населенныхъ или посѣщаемыхъ петербургскими лѣтними эмигрантами.

Царское село — городъ, для каламбура названный селомъ. Замѣчателенъ паркомъ, въ которомъ обитаютъ дѣйствительные статскіе совѣтники, герои большого свѣта, владѣтели каретъ съ гербами и ливреями и пр. и пр.

Городъ Павловскъ — село, для каламбура названное городомъ. Населенъ обитательницами, которыя, если никогда не слыхали о Штраусѣ, за то очень часто слушаютъ Страуса. Являясь на гулянья, онѣ наряжаются — для публики, студятся — для докторовъ, улыбаются — для Страуса, и только скучаютъ — для самихъ себя. Воксалъ, наполненный этими нарядными дамами, напоминаетъ игрушечную лавку, въ которой продаются великолѣпныя куклы. Живыя куклы, посѣщающія по воскресеньямъ павловскій воксалъ, бываютъ тамъ только для того, чтобъ пройтись въ публикѣ съ зонтикомъ, который стоитъ около пятисотъ рублей.

Петергофъ — мѣстность, пользующаяся репутаціей здороваго воздуха, а потому вѣроятно очень мало населенная. Тамъ живутъ разбогатѣвшіе негоціанты и промотавшіеся помѣщики. Послѣдніе (живя на морскомъ берегу), буквально можно сказать, — сидятъ у моря и ждутъ погоды.

Ораніенбаумъ—здѣсь живутъ больные, пріѣзжающіе выздоравливать.

Черная рѣчка — здѣсь живутъ здоровые, пріѣзжающіе заболѣвать.

Полюстрово и *островъ Тизоли* — есть новая Обломовка. Производятъ же впечатлѣніе, какъ вывѣска: «здѣсь дѣлаютъ гробы». Обитатели этихъ мѣстъ — язычники, поклоняющіеся богу Морфею. По вечерамъ, на аллеяхъ безбородкинскаго сада можно только встрѣтить лягушекъ, которыя словно жалуются на свою скуку и одиночество.

Новая деревня — русская колонія съ нѣмецкой подкладкой. Отъ ея поселенцевъ всегда пахнетъ цикоріемъ, сигарочными окурками, пивомъ и бутербродами. Тамъ нѣтъ ни женщинъ, ни дѣвицъ, — есть только однѣ «дамы» и «дѣвы». Единственное развлеченіе новодеревенцовъ въ сухую погоду — задыхаться отъ пыли, въ сырую — ходить по колѣна въ грязи.

Старая деревня — помѣщаетъ въ себѣ яхтъ-клубъ и имѣетъ тотъ же самый запахъ и тѣ же развлеченія, что и Новая деревня.

Лѣсной институтъ — отличается патріархальными, цѣломудренными нравами своихъ обитателей, живущихъ за чертой столичной цивилизаціи.

Мурино — резиденція мизантроповъ и разочарованныхъ барышень, потерявшихъ надежду выйти замужъ.

Коломяга и Парголово — мѣста еще малоизвѣстныя, гдѣ водятся дикія утки и дикія женщины. Есть слухъ, что люди, поселяющіеся тамъ, обростаютъ шерстью, ѣдятъ сырую говядину и кусаются.

Токсово — мѣсто, куда можно только добраться съ помощью воздухоплавательнаго снаряда, французскаго фотографа и литератора Надара или же на двухколесныхъ чухонскихъ таратайкахъ. Жители его поневолѣ должны бесѣдовать съ природой, потому что въ Токсовѣ никто не рѣшается поселяться, не смотря на его прекрасное мѣстоположеніе.

Крестовскій островъ — мѣсто особенно рекомендуемое всѣмъ любителямъ скандаловъ. Большинство тамошняго населенія, не смотря на то, что оно живетъ на сушѣ, ежедневно, послѣ девяти часовъ вечера, страдаетъ *морской болѣзнью*.

Елагинъ островъ — замѣчателенъ тѣмъ, что только съ него можно видѣть закатъ солнца, потому что, въ противномъ случаѣ, великосвѣтскія львицы не стали бы посѣщать Елагина острова съ этой цѣлью...

Прочитавъ эту общую характеристику петербургскихъ окрестностей, записанную для памяти, я все-таки задумался: куда ѣхать? Рѣшивъ

наконецъ, что всѣ поѣздки по преднамѣренному плану рѣдко удаются, я положилъ ѣхать — куда глаза глядятъ.

Отправляясь на пароходную пристань, я, какъ человѣкъ предусмотрительный, надѣлъ на себя старую шляпу и старое пальто Хотя, по настоящему, на всякое гулянье люди любятъ надѣвать на себя болѣе или менѣе нарядный костюмъ, но, имѣя въ виду поѣздку на невскихъ пароходахъ, они должны помнить о комфортабельномъ устройствѣ нашихъ пароходовъ. Всѣ пассажиры этихъ пароходовъ всегда становятся похожи на кочегаровъ, благодаря дыму, копоти и искрамъ, обдающихъ ихъ съ ногъ до головы, — и счастливъ будетъ тотъ, чье платье и шляпа останутся непрожденными.

Итакъ, рискуя обратиться въ кочегара, я очутился на пароходной пристани противъ лѣтняго сада. Народу было много, къ кассѣ протянулось сто рукъ за билетами. Городовой, съ важностью занимая свой постъ, казалось, нисколько не былъ смущенъ тѣмъ, что онъ на своемъ посту совершенно безполезенъ.

— Пароходъ отходитъ на острова! кому на острова? раздался голосъ. Публика хлынула къ борту парохода. И вотъ я очутился вдругъ на его палубѣ и усѣлся между юнымъ гимназистомъ и какой-то широкой, задыхающейся барыней, лѣтъ сорока пяти, обвѣшанной различными узелками, картонками и сакомъ. Толпа все прибывала на пароходъ: многимъ негдѣ было сѣсть и они стояли, нисколько не претендуя на пароходное начальство за то, что оно не поставило на пароходъ достаточнаго количества складныхъ стульевъ.

Моя непозволительно-толстая сосѣдка начала съ безпокойствомъ оглядываться. Пароходъ между тѣмъ оттолкнулся отъ пристани и отплывалъ.

— Народу-то сколько напустили на пароходъ изъ жадности! обратилась ко мнѣ сосѣдка: — человѣкъ сто, поди ты, будетъ?

— Нѣтъ, гораздо больше, замѣтилъ я.

— Долго ли до несчастія, продолжала она: — вѣдь отъ тяжести, я думаю, и пароходъ утонуть можетъ?

— Да, можетъ; такіе случаи бывали, сказалъ я ей въ видѣ утѣшенія.

Барыня совсѣмъ смотрѣла перепуганной и вывалила изъ рукъ картонку.

— Ахъ, жадность какая у людей!.. Изъ за денегъ сами утонуть готовы, и другихъ утопить... Да это, батюшка, куда же повертываетъ

пароходъ? спросила она меня, слѣдя съ испугомъ за его направленіемъ.

— На острова.

— Какъ, на острова?

— Да,—чего жъ вы безпокоитесь? вамъ куда нужно ѣхать? допрашивалъ я.

— Въ Палюстрово.

Окрестная публика очень откровенно расхохоталась. Толстая барыня, побросавъ свои узелки, вскочила и начала кричать:

— Стой, стой! поворачивай пароходъ! Не туда везете, разбойники!.. Мнѣ въ Палюстрово надо!..

Новый взрывъ хохота.

Разсвирѣпѣвшую барыню никакъ не могли убѣдить, что пароходъ не можетъ изъ-за нея повертывать назадъ, что ей нужно будетъ высадиться на строгоновской пристани, если она хочетъ.

— А потомъ, что я боду дѣлать? вопила она.

— Дождитесь другого возвратнаго парохода, или черезъ Черную рѣчку можете на извощикѣ доѣхать до Палюстрова.

— Да какъ же это быть? Мнѣ только Степанъ Петровичъ и далъ двугривенный, чтобъ домой добраться... Пусть они меня теперь даромъ везутъ, мошенники, а я теперь съ парохода ногой не сойду...

Такимъ образомъ, она всю дорогу развлекала пассажировъ парохода. У новодеревенской пристани я вышелъ, а потому не знаю ничего болѣе о дальнѣйшихъ похожденіяхъ своей пароходной сосѣдки.

Передо мной — новодеревенская колонія. Новая деревня, ежегодно лѣтомъ помѣщаетъ въ себѣ большую часть петербургскаго населенія, у котораго выработались тамъ свои особые нравы, привычки и развлеченія. Новодеревенецъ, какъ истинный петербуржецъ, помѣшанъ на комфортѣ, на томъ внѣшнемъ комфортѣ, который не давая никакихъ удобствъ, устроивается только для однихъ проходящихъ. Каждый боберъ устраиваетъ свое жилище гораздо покойнѣй и удобнѣй новодеревенскихъ дачъ, подверженныхъ всѣмъ превратностямъ невскаго климата.

Съ потолка каплетъ дождь, въ щели дуетъ вѣтеръ. Со всѣми этими случайностями дачникъ сжился и не принимаетъ мѣръ къ ихъ устраненію; но за то у дачника есть небольшой садикъ или просто палисадникъ съ куртинками цвѣтовъ и жиденькой акаціи, за которыми онъ ухаживаетъ съ заботливостью садовника. Въ садикѣ его есть бесѣдка, обвитая плющемъ, есть качели и скамейки; балконъ его обитъ холщевой драпировкой, надъ окнами висятъ маркизы! Не защищая себя отъ дождя и холода, новодеревенскій обитатель считаетъ обязанностью защищать себя отъ хилыхъ лучей петербургскаго солнца. Въ этомъ состоитъ весь его комфортъ. Объ устройствѣ маркизовъ онъ мечтаетъ цѣлую зиму, и во что бы то ни стало, приведетъ свою мечту въ исполненіе. Вообще нужно замѣтить, что петербуржецъ имѣетъ свой особенный взглядъ на комфортъ. Посмотрите, какъ живетъ онъ: все для другихъ, ничего для себя. Онъ счастливъ, если имѣетъ квартиру съ великолѣпнымъ парадным входомъ и хорошими пріемными комнатами, и вовсе не думаетъ о внутреннихъ комнатахъ — о дѣтской и спальнѣ, которыя помѣщаются часто за темными перегородками. За *антре* съ швейцаромъ петербуржецъ будетъ терпѣть всѣ неудобства своей квартиры, помѣститъ своихъ дѣтей въ наемные сырые углы и самъ будетъ спать въ крошечныхъ комнатахъ съ горько-кислымъ запахомъ. Петербуржецъ ищетъ себѣ квартиру окнами на улицу. Пусть уличный шумъ и безпрестанная ѣзда экипажей безпокоятъ его больную семью, и самому ему не даютъ ни спать, ни заниматься,—онъ, во имя своего комфорта, мужественно перенесетъ всѣ эти безпокойства, но не дойдетъ до позора имѣть квартиру съ окнами, выходящими на дворъ.

Новодеревенскій обитатель, какъ коренной петербуржецъ, держится того же самого правила. Иной мужъ, передъ наймомъ дачи, ведетъ съ своей супругой тонкіе, дипломатическіе переговоры по этому случаю. Женѣ очень хочется жить въ первой линіи Новой деревни и она обращается къ мужу.

— Папашка, смотри, непремѣнно найми дачу въ первомъ участкѣ...

Мужъ начинаетъ отговариваться дороговизной, но жена, очень хорошо зная, что ему хочется того же самого, лукаво начинаетъ его упрашивать. Онъ постепенно уступаетъ—и дача наконецъ нанята: перевозится мебель, набивается драпировка и дачная жизнь начинается. Съ утра до вечера въ окна и въ двери дачъ, стоящихъ въ двухъ шагахъ отъ дороги, врываются облака пыли, которая приправляетъ собой дачныя тра-

пезы. Но человѣкъ сживается со всѣмъ: онъ даже къ ассефетидѣ привыкаетъ.

На этотъ разъ я попалъ въ Новую деревню послѣ дождя, когда его жители цѣной небольшой грязи купили себѣ право неглотать крутящейся пыли. По дорожкѣ, идущей мимо дачь, гуляли разряженныя новодеревенскія дачницы. Живя постоянно на виду своихъ сосѣдей, онѣ разряжены съ утра до ночи, и къ такому порядку совершенно привыкли. Привычка всегда чисто и опрятно одѣваться — привычка сама по себѣ хорошая, но у новодеревенскихъ обитательницъ она вовсе не есть потребность, а опять-таки одно изъ условій наружнаго петербургскаго комфорта. Въ глуши, въ деревнѣ онѣ не подумали бы объ этихъ нарядахъ и ходили бы цѣлый день въ простыхъ, широкихъ блузахъ, а на дачѣ такой сельской свободой имъ даже въ голову не приходитъ пользоваться.

Хотя прогулка по узенькой аллейкѣ не составляетъ особеннаго развлеченія, но на ней каждый вечеръ можно встрѣтить толпы гуляющихъ. Даже новодеревенскія барышни, которыя постоянно стоятъ или сидятъ за рѣшетками своихъ садиковъ, появляются на аллейкѣ. Новодеревенскія барышни замѣчательны тѣмъ, что онѣ всѣ очень похожи между собой, такъ что если снять фотографическій портретъ съ одной изъ нихъ, то составишь себѣ понятіе о всѣхъ остальныхъ... За то, говорятъ, нигдѣ такъ не торжествуетъ гименей, какъ въ Новой деревнѣ. Значитъ, свойство почвы такое... Не даромъ же между ними часто встрѣчались мнѣ разные франты, даже какой-то славянофилъ въ русскомъ платьѣ попался... Замѣчу, что каждый разъ, когда я бывалъ въ Новой деревнѣ,

Дивился каждый разъ я тамошнимъ дѣвицамъ,—
Ихъ благонравью, а не лицамъ.

Между ними только есть одно исключеніе, — вѣдь въ семьѣ не безъ урода, — но зато это исключеніе вызываетъ ихъ общее негодованіе. Исключеніе это — одна барыня, проживающая тамъ и прозванная почему-то мѣстными остряками *ящерицей*. Ящерица эта нрава жестокаго, и потому только не кушаетъ человѣческаго мяса, что его нигдѣ нельзя купить. У ящерицы находится въ услуженіи дѣвочка, которой мать куда-то уѣхала изъ Петербурга. Какъ обращается ящерица съ этой бѣдной дѣвочкой, вы можете судить изъ того, что она по но-

чамъ привязываетъ ее къ ножкѣ кровати и заставляетъ *лаять по собачьи,* вѣроятно

Для сбереженья пса домашняго,

какъ говоритъ герой одной старой нѣмецкой трагедіи. Несчастная дѣвочка, вкусившая днемъ побои, а ночью лаявшая по собачьи, говорятъ, до того охрипла отъ этого упражненія, что едва могла говорить... Въ настоящую минуту она уже избавлена отъ самодурства этой барыни.

Я взбираюсь по великолѣпной каменной лѣстницѣ кушелевской пристани, по обѣимъ сторонамъ которой, вѣроятно для красоты, лепятся на берегу двѣ какія-то безобразныя, полуразвалившіяся избушки на куриныхъ ножкахъ. Минуя домъ гр. Кушелева-Безбородки, вхожу въ ворота кушелевскаго сада.

Пусто и тихо кругомъ... Деревья лѣниво, словно отъ скуки, шепчуть что-то своими полуувядшими листьями. Садовыя аллеи взрыты, точно по нимъ прошелъ плугъ селянина. На аллеяхъ не видно ни одной души, развѣ гдѣ нибудь выскочитъ на тропинку зеленая лягушка и смотритъ на васъ (какъ собаки, которыхъ встрѣтилъ въ Ахенѣ Гейне) и словно хочетъ сказать: «Господинъ прохожій, если вы нигилистъ, то распорите пожалуйста мнѣ брюхо: иначе я умру здѣсь отъ тоски». Напрасно оглядывался я кругомъ, думая встрѣтить хоть того испанца, который нѣкогда величественной походкой прогуливался по безбородкинскому саду, но и онъ не попался мнѣ на встрѣчу... Я встрѣтилъ только одного какого-то блѣднаго господина, закутаннаго шарфомъ:—господина до того худощаваго, что у меня явилось желаніе пощупать, не призракъ ли это?

Не смотря на то, что кушелевскій садъ запущенъ и заброшенъ, я ужасно люблю его. Садъ этотъ совершенно въ русскомъ вкусѣ: онъ великъ и обиленъ, а порядку въ немъ нѣтъ; для романтика— какимъ я себя считаю—это первое условіе для благополучія За каждой зеленой кущей мнѣ чудится

Пріютъ задумчивыхъ дріодъ;

на каждое столѣтнее дерево я смотрю съ тѣмъ же благоговѣніемъ какъ на почтенныя сѣдины М. П. Погодина и М. Лонгинова, сознавая, что старость одинакова почтенна, какъ въ публицистѣ, такъ и въ деревѣ. Я любуюсь этими нечищенными прудами, до которыхъ не смѣла долгіе годы дотронутся «ничья рука земная»...

А вотъ посмотрите теперь на эти руины полуразвалившейся башни... Глядя на нее, вы подумаете, что она перенесена сюда съ береговъ Рейна, съ развалинъ какого-нибудь стараго замка. Башня почти вся развалилась: вокругъ нея осыпались каменья и мохъ покрываетъ ея стѣны. Но не смотря на всю видимую ветхость башни, ея старость искуственна. Она, какъ многіе люди, начала свое существованіе прямо со старости, то есть, говоря прямѣе, эти руины устроены *нарочно* по плану остроумнаго архитектора, который вѣроятно въ первый разъ *сознательно* строилъ непрочное зданіе, которое каждую минуту можетъ рухнуть. Подобно этимъ руинамъ, строится большая часть петербургскихъ домовъ, съ тою только разницей, что эти дома менѣе прочны, чѣмъ кушелевскія руины. Итакъ, глядя на эту башню, нарочно построенную въ видѣ ветхихъ руинъ, мнѣ пришло въ голову, что можетъ быть и самая запущенность этаго дикаго сада есть не слѣдствіе небрежности, но намѣренная небрежность. Можетъ быть, что, во имя того же самого романтизма, которому я поклонюсь, всѣ эти аллеи и пруды *нарочно* такъ устроены, чтобъ обмануть посѣтителя своимъ искуственнымъ запустѣніемъ и дикостью.

Если бы какой-нибудь практическій умъ сталъ доискиваться рѣшенія вопроса: для чего воздвигнуты эти развалины?—то не нашелъ бы вѣроятно никакого удовлетворительнаго отвѣта. Всякое созданіе «искусство для искусства» стоитъ внѣ всякой практической пользы и необходимости. Башня эта создалась по тому же самому, почему гг. Щербина и Фетъ писали свои стихи, почему г. Эдельсонъ писалъ свои критическія мелодіи.

Что же касается до обитателей Полюстрова, то для нихъ эта башня имѣетъ особенный смыслъ. Указывая на башню своимъ дѣтямъ, они увѣряютъ ихъ (впрочемъ и сами въ это охотно вѣрятъ), что въ ней обитаютъ злые духи, которые по ночамъ даютъ въ ней свои представленія.

Полюстровскій садъ имѣетъ свое собственное древо познанія добра и зла. Древо это существуетъ въ немъ въ видѣ бесѣдки, въ которой возлежитъ статуя гермафродита. Полюстровецъ, переѣзжая на дачу съ своими дочерями, позволяетъ имъ странствовать

по всѣмъ закоулкамъ тамошняго сада, но не дозволяетъ только одного—заходить въ бесѣдку познанія добра и зла... Увы!.. Извѣстно, что Евы, живущія на рѣкѣ Невѣ, также любопытны, какъ ихъ прародительница жившая на дачномъ положеніи на рѣкѣ Ефратѣ; а потому таинственную бесѣдку очень часто посѣщали полюстровскія барышни, и запретная тайна, какъ и всегда, не осталась тайной.

За предѣлами кушелевскаго сада начинается тихая обитель, называемая Полюстровской деревней, только потому непохожей на кладбище, что на послѣднемъ иногда нечаянно зарываютъ живыхъ людей, а въ Полюстровѣ и такихъ исключеній даже не замѣтно... Спите же добрые полюстровцы,

Спите, Богъ не спитъ за васъ!..

Какъ ни рискованны наѣздники на невскихъ пароходахъ, но въ оба эти мѣста можно еще доѣхать съ нѣкоторымъ удобствомъ. Удобства эти пропадаютъ тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ водныхъ сообщеній, а устроены одни дилижансы. Я не знаю ничего ужаснѣе загородныхъ петербургскихъ дилижансовъ. Глазъ человѣческій весьма скоро привыкаетъ ко всякимъ безобразіямъ, а къ истиннымъ удобствамъ жизни мы еще мало пріучены; а потому не очень обижаемся, когда насъ возятъ въ такихъ экипажахъ, какъ наши дилижансы. Смотря на нихъ, дивишься изобрѣтательности ихъ строителей: нужно обладать замѣчательнымъ даромъ геніальнаго безвкусія и недогадливости, чтобъ выстроить эти передвигающіеся сараи, эти безобразныя фуры, въ которыхъ только можно возить навозъ или мебель. Это громоздное, нескладное, дребезжащее чудовище, готовое на каждомъ ухабѣ растерять всѣ свои колеса и винтики и обратиться въ кучку щепокъ, влекутъ съ скоростью черепахи или русскаго прогресса несчастные, дохлые одры, лишь по привычкѣ называемыя лошадьми, которыхъ, вмѣсто овса и сѣна, кормятъ вѣроятно однимъ пескомъ и *кнутомъ—вдохновителемъ*. Плетется, переваливаясь со стороны на сторону, эта фура—и каждая гайка, каждая желѣзная скобка на ней скрипитъ и поетъ, въ окнахъ звенятъ стекла,—и можно вообразить, что это

везутъ не пассажировъ, а битую посуду. Нужно быть флегмой, съ жилами, въ которыхъ вмѣсто крови текутъ чернила, чтобъ хладнокровно путешествовать въ этихъ омнибусахъ, замуровавшись въ нихъ на нѣсколько часовъ ѣзды. Я никогда не могъ помириться съ ними, но любовь къ природѣ вообще и къ отечеству въ особенности все превозмогаетъ, и я не однажды лѣтомъ переправлялся въ этихъ четырехъ-колесныхъ чемоданахъ изъ одного дачнаго улуса въ другой.

На этотъ разъ отправляясь въ Лѣсной Институтъ, я усѣлся въ самую глубь лѣснаго дилижанса, отправлявшагося отъ гостиннаго двора. Въ дилижансѣ уже сидѣло человѣкъ пять мущинъ и одна дама неизвѣстнаго возраста и, какъ оказалось впослѣдствіи, акушерка. Прошло минутъ десять, но дилижансъ не трогался съ мѣста. Кондукторъ, державшійся того правила, что карета должна отправляться не въ назначенные часы, а по мѣрѣ накопленія публики, бѣгалъ вокругъ дилижанса и, придерживаясь апраксинской теоріи зазывательства, плачевнымъ голосомъ упрашивалъ каждаго проходящаго по улицѣ сѣсть въ экипажъ, надѣясь вѣроятно, что многіе изъ одного только великодушія согласятся на его просьбу. Помѣстивъ на наружное мѣсто еще двухъ пассажировъ, кондукторъ наконецъ крикнулъ: «трогай» и безобразный чемоданъ двинулся, прыгая и звеня по мостовой города. Не принимая участья въ бесѣдѣ своихъ спутниковъ, я началъ отъ скуки прислушиваться къ ихъ толкамъ. Любопытнаго впрочемъ было мало. Акушерка, одѣтая въ ярко-красное ситцевое платье и въ шляпкѣ съ желтыми лентами, вступила съ своимъ сосѣдомъ, почтеннымъ старцемъ, въ длинное разсужденіе о превосходствѣ вязаныхъ чулковъ передъ ткаными, что почтеннаго старца повидимому очень волновало: онъ былъ на сторонѣ тканыхъ чулковъ. Бѣлобрысый франтикъ, похожій на купеческого прикащика, разсказывалъ своему товарищу о своихъ похожденіяхъ на крестовскомъ островѣ. Какой-то отставной въ сѣромъ пальто наивно ворчалъ на тихое плаваніе нашего ковчега и неистово поглядывалъ то на всѣхъ насъ, то на свои огромныя серебряные часы. Мой сосѣдъ съ огромными бакенбардами велъ съ своимъ vis-a-vis разговоръ болѣе отвлеченный, а именно о впечатлительности.

— Я такъ впечетлителенъ, убѣдительно говорилъ онъ: — что вы представить себѣ не можете;—вы на меня имѣете вліяніе. Есть у меня, напримѣръ, пріятель — пьяница горькій, который никогда не просыхаетъ. Посижу я съ нимъ нѣсколько часовъ и глядя на его пьянство, самъ опьянѣю,—ей-Богу, опьянѣю.. Вотъ хоть сегодня: посидѣлъ съ нимъ съ полчаса, а теперь чувствую хмѣль въ головѣ.

Отъ впечатлительнаго господина однако сильно разило водкой. Впрочемъ, можетъ быть, и это—слѣдствіе его впечатлительности.

Наслаждаясь подобными бесѣдами, я дождался наконецъ той минуты когда дилижансъ дотащилъ насъ до цѣли нашего общаго путешествія.

Лѣсной Институтъ по его безводію можно назвать петербургской сахарой. Лишонные воды, лѣсные обитатели даже и не мечтаютъ о водопроводахъ, и утоляютъ свою жажду изъ колодцевъ и изъ какихъ-то лужицъ, для грандіозности называемыхъ прудами. Расположенный на возвышенномъ мѣстѣ, покрытый сосновымъ лѣсомъ и лишонный воды, Лѣсной величается своимъ сухимъ климатомъ и считаетъ свое мѣсто обѣтованной землей.

Лѣсной обитатель гордится тѣмъ, что его врачь—природа, гордится тѣмъ, что у него никогда не болятъ зубы. Для всякаго человѣка, а для петербужца тѣмъ болѣе, зубы — есть первый камень преткновенія въ жизни.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какую важную роль играютъ зубы въ человѣческомъ существованіи.

Едва только человѣкъ родится, какъ первое страданіе его постигающее въ младенчествѣ—есть *прорѣзываніе зубовъ.*

На счастье, подъ его дѣтскую подушку, воспріемникъ кладетъ *на зубокъ.* Въ школѣ его мучаютъ системой *зубренія*, преслѣдуютъ за *зубоскальство*, наказываютъ *зуботычинами.*

Для него выдумали пословицу, завѣщавшую ему держать *языкъ за зубами.*

Надъ нимъ смѣются, если у него *зубъ со свистомъ.*

Его терзаютъ *зубныя боли,* его терзаютъ дантисты. Наконецъ въ старости зубы выпадаютъ—и человѣкъ начинаетъ разлагаться.

Но вернемся къ Лѣсному и его дачникамъ, справедливо гордящимся тѣмъ, что они почти никогда не страдаютъ зубными болями.

Лѣсной—это таже петербургская коломна: тѣже самые нравы только гораздо откровеннѣе. Мирно и тихо проходитъ жизнь лѣсныхъ жителей обоего пола. Въ каждой бесѣдкѣ, на каждой дорожкѣ попадаются счастливые супруги, которые, въ доказательство своего семейнаго счастія, публично лобзаютъ и обнимаютъ другъ друга. Счастливые супруги, чтобъ не на минуту не разлучаться, даже вмѣстѣ купаются въ семейныхъ ваннахъ.

Въ своихъ развлеченіяхъ лѣсные дачники не прихотливы. Они гуляютъ по парку и любятъ посѣщать *аллею любви* и могилу двухъ лю-

бовниковъ, лишившихъ себя когда-то жизни въ экстазѣ упоенія. Они каждый день любуются своею лѣсной рѣдкостью — деревомъ растущимъ вверхъ корнями. Потомъ два раза въ недѣлю они слушаютъ въ воксалѣ музыку Эйстрейха и любуются иллюминаціей, состоящей изъ двухъ десятковъ бумажныхъ фонарей.

Изъ любопытства я зашелъ въ лѣсной воксалъ. Онъ былъ совершенно пустъ. Я спросилъ себѣ какую нибудь газету. Мнѣ подали палку, на которой висѣло нѣсколько бумажныхъ лоскутьевъ. По нѣкоторымъ признакамъ я догадался, что это N «Сѣверной Пчелы», вышедшій ровно за недѣлю назадъ.

— Да мнѣ нуженъ сегодняшній нумеръ! сказалъ я.

Мое желаніе видимо даже удивило содержателя буфета, нѣсколько обидѣло его. Отъ него я узналъ, что здѣсь онѣ получаютъ газеты изъ другого своего петербургскаго кафе, откуда онѣ привозятся при удобномъ случаѣ. Есть случай — привезутъ, нѣтъ случая—и безъ газетъ можно обойтись.

— Здѣсь этимъ никто не обижается, въ заключеніе замѣтилъ буфетчикъ.—Здѣсь послѣднихъ нумеровъ газетъ и не требуютъ: все больше старыми пробавляются...

«Что за благодатный уголокъ такой!« невольно подумалъ я, выходя изъ воксала.

Къ числу лѣсныхъ удовольствій принадлежитъ также слѣдующее развлеченіе. Не смотря на то, что въ Лѣсномъ нѣтъ воды, у его жителей есть непреоборимая страсть къ мореходству. Поэтому они удовлетворяютъ своей страсти слѣдующимъ образомъ: на прудкахъ, которыхъ діаметръ будетъ не длиннѣй діаметра любаго женскаго криполина, и которыхъ глубина не превышаетъ аршина,—лѣсные мореплаватели производятъ свои водяные маневры.

На берегу стоятъ ихъ супруги, съ замираніемъ сердца взирающія на рискованное и опасное плаваніе своихъ моряковъ—мужей.

— Ну, какъ утонутъ! думаютъ онѣ и начинаютъ про себя читать молитву. Лѣсныя барышни не похожи на новодеревенскихъ. Новодеревенская барышня — прежде всего невѣста, мечтающая о скоромъ замужествѣ. Она любитъ попрыгать въ кадрили, почитываетъ Поль де Кока, искусно дѣлаетъ глазки и привыкла, если есть возможность, каждый день перемѣнять по нѣскольку платьевъ. Лѣсная барышня смотритъ скорѣе Христовой невѣстой, уважаетъ «Домашнюю Бесѣду» и любитъ поучительные разговоры.

Иду я съ однимъ лѣснымъ обывателемъ по линіи, занимаемой дачами. Приближаясь къ одной дачѣ съ наружнымъ садикомъ, онъ объявилъ мнѣ, что тутъ живетъ одна Лѣсная красавица, богатая невѣста, говорящая чуть ли не на семи языкахъ, а въ музыкѣ знакомая даже съ генералъ-басомъ.

— Да вотъ она сама, продолжалъ онъ: — смотрите.

Въ палисадникѣ я увидѣлъ слѣдующую сцену: подъ тѣнью акаціи на скамейкѣ сидѣла Лѣсная красавица, брюнетка, съ крупными и довольно рѣзкими чертами лица. На другомъ концѣ скамьи помѣщался какой-то странникъ съ длинными волосами, въ черномъ длинномъ кафтанѣ, перехваченномъ широкимъ поясомъ.

Когда мы поравнялись съ дачей, до моего слуха донеслись слова странника, поучающаго Лѣсную красавицу:

«. . . И былъ я въ пустынѣ безводной три дня и три нощи и испыталъ голодъ и жажду лютую. На третью ночь прилегъ я въ пустынѣ на камень и удостоился видѣнья...»

Далѣе я не могъ уже разслыщать...

Въ Лѣсномъ еще донынѣ можно встрѣтить типъ Коробочки, во всей его первобытной чистотѣ. Знаю я тамъ одну барыню: она постоянно живетъ въ Лѣсномъ, но ѣздитъ иногда къ своей дочери въ Павловскъ. Встрѣчаюсь я съ ней въ воксалѣ царскосельской желѣзной дороги.

— Вы куда, батюшка, это ѣдите?

— Въ Павловскъ.

— И я туда же. А въ какой классъ сядите?

— Думаю въ 3-й сѣсть.

— И, охота вамъ въ третій классъ садиться...

— Отчего-же?

— Да потому, что въ 3-мъ классѣ позже пріѣдите: тамъ, извѣстно, тише ѣдутъ.

Лѣсная Коробочка вовсе не острила, а говорила очень серьезно.

А вотъ еще сцена изъ лѣсныхъ нравовъ.

Отецъ многочисленнаго семейства, съ лицомъ и фигурой титулярнаго совѣтника (титулярные совѣтники, какъ извѣстно, сшиты всѣ по одному образцу), сидитъ на крылечкѣ и занимается литературой, т. е. читаетъ номеръ полицейскихъ вѣдомостей.

Къ крыльцу подъѣзжаетъ мужикъ на телегѣ.

— Вашей что-ли милости вчера я запродалъ ягодъ на варенье?

— Мнѣ, отвѣчаетъ отецъ многочисленнаго семейства. Оставивъ занятіе литературой, онъ беретъ у него нѣсколько фунтовъ ягодъ и отдаетъ ему деньги.

Мужикъ считаетъ деньги.

— Какъ же это, батюшка, вы вчера сторговали у меня по 15 к фунтъ, а теперь даете по 10 к?.. Я этакъ не могу отдать...

— Какъ? что такое?..

— Какъ, значитъ, сторговали, такъ и деньги отдайте. Такъ господа хорошіе не дѣлаютъ.

— Ты еще, мужичишка, грубить вздумалъ мнѣ!..

— Я не грублю, а деньги по уговору требую...

— Какой тутъ уговоръ: вчера была одна цѣна, а сегодня другая. Получилъ деньги — ну и проваливай.

— Эхъ, вы еще бариномъ прозываетесь, начинаетъ его стыдить мужикъ. Баринъ приходитъ въ благородное негодованіе, махаетъ руками и угрожаетъ ему полиціей. Кругомъ понемногу сбирается толпа.

— Погоди, я съ тобой раздѣлаюсь, кричитъ отецъ многочисленнаго семейства. — Сейчасъ одѣнусь и отправлюсь съ тобой въ кварталъ.

Бѣдный мужикъ струсилъ: онъ, кажется, началъ самъ понимать, что онъ и въ самомъ дѣлѣ въ чемъ-то виноватъ. Подумавъ немного, онъ отправился вослѣдъ за свирѣпымъ дачникомъ въ его квартиру, гдѣ и бухнулся ему въ ноги, прося прощенія.

— Что, прощенія пришелъ просить? нѣтъ, бородачь, ты отъ меня такъ не отдѣлаешься. Началъ грубить при народѣ, такъ поди при народѣ и кайся: пусть всѣ видятъ, что ты у меня въ ногахъ валяешься...

Затѣмъ онъ вывелъ его на балконъ и при народѣ заставилъ стать передъ собой на колѣна.

Г. Фетъ непремѣнно бы воскликнулъ тутъ: «какое гнусное валянье въ ногахъ!.. Какой благородный титулярный совѣтникъ!..»

Если вы желаете убѣжать отъ петербургскаго прогресса и отъ петербургскихъ наводненій, то поѣзжайте, не думая, въ Парголово. Здѣсь тишина еще невозмутимѣй, жизнь еще патріархальнѣй. Здѣсь нѣтъ никакихъ воксаловъ, никакихъ оркестровъ и тѣхъ увеселительныхъ

гуляній, которыми наполнены невскія окрестности. Здѣсь выдаютъ за новость прошлогоднія моды, здѣсь читаютъ прошлогоднія газеты. Въ Парголовѣ только есть одно диво — это его озеро. Озеро это имѣетъ такое свойство: каждый, кто выкупается въ немъ, непремѣнно, хоть на время сдѣлается патріотическимъ поэтомъ. Въ наше время, бѣдное патріотическими поэтами, озеро это особенно должно обратить на себя вниманіе русскихъ стихотворцевъ. Желая на себѣ самомъ убѣдиться въ чудодѣйственномъ свойствѣ парголовскаго озера, я спеціально съ этой цѣлью отправился въ Парголово, запасясь на дорогу стихотвореніями князя Вяземскаго, Бенедиктова и А. Майкова. Когда по пріѣздѣ, я выкупался въ озерѣ и вышелъ на берегъ, то тотчасъ же почувствовалъ позывъ къ импровизаціи и по какому-то непонятному для меня наитію, прочелъ цѣлое огромное стихотвореніе. Всего его я не запомню теперь, но начало этой оды осталось въ моей памяти. Привожу его въ подтвержденіе стараго повѣрья о странномъ свойствѣ парголовскаго озера:

Кто сія? Она склонилась
На подушкахъ ста вѣковъ,
Вмѣсто мантіи покрылась
Сѣрой ризой облаковъ.
Кто сія? Почила сладко,
Скрытъ огонь палящихъ глазъ;
Подъ челомъ ея — Камчатка,
Подъ пятой ея — Кавказъ.
Вмѣсто косъ, спадавшихъ въ ноги,
Темнымъ лѣсомъ облита,
Вмѣсто пояса на тогѣ —
Вѣтвь уральскаго хребта,
Вмѣсто ленты — Волга вьется,
Въ діадемѣ — голова,
И въ груди не сердце бьется —
Бьется матушка Москва.
Молвитъ — двинутся громады,
Встанетъ — ростъ до облаковъ,
Мощной власти — нѣтъ преграды
И пронизываютъ взгляды
Милліонами штыковъ.

. . . .

Далѣе никакъ не могу припомнить, но и этого образчика я думаю достаточно...

Поѣздка въ Парголово и купанье въ его озерѣ невольно навели меня на мысль объ участи нашихъ поэтовъ - лириковъ, которымъ какъ-то жутко стало теперь. У нихъ не хватаетъ смѣлости пѣть на старый ладъ, какъ пѣлось въ прежніе года, а новыхъ мотивовъ они еще не отыскали. Мы ждемъ ихъ голосовъ, но они намъ не откликаются.

Неужели же настало для поэтовъ такое трудное время?

Нѣтъ, мнѣ кажется, что напротивъ: для нихъ просто житье теперь, и нужно удивляться, почему они не хотятъ воспользоваться своимъ положеніемъ.

Читая каждаго поэта, мы всѣ почему-то привыкли отыскивать въ его произведеніяхъ какую-то послѣдовательно проводимую имъ мысль, хоть бы онъ пѣлъ объ однихъ ландышахъ и о голубыхъ очахъ. Вѣдь называли же прежде г. Фета поэтомъ скорби, который съ отчаянія будто бы рѣшился предаваться созерцанію красотъ русской природы. А г. Бенедиктовъ? Давно ли еще онъ составилъ себѣ репутацію *«поэта мысли»*. Это все было очень, очень недавно.

Въ наше время больше, чѣмъ когда либо ждутъ отъ поэта мысли и, больше чѣмъ когда либо, готовы оклеветать его въ томъ, что онъ проводитъ въ своихъ пѣсняхъ какую-либо идею. Привычка чаще думать заставила насъ воображать, что поэтъ тоже обязанъ быть проводникомъ какой нибудь мысли.

Вотъ чѣмъ не хотятъ или не умѣютъ воспользоваться наши русскіе лирики.

Пушкину вздумалось однажды написать свое извѣстное четверостишіе:

Все мое! сказало злато,
Все мое! сказалъ булатъ,
Все куплю! сказало злато,
Все возьму! сказалъ булатъ.

Что хотѣлъ сказать этимъ поэтъ — Богъ вѣсть: вѣроятнѣй всего, что ничего не хотѣлъ сказать. Его просто заняло сопоставленіе двухъ силъ — булата и золота. Пушкинъ, какъ женщина, очень часто увлекался первымъ впечатлѣніемъ, и готовъ былъ однимъ и тѣмъ же перомъ написать и «Бѣги, сокройся отъ очей» и «О чемъ шумите вы народные витіи?» Гдѣ жъ тутъ было думать ему о глубокомъ смыслѣ всякаго четверостишія. Охотникамъ же находить мысль во всякомъ стихѣ

представилось, что булатъ и золото выражаютъ собой Францію и Англію. Подите, разувѣрьте ихъ.

Другой примѣръ. Новѣйшій стихотворецъ Ѳ. Бергъ, наивно воспѣвая разныя бѣды и несчастія «зайки быстроглазаго», вѣроятно не предполагаетъ, что въ его пѣсняхъ кто либо находитъ гражданскій смыслъ, а, межъ тѣмъ, дѣйствительно находятъ, и г. Бергъ то же стоитъ теперь на ваканціи «поэта мысли».

Г. Каролина Павлова давно уже пріобрѣла себѣ въ Москвѣ имя мыслящей поэтесы, что отчасти и справедливо, потому что она есть ничто иное, какъ Н. Ф. Павловъ, переложенный въ стихи.

Итакъ, если поэтъ, безъ всякаго намѣренія съ своей стороны рискуетъ часто прослыть для многихъ «поэтомъ-гражданиномъ», то, при нѣкоторомъ усиліи, онъ какъ разъ попадетъ въ гражданскіе поэты во второй выпускъ «гражданскихъ мотивовъ» г. Пятковскаго. Если такой опытный человѣкъ, какъ г. Пятковскій, причислилъ гг. Полонскаго и Майкова къ числу гражданскихъ поэтовъ, то отчего же напримѣръ такіе стихотворцы, какъ гг. Бажановъ, Всеволодъ Крестовскій и Николаевскій, не могутъ поступить въ тотъ же разрядъ?

Еслибы я былъ поэтомъ-лирикомъ, то рѣшительно не упалъ бы духомъ, а придумалъ бы новый маневръ, который, не стѣсняя меня въ чувствительности, далъ бы мнѣ возможность завѣрить своего читателя въ своей гражданственности, завѣрить его, что и «мы, дескать, пахали!..»

Маневръ, придуманный мною, очень простъ. Можно писать стихи по старой методѣ, т. е. ни о чемъ не думая, а увлекаясь одной мелодіей стиха; можно писать прежнюю сладенькую дичь, поставивъ однако своимъ условіемъ—въ концѣ стихотворенія такъ, ни съ того ни съ сего, вставить какую нибудь избитую фразу, ну хоть о погибающемъ братѣ, о бѣдности ближняго, о народныхъ силахъ и т. п.

Г. Фетъ началъ, хотя еще очень смутно, сознавать всю пользу такого маневра, и въ послѣдней своей «Мелодіи» тоже совершенно не кстати воскликнулъ:

Можно ли, другъ мой, вздыхать о *тяжелой кручинѣ?*
Какъ не забыть, хоть на время, *язвительныхъ терній!?*
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ.

Прочтя этотъ куплетъ, яснымъ дѣлается, что тутъ *тяжелая кручина* и *язвительныя терніи* вставлены больше для гражданскаго ка-

рактера и для смысла. Смысла тутъ нѣтъ никакого, потому что вѣдь нельзя же перестать вздыхать о кручинѣ, да еще тяжелой, нельзя же забыть терній, да еще язвительныхъ только оттого, что степныя травы сверкаютъ росой, а по небу плыветъ зеркальный мѣсяцъ. Повторяю, г. Фетъ еще только смутно предчувствуетъ возможность писать лирическіе стихи съ гражданской отрыжкой. Для поученія такихъ стихотворцевъ, я составлю особую статью или опытъ лирическихъ пѣсенъ съ гражданскимъ отливомъ. Чтобы ознакомить нѣсколько съ характеромъ ихъ, привожу здѣсь одну изъ такихъ пѣсенъ, положительно убѣжденный, что она вызоветъ много подражателей:

* * *

Лежу я на скошенномъ сѣнѣ,
Надрѣзавъ два спѣлыхъ арбуза,
Лежу я — и въ сладостной лѣни
Зову тебя, вѣрная муза.

* * *

Явись предо мной на полянѣ!
Мнѣ хочется пѣсенъ и ласки!
Такъ проситъ ребенокъ у няни
Любимой обѣщанной сказки.

* * *

Я счастливъ, и пѣсня готова
Въ мелодію звуковъ сложиться;
Но дума мелькнула — и снова
Вопросъ въ головѣ шевелится.

* * *

Зачѣмъ это южные штаты
Торгуютъ рабами до нынѣ?
О, гнусное рабство, когда ты
Угла не найдешь и въ пустынѣ?..

* * *

Говорятъ, что времена сверхъестественныхъ чудесъ прошли невозвратно и въ настоящее время сдѣлались принадлежностью одныхъ балетовъ и журнальнаго медіума «Странника», который подчуетъ своихъ читателей отъ времени до времени какимъ нибудь чудомъ. Послѣдней опорой для любителей всего необычайнаго остался извѣстный духовидецъ, г. Юмъ, который будто бы находится со всѣми духами въ самомъ близкомъ знакомствѣ.

Долго ничего не было слышно о мистерѣ Даніелѣ-Дугласѣ Юмѣ, и нѣкоторые даже предполагали, не унесъ ли его въ другой міръ какой нибудь знакомый ему Змѣй-Горынычъ. Вдругъ недавно появляется книжка Юма подъ названіемъ: «Révélations sur ma vie». Всѣ маловѣрующіе должны упасть ницъ предъ чудесами, разсказываемыми этой книжкой Съ первыхъ же ея страницъ, г. Юмъ вводитъ васъ въ какой-то таинственный міръ, въ тонѣ романовъ Анны Радклифъ. Онъ разсказываетъ напримѣръ, какъ однажды, на огромномъ разстояніи, онъ провидѣлъ смерть своего брата, замерзшаго среди полярныхъ льдовъ, во время своей охоты за медвѣдемъ. Вмѣстѣ съ капитаномъ и экипажемъ корабля, онъ пропалъ безъ вѣсти и только на другое утро послѣ охоты найденъ былъ провалившимся въ разсѣлину льдинъ. «Я видѣлъ всѣ подробности этой смерти въ то самое мгновеніе, какъ она случилась, говоритъ г. Юмъ: — и объявилъ о ней моему семейству за пять мѣсяцевъ до подтвержденія этого извѣстія офиціальнымъ путемъ».

Въ книгѣ г. Юма помѣщены протоколы свидѣтелей его таинственныхъ сеансовъ. Вотъ что передаетъ между прочимъ одинъ протоколъ:

«Вдругъ, къ удивленію всего общества, г. Юмъ былъ поднятъ на воздухъ. Я держалъ его руку въ своей и почувствовалъ такъ же, какъ и другіе, что его ноги поднялись на двѣнадцать дюймовъ отъ земли. Онъ дрожалъ съ головы до ногъ, очевидно волнуемый противоположными чувствами радости и страха, заглушившими его голосъ. Два раза ноги его поднимались съ полу; во второй разъ онъ достигъ потолка комнаты, о который его голова и рука тихонько стукнулись».

Прочтя этотъ разсказъ, я почувствовалъ горькое разочарованіе не столько въ г. Юмѣ, сколько въ духахъ. Вообще я имѣлъ лучшее понятіе о духахъ, и никакъ не могъ предполагать, что они для своихъ развлеченій станутъ поднимать человѣка къ потолку, а потомъ обратно опускать его на полъ. Такими гимназическими шалостями духи рѣшительно должны уронить себя въ общественномъ мнѣніи, и люди поневолѣ будутъ смотрѣть на нихъ презрительно, если они станутъ такъ дурно себя передъ ними зарекомендовывать.

Однако, какъ ни забавны отношенія безтѣлесныхъ шалуновъ, но г. Юмъ относится къ нимъ съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Вотъ что онъ разсказываетъ о своихъ ощущеніяхъ во время своихъ прогулокъ подъ потолкомъ комнатъ:

«Во время этихъ полетовъ или *левитацій*, говоритъ онъ: — я не чувствую въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ обыкновеннаго ощущенія, при-

чину котораго отношу къ избытку электричества въ ногахъ. Я не чувствую руки, которая меня поддерживаетъ, и, со времени моего перваго поднятія, я больше не ощущалъ ни малѣйшаго страха, хотя упавши съ потолковъ, къ которымъ поднимался, я не отдѣлался бы отъ сильныхъ ушибовъ.

«Обыкновенно я поднимаюсь перпендикулярно: руки мои вытянуты и подняты надъ головою, какъ будто бы онѣ старались схватить невидимое существо, тихо поднимающее меня отъ земли. Когда я касаюсь потолка, ноги мои приводятся въ горизонтальное положеніе съ головой, и я нахожусь какъ бы въ положеніи покоя. Часто я висѣлъ такимъ образомъ въ продолженіи 4 или 5 минутъ; примѣръ этому можно видѣть въ отчетѣ о сеансахъ, происходившихъ въ 1857 году въ одномъ замкѣ близъ Бордо. Только однажды такое поднятіе происходило днемъ: это было въ Америкѣ. Въ Лондонѣ, я былъ поднятъ однажды въ комнатѣ, освѣщенной четырьмя газовыми рожками и въ присутствіи пяти господъ, готовыхъ засвидѣтельствовать то, что они видѣли, не считая множества другихъ свидѣтельствъ, которыя я когда нибудь опубликую. Иногда руки мои получаютъ способность сгибаться, и я писалъ карандашемъ буквы и знаки на потолкѣ, существующіе и до сихъ поръ большей частью въ Лондонѣ».

Изъ этихъ признаній г. Юма мы видимъ, что современные духи свою застихійную силу выражаютъ только тѣмъ, что поднимаютъ медіума къ потолку и снова опускаютъ на землю.

Бѣдные духи! жалкіе духи!..

Нашъ Петербургъ пока еще пустъ, но уже начинаетъ, какъ женихъ, прихорашиваться, принаряжаться къ зимнему сезону. Домовладѣльцы въ своихъ опустѣвшихъ домахъ ждутъ новыхъ жильцовъ, магазины — покупателей, театры — новыхъ пьесъ, публика — новыхъ развлеченій. Загородныя гулянья, предчувствуя свой близкій конецъ, разряжаются блистательными бенефисами съ фейерверками и иллюминаціями. На Невѣ еще происходитъ гонка яликовъ. Дачники подумыва-

ютъ о переселеніи въ городъ. Къ числу городскихъ новостей принадлежитъ скорое открытіе поѣздовъ конно-желѣзной дороги по Невскому проспекту. Первый опытъ этихъ поѣздовъ былъ уже недавно сдѣланъ — и, говорятъ, удачно. Для бѣднаго городскаго населенія конно-желѣзная дорога, проходящая почти черезъ весь городъ, будетъ явленіемъ очень замѣтнымъ: за 5 к. с. можно будетъ, менѣе чѣмъ въ полчаса, проѣхать разстояніе отъ Николаевской желѣзной дороги до биржи. Вообще нужно замѣтить, что объ удобствахъ въ сообщеніяхъ для бѣдныхъ классовъ города у насъ очень мало думаютъ. Стоитъ только, напримѣръ, взглянуть на устройство вагоновъ Царскосельской желѣзной дороги. Первые два класса устроены какъ слѣдуетъ, зато помѣщеніе третьяго класса можетъ привести въ ужасъ самаго невзыскательнаго пассажира. Въ III классѣ употреблено все искусство, все стараніе, чтобъ оттолкнуть каждаго отъ желанія въ немъ ѣхать и заставить его сѣсть въ другіе высшіе классы. Публику сажаютъ въ послѣднемъ разрядѣ гуртомъ, такъ что нельзя пошевелить рукой или плечомъ. Обѣ стороны вагоновъ защищены отъ дождя и вѣтра завѣсами, сдѣланными изъ той самой изящной матеріи, изъ которой бѣдные бурлаки шьютъ свои кафтаны. Комфортъ, какъ видите, самый тонкій...

Градская дума въ послѣднее время выслушивала множество проэктовъ и предложеній, на которые только скептически качала головою. Недовѣріе ея къ нѣкоторымъ предложеніямъ впрочемъ совершенно понятно. Чтобы вы отвѣтили хоть на такой проектъ·

Однажды является въ думу нѣкто губернскій секретарь г. Андреевъ и предлагаетъ ей воспользоваться его новымъ изобрѣтеніемъ. Соболѣзнуя всѣмъ жителямъ Петербурга, неимѣющимъ права курить на улицахъ, г. Андреевъ придумалъ для этого особый клейменый мундштукъ. По его проекту, мундштукъ этотъ долженъ продаваться въ Думѣ по *три* р. с. Половина вырученной суммы идетъ въ пользу Думы, половина въ пользу губернскаго секретаря Андреева. Мундштуки эти покупаются только на одинъ годъ, а послѣ снова должны перемѣняться въ Думѣ.

Планъ губернскаго секретаря Андреева очень не дуренъ. Онъ задумалъ посадить все курящее населеніе столицы на оброкъ и получать съ него за свою выдумку изрядный ежегодный капиталъ. Въ Петербургѣ 500 тысячь жителей. Положимъ, что 100 тысячь изъ нихъ курящихъ, и положимъ наконецъ, что хоть 10.000 станетъ покупать ежегодно его мундштукъ. Такимъ образомъ, губернскій секретарь Ан-

древъ получалъ бы ежегодно по пятнадцати тысячь руб. сер. Очень остроумно!..

Предусмотрительный губернскій секретарь Андреевъ, имѣя въ виду то, что многіе стали бы ходить съ своими собственными мундштуками, придумалъ для этого случая особую мѣру. Онъ предлагаетъ поручить осмотръ за уличными куреньями членамъ градской полиціи, которые должны слѣдить за всѣми прохожими, неимѣющими въ зубахъ мундштуковъ новаго изобрѣтателя.

Благодаримъ покорно губернскаго секретаря г. Андреева! Его предложеніе совершенно измѣняетъ характеръ нашихъ уличныхъ прогулокъ. Идя по улицѣ съ сигарой и съ его мундштукомъ—мы имѣемъ въ виду на каждомъ перекресткѣ встрѣчу съ полицейскимъ, который будетъ залѣзать въ нашъ ротъ для осмотра роковаго мундштука г. Андреева. Едва ли даже самый отчаянный курильщикъ захотѣлъ бы купить право уличнаго куренья такой цѣной... Но увы! губернскій секретарь Андреевъ не будетъ получать 15,000 годоваго дохода,—не будетъ потому, что Дума не приняла его предложенія и рѣшительно не признала его остроумныхъ мундштуковъ.

Итакъ, въ то время, когда читатель будетъ читать мой «дневникъ», весь Петербургъ переберется на зимнія квартиры, и начнется новый сезонъ — сезонъ театровъ, баловъ, больницъ, маскерадовъ, аптекъ и докторовъ. Посѣщенія доктора такъ неизбѣжны для большинства петербуржцевъ, что многіе изъ нихъ служатъ и трудятся буквально только для содержанія своей семьи и... медиковъ. Петербургскій медикъ очень хорошо понимаетъ важность своей роли и отъ его небрежности и невниманія очень часто приходится страдать многимъ больнымъ, которые не имѣютъ средствъ за каждый рецептъ, имъ прописанный, платить по пяти — десяти цѣлковыхъ.

Прощаясь на этотъ разъ съ Петербургомъ, я не могу указать ни одну литературную новость, сколько нибудь выдающуюся. Такими новостями мы мало избалованы. Одно время прокричали о скоромъ выходѣ романа г. Писемскаго «Взболамученное море», и въ публикѣ его ждали. Романъ появился наконецъ въ печати: всѣ прочли три части этого романа и... и забыли о нихъ. «Взболамученное море» нисколько не взбаломутило русской публики, даже той публики, которая восторгалась «Княземъ Серебрянымъ». Въ романѣ этомъ только и можно остановиться съ изумленіемъ на нѣкоторыхъ сальностяхъ, хоть въ родѣ слѣдующей сцены:

— Вотъ какъ! сказала Софи (главная героиня) и выставилась въ окно подальше, чтобъ посмотрѣть, гдѣ именно гремитъ. *При этомъ грудь ея очутилась въ рукѣ Бакланова* (герой романа).

— А у тебя однако сердчишко порядочно бьется! сказалъ онъ, дотрогиваясь до того мѣста, гдѣ должно было быть у нея сердце.

— Еще бы! отвѣчала Софи, отодвигая его руку и вообще садясь попрямѣй.—А помнишь ли, ты меня все царицей Тамарой называлъ? прибавила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Да: «Прекрасна, какъ ангелъ небесный. какъ демонъ коварна и зла!» воскликнулъ Боклановъ

— А можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ такая, подхватила Софи лукаво.

— Ничего! Я готовъ хоть сейчасъ же купить цѣной жизни ночь твою... Софи отрицательно. покачала головой.

— Я не хочу того, отвѣчала она.

— А я хочу.

— Ни! возразила Софи по малороссійски.

Баклановъ схватилъ себя за голову,

— Ну что: ни! возразилъ онъ:—неужели тебѣ нужно это вѣнчаніе, чтобъ тамъ пѣли, вѣнцы надѣвали. Богъ и здѣсь насъ благословитъ.

— Это не Богъ, а лукавый бѣсенокъ! говорила Софи: — я хочу выдти за тебя чистою и непорочною, какъ дѣвушка. Вѣдь я почти-что дѣвушка!

— *Не нужно мнѣ этого. не надо!* воскликнулъ Баклановъ и, вскочивъ, схватилъ Софи въ объятія, и въ то время, какъ она слабо сопротивлялась, онъ целовалъ ее въ лицо, въ шею».

Пробѣгая подобную сцену, думаешь въ это время не о томъ, разумѣется, можно ли читать ее молоденькой дѣвушкѣ, а о томъ, можно ли ее кому либо читать безъ отвращенія. Отвращеніе это является въ читателѣ именно потому, что въ этой сценѣ онъ видитъ не правду жизни, которая отразилась въ произведеніи художника, а какое-то кокетство или самохвальство цинизмомъ и сальностью, невольно напоминающее ту «львиной породы самку», воспѣтую г. Вс. Крестовскимъ, которая нищему «подаянье грѣшнымъ тѣломъ подала». Это еще не удивительно, что г. Вс. Крестовскій дописался до такой мерзости, но г. Писемскій, дописавшійся до Вс. Крестовскаго — это все-таки неожиданность.

Я сказалъ, что литературными новостями мы бѣдны, и только развѣ можно указать на курьезную новость въ видѣ новой поэмы г. Ѳ. Глинки. Поэму эту, названную «Таинственной каплей», почтенный русскій стихотворецъ писалъ, кажется, лѣтъ сто или полтораста. Въ предисловіи къ этой поэмѣ, скромный авторъ говоритъ, что онъ не подражалъ Данту или Мильтону, но является ихъ самобытнымъ соперникомъ. О содержаніи самой поэмы я не говорю: подобныя пьесы

можетъ только вполнѣ оцѣнить и разобрать по достоинству одинъ Михаилъ Бурбоновъ.

Раза два случалось мнѣ въ своемъ «дневникѣ» упоминать о начальницѣ одного женскаго частнаго пансіона, о той самой, которая слово «географія» смѣшивала съ словомъ «орфографія». Эта самая начальница недавно праздновала двадцатилѣтіе своего управленія пансіономъ. Дожидалась она этого торжества съ немалымъ трепетомъ. Сознавая всю важность услугъ, оказанныхъ ею отечеству, для котораго она воспитывала нѣсколько поколѣній гражданокъ, переродившихся послѣ въ дохленькихъ петербургскихъ барышень, начальница эта вообразила, что отечество не оставитъ ее безъ награды. Двадцать пять лѣтъ занимаясь уничтоженіемъ здраваго смысла въ головахъ забитыхъ воспитанницъ дѣвушекъ, она, дожидаясь своего юбилея, была увѣрена, что съ ней случится что-то необыкновенное! Необыкновенное *что-то*, дѣйствительно, случилось, но только съ ней самой. Съ ней случилось то же самое, что съ гоголевскимъ сумасшедшимъ, вообразившимъ, что онъ Фердинандъ VIII, король испанскій. Разница межь ними только та, что гоголевскій герой былъ уже увѣренъ, что онъ король, а наша начальница была увѣрена, что она въ день своего юбилея непремѣнно сдѣлается графиней и получитъ *ленту черезъ плечо*. Въ этомъ она положительно увѣряла своихъ приближенныхъ...

Тѣ качали головой.

— Что жъ, вы не вѣрите мнѣ? величественно спрашивала начальница.—Какое же тутъ диво, если я получу ленту черезъ плечо?..

— Но вѣдь не было примѣровъ, чтобъ обыкновеннымъ смертнымъ женскаго пола давались такія награды?

— Какъ не было? А Дашкова?

Противъ этого возражать было уже невозможно.

Наконецъ приходитъ и давно ожидаемый день юбилея, но увы! раззудившееся плечо новой Дашковой такъ и осталось безъ ленты. Зато, каждый классъ ея пансіона явился съ подарками (разумѣется съ цѣнными); большинство ученицъ поднесло ей по букету, въ двадцать пять

розъ каждый, и при этомъ произносили стихи домашняго приготовленія, съ слѣдующимъ милымъ сближеніемъ:

Когда бъ я розаномъ была,
Я бъ на окнѣ твоемъ цвѣла,
И двадцать пять душистыхъ розъ
Сегодня бъ стебель мой принесъ. . и т. п.

Педагогъ изъ французовъ привѣтствовалъ юбиляторшу восторженной рѣчью, въ которой сравнилъ ее чуть-ли не со всѣми замѣчательными женщинами, даже и съ такими, репутація которыхъ довольно подозрительна.

Начальница была весела и довольна, но

Дума тайная сурово
Язвила славное чело!

Лента черезъ плечо — оказалась несбыточной мечтой стараго воображенія.

Какъ хороша жизнь въ подобныхъ закрытыхъ (женскихъ) частныхъ пансіонахъ, можно судить по слѣдующей характеристической чертѣ. Одной изъ воспитанницъ подобнаго пансіона случилось однажды подъ страшнымъ секретомъ прочесть «Записки изъ мертваго дома». По прочтеніи книги, первое слово, которое у ней вырвалось, было:

— Ахъ, какъ это похоже на нашъ пансіонъ! точно какъ у насъ...

Такое искреннее, нечаянно слетѣвшее восклицаніе, не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

Двери такого пансіона, его внутреннюю жизнь, каждый шагъ и движеніе его обитательницъ стерегутъ недремлющіе аргусы и въ этихъ «мертвыхъ домахъ» гибнетъ жертвою татарскаго воспитанія не одинъ десятокъ молодыхъ русскихъ гражданокъ.

Заглянемъ въ одинъ изъ такихъ пріютовъ и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Въ этомъ частномъ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ, си-

дящихъ на цѣпи тюремнаго заключенія и моднаго муштрованія, существуютъ тѣ же строгія «правила жизни», какъ и во всѣхъ подобныхъ пансіонахъ. Дѣвочка, просидѣвшая пять-шесть лѣтъ въ подобномъ исправительномъ заведеніи, наконецъ обращается въ тѣхъ невыносимо-скучныхъ, несчастныхъ барышень, которыми наполнены наши гостиныя. Но въ семьѣ не безъ урода. Изъ пансіона, о которомъ идетъ рѣчь, вышло нѣсколько пансіонерокъ и, погрузившись въ житейское море, скоро сдѣлались (о, ужасъ!) нигилистками.

Евнухи, стерегущіе этотъ пансіонъ, узнали о такомъ чудовищномъ перерожденіи своихъ бывшихъ питомокъ и пришли въ неописанное негодованіе. Бо̀льшаго оскорбленія для себя они не могли представить.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не волноваться: воспитанницы той школы, гдѣ проповѣдывалось добродѣтельное смиреніе, доходящее до тупости, сдѣлались нигилистками! Стыдъ, позоръ!!. Что же оставалось дѣлать начальству пансіона? Отступницы нигилистки, оставившія давно пансіонъ, не принадлежатъ уже болѣе ихъ суду, и слѣдовательно съ ними уже ничего не подѣлаешь. Оставалось только поскорѣе принять мѣры, чтобъ заразительная струя нигилизма не проникла въ самое училище и не испортила нравовъ оставшихся въ немъ воспитанницъ.

Въ пансіонѣ сдѣлался переполохъ и сумятица. Пріѣзжаетъ главная покровительница заведенія и, обходя всѣ классы, обращается къ слушательницамъ съ такою вразумительною рѣчью:

— Прежде всего вы должны воспитывать *это* (прикладываетъ руку къ правой сторонѣ груди, въ которой, по ея соображенію, находилось сердце), а потомъ ужь *то* (указываетъ на голову).

Рѣчь ея принесла достодолжные результаты: въ пансіонѣ появились такія новыя правила:

1) Всѣ журналы свѣтскаго содержанія изъ пансіона изгоняются съ позоромъ, и читать ихъ дѣвицамъ совершенно воспрещается.

2) Для назидательнаго чтенія ученицъ разрѣшаются только тѣ книги, которыя пропускаются мѣстною цензурою, т. е. учителями словесности.

3) По окончаніи классныхъ занятій, ученицы ни подъ какимъ предлогомъ не должны разговаривать съ учителями; (ибо—кто ручается — что между ними нѣтъ нигилистовъ). Дѣвица, нарушившая это правило, должна будетъ публично просить у учителя прощенія *на колѣняхъ*.

Нелѣпость и гнусность этого послѣдняго правила особенно поразила воспитанницъ, которыя теперь, только при одномъ видѣ своихъ учителей, съ ужасомъ разбѣгаются въ разныя стороны.

Отличное правило и, главное, многоспособствующее къ сближенію учащихся съ учащими!..

Тотъ же самый пансіонъ богатъ и другими курьезами. Лечитъ тамъ одинъ постоянный докторъ, котораго дѣвицы прозвали почему-то — «Экой какой!» Узналъ, напримѣръ, этотъ врачъ, что нѣкоторыя изъ воспитанницъ подвержены одной постоянной привычкѣ, происходящей единственно отъ болѣзненнаго состоянія. Чтобъ изгнать изъ пансіона эту болѣзнь, «Экой какой!» прибѣгнулъ сначала къ медицинскимъ средствамъ; но такъ какъ съ медициной онъ жилъ не очень въ ладу, то его средства не принесли никакой пользы.

И вотъ онъ придумалъ новую мѣру, болѣе радикальную, во вкусѣ профессора Юркевича.

Получивъ разрѣшеніе начальницы, онъ началъ *сѣчь собственноручно* больныхъ ученицъ, произнося въ это время разныя причитанія и заклинанія.

Такимъ образомъ, извѣстно, что онъ, втеченіи пяти лѣтъ *пользовалъ розгами* восемь дѣвицъ, въ числѣ которыхъ была одна шестнадцатилѣтняя (?!!)

До одного отца дошелъ слухъ, что такимъ точно лекарствомъ пользовали и его дочь, находящуюся въ пансіонѣ,—онъ обратился къ начальницѣ съ вопросомъ:

— Неужели вы сѣчете своихъ воспитанницъ?

— Нашъ докторъ допускаетъ розги, какъ крайнее исправительное средство,—а потому я ему не мѣшаю...

Отецъ съ гнѣвомъ взялъ дочь свою обратно изъ этого пансіона, а «Экой какой!» продолжаетъ сѣчь больныхъ барышенъ!..

Однажды — все въ томъ же пансіонѣ — заболѣла начальница разстройствомъ нервомъ (разстройствомъ умственныхъ способностей она уже давно страдала). Чтобы ее не безпокоилъ шумъ, она издала ноту, вслѣдствіе которой дѣвицы должны были три дня *не говорить ни слова*.

Нота была приведена въ исполненіе — и пансіонерки были принуждены на тридня потерять даръ слова. Преступившихъ этотъ законъ подвергали аресту и другимъ наказаніямъ.

Кромѣ разныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ наказаній, налагаемыхъ на воспитанницъ за ихъ вины и проступки, тамъ существуетъ еще одно наказаніе, con amore—наказаніе подъ видомъ денежнаго налога. Денежные налоги всегда устраиваются съ благотворительной

цѣлью, въ родѣ подарковъ класснымъ дамамъ. Такъ недавно, въ день юбилея одной престарѣлой классной дамы, начальница подарила ей *отъ себя* дорогой сервизъ. Такъ какъ этотъ подарокъ она дѣлала отъ своего лица, то всѣ думали, что налогу на этотъ разъ не будетъ. Но вотъ на другой день, начальница, обходя классы, объявила, что подаренный ею сервизъ стоитъ 25 р. с., а потому эти деньги должны быть собраны съ дѣвицъ.

Сборъ былъ устроенъ и собранныя деньги переданы находчивой начальницѣ Вотъ въ какихъ вертепахъ получаютъ свое образованіе русскія женщины!..

Гуманность у насъ—птица рѣдкая, заморская: ее рѣдко, почти никогда не встрѣтишь тамъ, гдѣ слѣдовало бы встрѣтить; за то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ казалось бы она совершенно невозможною, вы, паче чаянія, съ нею встрѣтитесь. Напримѣръ, въ воткинскомъ заводѣ, 6-го мая, открыто было заводское волостное правленіе. Гуманность свою волостное правленіе проявило въ первомъ же своемъ рѣшеніи, и вотъ по какому случаю: вдова мастерового Мавра Маіорова, 8-го мая, съ посторонней 12-ти-лѣтней дѣвочкой вышла въ поле за коровами. Въ то время, какъ они проходили около казенныхъ дровяныхъ сушилъ, работавшій тамъ сельскій обыватель Баклушинъ схватилъ ее, и съ помощью обывателя же Чуракова, втащивъ въ сушила, тамъ *изнасиловалъ*, и потомъ отпустилъ. Отецъ Мавры подалъ жалобу въ судъ. Судъ приговорилъ (слушайте!): взыскать съ обывателей въ пользу Мавры съ перваго *семь рублей*, а со второго *три рубля*. («Голосъ» № 159).

Итакъ, подобная забава стоитъ *только* семь рублей серебромъ!! Такое гуманное наказаніе едва ли можетъ запугать разныхъ охотниковъ до сильныхъ ощущеній, которыя покупаются такою дешевой цѣной, цѣной ласкъ посѣтительницъ излеровск аго воксала. Чтожъ мол-

читъ въ этомъ случаѣ цѣломудренная и православная «Домашняя Бесѣда»? Чтожъ молчитъ достославный, газетный великомученникъ В. И. Аскоченскій?

Я уже хотѣлъ окончить свои бесѣды съ читателемъ, но... но у меня явилась одна новая фантазія. Мнѣ приходитъ иногда страшная охота взять какое-нибудь извѣстное литературное произведеніе изъ русскихъ авторовъ и продолжать его, подобно тѣмъ чудакамъ, которые написали отъ себя продолженіе «Мертвыхъ душъ» Гоголя и «Сказки для дѣтей» Лермонтова. Точно такая же фантазія пришла мнѣ и теперь въ голову, и я хочу сдѣлать опытъ продолженія романа «Бѣглые воротились» (авторъ «Бѣглые въ Новороссіи»). Впрочемъ, я собственно хочу не продолжать этотъ романъ, но написать одинъ эпизодъ въ томъ же родѣ, какъ многіе отдѣльные эпизоды въ произведеніи г. Скавронскаго. И такъ — спросъ не бѣда, попытка не шутка,—попробую.

Назову свой фантастическій эпизодъ хоть:

ПРИВОЛЬНОЕ ЖИТЬЕ.

(Изъ разсказовъ стараго дворецкаго).

(*Посв. г. Скавронскому*).

Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ и барская любовь.

А. Грибоѣдовъ.

— Наслышался я, что баринъ-то мой у васъ книжки разныя пописываетъ?

— Да, пописываетъ...

— Лазоря, говорятъ, поетъ, надъ мужицкой долей слезами надрывается? Правое это слово или нѣтъ?

— Чтожъ ты, старикъ, развѣ не вѣришь, что твой баринъ за мужицкое добро стоитъ?

— Стоитъ-то онъ точно, сударь, стоитъ, да вѣдь писать-то все можно, — чужая душа потемки...

— Послушай, старикъ, а за что ты на него жалобу подалъ?.. Разскажи-ка...

— Да что разсказывать,— отъ моей сказки не повеселѣетъ, а жалобу я подалъ — не скрываюсь...

— Чтожъ онъ съ тобой сдѣлалъ?

— Что? издалека приходится начинать... Хотите слушать, такъ пожалуй разскажу. Вотъ какъ это было дѣло. Уѣзжалъ баринъ мой Петръ Григорьевичъ заграницу и поручилъ мнѣ въ тѣ поры имѣніемъ безъ него управлять, полную довѣренность далъ на это... Я у него въ имѣніи и за прикащика и за писаря остался, да и домъ поручилъ мнѣ присматривать. Къ дому приставлены были также двѣ женщины—отапливать его и чистоту соблюдать. Имъ и мнѣ ключи отъ разныхъ вещей дали и наказывали ихъ никому не давать, даже старой барынѣ не велѣли о нихъ заикаться, что ключи дескать тебѣ оставили... Ну, уѣхали они въ чужія строны. Въ тѣ поры получилъ я отъ старой барыни письмо, чтобъ безпремѣнно къ пріѣзду барина домъ ощукатуренъ былъ... Принялся я за работу, начали домъ красить и внутри ломка началась: поэтому нужно было изъ дому вещи выносить. На ту пору случилась со мной бѣда: лошадь мнѣ ногу перешибла. Слегъ я въ постель, а вещи изъ дому переносили и убирали безъ меня приставленныя туда бабы.

Пріѣзжаетъ баринъ и многихъ вещей не находитъ, тамъ салфетокъ разныхъ да скатертей, да ложекъ чайныхъ. Прямо опрокинулся на меня: — ты, дескать, укралъ, разбойникъ! Потянули меня въ судъ, допросы стали дѣлать и на очную ставку съ бабами сводили — да все понапрасну, потому что уликъ противъ меня никакихъ найти не могли. Тянулось это слѣдствіе четыре мѣсяца и въ это время Петръ Григорьевичъ со всѣмъ раззорилъ меня — все хозяйство отобралъ, двухъ коровъ съ телками отнялъ, даже бредень и доск сосновыя взялъ себѣ. Потомъ далъ мнѣ баринъ паспортъ на шесть мѣсяцевъ, чтобъ я мастерствомъ занимался, а я никакому мастерству не учился, только и умѣю холсты ткать. Тяжелое было время! не легко было большую семью прокормить. . Нанялъ я себѣ тѣмъ временемъ уголъ въ селѣ Покровскомъ,

уставилъ ткацкій станъ и началъ крестьянскіе холсты ткать. Провѣдалъ объ этомъ баринъ, что я въ его Покровскомъ живу. Позвали меня къ господамъ. Встрѣтили они меня такой лаской: велели людямъ пару экипажныхъ лошадей привести, а мнѣ велели закинуть веревку на шею и оба канца веревки къ лошадямъ подвязать. Погнали лошадей, я думалъ— мнѣ шею совсѣмъ свернутъ. Лошади пробѣжали нѣсколько саженъ по селу и меня волокли за собою, а потомъ, когда они остановились, приказали господа бить меня дубинами. Какъ ужъ я тутъ живъ остался— Богъ знаетъ! Тутъ господа велели меня изъ ихъ села выгнать, а кто, дескать, его къ себѣ пуститъ, въ острогъ отдадимъ... Послѣ такой потасовки я сильно заболѣлъ и восемь недѣль спины разогнуть не могъ... Хорошо еше добрые люди пріютъ дали

Когда я оправился, баринъ призвалъ меня къ себѣ, далъ мнѣ годовой паспортъ и прогналъ на всѣ четыре стороны, чтобы я и семьи своей не смѣлъ видѣть; а на дорогу—чтобъ помнилъ видно—поколотилъ меня изъ собственныхъ ручекъ... Вотъ оно каково житье мое!..

Такъ онъ у васъ книжки сочиняетъ теперь, въ которыхъ нашего брата крестьянина участь горькую описываетъ? Такъ, такъ,—ему ли не знать нашу горькую участь... А вотъ поди только — чай о старикѣ Ефимѣ ничего не написалъ, какова его доля была мужицкая!.. Забылъ, видно?..

Перенесемся теперь въ провинцію, пожалуй хоть въ Москву (неужели Москва не та же провинція?). Въ Москвѣ... Но на этотъ разъ оставляю собственныя свои размышленія, и приведу отрывокъ изъ одного письма о бѣлокаменной. Такъ какъ это письмо никто еще, кромѣ меня, не читалъ, то я нахожу не безъинтереснымъ сдѣлать изъ него выдержки, хотя не ручаюсь, впрочемъ, за полное безпристрастіе автора этого письма, потому что онъ отчасти самъ москвичъ, а какъ извѣстно:

Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое...

Вотъ о чемъ гласитъ между прочимъ это письмо:

«...Вы спрашиваете меня, что̀ новаго въ Москвѣ?—Новый вопросъ! Въ Москвѣ нашей старо, начиная съ ветхости Сухаревой Башни и кончая ветхостью московскихъ публицистовъ,—до того все старо, что поневолѣ должно все казаться новымъ. Въ Москвѣ живутъ только одни «отцы» и... неродившіяся «дѣти», воспитаніемъ которыхъ такъ

блистательно занялся г. Пр. Преображенскій, но «дѣти» уже родившіеся изъ Москвы тотчасъ выбываютъ.—У васъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ существуетъ отдѣлъ подъ рубрикой: «что дѣлается въ Петербургѣ?» Въ Москвѣ такого отдѣла быть не можетъ, потому что тамъ ничего не дѣлается. Въ настоящее время московскіе умы сильно взволнованы. Москва два рава пугалась. Первый ея испугъ произошелъ отъ постройки московско-петербурской желѣзной дороги; теперь Москва перепугана севастопольской желѣзной дороги. Оно понятно почему: наши московскіе умы привыкли ѣздить *на долгихъ*, на подволахъ; мы не любимъ западной быстроты въ переѣздахъ и считая Москву за сердце Россіи, желаемъ, чтобъ сердце было какъ можно дальше отъ головы, а тутъ, вы сами посудите, эти проклятыя желѣзныя дороги!.. Москва до сихъ поръ осталась вѣрна своей ненависти ко всякимъ нововведеніямъ. Укажу на нѣсколько примѣровъ.

«Не смотря на то, что Москва разбросалась на огромное разстояніе, она не хочетъ заводить общественныхъ каретъ или дилижансовъ. Откройте для опыта поѣздъ такихъ дилижансовъ, ходящихъ хоть въ Сокольники,—и москвичъ за стыдъ сочтетъ помѣститься въ такую карету, и лучше найметъ за два рубля извощика, промокнетъ подъ дождемъ, но въ дилижансъ не сядетъ. Московскій домовладѣлецъ начнетъ строить домъ и не подумаетъ о внутреннихъ удобствахъ своихъ квартиръ; но если захочетъ форсу задать, татарской роскошью поразить, то выстроитъ огромный каменный сарай, у котораго (это, замѣтьте, фактъ!) весь передній фасъ нижняго этажа, вмѣсто штукатурки, покрытъ одними зеркалами. По московскимъ улицамъ, какъ по улицамъ Константинополя, бѣгаютъ цѣлыя орды собакъ, но москвичи о намордникахъ даже не подумаютъ. (Въ Петербургѣ объ этомъ, по крайней мѣрѣ, хоть поговорили, «вопросъ поднимали»). Вы писали мнѣ какъ-то, что дамы города Павловска ходятъ въ лѣсъ съ карзинками и ищутъ въ травѣ грибовъ, смотря черезъ золотые лорнеты. Въ Москвѣ же этого не водится: здѣсь мнѣ и въ театрахъ случалось видѣть многихъ дамъ, которыя и въ бинокль смотрѣть не умѣютъ. А какъ былъ встрѣченъ въ нашей мало дѣйствующей, но вѣчно дѣвствующей Москвѣ, вашъ разнузданный канканъ? Въ саду Сакса французскіе пѣвцы и артисты, вздумавшіе канканировать передъ здѣшней публикой, были встрѣчены шиканьемъ, свистомъ и нѣжнымъ восклицаніемъ:

— Cochons que vous êtes, francais, de danser ainsi.

Вотъ каковы мы москвичи! О писателяхъ же московскихъ я и упоминать не хочу,—укажу только на замѣчательное свойство одного изъ нихъ, свойство, открытое московскимъ же критикомъ г. Ап. Григорьевымъ. Разбирая послѣднiй романъ г. Писемскаго, А. Григорьевъ открылъ, что *«талантливый беллетристъ носомъ* (?!) *почуялъ то, что носилось въ воздухѣ, т. е. реакцiю»*. Сообразите же теперь, каковы должны быть московскiе писатели, когда одни ихъ носа производятъ такiя удивительныя открытiя! Москвичи ждутъ теперь, что господинъ А. Григорьевъ ознакомитъ ихъ подробнѣй съ тайной этого свойства въ новой статьѣ своей подъ названiемъ: *«Разсужденiе о носѣ г. Писемскаго»*... Повторяю опять: вотъ каковы мы, москвичи!...»

Далѣе не нахожу нужнымъ дѣлать выписокъ изъ московскаго письма. Одинъ г. А. Григорьевъ, созерцающiй носъ г. Писемскаго, стоитъ сотни разсказовъ о московской жизни...

Теперь изъ сверхштатной столицы перенесемся въ столицу заштатную—именно въ Кiевъ. Ни одинъ русскiй городъ не наводитъ на такiя размышленiя о «почвѣ», какъ

Сей пращуръ русскихъ городовъ.

Только Кiевъ можетъ навести насъ на мысль, что каждый городъ имѣетъ свою особую почву, свою характерную физiономiю. Посмотрите, какова кiевская почва. Эта почва дала намъ философiю г. Юркевича, блестки и изгарь В. И Аскоченскаго и «Кiевскiй телеграфъ» Фонъ-Юнка. Кромѣ этихъ славныхъ дѣятелей, въ Кiевѣ существуетъ нѣкто г. Говорскiй, издающiй «Вѣстникъ Югозападной Россiи». Еслибъ г. Говорскiй жилъ и издавалъ свой «Вѣстникъ» въ Кiевѣ при Владимирѣ—

Красное Солнышко, то и тогда бы онъ поразилъ кіевлянъ своей отсталостью и журнальнымъ самодурствомъ. Индійцы имѣютъ напримѣръ привычку плясать на могилахъ своихъ недруговъ. Г. Говорскій пошелъ еще дальше ихъ: онъ любитъ предаваться кощунству и брани надъ могилами честныхъ и даровитыхъ людей. Такъ въ этомъ «Вѣстникѣ» была помѣщена статья «Эпизодъ изъ жизни Шевченка» г. П. М—са. Стараясь убѣдить читателей въ томъ, что Шевченко былъ *пьяница*, вотъ что между прочимъ говоритъ кіевскій біографъ знаменитаго малороссійскаго поэта:

«Не даромъ говоритъ пословица: *съ хама не будетъ пана*. Физіологія человѣка очень сходна съ физіологіей лошади: порода много значитъ. Пусть вамъ представятъ лошадь чистой арабской породы, съ значительными недостатками (пороками, какъ говорятъ гиппологи) — и, не смотря на нихъ, вы заплатите за эту лошадь, разумѣется если вы въ состояніи, нѣсколько тысячъ рублей; возьмите же лошадь тамбовской породы — сильную, здоровую, правильную во всѣхъ статьяхъ: за нее не дадутъ болѣе двухсотъ рублей. Такъ и человѣкъ: чѣмъ выше онъ рожденъ, тѣмъ благороднѣй въ немъ чувства. *Дайте какое хотите воспитаніе мужику, онъ будетъ ученъ, даже уменъ и образованъ; но найдете ли вы въ немъ ту деликатность чувствъ, которая присуща дворянству? Оно получаетъ это качество души по наслѣдству. Только въ третьемъ, много во второмъ поколѣніи можно ожидать отъ образованнаго мужика развитія чувства деликатности*».

Выходка кіевскаго сочинителя изъ дворянъ была бы очень гнусна, еслибъ не была прежде всего смѣшна. Вникнемъ въ смыслъ его басни. Басня эта разсказываетъ слѣдующее:

Продаютъ двухъ лошадей. Одна—арабской крови и съ недостатками, другая—тамбовской крови и безъ недостатковъ. Обѣ лошади продались: за первую дали 3 или 4 тысячи, за вторую—200 р.

Мораль этой басни: съ хама не будетъ пана. Выводъ этотъ тѣмъ милѣй, чѣмъ онъ неожиданнѣй. Ай, да кіевская логика!.. Ай, да статейка, написанная по вольности дворянства... Жаль, что мы не знаемъ имени и фамиліи вашей, г. П. М—съ, весьма жаль! Ужъ очень намъ, сударь, ваши деликатныя чувства понравились!.. Басенки

вашей мы, сударь, также незабудемъ, какъ восклицаніе одного умоповрежденнаго писаря, который постоянно вскрикивалъ, сидя въ смирительной рубашкѣ:

— «Земля вертится, солнце стоитъ, слѣдовательно — письмоводитель скотина»!

СОДЕРЖАНІЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политика.

Теченіе французской исторіи уподобляется теченію рѣки Роны. — Что такое всеобщая подача голосовъ второй имперіи? — Старое и новое поколѣніе Франціи. — Выборы депутатовъ и зависимость ихъ отъ правительства. — Невозможность оппозиціи въ французской палатѣ. — Пять независимыхъ депутатовъ еще не составляютъ дѣйствительной оппозиціи. — Политика Наполеона III; внѣшняя и внутренняя сторона ея или соединеніе въ одномъ лицѣ Макіавелли и Наполеона I. — Спекуляція дижонскихъ монаховъ чудесами. — Замѣненіе вольтеровскаго кресла въ французской академіи господиномъ Карне вмѣсто г. Литре.

Домашняя лѣтопись.

Застой въ производительности нашего народнаго труда.—Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1863 годъ.—Относительная льготность или обременительность народныхъ податей, по сравненію русскаго государственнаго бюджета съ англійскимъ. Статья нѣкоего моряка, перепечатанная во «Времени» подъ заглавіемъ: «Нуженъ ли намъ флотъ?»—Курьезныя доказательства, приведенныя г. морякомъ въ подтвержденіе необходимости флота.—Что нужно для нормальнаго развитія морскихъ силъ, и чего недостаетъ у насъ для этого развитія?—Проектъ объ устройствѣ «Учительскихъ Институтовъ.»—Мнѣнія нашихъ педагоговъ о народномъ образованіи по поводу этого проекта.—Спартанскій коммунизмъ костромского епископа Платона.—Могутъ ли «Учительскіе Институты» приготовить учителей для народа?»—И есть ли дѣйствительная потребность въ этихъ институтахъ? — Кто долженъ оплачивать народное образованіе—государство или общество.

Дневникъ темнаго человѣка.

Наступленіе петербургской весны. — Контрабанда или невское солнце. — Наша флора и русскіе пѣвцы, ей измѣнившіе. — Слухъ о новой весенней серенадѣ г. Щербины. — «Русскій Вѣстникъ», какъ богадѣльня для престарѣлыхъ вдовъ и литературныхъ содержанокъ. — «Мрачная элегія», посвященная русскимъ поэтамъ. — Нѣчто о шляпкахъ и о женской эмансипаціи.—Моя весенняя пѣсня о дѣйствіяхъ правленія Общества царскосельской желѣзной дороги. — Система «глазомѣра», введенная правленіемъ общества. — Годовое собраніе общества и польза протестовъ. — Г. Очкинъ, уступающій свое директорское кресло дамѣ. — «Два хора» — акціонерная пѣсня. — Родословная русскаго прогресса. — Сюжеты изъ міра фантазіи — Дмит. Бенардаки и его управляющій. — Весенніе пророческіе сны. — «Голосъ» и его мнѣніе о личномъ оскорбленіи. — Пензенскіе жандармы. — Нѣсколько экземпляровъ изъ міра педагоговъ. — Г. Дмитрій Соболевскій начинаетъ исправляться. — Симбирская полиція. — Канцелярская разсѣянность. — Революція почтоваго чиновника.

СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефренъ.

Францiя: Продолженіе выборовъ во Франціи. — Недовѣріе императорскаго правительства къ свободнымъ выборамъ націи — Взглядъ буржуазіи на современное состояніе дѣлъ. — Нѣтъ свободы, но много порядка. — Мнѣніе г. Геру, выражающее мнѣніе большинства французскаго общества.— Австрiя: Послѣднія реформы ея. — Признаніе голштинскаго герцогства независимымъ, и отношеніе Даніи къ Германіи. — Пруссiя: Закрытіе парламента и дальнѣйшее поведеніе правительства въ отношеніи народа. — Друзья короля — первые его недруги. — Воинственный азартъ консервативной прусской партіи. — Англiя: Смерть военнаго секретаря Корнваля Льюиса. — Поведеніе англійской аристократіи въ американскомъ вопросѣ.

Домашняя лѣтопись.

Нѣсколько словъ по поводу указа 17-го апрѣля. — Урокъ любителямъ розогъ и тѣлесныхъ истязаній вообще. — Услуги современной филантропіи. — Ея лицемѣріе и несостоятельность. — Она можетъ только развить нищету, а не искоренить ее. — Примѣръ Англіи, гдѣ филантропія достигла крайняго предѣла безсилія и поощряетъ одно лишь преступленіе — Число преступленій въ Россіи. — Воровство — слѣдствіе нищеты. — Нелѣпости экономистовъ-англомановъ. — Непростительная шалость г. Бабста — Зловоніе Петербурга и вновь открытый способъ уничтожать его. — Настоящая причина зловонія — наше невѣжество. — Послѣднія новости.

Дневникъ темнаго человѣка.

Бѣлыя финскія ночи и ихъ пѣвцы.— Итальянскія ночи, созданныя для любовниковъ, а невскія—для городовыхъ.— Афоризмъ М. Бурбонова.— Петербургъ лѣтомъ.—Лѣса, выросшіе на улицахъ.—Разрушенныя улицы.— Участь бѣдныхъ городскихъ дѣтей. — Городъ, построенный для однихъ подагрическихъ старцевъ.— Городскіе сады.— Проэктъ г. Альварда объ устройствѣ публичныхъ садовъ, и Дума, отвергающая этотъ проэктъ.— Русская жизнь и судьба русскихъ женщинъ.— Прогулка съ моими читательницами —Общество въ вагонѣ царскосельской желѣзной дороги. — Отголоски общественнаго мнѣнія — Нѣчто о *павловскомъ* журналѣ и *павловскомъ* воксалѣ. — Публика *слушающая* и *подслушивающая* Іоганна Страуса.—*Преданіе объ И. И. Излерѣ*, лѣтняя пѣсня. —«Минеральныя Воды» и ихъ увеселительные вечера.—Прежняя *Ассамблея*—теперешній *Хуторокъ*.— Гулянья на островѣ *Тиволи*.— Безопасныя прогулки по Невѣ.— *Сватьба*, сцена въ стихахъ (съ натуры).— Петербургскія сомнамбулистки.— Мой первый визитъ къ ясновидящей.— Сеансъ первый.— Провинціальныя извѣстія — Цѣломудренный педагогъ въ юбкѣ— Библія, какъ безнравственная книга для дѣтей.— Безгрѣшная классная дама —Городской голова въ училищѣ. — Псковское уѣздное училище и его обстановка.— Тамбовскій помѣщикъ и итальянка.—Сибирскій голодъ.— Для чего существуетъ въ Самарѣ общественный банкъ?— Самарскіе славянофилы обоего пола.— Мундиръ, дающій самостоятельность.—Госпиталь на Кавказѣ.— Поголовное свидѣтельство женщинъ.— Взятка новаго рода.

СОДЕРЖАНІЕ ІЮНЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣние.

Политика. Жакъ Лефрень.

Плачевный и въ то же время радостный финалъ французскихъ выборовъ. — *Національный историкъ* Тьеръ отвергнутъ, какъ императорскій присяжный.— Государственная мудрость г. Персиньи въ этомъ дѣлѣ. — Вмѣшательство полиціи въ назначеніе кандидатовъ. — Подлоги именъ въ спискахъ выборныхъ. — Чего желаетъ французское правительство и чего хочетъ парижская публика? — Назидательный выводъ изъ настоящихъ выборовъ Франціи — Процессъ Фаусти въ Римѣ. — Католическіе ирландцы передъ судомъ протестантскихъ англичанъ — Обвиненіе епископа Каленсо за неумѣстное толкованіе библіи. — Кризисъ Пруссіи и послѣдніе симптомы американской войны

Домашняя лѣтопись.

Проектъ новаго устава о книгопечатаніи.—Необходимость возможно-большаго простора для литературной дѣятельности.—Мнѣніе коммиссіи объ административныхъ взысканіяхъ за проступки противъ печати.—Можно ли закономъ опредѣлить всѣ случаи проступленій по книгопечатанью?—Залоги по періодическимъ изданіямъ.—Какъ способно отнестись общество къ новому уставу?—Старая пѣсня о нашей самодѣятельности.—Пермское юридическое общество.—Необходимость подобныхъ обществъ и въ другихъ случаяхъ.— Басня «лебедя, рака и щуки» въ нашихъ общественныхъ предпріятіяхъ.— Таже басня въ примѣненіи къ литературному фонду.—Близкая кончина его.

Дневникъ темнаго человѣка.

Роковое вліяніе лѣтнихъ мѣсяцовъ на русскую журналистику. — Рядъ весьма любопытныхъ явленій. — Самобичеваніе А. Григорьева, истерика Е. Туръ и бѣгство Г. И. Кори. — Существовалъ ли когда нибудь Громека или являлось намъ одно привидѣніе въ его образѣ?—Галлюцинація Отечественныхъ Записокъ. — «Таинственное видѣніе А. А. Краевскаго» — Сцена въ стихахъ.—Крѣпостная муза г. Фета въ новомъ нарядѣ.—Разсужденіе о томъ, что его прежнія лирическія пѣсни были рядъ восторженныхъ гимновъ крѣпостному праву.—Его новыя пѣсни въ прозѣ и плачъ о пропавшихъ одинадцати цѣлковыхъ.—Шесть гусенятъ, вооружившихъ г. Фета противъ русской литературы.—Выдуманные имъ штрафы.—Пѣсни во вкусѣ *новаго* Фета.— Греческій поэтъ Щербина въ обществѣ Бурачка и Аскоченскаго. — Брошюра г. Щербины о томъ, что наставниками народа должны быть пономари и дьячки, и о томъ, что наставники должны непремѣнно постомъ ѣсть постное и отрицать мясо. — Игривыя засѣданія въ московскомъ обществѣ любителей россійской словесности и остроумное сближеніе М. П. Погодина—нигилиетовъ съ Кирилломъ и Мефодіемъ.—Вновь открытый секретъ безъ всякаго труда сдѣлаться литераторомъ или сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія». — Нѣкто г. И. Родіоновъ, выдающій чужія произведенія за свои собственныя — Новые благодѣтели рода человѣческаго гг. Блокъ и Быстротоковъ. —Какъ бываютъ у насъ мировые посредники!

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

«РУССКАГО СЛОВА».

Главная Контора «РУСКАГО СЛОВА», не желая усложнять переписку по жалобамъ и требованіямъ гг. подписчиковъ, начиная съ нынѣшняго мѣсяца, рѣшилась печатать свои отвѣты вь журналѣ, въ особенномъ «отвѣтномъ листкѣ». Казенныя вѣдомства, обыкновенно требующія квитанція въ полученіи денегъ, найдутъ въ этомъ листкѣ таковыя квитанцій. На тѣ же жалобы и требованія, исполненіе которыхъ не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства, контора будетъ отвѣчать, немедленно по полученіи ихъ, особыми письмами.

Въ *Повенецъ, въ Уѣздное Полицейское Управленіе.* — Четырнадцать руб. редакціею получены; «РУССКОЕ СЛОВО» за первое полугодіе сдано въ почтамтъ 17 августа, а остальныя книжки будутъ высылаться, по срокамъ ихъ выпусковъ.

Въ *Оренбургъ, въ управленіе командующаго башкирскимъ войскомъ.*— Посланныя отъ управленія, отъ 13 декабря 1862 г. за N 2,009, деньги 7 р. редакціею получены.

Въ *Симбирскъ, г. Нероду.*—Присланные вами, въ числѣ 7 р., три р. въ пользу православныхъ школъ югозападнаго края, переданы отъ 16 августа въ ред. «Дня».

Въ *Маріинскъ г. Піатрашко.*—Недоставленная вамъ февральская книжка «РУССКАГО СЛОВА» была послана по первому адресу—въ Акмолы чрезъ Семипалатинскъ; теперь книжка этого № вторично послана вамъ по новому адр су—въ Маріинскъ.

Въ *астраханскую обществ. библіотеку.* — нварьская и февральская книжки посланы особо 22 августа, майская же—24 іюня.

Въ *Нолинскъ г. Никонову.* — Апрѣльская книжка, по увѣдомленію отъ почтамта, послана вамъ на Казань 27 мая.

Въ *Богородицкъ г. Писареву.*—Послано приложеніе за про-шлый годъ 3-й Т. Мея, 16 августа.

Въ *Серпуховъ г, Путухину.*—Жалоба ваша на несвоевременную доставку книжекъ «РУССКАГО СЛОВА» передана въ почтамтъ, для зависящихъ отъ него распоряженій косательно своевременности доставки.

Въ *Егорьевскъ г. Аллнчикову.*—Іюньская книжка, по увѣдомленію отъ почтамта, послана вамъ 26 іюня.

Въ *Павловскъ въ Зем. Дон. Войска, г Черевкову.* — Жалоба о не доставкѣ вамъ мартовской, апрѣльской и майской книжекъ передана въ почтамтъ, такъ какъ самыя книжки ня ваше имя своевременно были посылаемы въ оный.

Въ *Елецъ, г. Скуридину.*—Слѣдующія вамъ шесть книжекъ «РУССКАГО СЛОВА» за первое полугодіе, по ошибкѣ сданы были въ книжный магазинъ г. Кожанчикова, а по полученіи отъ васъ письма, сданы на почту для отправленія по сообщенному вами адресу, 27 августа.

Въ *Кишиневъ, св. Іорданскому.*—Недоставленныя вамъ книжки «РУССКАГО СЛОВА» за первое полугодіе, редакціею сданы были въ почтамтъ 25 іюля; жалоба ваша передана въ почтамтъ.

Въ *пос. Добрянки, г. Линдфорсу.*—Сочиненія Островскаго, Майкова и Михайлова, на сумму 10 р., сданы въ почтамтъ для отправленія вамъ 10 августа.

Въ *С.-Петербургъ, въ библіотеку сибирскаго гренадерскаго полка.* — Недоставленная въ библіотеку полка февральская книжка, послучаю пересылки ее по первому адресу—въ Москву, 15 августа вторично послана по новому адресу, по городской почтѣ.

Въ *г. Коленцы г-же Барковой.*—Мартовская книжка, по увѣдомленіи отъ почтамта, отправлена къ вамъ немедленно по ея доставкѣ отъ редакціи на почту.

Въ *С.-Петербургъ, библіотеку финляндскаго полка.*—Іюньская книжка отправлена въ библіотеку полка по городской почтѣ.

Въ *дер. Винцента, г. Папафинидину.*—Майская книжка, по извѣстію отъ почтамта, послана къ вамъ по ея выходѣ.

Въ *С.-Петербургъ въ библіотеку московскаго л.-гв. полка.*—Іюньска книжка послана въ библіотеку полка по городской почтѣ.

Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Ц. 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.

Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Томъ II, заимствованный изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Г. В. Есиповымъ. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Въ этомъ томѣ, между прочими документами, напечатаны буквально: Исторія объ отцехъ и страдальцехъ Соловецкихъ.—Исторія о бѣгствующемъ священствѣ.—Житіе Павла Коломенскаго.—Житіе Потемкина.—О бритіи бородъ со всѣми указами и посланіями. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Того же изданія томъ I. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

Историческія монографіи и изслѣдованія. Соч. Н. И. Костомарова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Два тома. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Новгородъ, Псковъ, Вятка. Соч. Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два тома. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Графы Никита и Петръ Панины. Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизвѣстнымъ источникамъ. Соч. П. С. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Ц 1., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

Земство и расколъ Соч. А. Щапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Выпускъ 1-й Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Три челобитныя Справщиковъ Савватія, Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. Три памятника изъ первоначальной исторіи старообрядства, изданные буквально, по древнимъ рукописямъ, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 р.

Исторія Выговской старообрядческой пустыни. Издана буквально, по рукописи Ивана Филиппова, съ соблюденіемъ его правописанія, Д. Е. Кожанчиковымъ. Большой томъ съ одиннадцатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго общежительнаго монастыря. Спб. 1862 г. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

Житіи протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Изд. по раскольнической рукописи, подъ редакціей Н. Тихонравова, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
